

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПЕРЕКРЁСТКИ ИСТОРИИ.
Актуальные проблемы исторической науки

Материалы
XV Международной научной конференции

г. Астрахань, 26 апреля 2019 г.

Издательский дом «Астраханский университет»
2019

УДК 902/904; 908; 93/94
ББК 63
П27

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Редколлегия:
Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин

Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки : материалы XV Международной научной конференции (г. Астрахань, 26 апреля 2019 г.) / отв. ред. и сост. Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин. – Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2019. – 199 с.

Конференция посвящена обсуждению наиболее актуальных проблем, стоящих перед исторической наукой на современном этапе. Материалы, представленные в сборнике, охватывают значительный хронологический интервал – от древности до наших дней – и касаются проблем источниковедения и историографии, отечественной и зарубежной истории, археологии, истории культуры, региональной истории.

Представляет интерес для историков, археологов, краеведов, студентов вузов и всех, кто интересуется историей.

ISBN 978-5-9926-1163-2

© Астраханский государственный университет,
Издательский дом «Астраханский университет»,
2019
© Тимофеева Е. Г., Тюрин А. О., составление, 2019
© Яценко Ю. А., дизайн обложки, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ

О. К. Антропов, А. Е. Грязев Генезис идеи русского бонапартизма	7
И. А. Гагин «Тень Тамерлана» и начало Великой Отечественной войны: мифы и легенды	9
А. Р. Кудияров К вопросу о понятии «город» и его отношении к Чимбаю (на примере русских источников)	13
А. Р. Кудияров, М. А. Раматуллаев Торговля в г. Чимбае (на примере русских источников)	14
А. Ж. Матжанов Фольклор узбекского народа как источник изучения истории страны	17
Ф. А. Озова Институт аманатства в российско-черкесских отношениях 1552–1829 гг.: историографический аспект	19
Н. А. Попов Историко-правовые идеи в трудах К. Д. Кавелина	23
С. С. Сайманов Сведения русских путешественников XVIII–XIX вв. о городах Южного Приаралья	24
М. К. Сейтимбетов Изучение истории коммуникационных средств передвижения каракалпаков в трудах русских ученых (конец XIX – начало XX в.)	25
Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин, С. В. Лебедев Источники по изучению истории повседневности: дневниковые записи	27
Н. У. Якупова Вклад К. Шаниязова в изучение этногенеза узбекского народа	30

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. К. Алимбетов История изучения средневековых жилищ Миздахкана	32
Д. В. Васильев, В. П. Маслов Поминальные комплексы с куриными яйцами в Нижнем Поволжье и средневековом Хорезме	34
Е. И. Винокурова Охрана археологического наследия Астраханской области в конце XX – начале XXI в.	36
Ю. Д. Гончаренко Жилища с раскопа 1 Самосдельского селища	41
И. И. Зайнутдинов Из истории астраханских татар	42
О. Л. Зяблов Фундаментные сооружения XII в. из материалов Самосдельского городища	44
П. В. Казаков История изучения археологических объектов на территории Астраханской губернии в XVIII–XIX вв.	46
Б. А. Кощанов Из Астрахани в Бухару и Хиву: генеалогия Имам Ишана	48
Д. О. Лесянский Анализ археологических памятников Астраханской области на примере Маячного бугра, Чертова городища и городища Лапас	50
А. А. Матвеев Сфероконические сосуды Самосдельского городища	52
С. С. Сайманов, А. Мамедов, С. Надирбеков В. Н. Ягодин – исследователь древней истории Приаралья	54
Р. М. Сатубалдиев Юртообразное жилище рубежа XI–XII вв. в Самосдельском городище	55
А. М. Тюрин Элементы этногенеза караногайцев по данным популяционной генетики	56
А. М. Тюрин Элементы этногенеза кубанских ногайцев по данным популяционной генетики	60
А. М. Тюрин К вопросу о расовой идентификации останков из погребения под курганом 1 могильника Линецкий III	64

Ж. Х. Хакимниязов	
Зороастрийские памятники Южного Приаралья	67
Ю. В. Шельдешова	
Поясная накладка с изображением дракона (из материалов Самосдельского городища)	69

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

И. С. Бабушкина, А. В. Чурсова	
Устав СНГ как главная правовая база для деятельности содружества	71
А. В. Бекушева	
Русско-германские отношения конца XIX в. в зеркале общественного мнения современников	73
В. А. Бирюков	
Иран в противостоянии Российской и Британской империй в XIX – начале XX в.	74
В. А. Воронина	
Роль армии в англо-французских противоречиях в XVIII в.	77
М. А. Журавлева	
Сеньориальный режим в немецких городах: сравнительный анализ частного и епископского режимов	79
Д. Д. Карабасова	
Становление и развитие Персидской империи при первых ахеменидах	81
Ю. В. Киценко	
Политика реформ и открытости в Китае: краткий обзор основных факторов	83
А. Ч. Кужахметова, С. В. Татаренко	
Международное миротворчество как современное средство достижения мира и безопасности в зонах вооруженных конфликтов (на примере СНГ)	84
К. И. Левченко	
К вопросу о юридическом закреплении раздробленности Германии в «Золотой булле» Карла IV Люксембурга	86
М. С. Лыкова	
Экономическое положение североамериканских колоний Англии как предпосылка революции	88
Д. Р. Молчанова	
Роль ост-индских торговых компаний в процессе колонизации в XVII–XVIII вв.	90
В. В. Мордасова	
К вопросам об истории изучения и структурных особенностях Lex Frisionum	92
А. Ю. Рыжкова	
Шанхайская организация сотрудничества: экономический аспект	93
И. И. Чмерук	
«Индоевропейская проблема» III–II тыс. до н. э.: вопросы прародины, миграции и хозяйственного уклада	95

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

У. К. Абсетерова	
Защита природы – это наша основная задача	97
Ж. Ж. Айтмуратова	
Значение русских культурных связей в развитии каракалпакского искусства	98
Е. А. Бурдин, К. Н. Воркова, Д. А. Лямеева	
Храмы и духовенство города спасск в XVIII – начале XX в.	101
К. Н. Воркова, Т. А. Батаева	
Проблема сохранения памятников православной архитектуры Симбирска – Ульяновска	104
Т. О. Дорджиева	
Сохранение национальных традиций в алиментарной культуре современных калмыков	106
Л. А. Шагарова	
Особенности театральной культуры Астрахани начала XX в.	108

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

О. К. Антропов, А. Е. Грязев	
Либеральная печать русского зарубежья 1920-х – начала 1930-х гг. о русском бонапартизме	111
С. Л. Бегжанова	
Задачи и содержание школьного исторического образования в годы Великой Отечественной войны	114
Е. С. Глушец, П. Г. Селиванова	
Новоогаревский процесс: проблема обновления СССР	116

Р. А. Каюпова	
Позиция России по отношению к объединению Германии	118
В. О. Кулаков	
Революционно-идеологический фактор в отношениях между Советской Россией и Ираном в начале 1920-х гг.	119
Н. И. Кулакова	
К вопросу о развитии топливно-энергетической программы СССР на Каспии (на примере строительства завода «Лотос»).....	121
И. В. Маметьев	
Причины массового дезертирства в РККА в период гражданской войны.....	123
Л. М. Муртазаева	
Депортации в СССР в период Великой Отечественной войны (терминологический аспект)	125
Р. Е. Надинов	
Сотрудничество Советского Союза и Китая в сфере образования во второй половине XX в.	128
Х. М. Отегенов	
Восстание 1916 г. в Каракалпакстане: общее и особенное	131
С. А. Сулайманов	
Аральская флотилия во второй половине XIX в.	134
А. В. Чамара	
«Чернодосочный режим» в станице Уманской Кубанского округа.....	136

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н. В. Баландина	
Законодательная инициатива граждан (на примере Астраханской области)	139
Ю. Н. Безбородова	
Преступность и ее влияние на повседневную жизнь городского населения в период революционных потрясений 1917 г. (на материалах г. Астрахани)	140
Е. И. Винокурова	
К проблеме заселения территории Астраханского края в XIX – начале XX в.	142
А. В. Демин	
Система образования в Астраханском казачьем войске	144
А. А. Дорофеева	
Кампания по изъятию церковных ценностей в Астраханской губернии (работа Второй комиссии)	147
Д. Е. Егоров	
Астраханская милиция в борьбе с преступностью в годы Новой экономической политики	149
В. В. Имамдинов	
Особенности хозяйственного положения крестьян Астраханского уезда Астраханской губернии в конце XIX – начале XX в.	151
Е. А. Козина	
Развитие целлюлозной промышленности в Астраханской области во второй половине XX в.	153
Е. Г. Крылова	
Деятельность государственных органов по борьбе с бандитизмом в 1920–1930-х гг. (на примере Астраханской области)	154
Е. В. Кутепова, И. В. Кучерук	
Специфика деятельности РПЦ в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской губернии)	157
Т. А. Левина	
Краснознаменный выпуск врачей в Астраханском государственном медицинском институте им. А. В. Луначарского. Год 1937	159
Т. В. Михнова	
Условия труда и материально-бытовое положение преподавателей высшей школы г. Астрахани в период «хрущевской оттепели»	165
А. И. Первушкина	
Нижневолжский фронт и его характерные черты.....	167
Р. Н. Пирова	
Персидский импорт через астраханский порт в XVIII в.	170
М. И. Полякова	
Церковно-государственные отношения в 40-х – начале 50-х гг. XX в. в Астраханской области. Движение православных верующих за возвращение храмов и открытие новых приходов (на основе документов ГКУ АО «Государственный архив Астраханской области»)	172

О. Л. Синенко

Преобразование условий зачисления в войсковое сословие Астраханского казачьего войска в период 1737–1883 гг.	175
---	-----

И. В. Торопицын, Ж. Б. Кундакбаева, Д. А. Сусеева

Енотаевская крепость в свете российско-калмыцких взглядов на проблемы безопасности и экономического развития в Нижнем Поволжье	178
--	-----

С. Н. Чуканов

«Астраханский листок» в первый месяц Первой мировой войны	182
---	-----

Р. Т. Шангалиев

Религиозная жизнь мусульманских общин г. Астрахани в XVIII – начале XX в.	185
--	-----

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

С. Р. Алиханова

Актуальные проблемы методики преподавания исторической науки иностранным студентам	188
--	-----

Е. Ю. Захарова

Патриотическое воспитание в школе	189
---	-----

Д. В. Меретина

Методические модели применения местных мифов и легенд на уроках краеведения в 5–6 классах образовательных учреждений Астраханской области	190
---	-----

А. В. Никитина

Культуроцентричность – основа модернизации современного школьного образования	193
---	-----

Н. Н. Сагитова

Способы активизации познавательного интереса обучающихся на уроках истории	195
--	-----

Г. С. Уразакова

Деловая игра как способ формирования правовой компетентности подростков	197
---	-----

ГЕНЕЗИС ИДЕИ РУССКОГО БОНАПАРТИЗМА

Антропов Олег Константинович,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань,*

Грязев Антон Евгеньевич,

*магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Существуют различные определения и трактовки понятия «бонапартизм». Единого определения этого термина нет. В советской исторической литературе бонапартизм трактовался следующим образом: «Бонапартизм – это контрреволюционная диктатура крупной буржуазии, опирающаяся на военщину и реакционно настроенные слои крестьянства и лавирующая между борющимися классами в условиях неустойчивого равновесия классовых сил; сочетает демагогию с политикой наступления на демократию и революционное движение» [1, с. 157]. Современная либеральная российская историография определяет бонапартизм менее категорично: «Бонапартизм – исторически можно определить, как форму военно-политической диктатуры, проводящей политику лавирования между классами. В более узком смысле – политическое течение, ориентированное на династию Бонапартов, которая прекратилась к концу XIX в. Три фундаментальных признака бонапартизма: контроль над государственной машиной (или стремление установить его), опора на армию (или использование её в качестве политической силы), демагогические заявления о быстром и безболезненном решении социально-классовых проблем (или уверения в заботах о «наиболее обиженных») – позволяют характеризовать бонапартизм как политику, порождённую Наполеоном I и полностью выявленную Наполеоном III, политику авторитарного разрешения революционной ситуации.

Хотя указанные устои бонапартизма отчётливо просматриваются на протяжении всей политической истории человечества – достаточно вспомнить имперский Рим, где практика заигрывания с толпой и использование голых сил в политике проявлялись довольно ясно – термин бонапартизм употреблялся для характеристики политических структур лишь в XIX – первой половине XX в. Его черты были характерны для политического курса О. Бисмарка, П. А. Столыпина» [2, с. 33]. Из вышеприведённых высказываний следует, что бонапартизм – это государственная форма диктатуры буржуазии в условиях буржуазной революции и форма коммунистической диктатуры в условиях социалистической революции. Бонапартизм – это режим личной власти в условиях хрупкого равновесия сил в обществе после завершения революции, более того, бонапартистский режим – это итог любой революции. Задача бонапартистского режима превратить хрупкое равновесие в стабильность и создать условия для устойчивого экономического роста и улучшения материального положения населения. Иными словами, бонапартизм – это форма государственной власти переходного периода, но не только. Это методы управления, стиль политического поведения общенационального лидера, стереотип поведения его соратников, это определённая психология политического лидерства.

Форма бонапартистского режима может быть любой. Она зависит от исторических традиций народа, его политической культуры, от господствующей в обществе религии, от расстановки политических сил в стране и противоречий в политической элите, от личности претендента и внешнеполитических условий развития страны. Бонапарт всегда воспринимается народом как спаситель Отечества. Бонапартизм как исторический феномен нельзя приравнивать к монархии, хотя сам Наполеон I пытался основать свою императорскую династию, но затея не удалась. Бонапартизм – это не монархия с династическим престолонаследием. Это скорее система пожизненного верховного правления. Бонапарт – это пожизненный верховный правитель, общенациональный вождь, носитель общенациональной идеи, создатель новой государственной идеологии и символ суверенитета страны. Власть Бонапарта носит надклассовый характер, во всяком случае, в данном виде её представляет и воспринимает большинство граждан. Бонапарт – это вождь народа, в XX в. он именно так и представлялся.

Часть историков полагает, что бонапартизм – не особая форма государственной власти, а совокупность методов политического лавирования в условиях неустойчивой стабилизации общества или в начале такой стабилизации, т. е. бонапартизм – это политика, способ осуществления власти. Бонапартизм использует те формы государственной власти и институты, которые сложились в период революции, но наполняет их новым содержанием. Ни Наполеон I, ни Сталин ничего принципиально нового в государственную систему не вносили, республиканские институты сохранялись. В XX в. все диктаторские режимы в той или иной степени политику бонапартизма проводили.

Таким образом, в научной литературе выделяются следующие особенности политики бонапартизма. Во-первых, формально надклассовая, надпартийная государственная политика. Бонапартисты всегда заявляли, что бонапартистский режим выражает и защищает интересы всего народа, выступает арбитром в противоборстве враждебных сил в обществе. Реально бонапартистский режим выражает всегда волю господствующего класса. Во-вторых, бонапартистский режим – это режим личной власти вождя народа. Характер этой власти диктаторский. В-третьих, в целях стабилизации социально-экономической ситуации бонапартистский режим проводит социальную политику. Её целью является борьба с бедностью, повышение образовательного и культурного уровня населения, развитие системы здравоохранения и т. д. Всё это для создания максимально широкой социальной базы бонапар-

тистского режима. В-четвёртых, гибкость политики, готовность к компромиссам, быстрая смена лозунгов и девизов, популизм, апелляция к порядку в обществе, дисциплине населения. В-пятых, манипуляция общественным мнением, широкое использование провокаций, неразборчивость в политических средствах для удержания власти. В-шестых, опора на армию, полицию и спецслужбы, решимость и готовность использовать любые виды насилия для удержания власти. При определённых условиях бонапартистский режим является инициатором и орудием модернизации страны. Правомерно говорить о бонапартистской модели модернизации страны.

В XIX в. в России бонапартизм существовал в литературно-художественной, поэтической форме и носил романтический характер. Это был «салонный» бонапартизм, своеобразная дань европейской моде на великую личность. Наполеону Бонапарту симпатизировали лорд Байрон, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Адам Мицкевич и др. В 1870-х гг. о русском Бонапарте и бонапартистской системе мечтали революционеры-народники, русские бланкисты – Пётр Ткачёв и Пётр Зайцевский. В оппозиционной самодержавию прессе 1870–1880-х гг. проскальзывали мысли о том, что на роль русского бонапарта мог претендовать один из трёх генералов – Скобелев, Чернов, Ростислав Фадеев.

Политический бонапартизм в России возник в первые десятилетия XX в. В 1907 г. в Петербурге возник литературно-философский кружок поклонников французского императора Наполеона I. Вдохновителями и лидерами этой творческой организации или кружка по интересам стали Борис Савинков, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. В 1913 г. Д. Мережковский пишет эссе «Святая Елена» – манифест русского дореволюционного бонапартизма. В 1916 г. «Религиозно-философское общество» утверждало, что в его среде немало бонапартистов и его деятельность пропитана идеями бонапартизма. В преддверии революции 1917 г. Борис Савинков самонадеянно заявлял, что готов в случае необходимости во имя спасения Отечества в период революции исполнить роль русского бонапарта.

Однако реально бонапартизм отчасти воплотился в постреволюционной деятельности премьер-министра России П. А. Столыпина. Политику Столыпина в крестьянском вопросе и всю его реформаторскую деятельность вождь большевиков В. И. Ленин назвал «аграрным бонапартизмом», т. е. политикой лавирования между крестьянством и помещиками, между буржуазией и дворянством и стремлением создать социальную базу царизму в среде частновладельческого крестьянства-фермерства, вышедшего из сельской общины [3, с. 329]. В период Февральской революции правые круги предполагали выдвинуть в августе 1917 г. главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова, однако по известным причинам корниловский мятеж провалился, и русский бонапартизм не состоялся. А. Ф. Керенский не хотел выпускать из своих рук возможность самому стать русским бонапартом.

В годы гражданской войны в России носителем идей бонапартизма считала себя антибольшевистская офицерская организация «Союз защиты Родины и свободы» и его лидер известный эсер-террорист Б. В. Савинков. Помимо Б. В. Савинкова на роль русского бонапарта могли претендовать командующие белогвардейскими войсками, прежде всего адмирал А. В. Колчак и генерал П. Н. Врангель. Адмирал Колчак был ставленником США, под давлением англо-саксонских масонских кругов он был провозглашён Верховным правителем России, т. е., по сути, русским бонапартом, однако надежд своих покровителей не оправдал, русский народ его не поддержал.

В начале 1920-х гг. среди русской политической эмиграции возобновились обсуждения в печати вопросов, связанных с русским бонапартизмом. Значительная часть эмигрантов утверждала, что в условиях изгнания не корректно использовать термин русский бонапартизм. Однако в среде либеральной и социалистической интеллигенции идея русского бонапартизма была по-прежнему популярна. В отношении СССР термин русский бонапартизм не использовался, в начале 1920-х гг. мало кто из эмигрантских идеологов допускал мысль, что возможен советский бонапартизм.

В первой половине 1920-х гг. на роль русских бонапартов в изгнании претендовали правый эсер, бывший председатель Временного правительства А. Ф. Керенский и неугомонный правый эсер Б. В. Савинков, бывший военный министр в правительстве Керенского. Характерно, что никто из белогвардейских генералов и главнокомандующих на роль русского бонапарта не претендовал.

В эмиграции бонапартистскую идею продолжали развивать Мережковский, Гиппиус, Философов, Савинков. Наибольшую активность в этом отношении проявляла Зинаида Гиппиус, которая постоянно стимулировала творческую активность Мережковского и Философова. Под её влиянием Д. Мережковский пишет в 1929 г. политический памфлет «Наполеон». Помимо З. Гиппиус страстной бонапартистской была Марина Цветаева, которая мечтала, что русский бонапарт спасёт историческую Россию. Для обоих бонапартизм был не политикой, а «атакующей поэзией», интеллигентским романтическим увлечением, весьма опасным.

В эмиграции военный период существования русского бонапартизма был очень кратким (1920–1921 гг., некоторые авторы указывают 1920–1923 гг.) и был связан с именами Б. В. Савинкова и Булак-Балаховича. В эмиграции Б. В. Савинков возглавил «Русский политический комитет» в Варшаве и воссоздал террористическую организацию «Народный союз защиты Родины и Свободы». В начале 1920-х гг. в Польше объявился ещё один претендент на роль русского бонапарта – полковник Булак-Балахович, который создал военное формирование «Народно-добровольческую армию». Булак-Балахович был лидером Белого движения в Белоруссии, в основном на территории Мозырского уезда. К середине 1920-х гг. Булак-Балахович стал позиционировать себя как белорусский бонапарт, в то время как Симон Петлюра мнил себя украинским бонапартом. Все претенденты на роль русского бонапарта с брезгливостью и презрением отзывались о А. Ф. Керенском. К середине 1920-х гг. после ареста Б. В. Савинкова и его гибели в тюрьме НКВД, попытки определить русского бонапарта в эмигрантской среде прекратились.

В отличие от военных в интеллигентской эмигрантской среде необонапартизм просуществовал дольше. Группа сторонников Д. Мережковского и З. Гиппиус создала в Париже необонапартистскую организацию «Союз непримире-

мых», которая тихо просуществовала до конца 1930-х гг., ничем особенным себя не проявив и не пытаясь выдвинуть из своей среды очередного кандидата в русские бонапарты.

Впервые о русском бонапартизме как неизбежном завершающем этапе социалистической революции ещё в начале XX в. заявил социал-демократ, меньшевик П. Аксельрод. Он говорил, что «...большевизм по своей природе является бонапартистско-бюрократическим движением, во главе которого, в силу его бюрократической сути, может легко оказаться идол, подобный Наполеону» [4, с. 204].

Другой меньшевик Ф. Дан, незадолго до смерти В. И. Ленина, писал об опасности установления в России бонапартистской диктатуры в форме режима личной власти одного из вождей Октябрьской революции и лидера правящей коммунистической партии. Ф. Дан, отмечая явные признаки эволюции коллективной партийной диктатуры в режим личной власти, заявлял, что в РКП(б) есть немало лидеров, мечтавших стать «Наполеоном русской революции». Ф. Дан писал: «В Советском Союзе уже идёт вербовка враждебно настроенных к демократии “бонапартистских кадров” из рядов командующих Красной армии и высшего чиновничества. Во вторую очередь должна быть завербована “старая и новая буржуазия”. Рождающийся бонапартизм попытается ликвидировать диктатуру рабочего класса, лавируя между армией и буржуазией» [5, с. 8]. Для Ф. Дана новая буржуазия – это советские нэпманы, а старая буржуазия – эмигранты. Он не понял природы советского бонапартизма и провёл аналогию с режимом Наполеона III во Франции 1850–1860-х гг. и СССР 1920-х гг. Сталинский бонапартизм – это социалистический, а не буржуазный бонапартизм, а Конституция СССР 1936 г., закрепившая построение социализма в нашей стране, – не Гражданский кодекс Наполеона Бонапарта. Однако первые шаги к изучению вопроса о русском бонапартизме были сделаны.

Список источников и литературы

1. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1988.
2. Политология. Энциклопедический словарь / общ. ред. Ю. И. Аверьянов. М.: Московский коммерческий ун-т, 1993.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20.
4. Суомела Юлитта. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы. СПб: Издательский дом Коло, 2004.
5. Дан Ф. Удар по демократии // Социалистический вестник / ред. Ф. Дан. Берлин, 1924. № 5, 8 марта.

«ТЕНЬ ТАМЕРЛАНА» И НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ

Гагин Игорь Анатольевич,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет», г. Рязань*

Бытие народов определяется через единство трех реальностей: субъективной, объективной и исторической. Субъективная реальность – это мысли, идеи, верования, порожденные человеческим сознанием и через людскую деятельность объективированные в той реальности, которая представлена бесконечным количеством предметов и явлений, составляющих нашу действительность. Историческая реальность объединяет деятельность народов в исторической перспективе, так как люди, пользуясь знаниями предшествующих поколений, создают новое, двигаясь дальше в бесконечном процессе становления и развития. Без прошлого нет будущего. То, что было, то, что есть и то, что будет, связано воедино. Знать прошлое – значит уметь сохранить настоящее и не потерять будущее.

Прошло чуть более семидесяти лет, когда главный идеолог нацизма Йозеф Геббельс цинично отметил: «Если хочешь победить народ – отними у него его историю». Сегодня на примере Украины мы видим правоту этого высказывания. Ее историю не просто исказили, ее преднамеренно фальсифицировали, сделав в ней главными врагами украинцев родственный русский народ. Как опять же высказывались искреннейшие геополитические враги нашей страны: «Если хотите ослабить Россию – оторвите от нее Украину». За двадцать с небольшим лет «незалежности» Украины западные идеологи сумели вбить в головы украинцев такую историю, которая не соответствует исторической реальности и является разрушительной для будущего украинского народа.

Историческая правда все равно прорывается в определенный момент развития страны. И давно ушедшее в небытие прошлое может проявиться вдруг так остро, что пораженные современники начинают мистифицировать произошедшее. В данном контексте зададимся вопросом: как можно, например, привязать имя средневекового среднеазиатского эмира к началу Великой Отечественной войны? Казалось бы, человек, родившийся в первой половине XIV (1336 г.) и умерший в начале XV (1405 г.) столетий, никоим образом не связан с веком XX-ым, тем более началом Отечественной войны. Но, как оказалось, связан, и очень поучительно. Через легенды, верования, мифы он оказал определенное воздействие на умы лидеров СССР перед началом войны. И сегодня в Узбекистане верят, что в мавзолее Гур Эмир, где покоятся останки Тамерлана, живет дух Войны. Если его побеспокоить, непременно разразится великая война.

Имя эмира по-тюркски звучит как Амир-Тимур (Железный повелитель), по-персидски – Тимур-лонг, в европейской интерпретации – Тамерлан, на Руси этот среднеазиатский правитель был известен как Темир Аксак – Железный Хромец. Так кто же он – великий полководец, заботящийся о каждом из своих подданных; строитель, оставивший о себе прекраснейшую память в виде архитектурных памятников; мудрый правитель, добившийся процветания своего государства, покровитель поэтов и ученых, или все-таки безжалостный разрушитель, по приказу которого были стерты с лица земли тысячи населенных пунктов, убийца, оставивший в покоренных землях память о себе

в виде пирамид из человеческих голов, превративший десятки тысяч свободных людей в рабов? Как ни странно, и то, и другое. В нем диалектически сочетались эти, казалось бы, совершенно несовместимые противоречивые качества.

Биография Тимура известна по двум типам повествовательных источников: первые носят характер официозный, апологетический (apologu – защита; произведения, носящие характер защиты каких-либо взглядов) и отличаются пристрастием и склонностью излагать события в пользу Тамерлана. Вторые принадлежат авторам, никак не связанным с придворной жизнью Тимура, поэтому в этих произведениях выражена их собственная точка зрения. Следует отметить, что ниже будут рассмотрены далеко не все источники, а только те, которые связывают Тамерлана с событиями, происходившими в 80–90-е гг. XIV в. на российской территории.

К первым относятся уже названные выше придворные писатели Низам-ад-дин Шахи и Шереф-ад-дин Иезди. Оба они являются авторами биографии Тимура с одинаковым названием «Зафар-Намэ» – «Книга побед». Сочинение Шереф-ад-дина Иезди было написано уже после смерти Тимура, приведено в нем больше фактического материала, чем у Низам-ад-дина Шахи. Объясняется это тем, что Шереф-ад-дин Иезди использовал такие источники, которые Низам-ад-дин Шахи при написании «Книги» не применял [7, с. 6–8]. «Книга» Шереф-ад-дина Иезди написана высокопарным, витиеватым языком, переполнена стихами и цитатами из Корана. Для примера приведем небольшой отрывок из описания им битвы на Кондурче: «...Мирза Мираншах, разгорячив коня, подобного горе скачущей по равнине, кровью храбрых придав хризолиту сабли цвет рубина, а изумруд меча под влиянием крови, как свет звезды Канопус, превратил в йеменский сердолик...» [4, с. 349]. И в подобном духе практически все жизнеописание Тимура.

Ко вторым относятся большой труд по истории Тимура, составленный на арабском языке Ибн Арабшахом, и дневник посла кастильского короля ко двору Тимура Рюи Гонзалеса де Клавихо. Сочинения обоих авторов являются ценнейшими источниками о юности и молодых годах Тимура. Подробные данные в официозной историографии отсутствуют и это вполне объяснимо, так как годы юности полководца и ранней молодости были полны событиями, которые компрометировали правителя. Извращать факты официозная историография не хотела, почему и предпочитала первые 25 лет жизни Тимура вычеркнуть из его биографии.

Еще одним независимым источником, давшим ценные данные о молодых годах Тимура, является русская летопись. Как писал А. Ю. Якубовский, «русская летописная историография XV–XVI вв. хорошо была осведомлена как о событиях в Золотой Орде XIV–XV вв., политической жизни Средней Азии, связанной с деяниями царя Темир-Аксака XIV–XV вв., так и об историко-географических представлениях о Ближнем Востоке» [7, с. 11]. Скорее всего, источником летописца могли быть какие-то сведения, полученные от золотоордынского респондента. На Руси Тимура знали под именем Темир Аксак. «Темир», «темир» – в тюркских языках «железо», аксак – «хромец». Это кипчакский эквивалент имени среднеазиатского правителя. Бесспорно, что и Ибн Арабшах, и Клавихо, и составитель Никоновской летописи пользовались независимыми друг от друга источниками, что может служить доказательством достоверности событий, которые умалчивают официальные биографы Тимура.

Тимур относится к плеяде исторических деятелей, личность которых неоднозначна, о деяниях которых спорили раньше, спорят сейчас и, несомненно, будут спорить в будущем. Самое главное, что при этом одни выделяют позитивные аспекты их деятельности, другие – только негативные, а если стараются подходить к их поступкам объективно, то все равно, возможно даже не желая этого, сползают на ту или иную позицию. Впрочем, все эти бесконечные дискуссии подтверждают бесспорную истину: такие индивидуальности, как Чингиз-хан, Тамерлан, Иван Грозный, Иосиф Сталин, умудрялись одновременно внушать ужас и неестественную любовь, так как были незаурядными судьбоносными фигурами, являвшимися порождением противоречивых эпох и оставившими неизгладимый след в истории человечества.

Неоднозначность позиций о роли Тимура в истории, в первую очередь, Средней Азии, Закавказья и России нужно связывать с осмыслением относительности восприятия его деяний народами этих стран. Для подвергшихся разорительному нашествию туменов Тамерлана он, естественно, – отрицательная личность. Неслучайно армянские, арабские, русские источники освещают деятельность этого среднеазиатского полководца преимущественно с негативной стороны. Но другое дело – Средняя Азия, родина Тамерлана. Здесь его роль оценивается, в основном, только положительно. Преодоление междоусобиц и создание централизованного государства, значительное развитие земледелия и ремесла, расцвет внутренней и внешней торговли, науки и литературы, создание монументальных архитектурных сооружений – таков далеко не полный перечень того, что сделал Тамерлан для Мавераннахра.

Другими словами, Тимур был благодетелем исключительно для территории, которую считал своим домом, остальные земли он использовал как буферные, служившие прослойкой между Мавераннахром и более-менее сильными соседями, и сырьевые, из которых черпались материальные и людские ресурсы. Конечно, он совершал походы и на более отдаленные территории: в Иран, Индию, земли Золотой Орды, юг Рязанского княжества, Северный Кавказ, готовил грандиозный поход на Китай. Вполне взвешенная и логичная позиция государственного деятеля и воителя средневековой эпохи, которую ни в коем случае нельзя осуждать с позиций современной морали. Эти походы были необходимы для пополнения казны и обеспечения армии. Солдат должен воевать, иначе он перестанет быть солдатом и должен иметь добычу, иначе у него не будет заинтересованности. Такова дилемма той эпохи и психология воина-степняка, из которых состояла основная часть армии Тамерлана [3, с. 25].

Тимур воевал всю жизнь. В 1402 г. при Анкаре произошла одна из самых грандиозных битв того времени. Могущественный османский султан Баязед был наголову разбит и взят в плен. А. Ю. Якубовский считает, что Тимур, сам того не подозревая, оказал огромную услугу европейским народам. «Победа при Анкаре в 1402 г. и пленение Баязеда почти на 50 лет отсрочили завоевание турками-османами Константинополя» [7, с. 36].

Тимур умер во время затеянного им грандиозного похода на Восток, в г. Отраре, остатки которого находятся в Казахстане, в районе железнодорожной станции Тимур. Из сочинения Рюи Гонзалеса де Клавихо мы знаем, что полководец перед отправлением в поход на Китай выглядел очень старым. При приеме посланников он сказал им, «чтобы они придвинулись ближе для того, чтобы рассмотреть их хорошенько, потому что он не хорошо видел и был уже так стар, что почти не мог поднять веки» [5]. Тимуру исполнилось 69 лет – для той эпохи вполне преклонный возраст. Достаточно было ничтожной причины для того, чтобы вызвать его смерть. Но если учесть, что Тимур всю жизнь провел в седле, скорее всего, он был крепким человеком, так что дело не в старости, а в недуге. По мнению Ибн-Арабшаха, причиной, ускорившей смерть Тимура, было вино, принятое им в Отраре для согревания. Биографы Тамерлана уверяют, что он никогда не злоупотреблял спиртными напитками. Так что выпитое вино просто ускорило процесс, который неизменно вел к логическому концу. Сам Тимур сказал окружающим его соратникам, что ему осталось видеть их всего два дня. Он чувствовал свою кончину. Тело его было доставлено в Самарканд и нашло упокое, как считает большинство исследователей, в мавзолее Гур-Эмир. Впоследствии здесь будут захоронены дети, внуки и правнуки Тимура, правившие в Средней Азии после него.

Однако существовали и другие версии захоронения полководца. Историк и знаток древних языков Востока А. А. Семенов полагал, что Тимур погребен в древнем городе Отрар, располагавшемся в среднем течении р. Сыр-дарьи и просуществовавшем до середины XVI в. Узбекский историк и математик Ташмухамед Кары-Ниязов был уверен, что могилу Тимура следует искать в древнем афганском городе Герате, основателем которого считался Александр Македонский. Туда, по мнению ученого, скончавшегося Тамерлана тайно отвез его сын Шахрух.

Согласно четвертой гипотезе, Тимур похоронен в Узбекистане, в своем родном городе Кеш, или Шахрисабз, где ранее эмир повелел построить великолепный мавзолей для своих отца и матери. В подземной части этого мавзолея был установлен специальный саркофаг, закрытый мраморной плитой весом три с половиной тонны. Что находится внутри саркофага до 1941 г. еще никто не знал.

Но ученые волновал не только вопрос, где же в действительности захоронен Тимур. Для большинства он был решен в пользу Самарканда. В. В. Бартольд очень подробно в одном из своих исследований, специально посвященных погребению Тимура, рассмотрел источники, подтверждающие версию захоронения полководца, может и не в Гур-Эмире, который в это время строился, но в одном из мавзолеев Самарканда, с последующим переносом останков именно в Гур-Эмир [1, с. 423–454].

В этом оставалось только убедиться, а для этого необходимы археологические исследования. Были и другие, не менее важные вопросы, связанные с тайнами мавзолея Гур-Эмир. Так, в частности, известный в 1920-е гг. археолог М. Е. Масон, в 1929 г. подал в СНК УзССР записку, в которой предложил организовать вскрытие могилы Тамерлана. К записке прилагался отчет самаркандского инженера М. Ф. Мауэра: «Магнитные наблюдения 1925 г. над могилой Тамерлана подтвердили наличие в ней большого парамагнитного стального тела и других металлических предметов» [6]. Не золотых и серебряных украшений, а нечто вроде полых объектов... Чем не повод для вскрытия? Тем более что в Самарканде всегда ходили слухи о таинственном свечении, порой возникающем над гробницей.

Существует версия о том, что организованная И. В. Сталиным экспедиция в первую очередь была нужна для того, чтобы отыскать сокровища Тамерлана, которые помогли бы в грядущей войне против гитлеровской Германии. И. Л. Бунин в книге «Золото партии» отметил следующее: «Поставленная Сталиным задача концентрации всего золота, платины и драгоценных камней в руках государства продолжала энергично выполняться. Если в самой России и на Украине к середине 30-х годов были уже перепаханы все кладбища и вскрыты практически все могилы в надежде найти золотые часы или вставную челюсть, то на территориях среднеазиатских республик подобные мероприятия до поры до времени не проводились» [2].

Вероятнее всего, все озвученные версии, тем или иным образом, необходимо учитывать при рассмотрении вопроса о целесообразности начала археологического исследования мавзолея Гур-Эмир в Самарканде. 21 марта 1936 г. Сталину был представлен доклад о целесообразности назначения экспедиции для проведения раскопок захоронения Тамерлана. Однако экспедиция была назначена значительно позже – только в 1941 г.

Идея вскрыть усыпальницу Тимуридов возникла в Комитете Навои (в СССР в 1941 г. 500-летие великого поэта и философа отмечалось на государственном уровне). Алишер Навои воспитывался вместе с детьми тимуридских детей, дружил с султаном Хусейном, будущим владыкой Хорасанского государства и тоже поэтом. В связи с юбилеем Навои был всплеск научного интереса к средневековому прошлому Средней Азии. Узбекский филиал Академии наук хотел убедиться в насильственной смерти внука Тимура – великого просветителя Улугбека; одновременно проверить версию, что Тимур захоронен в мавзолее Гур-Эмир. Правительство СССР разрешило вскрытие, несмотря на неоднозначное отношение к такому «надругательству» местного населения.

Возглавил экспедицию видный узбекский историк и математик, впоследствии академик и президент Академии наук Узбекистана, Ташмухамед Кары-Ниязов. В состав экспедиции вошли: историк и знаток древних языков Востока А. А. Семенов; известный ленинградский археолог, антрополог и скульптор М. М. Герасимов – создатель уникального метода восстановления внешнего облика людей на основе скелетных остатков; таджикский писатель, ученый и общественный деятель Айни (настоящее имя – Садриддин Саид-Муродзода) – будущий первый президент Академии наук Таджикистана, а также четыре кинооператора, которые должны были запечатлеть на пленке основные этапы и результаты работы экспедиции. В качестве одного из операторов на раскопки поехал 28-летний Малик Каюмов, впоследствии известный режиссер документального кино, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР и премии «Ника-91» в номинации «Честь и достоинство».

На гробнице Тамерлана помимо множества его имён было выбито предостережение желающим вскрыть саркофаг. 17 июня востоковед А. А. Семенов перевел смысл надписи, которая гласила: «Все мы смертны. Пройдет время, и мы уйдем. До нас были великие и будут после нас. Если же кто возгордится и вознесется над другими или потревожит прах предков, пусть постигнет его страшная кара». Такого типа предостережения – не редкость на саркофагах восточных властителей древности и средневековья. По глубокому убеждению современников эти письмены могли спугнуть осквернителей могил. Руководство экспедиции принимает решение открыть гробницу 21 июня 1941 г.

В перерыве между работами по вскрытию гробницы к М. К. Каюмову подошли старики и поинтересовались, как продвигается дело. Старцы показали оператору книгу, в которой было написано, что, если открыть гроб Тимура, начнется война. После встречи со стариками гробницу всё-таки вскрыли: бальзамированное тело сохранилось плохо – остались только кости. Человек, лежавший в гробу, был высокого роста, с большой головой. Голень была изувечена, один из спинных позвонков, как у всех Тимуридов, деформирован. У учёных не было сомнений: перед ними лежал Тамерлан!

Радостные, археологи отправились в гостиницу, где следующим утром по радио услышали печальные вести: началась Великая Отечественная война. У участников экспедиции был шок, сразу же все вспомнили о таинственных стариках и их книге. Попытались найти – тщетно. Не смогли помочь даже местные жители. Учёным ничего не оставалось, кроме как спешно сворачивать лагерь, брать добытые экземпляры и ехать в Ташкент.

Через некоторое время М. К. Каюмов попал на фронт в качестве военного оператора. Мысль о гробнице и предостережении стариков не давала ему покоя, поэтому он всячески пытался сообщить о таинственных событиях начальству. Ему удалось встретиться с Г. К. Жуковым, который, выслушав кинооператора, пришел к убеждению, что останки Тимура и его родственников необходимо вернуть обратно и перезахоронить. Не сразу, но Сталин был извещен. М. М. Герасимову было предписано форсировать работы с черепом Тимура для воссоздания его облика. Благодаря труду антрополога мы сегодня знаем, как приблизительно выглядел один из величайших полководцев средневековья.

Останки Тимура и его родственников (Шахруха, Улугбека, Мухаммадсултана, Мираншаха) были погребены в Самарканде 20 декабря 1942 г. Советские войска будто бы только этого и ждали, через считанные дни, освободив Сталинград. Кто-то в этом обязательно увидит мистический знак и ни в коем случае не станет считать это просто совпадением.

Примерно так излагается этот сюжет о гробнице Тамерлана и начале Великой Отечественной войны в документальном фильме «Проклятие Тамерлана» (2004 г.). Фильм был снят режиссером Александром Фетисовым по воспоминаниям известного узбекского кинематографиста, народного артиста СССР М. К. Каюмова. И вот что важно: М. К. Каюмов – один из участников той самой экспедиции 1941 г., вскрывшей могилу великого завоевателя. Тогда он был молодым оператором Ташкентской киностудии и снимал на пленку подробности необычной работы ученых. Логика кинофильма подсказывает зрителю приблизительно следующее: конечно, все это – лишь цепочка мистических совпадений; но, может быть, вняв предупреждению, удалось бы избежать войны?

Говоря о совпадении времени захоронения и «первой» советской победы, М. К. Каюмов не упоминает про победу в битве за Москву, тем самым подгоняя историю под свой собственный рассказ. Таким образом, нельзя слепо доверять фильму «Проклятие Тамерлана», порой разыскивая совпадения и мистические предопределения там, где их может и не быть. Так поступать с историей очень опасно: скоро может получиться, что именно вскрытие гробницы Тамерлана будет считаться причиной Великой Отечественной войны. Такой подход губителен для понимания объективных исторических процессов. В то же время, случай вскрытия гробницы, где по легендам захоронено абсолютное зло, именно накануне войны, несмотря на предостережения, довольно интересен и заслуживает внимания. Смотреть на него можно под разными углами. Главное, ничего не перепутать и не напридумывать того, чего не было и в помине.

Список источников и литературы

1. Бартольд В. В. О погребении Тимура // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1964. Т. 2, ч. 2 / отв. ред. Б. Г. Гафуров. 658 с.
2. Бунич И. Л. Золото партии. URL: <http://lib.ru/HIST/BUNICH/zoloto.txt>.
3. Гагин И. А. Роль Тимура в сокрушении Золотой Орды // Российский научный журнал. 2008. № 1 (2). С. 16–29.
4. Золотая орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские источники: сб. мат-лов, относящихся к истории Золотой Орды в переводах В. Г. Тизенгаузена; сост., введ. ст. и комм. Р. П. Храпачевского. М.: Наука, 2003. 448 с.
5. Луи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Klavicho/frameset4.htm>.
6. Пророчество Тамерлана. URL: <http://magic-daily.com/posts/view/1159>
7. Тимур / А. Ю. Якубовский [и др.]; под ред. А.Ю. Якубовского // Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния. М.: ГУРАШ, 1992. 252 с.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ГОРОД» И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ЧИМБАУ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ИСТОЧНИКОВ)

Кудияров Алишер Раметуллаевич,

кандидат исторических наук, доцент,

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,

г. Нукус, Республика Узбекистан

В определении критерия города существуют различные версии. Одни авторы считают, что главным признаками города является численность горожан, другие – наличие постоянной торговли и т. д. По мнению А. Ю. Якубовского, изучение вопросов образования и развития городов в древности и средние века невозможно провести на основании одних только письменных источников. Без привлечения вещественных памятников и, прежде всего, самих городов, во всем их материальном облике (в целом ли виде или в развалинах) невозможно изучить ни один большой вопрос исторической жизни городов [9, с. 3]. «Одним словом, – писал А. Ю. Якубовский, – увеличивающееся количественно, феодализирующееся, ставшее в IX в. уже повсюду мусульманским, городское общество резко изменилось. Крупные земледельцы считали для себя выгодным иметь в городе лавки на базарах, торговые ряды, крытые куполом помещения в центральных частях базара, караван сарай, которые были складами товаров и постоянными дворами для приезжих купцов, их слуг и вьючных животных и т. д. Усилился в господствующем классе слой купцов, многие из которых по-прежнему еще держали связь с землевладением в смысле личной земельной собственности в городе и за его пределами: выросло число ремесленников, живших в отдельных махаллах, соответственно своим производством... Вместе с тем менялась роль городов и в политическом отношении: города переставая быть столицами отдельных владений, становились центрами больших наместничеств, вилайетов и рустанов, в которых жили чиновники разных рангов и титулами эмиров и хакимов» [9, с. 15].

В центре такого феодального города находится главная базарная площадь – крытые крышами базарные улицы, кварталы торговцев и ремесленников, исторически выросшие на производстве. Здесь же, в центральных частях города, возводятся дворцы правителей, здания диванов, мечети, медресе, а дальше ближе к окраинам караван сарай и т. д., целые кварталы занимают высшие слои горожан – феодалы, купцы светские и духовные чиновники и т. д. [9, с. 16].

Географическое расположение, архитектура городов низовьев Южного Приаралья имели свою специфику. Большинство городов располагались на больших караванных путях, шедших с юга, из Хорасана, Джурджана и Мавереннахра, через центральные оазисы страны по левому и правому берегам Амударьи, часть городов возникла на окраинах страны, в зоне контакта земледельческого населения оазисов и кочевой степи.

В письменных источниках иногда один и тот же населенный пункт назывался то селением, то городом. В литературе средневековья города делят на малые с населением до 2 тыс. человек, средние (от 2 до 10 тыс.) и крупные (свыше 10 тыс.). По мнению отдельных авторов, определяющими для характеристики города остаются размеры поселения и, возможно, окружающие его укрепления. Имеется также предположение, что при определении средневекового города следует ориентироваться на его социально-экономические функции. Во всяком случае, изучение средневековых городов имеет важное значение для разработки актуальных проблем феодального строя стран Востока, и в том числе, Средней Азии [1, с. 6]. Таким образом, численность горожан в определенном ранге, не являются решающим фактором. Кроме того, понятие «город» не совпадает ни с понятием «большое поселение» ни с понятием «поселение промышленников и торговцев». Городу обязательно должно быть присущи специфические черты городского быта, городского образа жизни (понимаемого широко, как внешнее выражение общественных отношений).

Возникший в результате разделения труда новый для данной общественно-экономической формации тип поселения – город имеет множество разнообразных функций. Города являются центрами промышленными и торговыми, военными и административными, культурными и религиозными. Однако необходимо учесть, что не дальняя торговля, а район, базар делают город центральным пунктом хозяйственной жизни людей. В первую очередь, что социально-экономические функции, связанные с общественным разделением труда. В городе развит обмен и производства для обмена. Чаще всего это промышленность (первой формы которой является ремесло), но может быть и сельское хозяйство. Таким образом, производство для обмена и обмен с окрестностями и с отдельной частью населения есть первая черта всякого города. Обмен культурными ценностями – вторая его черта. Третьей важной чертой, отличающей город от сельских поселений данной местности, является более сложная социальная, а в некоторых случаях и этническая структура населения.

Итак, город – это прежде всего центр (промышленный, политический, административный, военный, культурный и религиозный), который может быть центром более крупным областным, государственным и т. д. Внешними признаками города являются относительно большая людность с территорией, со сложным социальным и этническим составом населения, занятого в основном в производстве для обмена и в торговле; наличие рынка; наконец, совокупность бытовых черт, слагающих городской образ жизни: во многих случаях – также укрепления [6, с. 24]. Исходя из изложенного, М. Г. Рабинович считает возможным предложить в целях этнографического изучения города такое его определение: «город – местный экономический и культурный центр, относительно крупное население, с более сложным, чем сельское поселение с социальным и этническим составом жителей, большинство которых занято в производстве для обмена и в обмене, что порождает совокупность особенностей домашнего и общественного быта, отличающих городской образ жизни» [6, с. 24].

Все эти черты города присущи и Чимбау, в связи с чем можно считать, что он является одним из средневековых городов низовья Амударьи. Кроме того, для нас вопрос состоит не в том, являлся ли тот или иной указанный

источниками город «настоящим», а в том, что представляло собой городское население в данную эпоху, в данной местности, почему современники считали его городом, каковы были его ремесло и торговля, соотношение основных и подсобных занятий, планировка и застройка, городское хозяйство, городской образ жизни. Еще одним важным моментом можно считать тот факт, что город оказывает влияние на все стороны жизни народа, поэтому одной из проблем историков, этнологов в современности является необходимость вести исследования о городах и горожанах Каракалпакии.

В начале XX в. некоторые авторы называли Чимбай городским поселением, иногда селом или базаром, возле которого находятся дом хакима и несколько сакель, где живут торгующие на базаре лавочники [2, с. 121, 128, 133]. В частности, в 1903 г. городским поселением принято Чимбай и русский поселок у Нукуса, причем в Чимбае было 801 двора, а Нукус насчитывал 36 дворов [2, с. 109]. В 1920 г. Чимбай назван городом, было зарегистрировано 842 хозяйства [4, с. 12]. Такие же характеристики имеются у других авторов. Например, описывая Чимбай, его внутреннюю жизнь, Риза-Кули-Мирза и Н. Каразин отзываются о нем, как о городе с базаром [7, с. 17, 20, 28, 37; 3, с. 58].

Изложенные материалы свидетельствуют о том, что в источниках конца XVIII – начала XX в. встречаются различные названия Чимбая. Некоторые авторы пишут город, другие торговое селение, в третьем источнике встречается «село Чимбай». В конце XIX в. вся правая сторона Амударьи присоединилась к России, и началось устройство местного населения в административном отношении, Чимбай был выделен в особую административную единицу и не вошел в состав вновь образуемых волостей. В 1880 г. землемером была установлена точная граница города и городских земель [5, с. 324].

По классификации О. А. Сухаревой и Н. Турсунова к рангу городов в Средней Азии XIX в. можно отнести поселения с населением не менее 10 тыс. человек с постоянно действующими большими и малыми рынками и другими видами торговли [8, с. 10–48].

Однако единых критериев по вопросу о понятии «город» на сегодняшний день не существует. Средневековые арабские географы ал-Истахри и ал-Макдиси называли поселение городом, если в нем имелась мечеть, а в Чимбае по архивным и полевым данным до начала XX в. насчитывалось около 12 мечетей.

Таким образом, можно с уверенностью полагать, что Чимбай вполне отвечают почти всем требованиям классификации города О. А. Сухаревой, Н. Турсунова и средневековых авторов, поэтому можно с уверенностью считать, что Чимбай до XIX в. заслуживал названия как средневекового города.

Список источников и литературы

1. Атагарриев Е. Средневековый Дехистан. Л., 1986.
2. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса / сост. Гиршфельдом. Ташкент: Изд. тип. шт. Турк. ВО. 1903. Ч. 2.
3. Каразин Н. В низовьях Аму // Туркестанский сборник. СПб, 1873. Т. 76.
4. Материалы всероссийских переписей 1920 года. Ташкент, 1923. Ч. 1, вып. 2. Поселение итоги Аму-Дарьинской области.
5. Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользованию в Амударьинском отделе Сырдарьинской области. Ташкент, 1915. Вып. 1.
6. Рабинович М. Г. К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) // Советская этнография. 1983. № 3.
7. Риза-Кули-Мирза. Краткий очерк Амударьинской области. СПб, 1875.
8. Сухарева О. А., Турсунов Н. О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX – начала XX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982.
9. Якубовский А.Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. // Труды Таджикского филиала АН СССР. Сталинабад. 1951. Т. 29.

ТОРГОВЛЯ В г. ЧИМБАЕ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ИСТОЧНИКОВ)

Кудияров Алишер Раматуллаевич,

кандидат исторических наук, доцент,

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,

г. Нукус, Республика Узбекистан,

Раматуллаев Маман Алишерович,

ассистент,

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,

г. Нукус, Республика Узбекистан

К числу важнейших признаков, положенных учеными в основу разрабатываемой типологии городов и селений Средней Азии, входят занятия населения и их значения в жизни региона. Немаловажную роль в формировании города играет и торговля, с развитием которой расширяется сфера экономического влияния города, его границы, складываются взаимоотношения с другими городами и регионами.

Вторым после Ургенча торговым во всем оазисе [11, с. 185] и почти единственным, по данным П. П. Иванова пунктом, где сосредотачивалась торговля среди каракалпаков, являлся город Чимбай, представлявший собой к началу XX в. небольшой населенный пункт с общим количеством жителей 2610 душ обоего пола. В Чимбае находилось около 180 лавок, торговавшихся мануфактурой и бакалейными товарами. Наибольшее оживление Чимбай переживал в осенние месяцы, когда в базарные дни в город съезжалось до 2000 человек, в том числе много скупщиков и разъездных торговцев из ближайших районов. Приезжие закупали осенью главным образом хлопок, семена люцерны и хлеб, а весной – кожевенное сырье, семена люцерны, скупленные у населения, затем перепродавались

агентам крупных зарубежных фирм. Видную роль на Чимбайском базаре играла торговля дровами и древесным углем, представлявший собой в местных условиях один из редких и сравнительно дорогих товаров [5, с. 29].

Судя по архивным данным помимо Чимбая в Чимбайском участке имелись еще другие большие базары: на Даукаре, Нукусе, Ак-кале и Сары-тай. Среди них самым крупным являлся Чимбайский базар, который был огражден глинобитной стеной и занимал площадь 500 м × 150 м, с четырех сторон были ворота. Не поместившиеся покупатели и продавцы скапливались вокруг стен базара. Хотя торговыми днями для приезжих были приняты воскресенье и среда, торговля шла постоянно.

В 1874 г. русский ученый А. Кун писал: «В городе до 150 лавок постоянных торговцев и несколько мастерских, в базарные же дни торговцев наезжает до 400 человек... В базарные дни – по средам и понедельникам – торг ведется и на лодках, которые являлись с хлопком, рыбой и красным товаром и Ходжейли, Ургенча и других мест» [10]. Здесь мы читаем, что торговля велась и в понедельник. Однако эти данные вызывают некоторые сомнения. В 1874 г. В периодике сообщалось, что «36 рыбных лавок в городе Чимбае каждую среду и воскресенье переполнены рыбой, доставляемой к этим дням на 200 и более арбах. Цена на рыбу здесь крайне низки: Икрыной осетр, весом от 20 до 30 фунтов продается за 25 коп, включая в эту цену и привоз его от Даукары до Чимбая из более чем 50-ти верст расстояния» [6, с. 248].

Письменные источники сообщают, что в Чимбайском крепости в XIX в. был большой рынок, на котором продавалось много скота и хлеба [17, с. 164], корм для скота. Для отопления жилища продавали, уголь, саксаул и др., работали чайханы, караван-сарай. В караван-сараях Балтабая караван-басы останавливались торговцы из г. Казалинска. Караван-басы были посредником по торговым делам между купечеством своего города и правительственными чиновниками. Продавцам через него объявлялись все официальные распоряжения, касающиеся торговли. Мелочные торговцы получали от него сведения о привезенных товарах и ценах на них. Ему же они заявляли не редко свои требования на то или другое качество товаров. Караван-басы, аксакал или бий являлись как бы маклером, через который совершались различные сделки и который собирал все торговые сведения, необходимые купечеству своего города. Организация торгового посредничества в такой именно форме была вызвана в Хивинском ханстве необходимостью рекламировать привезенные товары и следить за колебаниями цен в зависимости от предложений и спроса. За свое участие в посредничестве караван-басы или аксакалы получали небольшие вознаграждения в размере, 1–2 % с каждой совершенной сделки. С завоеванием правобережной дельты Амударьи Россией значение торговых караван-басы или аксакалов значительно уменьшилось, благодаря деятельности русских фирм, а также частых сношений крупных хивинских торговцев с русским рынком [3, с. 197].

По сообщениям старожил когда-то в старые времена в центре поселения мастеров-ремесленников было площадь. Она имела ограждение из шенгел (колючки-кустарника), где организовывалась торговля. Затем стали строить торговые лавки, мастерские, административные сооружения. Базар г. Чимбая сначала находился на левом берегу Кегейли, на месте кольцевой дороги. В связи с расширением его перенесли на правый берег, на место нынешнего госбанка, а затем на современное место. Территория старого базара охватывала территорию, занятую старой почтой, Дворцом культуры, госбанком и современным базаром. Базарная территория разбивалась на отдельные части: на крытой части базара находились продавцы мануфактурой, бязью, шелком, а также изделиями ткацкого убранства юрты, продуктами питания. Я. В. Ханьков в 1851 г. писал, что на базаре Чимбая на 11 лавках продавались ткани, 17 лавках мясо, в 15 лавок занимали маслособойщики, мельницы, в 9 – лощельщики, в 17 – набойщики [19, с. 323].

В 1880 г. Чимбай был официально преобразован в город, в связи с чем изменяются его территория и демографические данные. В Чимбае насчитывалось около 80 мануфактурных и 100 бакалейных лавок, 10 пекарен, 10 мелочных и т. п. В базарные дни два раза в неделю в Чимбае съезжались мясники, фруктовники, торговцы табаком, рыбой и т. п. Чимбай являлся центром оптовой торговли люцерновыми семенами, хлопком и скотом. Чимбайские скупщики поддерживали с агентами крупных европейских фирм. Товары поставляли оренбургские, казанские, казалинские, хивинские, ургенчские, бухарские, афганские, китайские, иранские, кавказские и другие купцы. Они привозили хлеб, сушеные фрукты и изюм, шелковые и полушелковые ткани из Бухары по реке Амударье. Были купцы из других стран, приезжавшие сюда с караванами весной и конце лета для закупки земледельческих продуктов, шкур, семян, люцерны, рыбы, рыбьего жира, сливочного масла и др. В свою очередь из г. Чимбая ездили и привозили товары из различных городов. Например, Халмурат бай имел несколько магазинов и торговых пунктов в городе Чимбае и его окрестности, из Красноводска на верблюдах привозил керосин до г. Ходжейли, затем на лодках, по каналу Кегейли в г. Чимбае. Из Оренбурга через Казалинск привозили муку, ткани, сундуки. От полученной прибыли определенный процент расходовал на благотворительные цели. В четырех местах города открыл столовые, где бесплатно кормил голодных. Купцы Агабий-серкеш, Якшымбай, Хожамурат, Халмурат бай привозили из Хивы, Ургенча, Бухары ткани, одежду. Скупщиками и купцами являлись некоторые представители духовенства. Например, главным источником дохода Калилы-кази были не земли и скот, а деньги и зерно. Зерно он отдавал на условиях половинщины (ярымшы) беднякам, деньги же пускал в торговлю. Сыновья его ездили в Оренбург, в Перовск и были известны как крупные торговцы [4, с. 37].

По данным А. В. Каульбарса (1873 г.) Чимбай имел прекрасное водное сообщение со всей остальной частью оазиса. Город был густо застроен жилыми домами и торговыми лавками, многолюдными базарами, где было до 400 лавок, в которых можно было достать почти все, что продавалось во всех больших городах оазиса [8, с. 121]. Описывая картину г. Чимбая, А. В. Каульбарс в 1874 г. отмечал, что Чимбайский базар одной своей стороной примыкал к реке, а с другой стороны окружен полосой сакель. За жилыми постройками было довольно обширная площадь конского и скотского базара. Со стороны противоположной реке была длинная ограда, за которой виднелось не-

сколько рядов деревьев и небольшие огороды, зачатки сада. Изнутри базар напоминал базары больших среднеазиатских городов [7]. В Туркестанских ведомостях 21 января 1875 г. также сообщалось, что в Чимбайском базаре были расположены торговые лавки: мясных – 28, рыбных – 29, юфтяных – 14, сапожных товаров – 23, с печеным хлебом – 11, с чаем, сахаром и табаком – 102, с металлическим и кузнечным товаром и т. п. – 28, с салом – 11. Сверх того в Чимбае находилось до 89 промышленных заведений: маслобойных и мукомольных – 51, красильных – 36, кожевенных и гончарных по 1 и т. д. Главным предметом торгова в Чимбае был хлеб и скот [1]. Кунград, Клыч-кала на Даукаре являлись главными рыбными базарами [2, с. 128]. В обзорах Сырдарьинской области за 1909–1913 гг. даны сведения о числе голов скота, забитых на городских бойнях для заготовки мяса. Так, в течение всего 1913 г. В городских бойнях Чимбая было забито на мясо 3970 голов крупного рогатого скота, 9620 овец, 48 лошадей, 70 верблюдов. Это несколько раз больше, чем в других торговых рынках Амударьинского отдела [15, с. 51]. Наряду с другими товарами скот из г. Чимбая и его окрестностей продавался на базарах Хивы, Бухары, Куня Ургенча и др. мест: «Коровье масло являлось одним из главнейших продуктов вывоза из Чимбайского округа» [9, с. 38]. Почти повсеместно каракалпаки занимаются приготовлением коровьего масла, которое сбывают скупщикам – армянам. Они, в свою очередь, отправляли это масло на Кавказ. Только из одного Чимбайского участка ежегодно вывозилось масло около 3000 пудов. Масло скупалось в турсуках по цене от 7 до 9 руб. за пуд. Некоторые из скупщиков армян давали под масло заранее задатки, чтобы оно им обходилось дешевле [14, с. 83]. Для продажи из г. Чимбая вывозились: кендир, кунжут, дыни, изюм, табак, шкуры, ткани и ситцевые одеяла.

Л. С. Крживец писал, что в России ежегодно вывозилось большое количество зимних сортов дынь из Чимбая, Ходжейли, Турткуля. В свежем виде они доставлялись водным транспортом по Амударье до станции Чарджоу, а оттуда их развозили в разные страны, в том числе и в Америку [9, с. 5]. В начале XX в. Чимбай являлся главным рынком в низовье Амударьи, на котором осенью больше всего торговали хлебом. Причем в Кунграде и в Ходжейли, где не хватало своего хлеба для удовлетворения спроса, его подвозили как из остальных частей ханства, так и из Чимбая. Общий оборот хлебной торговли в Чимбае составлял 280 тыс. руб. Это несколько раз было больше, чем в остальных городах Хивинского оазиса [3, с. 158].

Рыбаки Приаралья на базаре Чимбая меняли рыбу на просо, жугару, пшеницу. Скупщики покупали хлопок, семена люцерны и продавали семена агентам заграничных фирм, которых их отправляли или по Аральскому морю, или верблюдами через Кызыл Кум на Ташкентскую железную дорогу [12, с. 254].

Годовой оборот городской торговли и товарное обращение в г. Чимбае, как и в других городах, шел неравномерно. В 1874 г. А. В. Каульбарс писал, что за право иметь весы на базаре г. Чимбая платили особую пошлину, за взвешивание продуктов взимался процент. Право содержать весы было монополизировано в небольшом числе рук. С каждой лавки взималось в месяц 15 к. с. в пользу города, что и составляло приблизительно 600 руб. в среднем в год, кроме того с продажи лошади в пользу города 40 к. с., с барана – 10 к., а с рогатого скота и верблюдов ничего не брали [7].

Товары перевозились на лодках, пароходах, верблюдах и т. д. Через г. Чимбай осуществлялись торговые и политические связи Хивинского ханства с Казахской степью, Россией и далее европейскими странами. Первые отрывочные сведения о путях из Хивы в Оренбург через Чимбай (Шахтемир) далее в казахскую степь мы узнаем из показаний поручика Д. Гладышева, который был в 1740–1741 гг. в Чимбае [14, с. 519]. Эта дорога у местного населения называлась Кесе-жол (боковая дорога), которая связывала Каракалпакцию, в том числе г. Чимбай на севере, через Казахстан с Россией, на юге с соседними городами – Ходжейли, Кунград, Куня Ургенч с Хивой, Бухарой и т. д. Чимбай был связан и водными путями с торговыми пунктами Хивинского ханства и Казахстана. Базар в жизни каракалпаков, в том числе горожан, играл большую роль не только в экономическом, культурном, но также социальном отношении. А. Е. Россикова, в 1902 г. писала, что среднеазиатский базар играет в жизни местного населения громадную роль, не только в экономическом отношении, но и в умственном и нравственном, заменяя ему театр, клуб, общественные собрания. Он является таким учреждением, куда с одинаковым интересом стремится и взрослый, и малый. Здесь происходит не только всевозможная торговля, сделки между кочевым и оседлым населением, но и обмен мыслями. Посетитель базара послушает проповедь какого-нибудь фанатика-дервиша, покупает лекарства у табиба – местного фармацевта, врача [18, с. 564]. На базаре соблюдалась чистота и общественный порядок, определенные цены на товары. Базар имел и воспитательное значение. Базар был и местом изготовления товаров. Нередко здесь были расположены мастерские ремесленников. Вместе с тем базар был и местом обмена новостями. Здесь можно было получить всевозможные информации, здесь же объявлялись официальные сообщения правительства указание местных чиновников. Были в городе специальные глашатаи – «жаршы».

Многие товары Каракалпаки, главным образом хлопок, люцерна, скот, транспортировались или через Аральское море до Ташкентско-Оренбургской железной дороги, или вверх по Амударье до Закаспийской железной дороги. Таким образом, большую роль в развитии городов сыграло строительство, в 1880–1883 гг. Закаспийской, а затем Оренбург-Ташкентской железных дорог, открытое судоходство по Аральскому морю и Амударье.

Список источников и литературы

1. Амударьинский край // Туркестанские ведомости. 1875. № 4.
2. Богданов М. Н. Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кизил-кум. Ташкент, 1882.
3. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса / сост. Гиршфельдом. Ташкент: Изд. тип. шт. Турк. ВО, 1903. Ч. 2.
4. Иванов П. П. Каракалпаки // Советская этнография. М. – Л., 1940. Т. 4.
5. Жданко Т. А. Быт каракалпакского колхозного аула // Советская этнография. 1949. № 2.
6. Каульбарс А. Г. Чимбай в дельте Амударьи. // Туркестанские ведомости. 1874. № 48.

7. Каульбарс А. В. Низовья Амударьи описанные по собственным исследованиям в 1873 г. // Записки ИРГО. СПб, 1881. Т. 9.
8. Каракалпаки дельты Аму-Дарьи // Этнограф-исследователь. 1928. № 2–3.
9. Крживец Л. С. Дыни Каракалпакии. Н., 1977.
10. Кун А. Л. Культурный оазис Хивинского ханства // Туркестанские ведомости. 1874. № 9.
11. Кун А. Л. Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г. // Туркестанский сборник. Т. 83.
12. Поездка из Орск в Хиву и обратно, совершенная в 1740-1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным // Географическое известия РГО. СПб, 1850. Вып. 1.
13. Сырдарьинская область. 1906. Т. 1907.
14. Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области. Ташкент, 1915. Вып. 1.
15. Обзор Сыр-Дарьинской области за 1913 год. Ташкент: Сыр-Дарьинский обл. стат. ком., 1916.
16. Соболев Л. Н. Обзор доступов к Хивинскому ханству и краткие сведения о нем // Военный сборник. 1873. Т. LXL, Т 91,
17. Россикова А. Е. По Аму-Дарье от Петро-Александровска до Нукуса // Русский вестник. СПб., 1902, Август. Т. 280.
18. Ханьков Я. В. Пояснительная записка в карте Аральского и Хивинского ханства с окрестностями // Записки русского географического общества. 1851. Кн. 5.

ФОЛЬКЛОР УЗБЕКСКОГО НАРОДА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Матжанов Аман Жарылкапович,

*ассистент кафедры «История Узбекистана и Каракалпакстана»,
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,
г. Нукус, Республика Узбекистан*

Возникшие в глубокой древности произведения устного народного творчества и в настоящее время сопровождают нас в повседневной жизни. Народные песни, сказки, загадки, пословицы знают дети и взрослые. Но не все ясно представляют себе, как создается и живет устно-поэтическое творчество народа, насколько велика его ценность, какова его история.

Самым бесценным богатством каждого народа по праву является его фольклор. Во всех фольклорных жанрах ярко отражены быт и культура узбекского народа, его мысли и чаяния, идеи свободы, братства, борьбы добра со злом, идеи патриотизма и ненависть к врагу.

Наиболее популярным и любимым в народе жанром являются эпические произведения дастан, дошедшие до наших дней благодаря устно-поэтической традиции, носителями которой являются народные сказители – шоир или бахши.

В Узбекистане исторически сложились несколько своеобразных школ исполнителей дастанов. В Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях дастаны поют в речитативно-гортанной манере в сопровождении домбры. В Хорезме певцам-бахши аккомпанируют ансамбли музыкальных инструментов в составе дутара, гиджака и буламана, а в Каракалпакии – сказители-жырау исполняют дастаны в сопровождении двухструнного смычкового музыкального инструмента кобуза. Дастаны, как и обрядовые и ритуальные песни, основанные на поэтике фольклора, можно считать одной из форм профессиональной музыкальной устной традиции.

Узбекские сказители – выходцы из трудового народа. Они были простыми земледельцами или еще чаще пастухами, поэтому в их творчестве отражена идеология трудового народа. Узбекские сказители не только хранители богатого эпического наследия прошлого, но и талантливые певцы-импровизаторы, живо откликающиеся своим искусством на темы нашей современности.

Особенно широко распространены в народе произведения таких крупнейших узбекских сказителей, как Эргаш-Джуманбульбуль-оглы (1808–1936 гг.), Фазыл Юлдаш-Огли (1872–1955 гг.), Мухаммед Джамрад-оглы – Пулкан (1874–1941 гг.), Ислам Назар-оглы (1874–1953 гг.), Абдулла шаир Нурали-оглы (1870–1957 гг.), Курбан Исмаил-оглы (1869–1940 гг.) и др. Многие из них – потомственные шаиры. В Узбекистане издавна славилась отдельные селения, выдвинувшие из числа своих жителей целую плеяду прекрасных сказителей. Одним из самых известных является небольшой кишлак Курган Нуратинского района Самаркандской области, где в середине XIX в. насчитывалось более 20 сказителей и сказительниц. К этой же школе сказителей принадлежал Пулкан-шаир, знавший наизусть около 70 дастанов; один из них-дастан «Кирон-хон» насчитывал до 20 тыс. строк. Из сказительниц наиболее известна прабабушка Эргаша Джуманбульбуль-оглы-Тилла-кампир. Другим центром эпического творчества был Булунгурский район той же области, особенно кишлак Лойка, откуда происходит крупнейший сказитель Фазыл Юлдаш-оглы из узбекского полукочевого племени кырк. Отец Фазыла, Юлдаш-шаир, знаменит и как певец и как учитель певцов, воспитавший 11 учеников. В репертуаре Фазыл-шаира насчитывается 43 дастана, большинство которых в советское время было записано с его слов и частично опубликовано [1, с. 249].

В первой четверти XX в. создались благоприятные условия для полного расцвета творческих способностей народных поэтов. Они не только совершенствовали старые дастаны, но создавали и новые произведения. В свое время из народных шаиrow пользовались большой известностью Балабахши (Курбанназар Абдуллаев из Хорезмской области), Ярлакаб Бекназаров и Эгамберди Аллабергсиов (Самаркандская область), Улер Сафаров и Ташмаир Чаршанби оглы (Сурхандарьинская область) и др. Традиции старших шаиrow продолжили молодые народные поэты Захар Кучнаров из Сурхандарьинской области, Рахматулла Юсупов из Самаркандской области и др.

Дастаны являются стихотворными поэмами. Исполнение их обычно сопровождают прозаические пояснения рассказчика-певца. Эти пояснения связывают отдельные части эпического произведения в единое целое. В дастанах тесно переплетаются героическая и романтическая тематика. Большинство узбекских эпических произведений отражают историческое прошлое народа, но на протяжении веков бытования дастанов исторические факты, легшие в их основу, были обобщены, опозитизированы народной фантазией, эпически типизированы. Характерным является то, что в них сказочная фантастика сохраняется лишь как элемент поэтической идеализации героев далекого прошлого.

Древняя устная литература узбеков включает в себя такое нетленное сокровище, как народные эпосы, среди которых особое место принадлежит поэтическому сказанию «Алпомиш».

Древнейшие эпосы заслуженно считаются великим наследием узбекского народа. На протяжении многих тысячелетий они передавались из уст в уста, отражая историю, судьбу и душу нации. Рожденные человеческой фантазией и талантом в незапамятные времена поэмы перерабатывались и совершенствовались лучшими народными сказителями – бахши, благодаря им жемчужины устного творчества сохранились в памяти людей. Настоящим феноменом можно считать тот факт, что многие поколения безымянных исполнителей донесли до сегодняшнего дня наиболее древний богатырский эпос «Алпомиш», который начал складываться узбекским народом в X–XI вв. Это поэтическое повествование в Узбекистане исполнялось повсюду: в Самарканде и Бухаре, в Ферганской долине и в Ташкентской области, на земле Сурхандарьи и Кашкадарьи. Его пели лучшие и прославленные бахши, но наиболее полная (14 тыс. стихов), совершенная и классическая версия была записана в исполнении уникального сказителя и поэта Фазиля Юлдаша и опубликована в 1938 г. [4, с. 360].

Эпос рассказывает о богатырях племени конград, жившего на территории современного Узбекистана, об их вожде Алпомише, мужественном, сильном и справедливом герое, о его любви к прекрасной и преданной Барчиной и неустанной борьбе с врагами и силами зла. Поэма состоит из двух тесно связанных между собой частей, первая из которых повествует о героическом сватовстве благородного витязя к красавице Барчиной. Богатырь опередил других женихов-претендентов в сложнейших состязаниях – скачках, меткой стрельбе, искусстве владения луком и борьбе. Одолев соперников с помощью верного друга силача Караджана и сказочного богатырского коня Байчибара, Алпомиш завоевал сердце и руку невесты и с победой вернулся в родной дом. Во второй части славный воин отправляется в поход против жестокого правителя Тайча-хана и по неосмотрительности на долгие семь лет попадает в плен. Но ему удается бежать из подземной темницы. Освободившись, богатырь побеждает врага и победоносно возвращается на родину, где под его справедливой властью воссоединяется распавшееся племя.

Героем народного эпоса «Алпомиш» становится не только мужчина, но и женщина, которая рука об руку с ним преодолевает сложнейшие жизненные испытания. Богатырскому облику Алпомиша соответствует легендарный образ его возлюбленной Барчиной, помимо красоты и личного достоинства она воплощает в себе ум, героизм и бесстрашие. Нежно любя избранника и сохраняя верность ему, она своей любовью вдохновляет богатыря на подвиги и проявление мужества. Вместе Барчиной и Алпомиш борются за свое счастье, за свободу родной земли, за независимость своего народа против угнетателей. Любовь и верность, дружба и самоотверженность, поддержка и помощь родным, почтение к старшим и нежная забота о младших – проявление вековых устоев и традиций узбекского народа. Многие поколения бахши раскрывали и воспевали эти темы с необычайной теплотой и яркой выразительностью, в поэме заложены мудрость многих поколений и тонкое знание жизни. Эпос развернул реалистическую картину жизни узбекского народа, однако, по традиции, повествование не обходится и без элементов сказочности. Неистощимая фантазия и высокая одаренность народных поэтов создавали удивительные сказочные мотивы.

На протяжении многих столетий поэтическое сказание об Алпомише является гимном в честь любви к Родине и семье, уважения к народу и своим близким. Эпос о богатыре солнечной страны, защитнике, борце и справедливом правителе веками живет в сердцах узбекского народа.

О самоотверженной борьбе узбекского народа против иноземных захватчиков в далеком прошлом повествуют и такие замечательные героические и романтические дастаны как «Юсуф и Ахмед», «Осада Чамбиля», «Малика Айяр», «Интизар», «Райхан-араб», «Арзигуль», «Ширин и Шакар», и целый цикл, посвященный Гор-оглы и его сыновьям (около 40 произведений), широко распространенный также среди других тюркских народов Средней Азии [3, с. 27].

С особенным волнением воспеваются жизнь трудового народа, его мечты и чаяния в самом массовом жанре фольклора – народных песнях. В народных песнях есть не только высокие чувства, чистая любовь, верность, братская дружба, но и ярко отражены тяжелые социальные условия жизни, гнет и насилие, предательство и переживания человека. Бытовые песни содержали печальные картины жизни женщин в ханские времена, их рабского положения в семье и обществе. В то же время в песнях, пословицах и поговорках, наряду с печалью, ненавистью, возмущением против существующих несправедливых порядков, чувствовался оптимизм. Так, в песнях есть такие строки: «еганим заккум, ичганим захар, кийганим кафан» («питание мое – горечь, питье – отравы, а одевание – саван») или «Исфандиёр хон булди, халкнинг багри кон булди» («Исфандиар стал ханом, а сердце народа обливается кровью»).

Народная песня «Ханский гнет» («Хон зулми»), записанная в начале XX в. в Хорезме, полна печали и скорби. Недовольный земной жизнью автор сетует, что «при жизни не знал ни уважения, ни почта, не наслаждался радостями жизни, неизвестно за какие грехи был лишен всех удовольствий» и т. д. Несмотря на это, в народе было много песен оптимистического характера, воспевавших здоровый дух, человеческие радости, благородные желания и надежды, возвышенные чувства [2, с. 171].

Народ всегда был сторонником справедливости и правды, беспощадно выступал против ханжества, лицемерия и подлости. Его волю и разум, свободомыслие, выраженные через устное творчество, злобные силы подвергали гонениям, чтобы затормозить развитие. Как уже отмечалось выше, борьба нашего народа за справедливость

и правду находит яркое выражение в талантливых преданиях и дастанах, сказках и песнях. В анекдотах, легендах и сказках, в десятках дастанов, таких как «Алпамыш», «Гор оглы», «Шахсанам» и других, воспеваются образы героев, борющихся за справедливость, самые лучшие, возвышающие личность человеческие качества, разоблачаются подлые и низкие поступки. Узбекский фольклор отличается тесная связь с народом, с его повседневным бытом и духовной жизнью.

Эти же чувства и мысли нашли отражение в поэме народного сказителя Фазыл-шаира «Джизакское восстание», изображавшей тяжелую жизнь мардикоров (чернорабочих), сосланных на тыловые работы во время первой мировой войны. В поэме говорится о том, как, установив братскую связь с русским пролетариатом, тыловики-мардикоры распространяют на родине идеи большевизма, революции. Поэма завершается эпилогом, в котором описывается свержение царизма и возвращение мардикоров в родные края [4, с. 361].

Таким образом, мы видим, что народное поэтическое творчество, зародившись ещё в глубокой древности, долгое время, до появления письменности, было единственной «неписанной историей» народа, художественно отразившей важнейшие этапы его жизни. Фольклор на протяжении многих веков служил народу и как «учебник жизни», передающий из поколения в поколение его мудрость, житейскую философию, этику, и как средство воспитания характера, лучших человеческих качеств: патриотизма, мужества, смелости, стойкости, честности, доброты. Фольклор – это подлинная энциклопедия поэтических знаний народа, дающая полное представление об идейно-эстетических богатствах его творчества. Поэтому народные произведения являются ценнейшим материалом для изучения народного мировоззрения многих веков и его исторической эволюции.

Список источников и литературы

1. Джаббаров И. Общественный прогресс, быт и религия. Ташкент, 1973.
2. Джаббаров И. Узбеки. Ташкент: Шарк, 2007.
3. Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник. М. – Л., 1971.
4. Народы Средней Азии и Казахстана. М. – Л., 1962. Т. 1–2. (Серия «Народы мира»).

ИНСТИТУТ АМАНАТСТВА В РОССИЙСКО-ЧЕРКЕССКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1552–1829 гг.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Озова Фатима Анатольевна,

*кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена “Знак Почета” институт гуманитарных исследований
при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики», г. Черкесск*

Черкесы – первый народ Кавказа, установивший в середине XVI в. посольские отношения с Московским царством. На протяжении почти 270 лет важнейшим механизмом двусторонних связей было дипломатическое заложи́чество-аманатство. Несмотря на определенную традицию изучения темы, в ее исследовании отсутствует полная системность. Цель настоящей статьи – анализ суждений исследователей по истории института аманатства в российско-черкесских отношениях с момента их возникновения в 1552 и до 1829 г., когда восточная часть Черкесии – Кабарда – юридически вошла в состав Российской империи (1822 г.) и последние аманаты были возвращены домой (1829 г.).

Проблема аманатства в российско-черкесских отношениях вплоть до 1930-х гг. рассматривалась в контексте российско-кавказских связей. Позитивистский подход способствовал тому, что истинная сущность этого явления оказалась скрытой за фактографией двусторонних связей и за стереотипами, возникшими в период Кавказской войны [12, с. 126–136; 13, с. 28; 17, стб. 20; 7, с. 102; 20, с. 193; 33, с. 136. В монографии Л. А. Юзефовича «Как в посольских обычаях ведется…» Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в.» на сегодняшний день наиболее авторитетной по истории дипломатического этикета Московского государства – совсем отрицается бытование этого явления в дипломатических сношениях Московского царства [46, с. 172].

Приоритет в исследовании проблемы аманатства в дореволюционной историографии принадлежит П. Г. Буткову. Именно он впервые опубликовал списки кабардинских аманатов в Кизляре в 1735 г. [3, с. 158, 159, 162, 163] и черкесских [аманатов]-депутатов при ставке князя Г. А. Потемкина [4, с. 207, 257, 258, 260]. Он охарактеризовал аманатство как институт, который российское правительство стремилось с 1760-х гг. целенаправленно использовать для аккультурации кабардинской аристократии [5, с. 105].

Среди работ, анализирующих российско-черкесские отношения, следует выделить труды Ш. Б. Ногмова и В. Н. Кудашева. Ценность труда Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев» в том, что она показала, что в историческом сознании кабардинцев установление связей между Кабардой и Россией в середине XVI в. имело положительные коннотации. Статус *лицы* Салтануко (в крещ. князя Михаила Темуриновича Черкасского) определялся как Урусъкан (*Урыс къан*) – «воспитанник русского» [30, с. 123]. Следовательно, черкесские предания использовали, как некогда византийская внешнеполитическая риторика вместо понятия «дипломатический заложник» понятие «воспитанник» [14, с. 105]. В. Н. Кудашев констатирует трансформацию аманатства в 1739 г. в инструмент «большой» международной политики под влиянием перемещения из сферы «внутренней дипломатии» России в систему отношений с Османской империей [25, с. 57].

Впервые вопрос об аманатах в качестве научной проблемы был поставлен в советский период учеником М. Н. Покровского – Г. А. Кокиевым [2, с. 137]. В 1933 г. на основе предложенной учителем формулы об «абсолют-

ном» и «наименьшем» зле [29, с. 45] он проанализировал историю аманатства в контексте российско-кавказских взаимоотношений. Следует отметить, что Г. А. Кокиеву удалось вычленить важные аспекты проблемы. Он установил, что объектом аманатства была черкесская аристократия и аманаты в XVII–XVIII вв. находились на обеспечении российского правительства в крепостях Терки, Св. Крест, Кизляр, Моздок и Астрахань. Г. А. Кокиев показал, что со временем принцип сменяемости аманатов был превращен в «фикцию» [20, с. 192, 193], так как часто нарушался российской стороной, что институт аманатства через аманатские школы был нацелен на аккультурацию воспитанников [20, с. 194, 195] и превращение их в конечном итоге в агентов влияния в Кабарде. Привлечение сведений второй половины XVI–XVII вв. позволило ему сделать вывод о трансформациях аманатства в XVIII в. Однако нерепрезентативный характер источниковой базы, а также концептуальная заданность скрыли от автора сущность аманатства, оцененную им как метод колониальной политики и заложничество [20, с. 193]. Неслучайно обозначенная ученым периодизация истории этого института на основе критерия добровольности выдачи аманатов [20, с. 192, 193] осталась без хронологических рамок. Он лишь отмечал: «Первая, или начальная стадия аманатства, во времени совпадающая с моментом установления сношений между Россией и Северным Кавказом, характеризуется отсутствием явно выраженных элементов принуждения, тогда как вторая его стадия, во времени совпадающая с началом военно-феодальной колонизации Северного Кавказа, характеризуется насильственным отбиранием аманатов и заложников» [20, с. 193].

После смерти М. Н. Покровского (1932 г.) его взгляды подверглись критике: в постановлении жюри правительственной комиссии от 22 августа 1937 г. были даны новые оценки имперской политики России как «наименьшего зла» [29, с. 45]. В 1940-е гг. Г. А. Кокиев рассматривал проблематику аманатства лишь в связи с установлением посольских отношений между Иваном IV и Иналидами Черкесии. Автор интерпретировал статус пребывания князей Куденета (Кудадека) Сибоко и Султануко Темрюко в Москве как аманатский. Однако при этом он неправомерно расширил круг аманатов, причисляя к ним глав посольств 1552 и 1555 гг. и членов их свиты из рода Иналидов. С другой стороны, он отнес к Иналидам Кабарды Иналидов Западной Черкесии [20, с. 192; 21, с. 35, 36]. Ученый подметил, что среди черкесских аманатов никогда не было девочек и что документы убедительно опровергают аманатский статус княжны *Гуацэней* [22, с. 40, 41], ставшей впоследствии русской царицей Марией Темрюковной.

Н. Х. Тхамоков, отдавая дань доминировавшей в его время концепции «прогрессивности присоединения народов к России» [36, с. 7], явно переоценил роль этого института в аккультурации населения Кабарды [41, с. 114]. Эта работа знаменательна больше всего тем, что ее автор ввел в научный оборот новые документы, обнаруживающие влияние аманатства на состояние правящего сословия Кабарды и позволяющие составить психологические портреты аманатов середины XVIII в.

Из трудов, увидевших свет в советский период, особый интерес для изучаемой проблематики представляет монография М. Б. Канделаки «Из общественного быта горцев Грузии – институт аманатства», где рассмотрены гуманитарные аспекты кавказского аманатства [16, с. 5]. Выявленные автором представления об аманатстве в грузинском обществе, механизмах его функционирования, связанных с ним обрядово-ритуальных действиях дают ценный материал для исследования этого института в родственной грузинской черкесской политической культуре и российско-черкесских отношениях.

В постсоветской историографии интерес к истории аманатства заметно возрос. Р. Х. Гугов в контексте изучения кабардино-российских отношений XVIII в. также выделил «обычай» [8, с. 385] аманатства. Автор, естественно, не избежал значительного влияния идей советской историографии. Так, значение аманатства в кабардино-российских отношениях рассматривалось им как «развитие культурных связей» [8, с. 386] Кабарды с Россией. Тем не менее, достаточно широкая источниковая база позволила ему понять амбивалентность природы этого института [8, с. 385]. Этот подход позволил оценить статус черкесских князей при дворе Ивана Грозного и князя Александра Бековича-Черкасского при дворе Петра I как аманатский.

Г. Х. Мамбетов, которому принадлежит заслуга возвращения в публичный доступ научного наследия Г. А. Кокиева [15], развил идеи последнего 1933 г. [27, с. 14].

Е. С. Тютюнина в статье «Аманаты в Кизляре. 1756 г.» справедливо отметила, что институт аманатства «глубоко» [43, с. 190] не изучен. Значительный интерес представляет введенная автором в научный оборот ведомость о содержавшихся в Кизляре в 1756 г. аманатах. На основе ее сведений можно сделать вывод о значительном внимании к этой проблеме российских властей, прежде всего, к вопросу высокого социального статуса отцов аманатов, а также обеспечения аманатам достойного их социального происхождения уровня жизни [43, с. 189, 190]. Этот документ дает возможность идентифицировать фамилии аманатов из уорков I степени – Тамбиевых и Ашабовых [43, с. 191].

В другой статье Е. С. Тютюниной «Кавказские пленники: по обе стороны Линии (1820–1822 гг.)» впервые указано на влияние указа Александра I «О распределении пленных Горских народов, аманатов и Кабардинских беев и узденей» [34, с. 389–390] от 13 июля 1820 г. на дальнейшее функционирование института аманатства в российско-кавказских связях [42, с. 68].

Из работ последних десятилетий следует выделить историко-правовой анализ нормативной базы кавказской политики Российской империи в XVIII–XIX вв. А. Н. Маремкулова [38, с. 31]. Благодаря анализу широкого круга документов ему удалось выделить «технологическую» сущность исследуемого института и прийти к выводу, что аманатство было «одним из самых распространенных мирных способов» [38, с. 242] проведения российской политики на Кавказе.

И. В. Торопицын на основе сопоставительного анализа аманатства в отношениях российского двора с калмыцкой, ногайской, казахской, башкирской, кабардинской элитами называет их аманатов *политическими* заложниками.

При этом отмечая, что «аманаты воспринимались не просто как заложники, а в большей степени как полномочные представители инородной феодальной аристократии» [38, с. 59], что обязывало российские власти оказывать им особые знаки внимания.

Автор ввел в научный оборот документы Государственного архива Астраханской области, раскрывающие новые детали пребывания кабардинских аманатов в Астрахани в 1740-е гг. [38, с. 75], а также дипломатические документы, связанные с кабардинским посольством в Петербург 1745–1746 гг. [39]. И. В. Торопицын передал атмосферу беспокойства, имевшую место среди князей Джамбулатовых в связи с удалением их аманатов из Кизляра в Астрахань. С другой стороны, он показал «игру» вокруг вопроса об аманатах астраханского губернатора В. Н. Татищева, пытавшегося в полной мере использовать в политических целях привязанность князя Асланбека (Росланбека) Кайтуко к находившемуся в аманатах сыну. Важен вывод автора о неэффективности, устанавливаемой институтом аманатства зависимости: северокавказские владельцы воспринимали ее «скорее как формальный, чем реальный механизм удержания их в повиновении» [38, с. 75, 76].

Важным аспектом изучения истории российско-черкесских связей является исследование жизни и деятельности князей Черкасских, находившихся с Рюриковичами и Романовыми в отношениях свойства и родства в рамках истории государственного двора, который во второй половине XVI – начале XVIII в., являлся особым административным, военным и придворным институтом Русского государства, осуществлявшим государственное управление страной. Благодаря изысканиям в этом направлении, фокусирующим внимание на «персоналиях» – анализе карьер, семейных связей землевладения представителей двора» [32, с. 4], выявлен статус аманатов и сопровождавших их лиц при московском дворе, а также их деятельность после приезда в Москву [35, с. 241–243, 309, 319, 320, 326].

Большое значение для разработки проблемы аманатства имеют исследования биографий князей Черкасских [18; 46; 9; 10], в том числе и аманатов: князя Якова Куденетовича Черкасского [37, с. 116–119], князя Исмаила Атажукина [24, с. 43–68; 40; 26, с. 5–37; 11, с. 72–102] и князя Александра Бековича-Черкасского [19; 32, с. 235–298; 6; 1]. Здесь следует отметить, что благодаря изысканиям А. А. Андреева наконец выявлена точная дата отъезда князя Александра Бековича-Черкасского в Москву (1697 г.).

История аманатства в российско-черкесских отношениях нашла некоторое отражение в трудах, посвященных процессу формирования Российской империи. Большое внимание ему уделил Б. Э. Нольде в книге «История формирования Российской империи». Находившийся в эмиграции ученый, несмотря на ограниченный круг источников, увидел значимость этого института для поддержания двусторонних связей на протяжении веков [31, с. 704]. Б. Э. Нольде объяснил противоречивость сосуществования одновременно союзничества и аманатства [31, с. 731] недоверием Москвы к своим союзникам в Кабарде [31, с. 704] и считал, что аманатство «было скорее здешней древней традицией, символическим актом, означавшим их мирный настрой» [31, с. 704], в то же время указал и на другие противоречия в российской политике на Кавказе. Несмотря на «мирный настрой», правительство императрицы Анны Иоанновны строило планы по подчинению «Кабардинии» [31, с. 731], и уже в период Кавказской войны, когда началась территориальная экспансия, кабардинские аманаты продолжали содержаться «в хороших условиях в Кизляре и даже получали жалованье» [31, с. 739].

Американский историк М. Ходарковский в монографии «Степная граница России: создание колониальной империи» обратил внимание на значение для российской политики аманатства [47, р. 56–60]. Трансформацию этого института М. Ходарковский связал с изменениями природы российской государственности в петровский период [47, р. 53]. Он показал, что аманатство воспринималось сторонами не одинаково [47, р. 58]. Очевидно, что ограниченность источниковой базы не позволила автору рассмотреть амбивалентный характер этого института и адекватно оценить контекст его существования в разные эпохи (Московского царства и Российской империи). М. Ходарковский рассматривал аманатов исключительно как заложников: дипломатические дары автохтонным правителям со стороны русского двора интерпретируются им как плата за клятву верности и заложников [47, р. 58]. В другом исследовании автор оценил аманатство как один из инструментов интеграции народов Северного Кавказа в Российскую империю [44, с. 37, 38, 202].

Несмотря на определенные успехи в исследовании истории института аманатства в российско-черкесских отношениях, можно сказать, что главной чертой рассмотренных работ является отсутствие полной системности в части привлечения исторических источников: в них недостаёт важнейших видов письменных источников, прежде всего, актов и законодательных, объем делопроизводственной документации недостаточен для теоретических выводов. На наш взгляд именно это обстоятельство не позволило чётко сформулировать вывод о дипломатической сущности этого института и его связи с принятой в рассматриваемые эпохи дипломатической практикой.

Список источников и литературы

1. Андреев А. А. К вопросу о раннем периоде биографии Александра Бековича-Черкасского // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик: КБИГИ, 2013. Вып. 2. С. 132–138.
2. Анчабадзе Ю. Д., Е. Н. Кушева и русское кавказоведение XX столетия // Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. / сост. Е. Н. Кушевой. М.: Вост. лит. РАН, 1997. С. 396–416.
3. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год: в 3 ч. СПб: Императорская академия наук, 1869. Ч. 1. 548 с.
4. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год: в 3 ч. СПб: Императорская академия наук, 1869. Ч. 2. 602 с.
5. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год: в 3 ч. СПб: Императорская академия наук, 1869. Ч. 3. Хронологический и алфавитный указатели / сост. Л. Броссе. 621 с.
6. Вилинбахов В. Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик: Эльбрус, 1977. 231 с.

7. Грабовский Н. Ф. Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость. Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2008. 464 с.
8. Гугов Р. Х. Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 684 с.
9. Дзамихов К. Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х годов). Нальчик: Эль-Фа, 2001. 412 с.
10. Дзамихов К. Ф. «В службе и обороне...». Кабарда и Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е – начало 1770-х годов). Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 356 с.
11. Дзамихов К. Ф. Материалы к наследию и общественно-политической деятельности Измаила Атажукина. (Новые разыскания) // Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 72–102.
12. Известия о браках царя Иоанна Васильевича // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы: в 10 ч. / сост. Н. Я. Озерцовский. СПб: Изданием Имп. академии наук, 1790. Ч. 4. С. 126–136.
13. Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие новейшие подробные описания живущих в оных народов, и достопамятности древнего и нынешнего тех земель местоописания. С приобщением географич. карт / пер. с фр. Ф. Шишкевича. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 121 с.
14. История дипломатии: в 5 т. / под ред. В. А. Зорина, В. С. Семенова, С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова. 2-е изд., перераб., доп. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1. 890 с.
15. История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева / сост. Г. Х. Мамбетов. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 904 с.
16. Канделаки М. Б. Из общественного быта горцев Грузии – институт аманатства. Тбилиси: Мецниереба, 1987. 139 с.
17. Карамзин Н. М. История государства Российского: репринт. воспроизведение издания пятого, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П. М. Строева. М.: Книга, 1989. Кн. 2, т. 8. 188 стб.; Кн. 3, т. 9. 280 стб.
18. Карданов Ч. Э. Путь к России. Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – начале XIX века. Нальчик: Эльбрус, 2001. 431 с.
19. Княжецкая Е. А. Судьба одной карты. М.: Мысль, 1964. 120 с.
20. Кокиев Г. А. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Известия Юго-Осетинского НИИ Краеведения. Сталинир, 1933. Вып. 1. С. 179–225.
21. Кокиев Г. А. Краткий исторический очерк Кабарды // Из «Кабардинской АССР». Нальчик: Кабардинское книж. изд-во, 1946. С. 18–89.
22. Кокиев Г. А. Русско-кабардинские отношения в XVI в. // Ученые записки КНИИ. Нальчик: Кабардинское книж. изд-во, 1948. Т. 4. С. 24–64.
23. Корзинин А. Л. Государев двор Русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.). М. – СПб: Альянс-Архео, 2016. 672 с.
24. Косвен М. О. Кабардинский патриот Измаил Атажуков // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института литературы и истории. Майкоп, 1957. Т. 1. С. 43–68.
25. Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. К 300-летию дома Романовых: репринтное воспроизведение издания 1913. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1990. 283 с.
26. Кумыков Т. Х. Общественно-политические взгляды Измаил-бея // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). Нальчик: КБГУ, 1989. С. 5–37.
27. Мамбетов Г. Х. Институт аманатства и его роль в распространении и изучении русского языка на Северном Кавказе // Вестник КБГУ. Сер. Гуманитарные науки. Нальчик: Каб-Балк. ун-т, 2003. Вып. 8. С. 13–16.
28. Маремкулов А. Н. Юридические формы политики российской империи на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.: историко-правовой аспект. Ростов на/Д.: Северо-Кавказская акад. гос. службы, 2005. 316 с.
29. Нечкина М. В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 44–48.
30. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / сост. Т. Х. Кумыков. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
31. Нольде Б. Э. История формирования Российской империи / пер. с фр. Л. Ф. Сахибгареевой; отв. ред. В. А. Тишков. СПб: Дмитрий Буланин, 2013. 848 с.
32. Опришко О. Л. По тропам истории. Нальчик: Эльбрус, 2007. 672 с.
33. Очерки истории Адыгеи / отв. ред. С. К. Бушуев. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1957. 483 с.
34. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 37. 1820–1821 гг. 983 с.
35. Правящая элита Русского государства IX–начала XVIII в.: Очерки истории / отв. ред. А. П. Павлов. СПб: Дмитрий Буланин, 2006. 548 с.
36. Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития // История и историки. Материалы «круглого стола», состоявшегося 20–24 ноября 1989 г. в г. Звенигороде. М.: Наука, 1995. С. 6–167.
37. Румянцева В. С. Яков Куденетович Черкасский – ближний боярин царя Алексея Михайловича // Народы Северного Кавказа и Россия. Нальчик: Эль-Фа, 2007. С. 116–119.
38. Торопицын И. В. Участие В. Н. Татищева в сношениях России с Кабардой в середине 40-х гг. XVIII в. // Сборник РИО. М.: Русская панорама, 2002. Т. 5 (153). С. 167–186. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1740-1760/Tatisev/beseda_adzi_muchammed_04_05_1745.htm (Дата обращения: 15.04.2019).
39. Торопицын И. В. Институт аманатства во внутренней и внешней политике России в XVII–XVIII вв. // Кавказский сборник. М.: Русская панорама, 2007. Т. 4 (36). С. 59–80.
40. Туганов Р. У. Измаил-бей: исторический очерк о герое одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова. Нальчик: Эльбрус, 1972. 175 с.
41. Тхамоков Н. Х. К вопросу о роли системы аманатства в развитии русско-кабардинских связей в XVIII в. // Ученые записки КБГУ. Сер. Историко-филологическая. Нальчик, 1971. Вып. 43. С. 108–116.
42. Тютюнина Е. С. Кавказские пленники: по обе стороны Линии (1820–1822) // Вопросы южно-российской истории. М. – Армавир: [б. и.], 2006. Вып. 12. С. 66–73.
43. Тютюнина Е. С. Аманаты в Кизляре, 1756 г. // Генеалогия Северного Кавказа. М. – Нальчик, 2007. № 18. С. 189–196.
44. Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.

45. Чекалин А. Е. Род князей Черкасских в истории России: социогенеалогическое исследование. М., 2013. 26 с.
46. Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М.: Международные отношения, 1988. 216 с.
47. Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier: the making of a colonial Empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, 2004. 290 с.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ В ТРУДАХ К. Д. КАВЕЛИНА

Попов Николай Александрович,

кандидат исторических наук,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

К. Д. Кавелин – один из видных научных и общественных деятелей России – «историк, юрист, философ, публицист» по определению Д. А. Корсакова. Современные исследователи находят в жизни Кавелина лишь черты, ярко отражающие процессы русского либерализма второй половины XIX в. Но, по оценке А. Н. Медушевского, именно в осмыслении соотношения индивидуального начала и государственного устройства и состояли теоретические принципы российского конституционализма как идейного и общественно-политического движения.

К. Д. Кавелин, изучая русскую народность, призывал к развитию национальных начал общества и отстаивал идею о самобытности истории России, особом месте русского народа во всемирной истории. Тщательно анализируя исторические процессы, К. Д. Кавелин настаивал на изучении духовной жизни русского народа, предполагая в этнографии и народной психологии найти материал для объяснения исторических процессов. К. Д. Кавелин писал о том, что нужно стремиться к определению характера народа в целом путем изучения отдельных его свойств и их взаимные связи.

Актуальность именно в этом аспекте изучения трудов, второй половины XIX в., особенно наследия К. Д. Кавелина, представляется особенно важным. Выделенный период примечателен рядом крупных событий и явлений общественной жизни, наложивших отпечаток на судьбы и помыслы людей этого времени. Подготовка и отмена крепостного права, активизация деятельности антисамодежских сил, студенческое движение – все это пробуждало живой интерес русского общества к современности, истории, политическому и правовому обустройству России.

В трудах либералов первого поколения центральной проблемой оставалось обоснование демократических преобразований, конституционного строя и правового государства. Основное внимание было уделено правовым аспектам отношения общества и государства, роли последнего в социальных преобразованиях.

Главный вопрос эпохи реформ 1860-х гг. – положение крестьянского сословия. Характерно обращение к этой проблеме в сравнительно-исторической перспективе с целью получения политического прогноза о судьбах демократии в России. В этой связи К. Д. Кавелин считал, что решение аграрного вопроса на Западе, приведшее к обезземеливанию крестьян, создало предпосылки формирования пролетариата. Подобная перспектива для России кажется ему неприемлемой. Россия не должна повторить ошибку Запада. Альтернативный путь исторического развития для России К. Д. Кавелин связывает с правильным решением крестьянского вопроса, пытаясь преодолеть традиционную недооценку крестьянского сословия в правовой науке его времени. Для К. Д. Кавелина крестьянство – основная сила русского исторического процесса, то «четвертое сословие», от которого, в конечном счете, зависит будущее России: «Немецкие профессора говорят о четвертом сословии, имея в виду рабочих как часть городского населения. Я же думаю, что действительно новое четвертое сословие представляет социальный тип, еще никогда не игравший никакой роли в истории – тип сельского жителя, земледельца, крестьянина». Эту мысль К. Д. Кавелин развивал еще в 1863 году, в Бонне, в кружке профессоров. Вспоминая об этом в позднее в переписке с французским историком А. Рамбо, К. Д. Кавелин писал: «Я точно так же удивил немецкую публику в Бонне в 1863 г. доказывая, что четвертое сословие (der Vierte Stand) не есть безземельный и бездомный рабочий, а мужик, владеющий землей. Россия есть и долго будет для европейцев страной сюрпризов всякого рода. Россию европейцы не знают вовсе, думая, что прочитав Карамзина они все узнали» [3, с. 3].

В ряде работ К. Д. Кавелин показал связь историко-правовых факторов с выводами, сделанными на основе обработки юридических источников и особенно в одной из ключевых статей К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт Древней Руси». Анализ богатейших сведений о собственно русской стихии империи стал основой для идей о тождестве внутреннего развития личности и народа. В исторических и публицистических статьях К. Д. Кавелин пытался проследить эволюцию историко-правового сознания, мировосприятия «великорусского элемента». Историк заключает: «У нас не было начала личности: древняя русская жизнь его создала: с XVIII в. она стала действовать и развиваться. Оттого-то мы так сблизилась с Европой, ибо совершенно другим путем она к этому времени вышла к одной цели с нами... А у нас, вместе с началом личности, человек прямо выступил на сцену исторического действия, потому что личность в древней Руси не существовала, и, следовательно, не имела никаких научных определений» [1, с. 674].

В трудах К. Д. Кавелина прослеживается основной вопрос того времени – уход от традиционных социальных схем к гражданскому обществу, и в значительной мере – попытка показать особенности такого процесса в России. Главному фактору общественного развития в России в отличие от европейского нет альтернативы – только государство способно обеспечить подъем культуры и просвещения, провести реформу государственных учреждений, судопроизводства, ввести свободу печати. В сентябре 1848 г. К. Д. Кавелин писал Грановскому: «Я верю в совершенную необходимость абсолютизма для теперешней России: но он должен быть прогрессивный и просвещенный» [1, с. 607].

Эти положения объясняет и тот факт, что для либералов второй половины XIX в. наиболее значимой стала германская модель конституционной монархии с сильно выраженными монархическими принципами. Эта модель являлась соответствующей модификацией соответствующих принципов французской конституции, их новым синтезом, позволяющим совместить принципы правового государства и сильной власти монарха. Как в Германии, так и в России ее рациональность объяснялась исторически сложившимся характером отношений общества и государства, ролью последнего в модернизации. Германский образец оставался значимым для сторонников конституции и в последующее время. Несмотря на значительное внимание к французским образцам при подготовке Учредительного собрания концепция президентской республики напоминает ее веймарский вариант.

В кавелинских работах мы видим актуальный и сегодня взгляд, одобряющий противодействие административно-бюрократическому произволу в проведении реформ, поддержанных высшей властью. Рассуждая о политических последствиях реформ второй половины XIX в., Кавелин подчеркивал «...все последствия конституционного миража, будто администрация находится в руках царской власти, мы испытали вполне, до единого, во всей их печальной правде» [1, с. 593]

Таким образом, при всем внимании ученого к развитию личности в правовом аспекте, критики проведения реформ, Кавелин считал, что вопрос дня в России не в решении вопроса о введении конституции, не в противовесах в отношениях с разными сословиями, а в «сносном управлении» и «уважении к закону и данным права со стороны правительства» [1, с. 896].

Список источников и литературы

1. Кавелин К. Д. Собрание сочинений. СПб., 1900. Т. 2.
2. К. Д. Кавелин о смерти Николая I: Письма к Т. Н. Грановскому // Литературное наследство. М., 1959. Т. 67.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 262. Оп. 1. Д. 13.

СВЕДЕНИЯ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII–XIX вв. О ГОРОДАХ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ

Сайманов Султанбай Сыргабаевич,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры «История Узбекистана и Каракалпакстана»,
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,
г. Нукус, Республика Узбекистан*

Изучение истории культурного пространства, формирования и сосуществования различных культурных миров с позиции современных идеологических установок становится важным элементом познания и осмысления.

В условиях независимости актуальные и перспективные научные направления нашей истории поднялись на уровень государственной политики. В XX в. подобно другим регионам Центральной Азии история городов Южного Приаралья получила весьма обстоятельное изучение. В этом свете, очень интересными представляются письменные данные о городах Южного Приаралья, оставленные русскими авторами, после их посещения края.

В июле 1793 г. русское правительство отправило в Хиву главного врача майора Бланкеннагеля, который практиковался на лечении глазных болезней. В Хиве Бланкеннагель пробыл до 12 марта 1794 г. Во время этой поездки майор Бланкеннагель собирал сведения о ханстве в основном через русских пленных, находившихся в это время в Хивинском ханстве. Он писал: «От устья реки Амин-Дарьи в верх по течению ее ныне заселенные места, так называемые городами, лежат одно за другим, в большем или меньшем расстоянии от реки, следующим порядком: Конгат, Мангыт, Ходжа-или, Кипчак, Гурлян, Джагатай, Шах-абад, Уйгур, Кят, Ургендж, Ханки, Гезар-асп и Питняк» [5, с. 89]. Далее он приводит сведения об укреплении этих городов, военном снаряжении, народонаселении.

Сведения о городах низовьев Амударьи встречаем в «Описании» Хивинского ханства в 1803 г. у П. Величко. Он писал: «Конратъ же есть в их кочевьях главное место, обнесенное земляным валом, окружностью до 20 верст; вал вышины до двух аршин с несколькими выездами, которые в нужных случаях заставляются рогатками и телегами; в сию окружность собираются они семействами своими во время зимнее» [1, с. 256]. Вполне вероятно, что П. Величко здесь приводит описание крепости правителя г. Кунграда – Торемурата-Суфи. В то время крепость Торемурата-Суфи представляла собой укрепленный лагерь (курень), обнесенный стенами, куда укрывалось местное население со всем своим имуществом, скотом и юртами, когда над ними нависала угроза нападения, в основном со стороны туркмен и войск хивинских ханов, с которыми происходили частые столкновения. Как известно, после взятия Мухаммед Рахим ханом (1806–1825 гг.) г. Кунграда крепость Торемурата-Суфи была разрушена, жители переселены на новые места, которые им были отведены в окрестностях разрушенной крепости [4].

Далее идет описание г. Ходжейли, который «обнесен стеною из глины и дерну; кочевых кибиток полагают в нем до 700, жителей до 3000, собирающихся с пашен зимою», Кипчака «крепость земляная Копчак; жители в ней узбеки, числом до 1500» и Мангыта «30 верст: обнесен валом, кибиток здесь до 2000, жителей до 8000» [1, с. 257].

В 1842 г. по поручению азиатского департамента министерства иностранных дел в Хиву была снаряжена экспедиция полковника Г. И. Данилевского. Задачами экспедиции являлись уничтожения рабства и обеспечение неприкосновенности и имуществ русских пленников в Хивинском ханстве, ограничения незаконного влияния Хивы на кочевые племена, издавна вступившие в подданство России, обеспечение русской торговли с Хивой и с соседними владениями. Следствием этой поездки стал труд Г. И. Данилевского «Описание Хивинского ханства», в котором он описывает города низовьев Амударьи, приводит сведения о народонаселении, численности домов и лавок и другие

данные, необходимые для изучения истории городов ханства. Г. И. Данилевский отмечает, что «все почти города обнесены глиняными стенами... Окрестности всех городов состоят из обработанных полей, посреди которых разбросаны дома, отдельно один от другого стоящие... Дома, лавки и городские стены построены во всех городах на один лад и одинаковым способом...» [3, с. 64].

Давая характеристику городам низовьев Амударьи, Г. И. Данилевский пишет: «Кунград – в 204,5 верстах на северо-западе от Хивы, состоит из ханского дома, окруженного старинным садом, из домов начальника города и двух его помощников, 7 мечетей, 315 лавок и нескольких частных домиков. Между правым берегом канавы Ханской и Аму-Дарьей тянется широкая насыпная стена, имеющая около 4 верст в длину, около нее ближе к берегу реки возвышается другая, которая примыкает двумя сторонами вплоть к Аму-Дарьей и составляет берегом ее продолговатый четырехугольник. Эти две стены были некогда укреплением прежнего Кунграда, который еще в начале царствования Мухаммед Рахим хана не зависел от Хивы, управлялся своими тюрами из узбеков и считал своею принадлежностью города: Ходжейли, Мангыт и Кипчак» [3, с. 103].

В мае 1858 г. Правительством Российской империи в Хиву и Бухару была снаряжена миссия во главе с полковником Н. П. Игнатьевым, основной задачей которой было добиться разрешения на свободное плавание русских торговых судов по Амударье, и заручиться гарантиями охраны жизни и имущества подданных России. Участник этой экспедиции М. Н. Галкин, впоследствии в своих очерках приводит описание г. Кунграда, а также упоминает города Ходжейли, Кипчак, Мангыт. О городе Кунграде М. Н. Галкин пишет: «Узкие улицы, сажени в 2 шириною, с непросохшей еще грязью, кружили нас по городу. Полицейские чиновники разгоняли нагайками столпившийся на улицах народ, женщины выглядывали с плоских крыш зданий. Общий шум и гам сопровождали и еще более усилились при въезде в так называемую базарную улицу, более других прямую. Это своего рода пассаж. От одной стены, окаймляющей улицу, до другой – проведены жерди, накрытые соломой. В стенах окон не видать: они все обращены во внутрь дворов, а имеются одни двери, около коих устроены скамьи, на которые, в дни базара, выкладываются вещи. Повернув из этой улицы налево, мы, наконец, въехали в высокие, с зубчатым верхом, ворота ханского двора» [2, с. 123].

Таким образом, сведения русских путешественников, дипломатов, ученых и т. д. играют важную роль в изучении социально-экономического и культурного развития народов Южного Приаралья и являются ценным источником для изучения истории края.

Список источников и литературы

1. Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб, 1877.
2. Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. М., 1868.
3. Данилевский Г. Описание Хивинского ханства. СПб, 1851.
4. Кун А. Культурный оазис Хивинского ханства // Туркестанские ведомости. 1874. № 6.
5. Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хине в 1793–1794 гг. // Записки географического общества. 1858. № 12. С. 87–116.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КОММУНИКАЦИОННЫХ СРЕДСТВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ КАРАКАЛПАКОВ В ТРУДАХ РУССКИХ УЧЕНЫХ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Сейтимбетов Минсизбай Казахбаевич,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры «История Узбекистана и Каракалпакстана»,
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,
г. Нукус, Республика Узбекистан*

Во второй половине XIX – начале XX в. царское правительство в целях осуществления своих социально-экономических и политических программ организовало многочисленные экспедиции на территорию Каракалпакстана и в результате этого были опубликованы научные труды, были накоплены информации путешественников и послов, их дневники. Поэтому актуальной задачей исторической науки является анализ информации современной точки зрения, ввод в научный оборот и оценка.

В 1874 г. под руководством полковника Н. Г. Столетова была организована Амударьинская экспедиция. О ходе работы этой экспедиции были опубликованы многочисленные статьи в журнале «Известия» – органе Русского географического общества в 1875–1879 гг. Российская империя, направив русло Амударьи на Каспийское море, хотела иметь регулярное водное сообщение, связывающее Россию с Индией [2, с. 5].

Участвовавший в 1873 г. в изыскательских работах в низовьях Амударьи А.В. Каулбарс опубликовал ряд трудов. В работе «Низовья Амударьи описанные по собственным исследованиям в 1873 г.» А. В. Каулбарс дает многочисленные информации о быте, хозяйстве, культуре, обычаях народов Средней Азии [4, с. 555].

Развитие орошаемого земледелия в низовьях Амударьи, расширение площади под хлопком стало главной в аграрной политике царского правительства. В свою очередь, расширение хлопковых плантаций, увеличение капитала русских предпринимателей, доставка сырья из Средней Азии в центральные районы России требовало улучшения путей сообщения. Написавший в конце XIX – начале XX в. ценных трудов по истории аграрных отношений О. Шкапский в книге «Амударьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Амударье» проводит исследование по истории развития земледелия в Хорезмском оазисе. Он предлагает увеличить площадь под хлопком за счет сокращения пшеницы и провести через Красноводск или Уральск железнодорожную линию от низовьев Амударьи в европейскую Россию [9, с. 201].

Во второй половине XIX в. среди общественности России, на страницах периодики муссируется вопрос о строительстве железной дороги в Средней Азии. Были разработаны многочисленные варианты осуществления железной дороги в Среднюю Азию, организованы экспедиции.

В книге «О выборе кратчайшего направления Среднеазиатской железной дороги» ученые изучавшие направления железной дороги Оренбург и Екатеринбург, рекомендовали самый кратчайший путь – линию Оренбург-Ташкент» [5, с.3].

Проблема строительства железной дороги через пустыню Каракум стала актуальной во второй половине XIX в. Для практического решения этой проблемы в 1876 г. была организована экспедиция с участием инженеров министерства путей сообщения России Дембицкого, Гольстрема и Соколовского, осенью 1877 г. великий князь Николай Константинович также вел изыскательные работы в пустыне Каракум для этих целей. В ходе исследований почвы были определены, что пустыня Каракум не является настоящей пустыней, а пески укреплены растением поэтому наложение рельсов не приводит к трудностям.

Еще об одном кратчайшем направлении, связывающей Россию со Средней Азией была написана в книге «О наилучшем направлении железнодорожной магистрали в Среднюю Азию», где были подчеркнуты: «Оренбургско-Ташкентское направление пути, созданный историческими событиями, вполне удобный в техническом отношении и вполне безопасный» [6, с. 3].

В результате этих экспедиций и научных изысканий стало возможным созыв чрезвычайного совещания 1899 г., посвященный строительству кратчайшей железнодорожной линии, связывающей Среднюю Азию с Россией. На совещании были рассмотрены два проекта направлений: Чаржоу– Александров Гай и «Оренбург – Ташкент. Чтобы определить приоритет одного из направлений, в 1899 г. была организована экспедиция под руководством инженера Л. А. Штукенберга. Участник этой экспедиции М. Н. Чернышевский оставил дневник «Через Усть-Урт в Среднюю Азию» и фотографии. Эти бесценные материалы хранятся в Санкт-Петербургском отделении Института востоковедения Российской академии наук [8, л. 1–145].

Другой участник этой экспедиции геолог, горный инженер А. Н. Рябинин опубликовал статью «По Прикаспийским степям и Устюрту – от р. Урала до устья Амударьи (путевые наблюдения 1899 г.)» [7, с. 104].

«Военно-статическое описание Туркестанского военного округа. Хивинский район» содержит полные информации о путях сообщения Туркестана в целом, низовьев Амударьи в частности, о внутренних и внешних путях сообщения Хорезмского оазиса, о путях сообщения с другими странами и государствами [1, с. 22].

Книга «Каспийско-Аральская железная дорога в экономическом отношении. К проекту А. О. Брикельмейера и К. В. Николаевского» содержит богатый материал о берегах Южного Приаралья, природных богатствах плато Устюрт, о торговых путях Востока, о развитии животноводства, рыболовства, орошаемого земледелия, хлопководстве, садоводстве, виноградарстве, о перспективе этого края.

Ценное значение книги «Каспийско-Аральская железная дорога в экономическом отношении» состоит в том, что в ней есть полные информации о путях сообщения низовьев Амударьи и транспорте. В этой книге приводится информация о караванных путях, соединяющих Хорезмский оазис с внешним миром: «Из Хорезмского оазиса идет караванный путь к Оренбургу, Красноводску и Казалинску, причем путь к Оренбургу идет через Усть-Урт» [3, с. 3].

Тем не менее, водный путь через Амударью и Аральское море, караванная дорога не могли удовлетворить запросы русской мануфактуры, не могли обеспечить увоз сырья из Хивинского оазиса в Россию.

Таким образом, в трудах русских ученых конца XIX – начала XX в. сохранены многочисленные информации о политической, социально-экономической жизни народов Средней Азии, их культуре, менталитете и национальных ценностях. Всесторонний анализ этих источников поможет глубокому пониманию тяжелого положения народов низовья Амударьи, трудностях, связанных с недостаточной обеспеченностью путях сообщения.

Список источников и литературы

1. Военно-статическое описание Туркестанского военного округа. Хивинский район. Ташкент, 1912.
2. Известия Императорского Русского Географического обществ. 1875. Т. 11, вып. 1.
3. Каспийско-Аральская железная дорога в экономическом отношении. К проекту А. О. Брикельмейера и К. В. Николаевского. Экономическая записка. Статические – экономические материалы / под ред. Л. Л. Рума. СПб., 1914.
4. Каульбарс А. В. Низовья Амударьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. СПб, 1881.
5. О Выборе кратчайшего направления Среднеазиатской железной дороги. Оренбург, 1878.
6. О наилучшем направлении железнодорожной магистрали в Среднюю Азию. Оренбург, 1892.
7. Рябинин А. Н. По Прикаспийским степям и Устюрту – от р. Урала до устья Амударьи (путевые наблюдения 1899 г. // Горный журнал. СПб, 1905. Т. 1.
8. Санкт-Петербургское отделение Института Востоковедения Российской Академии наук. Р. 3. Оп. 1. Д. 27–28.
9. Шкапский О. Амударьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Амударье. Ташкент, 1900.

ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ

Тимофеева Елена Георгиевна,

*доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань,*

Тюрин Алексей Олегович,

*кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань,*

Лебедев Сергей Владиславович,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Историческая наука выявила пути, которые позволяют приблизиться к пониманию исторического прошлого через самого человека. Все больше развивается микроисторическое направление истории повседневности, которое концентрирует внимание на истории небольших населенных пунктах, семьях, каких-либо обществах и автобиографиях. Анализ жизнедеятельности и формирование мировоззрения отдельных личностей помогает нам объективно реконструировать исторический период, в котором они жили, радовались, страдали и мыслили.

Источники по истории повседневности весьма разнообразны. Письма, дневники, мемуары, автобиографии, устные рассказы о жизни, т. е. источники личного происхождения, в которых раскрываются ежедневные запросы человека, проявления его социальной активности, профессиональные интересы, интимная жизнь и т. п. Именно через анализ многообразия человеческого бытия, респондент становится близким другом, делает понятным своих современников и эпоху в целом.

Особый интерес представляет жизнь простого человека в переломный период. Одним из таких этапов в истории Советского Союза является время второй половины 1920–1930-х гг., когда посредством политических процессов, культурной революции, индустриализации и коллективизации кардинальным образом менялся социально-экономический, политический и культурный облик страны.

Большинство документов этого периода долгое время были недоступны научному сообществу и широкой общественности, ряд из них уничтожен или поврежден. Исторические мифы, порожденные советской пропагандой, оказались живучими и в современном обществе. В связи с этим изучение источников личного происхождения, связанных с этим периодом в рамках истории повседневности, как можно более объективно помогает воссоздавать период нашей истории, которая до сих пор вызывает много дискуссий и неоднозначных оценок.

Работая с дневниковыми записями, исследователям нужно особенно обратить внимание на личность автора, так как дневник отражает повседневность с точки зрения респондента, и через его мировосприятие мы сможем проанализировать как частную, так и общую ситуацию. Ярким примером дневниковых записей, которые осветили события второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. может служить, изданная в Саратове в 1999 г., публикация Ю. Песикова: «Ситников В. Н. «Пережитое: дневник саратовского обывателя. 1918–1931 гг.»».

Автор дневника В. Н. Ситников, юрист по образованию, с 1918 по 1931 г. регулярно, один – два раза в неделю делал записи и фиксировал важные с его точки зрения факты, события и явления, которые происходили как его личной жизни, так в городе и стране в целом. Поэтому анализируя его дневник, мы можем многое подчеркнуть о повседневной жизни жителей Саратова, и, в частности, о социальной группе служащих и интеллигенции, к которой причислял себя автор.

Во второй половине 1920-х гг. проблема занятости остро стояла для многих горожан в повседневной жизни, и в 1927 г. этот вопрос стал актуальным для В. Н. Ситникова. Он оказался безработным и в записи от 19 августа показал масштаб сокращения штатов в своей организации: «...много таких как я. Из Управления дороги сокращено около 600 человек, но это меня не утешает», а в записи от 4 января 1928 г. можно узнать размер пособия безработного: «Сократили и брата Бориса. Получаю пособие 17 руб. 75 коп.», а уже 12 марта пособие еще уменьшили: «...теперь 10 руб. 50 коп в месяц, поживи, попробуй обращаться на эти деньги», при этом в момент сокращения (1927 г.) В. Н. Ситников отмечал, «чтобы быть устроенным, нужно 100–120 рублей в месяц, но где их взять?» [1, с. 55–57].

21 января автор сетует, что его «человека с высшим образованием, на бирже труда смешали в общую кучу с хулиганами и подростками, совершенно обезличили» [1, с. 56], а причинами затянувшегося безработного состояния он считал, во-первых: «Работы нет, так как власть нанимает демобилизованных солдат из армии, минуя прочих. А тем более нас, интеллигентов» или «Не могу найти себе работы, да это и невозможно, т. к. партийцы, комсомольцы и деревенские выходцы позаняли все места», и во-вторых: «Куда ни суйся в поисках работы, везде нужны «свои» – партийные, знакомые и т. д. Какой-то заколдованный круг» [1, с. 57].

Совсем отчаявшись, 12 марта автор дал следующую характеристику повседневной ситуации, в которой, с его точки зрения, оказалась интеллигенция: «Мы интеллигенты, последний пласт уходящего поколения – обреченные. Нас беспощадно вытряхивают из насиженных углов, чтобы дать дорогу новым людям. Не считаются ни с чем. Мы люди старой школы, по выражению «нового» профессора Луначарского (как будто он сам родился 10 лет назад). Выбрасывают дико из учреждений, квартир, отовсюду, чтобы и духу нашего не было. Пожили, мол, и довольно. Кое-кто устраивается на нищенские пенсии, а большинство доживает свой век на жалком пособии по безработице или без него. Вот и я, переживаю все «прелести» страшного сокращения» [1, с. 56–58].

Только осенью 1928 г. В. Н. Ситников смог устроиться на работу, первоначально временно, в «Крайторготдел», и 15 ноября записал: «Пока служу на 125 руб. в месяц. Появилась возможность обновить обувь и починить одежду.

А дальше... Тревоги за будущее» [1, с. 62]. Стоит отметить, что в течение 1929–1930 гг. безработица как массовое явление в СССР исчезла, поэтому до 1932 г. (момент окончания ведения дневника) автор работал в «Крайторготделе» и позже был переведен в «Союзхлеб». 12 октября 1931 г. он отметил: «Заботы немалые. Работы – хоть отбавляй. Не хватает рабочих рук» [1, с. 83].

Не остался незамеченным в дневнике переход на пятидневную непрерывную неделю. 20 октября 1929 г. автор зафиксировал: «Все перешли на непрерывную неделю. Отдых на 5-й день без праздников», но с точки зрения респондента это не всегда удобно, так как «с этой пятидневкой перестал видаться со многими знакомыми» [1, с. 68, 76].

Все же на протяжении 1929–1930 гг. В. Н. Ситников боялся потерять работу из-за проводимых «чисток». Уже 4 января 1929 г. записал: «Вот пришел новый год. Трудно сказать, что нового он принесет нашей стране, но можно сказать определенно: некоторым людям он принесет одно горе, лишения. Власть решила произвести чистку государственного аппарата, изгнать из него “чуждые элементы”. Чистка эта своей тяжестью ляжет на нашего брата, интеллигентов со старым образованием, старыми традициями, которые не примкнули к господствующей партии», и 19 января: «“Сократили”, “сняли”, “вычистили” – вот теперь часто употребляемые словечки». 12 февраля продолжил: «Идет чистка госаппарата от “чуждых элементов”». Нет сомнения, что под этот элемент при желании можно подвести всякого. Когда это совершится в отношении меня, точно сказать нельзя, но каждый день надо быть готовым». 7 марта В. Н. Ситникова подвел первые итоги «чисток»: «Идет чистка “чуждых элемент элементов”. В Управлении дороги уволено больше 100 человек. Увольняют и из других учреждений. Лишают заработка интеллигентных людей, обрекая их на самые тяжелые лишения» [1, с. 63–65]. В дальнейшем появлялись опасения за собственную судьбу, 19 сентября: «Чудом работаю в Крайторге, ежедневно боязнь быть выброшенным за борт», 10 января 1930 г.: «... снова заговорили о “чистке аппарата”. Наверное, этот вопрос скоро решится. Время для меня роковое», и 14 февраля: «Опять тревожное время. Хотя меня и успокаивают, но я один из кандидатов на увольнение» [1, с. 68, 70]. В. Н. Ситников не был уверенным в своей стабильной занятости, но все же «чистки» этого периода его миновали, хотя 14 февраля 1931 г. он вновь записал: «На службе продолжается чистка. Мне приходится уже второй раз переживать эту неприятную процедуру» [1, с. 77].

Другой повседневной проблемой, которой отводилось значительное место в дневнике, являлась ситуация со снабжением населения продовольствием и товарами первой необходимости. В конце 1920–1930-х гг. в этой сфере разразился острый кризис, и в 1932–1933 гг. в стране наступил голод. 14 мая 1928 г. автор отметил в дневнике: «Наш город без масла и без достаточного количества хлеба», а 14 июля: «Опять хлебные очереди. Приходится занимать свое место с вечера. Хлеб достается с трудом. Зато пиво и водка в изобилии и без очереди» [1, с. 58–59].

В 1929–1931 гг. продовольственный вопрос становится для автора все более актуальным, и в дневнике появлялось больше записей по этой теме. 4 июня 1929 г. записал следующее: «Ощущается острый недостаток хлеба, мяса, сахара, тканей и даже ниток. Кооперирование ведется методом принуждения. В кооперативах увеличивают пай и отпускают товары только пайщикам. То есть продают товары только тем, кто платит за них в виде пая добавочную цену», 19 сентября: «В продаже нет овощей, масло мало. Хлеб выдают очень низкого качества по 300 грамм в день» [1, с. 66, 68, 69]. Из дневника можно узнать рыночные цены на продукты. 28 сентября 1930 г.: «Яблоки – 1 руб. 50 коп. за фунт, виноград – 2 руб., Арбуз стоит, 1 руб. 50 коп., 2 руб. Хлеб только по карточкам, мяса нет» [1, с. 74–75].

К продовольственной проблеме в 1930 г. добавляются задержки выплат заработной платы, которые будут продолжаться на протяжении 1931 г. 16 октября 1930 г. автор записал: «Зарплату задерживают, сидим без денег, в казенных магазинах ничего нет, а на базаре страшная дороговизна. Сегодня бутылка молока стоит 1 руб.», а 27 апреля 1931 г. констатировал: «Зарплату не выдают больше месяца» [1, с. 75, 78].

С точки зрения респондента дорогая стоила одежда. 2 февраля 1931 г. В. Н. Ситников отметил: «Если в магазинах появляются готовые костюмы, то они крайне дороги. Брюки стоят 60–70 рублей. Пальто свыше – 200 руб. Но главное нет мыла, мяса, табака, жиров, нет дров», только 14 февраля он «купил дров и заплатил 38 рублей». 1 апреля автор отметил, что «норму хлеба сбавили до 250 грамм в день (до этого была 300 грамм)» [1, с. 77–78].

Подспорьем в питании для населения были относительно дешевые обеды в специальных столовых, так как со второй половины 1920-х гг. активно развивалась система общественного питания. Однако 18 апреля 1931 г. В. Н. Ситников стал жить «буквально без обедов, так как нас, служащих лишили своей столовой. Приходится платить за обед в общей столовой 3 руб. 50 коп., что немислимо при наших окладах. А из-за дороговизны продуктов и недостатка керосина (выдают 2 литра в месяц) готовить обеды дома почти невозможно» [1, с. 85].

1931 г. респондент заканчивал в рассуждениях о продовольственном вопросе и материальном положении в целом. 10 ноября: «У большинства населения мало дров, нет картофеля, капусты, огурцов и всего того, что раньше запасли на зиму. Хорошо только тем, кто прикреплен к столовым... (партийные, учрежденческие и пр.)». 20 ноября записал: «Уже более двух лет не едим белый хлеб. Базары сейчас почти пусты, там очень высокие цены». 29 ноября: «Положение жителей страны незавидное. У большинства нет дров, не хватает керосина, питание плохое. Мануфактуры и обуви давно нет... Я обедаю в правлении дороги – нелегально. В любой день могу лишиться обеда». 10 декабря: «Оклад мой – 145 рублей теперь совсем обесценен из-за дороговизны продуктов. Зарплату за ноябрь до сего времени не получили». 30 декабря: «По-прежнему живем, нуждаясь в самом необходимом: хлебе, мясе, масле, обуви, мануфактуре, дровах и керосине. Если же что есть в продаже, то очень дорого: обувь – 25 руб., масло 7 руб., полбутылки молока – 1 руб. А главное, что волнует, – мало надежды на то, что столь необходимые продукты появятся в недалеком будущем» [1, с. 86, 87].

Не обошла стороной В. Н. Ситникова еще одна повседневная проблема – жилищная, только он оказался среди тех за счет кого государственная власть пыталась отчасти решить этот кризис. 30 января 1928 г. он записал: «Свет-

лую комнату у меня забрали. Ходил к прокурору – напрасно. В городе жилищный кризис. Нужда в жилье огромная. Теперь живу в полутемной комнате». 20 марта добавил: «Моя комната в нашей квартире – самая мрачная, холодная. Нет света и уюта» [1, с. 56, 58]. 12 сентября 1929 г. автор аллегорически заметил: «... Небо покрыто тучами. И над нами, жильцами, нависли тучи. После 36-летнего проживания в одном доме нас хотят переселить в другое место». 22 ноября 1929 г. В. Н. Ситников констатировал в дневнике: «У меня все непрочно: и служба, и квартира... Все можно потерять в один день...». Через несколько месяцев его переселили, и 21 февраля 1930 г. он записал: «Опять квартирный вопрос – вопрос переселения. На этот раз он, видимо, будет решен. Прокуратура дала согласие на предоставление другой квартиры». 24 февраля: «Ужасные переживания томительного ожидания новой квартиры». 15 марта В. Н. Ситников уже жил в новой квартире: «Живу на новой квартире с соседкой Александрой Ивановной... Мой брат Николай теперь живет на частной квартире, очередь за Борисом. Кто бы мог раньше подумать, что с нашей семьей так дико поступят!» [1, с. 62, 68, 70, 71].

Несмотря на тяжелые условия жизни В. Н. Ситников проводил свой повседневный досуг за чтением книг, и нередко ходил в театр. При этом он фиксировал название постановок и довольно часто имена актеров, исполняющих роли в спектаклях. Особенно любил посещать оперу. Например, 21 июля 1928 г.: «Недавно слушал оперы “Царская невеста”, “Кармен”, “Руслан и Людмила”». 9 ноября 1928 г.: «Был с женой в театре на операх “Евгений Онегин” и “Мазепа”. Хороши басы: Соловьев, Шерепетьев и Каченовский», или 10 декабря: «Гостила Женя. Был с ней на операх “Демон” и “Баттерфляй”». Последнюю оперу слышал впервые. Понравилась сильная проникнутая экстазом музыка» [1, с. 61–63]. Подобные записи автор делал вплоть до 1932 г., но их становилось все меньше, и за 1931 г. всего одна – от 22 октября 1931 г.: «На днях был на концерте скрипача Эрденко. Сарасате, Кубелик, Ауэр, Григорович, Блиндер. Теперь Эрденко. Вот каких скрипачей я слушал» [1, с. 67, 76, 84].

Что же касается чтения, то автор в дневнике постоянно делился впечатлениями о прочитанном. 19 января 1929 г. записал: «Прочитал “Дни моей жизни” Щепкиной-Куперник. Сентиментально-сладенькая книжонка». 1 февраля: «Прочитал кошмарную повесть Эренбурга “В проточном переулке”». Описывается полная ужасов жизнь Москвы. А ведь это правда». 26 мая: «Читаю переписку Романовых. Удивляюсь их хорошим супружеским отношениям...» [1, с. 64–66]. Помимо книг В. Н. Ситников много читал прессу. После прочтения газет, в дневнике появлялись записи, характеризующие важные, с его точки зрения, внутренние и внешнеполитические события: «о начале “самокритике” и раскрытии всех видов преступлений, аресте прокуроров, судей и иных должностных лиц», «поход на кулаков и зажиточных крестьян в деревне», «о запрещении колокольного звона», о «появлении “Пан-Европы и укреплении фашизма в Германии” и т. п. [1, с. 59, 69, 70, 74].

Кроме фактического материала, характеризующего повседневную жизнь, в дневнике представлены размышления, чувства и в целом реакции автора на события собственной жизни. Безусловно, это субъективные оценки, но они являются характеристикой окружающей действительности, с точки зрения определенной социальной группы горожан, т. е. интеллигенции, с представителями которой респондент в основном общался.

В середине 1928 г. он записал: «Везде бросается в глаза какое-то торжество самого грубого, самого пошлого мещанства. Вызывающие наряды женщин. Пивные красные физиономии мужчин. Пьяная вахханалия мчащихся извозчиков. Разврат, преступления, насилия, грубое изыменование у домовладельцев “излишков” жилплощади. Гнет над живой мыслью и словом и пр., и пр. – все это свидетельствует далеко не о том, что наше общество развивается под флагом социализма... Наша жизнь наполнена стихией грубого мужланства со всей ее безудержностью. И напрасно власти ссылаются на пережитки старого быта. Словом, как и следовало ожидать, из большевика вырос “российский мещанин», как когда-то из яковинцев – Наполеон. Грустно все это, горько» [1, с. 60].

В записи от 5 июля 1928 г. В. Н. Ситников размышлял по поводу своей карьеры: «Жизнь идет очень медленной поступью... Особенно туго приходится лицам интеллигентного труда. Много безработных юристов, в том числе и я... Наступило время, когда сказались мои студенческие сомнения и терзания по выбору карьеры... Будущее беспросветно. Сам не знаю, что дальше? Когда же на моем грустном небосводе покажешься ты, Великое Солнце?» [1, с. 60].

Записи за 1931 г., с одной стороны, отличают драматическое описание материально-бытового положения населения, с другой – успехи в области промышленного строительства, которые отчасти убеждали автора в правильности проводимого курса: «В материальном отношении живу очень неважно... Всюду стройки, без конца везут стройматериалы. Масса рабочих... Сплошные будни. Без хорошего отдыха. Без праздников. И нет конца эти стройкам, этим бесконечным будням. На полях – сев, многочисленные тракторы полосуют корявую землю. Трактористы старательно трудятся. И это несмотря на недоение, отсутствие многих необходимых продуктов»; «Вчера ходил на Увек. Смотрел, как строится мост через Волгу. Он – давняя мечта жителей Саратова. О нем мы мечтали более 30 лет... Мне сказали, что строительство его закончится в 1932 году. По дороге (шел пешком с комбайнстрой) я любовался другими стройками: сооружаются теплоцентраль, кирпичный и лесопильный заводы. Благодаря этому строительству наш город значительно вырастет» [1, с. 78–79].

Уже во второй половине 1931 г. в дневниковых рассуждениях автора появляется уверенность в успехах проводимой индустриализации и в целом в завтрашнем дне: «Месяц начался пуском двух гигантов АМО (25000 грузовиков) и Харьковского тракторного (75000 машин в год). Мимо этих событий нельзя пройти. Они заслуживают пристального внимания. Наша страна становится на новый путь – индустриализации. Благодаря этому в основной области промышленности мы понемногу сможем освободиться от зависимости других стран. Теперь, конечно, нам станет легче жить. Постепенно будут вступать в строй еще новые заводы и фабрики. Словом, мы вышли из мертвой полосы и понемногу разворачиваемся после пережитых тяжелейших испытаний» [1, с. 83].

На примере В. Н. Ситникова видно, как дневниковые записи значительно дополняют и расширяют круг источников по истории повседневности. Дневники являются важной частью духовной жизни человека. В них отражается в полной мере не только происходящие события, но и внутренний эмоциональный мир автора, его оценки и восприятие действительности. Дневники передают напрямую сложившуюся историческую ситуацию, в них дается сиюминутная эмоциональная оценка событий. В то же время при изучении дневниковых записей следует помнить, что помимо повседневной жизни жителей (в данном случае жителей Саратова) в дневниках отражается и повседневность автора с ее трудностями, эмоциями и оценками событий (оценки со временем могут меняться), и эту авторскую повседневность исследователь должен обязательно учитывать при реконструкции событий изучаемого периода. Что касается дневника В. Н. Ситникова, то он является важным источником, позволяющим восстановить объективную картину материально-бытового положения городского населения в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Список источников и литературы

1. Ситников В. Н. Пережитое: дневник саратовского обывателя. 1918–1931 гг. Публикация Ю. Песикова. Саратов, 1999.

ВКЛАД К. ШАНИЯЗОВА В ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГЕНЕЗА УЗБЕКСКОГО НАРОДА

Якупова Наргиза Уктамбаевна,
магистрант,

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,
г. Нукус, Республика Узбекистан,

научный руководитель – **Сайманов Султанбай Сыргабаевич,**
кандидат исторических наук, доцент кафедры «История Узбекистана и Каракалпакстана»,
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,
г. Нукус, Республика Узбекистан

После обретения государственной независимости Республикой Узбекистан одной из актуальных задач исторической науки и ее вспомогательных дисциплин (этнологии, антропологии, археологии, нумизматики и др.) стало изучение истории узбекской государственности, этногенеза и этнической истории узбекского народа. Как отметил Первый Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов: «...исчезновение любой национальной общности с ее языково-культурными и другими особенностями приводит к обеднению культурного и генетического фонда Земли, возможностей личности. Поэтому сохранение каждой этнической общности должно быть важнейшей целью входящих в нее людей» [2, с. 73–74]. Эти слова наглядно показывают, насколько актуально изучение на научной основе сложения национального самосознания, происхождения и процессов формирования народа, его древней истории.

Входящий в группу среднеазиатских республик современный Узбекистан по своему этническому составу и этнокультурным традициям представляет весьма сложную картину. Находясь в последние три-четыре тысячелетия на перекрестке многочисленных этнических миграций, крупных и малых социально-политических событий, Узбекистан всегда был в центре внимания соседних государств. Поэтому изучение особенностей образа жизни, быта и культуры коренного населения этой независимой республики имеет огромное научно-практическое и политическое значение.

Этногенез узбекского народа – одна из сложных актуальных проблем исторической науки. Эта проблема привлекала и привлекает внимание многих ученых – историков, археологов, этнографов, антропологов, лингвистов и представителей других смежных наук, создавших ряд ценных работ по этнической истории узбекского народа.

Изучению вопросов этнографии, этногенеза и этнической истории узбекского народа посвящен ряд исследований. Сюда можно отнести как научные исследования, осуществленные в советский период, а также научно-аналитические и теоретические исследования, осуществленные в период независимости Республики Узбекистан.

В советский период была проделана большая работа по изучению этногенеза и этнической истории узбекского народа и народов Средней Азии в целом. Однако большинство исследований имели идеологическую направленность, приведшей к тому, что исторические процессы освещались однобоко.

В период независимости Республики Узбекистан были достигнуты большие успехи в области изучения этногенеза и этнической истории, что позволило глубже исследовать историю этнографии как в научном, так и в методическом аспектах на основе новых подходов и тенденций. Особых успехов в этом плане достигли К. Ш. Шаниязов, А. А. Аскарлов, З. Х. Арифханова, И. М. Джаббаров, У. С. Абдуллаев, А. А. Аширов, О. Б. Буриев, А. М. Маликов и др.

Одним из таких крупных представителей узбекской этнографической науки академик Карим Шаниязович Шаниязов, с именем которого связаны становление и развитие узбекской этнографической науки. Как отмечал французский исследователь, сотрудник Высшей школы социальных исследований Марлен Ларюзель, «сегодня, по-видимому, никто не в состоянии продолжить этногенетические исследования выдающегося узбекского этнолога советского периода Карима Шаниязова, после смерти которого фактически не осталось учеников» [3]. По-видимому, здесь М. Ларюзель хотел показать роль и значимость академика К. Ш. Шаниязова как ученого, внесшего огромный вклад в развитие этнологической науки в Узбекистане, т. к. учеников и последователей его учения в Узбекистане на сегодняшний день хватает.

Карим Шаниязович Шаниязов родился в 1924 г. в кишлаке Карлук Касанского района Кашкадарьинской области в семье крестьянина. Судьба не была благосклонна к нему – на своем жизненном пути ему пришлось преодолевать немалые трудности и невзгоды. На первом году жизни он лишился родителей и воспитывался у родственников,

а потом в интернате. Карим Шаниязович рано начал свою трудовую жизнь, с 11 лет работал в колхозе. В 1941 г. 17-летним юношей ушел добровольцем на фронт, сражался на Ленинградском, Украинском, Белорусском, Прибалтийском фронтах, был командиром моторизованного взвода разведки, воевал в Румынии, Польше и Германии. За проявленные отвагу и мужество был награжден 5 орденами и 15 медалями [1].

По окончании в 1952 г. Ташкентского государственного педагогического института он работал сотрудником органов МГБ Узбекской ССР, а затем преподавателем техникума, но свое призвание нашел в науке. С 1957 г. жизнь и научная деятельность К. Ш. Шаниязова были связаны с Институтом истории Академии наук Узбекистана.

В середине 1950-х гг. большую группу узбекских молодых ученых направили в аспирантуру в академические институты Москвы и Ленинграда. К. Ш. Шаниязову посчастливилось быть среди них и начать свой путь в науку в аспирантуре Ленинградской части Института этнографии АН СССР. Здесь его научным наставником и учителем был известный тюрколог Л.П. Потапов, который стоял у истоков формирования К. Ш. Шаниязова как исследователя и способствовал определению его научного интереса к этнической истории тюркских народов.

Первый большой труд ученого – монография «Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк)» (1964 г.) была посвящена одной из крупных этнографических групп узбеков – карлукам, выходцем из которой был сам К. Ш. Шаниязов. Продолжая углубленно изучать этническую историю, процесс складывания узбекского народа, он провел историко-этнографические исследования таких его отдельных компонентов, как канглы, кипчаки, узы, курама и др. Его перу принадлежат монографические исследования «К этнической истории узбекского народа» (1974; в 1975 г. Он защитил докторскую диссертацию по этой теме), «Кангы и кангское государство» (1990), «Государство карлуков и карлуки» (1999). Две последние монографии вышли на узбекском языке.

Труды К. Ш. Шаниязова были известны не только в нашей республике, но и далеко за ее пределами. Он неоднократно выступал с научными докладами на международных форумах ученых в дальнем и ближнем зарубежье: на VII (Москва, 1964 г.), IX (Чикаго, 1973 г.) и X (Дели, 1978 г.) международных конгрессах антропологических и этнографических наук, на симпозиуме по номадизму (Москва, 1968 г.), на тюркологических конференциях (Уфа, Алма-Ата, 1976 г.). Его статьи были опубликованы в Чикаго, Париже, Дели, Кабуле [3].

Таким образом, академик К. Ш. Шаниязов в своих многочисленных исследованиях и трудах рассматривал вопросы не только исторических предков узбеков (саков, массагетов, кангаров, согдийцев, хорезмийцев, бактрийцев и др.), а также исследовал роль других этнических компонентов (карлуки, канглы, кипчаки, узы, курама и др.) в формировании узбекского народа. Вместе с тем, он исследовал не только целый ряд важных для этнографии вопросов, таких как традиционное хозяйство (животноводство и земледелие), обычаи и обряды, но и социальные отношения в кишлаке, общественное землепользование, формы земельной собственности, традиционные народные праздники, игры и развлечения узбеков.

Список источников и литературы

1. Арифханова З. Х. Карим Шаниязович Шаниязов // Этнографическое обозрение. 2001. № 6. С. 150. URL: <http://www.annales.info>.
2. Каримов И. А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса // Каримов И. А. Пути безопасности и стабильного развития. Ташкент: Узбекистон, 1998. Т. 6.
3. Ларюэль М. «Этнический атлас Узбекистана» в контексте современного институционального положения постсоветской узбекской этнологии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. URL: <http://journal.iea.ras.ru>.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЖИЛИЩ МИЗДАХКАНА

Алимбетов Ансатбай Кеунимжаевич,

ассистент кафедры «Археология»,

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,

г. Нукус, Республика Узбекистан

Городище Миздахкан находится в 5 км юго-западу от г. Ходжейли Республики Каракалпакстан. В комплекс Миздахкан входят: 1 – развалины города, известные у местного населения под названием Гяур-кала; 2 – Восточный холм с мавзолеем Назлумхан-Сулу и занят кладбищем; 3 – между Гяур-кала и восточным бугром и севернее находятся останки золотоордынского города; 4 – пригородская и городская оросительные системы и планировки полей; 5 – развалины отдельных построек.

Его площадь составляет около 200 га, памятник был исследован в 1928–1929 гг. А. Ю. Якубовским (1930). Важнейшим результатом его работ являлись предположения, выдвинутые В. В. Бартольд, о возможности локализации в данной местности древнего города Миздахкан и одноименного рустака, неоднократно упоминаемые в средневековой арабоязычной географической литературе [1, с. 204].

В 1946 г. памятник был исследован сотрудниками Хорезмской археологической экспедиции под руководством С. П. Толстова [2, с. 630]. В 1962, 1964–1965 гг. городище изучал стационарно-археологический экспедиционный отряд Каракалпакского филиала АН УзССР. Во время этих работ были получены данные по топографии Миздахкана, и был открыт городской некрополь, там же производились самые первые раскопки, впервые были произведены раскопки, а также была проведена инструментальная съемка отдельных частей Миздахкана [13, с. 6–7].

С 1985 г. городище Миздахкан исследуются археологами КГУ имени Бердаха М. Т. Туребековым и М. Ш. Кдырнязовым. В результате археологических раскопок, проведенных в 1986–2015 гг. на территории Миздахкана, получены новые данные об истории развития домостроительства, ремесленного производства этого уникального памятника. Систематические исследования на различных территориях городища показали, что на южной, западной и северной частях восточного холма (Мазлумхан – Сулу) имеются остатки золотоордынского города. Он возникает во второй половине XIII – XIV в. За годы изучения на территории древнего Миздахкана вскрыты жилые и торгово-ремесленные кварталы. В свою очередь условно исследованы теми же учеными: восточный квартал I–II, юго-западный квартал, северный, южное поселение и центральный [11, с. 14–29; 3, с. 30–49; 4 с. 96–98; 12, с. 67]. Эти работы позволили получить представления об уличной сети, местоположении производственно-жилых построек XIII–XIV вв. [5, с. 36–39].

Позднее, по результатам археологических работ проведенные с 2000–2015 гг., удалось обнаружить ряд культурных отложений до монгольского времени (раскопки под руководством М. Ш. Кдырнязова, С. Т. Саипова, А. К. Алимбетова). Также в южной части крепости Гяур-кала (Юго-восточное поселение) выделен комплекс построек с общественными, жилыми, производственного характера жилищами. Собранный материал, а также некоторые типы сооружений относятся к афригидскому (раннего средневековья), хорезмшахскому и раннезолотоордынскому времени [8, с. 36–39]. По раскопанному слою, вскрытым сооружениям и площади южного поселения выяснено, что новая застройка кварталов после нашествия монголов началась с южной части. Этот район городища заселялся еще домонгольский период как ремесленный пригород за городской стеной. Здесь местами прослежены культурные остатки хорезмшахского времени. Новая застройка участка произошла в раннезолотоордынский период [7, с. 78–85]. В южном поселении ранние стены частично использовались под основание новых стен. Стены сложены небрежно и деформированы, ряды выдержаны очень слабо. В ходе работы на южном поселении вскрыты кварталы с гончарными печами, и остатки винодельческого производства. Как показали раскопки, жизнь на территории южного поселения функционировала недолгое время, в конце XIII – начале XIV в.

Если южное поселение в начале XIV в. постепенно исчезало, то в центральное начало застраиваться, превратившись впоследствии в обширное торгово-ремесленное городское поселение. На его территории компактно, слитной застройкой выявлены различные типы домохозяйства с ремесленными объектами. Территория центрального поселения в XIV в. была 80 га. Здесь в центре располагались кварталы 1–3. Кроме того, на территории северного поселения изучен жилой комплекс и изолированные дома со сплошной застройкой. К отдельным рассредоточенным домам примыкает четырехугольная глиняная ограда, являющаяся, как правило, остатком агрокультурного угодья. В целом, археолого-топографические исследования позволяют сделать ряд наблюдений о динамике развития Миздахкана в золотоордынский период. В середине XIV в. город расширяется и занимает более 100 га. Новый неукрепленный город застраивается на юго-востоке крепости Гяур-кала и на юге бугра Мазлумхан-Сулу.

Основными застроенными элементами города XIII–XIV вв. являются крупные жилые массивы – кварталы со сплошной застройкой. Выявлена магистральная улица между кварталами восточной и центральной частей неукрепленного поселения.

Интересные данные о жилых застройках золотоордынского времени получены во время раскопок «центрального квартала», которые начинались в 1985 г. (раскопки М. Т. Туребекова). Здесь наряду с кварталами был вскрыт большой керамический цех и одна изолированная печь индивидуального производителя гончарной продукции [11,

с. 14–29; 12, с. 67–79]. Конфигурация и площадь кварталов различны (от 1222 до 1300 м²), встречаются ряды прямоугольной, подтрапецевидной и многоугольной форм. В состав кварталов входит от трех до десяти домовладений. Квартал 1 (1300 м²) в центральной части состоит из трех секторов, связанных с южной, северной и западной сторон улицами. В квартале десять домовладений. Площадь помещений от 5 до 41 м². Площадь дворов-айванов – от 36 до 110 м². В квартале самый большой дом состоит из шести помещений и двора с гончарной печью. Малый дом включает в себя два помещения [6, с. 26–31; 10, с. 61–63]. Квартал 2 (1209 м²) расположен на южной стороне квартала 1. Он также прямоугольной формы, с четырех сторон ограничен улицами и состоит из большого керамического цеха и восьми домовладений. Большие дома состоят из пяти – десяти помещений и двора, занимают площадь от 162 до 185 м². Дома меньшего размера состоят из двух – трех помещений, площадь которых от 48,71 (дом 1) до 49,95 м² (дом 3). В восточной части квартала действовал большой керамический цех, состоящий из большого двора, семи гончарных печей, трёх колодцев, трёх производственных ям, двух жилых, шести кладовых помещений [12, с. 67–79]. Кроме того, в восточной части дома 5 четвертого квартала вдоль магистральной улицы расположены шесть домов, связанных квартальной мечетью. Из них самый маленький дом – однокомнатный с полуперекрытым айваном (дом 2). Дом прямоугольной формы размером 11 м x 3,7 м. Он связан с улицей широким проходом (2,2 м). Дом был явно хозяйственного назначения. В нем обнаружена хозяйственная яма размером 2,2 м x 1,5 м, использованная для хранения зерна. У юго-западного угла построен тандыр и очаг. Дом 4 состоял из четырех комнат, также состоящих из трех хозяйственных помещений и жилой ячейки 15. Этот ряд жилых построек дополняется постройками дома 6, состоящего из восьми помещений и большого айвана. Общая площадь дома – 220 м². В большом жилом помещении размером 8,5 м x 5,4 м, имеются П-образная суфа с очаг-каном и керамический тандыр.

В 1986–1993 гг. были проведены раскопки в восточных кварталах I–II и юго-западной части (ЮЗК) золотоордынского поселения (раскопки М. Ш. Кдырниязова). В 1986–1988 гг. был исследован условно названный исследователями восточный квартал I, относящийся к концу XIII–XIV вв. Квартал разделяется от центральной части неукрепленного города магистральной улицей шириной от 4,60 до 6 м, узкий тупикообразный переулочек отделяет его от восточного квартала II [11, с. 30–49]. Планировка квартала четко выделяется, и ее остатки покоятся на слабовыраженной возвышенности. Общая площадь раскопа составляет более 2800 м². Вскрытые помещения связаны между собой проходами и функционально делятся на хозяйственно-бытовые и гостинные помещения. Кладки стен производились из пахсы и стандартного сырцового кирпича золотоордынского времени. В отдельных случаях в основание стен положены в один – два ряда каменные плиты, и жженные кирпичи. В плане вскрытых помещений четко прослеживается жилой комплекс, внутри которого можно выделить несколько компактно расположенных домов. Характеристика раскопанных домов показала, что, как и большинство городских жилищ, они состояли из трех и пяти помещений, соединенных проходами. Размеры комнат-ячеек колеблются от 15,4 (помещение 1) до 23,32 м² (помещение 16). Исключение составляет жилище производственного характера (27,75 м², помещение 11). Есть дома, состоящие из двух или десяти помещений. Двухкомнатный дом 1 является жильем индивидуального производителя, хлеба – пекаря. Помещение 1 угловое, подквадратной формы, размером 3,85 м x 4 м (15,4 м²), находилось на пересечении переулочка и магистральной улицы. В северо-западном углу на специально огороженной возвышенности, размером 1,10 м x 2,0 м, сооружен керамический тандыр в виде большого выпуклого хума. Внешняя поверхность тандыра обмазана толстым слоем глины. Тандыр построен на платформе с уклоном в сторону вглубь комнаты и имеет ступенчатую рабочую площадку. На левой стороне тандыра сооружен керамический очаг, который примыкал к перегородке платформы. Помещение 2 (16,1 м²), проходом соединяется с помещением 1. Большая часть (3/4) помещения занята суфой с очагом. Таким образом, дом 1 состоял из двух помещений с общей полезной площадью 24,7 м². Жилищем состоятельного ремесленника является дом 4, расположенный в юго-восточной части восточного квартала I. Дом состоит из пяти помещений (№ 18–22). В помещении 19 обнаружены остатки трех тандыров и хозяйственной ямы. Парные тандыры (диаметр – 0,70 м) расположены на суфообразной выкладке (1,05 м x 1,90 м x 0,25 м) вдоль западной стены помещения. К третьему тандыру, расположенному на суфе у восточной стены, с южной стороны примыкает хозяйственная яма. Помещения № 18, 20, 21 – жилые комнаты с суфами, очагом и ташнау. Помещение 19 выполняло функцию полуоткрытого айвана, он был открыт на юг, на незастроенную часть квартала.

В комплексе домохозяйств восточного квартала Миздахкана интересны данные дома 10. Это жилище ремесленника – агрария, состоящее из производственного двора (№ 87), коридора (№ 90), жилых (№ 86, 88, 92), хозяйственных помещений (№ 91, 93, 94) и предвыходного тамбура (№ 89). Внутри двора находились суфа-лавка, очаг-печи, резервуары для хранения жидкостей, каменная давяльня, закрома, мельничный остов, верхняя часть жернова, подквадратное основание базы и ниша в северной стене. Треть площади помещения № 86 занята II-образной суфой, края которой укреплены жженым кирпичом. Посередине комнаты находился ташнау, также выложенные из жженого кирпича. Поверхность западной стены выше ташнау сохранила следы алебастровой обмазки с резным орнаментом в виде прямого углубления. К востоку от нее находился камин [9, с. 94–111].

В юго-западном квартале расположен ремесленный комплекс. Жилые застройки комплекса сохранились в северо-западной части. Все они связаны с производственными дворами. Помещения 1, 2 и 4 соединялись с условно названными нами южным двором (помещение 3). К северу от этих застроек расположено помещение 6 (западный двор). К нему примыкают помещения 5 и 7. Жилища имели суфу, очаг кан, ташнау, облицованный порог, выложенный из жженого кирпича и очаги. Дворы имели производственный характер. В них были большие тандыры для выпечки хлеба, которые приспособлены к кирпичной платформе (размером 1,10 м x 1,40 м). Кроме того, во дворах обнаружены каменные жернова (их три) в положение *in situ*. Таким образом, жилые застройки юго-западного ремесленного комплекса связаны с производственными дворами, мастерскими – винодельнями и гончарными печами [9, с. 94–122].

В целом, в настоящее время усилиями археологов КГУ раскопано более шестидесяти домов, состоящие из различных типов жилищ. Некоторые домостроительства связаны со специализированным производством. Есть дома отличающиеся богатым убранством. Собранные материалы из Миздахкана вкупе и с другими раскопанными домами поселения Южного Приаралья позволяют изучать историю городских жилищ средневекового Хорезма.

Список источников и литература

1. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. М., 1963. Т. 1. С. 204.
2. Вактурская Н. Н., Воробьева М. Г. Хроника работ Хорезмской экспедиции АН СССР // ТХЭ. М., 1952. Т. 1. С. 630.
3. Қдырғиязов М. Ш. Раскопки восточного квартала городища Миздахкан // Вопросы истории, археологии и этнографии Каракалпакстана. Нукус, 1993. Вып. 2. С. 30–49.
4. Қдырғиязов М. Ш. Новые археологические данные о средневековом Миздахкане // ОНУ. Ташкент, 2001. № 3–4. С. 14–19.
5. Қдырғиязов М. Ш., Бауетдинов Р. Средневековый Миздахкан. Самарканд, 2010. С. 36–39.
6. Қдырғиязов М. Ш., Туребеков М. Миздахкан – город золотоордынского времени // Ходжейли древнейший город республики Каракалпакстан (Ходжейли 2400-год республики Каракалпакстан). Ходжейли, 1994. С. 61–64.
7. Қдырғиязов М. Ш., Қдырғиязов А. Раскопки средневековых жилищ в южной части Миздахкана // Археологические исследования в Узбекистане 2002 г. Ташкент, 2002. С. 78–85.
8. Қдырғиязов М. Ш., Қдырғиязов О. Ш. Основные итоги изучения Миздахкана // Археологические изучения и их значение в развитии исторической науки в Каракалпакстане. Нукус, 2010. С. 36–39.
9. Қдырғиязов М. Ш. Культура Хорезма XIII–XIV вв. Самарканд, 2015. С. 94–111.
10. Туребеков М. Т. Городские жилые массивы средневекового Миздахкана «Ўзбекитонда миллатлар-аро муносабатлар: тарих ва ҳозирги замон», Ташкент, 2003. С. 67.
11. Туребеков М. Т. Бижанов Е. Раскопки золотоордынского квартала Миздахкана 1985 г. // Вопросы истории, археологии и этнографии Каракалпакстана. Нукус, 1993. Вып. 2. С. 14–29.
12. Туребеков М. Т. Раскопки жилого массива гончаров средневекового Миздахкана // Археология Приаралья. Нукус, 2003. Вып. 6. С. 67–79.
13. Ягодин В. Н., Ходжайов. Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970. С. 6–7.
14. Якубовский А. Ю. Городище Миздахкан // ЗКВ. Л., 1930. Т. 5.

ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ С КУРИНЫМИ ЯЙЦАМИ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И СРЕДНЕВЕКОВОМ ХОРЕЗМЕ

Васильев Дмитрий Викторович,

*кандидат исторических наук, руководитель школы «Археология Нижнего Поволжья»,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» г. Астрахань,*

Маслов Валерий Петрович,

*студент исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» г. Астрахань*

Археология Нижнего Поволжья богата разнообразными артефактами, которые еще ждут своего изучения и интерпретации. Данная статья посвящена рассмотрению ряда находок из дельты Волги, которые находят аналогии в средневековом Хорезме.

Летом 1991 г. археологической экспедицией Саратовского государственного университета под руководством С. И. Четверикова и экспедицией Госдирекции охраны памятников Астраханской области под руководством С. А. Котенькова проводились археологические исследования на грунтовом могильнике «Маячный бугор», который находится в 400 м к северу от окраины с. Красный Яр Астраханской области.

При расчистке одного из погребений в его засыпи обнаружен перевернутый красноглиняный сосуд. После снятия сосуда внутри обнаружилось целое неразбитое яйцо и остатки органики зеленого и черного цветов. На том же уровне западнее и восточнее сосуда обнаружено три фрагмента костей барана. Как выяснилось позднее, сосуд располагался в ногах погребенного и стоял на уровне несохранившегося деревянного перекрытия. На дне ямы был обнаружен скелет молодого человека, ориентированный головой на запад и лежащий вытянуто на спине. Лицо покойного было обращено к югу. Судя по позе погребенного, повороту лица покойного к югу, а также общему контексту могильника, это захоронение является мусульманским. Датируется оно XIV в. Однако наличие сосуда с куриным яйцом на перекрытии могилы противоречит нормам шариата.

В северной части некрополя был обнаружен поминальный комплекс в виде вкопанного в землю перевернутого чигирного сосуда с остатками от 10 куриных яиц. Сосуд располагался на участке могильника между двух захоронений с трупосожжениями, но не ясно, связан ли он с ними. В сосуде были обнаружены 10 разбившихся в древности куриных яиц. На некоторых сохранились остатки надписей на арабском языке, написанные тушью. Целые надписи и отдельные их элементы заметны на восьми яйцах. Все надписи сделаны скорописью с одной – семи сторон вдоль яйца по его длине [12].

В июле 1995 г. отрядом Астраханской археологической экспедиции Госдирекции охраны историко-культурного населения области под руководством С. Б. Артемьева проводились охранные археологические раскопки на грунтовом могильнике «Маячный бугор» в Красноярском районе Астраханской области. Эти работы были продолжением раскопок С. И. Четверикова. Рядом с С-В углом большой сырцово-красной квадратной конструкции, которая содержала в себе три захоронения (первоначально данная конструкция представляла собой, видимо, буддистскую ступу) в не-

большой ямке был обнаружен перевернутый чигирный сосуд, вкопанный практически полностью. Остатков скорлупы под ним в данном случае не было обнаружено [1].

Обряд захоронения куриных яиц с кораническими надписями под чигирными сосудами зафиксирован на некрополе Миздахкана в Хорезме, на холме Жумарт-кассаб [11, с. 65–66]. Здесь внутри одной из погребальных оград, кроме погребений были обнаружены шесть кувшинов XIII–XIV вв., внутри которых оказалось 18 куриных яиц – по три в каждом сосуде. Кроме яиц, в каждом сосуде было обнаружено по несколько граммов крупнозернистой соли. На каждом яйце арабская надпись, нанесенная чернилами. Средневековый Хорезм и средневековое Нижнее Поволжье – единственные области, где встречается данный жертвенно-поминальный обряд, который ещё ждёт своего изучения и толкования.

У местного населения существует легенда о памятнике «Жумарт кассаб». Согласно ей, здесь жил когда-то богатый человек по имени Жумарт. Прославился он тем, что в неурожайный год бесплатно обеспечивал население округи свежим мясом. Кроме того, Жумарт является покровителем скотоводов. И, если начинается падеж скота, к холму пригоняют животных и прогоняют их семь раз вокруг холма. Ученые связывают происхождение названия «Жумарт» с древнеиранским мифическим героем Гавмардом, ассоциирующимся с быком («гав» – бык, «мард» – человек, т. е. первочеловек зороастрийской космогонии, живший в Айрьянем Вэджо (Хорезм) на берегу священной реки Дайтий (Амударья)). Месторасположение древнего бугра в середине обширной ограды и оссуарные находки II–III вв. на нем отвечают предписаниям священных зороастрийских книг и не исключают возможности использования его в качестве «святилища», посвященных Гавмарду. Стратиграфическими раскопками установлено, что в основании курганообразного бугра диаметром 50–90 м, высотой 7 м имеется более древний бугор диаметром около 20 м, высотой 4 м, который некогда находился в середине обширной ограды из каменных блоков. В IX–XIV вв. этот бугор продолжает служить погребальному культу, но уже по мусульманскому обряду.

Что же можно сказать по поводу чигирных сосудов? В средневековом Хорезме почитался святой Наладж-баба, который был наделён ролью покровителя водоподъёмного колеса, чигиря [3, с. 22–23]. Он является, таким образом, одним из покровителей земледельческого цикла работ, святым, обеспечивающим бесперебойность полива и урожайность. Оседлось население Красноярского городища, оставившего могильник «Маячный бугор», не подвергается сомнению [5, с. 110–125]. В связи с этим мы можем с большой долей осторожности предположить, что одни и те же культы существовали среди населения средневекового Хорезма и Красноярского городища в дельте Волги. Возможно, это связано с родством населения. Возможно также, что часть населения Красноярского городища была представлена хорезмийцами, переселёнными на Волгу под контролем ханской власти Улуса Джучи. Антропология мусульманской части Маячного бугра имеет значительное сходство с синхронным и раннесредневековым населением Средней Азии и Северного Кавказа [2, с. 171]. Весьма вероятно, что использование именно чигирных сосудов в данном обряде связывает поминальные комплексы на Маячном бугре с культом и почитанием Наладж-баба в среде хорезмийских переселенцев в Нижнее Поволжье. Напомним также, что Красноярское городище является предполагаемым местом расположения первой столицы Золотой Орды – г. Сарая, возникшего в XIII в. [5, с. 132–133]. Могильник «Маячный бугор» является прекрасной иллюстрацией поликультурности населения имперской столицы – здесь выявлены относящиеся к XIII в. языческие, мусульманские, христианские и буддистские захоронения, располагающиеся неподалёку друг от друга, в рамках одного кладбища [6, с. 10–21].

Какое символическое значение имеет куриное яйцо, которое является центральным объектом всех вышеупомянутых комплексов? Ш. Сиражетдинов приводит в качестве примера несколько обрядов, связанных с яйцом, которые бытуют у жителей с. Новые Булгары в дельте Волги. Во-первых, это обряд *Йомырка шартлау* – «лопание яйца». В случае пропажи золота требовалось бросить в очаг яйцо с пожеланием, чтобы у вора так же лопнули глаза, как лопнет это яйцо. По поверьям, вора настигала слепота. Бросают яйца в огонь также при пожаре. Смысл обряда состоит в том, чтобы дать жертву «матери огня» – *ут анасы*. Она пример жертву и поможет укротить огонь [10, с. 164–165]. Сырые яйца кладут также в подмышки покойнику, чтобы тело не испортилось, яйца используют для снятия порчи (переведение порчи на яйцо) [10, с. 165], а также закапывают в землю для повышения урожая. При этом в землю закапываются обычно первые мелкие яйца от несушек. Но бывает, что разбрасывают по пашне и крупные яйца [10, с. 185–187].

Однако яйцо также оказывается связано с культом святых, почитаемых в исламе. Как пишет В. Н. Басилов, почитание ряда святых мест имеет давнюю традицию и тянется ещё с доисламских времён [3]. Некоторые святые могилы – *аульы* – могли принадлежать домусульманским святым, которые были известны как шаманы. Он приводит якутское поверье, что существует «мать-зверь», которая участвует в становлении будущего шамана. Якуты даже верили, что она рождает шамана. Далеко на севере растёт лиственница с гнездами на ветвях. Сюда прилетает «мать-зверь» – «большая птица, похожая на орла, с железными перьями, садится на гнездо и сносит яйцо. Потом эта птица высидит яйцо, если должен выйти самый большой шаман – (высидит) в продолжении трех лет, а маленького шамана – в течении года». Когда душа шамана вылупится из яйца, то «мать-зверь» передает его на воспитание «дьявольской шаманке... которая имеет одну ногу, одну руку, один глаз». По другим якутским воззрениям, «мать-зверь» сама выращивает шамана на ветвях мифического дерева. Также говорится, что «мать-зверь» также пересотворяет шамана, тем самым наделая его сверхъестественными качествами [4, с. 49]. Вполне возможно, что комплексы с куриными яйцами отражают эти или подобные верования о перерождении, существовавшие в среде населения Хорезма и дельты Волги. Разумеется, эти верования могли быть восприняты на бытовом уровне и включены в погребально-поминальный обрядность мусульман в качестве нейтральных (не порицаемых, но и не рекомендуемых) с точки зрения шариата обычаев.

Список источников и литературы

1. Артемьев С. Б. Отчёт о научно-исследовательских археологических работах на грунтовом могильнике «Маячный-2» Красноярского района Астраханской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19395, 19396.
2. Балабанова М. А., Перерва Е. В., Зубарева Е. Г. Антропология Красноярского городища золотоордынского времени. Волгоград: ВАГС, 2011.
3. Басилов Б. Н. Культ святых в исламе. М.: Наука, 1970.
4. Басилов В. Н. Избранники духов. М.: Политиздат, 1984.
5. Васильев Д. В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань: Астраханский ун-т, 2009.
6. Васильев Д. В. Новые археологические материалы периода исламизации Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Golden Horde civilization. 2013. № 6. С. 10–21.
7. Кдырнязов М. Ш. Культурные связи золотоордынских городов Хорезма // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1981. С. 103–107.
8. Котеньков С. А. Отчёт об археологических исследованиях на грунтовом могильнике «Маячный бугор-1» в Красноярском районе Астраханской области в 1991 г. // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Ф. НВ. № 13247/1-6.
9. Пигарев Е. М. Находки сорлупы птичьих яиц на средневековом могильнике «Маячный бугор» // Российская археология. 2003. № 1. С. 179–181.
10. Сиражетдинов Ш. К. Татарское село Новые Булгары: История. Верования. Фольклор. Икряное, 2008.
11. Хожаниязов Г., Юсупов Н., Кдырнязов М.-Ш., Туребеков М., Авизова А., Багдасарова Н. Археологические исследования в некрополе Миздахкана // Вестник ККФАН. 1989. № 3.
12. Четвериков С. И. Отчет об охранных раскопках грунтового могильника «Маячный-II» Красноярского района Астраханской области. Саратов, 1992 // Астраханский музей-заповедник. Коллекция «Археология». Ф. НВ. № 13085.
13. Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Фан, Узбекская ССР, 1970.

ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Винокурова Елена Игоревна,

студентка исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

На современном этапе развития человеческого сообщества все большее значение приобретают вопросы, связанные с выявлением, изучением, охраной и использованием культурного наследия прошлого, неотъемлемой частью которого являются памятники археологии.

Понятие «археологическое наследие» впервые было сформулировано в XX в. С появлением этого понятия стал активно разрабатываться блок организационных мероприятий.

Одним из важных направлений культурной политики является сохранение археологического наследия для будущих поколений. Наша задача рассмотреть подробнее меры по охране археологического наследия на примере Астраханской области.

Астраханская область издавна славится многочисленными культурными объектами, памятниками архитектуры и искусства, достопримечательными историческими местами. Согласно государственной программе, в Астрахани развиваются все виды туризма, в том числе и археологический. На территории этого края найдены около 70 археологических памятников древних городищ. Самым древним считается городище Сарай-Бату – первая столица государства Золотая Орда, которое было основано более шести веков назад. Сарай-Бату привлекает любителей археологического туризма со всех уголков планеты.

Углубимся немного в историю и истоки становления археологии в Астраханской области, рассмотрим первые попытки ученых заняться археологическими исследованиями на данной территории.

Астраханская область – кладёз для открытий археологов, её земля хранит следы высокоразвитых цивилизаций, древних империй, которые держали под контролем большую часть Евразии. Археология Астраханского края представляет несомненный интерес, здесь располагались центры двух великих государств средневековья, ориентировавшихся на культуру Востока – Хазарии и Золотой Орды. Поэтому неудивительно, что астраханская археология зародилась именно на базе изучения памятников золотоордынского времени. И естественно, что внимание исследователей стали привлекать, прежде всего, два археологических памятника – городище у с. Селитренного, развалины золотоордынской столицы, и городище Шарёный бугор – остатки татарской Астрахани [2, с. 8].

Первые ученые, которым были интересны археологические раскопки, поначалу занимались лишь поиском и исследованием этих находок, но никто из них не предпринимал попыток и мер по обеспечению их сохранности. Так, все раскопки, проводимые до XX в., были непрофессиональными и не отвечали даже уровню развития археологии того времени.

Становление собственно астраханской науки и, как следствие, археологии напрямую связано с историей Петровского общества исследователей Астраханского края.

Члены Петровского общества К. Н. Малиновский и А. А. Спицын отмечали быстрое разрушение памятников археологии местными жителями в поисках кладов и кирпича, и неоднократно – через прессу и напрямую – обращалось к астраханским властям с требованием защитить памятники старины от уничтожения невеждами и силами природы, однако эти призывы не были услышаны. И уже в результате первого доклада К. Н. Малиновского на заседании Петровского общества было решено: обратиться в Московское археологическое общество (МАО) с просьбой сообщить мето-

дику проведения правильных раскопок и обработки добытого материала. Под руководством Н. Ф. Леонтьева Общество разработало программу для сбора археологических, нумизматических, исторических и этнографических сведений об Астраханском крае. Обществом организовывались археологические и геологические экспедиции [5, с. 23].

Широчайшие для своего времени археологические исследования провёл в Нижнем Поволжье Ф. В. Баллод, несмотря на нищету, голод и еще не прекратившиеся в этом регионе военные действия. Летом 1922 г. Ф. В. Баллод организует экспедицию в с. Селитренное на деньги, выделенные правительством Татарской республики. Это были первые действительно научные раскопки городища, когда впервые был снят его план. Ф. В. Баллод условно разбил город на семь районов, дав им социальную характеристику. Вскрытые сооружения не разрушались и с целью сохранения засыпались. Вот с этого периода и можно говорить о первых попытках, предпринятых для охраны археологического наследия [11, с. 24]. Так, например, памятник-городище в с. Самосделке тоже не остался в стороне. В 1994–1995 гг. сотрудниками вышеназванной экспедиции Д. В. Васильевым и Д. В. Кутуковым был снят топографический план городища, который наглядно показал расположение главной части городища на островке, окружённом пересохшими протоками. В 1994, 1996, 1998 гг. той же экспедицией под руководством С. А. Котенькова производились рекультивационные работы на разрушенных участках городища. В 2000 г. начинаются комплексные археологические исследования памятника Астраханской археологической экспедицией ГНПУ «Наследие» и Еврейского университета г. Москвы под руководством Т. Ю. Гречкиной в центральной части городища. Все коллекции, собранные за годы исследования памятника, хранятся в фондах Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника [10].

И при исследовании такого памятника, как «Чертово городище» в с. Троицком Икрянинского района, тоже были предприняты попытки обеспечения сохранности находок, а именно в 1958–1959 гг. В. А. Филиппенко составил на памятник паспорт и комплект учетной документации. Городище им было осмотрено, описано, определены его размеры, составлен план, проведена фотофиксация, а также собран подъемный материал. В 1981–1982 гг., а также в 1987 г. памятник обследовался Е. В. Шнайдштейн. В ходе разведок в западной части бугра были выявлены следы землянок, в северо-восточной и восточной частях бугра обнаружены многочисленные останки человеческих скелетов. Городище было неоднократно описано, собирался подъемный материал, проводилась фотофиксация и составлялся глазомерный план. С 1990 г. госорганом по охране историко-культурного наследия Астраханской области ежегодно проводится осмотр территории памятника и составляется акт о его состоянии [10].

Поистине большой вклад в историю археологических раскопок был принесен трудом первого археолога-специалиста в послевоенной Астрахани – Е. В. Шнайдштейн. Ею было исследовано большое количество памятников археологии. Материалы многих раскопанных ею памятников получили широкую известность в научных кругах. Кроме того, Е. В. Шнайдштейн содействовала созданию Общества краеведов в 1989 г.

Большое значение для развития астраханской археологии имело начало регулярных археологических раскопок отделом археологии Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника. Экспедицию краеведческого музея с начала 1980-х гг. возглавил В. В. Плахов – настоящий энтузиаст археологии и высококлассный специалист. Главным вкладом В. В. Плахова в развитие археологии Астраханского края стали многолетние исследования на городище у пос. Комсомольского в Красноярском районе, где экспедицией под его руководством было раскопано несколько мавзолеев и дворцов, а также проводились исследования на могильниках, относящихся ко времени от эпохи энеолита до развитого средневековья [16, с. 35].

Но с начала 1990-х гг., в связи с общим экономическим кризисом в стране и недальновидной политикой правительства в области науки и культуры раскопки стали проводиться нерегулярно и в значительно меньших масштабах. В 1989 г. в Астрахани возникла Госдирекция охраны историко-культурного наследия, которая занималась более проблемами своего собственного экономического выживания, чем охраной памятников археологии и наукой. Именно благодаря деятельности Госдирекции были спровоцированы административные распри между организациями, занимающимися археологическими исследованиями, в которые была втянута даже Поволжская археологическая экспедиция.

В начале нынешнего века ситуация в археологии Астраханской области немного улучшилась. Госдирекция охраны историко-культурного наследия преобразована в ГНПУ «Наследие», которое старается наладить деловые отношения со всеми организациями, заинтересованными в охране памятников истории и культуры, создана археологическая лаборатория в Астраханском государственном университете, которую возглавляет Д. В. Васильев, возобновлена учебная полевая археологическая практика для студентов исторического факультета АГУ. С учреждением исторического отделения на юридическом факультете АГТУ появилась возможность для прохождения полевой археологической практики студентами этого учебного заведения, активизировались охранные мероприятия, проведена первая за многие годы научная археологическая конференция «Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий» [15, с. 214].

Первые шаги после долгого неприятия необходимости активного участия в сохранности археологического наследия Астраханского края положены, но все же сохраняется на данный момент ситуация с нежеланием государства выделять на это средства. Тому подтверждением является отрывок из интервью с Евгением Пигаревым, опубликованным астраханским интернет-порталом в 2016 г. По словам археолога, который отказался от работы в Астрахани и выбрал для себя местом постоянного пребывания Казань и Йошкар-Олу, работа в нашем регионе «бесперспективна грозит потерей времени». Ни один из научных проектов так и не воплотился в реальность. На протяжении многих лет одни разговоры о необходимости развивать что-то и куда-то. Татарстан в этом плане развивается значительно динамичнее. «С идеей музеефикации Селитренного городища можно попрощаться, – говорит Е. М. Пига-

рѐв, – большой упор на развитие туризма у нас в области делается на протяжении уже многих лет. Однако дальше слов и не двинулись. Я несколько раз предлагал различные проекты превращения археологического памятника в музей. Некоторые мои идеи уже используются коллегами в других регионах. Однако в Астраханской области интереса они не нашли. Мы все знаем, как раньше работало областное министерство культуры, какое раньше было руководство краеведческого музея. Слишком много популизма, общих разговоров, завышенных смет и абсолютное отсутствие желания сделать что-либо полезное для области» [4].

Видимо сохранение исторического наследия, как и реально возможные во время археологических раскопок открытия, не интересуют властей Астраханской области. Между тем, вложение финансов в музеефикацию данного района могло бы приносить областной казне ежегодно немало средств от посещения туристами. Взять опять же Татарстан, власти которого не пожалели средств на создание подобного «музея под открытым небом», несмотря на то, что окупаемость этих средств происходит не быстро и не сразу. Данный проект привлёк большое количество туристов, что помимо финансовых поступлений ещё и поднимает престиж региона. Но у нас, видимо, ставка делается исключительно на нефть и газ. Иначе как объяснить нежелание руководства области заняться таким перспективным в будущем делом, как создание исторического музея-заповедника?

По сей день сохраняется ситуация, при которой власти не проявляют активного интереса к защите и охране археологического наследия, не видят в этом никакой перспективы, тем самым не выделяя средств из бюджета, а лишь ведутся всякого рода совещания и собрания, на которых главы соответствующих контролирующих организаций пока лишь на бумаге ведут контроль в этой области. Так, на совещании, которое состоялось в Краеведческом музее, археологи сообщили бывшему главе нашего региона А. А. Жилкину о своих последних открытиях – остатках посуды, украшений и монет, найденных на территории Кремля, следов архитектурного декора в Селитренном городище и многих других. В настоящее время открыто около ста объектов, относящихся к архитектурному наследию. Расположенные на территории области стоянки времён неолита, сарматские захоронения, останки крупнейших городов средневековья – многие из них имеют большое значение для истории не только региона, но и всей нашей страны. Прежде всего, это столичные центры Хазарского каганата и Золотой Орды: Селитренное и Самосдельское городища. Интерес для изучения также представляют и многочисленные курганные могильники, хранящие тайны древних народов Нижнего Поволжья [3].

Между тем работы по ведению раскопок несистематизированы. В первую очередь, по мнению исследователей, требуется археологическая карта. Отсутствие информации о количестве и месторасположении объектов снижает эффективность мероприятий по их охране и создаёт условия для «чёрных археологов», которые распродают исторические ценности. Кроме того, необходима защита древних памятников от природных факторов и хозяйственной деятельности человека. Также на месте раскопок предлагается открытие нескольких музеев под открытым небом. К примеру, в после раскопок в Кремле предполагалось перекрыть навесом найденные жилища первых русских поселенцев XVI в., что обеспечило бы сохранность объектов и привлекательный для туристов вид. В перспективе самые крупные объекты археологического наследия предполагается включить в маршрут «Великий шёлковый путь», по которому путешествуют туристы всего мира. Сейчас путь проложен через Китай и Туркмению, к нему присоединяется Азербайджан, Казахстан и, как ожидается, российский город Астрахань [11, с. 25].

Экс-губернатор области отметил, что музеефикация – серьёзный инструмент для развития туристической сферы. В Астраханской области собираются в ближайшее время объединить все археологические объекты в единый заповедник «Приволжские Помпеи». Сюда войдут: Самосдельское городище, Красный Яр, городище у пос. Комсомольского, мавзолей у с. Лапас, Селитренное городище [3].

Систематизировать работу специалистов по археологии, составить карту раскопок и обеспечить сохранность исторических памятников – основная цель, к достижению которой нужно стремиться, подчеркнул бывший глава нашего региона А. А. Жилкин [3].

В 2014 г. на конференции в Красноярском районе, на неолитической стоянке у пос. Байбека, собрались представители многих городов страны и специалисты из Украины, Польши, Франции, Словении, Германии. Они обсудили проблемы изучения неолита и открытых памятников. Памятники под открытым небом часто подвергаются нападениям «чёрных археологов». Ужесточение борьбы с расхитителями стало одной из главных тем обсуждения на конференции. За незаконную продажу или скупку артефактов теперь предусмотрена уголовная ответственность. На всех объектах раскопок обязательно должны быть установлены знаки о том, что это место культурного наследия. Они призваны не только рассказать о целях раскопок, об объекте, но и будут выступать в качестве предупреждения для «чёрных археологов».

Теперь рассмотрим, какие были созданы государственные организации для решения вопросов по обеспечению сохранности археологических находок.

Исключительно важно общественно-политическое звучание археологического наследия. Без утверждения прогрессивных традиций в культуре мало реалистично сохранение в XXI в. достойного уровня цивилизованной страны. Археологическое наследие как массовое и повсеместное является важнейшим компонентом сохранения таких традиций. К сожалению, в условиях развития современного законодательства, объекты археологического наследия остаются наиболее уязвимыми. Главная причина в том, что они в отличие от архитектурных зданий (дома, дворцы, усадьбы, храмы и т. д.) находятся под землей, и многие из них до сих пор не обнаружены.

Астраханская область одна из богатейших в археологическом плане областей России.

Удобное геоклиматическое положение способствовало тому, что на протяжении тысячелетий на территории Астраханской области, сменяя друг друга, проживали различные народы, оставившие после себя многочисленные

следы материальной культуры. До рубежа 1980–1990-х гг. в Астраханской области практически не проводились мероприятия в сфере охраны археологического наследия. Лишь в 1989 г. была создана Госдирекция охраны историко-культурного наследия.

В 1990-е гг. состоялась археологическая экспедиция Госдирекции охраны памятников под руководством С. А. Котенькова, в которой приняли участие многие начинающие астраханские исследователи. Благодаря их усилиям, на территории Астраханской области было выявлено свыше трехсот новых памятников археологии, многие из которых были официально поставлены под охрану.

По данным 2011 г., на территории Астраханской области на государственную охрану поставлено около 120 памятников археологии регионального значения. Все эти археологические памятники относятся к разным эпохам. Наиболее известны памятники средневековья – городища золотоордынского времени у с. Селитренного (г. Сарай), у пос. Комсомольского (г. Ак-Сарай), окрестности г. Астрахани (Хаджи-Тархан), Чертово и Красноярское городища, комплекс мавзолеев и поселение у с. Лапаса.

Два археологических памятника – Селитренное городище, а также городище и комплекс золотоордынских мавзолеев у с. Лапаса – являются памятниками археологии федерального значения.

Некоторые Астраханские ученые – историки и археологи – предлагают создать новую карту Астраханской области, главным предназначением которой будет спасение многочисленных хранящихся в области памятников старины, могильников и похороненных под песком древних поселений. На территории Астраханской области археологические работы проводит ряд организаций. Это ГНПУ «Наследие» при Министерстве культуры Астраханской области, Астраханский государственный университет, ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник», ООО «Археоцентр». Также на территории региона осуществляют свою деятельность и иногородние организации: Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Марийский госуниверситет, Институт истории АН Республики Татарстан им. Ш. Марджани проводил ряд археологических разведок на территории области [14, с. 23].

Для организации охраны памятников сейчас министерство культуры совместно с Минрегионразвитием определили стоимость полного пакета учетной документации на памятники археологии и памятники архитектуры. Это порядка 200 млн руб., и большую часть составляет именно стоимость кадастровых работ. На археологические памятники потребуется не менее 50 млн руб. Затем потребуется установка информационных знаков – это обязательное условие для привлечения к ответственности «чёрных археологов». Важным направлением является также издательская деятельность: планируется на регулярной основе издавать сборник публикаций об археологических исследованиях на территории Астраханской области, а также работы, посвященные узкоспециальным проблемам археологической направленности.

Главой администрации Астраханской области принято Постановление от 4 октября 2000 г. «О мерах по сохранению памятников археологии федерального (общероссийского) значения – городищ “Сарай-Бату” и “Ак-Сарай”». Постановлением предусматривается проведение в 2001 г. ряда мероприятий по обеспечению сохранности исторических памятников, в частности: установка охранных знаков, инженерно-топографическая съемка памятников, организация научно-исследовательской экспедиции. Администрации Харабалинского района рекомендовано установить контроль над использованием охраняемых земель, запретить производство любых строительных, мелиоративных, дорожных и агротехнических работ в границах охранных зон без согласования их с государственными органами охраны памятников.

Последняя редакция действующего Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации», прозванного среди населения «запретом на металлоискатели и кладоискательство» была осуществлена 22 октября 2016 г. Ранее деятельность чёрных искателей и кладоискателей-любителей не регламентировалась ни одним правовым актом в Российской Федерации. В то же время последствия своеговольного кладоискательства нередко влекли за собой непоправимые разрушения археологических слоёв, сохранивших длительную историю пребывания человека (более 100 лет). В связи с этим потребовалось ввести изменения в Уголовный Кодекс Российской Федерации и в закон N 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей». Согласно ст. 1 ФЗ-245, по отношению к попытке незаконного вывоза за пределы Российской Федерации предметов, представляющих архитектурную или культурную ценность.

Настоящим Федеральным законом запрещено любительское кладоискательство и изъятие найденных в процессе культурных ценностей из земли или под толщей воды. Причиной запрета является разрушение культурного слоя, который могут причинить неумелые действия археологов-любителей. Если акт незаконного кладоискательства происходит на территории памятников культуры, на совершающих преступное деяние граждан налагается штраф, эквивалентный сумме заработных плат фигуранта за двухгодичный период, либо лишением свободы сроком до 4 лет (п. 1 ст. 243.2 УК РФ). Крупным штрафом в размере до 1 млн руб. или наказанием в виде пребывания в местах лишения свободы сроком до 6 лет наказываются соответствующие деяния (п. 2 ст. 243.2 УК РФ):

- кладоискательство при помощи технических средств, к которым относятся металлоискатели и радары, позволяющие устанавливать дислокацию металлического клада;
- поиск клада должностным лицом, превышающим полномочия;
- совершённые предварительно сговорившейся на осуществление незаконного кладоискательства группы людей.

Кладоискателям-любителям не выдаётся разрешение на кладоискательство при помощи металлоискателя и других средств упрощения поиска предметов национального культурного наследия [17].

Существующая система государственной охраны объектов культурного наследия была сформирована на основе принципов, которые были определены в 60–70-х гг. прошлого века и обеспечивала приемлемое состояние важнейших памятников. Но колоссальные экономические и социальные изменения в России, произошедшие за последние 20 лет, потребовали коренной модернизации этой системы. Важным шагом стало принятие Закона Астраханской области от 30.12.2005 N 94/2005-ОЗ (ред. от 27.03.2009) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Астраханской области».

Новый закон ввел ряд новых важных понятий и норм, предопределяющих регламентацию охраны, сохранения и использование объектов культурного наследия. Также в нем затронуты: порядок установки информационных надписей и обозначений на объекты культурного наследия регионального значения, порядок определения зон охраны объектов культурного наследия, и порядок организации историко-культурного заповедника регионального значения, определение его границы и режима его содержания.

Все эти полномочия возложены на Службу государственной охраны объектов культурного наследия Астраханской области (согласно Постановлению Правительства Астраханской области от 13 декабря 2016 г. N 444-П «О Службе государственной охраны объектов культурного наследия Астраханской области»). Также была принята областная целевая программа «Развитие культуры и сохранение культурного наследия Астраханской области на 2014–2018 годы» (Распоряжение Правительства Астраханской области от 14.05.2013 № 234-Пр).

В реализации Программы принимают участие: департамент культуры Астраханской области, совместно с областными учреждениями культуры и образования в сфере культуры, региональными отделениями всероссийских творческих союзов, органами местного самоуправления Астраханской области, департамент экономического развития Астраханской области, департамент образования Астраханской области, департамент по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации области, ГУ «Дирекция по реализации федеральных и областных программ в Астраханской области».

В данной программе подробно расписаны и с обоснованием экономических затрат мероприятия подпрограммы «Сохранение и популяризация объектов археологического наследия Астраханской области на 2014–2018 годы», а именно: выявление, обследование и постановка на государственную охрану объектов археологического наследия Астраханской области, проведение археологических научно-исследовательских работ, музеефикация и популяризация объектов археологического наследия Астраханской области [13].

Наша астраханская земля хранит следы высокоразвитых цивилизаций, древних империй. Многие из них имеют большое значение для истории не только региона, но и всей нашей страны. Главное сохранить это культурное наследие и оставить потомкам археологические памятники, потому как без прошлого нет будущего. И пока только единичные «умы» нашего региона будут пытаться сохранить это наследие, без поддержки со стороны государства как правовой, так и финансовой, мы будем долго к этому идти...

Список источников и литературы

1. Ак Арна. 2002 г. 22 марта.
2. Васильев Д. В. Археологическое востоковедение в Астрахани // Астраханское востоковедение: итоги XXXVII Международного конгресса востоковедов (ICANAS-2004) и перспективы развития востоковедения в Астраханском крае. Астрахань: АФ ВАГС, 2006. С. 8–16.
3. Все для Вас – Нижняя Волга. 19 июня. 2013 г.
4. Глуховский И. Нужно ли Астраханской области историческое наследие? На раскопках с археологами. 2018 г. URL: <http://strana-rf.ru/blog/43026314644/Nuzhno-li-Astrahanskoy-oblasti-istoricheskoe-nasledie-Na-raskopk>.
5. Археология на рубеже столетий // Проспект. 2001. С. 23.
6. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Астраханской области: Закон Астраханской области от 30.12.2005 N 94/2005-ОЗ (ред. от 27.03.2009).
7. Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: Закон РФ от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ.
8. Новый день. 2000. 19 октября. С. 2.
9. Налоговый консультант. 2004. № 15. Август. С. 5.
10. Памятники археологии Астраханской области. 2012 г. URL: <http://astrakhanklad.ru/viewtopic.php?f=25&t=116>.
11. Пигарев Е. Ситуация с охраной археологических памятников в Астраханской области // Особо охраняемые территории и формирование здорового образа жизни. Волгоград, 1997. С. 12–13, 24–25.
12. О службе государственной охраны объектов культурного наследия Астраханской области: Постановление Правительства Астраханской области от 13 декабря 2016 года №444-П (в ред. Постановления Правительства Астраханской области от 27.12.2018 N 568-П).
13. О государственной программе «Развитие культуры и сохранение культурного наследия Астраханской области на 2014–2018 годы: Постановление Правительства Астраханской области от 23.10.2013 г. № 420-П и внесении изменений в распоряжение Правительства Астраханской области от 14.05.2013 № 234-Пр.
14. Проспект. 2001. № 13. Март. С. 23.
15. Романова А. П., Якушенков С. Н., Хлыщева Е. В., Васильев Д. В., Якушенкова О. С., Якушенкова О. С., Кусмидинова М. Х., Топчиев М. С. Нижневолжский фронт: культурная память и культурное наследие. Астрахань, 2014. С. 163–165, 174–186, 212–217.
16. Социально-экономическое положение Астрахани / под ред. И. В. Зверева. Астрахань, 2002. С. 35–37.
17. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: Федеральный закон N 245-ФЗ от 23.07.2013.

ЖИЛИЩА С РАСКОПА 1 САМОСДЕЛЬСКОГО СЕЛИЩА

Гончаренко Юрий Дмитриевич,

студент исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

В апреле 2018 г. при проведении раскопок археологической экспедицией Астраханского государственного университета в окрестностях с. Самосделка, были обнаружены два юртообразных жилища.

Участок, на котором проводились раскопочные исследования, располагается к югу от южного склона бугра Рябичкина. Трасса газопровода, сооружение которой привело к разрушению отдельных участков культурного слоя, тянется с юга на север, от грейдера с щебёночным покрытием Самосделка – Травино до южной подошвы бугра Рябичкина. На момент начала работ траншея находилась в закрытом состоянии и была отмечена на поверхности только грядой грунтовых отвалов и бетонными вертикальными столбиками-отметками, располагавшимися в точках поворота трассы.

Трасса газопровода проходит вдоль западной границы (водогона и обваловки) заброшенных полей и непосредственно перед южным склоном бугра Рябичкина примерно посередине его длины поворачивает к западу, в сторону села. Здесь трасса газопровода проходит с севера вдоль траншеи водогона, стенки которой укреплены бетонными лотками.

На равнине к югу от западной половины бугра Рябичкина располагаются постройки и стадион Самосдельской средней школы. Южнее в направлении с северо-востока на юго-запад протянулась цепочка двухэтажных кирпичных зданий, большая часть из которых находятся в аварийном состоянии и почти заброшены.

Стратиграфия бортов раскопа показывает, что материковой породой для большей части раскопа являются слоистые отложения коричневого суглинка и светло-коричневого песка. Под воздействием промачивания влагой и природной диффузии данный слой представляет собой единообразную массу с местами проступающими полосками отдельных слоев. Этот слой характерен для бэзовского бугра и представляет собой подошвенное основание располагающегося в 200 м к северу бугра Рябичкина. В южных квадратах раскопа данный слой материка резко опускается вниз и перекрывается по поверхности слоем серо-коричневой твердой глины с большим количеством речной ракушки. Таким образом, в раскопе зафиксирован береговой край древнего речного русла. Вышележащие слои сформировались в течение IX–XIV вв. и представляют собой перемытые рекой и переотложенные донно-береговые отложения, возникшие в результате процесса поднятия уровня в реке и наступления реки на подошву бугра. В них зафиксирован разновременный материал, относящийся к вышеуказанному периоду.

Под термином «юртообразное жилище» понимается жилище округлой формы, которое может быть углубленно в землю и имеет сходство с традиционным жилищем кочевников – юртой. Юртообразное жилище стационарно, о чём свидетельствуют такие конструктивные особенности, как котлован, жердевые конструкции стен, стационарный очаг и т. д. Важной работой по вопросу юртообразных жилищ является монография В. С. Флёрова «Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы». Сам В. С. Флёров, относительно вопросов терминологии, считает приемлемым использовать термин «круглоплановое жилище». По словам автора, он достаточно нейтрален и не несёт дополнительной смысловой нагрузки относительно кочевого или оседлого образа жизни владельцев. При этом данный термин внеисторичен, охватывает все округлые в плане жилища, возникавшие во всей истории человечества, поэтому не отражает конкретно-исторических условий возникновения подобного типа жилищ в хазарское время [3, с. 6]. Склоняясь к использованию термина «юртообразное жилище», В. С. Флёров указывает на существование генетической связи юрты – кочевнического переносного жилища и тех округлых в плане жилищ, обнаруживается на поселениях хазарского времени. В. С. Флёров указывает на то, что юрта, по его мнению, является прототипом стационарного юртообразного жилища.

Как было сказано выше, на левобережном Самосдельском селище были обнаружены два юртообразных жилища. Одно из них (сооружение 3) сохранилось хорошо, потому что оно меньше всего находилось в прибрежной зоне, когда река разлилась. Оно представляет собой овальную яму размерами 4 м на 5 м и средней глубиной 35 см. С южной стороны к основному котловану примыкает округлая яма входа со ступенькой размерами 1,0 м на 0,5 м глубиной 30 см. По краям жилища обнаружено десять столбовых ям оставшиеся от жердей, диаметром 10–12 см оставшихся от конструкции стен. Сохранилась очажная яма округлой формы размерами 80 на 40 см.

В сооружениях были найдены небольшие по размеру, невыразительные кусочки лепной и гончарной керамики и бараны косточки.

Второе жилище не сохранилось. Оно было полностью размыто, сохранился контур и несколько столбовых ям.

Аналогичными параметрами обладает сооружение 3 раскоп I правобережного Самосдельского городища [2, с. 23–24]. Сооружение округлой формы с прямоугольным выступом на юге. Глубина котлована жилища в среднем 58 см, диаметр 2,84 м на 3,24 м. По периметру ямы на северном, западном и южном бортах были прослежены семь лунок, оставленных жердями каркаса жилища. Примыкающая с юга прямоугольная яма имела глубину около 30 см от впускного уровня длину 1,24 м и ширину 1,0–1,4 м. По периметру ямы вдоль бортов на дне прослежены лунки диаметром около 6–7 см от жердей или колышков, которые удерживали деревянную облицовку песчаных боковых стен.

Данное жилище находит себе практически полную аналогию среди материалов городища Биляр. Найденное здесь юртообразное жилище X в. представляет собой сооружение правильной округлой формы. Котлован углублен

на 20–25 см. С южной стороны выступ-вход размерами 1,40 м на 1,20 м. По периметру расположены более 40 столбовых ям диаметром 10 см [3, с. 26–27].

По мнению В. С. Флёрова, на территории Хазарского каганата юртообразные жилища связаны с оседавшим на землю болгарским кочевым компонентом культуры Хазарии в рамках нарождавшейся городской оседлости.

На Левобережном Самосдельском селище юртообразное жилище может датироваться широким периодом – от X до XII в. В IX в. там возникает хазарский город, а XII в. произошло поднятие уровня Каспийского моря. Из материалов Самосдельского городища, которое располагается на левом берегу Волги, мы знаем, что юртообразные жилища существовали здесь именно в период IX–XII вв. Остатки сооружения на Левобережном селище были заполнены слоем твердой глины с речной ракушкой. Можно предположить, что селище располагалось узкой полосой шириной около 200 м на левом берегу Волги. По мере подъёма воды, который мог начаться в XI в., селище перемещалось на север, к бугру. Самые поздние предметы, которые отмечены в раскопе 1 на Левобережном селище, датируются началом XIII в. – кувшин-афтоба (кувшин для воды с длинным конусообразным носиком и ручкой, употребляемый мусульманами для омовения.) хорезмийского происхождения. Вторичным, но на наш взгляд, очень важным датирующим признаком является отсутствие кашинной керамики в слое, который соответствует юртообразным жилищам. Кашинная посуда появляется на Самосдельском городище в XI в. и с тех пор широко используется в быту [1, с. 159]. Отсутствие кашинной посуды может свидетельствовать о ранней датировке жилища на Левобережном селище.

Интересно отметить, что планиграфия самосдельского городища и примыкающего Левобережного селища соответствует описанию последней столицы Хазарии – г. Итиля. Из письма царя Иосифа мы знаем, что Итиль делилась на три части: крепость на острове, а также на две части города на левом и правом берегах. В связи с этим очень интересна версия ранней датировки Левобережного селища, которую необходимо дополнительно проверить, поскольку ранние даты известны на правом берегу Волги, в центральной части Самосдельского городища.

Список источников и литературы

1. Болдырева Е. М. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища). М., 2016. 250 с.
2. Зиливинская Э. Д. Раскоп № 1 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань: Астраханская цифровая типография, 2011. 169 с.
3. Флёров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996. 100 с.

ИЗ ИСТОРИИ АСТРАХАНСКИХ ТАТАР

Зайнутдинов Ильгиз Ихсанович,

учитель истории и обществознания,

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 8», г. Астрахань

В Астраханском крае живут представители разных народов. В 80–90-х гг. XX в. историю астраханских татар изучали экспедиции из Казани, группы под руководством А. Халикова. Татарское население в Астраханском крае начинает появляться после присоединения Астраханского ханства к русскому государству (вторая половина XVI в.). В Астрахани в XVIII в. возникает татарская слобода. Один из исследователей нашего края С. Г. Гмелин писал, что самая большая по численности – это Казанская слобода, «которая потому так называется, что в оной живут татары, приезжавшие из Казанской губернии». «Многочисленный класс Астраханских жителей составляют татары, коих считается ныне 10,000. Главнейшими и коренными из сего народа, без сомнений должно считать Юртовских, как потомков прежних поселенцев Астрахани. Они управляют Табунными головами. Нынешние татары разделяются на три двора или общества: Бухарское, Агрыжанское и Гилянское. Число приписных к сим трем дворам простирается до 740 душ» [6, с. 42].

«Кроме сказанных выше племен в Астрахани живут татары Казанские и Кучергановские. Они упражняются более в домашних работах, ткнут бумажные холстинки и ходят по найму. Кучергановские татары названы так по месту своего жительства, которое иначе именуется Картузан – деревня, отстоящая от Астрахани в 50 верстах». Большое внимание уделяет различным национальностям, проживающим в Астрахани французский консул Шарль Гамба. «Его поражала удивительная веротерпимость города – Вавилона в Низовьях Волги». «За каналом начинаются татарские кварталы. Здесь строения в большинстве деревянные, своей внешностью они утомляют взор длинными, глухими фасадами стен и заборами. Окна и входы этих домов, по обычаю мусульман, расположены во двор». Татары занимались коневодством, бахчеводством, скотоводством, торговлей и извозом. Гамба писал: «Среди них многим можно доверять и быть уверенным в благополучной транспортировке шелка, хлопка и других богатых продуктов Азии, которые направляются в Москву или на Макарьевскую ярмарку». Сельское население Астраханской губернии, по данным источников начинает появляться в первой половине XVII в. По приказу Петра I в 1733 г. казанские татары посланы были в Пермь, Гилян, Баку.

Позже правительство Екатерины II старалось заселить свободные пространства от Саратова до Астрахани и до Северного Кавказа гражданским населением. К такому заселению были привлечены татары Вятской, Казанской, Пензенской и других губерний. Переселенцы основали современные села Курченко и Зензели. О владельце соляными озерами купце Курочкине пишет М. Рыбушкин: «На обратном пути из Персии Петр I не оставил посетить Курочкина, и в это-то время, как должно полагать, пожаловал ему соляные озера, лежащие от Астрахани в 40 или 50 верстах, где доселе видна наваленная буграми соль, под именем Курочкиной».

Село Линейное (татарское название Каменни) основали несколько позже татары с. Каменный Яр Черныярского уезда Астраханской губернии. Жители села до сих пор помнят предание о том, что они действительно переселились из Каменного Яра. Это подтверждается и языковыми данными.

Праздники и обряды, как известно, являются одним из ярких признаков этнической идентификации того или иного народа. Именно, исходя из этого, в работе впервые предпринята попытка описания традиционных (конец XIX – начало XX в.) праздников и обрядов астраханских татар. История астраханских татар богата и многогранна. Ученые, работавшие в экспедиции от Казанского университета, они объездили все сёла, где проживают астраханские татары и в результате были получены соответствующие сведения.

Материалом для написания статьи послужили данные, собранные во время экспедиционного выезда 1989 г. в Астраханскую область. Население обследованных деревень, за исключением деревень Линейное, Курченко, Янго-Аскер (они расположены сравнительно недалеко друг от друга), считают себя ногайцами, причем говорят: «Без чын нугайлар» – «Мы – настоящие ногайцы». Жителей же перечисленных выше деревень называют «казан нугайлары» – «казанские ногайцы», в то время как те сами себя называют татарами [3, с. 27]. В то же время считающие себя ногайцами видят свою неоднородность. Так, жителей Сеитовки называют карагашами, причем отмечают, что их культура ближе к казахской, а жителей с. Килиничи карагаша называют «кариле».

У основной массы астраханских татар начало нового года приходилось на март – науруз месяц. Новый год отмечался 10 марта по старому стилю, являясь одновременно и праздником встречи весны. В народе он назывался «эмел». Форма его проведения повсеместно была одинаковой. Накануне все население оповещалось о наступлении праздника. Для этого мальчики верхом на конях объезжали аул. Подъезжая к каждому дому, кричали: «Завтра будет каша амилъ – ыртэз эмел буткасы була» [3, с. 31].

В аулах Килинчи, Сеитовка каждая хозяйка приглашала соседей попробовать праздничное угощение. Готовили плов или рисовую кашу с тыквой – эмел чулз (с. Килиничи). В Тулугановке же все жители собирались на площадь возле мечети. Каждая хозяйка приносила с собой какое-нибудь угощение: плов, суп (сурпа), пельмени, отварное мясо, порезанное на кусочки и тушеное с луком – турамша, конскую колбасу – казы и др. Мужчины заходили в мечеть на молитву – намаз, после которой в мечети же проводили коллективное угощение. Вначале угощали пожилых – стариков, старушек, мужчин. Им подавалось более знатное угощение – казы салып пешергэн ашларны картларга, зур кешелэргэ ашаталар иде. Затем угощались женщины, дети. В этот же день или на другой проводились различные состязания. Подарки для одаривания победителей, как правило, выделяли зажиточные жители аулов. В основном давали овец, иногда телят, отрезки ткани – мата и др.

Главными в состязаниях были конные скачки и борьба. Конные скачки устраивали за аулом. В частности, в Тулугановке их проводили вокруг холма возле аула. Народ же наблюдал за ними с этого возвышения. Иногда март выдавался холодным. В такие годы скачки устраивали по льду, на подводах. Состязания по борьбе были двух видов – «по-ногайски» – нугайча – борьба на полотенцах, которыми обхватывали соперника за поясицу.

Другой вид борьбы заключается в том, что борцы стремились положить соперника на спину, схватив его за голенища сапог – «итек балагыннан тотып аркага сала». Судьями выступали несколько авторитетных аульных аксакалов. Они же одаривали победителей. Борьбу начинали дети. Взрослых же борцов выводили на место состязаний, накрыв чапанами. Состязания начинали после прочтения молитвы. Иногда часть выделенных овец использовали для проведения коллективного угощения у участников праздника.

Юноши, мужчины пели песни, плясали. Женщины и особенно девушки были лишь зрителями. Помимо этих состязаний мальчики в этот день сами устраивали скачки. Каждый наездник украшал своего коня, заплетая в косички гриву и хвост, вплетал в них цветные лоскуты материи, ленты. Скачки устраивали вдоль деревни (с. Тулугановка).

Следует отметить, что амилъ праздновали лишь в тех аулах, жители которых относили себя к «чистым ногайцам» – чын нугайлар. Правда, в Сеитовке, по утверждению информаторов, амилъ не праздновали. Новогодний праздник у них назывался науруз, и в отличие от других деревень не сопровождался состязаниями. В этот день в каждом доме готовили кашу, на угощение которой приглашали соседей. Мальчики школьного возраста ходили по домам с исполнением новогодних пожеланий. Текст их был записан на бумагу в виде свитка. К сожалению, знающих эти куплеты в селе не осталось. Смогли вспомнить лишь отдельные фрагменты:

«...Науруз килер хэр елда,
Тереклэр йорер илдэ,
Нэгазиз егетлэр гурдэ ята...»
(Науруз будет ежегодно, живность будет бродить по земле, а святые джигиты лежат в могиле...).

«...Наурузыбыз тэмам булды,
Тынлаганга – аз булды
Савабы – сансыз булды...»
(Наш науруз окончен; слушающим показалось мало, но богоугодность – бесчисленна...).

Хозяева дома одаривали шакирдов деньгами, либо угощением – конфетами, сахаром, чаем и т.д. Если же хозяева отказывали в этом, то могли услышать не очень лестное в свой адрес:

«...Науруз эйтеп без килдек ишегенэ,
Кара тургай ояласын тишегенэ...»
(Произнеса науруз, мы пришли к твоей двери, Пусть скворец сошьет гнездо в дырочке (твоей)...).

Подобное хождение шакирдов были характерны для всех деревень, где были школы. Сведения о них записаны, кроме Сеитовки, и в селах Килинчи, Курченко. Кстати, жителей Курченко, как отмечалось выше, называли «казан нугайлары». В их деревне амиль не праздновали, точно так же, как и в другом ауле татар – в Линейном.

В этих деревнях весенний праздник назывался «казыл йомырка» – «красное яйцо». Как и в деревнях мишарей, коренных районов их проживания, этот праздник был приурочен к первому дню Пасхи. Накануне, с вечера, в каждом доме красили яички настоем особой травы – йомырка буягы (это «порез-трава», в народе называется лапник). Сбор яиц начинался с рассвета. Кому не хватало яиц, тому раздавали деньги. Если первый в дом входил мальчик, то это считалось хорошим предзнаменованием – иркенлек була. Иногда с вечера приглашали зайти первым поправившегося человека. Девочки же ходили лишь в дома своих родственников, да и то не слишком рано.

Сабантуй у астраханских татар в традиционном быту не праздновался. Более того, по справедливому замечанию В. А. Мошкова, астраханские ногайцы названия «сабан-той» не знают. Вместе с тем, он был традиционным у оренбургских ногайцев-казаков, у которых, как и у всех татар, его праздновали весной, «как только снег сойдёт с полей и земля просохнет, недели за две до начала полевых работ». Интересно отметить такую деталь, на которую он обратил внимание, а именно: у оренбургских ногайцев-казаков «точное время празднества определяет обыкновенно мулла», в то время как у татар «празднование сабан-тоя совершается без участия мутлы и даже мулла к этому празднеству относится неблагоприятно».

Список источников и литературы

1. Природа и история Астраханского края. Астрахань, 1996.
2. Уразманова Р. К. Современные обряды татарского народа. Казань, 1984.
3. Есбергенов Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Казань, 1989.
4. Губайдуллини М., Губайдуллин К. Пища казанских татар. Казань, 1990.
5. Матвеев С. М. Погребальные и поминальные обряды крещёных татар. Казань, 1991.
6. Халиков А. Язык Юртовских татар. Казань: Ученые записки, 1976.

ФУНДАМЕНТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ XII в. ИЗ МАТЕРИАЛОВ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Зяблов Олег Леонтьевич,

студент исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Самосдельское городище, крупный городской памятник IX–XIV вв., который ассоциируется в нижних слоях с хазарской столицей Итилем, в средних (XI – 30-е гг. XIII в.) – с торговым городом Саксином, в верхних (30-е гг. XIII – 50-е гг. XIV в.) – тоже с Саксином. Находится около с. Самосделка в Камызякском районе Астраханской области, на противоположном от села берегу Волги.

Среди материалов раскопок на Самосдельском городище выделяются два сооружения, которые имеют ряд черт сходства. Эти сооружения, выявленные в раскопах 1 и 2, возникли и существовали в XI–XII вв.

Сооружение 9 (раскоп 1) – большой многокомнатный дом из сырцового и обожженного кирпича, который возник примерно в середине – конце XI – начале XII в. Для данного сооружения впервые в Нижнем Поволжье были зафиксированы фундаментные траншеи, которые совершенно не характерны для Нижневолжского региона. Траншеи были забиты тщательно перемешанным культурным слоем. Заполнение траншей было довольно плотным. Стенки траншей были оштукатурены тем же мешаным культурным слоем толщиной 3–8 см. В бортах траншей видно, что ниже того уровня, с которого возводились стены находится довольно мощный и рыхлый горелый слой. Если бы стены возводились непосредственно с поверхности, то они непременно перекошились бы и просели.

Стены сооружения 9 поставлены на стены другого, более раннего здания, примерно такой же планировки, обозначенного как сооружение 9А.

Сооружение 9А представляло собой многокомнатный дом. В нем можно с уверенностью выделить три помещения (№ 1, 2, 4), сохранившихся полностью. Еще два (№ 3 и 5) частично разрушены. Размеры сооружения 9А по оси север – юг составляют 9,6–10,0 м. По оси запад – восток размеры дома неизвестны, так как восточная и западная его части разрушены. Стены этого сооружения сложены панцирной кладкой из целых обожженных кирпичей и их обломков на глиняном растворе. Размеры целых кирпичей 22 см × 22 см × 4 см и 25 см × 25 см × 5 см.

Под полом помещения 1 был найден скелет человека без головы и ног. Кости торса лежали в положении «на спине» головой на запад, ногами – на восток. У пояса, с левой стороны, была найдена медная пряжка с круглой рамкой из прута круглого сечения с железным язычком. Погребенный лежал не в яме, а в засыпи между полами сооружений 9А и 9. Данный скелет относится к середине XI в. А раскопе 2 в 2018 г. был найден скелет, относящийся к этому времени. При нем находился датирующий материал. Также найдены медные котлы, которые, по мнению К. А. Руденко, относятся четко к середине XI в. В юго-западном углу помещения находилась глинобитная суфа прямоугольной формы. На суфе находился тандыр. В юго-восточном углу комнаты была найдена нижняя часть вкопанной в пол хумчи. Возможно, этот сосуд представлял собой тошну.

Помещение 2 примыкало к помещению 1 с юга. Оно имело трапециевидную форму. Длина его в восточной части составляла 3,8 м, в западной части – 4,4 м. Ширина по оси восток – запад составляла 2,8 м.

Помещение 4 находилось к западу от помещения 2. Восточная стена являлась западной стеной помещения 2. В ней находился проход, соединяющий помещения 2 и 4. Эта часть стены относилась к раннему сооружению 9. Никаких внутренних конструкций в помещении 4 обнаружено не было.

К западу от помещений 2 и 1 находилось помещение 3. Оно было почти полностью разрушено землянкой 1. Южная стена помещения 3 являлась С стеной помещения 4, а восточная стена – западной стеной помещений 2 и 1. В ней находились проходы, которые соединяли эти комнаты с помещением 3. У южной стенки располагались остатки какой-то внутренней конструкции – суфы, или обкладки тандыра. Тандыр был пристроен к этой стенке с южной стороны.

Помещение 5 находилось к востоку от помещения 2. В нём также выявлены два тандыра, находившиеся в квадратных глинобитных суфах.

В сооружении 9 можно с уверенностью выделить три помещения (№ 1, 2, 4), еще два (№ 3 и 5) выделяются предположительно. Два или три строительных периода можно выделить не только внутри помещений, но и в структуре самих стен. Стены этого сооружения сложены панцирной кладкой из целых обожженных кирпичей и их обломков на глиняном растворе. Размеры целых кирпичей 22 см × 22 см × 4 см и 25 см × 25 см × 5 см.

Сооружение 5 (раскоп 2) – большой многокомнатный дом из сырцового кирпича, который возник примерно в середине – конце XI – начале XII в.

Сооружение было возведено на фундаменте из жидкой глины, залитом в специально прорытые в слое пожара траншеи. Стенки траншей были предварительно оштукатурены этим же раствором.

Сооружение 5 представляет собой в плане прямоугольную постройку, ориентированную по оси север – северо-запад – юг – юго-восток. Внешние размеры сооружения по северному контуру с запада на восток – 815 см, по южному контуру – 844 см, по контуру восточной стены – 1200 см, по контуру западной стены – 1130 см. Капитальные стены сооружения 5 – западная и восточная. Они сложены из сырцового квадратного кирпича размерами 24 см × 24 см × 5 см и частично облицованы изнутри и снаружи обожжённым кирпичом на глинистом растворе. Облицовка совершалась не одновременно, а по мере возникновения необходимости у обитателей помещений. Северная и южная стены, а также южная часть западной стены выложены в оригинальной технике – с использованием комбинированной кладки, в которой перемежаются слои кладки из сырцового кирпича и пахсы, замешанной на основе просеянного культурного слоя.

К западной стене сооружения примыкает основное помещения сооружения 5 – помещение 3. Это квадратное в плане помещение обнесено со всех сторон капитальными стенами из сырца. Внутренние размеры помещения: по контуру южной стены – 415 см, по контуру западной стены – 350 см, по контуру северной стены – 400 см, по контуру восточной стены – 350 см. В центре помещения располагалась округлая очажная яма, превращённая позже в тошну, то есть в водопоглотительный колодец под умывальником. Вдоль северной стены помещения 3 прослежена прямоугольная суфа длиной 405 см и шириной 148 см. Суфа сооружена из желтой твердой пахсы.

С севера к центральному помещению примыкает прямоугольное помещение, интерьер которого не сохранился. С востока вдоль всего сооружения проходит длинный коридор, который к югу поворачивает к западу, образуя Г-образное помещение. В более позднее время южная часть этого помещения была разделена на два помещения, объединённых одним коридором вдоль южной стены сооружения. В центре западного помещения располагался квадратный очаг, встроенный в суфу, а восточное помещение, которое продолжало оставаться Г-образным угловым, содержало тандыр, также встроенный в квадратную суфу.

Восточная часть Г-образного помещения была разделена на три комнатки. Сохранились остатки пахсовых перегородок между ними и дверной проём с остатками деревянного дверного косяка между центральным восточным и северо-восточным помещениями. В таком виде сооружение 5 существовало, немного видоизменяясь и ремонтируясь, вплоть до монгольского нашествия, когда оно было частично разрушено.

Сооружение 5 сильно пострадало во время пожара, связанного с взятием города монголами в 1230-х гг. – оно содержит внутри следы горения, прокалы стен, слои золы и углей. Здесь сильно пострадали стены – была полностью разрушена восточная стена, завалились внутренние перегородки, рухнули перекрытия.

Археозоологические материалы позволяют говорить о том, что через некоторое время после пожара началась разборка завалов, санитарная уборка улиц от тел погибших животных и людей. Тела людей были собраны и захоронены (остались случайно неубранными лишь отдельные разрозненные части человеческих скелетов – в археозоологических коллекциях встречаются кости рук, ног, нижняя челюсть, которые носят следы пребывания в огне: видимо, санитарная зачистка руин началась после частичного разложения трупов погибших людей). Тела животных были собраны, брошены в руины сооружений и завалены остатками стен. Видимо, с этим процессом и связано разрушение стен сооружения 5.

После ликвидации первых последствий пожара было начато частичное восстановление разрушенных сооружений и обживание руин. В сооружении 5 восстанавливается капитальная восточная стена, только она теперь оказалась смещённой к западу, восстанавливаются даже внутренние перегородки, причём примерно на прежних местах. Новые конструктивные элементы были выстроены поверх хорошо прослеживающегося слоя пожара. Новым элементом сооружения 5 является пристроенная к нему с юга турлучная апсида шириной во весь фасад, которая представляет собой полукруглое ограждение вокруг примыкающего к нему двора.

Сооружения 9 и 5 имеют общую особенность: их основой являются квадратные помещения без внутреннего интерьера. На настоящем этапе исследований мы не в состоянии интерпретировать эти помещения. Но, тем не менее, ясно, что именно эти помещения являлись в каждом доме основными, возможно они служили местом встречи всех членов семейной общины для совместных обрядов.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII–XIX вв.

Казакос Петр Викторович,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Начало научных археологических исследований как в России, так и за границей относится к XVIII в. В начале этого столетия начались исследования погибших в 79 г. н. э. при извержении Везувия городов Помпеи и Геркуланума. В России в XVIII в. наблюдались попытки организовать охрану памятников и сбор археологических материалов в государственном масштабе. В 1718 г., после приобретения Сибирской коллекции археологических предметов, Петр I издал указ, в котором говорилось: «Ежели кто найдет в земле, или в воде какие старые вещи... тако же бы приносили, за что будет довольная дача, смотря по вещи... где найдутся такие (древние вещи) всему делать чертежи, как что найдут» [1, с. 13].

Серьезный обзор археологических объектов на территории современной Астраханской области был предпринят в конце XVIII в. академиком П. С. Палласом. Выехав из Нижнего Ахтубинского городка, в пределах современной Волгоградской области, П. С. Паллас проехал через дер. Заплавинскую (ныне с. Заплавное Волгоградской обл.). «На окраине деревни, почти в открытой степи, находится много невысоких захоронений, некоторые из которых разбросаны также в степи вокруг. Около каждого есть обычно небольшое углубление, из которого, наверное, была взята земля для холма...» [2, с. 5]. Здесь находилось золотоордынское городище, получившее в археологической литературе название «Городище Заплавное». В настоящее время городище полностью уничтожено.

По дороге от Заплавинской до дер. Пришибинской П. С. Палласом были замечены «следы четырехугольного здания размером около 11 саженей [23,43 м] с каждой стороны, направленного на четыре стороны света. На расстоянии нескольких саженей от Пришибинской виден состоящий из обломков кирпича холм, наверняка оставшийся от разрушенного здания.

С Пришибинской можно как следует осмотреть местность, известную под названием «Царевы Поды» («Королевское место»), шириной семь верст, длиной – пятнадцать, между дугой Ахтубы и откосом открытой степи... На границе этой местности находится множество курганов. Приблизительно в одной версте [1060 м] от хутора Глушково... находится один из самых крупных и самых удивительных остатков татарских древних поселений, вокруг которого видны еще несколько следов зданий и могильных холмов...

Монумент у Подпалатного ерика – это расположенный на четырехугольной земляной возвышенности могильный холм, представляющий собой шесть примыкающих друг к другу низких склепов, сверху присыпанных землей.

Стоит более подробно описать вид и прочность склепов, которые, вероятно вследствие многочисленных разбоев, давно были разграблены и взломаны. Их несущие стены высотой с локоть выложены из диких, необтесанных камней песчаника. Сам склеп очень низкий, состоит приблизительно из шести слоев кирпичей, которые горизонтально положены попеременно друг на друга, так что один держит и утяжеляет два других. Зазоры между ними довольно большие; строительный раствор, кажется, был свободно налит в промежутки толщиной почти с палец... Здесь можно увидеть, что кругом лежат кирпичи и обломки глиняных водопроводных труб.

Достоверным является то, что в могилах этой местности обнаружено несметное количество украшений из драгоценного металла, массивных золотых и серебряных украшений для лошадей и сосудов, наибольшую часть которых тайком продали ювелирам и коммерсантам... Часть из них, однако, попала в Кунтскамеру Императорской академии наук и там хранится [2, с. 107–110].

Около 100 саженей [213 м] к северо-западу от большого мавзолея расположена большая куча обломков, почти 100 саженей в окружности, оставшихся, скорее всего, от какого-то здания...» [2, с. 111].

Здесь речь, вероятно, идет о руинах второй столицы Золотой Орды – «Сарай ал-Джедид», остатки которой находятся у современного села Царев Ленинского района Волгоградской области.

«Не только эта низменность «Царевы Поды», но и все эти бескрайние степи полны многочисленными, иногда очень большими и видными издали могильными холмами, кирпичные своды которых в большинстве случаев уже вскрыты, и эти так называемые курганы простираются также вниз вдоль Ахтубы до Солянки и вверх выше Заплавной...» [2, с. 113].

В начале августа 1793 г. П. С. Паллас прибыл в Астрахань и побывал на «Шареном Бугре». «Шареный Бугор – солено-селитряный бугор, перемешанный со щебнем, расположенный примерно в пяти верстах [5 км 300 м] от Астрахани... Название Шареный Бугор, кажется, происходит от русского слова «шарить» (копать, рыть, скрести в поисках чего-либо) и, возможно, намекает на перерытый в поисках бугор. От незнания многие делают из него Жареный бугор. Татары называют это место Куйок-Кала. То, что здесь прежде было поселение, легко понять, увидев горы мусора, множество целых или переломанных костей людей и животных, черепки и т. д. ...» [2, с. 121–122].

В мае 1793 г. П. С. Паллас посетил уездный город Астраханской губернии – Красный Яр. «Древний татарский город Зуммеркент, который монах Рубруквис в 49 главе своего сочинения переместил на остров в устье Волги, похоже, находился на месте сегодняшнего Красноярска (Красного Яра). Вскоре после этого на Нижней Волге появляется Астрахань, но и на двух расположенных поблизости островах Кобыльях, на «Ватажном Бугре», на нежилом, так называемом «Красном Яру», на «Алче», на «Караульном», на «Кирпичном» и «Маячном» буграх имеются следы каменных строений, где все еще выкапывают большие кирпичи, которые жители используют для своих печей. Весь «Маячный бугор» и сегодня полон татарскими могилами. Также другие соседние сухие острова (или бугры): «Даниловы»,

“Коклюйский”, “Чертовский”, “Черкасский”, “Малинский”, “Алгинский”, “Паршиковский”, “Кандаковский” и “Кобылинский” имеют повсюду следы прежнего проживания людей» [2, с. 47].

Можно сказать, что затем археологические исследования на территории Астраханской губернии на долгие годы прекращаются.

В 1872 г. в Астрахани было учреждено Петровское общество исследователей Астраханского края. Большой вклад в изучение археологических памятников на территории Астраханской губернии внес К. Н. Малиновский. В 1887–1888 гг. он провел ряд визуальных исследований и сборов на Селитренном городище (г. Сарай ал-Махруса – столица Золотой Орды), в Черном Яру у с. Никольского. Результатом работ стали сообщения в секции археологии Петровского Общества о состоянии памятников, после чего К. Н. Малиновский обратился с ходатайством к губернатору «о воспреещении жителям села Селитренного разрушать остатки старины, заключающиеся в Селитренном городище весьма интересные в археологическом плане». В Московское Императорское Археологическое Общество был отослан реферат о поездке в с. Селитренное с просьбой доложить его на предстоящем Археологическом съезде в Москве [3, с. 23–24].

В 1888 г. Советом Петровского Общества была создана программа, подготовленная действительным членом Общества Н. Ф. Леонтьевым, для собирания археологических, нумизматических и этнографических сведений по Астраханскому краю. В том же 1888 г. членом Общества И. А. Житецким были исследованы «Шаренные бугры» (остатки золотоордынского г. Хаджи-Тархан). Исследования Хаджи-Тархана были продолжены в 1893 г. членом Императорской Археологической Комиссии А. А. Спицыным и в 1915–1916 гг. членом петровского Общества исследователей Астраханского края П. М. Новиковым.

Летом 1888 г. археологические объекты в пределах Астраханской губернии были обследованы членом Петровского Общества К. Н. Малиновским. Его отчет об этой поездке гласил: «26 июня 1888 года я отправился на пароходе в город Черный Яр с тем, чтобы сначала здесь добыть у местных жителей сведения о каких либо имеющихся в городе и окрестностях замечательных в археологическом отношении пунктах...

В самом городе из старых городских укреплений сохранился, так называемый в народе Мамаевский земляной вал, который частью разрушен, частью совершенно уничтожен... Тянется он змееобразно в южной половине города, начинаясь у крутого обрывистого берега Волги и идет далее по юго-западному направлению, оканчиваясь невдалеке от линии городской окраины. Этим валом ограничены самые древние, основные постройки города, которые уже впоследствии распространились за черту вала».

Хотя этот вал и именуется в народе «Мамаевским», однако на самом деле же он памятник русского времени, остаток русской селитьбы позапрошлого века, ибо известно, что Черный Яр основан в царствование Михаила Федоровича в 1627 г. и официально назывался прежде Черноярским новым острогом. Главным назначением этого острога было ограждать русские волжские караваны от нападений кочевых народов и разбойничьих казачьих шаек.

Из курганов указаны в черте надела крестьян Кормовского общества два замечательных по своей высоте круглых кургана, один при самом селении, а другой в степи. Этот последний частью разрыт в разное время крестьянами с целью отыскания клада, но раз найден был только цинковый таз, который в настоящую пору не сохранился. В Черноярском уезде есть и остатки каменных баб. По крайней мере, в селах Крестовской волости, по сведениям, также доставленным сельскими властями, крестьяне находили в полях каменных баб в рост человека, но без ног. Статуи эти без всяких надписей и находятся у крестьян вместо столбов в изгородях». Продолжая спускаться вниз по Волге, К. Н. Малиновский описал курган в Енотаевском уезде, который известен в народе как «Золотой бугор». Он находится на правой стороне Волги, на границе земель казаков Сероглазинской станицы и земель надворного советника М.В. Фролова. «26 июля, после многочисленных поворотов по протокам Митинке или Митиной и Ванной мы въехали в Ахтубу... на которой расположено Селитрянное... Передо мною величественно вырисовывался издали остов единственной башни... Этот остов башни должен быть остатком одной из четырех башен, о существовании которых на месте у села Селитрянного говорится в донесении Астраханского Губернатора А. С. Осипова в Министерство Внутренних дел в 1828 г., вследствие приказа от последнего, по Высочайшему повелению, касательно доставления сведений об остатках древних зданий в городах и о воспреещении разрушать оные.

Именно в деле, составлявшем материал для вышеуказанного донесения говорится, что у с. Селитрянного в ту пору (т.е. в 20-х гг. XIX столетия) находились остатки древнего ханского замка и татарской мечети, под названием “Белой” и четыре башни, из которых три были в разрушенном состоянии и одна только несколько повреждена и Енотаевскому Земскому Суду предписывалось от Губернского Правления, чтобы строжайше воспретить разрушать эти здания; губернскому же или уездному землемеру поручить снять планы и фасады с остатков ханского замка и башен, лежащих близ селения».

В исполнении этого повеления, 23 мая 1827 г. последовало донесение от Черноярского уездного землемера Коренева, в котором он писал, что «приступая к снятию в натуре оказалось одно только местоположение, где существовал в прежние времена ханский замок с Белою мечетью, в видимости оно ничего другого не представляет, кроме разрытых ям и буров из кирпичного щебня, что касается до стен или внутренних расположений ханского замка, никакого остатка при обозрении его не оказалось... При Селитренном селении по степи окрест оного значатся развалины древних зданий, простирается на немалое расстояние щебень битого азиатского кирпича; хотя и есть развалившиеся четыре башни, но не древнее здание, а построены единственно для предохранения бывшего Селитренного завода из мелкого битого же кирпича на одной глине... Селитренный завод начал существовать после 1720 г., с чем вместе и башни должны быть построены, из которых ныне находится только одна мало повреждена, а прочие почти в совершенном разрушении».

Из официальной переписки мы, прежде всего, можем заключить о времени возникновения села Селитренного. В первой четверти XVIII в. был основан Селитренный завод на городище; около него постепенно образовался посе-

лок, из которого с течением времени возникло уже и целое селение. Эти данные и заключающиеся в них сведения согласны с исследованиями разных ученых и путешественников. Так, И. Ф. Штукенберг в своих статистических трудах в описании Астраханской губернии говорит, что «около 1710 г. казна устроила Селитряный городок на Ахтубе, на развалинах древнего «Джигит-Аджи...» [3, с. 7–8].

Общаясь с местным населением, К. Н. Малиновский выяснил, что люди находили различные старинные предметы, украшения, монеты, кувшины, изразцовый кирпич, которые встречались в массовом масштабе и расходились по рукам. Ему удалось договориться с отцом Федором о том, что в случае нахождения примечательных предметов, ему сообщали тут же.

Кроме того, К. Н. Малиновский посетил во время своего пребывания С. Н. Бубнова, А. А. Ебпкова, П. З. Степанищева, Г. В. Третьякова, А. А. Борисова, псаломщика А. И. Соколова. От них он приобрел несколько вещей: несколько серебряных монет, осколок древней чашечки с восточными письменами, металлическую чашечку, из тех, какие ставятся калмыками в хурулах перед статуэтками божков, 30 медных монет с татарскими письменами.

Проследить судьбу найденных предметов не представляется возможным, даже несмотря на то, что некоторые из отчетов о деятельности Петровского Общества сохранены. Возможно, эти предметы хранятся в Астраханском музее-заповеднике, но в силу того, что предметы плохо описаны в отчетах, и никакой другой отчетной документации о поступлении в фонды нет, говорить на стопроцентов мы не можем.

Следующим шагом в изучении археологических объектов на территории Астраханского края последовало обращение Астраханского Губернского Статистического Комитета в 80-х гг. XIX в. в уезды Астраханской губернии о предоставлении сведений о памятниках древнего искусства и памятниках старины в Астраханской губернии. И как итог были получены сведения об археологических объектах в с. Селитренном и его окрестностях.

13 октября 1886 г. Императорская Археологическая комиссия отписала астраханскому губернатору, что присланные из с. Селитренного две серебряные монеты (они были переданы из Археологической комиссии для хранения в музей при Астраханском Губернском Статистическом Комитете) «оказались золотоордынскими, чеканенными одна ханом Джанибеком в Новом Сарае, в 1346/7 г., а другая – ханом Шадибеком в неизвестном городе, в начале XV в. «Комиссия считает долгом принести Вам (т. е. губернатору Л. Д. Вяземскому) искреннейшую благодарность как за присылку на рассмотрение означенных двух монет, так и за сообщение ближайших сведений о могилах, открываемых в так называемом «Каменном бугре», находящемся в шести верстах от села Селитренного, и о татарском кладбище, лежащем в девяти верстах от этого бугра» [3, с. 23].

В 1887 г. Императорская Академия Художеств разослала в российские губернии, в частности и в Астраханскую, анкету собирающую «сведения о памятниках отечественного древнего искусства». Основные вопросы, касающиеся археологических памятников, были следующие: «1. Нет ли в пределах города хорошо сохранившихся курганов, городков и городищ? Как построены эти памятники, какой величины и где они находятся?... 4. Не находили ли где старинных медальонов (змеевиков), медалей, монет и тому подобных художественных памятников? Куда найденное поступает и не находится ли еще в частных руках? Желательно знать фамилии лиц, у которых эти памятники сохраняются». В результате были получены сведения из Царевского, Астраханского, Черныярского, Енотаевского уездов.

Таким образом, первые археологические исследования в Нижнем Поволжье, точнее, в пределах Астраханского края, имели место с XVIII в. В последующем столетии, особенно в последней его четверти, начинаются по возможности, полные, координируемые ведущими центрами науки и культуры, обследования и фиксация памятников археологии. И этот процесс не смогли остановить даже политические события в России.

Список источников и литературы

1. Мартынов А. И. Археология СССР. М., 1982.
2. Паллас П. С. Записки о путешествии в южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 гг. Астрахань, 2008. Т. 1.
3. Пигарев Е. М. Археологическое наследие Астраханской губернии (из истории археологических исследований) // Астраханский край: история и современность (к 280-летию образования Астраханской губернии). Астрахань, 1997.

ИЗ АСТРАХАНИ В БУХАРУ И ХИВУ: ГЕНЕАЛОГИЯ ИМАМ ИШАНА

Кошанов Бахытбай Абдикеримович,

*доктор исторических наук, профессор кафедры «История Узбекистана и Каракалпакстана»,
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,
г. Нукус, Республика Узбекистан*

В XIII–XVI вв. большинство каракалпаков жили на берегах Волги в составе ханства Золотой Орды. В каракалпакском фольклоре встречается много песен и сказок, посвященных Едилю (Волга), Жайыку (Урал), знатным ногайским ханам и князьям: Едиге, Орысбий, Орманбет бий [6, с. 56]. Еще В. Н. Татищев написал, что каракалпаки жили на берегу Волги и Урала: «жили при Волге в Болгарии и перешли к Аралу за 260 лет прежде взятия русскими Казани». Посол России Гладышев в своем донесении указывал, что сами каракалпаки считают, «что они жили между Астрахани и Казани, а потом на Бухарскую сторону к Аральскому морю отошли» [2, с. 7].

Имя Имам ишана, как одного из знатоков теорий ислама, особенно суфизма и видных религиозных деятелей Хивинского ханства XVIII–XIX вв. стало доступным для широкой общественности лишь в годы независимости Узбекистана, благодаря усилиям местной общественности [5, с. 29]. Имам ишан, по народным преданиям, выпускник одного из бухарских медресе и школ ишанства на пересечении XVIII–XIX вв. Наряду со своими сокурсниками –

Курбаназар ишаном из Хивы, Суфи ишаном из Хазараспа и Ногайлы ишаном из Куня-Ургенча был одним из организаторов Центра Ишанства в Хивинском ханстве в 1805 г. Он же – основатель, просуществовавшей в истории в 1802–1999 гг., каракалпакской школы ишанства. Активно сотрудничал с Мухаммед Рахим ханом I (1806–1825 гг.) в период адаптации жанадарьинских каракалпаков с полукочевого на оседлый образ жизни, смене профессии скотовода на дехканства в новых условиях.

В то же время политический портрет Имам ишана как историческая личность (объективная генеология, жизнь и деятельность) остается малоизученным с научной точки зрения, что вызывает различные понимание местной средой. Например, если местная научная среда пытается его личности доказать как «просветителя неграмотных», а религиозное сообщество признает имамом, т. е. проповедником ислама [7, с. 34].

Религиозное имя Имам ишана в научной литературе цитируется как Молла Имам Мухаммед Ишан аль-Хорезмий, или вкратце Имам ишан. Его имя от рождения – Имаматдин Каипназар улы (1754–1831 гг.), каракалпак из рода канглы кипчакского арыса. В труде «Фирдаус алб икбалъ» хивинского историка Муниса даются небольшие заметки о месте жительства и работе Имам ишана в 1810 г. и дополняющие материалы на архивных документах хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков [3, с. 67].

Существует два варианта генеологии Имам ишана. Первый вариант: «Удеуберди бий – его сын Постыбай бахадыр – его сын Самен бахадыр – его сын Жанхайдар аталык – его сын Мынхайдар аталык – его сын Бегмурат бий – его сын Каипназар бий – его сын Имам ишан». Второй вариант: «Удеуберди бий – его сын Жанайдар аталык – его сын Минайдар аталык – его сын Худайберди бий – его сын Курбангелди бий – его сын Суйиндик бахадыр – его сын Шамен бахадыр – его сын Каипназар бий – его сын Имам ишан».

От Имам ишана до Удеуберди бия включительно, предки одни те же, хотя на первом варианте говорится о седьмом, во втором о восьмом поколениях. Помнить имена своих семи («жети ата»), а не восьми предков, одна из обязанностей каждого каракалпака [4, с. 76].

Один из правнуков Имам ишана – Исмаил ишан (1893–1983 гг.) обучался в медресе с. Харабали нынешней Астраханской области, затем в медресе «Галия» в г. Уфе, Башкирия.

Десятый предок Исмаил ишана по имени Удеуберди (Удэу, Удэгэй) бий со своим родом канлы каракалпаков, жил недалеко от Харабали, вблизи озера Сасык кол. Был на службе дворца аштарханидов и погиб в сражениях. Портрет Исмаил ишана вплоть до 1970 г. украшал экспозиции Астраханского историко-краеведческого музея-заповедника.

Постыбай бахадыр – сын Удеуберди бия, руководя своим родом вместо отца, в составе других аштарханидов переехал на территории Бухарского эмирата через плато Устюрт и владения Хивинского ханства. Его племя жила около священного мазара «Мискин Ата», расположенная между Султан-Санжар, Косбулак и Туямуюн Чарджауского бекства Бухарского эмирата. Сын Удеуберди бия – Самен бахадыр, Жанхайдар – его сын Мынхайдар были теперь слугами аштарханидов Бухарского Эмирата.

В начале XVIII в. произошло массовое переселение рода канлы с территории Бухарского эмирата на подданства Хивинского ханства. Сына Мынхайдар аталыка Бегмурата называют теперь «бий», его сын – Каипназар бий [1, с. 45].

Бегмурат и его сын были уже биями не племени канлы в целом, а его рода «ыргаклы» – части канлийского племени.

Массовое переселения каракалпаков, в основном кунградов, с Миянколя Бухарского эмирата в низовье Амударьи в подданство Хивинского хана, происходит за время правления Мухаммед Амин инака (1770–1790 гг.). В составе этого кочевья были род ыргаклы из рода канлы каракалпаков во главе с Каипназар бием, и тогда его единственному сыну Имаматдину было 15 лет. Каипназар бий был похоронен на кладбище «Мискин Ата» местности Катты ой Ташаузской области Туркменистана.

Таким образом, если учесть, что в каждом веке в среднем проходят три поколения то, на базе выше изложенных можно составить генеологию Имам ишана. В процессе поисковой работы мы спрашивали более 200 семей родственников Имам ишана.

XVI в. – Удеуберди бия и Постыбай бахадыра.

1. Удеуберди бий – седьмой предок. Служил двору аштарханидов в качестве бия одного из родов племени канлы. Жил и умер подданным Астраханского ханства, похоронен вблизи с. Харабали.

2. Постыбай бахадыр – сын Удеуберди бия, конец XVI в. Всю сознательную жизнь провел подданным Бухарского эмирата. Участник сражений за ханский престол в Бухаре в составе аштарханидов. Жил на территории Дарган Ата. Примерно в 30–35-летнем возрасте (1590–1600 гг.) имел должности «бахадыр».

XVII в. – век Самен бахадыр-Жанхайдар аталык-Мынхайдар аталыка.

3. Самен бахадыр Постыбай улы. Родился в начале XVII в. подданным Бухарского эмирата. Должность «бахадыр» добился, видимо, за отличия в боевых действиях при Имамкули хане (1611–1642 гг.).

4. Жанхайдар аталык Самен улы. Середина XVII в. Подданный Бухарского эмирата. Должность «аталык» племени канлы добился примерно на 40–45-летнем возрасте (1670–1675 гг.). Сотрудничал с бухарским эмиром – Абдул азиз ханом (1645–1681 гг.).

5. Мынхайдар аталык Жанхайдар аталык улы. Конец XVII – начало XVIII в. Подданный Бухарского эмирата. «Аталык» племени канлы 1690–1710 гг. Сотрудничал с эмирами Субханкулы хан (1681–1702 гг.) и Убайдулла ханом (1702–1711 гг.).

XVIII в. – век Бегмурат бий, Каипназар бий, Имам ишана.

6. Бегмурат бий – сын Мынхайдар аталыка. Начало XVIII в. Подданный Бухарского эмирата. «Бий» (предводитель) рода ыргаклы племени канлы при бухарском правителе Абдулфаиз хана (1711–1747 гг.).

7. Каипназар бий – сын Бегмурат бия (1724–1802 гг.). «Бий» рода ыргаклы племени канлы. В 1788–1790 гг. со своими подчиненными приняли подданство Хивинского ханства. Похоронен на кладбище «Мискин Ата». Единственный наследник – сын Имаматдин (будущий Имам ийшан) [8, с. 23].

Восстановление генеалогии основателя суфизма в Каракалпакстане Имам ишана имеет важное научное значение, ибо на примере выявления его дедов и прадедов мы имеем понятие по истории распространения ислама среди каракалпаков.

Общепризнанная потребность в объективном взгляде на историю Узбекистана и Каракалпакстана в период независимости ощущается все более настоятельно. В поворотный момент история в наибольшей степени должна выполнять свою основную функцию – роль социальной памяти общества. Феномен народного сознания цепко хранит в памяти имена и события эпохи, по которой отложились большие массивы неплохо сохранившихся и еще ждущих своих исследователей материалов.

Список источников и литературы

1. История Узбекистана (XVI – первая половина XIX века). Ташкент: Фан, 2012.
2. Камалов С. К. Каракалпаклардың халық болып қалыптасуы және оның мемлекетлігі тарихынан. Нөкіс, 2001
3. Камалов С., Уббиниязов Ж., Кошанов А. Из истории взаимоотношений каракалпаков с другими народами Средней Азии и Казахстана в XVI – начале XX вв. Ташкент: Фан, 1988.
1. Каракалпак халық қосықтары. Нөкіс: Каракалпакстан, 1965.
2. Каракалпакстан жаңа тарихы. Каракалпакстан XIX ғасырдың екінші жартысынан XXI ғасырға дейін. Нөкіс: Каракалпакстан, 2003.
3. Кошанов Б. А. Каракалпакские исторические песни XIII –XX вв. как исторический источник // История и культура Узбекистана. Ташкент, 2011.
4. Мамбетов К. Каракалпаклар тарихы. Нөкіс: Билим, 1993.
5. Наимов Г., Хожаниязов Г. Имам ийшан каракалпак халқының ұллы ұламасы және ағартушы тұлғасы. Нөкіс: Каракалпакстан, 2005.

АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ МАЯЧНОГО БУГРА, ЧЕРТОВА ГОРОДИЩА И ГОРОДИЩА ЛАПАС

Лесянский Денис Олегович,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Археологические памятники – объекты материальной культуры, несущие в себе определённый объём информации о прошлом. Очень часто бывает так, что памятники сочетают в себе функции различных категорий. Например, курганы могут нести не только функцию захоронения, но и выполнять определённые культовые функции.

В соответствии с Федеральным законом от 25.06.2002 г. № 83-ФЗ «Об объектах культурного наследия народов РФ», основной задачей в сфере культурного наследия является обеспечение сохранности объектов культурного наследия всех видов и категорий. Данная задача включает осуществление государственной охраны, сохранения, использования и популяризации культурного наследия в соответствии с законодательством. В сфере культурного наследия происходит жесткий государственный контроль. Создаются институты широкого общественного контроля, осуществляется общественная экспертиза [5].

История Астраханского края уходит вглубь веков, она многолика и богата значительными событиями. Благоприятные земли Нижней Волги всегда привлекали иноземцев и завоевателей [3].

На территории Астраханской области в Красноярском районе, в с. Красный Яр, в 0,3 км к северо-востоку от посёлка Маячный на левом берегу реки Маячная располагается памятник археологии Могильник грунтовый «Маячный бугор – II». Комплекс погребений XIII–XV вв. Красноярского городища. Памятник был выявлен в 1990 г. С. А. Котеньковым. Им были обнаружены на поверхности обломки сероглиняных и красноглиняных гончарных сосудов без орнамента, а в стенках карьера – человеческие кости. Ориентация погребений была определена как западная. В 1991 г. экспедицией Саратовского государственного университета под руководством С. И. Четверикова проведены охранные раскопки западной и юго-западной частей могильника. Было вскрыто 42 погребения. В 1995 г. отряд Астраханской археологической экспедиции Госдирекции под руководством С. В. Артемьева проводил на объекте охранные археологические раскопки. Были исследованы захоронения.

В 1996 г. экспедицией Госдирекции под руководством С. А. Котенькова на участке к востоку и к западу от раскопа 1995 г. было исследовано три погребения. В следующем году той же экспедицией под руководством А. Д. Юрьева были исследованы еще три погребения к востоку от края карьера. Это были без инвентарные захоронения XIII–XIV вв. с ориентировкой на запад. За время исследований памятника было обнаружено около 100 погребений, относящихся к эпохе Золотой Орды (XIII–XV вв.). Часть без инвентарных погребений выполнены в мусульманских погребальных традициях XIII–XV вв. Надмогильные сооружения выполнены с применением сырцового, жженого кирпича и дерева. Ориентировка погребенных – черепом на запад, лицевыми костями на юг. Некоторые погребения были совершены в языческих традициях. Из инвентаря были найдены остатки кожаной обуви, фрагменты ткани, жемчужные

бусы, серьги из золота и серебра, глиняная посуда, серебряные золотоордынские монеты конца XIII – первая половина XIV в. Обнаружено погребение с трупосожжением. Пепел и кремированные останки погребенного сложены в гончарный сосуд. Рядом – кострище, на котором предположено и происходил обряд трупосожжения. У кострища дигирный сосуд, врытый вертикально в землю, со скорлупой от десятка куриных яиц, на которых сохранились надписи тушью на арабском языке. Эти погребения датируются XIII – начало XIV в. [6].

На территории Астраханской области в Икрянинский район в селе Троицкое в 3,9 км к северу, на правом берегу р. Бахтемир расположено Чертово городище. Оно было выявлено в 80-е гг. XIX в., но кем именно – не известно. С середины XX в. на городище проводятся эпизодические разведки. В 1958–1959 гг. В. А. Филипченко составил на памятник паспорт и комплект учетной документации. Городище им было осмотрено, описано, определены его размеры, составлен план, проведена фотофиксация, а также собран подъемный материал. В 1981–1982 гг., а также в 1987 г. памятник обследовался Е. В. Шнайштейн. В западной части бугра были выявлены следы землянок, в северо-восточной и восточной частях бугра обнаружены многочисленные останки человеческих скелетов. С 1990 г. госорганом по охране историко-культурного наследия Астраханской области ежегодно проводится осмотр территории памятника и составляется акт о его состоянии. В 2001 г. памятник был обследован С. А. Пантелеевым. Тогда же выявлен новый объект на вершине бугра, в восточной ее части – остатки кирпичного сооружения.

За весь период археологических обследований, на территории городища, были обнаружены многочисленные обломки обожженных кирпичей – плинфы, фрагменты голубых, белых, синих, желтых мозаичных вставок, красно-глиняной и серо-глиняной гончарной керамики, монеты, рыболовные крючки, изделия из бронзы, меди и железа. Находки с городища датируются XIII–XIV вв.

Одним из особых исторических мест Астраханской области, тесно связанным с историей Золотой Орды, является городище Ак-Сарай и комплекс развалин мусульманских мавзолеев на левом берегу р. Ахтубы, к северу от с. Лапас Харабалинского района Астраханской области. Охранная зона городища начинается непосредственно от северной окраины с. Лапас и тянется вдоль по берегу на север на расстояние около 1,5 км. Самое северное местонахождение подъемного материала зафиксировано в 3250 м к северу от с. Лапас. На восток охранная зона памятника, включающая городище и мавзолеи, протянулась на расстояние около 2250 м от берега р. Большой Ашулук. В природном отношении территория, занимаемая городищем и комплексом мавзолеев, представляет собой всхолмленную слабозадернованную песчаную полупустыню. С северо-запада на юго-восток территория городища пересекается автодорогой Волгоград – Астрахань. С запада на восток по территории городища проложены два газопровода, технические службы которых располагается на территории городища.

Строительство мавзолеев практиковалось в связи с исламизацией Орды. Вехами на путях распространения ислама по территории Золотой Орды и погребального обряда являлись мавзолеи: «дюрбэ», «кэшэнэ», «мазар». В 1350–1400 гг. их было большое количество на территории комплекса погребений Селитренного городища. Ученым известно 14 мавзолеев, а именно комплекс ханских мавзолеев. Первые упоминания об этом месте относятся к 1367 г. На карте братьев Пицигани оно обозначено как место, где находятся гробницы императоров, умерших в районе Сарайской реки [3]. На карте Фра-Мауро, созданной в 1459 г. также обозначено место, названное им императорским захоронением («Sepultura imperial»). Существуют записи, в которых указано, что в земле татар расположено кладбище, на котором хоронят императоров, князей и всех вельмож, вне зависимости от того где они умерли. Кладбище знатных особ являлось запретной территорией и охранялось стражей, вход был посторонним запрещен под страхом смертного наказания.

Именно здесь, в городище Лапас, воздвигались фамильные усыпальницы Джучидов. Не исключено нахождение в этом же месте захоронения самого Бату и других ханов-язычников. У монголов существовал обычай отведения запретных территорий («курук») для захоронения особ правящей династии. Само же городище играло роль «посёлка строителей» мавзолеев, так как на его территории найдены фрагменты производства кирпича, архитектурных украшений, мозаик и майолик. Существование «посёлка строителей» и самого крупного мавзолея под названием «Городище Ак-Сарай и развалины феодального замка Давлет-хана» было подтверждено и описано в специальных документах для постановки на государственную охрану территории в 1960-е гг. директором Астраханского государственного краеведческого музея В. А. Филипченко. В середине 1990-х гг. новая экспедиция обнаружила помимо четырех крупных мавзолеев ещё пять меньших по размерам. «Посёлок строителей» был вытянут узкой (до 100 м) полосой вдоль берега на расстояние около 1,5 км и не примыкал к мавзолеям. Были исследованы хозяйственные постройки данной территории. Найдено около 100 монет, датированных 1312–1342 гг. Городище процветало именно во времена правления хана Узбека и обеспечивало не только строительство, но и охрану мавзолеев. Не существует точных неопровержимых доказательств того, что на данной территории не расположены погребения других золотоордынских ханов. Вопрос о том, кому принадлежат восемь менее крупных мавзолеев и как они датируются, остаётся открытым.

Достоверно идентифицированы развалины самого крупного в комплексе мавзолея хана Узбека. К сожалению, они были превращены в руины. Строительный материал был разграблен жителями с. Хошеутово в 1930-е гг. Менталитет населения не способствовал сохранению данного памятника архитектуры. Комплекс мавзолеев для отечественной и региональной истории представляет особую значимость. Мог бы стать жемчужиной астраханского познавательного туризма. Он мало изучен и практически не исследован.

Современный археологический надзор на сегодняшний день ограничивается только регулярным обследованием памятника и сбором подъемного материала. Из наиболее примечательных находок можно отметить каменное ядро. Тем не менее, известно, что в 1994 г., при строительстве домика обходчика газопровода, в котловане были обнаружены под слоем песка остатки дома из сырцового кирпича с остатками подворья. В ходе раскопок археолога-

ми дом был частично исследован. План дома квадратной формы, ориентирован по сторонам света с небольшим отклонением. Северная половина дома с прямоугольным помещением, пол и стены которого были побелены. В северо-западном торце суфы установлены два тандыра из обожжённого кирпича с боковой загрузкой. Топки открывались на внешнюю сторону дома. При растопке членам семьи необходимо было выходить из помещения. Дом пережил несколько перестроек – имеются следы заложенного входа, нескольких надстроек и обмазок суфы. На последнем этапе существования дома обследуемое помещение было забутовано глиной, обмазано и превращено в пол суфы, в неё врезан дополнительный тандыр. Западная часть дома частично перекрыта отложениями прибойной полосы реки и размыта. Предположительно, что в период высокого подъёма уровня воды в Каспии и Волге произошло подтопление дома (середина XIV в.) [6].

Село Лапас основано около 1850 г. ногайцами-карагашами. Они были насильственно выселены из с. Сеитовка Красноярского уезда. Предполагают, что название происходит от слова «лабаз» – «навес», «склад». Здесь располагались конные загоны казачьих полков. Одна из легенд гласит: «Из города Давлет-хан есть подземный ход, где могли два всадника рядом проехать на водоной к реке Ахтубе...». По преданию, г. Давлет-хан был построен как крепость для защиты Сарай-Бату.

Как гласит предание, в этом городе жил Джангир-хан со своей дочерью. Они подверглись нападению войска врага. Хан приказал спрятать всё своё богатство в подземном ходе, затем они вместе с дочерью укрылись там же. Слуги закрыли вход после их ухода. Легенда повествует о том, что их больше никто никогда не видел. Старожилы сообщают об археологических находках (монеты, наконечники стрел, обломки изразцов и глиняной посуды). На берегу р. Ашулук, протекающей вдоль села, раньше было бугровое место, которое прозвали «Тас Бурын» (ногайск. «Каменный Нос») из-за того, что здесь были видны многочисленные кирпичные кладки.

При любом уровне развития законодательства объекты археологического наследия остаются наиболее уязвимыми. В результате бурного строительства и мелиорации земель в 1978 г. был принят закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Археологические памятники в отличие от архитектурных зданий находятся под землей, и многие из них до сих пор не обнаружены. Можно сказать, что это в какой-то мере спасает их от антропогенного и природного разрушения. С каждым годом становится известно около сотни новых археологических объектов, и это осложняет организацию их охраны. Полевые археологические проекты осуществляются за счет средств государственных научных фондов – Российским гуманитарным научным фондом, Российским фондом фундаментальных исследований, Министерством культуры.

Список источников и литературы

1. Керимов Г. М. Шариат и его социальная сущность. М.: Наука, 1978. С. 51.
2. Культура Астрахани / под ред. И. А. Митченко. Астрахань, 2001.
3. Ушаков Н. М., Щучкина В. П., Тимофеева Е. Г. и др. Природа и история Астраханского края. Астрахань: Астраханский пед. ин-т, 1996.
4. Колонцев С. В. Актуальные проблемы сохранения археологического наследия народов Российской Федерации // Культура: управление, экономика, право. 2011. № 1.
5. URL: <https://fzrf.ru/zakon/ob-obektah-kulturnogo-naslediya-narodov-rf-73-fz>.
6. URL: <http://astrakhanklad.ru/viewtopic.php?f=25&t=116>.

СФЕРОКОНИЧЕСКИЕ СОСУДЫ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Матвеев Алексей Андреевич,

студент исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

За многие годы работы на Самосдельском городище было найдено множество целых и фрагментированных сфероконических сосудов. Их всех можно отнести к XII – началу XIII в.

Сфероконусы – это сосуды, имеющие форму сферы с коническим дном, что и следует из названия. Отверстия имели маленький диаметр, благодаря чему содержимое не проливалось. Стенки сосуда очень прочные, что добивалось путем высокотемпературного обжига в специальных печах. Помимо глины, сфероконусы изготавливались из стекла, фаянса, бронзы и свинца.

Для чего же предназначались сфероконусы? Необычная форма этих сосудов вызывало много споров у ученых. Бытовало мнение, что их использовали в качестве ручных средневековых гранат. При изучении египетских сфероконусов француз Де Сольси пришел к выводу, что эти сосуды были ручными метательными гранатами, которые наполнялись горючим или взрывчатым веществом и использовались арабами против крестоносцев, узкое горло же, служило фитилем, а необычная толщина стенок предназначалась для усиления действия взрыва [2, с. 208]. Также сторонниками гранатовой версии были Ф. И. Успенский, П. Пентц, В. Л. Вяткин, А. В. Арциховский и др. Против этой версии может свидетельствовать порой очень богатая орнаментация сосудов.

Ученые А. Ф. Лихачев и В. А. Городцов предполагали, что сфероконусы использовались в качестве светильников. А. Ф. Лихачев отмечал что «они могли бы служить лампами, в которые наливалось сало, а может, даже нефть; отверстие в шейке сделано узко для того, чтобы удерживать светильню» [3, с. 31]. Но и эта версия отвергается современными учеными. Аргументами в опровержение данной теории являются, во-первых, массовые находки глиняных

светильников – масляных ламп, во-вторых, отсутствие следов копоти на сфероконусах, в то время как носики светильников, где находился фитиль, всегда имеют прокол и копоть [5, с. 54–55].

Также к версиям, не имеющим признания среди исследователей можно отнести предположение об использовании сфероконусов в качестве архитектурных украшений и о том, что они использовались как часть курительного устройства.

На самом же деле, сфероконические сосуды, по мнению современных исследователей были многофункциональными и не были привязаны к какой-либо конкретной области. Основными вариантами их применения считаются хранение и перевозка в них ртути, благовоний и ароматических масел, а также использование их как части дистилляционного аппарата в алхимии.

В пользу ртутной версии использования сфероконусов говорят находки Г. Честера в Палестине нескольких сосудов с частицами ртути в них. Еще один аргумент в пользу этой версии приводит Б. В. Лунин. Он обращается к трактату «Ихтиярат-иБади'й» Али б. Хусейн ал-Ансари, придворного врача ширазского Музаффариды Шах-Шуджи [4, с. 257]. В этом трактате приводятся сведения о ртути и рядом с этой частью имеются изображения трех сфероконусов, что также подтверждает использование их в данной сфере.

О, использовании сфероконических сосудов в алхимии говорит Р. М. Джанполадян. Она сопоставляла их с аламбиками, используемыми в дистилляционных аппаратах^А «Аламбик ставился на сосуд, в котором находилось исходное вещество, а носик аламбика соединялся с приемником. Сосуд с веществом нагревался на открытом пламени, пары поднимались в аламбик, соприкасались с куполом резервуара, охлаждались, и капли жидкости собирались в желобке и стекали через хоботок в приемник» [1, с. 213–214]. Данную версию подтверждают археологические находки с Билярского городища.

В пользу версии о хранении благовоний, ароматических масел в сфероконусах говорит богатая орнаментация многих из них. Э. В. Ртвеладзе предполагал, что «сосуды, богато украшенные орнаментом, в ряде случаев покрытые глазурью или изготовленные из стекла, использовались как флаконы для хранения дорогостоящих жидкостей: благовоний, ароматических масел и т. д., а простые сосуды без орнаментального покрытия – для хранения и перевозки ртути» [6, с. 282–283].

Одними из главных известных центров производства сфероконусов были районы Закавказья, Средней Азии, Поволжья.

Большинство сосудов, найденных на Самосдельском городище. составляют группу, в которой максимальный диаметр приближен к значению его высоты. Среди них можно выделить определенные типы сфероконусов.

Два основных типа – это яйцевидные сосуды и сосуды с продолговатым туловом.

Высота встречающихся сосудов составляет 8–12 см, диаметр тулова достигает 7,5–9,5 см. Диаметр горлышка составляет 2,5–3,5 см, диаметр отверстия 0,6–1,0 см. У некоторых сосудов горлышко отбито.

Чаще всего встречаются ёмкости серо-желтоватого и серо-зеленоватого цветов. Это свидетельствует о том, что их изготавливали из глины с большим содержанием примесей извести. Сфероконусы, имеющие схожий минералогический состав часто встречаются в Средней Азии, в Закавказье. Так же встречаются сосуды из красной глины. В 2003 г. на городище был найден красноглиняный сосуд с изображением корабля. Он отличался своим большим размером, его высота составляла 19 см, а диаметр 15 см. Предположительно он был привезен с Северного Кавказа, где аналогичный по форме сосуд хранится в Дербентском музее.

Главными находками является множество сосудов с явными признаками производственного брака. Брак представлен деформацией формы сосуда, выбоинами на стенках сосуда, покрытием трещинами.

На основе наличия этих предметов можно сделать вывод о производстве сфероконусов на Самосдельском городище. Ведь было бы нецелесообразно налаживать импорт бракованных сфероконусов из других городов так же, как и по этим же соображениям было нецелесообразно вывозить бракованные сфероконусы.

Список источников и литературы

1. Джанполадян Р. М. Лабораторная посуда армянского алхимика // Советская археология. 1965. № 2. С. 210–216.
2. Джанполадян Р. М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. // Советская археология. 1958. № 1. С. 201–213.
3. Лихачев А. Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II Археологического съезда. СПб: Тип. Имп. АН, 1876. Вып. 1. С. 1–50.
4. Лунин Б. В. К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI в. // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент: АН УзССР, 1961. Вып. 2. С. 255–267.
5. Нуретдинова А. Р. Сфероконические сосуды: проблема атрибуции // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 3. С. 51–62.
6. Ртвеладзе Э. В. Сфероконические сосуды из Маджар // Советская археология. 1974. № 4. С. 280–284.

В. Н. ЯГОДИН – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ПРИАРАЛЬЯ

Сайманов Султанбай Сыргабаевич,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры «История Узбекистана и Каракалпакстана»,
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,
г. Нукус, Республика Узбекистан,*

Мамедов Абдулла, Надирбеков Султанбек,

*студенты факультета «История и право»,
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,
г. Нукус, Республика Узбекистан*

Каракалпакстан – это регион, который имеет многовековую историю и высокую культуру. С середины прошлого века изучение и исследование в археологическом плане малоизученных областей Приаральской дельты р. Амударьи, имеющую богатую историю и уникальные исторические памятники Каракалпакстана, занимался наш соотечественник знаменитый археолог-исследователь, доктор исторических наук, профессор Вадим Николаевич Ягодин. Он является одним из первых ученых, который стоял у истоков археологической науки в Каракалпакстане.

В. Н. Ягодин родился 5 февраля 1932 г. в г. Бузулуке, Оренбургской области. В 1938 г. семья Ягодиных переехала в Каракалпакстан и великий ученый-археолог остался здесь до конца жизни. Вадим Николаевич ушёл из жизни 15 июня 2015 г.

В. Н. Ягодин всю свою долгую и творческую жизнь посвятил изучению истории народов, проживающих в Южном Приаралье. После успешного окончания средней школы в Каракалпакстане, он поступил на исторический факультет в Ивановский государственный университет, который с отличием закончил в 1955 г.

Интерес В. Н. Ягодина к историческим наукам привёл его к участию в работе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством профессора С. П. Толстова. Начиная с 1952 г., он участвует в работе экспедиции в качестве исследователя, т. к. экспедиция С. П. Толстова занималась комплексным изучением археологических памятников Приаралья. Плодом работы в составе экспедиции явилась учеба В. Н. Ягодина в аспирантуре в Москве под научным руководством профессора С. П. Толстова. В качестве темы кандидатской диссертации В. Н. Ягодин выбрал «Археологические памятники Приаральской дельты Амударьи», которую блестяще защитил в Москве в Институте этнографии АН СССР в 1963 г. и стал одним из первых ученых по археологии в Каракалпакстане. За научный доклад на тему «Скотоводы-охотники Арало-Каспийского междуморья в средние века» в МГУ 1992 г. была присвоена степень доктора исторических наук.

В. Н. Ягодин занимался некоторыми проблемами археологии в Центральной Азии, в частности историей религиозного верования античного периода народов Приаралья, изучением связей между кочевниками и цивилизацией оседлых племён в Центральной Азии, а также исследованием памятников ранних кочевников Устюртского плато. Как ученый-археолог В. Н. Ягодин участвовал во всех научно-исследовательских работах, которые проводились по изучению археологических памятников в северных районах Республики Каракалпакстан, Устюртского плато и Хорезмской области. Кроме того, в конце прошлого века он участвовал в международных археологических экспедициях вместе с учеными Афганистана и Иордании [1, с. 149–150].

В. Н. Ягодин, начиная с 1958 г., особое внимание стал уделять проблемам изучения археологии низовьев Амударьи и Кердерской культуры, в частности, написал большое количество научных работ по исследованию Миздахкана, Ток-калы, Курганча, Хайван калы, Куюк-калы, Бограхана и т. д. [3–5]. По результатам систематических экспедиций на Устюртском плато и по полученным данным открылись новые археологические памятники, которые принадлежат к периодам палеолита, мезолита и неолита. Были собраны материалы, касающиеся истории и культуры племён Арало-Каспийского междуморья в период каменного века. Были открыты памятники периода палеолита, которые позволили углубить историю народов Каракалпакстана, т. к. эти новые материалы являлись доказательством ранних цивилизаций в низовьях Амударьи [2, с. 5].

В годы независимости Вадим Николаевич Ягодин и Гайратдин Хожаниязов (археолог, кандидат исторических наук, Герой Узбекистана) вместе с учеными-археологами Сиднейского университета участвовали в международном проекте. Начиная с 1995 г. по настоящее время, продолжает свою работу международная Каракалпакско-Австралийская экспедиция по изучению и исследованию истории и материальной культуры в городище Акшахан-кала в Беговом районе Республики Каракалпакстан.

В. Н. Ягодин является автором более 180 научных работ по истории и археологии античного и средневекового Приаралья. Научные труды В. Н. Ягодиным являются важными источниками в изучении древней и средневековой истории народов Центральной Азии. Также, под руководством профессора В. Н. Ягодина были подготовлены ряд ученых-наставников, которые имеют широкую известность в науке за пределами Республики Каракалпакстан (Г. Хожаниязов, О. Доспанов, А. Искендерова, С. Есбергенова).

Вадим Николаевич проявил себя не только как ученый-археолог, но и как хороший организатор. Он в течение многих лет занимался вопросами обеспечения лабораторий новым оборудованием, укреплением материальной базы Каракалпакского отделения Академии наук Узбекистана.

Многолетние труды В. Н. Ягодина были высоко оценены правительством. Он был награжден медалью «Заслуженный деятель Республики Каракалпакстан», орденом «Меҳнат шухрати», а также являлся членом Русского ар-

хеологического общества, членом Нью-Йоркской академии наук и международным экспертом Австралийского научного совета [2, с. 3–4].

В 2017 г. к 85-летию юбилею В. Н. Ягодина Каракалпакское отделение Академии наук Республики Узбекистан организовало научно-теоретическую конференцию на тему «Город и городская культура в Южном Приаралье: история и перспективы».

Список источников и литературы

1. Бижанов Е., Хожаниязов Г. Известный исследователь Приаралья // Вестник ККО АН РУз. 2002. № 2.
2. Ещанов Т., Камалов С, Хожаниязов Г. Известный исследователь археологии Приаралья // Археология Приаралья. 2003. Вып. 6.
3. Ягодин В. Н., Гудкова А. В. Археологические исследования на городище Ток-кала в 1959 году // Общественные науки в Узбекистане. 1961. № 5.
4. Ягодин В. Н. К вопросу о локализации Кердера // Вестник ККФАН УзССР. Нукус, 1963.
5. Ягодин В. Н. Кердерское поселение Курганча (к изучению исторических топографии и хронологии).// Антропология и культура Кердера. Ташкент, 1973.

ЮРТООБРАЗНОЕ ЖИЛИЩЕ РУБЕЖА XI–XII вв. В САМОСДЕЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ

Сатубалдиев Раиль Мурасович,

студент исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

В полевом сезоне 2017 г. на раскопе 2 было обнаружено и исследовано юртообразное жилище, встроенное в городскую планировку периода конца XI – середины XII в. [2]. Это далеко не первое юртообразное жилище в материалах раскопок на городище, здесь их выявлено уже как минимум шесть, они располагаются в разных частях города и в слоях разных периодов – от позднехазарского (IX–X вв.) до саксинского времени (XI–XII вв.) [3, с. 48–59]. Данное жилище является на настоящий момент самым поздним из всех построек этого типа и одновременно – самым сложным по конструкции. Сооружение имело круглую в плане форму и обширную суфулежанку вдоль стен. Диаметр сооружения около 6 м. Стены были возведены на каркасе из столбов и жердей, пространство между которыми было заполнено глиной (перемешанным культурным слоем). Внутреннее пространство между суфами имело квадратную форму. Посередине квадратного участка пола в первом строительном периоде располагался очаг, во втором строительном периоде – тандыр. Вообще в сооружении выделяется два строительных периода.

К самому позднему строительному периоду относится внутреннее квадратное помещение, ориентированное по сторонам света. Оно было выявлено по цепочке квадратных обожженных кирпичей, поставленных вертикально на ребро. Размеры помещения 206 см × 164 см. Заполнением помещения служила зола, угли, кости животных и фрагменты керамики. Пол изначально был оштукатурен желтой пахсой. В восточной половине пола был расчищен очаг сооружения, представлявший собой остатки глинобитного тандыра. В северо-западном и юго-западных углах помещения на уровне пола было расчищено по одному обожженному кирпичу, лежащему плоско. Размеры кирпичей 24 см × 24,5 см и 24 см × 23 см. В центре обоих кирпичей было круглое отверстие диаметром порядка 6,5 см. Такие же опорные кирпичи ранее располагались в других углах помещения. В них фиксировались столбы, поддерживавшие шанырак – центральное «колесо» перекрытия юрты с отверстием для выпуска дыма. По периметру пола было расчищено 11 столбовых или жердевых ям, которые несли опорную функцию для крыши дома.

К первому строительному периоду относятся внешние стены сооружения. Ширина глинобитной стены колеблется от 41 до 51 см. Изнутри стены обложены поставленными на ребро обожженными кирпичами. Пространство между квадратным полом сооружения и внешними стенами заполнено слоем супеси рыхлой серой с золой, углями, обломками кирпича, костями животных и керамикой – полом, накопившимся за время существования сооружения в первом строительном периоде. В первый строительный период были возведены внешние круглые стены вокруг заглубленного в землю котлована. Стены состояли из столбов и жердей, размещенных по периметру вдоль края стены. Причем столбы располагались в центре стены, а жерди ближе к краю. Столбы и жерди были обмазаны глиной. По внутренней границе стены были выложены обожженные кирпичи, поставленные на ребро. Крыша сооружения была подкреплена опорными столбами, основой которых служили обожженные кирпичи с отверстиями, расчищенные в центре пола внутреннего помещения. В центре сооружения располагался очаг. Во второй строительный период внутреннее пространство сооружения оказалось заполнено культурным слоем, поэтому в центре пола был выкопан новый прямоугольный в плане второй пол, а пространство вокруг него стало суфой сооружения. В западной части пола и у северной границы стены в ходе выборки заполнения суфы, было расчищено три кирпича, которые служили опорой для столбов, которые стали дополнительно подпирать крышу и разграничивать участки суфы во второй строительный период. Также ко второму строительному периоду относится существование еще 13 столбовых ям, которые выполняли, скорее всего, хозяйственные функции, но могли также использоваться и для укрепления крыши. Во второй строительный период на том же месте был сооружен еще один очаг.

Юрта стала основным, главным жилищем кочевников в течение многих веков. Данные юртообразные жилища можно проследить у племен, населявших территорию Казахстана. У них они именовались «шошала». Шошала как первоначально жилое, а затем преимущественно хозяйственное строение остается слабоисследованным, целе-

направленно не изученным. Археологически были засвидетельствованы тюркские и казахские юртообразные жилища. Первые были открыты А. Х. Маргуланом у стен большой крепости одного из «городов» поздних кыпчаков (XIV–XV вв.), городища Алашахан (ОрдаКонган) [5, с. 3–38]. Их «слабые следы» исследователь объясняет использованием в конструкции ограждения глины и тальника. Вторые выявил в Южном Казахстане С. Жолдасбаев (Шыгырлы 1) [4, с. 46–59]. Судя по описанию, казахская юртообразная полуземлянка XV–XVII вв. представляла собой заглубленное в землю (0,5–0,6 м) двухкамерное (восьмеркообразное) сооружение со стенами из пахсы, в центральной части помещений которого обнаружены тарелкообразные очаги и обломки шаныраков. Оба исследователя сходятся во мнении, что подобные жилища строила, прежде всего, та часть обедневших скотоводов (жатаков), которая не могла обеспечить себя теплым кочевым жилищем, утепленной юртой на зиму, для них занятие земледелием становилось очень важной, если не основной частью хозяйства. Масса казахов XVI–XVIII вв. оставалась номадами, кочующими с севера на юг и обратно на расстояние до тысячи верст в один конец. Они находились в постоянном движении и не имели, фактически, никакой привязанности к земле, к той или другой местности. Элементы оседлости у них появились лишь в конце XVIII – начале XIX в., в связи с началом перехода к полукочевому и оседлому образу жизни. Судя по литературным источникам, шoshала на территории Казахстана в конце XIX – начале XX в. строились повсеместно и составляли 20 % всех построек. Юртообразные сооружения строили наземными и заглубленными в землю с формой плана в виде круга, овала, многогранника и квадрата. По конструкции О. Б. Наумова подразделяет их на два вида: со столбами, подпирающими крышу, и без столбов. Применение того или иного решения исследователь связывает с материалом крыши: первая конструкция использовалась для крыши из жердей, поставленных в форме конуса, вторая – для покрытия из пластов дерна или бревен [6, с. 123–145].

Разумеется, приведённые выше примеры – это всего лишь этнографические параллели, и мы не собираемся связывать сооружение с Самосдельского городища с казахским этносом. Данная работа – лишь первая попытка интерпретации найденного объекта. Более серьёзная проработка вопроса и поиск археологических аналогий среди синхронных материалов – дело будущего.

Список источников и литературы

1. Ажигали С. Е. Шoshала – юртообразные постройки казахов // Вестник Каз-ГАСА. 2007. № 3–4 (25–26). С. 82–91.
2. Болдырева Е. М. Отчет об археологических исследованиях Поволжского отряда Средневековой археологической экспедиции Исторического музея в Камызякском районе Астраханской области в 2017 году. Городище Самосделка. Раскоп № 2. Участок № 3 // Архив ИА РАН.
3. Васильев Д. В., Ермилов С. В. Юртообразные жилища Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань, 2011. С. 48–59
4. Жолдасбаев С. Типы оседлых поселений по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV–XIX вв.) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука КазССР, 1976. С. 46–59.
5. Маргулан А. Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1978. С. 3–38.
6. Наумова О. Б. Развитие жилища у казахов Северо-Восточного Казахстана в процессе их перехода к оседлости (конец XIX – начало XX века) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 2000. С. 123–145.

ЭЛЕМЕНТЫ ЭТНОГЕНЕЗА КАРАНОГАЙЦЕВ ПО ДАННЫМ ПОПУЛЯЦИОННОЙ ГЕНЕТИКИ

Тюрин Анатолий Матвеевич,

*кандидат геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией геофизики,
ООО «ВолгоУралНИПИгаз», г. Оренбурге*

Этническая история ногаев Большой и Малой орд, предков ногайцев реконструирована по письменным свидетельствам. Некоторые ее элементы обоснованы с невысокой достоверностью или носят гипотетический характер. Вместе с тем имеются данные популяционной генетики, характеризующие ногайцев. Представляется целесообразным выполнить их этническую интерпретацию.

В свидетельствах XIV в. мангыты фигурируют как часть элиты Крымского и Казанского ханств, а также кочевых сообществ Северного Кавказа. В самом его конце их группа ушла со своими улусами с Кубани и Терека в регионы восточнее Волги [22]. Позднее здесь сформировалась Большая ногайская орда (Мангытский юрт). В начале XVII в. ее рода кочевали в районе рек Урала (его среднее и нижнее течение), Эмбы, Ори, Иргиза, Самары, Большого и Малого Узней. Заходили и на правый берег Волги, в том числе и в Северо-Западный Прикаспий. В первой половине XVII в. калмыки разгромили Большую орду. Часть ногайских родов была включена в калмыцкие улусы и в их составе перешла Волгу. Другие либо рассеялись на территории Северного Кавказа, примкнув к Малым ногаям и кумыкам, либо искали защиты у астраханских властей [15; 18; 19; 21].

В 20-х гг. XVIII в. ногаи вышли из подчинения калмыкам и были переведены Крымским ханством в Северо-Западное Причерноморье. После его присоединения к России, ногаев переселили на Северный Кавказ. Ногаи, оставшиеся к востоку от Волги, были интегрированы в другие популяции. После ухода мангытов, кочевники Северного Кавказа вошли в Крымское ханство. Их объединение фигурирует в свидетельствах как Малая ногайская орда, Казыев улус, Кубанская орда, кубанские татары и касеевцы.

В публикациях [1; 11; 12; 20; 22; 23] рассмотрены многочисленные переселения ногаев Большой орды в регионах к западу от Волги. В первых трех приведены и переселения ногаев Малой орды. По их результатам сформиро-

вались субэтнические группы ногайцев: караногайцы Дагестана (40,4 тыс. чел.), ачикулакские (кумские) ногайцы Ставрополя (22,0 тыс. чел.), кубанские ногайцы Карачаево-Черкессии (15,7 тыс. чел.), астраханские ногайцы (7,6 тыс. чел.). Имеется и субэтнос крымских татар – ногай. Ногайский язык относится к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. У караногайцев, ачикулакских и кубанских ногайцев свои диалекты. С точки зрения генетики все субэтноты ногайцев являются популяциями. Караногайцы, кубанские ногайцы и ногаи Крыма изучены ее инструментарием. Новые данные по последним пока не опубликованы.

В 1835 г. И. Бларамберг завершил свое «Историческое, топографическое, статистическое и этнографическое описание Кавказа» [4]. Привел сведения по расселению родов ногайцев на Северном Кавказе. «Между Ставрополем, Кубанью и Верхней Кумой, а также рядом с истоком Донгузлы и у притока реки Буйволы находятся кочующие (племена) орды татар: казбулат, кипчак, мангут, джамбулат, едисан, едишкуль и навруз; восточные степи между Кавказским хребтом и Каспийским морем населяет часть орд едисан и джамбулат, а также целиком орда караногайцев («черных ногайцев»); и, наконец, мансуровцы и наврузовцы занимают левый берег Кубани». Джамбулуков, едисанцев, едишкульцев и караногайцев автор не относит ни к Большой, ни к Малой ногайским ордам. Джамбулуки и едисанцы – это именно те объединения, рода которых вошли в калмыцкие улусы. До этого они в составе Большой орды кочевали «по ту сторону Яика» [20, с. 96]. Едишкульцы – это тоже объединение Большой орды, но конкретных данных по нему не имеется [22]. К ней же И. Бларамберг относит рода кипчак и мангут. К Малой орде – казбулатовцев и наврузовцев. Третье ее родовое объединение – султановцы (султанаульцы) [3].

В 1785 г. учреждено Кавказское наместничество. В 1793 г. ногайцы, российские подданные разделены на четыре приставства. Калаусо-Саблинские и Бештово-Кумские инородцы, Калаусо-Джембулуковские, Ачикулак-Джембулуковцы и Едисанцы, Едишкульцы и Караногайцы. Для нас важны три момента.

1. Ногайцы первых двух приставств в 1857-1861 гг. ушли в Османскую империю [3].

2. «Основная масса моздокских ногайцев (джембулуков и едисанцев) кочевала по средней Куме, их потомки, в основном, составляют нынешнее ногайское население Ставропольского края» [11, с. 9]. Это ачикулакские ногайцы.

3. Едишкульцы и караногайцы входили в одно приставство.

По одной из версий предки караногайцев откочевали из Кубанской орды в Прикаспийские степи в XVII в. [8]. По другой – восточные районы Северного Кавказа были заселены выходцами из Малой орды, а низовья Сулака, и ногайцами Большой орды: «В конце XVII в. значительная часть ногайцев с низовьев Терека и Сулака откочевала в Моздокскую степь, к живущим там ногайцам, и вместе с ними положила начало группе северо-восточных ногайцев, известных под именем караногайцы» [9, с. 493–494]. Еще одна версия обозначена в публикации [13] (приведена по [2]). Ногаи Большой орды пришли в район между дельтой Терека, Сулаком и Аксаем в XVI в. В конце XVII в. их четыре куба – кипчак, найман, терик и аскаштамгалиев (аскаштамгалы), откочевали на левый берег Терека в Моздокскую степь. Согласно преданию, их прозвали «караногайцами».

Кундровцы (малебашцы) Большой орды в первой половине XVII в. попали в зависимость от калмыков. К началу XVIII в., уйдя от них, они разделились на две группы. Большинство ногаев ушло в Кубанскую орду, подвластную Крымскому хану [20]. Одна часть тех, кто остался в подданстве России, была переселена в Оренбургскую губернию, другая продолжала кочевать в восточной части Северного Кавказа в Кумыкии. Возможно, последние явились основной караногайцев.

Ключевую информацию по караногайцам привела автор публикации [7, с. 91]. «Караногайцы [...] (2924 кибитки), разделялись на пять купов, или фамилий: найман (525 кибиток), кипчак (540 кибиток), ас-костамгалиев (536 кибиток), терков (550 кибиток) и едишкульцев (773 кибитки). Первые четыре фамилии до 20-х годов XVIII в. [...] жили около Терков, частично оседло, частично кочуя, а после разорения Терков перешли на р. Сулак к крепости Св. Креста, отсюда в 1735 г. генералом Левашовым были переведены к Кизляру. Едишкульцы были выведены в Кизлярскую степь из-за Кубани в 1785 г. и поселены между караногайцами». Выше отмечены предки современных караногайцев.

В. В. Трепавлов дал справку: «в начале XVII в. под началом большеногайского бия пребывало только четырнадцать элей (борлак, кипчак, китаи, кунграт, минг, найман, туркмен – и еще семь не названы в источнике)» [22, с. 477]. То есть, кипчаки и найманы, а также едишкульцы однозначно относятся к Большой орде. В ней имелось родовое объединение аз, включающее подразделения с дополнительной идентификацией (например, кулар аз). Имелось и подразделение узбек (уз/аз/ас-бек). Подразделение кастамгалы тоже представлено у ногаев в форме кастамгалы-тама. В монографии первой половины XIX в. [5] перечислены те же пять подразделений караногайцев, но одно из них записано как аскаштамгалы. Словом «кыштым» в Южной Сибири обозначали различные родоплеменные группы, зависимые от кыргызов [6]. У теленгутов имеется сеок ас-кыштым [10] у телеутов – аз-кыштым, у кайбалов – кистим [6].

Аскаштамгалы (АС + КАШТАМ / КОСТАМ + ГАЛЫ) переводится однозначно – «дети кыштымов, подвластных асам», т. е. имеются лингвистические основания для предположения о том, что родина подразделения аскаштамгалиев находится на территории восточных кипчаков. Но его отнесение к Большой ногайской орде базируется на части этнонима «АС». Терки / терик – это, скорее всего, ногаи, кочевавшие непосредственно около Терского городка. Возможно, этноним связан с р. Терек, возможно, это часть этнонима «туркмен». Таким образом, по количеству кибиток 62,9 % предков караногайцев уверенно идентифицируется как выходцы из Большой орды. Имеются указания на то, что аскаштамгалыев тоже относятся к ним. Неопределенный компонент (терки) составляет 18,8 %.

Мы благодарим И. В. Торопицына за информационную поддержку и консультации по рассмотренным выше вопросам.

Караногайцы охарактеризованы двумя массивами данных популяционной генетики. Одна группа исследователей выполнила их тестирование в южных и юго-западных районах Дагестана, а также в южных районах Чечни. Опре-

делены гаплогруппы Y-хромосомы (передаются по отцовской линии) и мтДНК (передаются по материнской линии), а также Alu инсерции (передаются по обеим линиям) [14]. Этот массив данных охватывает 19 популяций Кавказа, включая и кубанских ногайцев. Вторая группа тестировала караногайцев Ногайского и Кировского районов Дагестана [17]. Определены гаплогруппы Y-хромосомы.

Частота «монгольских» [23] гаплогрупп Y-хромосомы у караногайцев (N = 76) – 21,1 %, в том числе: C – 10,5 %, O – 5,3 %, D – 5,3 %. Частота гаплогруппы N – 14,5 %. Частоты ее линий N* – 9,2 %, N1b – 2,6 %, N1c – 2,6 % [14]. У четырех популяций Северного Кавказа, за исключением кубанских ногайцев, выявлены только единичные носители гаплогруппы N. Все относятся к линии N1c. Ее частота в регионе – 0,5 %. Гаплогруппу N мы условно отнесем к восточноевразийским. Вместе с «монгольскими» суммарно их частота у караногайцев 35,6 %. Гаплогруппы мтДНК популяций Кавказа разделены на восточно- и западноевразийские. У караногайцев (N = 130) 46,9 % восточноевразийских гаплогрупп. В другом массиве данных (N = 150) из «монгольских» гаплогрупп Y-хромосомы выявлена только C – 8,0 %. Частота гаплогруппы N – 21,3 % [17]. Суммарная частота восточноевразийских гаплогрупп – 29,3 %. Первый этнический компонент караногайцев идентифицируется однозначно. Он связан с калмыками. У них по частотам резко доминируют «монгольские» гаплогруппы [23].

У калмыков относительно высокая частота гаплогруппы N – 13,1 % (N = 99) [25]. Она могла попасть к караногайцам от них. Но ее частота должна быть в разы меньше, чем частота у караногайцев «монгольских» гаплогрупп. То есть эта гаплогруппа попал в рассматриваемую популяцию, в основном, не от калмыков. Этим определен второй этнический компонент караногайцев – популяция с высокими частотами гаплогруппы N. Построена филогенетическая сеть ее линии N1c (N1-LLY22) [17]. Авторы отметили особенности, не имеющие отношение к караногайцам. Но не указали на главное. Часть гаплотипов караногайцев и кубанских ногайцев (в этом массиве данных частота гаплогруппы N у них 6,7 %) попали в одни и те же ветви с гаплотипами казахов. При этом гаплотипы ногайцев и башкир (рода бурзян, кипчак, юрматы, мин, юсерган и тангаур) общие ветви не формируют, т. е. популяция с высокими частотами линии N1c не может быть локализована на Южном Урале. Остаются два региона – юг Западной Сибири и Южная Сибирь. Эту популяцию, предковую для караногайцев, назовем «сибиряками».

Потомки «сибиряков» могли попасть на Северный Кавказ только в составе ногаев Большой орды (ее одного или нескольких родов). На них же указывает наличие у казахов гаплотипов «сибиряков». Те ногаи, которые не перешли в XVII в. р. Урал, являются предками казахов, те, которые пришли на Куму и Терек – караногайцев. Этнический компонент караногайцев – «сибиряки» – прямо указывает на другой их этнический компонент – ногаев, интегрировавших «сибиряков». Линия N1c в этом контексте является генетическим маркером ногаев Большой орды. Но западнее Волги их генетическими маркерами являются все линии гаплогруппы N.

Для дальнейшего анализа генофонда караногайцев по гаплогруппам Y-хромосомы мы выполнили пересчеты данных, приведенных в публикациях [14; 17]. В таблице показаны фактические частоты гаплогрупп караногайцев (столбцы 2 и 4), но без рассмотренных выше восточноевразийских. Фактические частоты пересчитаны в приведенные (исключены восточные компоненты), т. е. они приведены (столбцы 3 и 5) к частотам популяций Северного Кавказа. Для последних даны средние частоты гаплогрупп (осреднение по популяциям, столбец 6), а также минимальные и максимальные их значения в популяциях (столбцы 7 и 8). Даны частоты гаплогрупп, рассчитанные для всех популяций региона (с учетом их численности), но без учета караногайцев и кубанских ногайцев (столбец 9). Популяции региона: кумыки, чеченцы, ингуши абазины, адыгейцы, балкарцы, черкесы, кабардинцы, карачаевцы и северные осетины (N = 1187) [14].

Таблица

Частоты гаплогрупп Y-хромосомы у популяций Северного Кавказа

Гаплогруппы	Караногайцы, частоты, %				Северный Кавказ, частоты, %			
	фактические	Приведенные	фактические	Приведенные	Средние	Минимальные	Максимальные	Приведенные
1	2	3	4	5	6	7	8	9
J2	10,5	16,4	12,0	17,0	25,9	11,4	81,9	35,2
J1	2,6	4,1	2,7	3,8	8,6	1,9	24,2	14,1
G2	1,3	2,0	2,7	3,8	33,0	1,8	69,7	13,5
R1a	17,1	26,6	21,3	30,1	14,3	0,6	28,2	7,7
R1b	18,4	28,6	18,7	26,4	6,6	0	20,6	5,1
Q	1,3	2,0	2,0	2,8	2,4	0	4,9	2,1
I2	13,2	20,4	7,3	10,3	2,3	0	8,7	1,1
%	64,4	100	66,7	94,2				78,8

Примечание: столбцы 2, 3, 6–9 – [14], 4, 5 – [17].

У популяций региона (кроме караногайцев и кубанских ногайцев) выявлено 9 носителей «монгольских» гаплогрупп, что составляет 0,8 % от тестированных. С учетом численности популяций, на Северном Кавказе 0,5 % носителей «монгольских» гаплогрупп. При принятии во внимание активных контактов его населения с калмыками с середины XVII

в., это значение следует идентифицировать как экстремально низкое. Оно однозначно доказывает избирательный характер попадания «монгольских» гаплогрупп к караногайцам. Попасть к ним они могли только от калмыков.

На Северном Кавказе по приведенным частотам доминирует гаплогруппа J2. Следующие гаплогруппы с высокими частотами – J1, G2, R1a и R1b. Суммарная частота пяти гаплогрупп 75,6 %. По гаплогруппам J2 и J1 караногайцы соответствуют популяциям Северного Кавказа. Приведенная частота гаплогруппы G2 у них значимо ниже, чем у популяций региона, но выше, чем у чеченцев (1,8 %), т. е. это не является аномалией.

Частота гаплогруппы R1a у караногайцев – 21,3 %. Частота «славянской» линии – 2,0 %, «степной» – 19,3 %. Для последней авторы публикации [17] построили филогенетическую сеть из гаплотипов всех популяций Кавказа, тюркоязычного населения Сибири, Урала, Центральной Азии, а также ираноязычных таджиков. Она подтвердила общность по этой линии караногайцев с популяциями Евразийской степи. Это указывает на ногаев Большой орды. Они пришли на Северный Кавказ из региона с высокими частотами «степной» линии гаплогруппы R1a. Отметим, что у караногайцев и литовских татар имеется два одинаковых гаплотипа «славянской» линии R1a [16]. Частоты гаплогрупп R1b и I1 у караногайцев однозначно следует идентифицировать как аномально высокие для региона.

Точно такой же анализ мы выполнили для гаплогрупп мтДНК [14]. У популяций Северного Кавказа доля восточноевразийских гаплогрупп варьируется от 2,6 % у адыгейцев до 15,5 % у черкесов. Поэтому для каждой популяции рассчитаны приведенные частоты гаплогрупп. В целом, генофонд караногайцев соответствует генофонду популяций региона. Но у них выявлена гаплогруппа V. Ее частота 2,3 %, приведенная – 4,4 %. С небольшими частотами (0,6–1,0 %) она имеется у трех популяций региона.

Изучено 13 локусов Alu инсерций [14]. В поле главных компонент популяций Кавказа точки «кубанские ногайцы» (N = 57) и «караногайцы» (N = 56) находятся далеко от основного облака. Ближайшие к ним «кумыки», «южные осетины», «чеченцы» и «ингуши». Это указывает на то, что ногайцы имеют с этими четырьмя популяциями общие генетические компоненты.

Таким образом, уверенно определен главный этнический компонент караногайцев – северокавказский. Их предки изначально были популяцией Северного Кавказа. По рассмотренным данным подтвержден важный элемент реконструкций В. В. Трепавлова [22] – уход мангытов с предками ногаев в конце XIV в. с Северного Кавказа. Отметим, что он обоснован историком по «крупным» информации.

Осталось рассмотреть три гаплогруппы караногайцев с частотами, аномальными для Северного Кавказа. Высокие частоты гаплогруппы R1b у башкирского рода бурзян можно смело исключить из рассмотрения. У них крайне редкая линия этой гаплогруппы [24]. Остается Западная Европа. Там гаплогруппа R1b Y-хромосомы доминирует по частотам. Там же высокие частоты гаплогруппы мтДНК V. С высокой достоверностью выявлен пятый этнический компонент караногайцев – западноевропейский. Шестой – балканский, можно обозначить формально. Гаплогруппа I2 по частотам доминирует на Балканах.

Выводы и рекомендации сводятся к следующему:

1. Главный этнический компонент караногайцев – северокавказский. Значимые этнические компоненты у них – калмыцкий («монгольские» гаплогруппы), «степной» («степная» линия R1a), «сибирский» (N), западноевропейский (R1b и V) и балканский (I2).

2. В генофонде караногайцев имеется гаплогруппа Q. Она является важнейшим индикатором этнической истории популяций. С небольшими частотами эта гаплогруппа выявлена и у других популяций Северного Кавказа. Ее рекомендуется изучить целенаправленно.

3. Существенные отличия караногайцев в поле главных компонент от других популяций Северного Кавказа обусловлены высокими частотами у них восточноевразийских гаплогрупп Y-хромосомы и мтДНК. Рекомендуется эти маркеры из обработки исключить. Результаты покажут соотношение генетических портретов популяций региона до влияния восточных факторов.

4. Рекомендуется построить для линии N1с филогенетическую сеть с привлечением более представительной выборки популяций. При этом казахи должны быть представлены своими родами. Это позволит выявить популяции с относительно высокими частотами ее идентичных гаплотипов.

5. Рекомендуется изучить генофонд ачикулакских и астраханских ногайцев. Но делать это нужно не с геногеографических позиций. Цель – получение фактических данных, на основе которых будут выполнены реконструкции этногенеза субэтносов ногайцев. При изучении ачикулакских ногайцев необходимо максимально «настроить» выборку на джембуйлуков и едисанцев. Конкретные задачи изучения астраханских ногайцев должны быть обоснованы специалистами.

Список источников и литературы

1. Аджинязова А. К. Территория расселения и численность ногайцев Северного Кавказа в конце XVIII – середине XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 6–2. С. 53–58.
2. Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М.: Наука, 1971. 355 с.
3. Бентковский И. В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ставрополь: Тип. Губ. правл., 1883. Ч. 1: Ногайцы. 134 с.
4. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое и этнографическое описание Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 1999.
5. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Т. 1, 2. 466 с.
6. Бутанаев В. Я. Киштымство. Энциклопедия республики Хакасия. Абакан, 2007. С. 278.

7. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. С. 276.
8. Евстигнеев Ю. А. Россия: коренные народы и зарубежные диаспоры. СПб: Астерион, 2008. 813 с.
9. Ибрагимов М.-Р. А., Аджиев А. М., Кильдасов Р. Б. Ногайцы // Народы Дагестана. Сер. Народы и культуры. М.: Наука, 2002. С. 492–507.
10. Илюшин А. М. Новые открытия в этнокультурной истории развитого средневековья кузнецкой котловины // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–2 (64). С. 83–94.
11. Кипкеева З. Б. Конец Ногайской орды: миграции и расселения на Северном Кавказе // Новый исторический вестник. 2006. № 15. С. 5–14.
12. Кипкеева З. Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь: СГУ, 2008. 432 с.
13. Кужелева Л. Н. Ногайцы: (из истории ногайцев XVIII – нач. XX веков) // Ученые записки Института истории, языка и литературы, Даг. филиал АН СССР. 1964. Т. 13. С. 194–229.
14. Кутуев И. А., Хуснутдинова Э. К. Генетическая структура и молекулярная филогеография народов Евразии. Уфа: Гилем, 2011. 239 с.
15. Новосельский А. А. Исследования по истории феодализма. М.: Наука, 1994. 220 с.
16. Панкратов В. С., Кушнеревич Е. И., Давыденко О. Г. Полиморфизм маркеров у-хромосомы в популяции белорусских татар // Доклады Национальной академии наук Беларуси. 2014. Т. 58, № 1. С. 94–100.
17. Схаляхо Р. А., Чухряева М. И., Агджоян А. Т., Запороженченко В. В., Маркина Н. В., Юсупов Ю. М., Шайхеев Р. Р., Почешкова Э. А., Балановская Е. В. Генофонды ногайцев в контексте населения степного пояса Евразии (по маркерам Y-хромосомы) // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 326–333.
18. Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: Джангар, 2012. 376 с.
19. Тепкеев В. Т. Калмыцко-ногайские отношения в 40-е годы XVIII века // Ногаеведческий сборник. Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев. Астрахань, 2012. С. 94–105.
20. Торопицын И. В. Кундровцы (ногаи) в Нижнем Поволжье // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Черкесск, 2014. С. 95–99.
21. Торопицын И. В. Большие ноги на Северном Кавказе в середине XVII в. // Журнал фронтирных исследований. 2018. № 2 (10). С. 7–28.
22. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 764 с.
23. Тюрин А. М. Калмыки, караногайцы, кубанские ногайцы и крымские татары – геногеографический и геногенеалогический аспекты // Журнал фронтирных исследований. 2017. № 2. С. 7–29.
24. Хамидуллин С. И., Азнабаев Б. А., Саитбатталов И. Р., Султанмуратов И. З., Шайхеев Р. Р., Асылгужин Р. Р., Таймасов С. У., Волков В. Г., Каримов А. А., Зайнуллин А. М. История башкирских родов. Бурзян. Уфа: Китап, 2018. Т. 31, ч. 1. 944 с.
25. Nasidze I., Quinque D., Dupanloup I., Cordaux R., Kokshunova L., Stoneking M. Genetic evidence for the Mongolian ancestry of Kalmyks // Am J Phys Anthropol. 2005, Dec. Vol. 128 (4). P. 846–854.

ЭЛЕМЕНТЫ ЭТНОГЕНЕЗА КУБАНСКИХ НОГАЙЦЕВ ПО ДАННЫМ ПОПУЛЯЦИОННОЙ ГЕНЕТИКИ

Тюрин Анатолий Матвеевич,

*кандидат геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией геофизики,
ООО «ВолгоУралНИПИгаз», г. Оренбург*

Объединение ногаев западной части Северного Кавказа фигурирует в свидетельствах XVI–XIX вв. как Малая ногайская орда, Казыев улус, Кубанская орда, кубанские татары и касавевцы. Малая орда входила в Крымское ханство до его упразднения и подразделялась на три родовых объединения: казбулатовцы, наврузовцы и султановцы (султанаульцы) [2]. С XVIII в. вместе с родовыми объединениями Малой орды кочевали и отдельные рода Большой орды, вышедшие из подчинения калмыкам и российского подданства. В публикациях [1; 3; 5; 6; 15–17] рассмотрены многочисленные переселения ногаев Большой орды в регионах к западу от Волги. В первых четырех приведены и переселения ногаев Малой орды. По их результатам сформировались основные субэтнические группы ногайцев, в том числе и кубанские ногайцы, проживающие, в основном, на территории Карачаево-Черкесии. Их численность 15,7 тыс. человек (2010 г.).

После русско-турецкой войны 1828–1829 гг. левобережье Кубани вошло в состав России. Основные сведения по ногайцам по состоянию на 1849 г. привел К. Ф. Сталь [12]. Всего в регионе проживало 16,5 тыс. ногайцев. Географическую привязку их объединений актуализировала автор монографии [3]. Тохтамышевские (636 дворов, 4 тыс. чел.) – между укреплениями Хумаринским и Усть-Джегутинским. Мансуровские (395 двора, 2,3 тыс. чел.) – по обоим берегам Малого Зеленчука и левому берегу Кубани. Карамурзинские (321 двор, 2,0 тыс. чел.) и кипчакские (393 двора, 2,7 тыс. чел.) – между станицами Барсуковской и Николаевской. Новрузовские (765 дворов, 5,4 тыс. чел.) – между станицами Убежинской и Тифлисской. Ногайцев, локализованных на правом берегу Кубани по рекам Тохтамыш (Абазинка), Джеганас и Джегута, возглавляли князья Карамурзины, Ахловы, Тугановы [9, с. 364]. Они султановцы, но в свидетельствах конца XVIII – XIX в. фигурируют как тохтамышевцы [6].

Скорее всего, касавевцы, возглавляемые Арсланбеком Сокур-хаджи Карамурзиным, фигурируют в свидетельствах 60–70-х гг. XVIII в. и позднее как карамурзинцы. В. В. Трепавлов дал справку: «в начале XVII в. под началом большеногайского бия пребывало только четырнадцать элей (борлак, кипчак, китаи, кунграт, минг, найман, туркмен – и еще семь не названы в источнике)» [16, с. 477]. Для нас важно то, что кипчаки однозначно идентифицируются как подразделение Большой орды, пришедшее в первой половине XVII в. в составе калмыцких улусов на Северный Кавказ из-за Волги.

В 1858–1860 гг. произошел массовый уход коренного населения Северного Кавказа на территорию Османской империи. Ушло 30,6 тыс. ногайцев. Территория левобережья Кубани опустела «за исключением небольшого числа туземцев, поселившихся в долине Малого Зеленчука» (цитата из рапорта 1961 г. по [3, с. 220]). Ногайцы, оставшиеся в Закубанье, были расселены на территории современной Карачаево-Черкесии [5].

Ногайцы в Карачаево-Черкесии компактно проживали в Адыге-Хабльском районе. В 2007 г. из него выделен Ногайский район. Специалисты Института биохимии и генетики УНЦ РАН выполнили тестирование ногайцев из поселков Эркен-Шахар, Адыге-Хабль, Эркен-Халк, Адиль-Хабль, Икон-Халк, Ураков (Эркин-Юрт), а также г. Черкесска [7]. Первые пять поселков находятся в низовьях Малого Зеленчука. Эркин-Юрт рядом с ними на левом берегу. В 1863 г. тохтамышевцы переселились на левый берег Малого Зеленчука (ныне с. Икон-Халк) [6]. Остальные поселки в прошлом почти наверняка принадлежали мансуровцам. Скорее всего, ногайцы Черкесска представлены всеми их объединениями, отмеченными на левобережье Кубани по состоянию на 1838 г., а это, в основном, представители Малой орды. Таким образом, массив данных из публикации [7] характеризует ногайцев Малой орды, преимущественно мансуровцев.

По результатам тестирования определены гаплогруппы Y-хромосомы и мтДНК, Alu инсерции и полногеномные маркеры. Генетические маркеры Y-хромосомы передаются по отцовской линии, мтДНК – по материнской. Два последних – по отцовской и по материнской линиям.

Частота «монгольских» [17] гаплогрупп у мансуровцев – 12,6 %, в том числе: C – 8,1 %, O – 3,4 %, D – 1,1 %. У них имеется условно восточноевразийская гаплогруппа N – 4,6 %. У четырех популяций Северного Кавказа за исключением караногойцев выявлены только единичные ее носители. Всего у мансуровцев частота восточноевразийских гаплогрупп Y-хромосомы 17,2 %. Гаплогруппы мтДНК популяций Кавказа разделены на восточно- и западноевразийские. У мансуровцев (N = 131) 20,6 % восточно-евразийских гаплогрупп. Первый их этнический компонент идентифицируется однозначно. Он связан с калмыками. У них по частотам резко доминируют «монгольские» гаплогруппы. У популяций Северного Кавказа (за исключением караногойцев и кубанских ногайцев) 0,5 % носителей «монгольских» гаплогрупп. При учете контактов его населения с калмыками с середины XVII в. это значение следует идентифицировать как экстремально низкое. Оно однозначно доказывает избирательный характер попадания «монгольских» гаплогрупп к мансуровцам от калмыков. Скорее всего, это были включения отдельных их групп в ногайские кланы.

Авторы публикации [13] тестировали кубанских ногайцев на гаплогруппы Y-хромосомы в Ногайском, Абазинском, Малокарачаевском, Адыге-Хабльском, Карачаевском и Прикубанском районах Карачаево-Черкесии (N = 60). Их генетический портрет кардинально отличается от того, который получили уфимские специалисты. Позднее число тестированных доведено до 90 человек [14]. Новые данные подтвердили то, что было получено ранее. Причина расхождения результатов тестирования не установлена. По нашему мнению, она проста и понятна. Уфимские специалисты тестировали, главным образом, мансуровцев, а другая выборка охватывает всех ногайцев Карачаево-Черкесии.

У кубанских ногайцев (включая мансуровцев) частота «монгольских» гаплогрупп 5,5 %, в том числе C – 4,4 % и O – 1,1 % [14]. Частота гаплогруппы N – 6,7 %. Всего частота восточноевразийских гаплогрупп – 12,2 %. Гаплогруппа N в регионах западнее Волги является генетическим маркером ногаев Большой орды [19]. Но соотношение у мансуровцев частот этой гаплогруппы и «монгольских» гаплогрупп примерно соответствует их соотношению у калмыков [21]. Гаплогруппа N попала к мансуровцам от них. У кубанских ногайцев частота гаплогруппы N выше, чем частота «монгольских» гаплогрупп. Это однозначно указывает на наличие ногаев Большой орды в их предках. В соответствии с письменными свидетельствами, это могут быть только кипчаки.

Для дальнейшего анализа генофонда кубанских ногайцев по гаплогруппам Y-хромосомы мы выполнили пересчеты данных, приведенных в публикациях [7, 14]. В таблице 1 показаны фактические частоты гаплогрупп ногайцев (столбцы 2 и 4), но без рассмотренных выше восточноевразийских гаплогрупп. Фактические частоты пересчитаны в приведенные (исключены восточные компоненты). То есть, они приведены (столбцы 3 и 5) к частотам популяций Северного Кавказа. Для последних даны средние частоты гаплогрупп (осреднение по популяциям, столбец 6), а также минимальные и максимальные их значения в популяциях (столбцы 7 и 8). Даны частоты гаплогрупп, рассчитанные для всех популяций региона (с учетом их численности), но без учета караногойцев и кубанских ногайцев (столбец 9). Популяции региона: кумыки, чеченцы, ингуши абазинцы, адыгейцы, балкарцы, черкесы, кабардинцы, караеовцы и северные осетины (N = 1187) [7].

Частоты гаплогрупп мансуровцев соответствуют приведенным частотам популяций Северного Кавказа (Табл. 1). Носителей гаплогруппы I2 у них не выявлено. Отмечается только одно несоответствие: частота гаплогруппы R1b у мансуровцев заметно выше средних по региону. Много выше, чем у их соседей карачаевцев и черкесов.

Точно такой же анализ мы проделали для гаплогрупп мтДНК [7]. У популяций Северного Кавказа доля восточноевразийских гаплогрупп варьируется от 2,6 % у адыгейцев до 15,5 % – у черкесов. Поэтому для каждой популяции рассчитаны приведенные частоты гаплогрупп. По численности популяций рассчитаны приведенные частоты гаплогрупп автохтонов Северного Кавказа (табл. 2). Частоты гаплогрупп мансуровцев полностью соответствуют их приведенным частотам у популяций региона. Авторы публикации [4] рассчитали генетические расстояния между популяциями Северного Кавказа по частотам гаплогрупп мтДНК. Между кубанскими ногайцами, черкесами и кабардинцами они минимальные.

В выборке полногеномных маркеров популяций Евразии выделено восемь кластеров [22]. Они уверенно идентифицируются: Европа (K1), Средний Восток (K2), Кавказ (K3), Южная Азия (K4), Сибирь (K5, K6, K7), Восточная Азия (K8). Маркеры кластеров K6 и K8 можно условно назвать «монгольскими». Они резко доминируют у калмыков – 75 %. У мансуровцев (N = 16) их доля составляет 20 %, что согласуется с наличием у них восточноевразийских гаплогрупп – 12,2 % (Y-хромосома) и 20,6 % (мтДНК). Кластер K3 резко доминирует у грузин и абхазов. Доминирует у популяций Северного Кавказа. У мансуровцев его маркеров около 50 %. Если исключить «монгольские» маркеры, то доля маркеров кластера K3 у них будет примерно такой же, как у кумыков. Немного будет уступать их доле у других популяций Северного Кавказа.

Таблица 1

Частоты гаплогрупп Y-хромосомы у популяций Северного Кавказа

Гаплогруппы	Кубанские ногайцы, частоты, %				Северный Кавказ, частоты, %			
	фактические	Приведенные	фактические	Приведенные	Средние	Минимальные	Максимальные	Приведенные
1	2	3	4	5	6	7	8	9
J2	14,9	18,0	5,6	6,4	25,9	11,4	81,9	35,2
J1	21,8	26,3	1,1	1,3	8,6	1,9	24,2	14,1
G2	13,8	16,7	10	11,4	33,0	1,8	69,7	13,5
R1a	12,6	15,2	48,9	55,7	14,3	0,6	28,2	7,7
R1b	17,2	20,8	6,7	7,6	6,6	0	20,6	5,1
I2	0		8,9	10,1	2,3	0	8,7	1,1
%	80,3	97,0	81,2	92,5				78,8

Примечание: столбцы 2, 3, 6–9 – [7], 4, 5 – [14].

Таблица 2

Частоты западноевразийских гаплогрупп мтДНК у популяций Северного Кавказа [7]

Гаплогруппы	Кубанские ногайцы, частоты, %		Северный Кавказ, частоты, %			
	фактические	Приведенные	Средние	Минимальные	Максимальные	Приведенные
U	18,4	23,2	28,7	22,3	41,0	28,8
H	26,7	33,6	27,8	21,2	32,6	27,5
T	9,2	11,6	13,1	4,3	20,3	9,5
J	2,3	2,9	6,5	0,7	9,1	5,7
K	3,8	4,8	5,9	2,8	9,9	5,7
W	6,1	7,7	4	1,9	14,3	4,3
X	2,3	2,9	4	1,1	7,6	4,1
I	3,8	4,8	3,9	0	8,6	3,7
V	0	0	0,4	0	1,1	0,3
%		91,4	94,3			89,3

Изучены 13 локусов Alu инсерций. В пространстве двух главных компонент точка «мансуровцы» (N=87), попала между точками «адыгейцы» и «черкесы», с одной стороны, и «башкиры» – с другой [8]. По нашему мнению, здесь сработал восточноевразийский фактор. У башкир 3,0 % носителей монгольских гаплогрупп Y-хромосомы и 39,2 % восточноевразийских гаплогрупп мтДНК. Доля «монгольских» полногеномных маркеров у них составляет примерно 22,0 % [18]. В целом же мансуровцы по Alu инсерциям близки к адыгейцам и черкесам.

«К наиболее «чистому» типу средиземноморско-балканской расы на Кавказе следует отнести адыгский тип. [...] Адыгский тип входит в состав аборигенных групп северо-западного Кавказа – кабардинцев, адыгов, абазин, черкесов, частичноингушей. К этому типу относятся ногайцы Адыго-Хабльского района КЧАО» [20, с. 17].

Главная особенность результатов тестирования всех ногайцев Карачаево-Черкесии – высокая частота гаплогруппы R1a – 48,9 %, в том числе, «славянской» линии – 13,3 % [14]. Приведенные частоты – 55,7 и 15,1 % соответственно (Табл. 1). Отметим, что у кубанских ногайцев, караногайцев и литовских татар имеется один одинаковый гаплотип «славянской» линии R1a [10]. Как мы понимаем, остальная часть гаплогруппы R1a представлена «степной» линией. Частоты гаплогрупп J1 и J2 у ногайцев минимальные. Имеется гаплогруппа I2. Ее приведенная частота 10,1 %. Имеется и гаплогруппа E1 (3,3 %). В Европе высокие частоты этих двух гаплогрупп на Балканах.

В публикации [11] рассмотрены аутосомные ДНК (D1S80, AроВ и DM) популяций западной части Северного Кавказа (мы не установили, как сформированы эти массивы данных). Результаты обработки выборки статистическими методами неустойчивые. В поле двумерного шкалирования точки «кубанские ногайцы» и «караногайцы» попали в один кластер с точкой «башкиры». Он расположен далеко от кластера «Северный Кавказ». В поле главных компонент точка «кубанские ногайцы» попала в один кластер с точками «абазины», «карачаевцы» и «кумыки».

Выводы и рекомендации сводятся к следующему:

1. Мансуровцы Малой ногайской орды по данным популяционной генетики (четыре группы разных генетических маркеров) и антропологии являются типичной популяцией Северного Кавказа. Скорее всего, мансуровцы изначально жили там, где живут сегодня. Помимо северокавказского, у них выявлен калмыцкий этнический компонент.
2. Массив данных из публикации [14] характеризуют «усредненный» генетический портрет всех кубанских ногайцев. Генетический портрет мансуровцев кардинально от него отличается.
3. «Усредненный» генетический портрет кубанских ногайцев не соответствует портрету популяций Северного Кавказа. Значимые этнические компоненты у них – калмыцкий («монгольские» гаплогруппы), «степной» («степная» линия R1a), славянский («славянская» линия R1a) и балканский (I2 и E1). Имеются прямые указания на существенный вклад ногаев Большой орды в формирование субэтнуса. Можно осторожно предположить, что кубанские ногайцы за пределами Нагайского района, населенного мансуровцами и султановцами, являются, в основном, потомками кипчаков Большой орды. Возможно, последние по численности доминировали в регионе после ухода основной массы кубанских ногайцев в Османскую империю.
4. Массив данных авторов публикации [7] характеризует мансуровцев, султановцев и ногайцев Черкесска. Массив данных других специалистов [14] характеризует всех ногайцев Карачаево-Черкесии, включая мансуровцев и султановцев. Эти два массива рекомендуется преобразовать. Первый массив должен включать только результаты тестирования мансуровцев (тестированные из соответствующих сел), второй – султановцев (с. Икон-Халк), третий – всех остальных ногайцев Кабардино-Черкесии. Сформированные таким образом массивы явятся основой дальнейших этнических реконструкций.

Список источников и литературы

1. Аджиниязова А.К. Территория расселения и численность ногайцев Северного Кавказа в конце XVIII – середине XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 6–2. С. 53–58.
2. Бентковский И. В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ставрополь: Тип. Губ. правл., 1883. Ч. 1: Ногайцы. 134 с.
3. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1974. С. 276.
4. Джаубермезов М. А., Екомасова Н. В., Литвинов С. С., Габибуллина Л. Р., Рейдла М., Виллемс Р., Хуснутдинова Э. К. Генетическая характеристика карачаевцев на основе данных мтДНК // Прикладные информационные аспекты медицины. 2017. Т. 20, № 4. С. 50–56.
5. Кипкеева З. Б. Конец Ногайской орды: миграции и расселения на Северном Кавказе // Новый исторический вестник. 2006. № 15. С. 5–14.
6. Кипкеева З. Б. Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории. Ставрополь: СГУ, 2008. 432 с.
7. Кутуев И. А., Хуснутдинова Э. К. Генетическая структура и молекулярная филогенетика народов Евразии. Уфа: Гилем, 2011. 239 с.
8. Литвинов С. С. Изучение генетической структуры народов Западного Кавказа по данным о полиморфизме Y-хромосомы, митохондриальной ДНК и alu-инсерций. Уфа, 2010. 23 с.
9. Народы Карачаево-Черкесии: история и культура. Черкесск, 1998.
10. Панкратов В. С., Кушнеревич Е. И., Давыденко О. Г. Полиморфизм маркеров у-хромосомы в популяции белорусских татар // Доклады Национальной академии наук Беларуси. 2014. Т. 58, № 1. С. 94–100.
11. Почешхова Э. А. Оценка межэтнических различий народов Западного Кавказа (по мультиаллельным аутосомным ДНК-маркерам) // Медицинская генетика. 2008. Т. 7, № 2 (68). С. 3–9.
12. Стать К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа». Нальчик, 2001. Т. 1.
13. Схаляхо Р. А., Почешхова Э. А., Теучеж И. Э., Дибирова Х. Д., Агджоян А. Т., Утевская О. М., Юсупов Ю. М., Дамба Л. Д., Исакова Ж. Т., Момыналиев К. Т., Тагирли Ш. Г. К., Кузнецова М. А., Коньков А. С., Фролова С. А., Балановская Е. В., Балановский О. П. Тюрки Кавказа: Сравнительный анализ генофондов по данным о Y-хромосоме // Вестник Московского университета. Сер. 23: Антропология. 2013. № 2. С. 34–48.
14. Схаляхо Р. А., Чухряева М. И., Агджоян А. Т., Запороженко В. В., Маркина Н. В., Юсупов Ю. М., Шайхеев Р. Р., Почешхова Э. А., Балановская Е. В. Генофонды ногайцев в контексте населения степного пояса Евразии (по маркерам Y-хромосомы) // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 326–333.
15. Торопицын И. В. Кундровцы (ногаи) в Нижнем Поволжье // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Черкесск, 2014. С. 95–99.
16. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 764 с.
17. Тюрин А. М. Калмыки, караногайцы, кубанские ногайцы и крымские татары – геногеографический и геногенеалогический аспекты // Журнал фронтирных исследований. 2017. № 2. С. 7–29.
18. Тюрин А. М. К вопросу о монголоидных компонентах у башкир // Системы родства, связей и коммуникаций в истории человечества: антропологический аспект. 2019. Принята в печать.
19. Тюрин А. М. Элементы этногенеза караногайцев по данным популяционной генетики // Перекрыстки истории. Актуальные проблемы исторической науки. 2019.
20. Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. М.: МГУ, 1983. 128 с.

21. Nasidze I., Quinque D., Dupanloup I., Cordaux R., Kokshunova L., Stoneking M. Genetic evidence for the Mongolian ancestry of Kalmyks // *Am J Phys Anthropol.* 2005, Dec. Vol. 128 (4). P. 846–854.

22. Yunusbayev B., Metspalu M., Metspalu E., Valeev A., Litvinov S., Valiev R., Akhmetova V., Balanovska E., Balanovsky O., Turdikulova S., Dalimova D., Nymadawa P., Bahmanimehr A., Sahakyan H., Tambets K., Fedorova S., Barashkov N., Khidiyatova I., Mihailov E., Khusainova R., Damba L., Derenko M., Malyarchuk B., Osipova L., Voevoda M., Yepiskoposyan L., Kivisild T., Khusnutdinova E., Villems R. The genetic legacy of the expansion of Turkic-speaking nomads across Eurasia. // *PLoSGenet.* 2015. Vol. 11(4). e1005068. Impactfactor (ThomsonReuters) – 7,528. DOI: 10.1371/journal.pgen.1005068.

К ВОПРОСУ О РАСОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОСТАНКОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ПОД КУРГАНом 1 МОГИЛЬНИКА ЛИНЕВСКИЙ III

Тюрин Анатолий Матвеевич,

*кандидат геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией геофизики,
ООО «ВолгоУралНИПИгаз», г. Оренбург*

В Среднем Заволжье в погребениях, отнесенных к срубной культуре позднего бронзового века, выявлены черепа с разной степенью проявления монголоидных признаков [18]. Три черепа с максимальной монголоидностью – из могильников Хрящевка и Ягодное (Ставропольский р-н Самарской обл.). По одному черепу – из могильников Грачевка II (левый берег Сока, Красноярский р-н Самарской обл.) и Степановка III (Кинель-Черкасский р-н Самарской обл.). В могильнике Буланово I (Октябрьский р-н Оренбургской обл.) один череп типично монголоидный. Еще один близок к нему по своим характеристикам [9]. Могильник нестандартный: «некоторые могилы принадлежат абашевской культуре, в других отмечены синташтинские традиции, в отдельных [...] содержался инвентарь сейминско-турбинского типа» [19, с. 5]. По массивам радиоуглеродных дат по Приуралью и Зауралью абашевская культура датирована 2200–1800 гг., синташтинская 2010–1770 гг., срубная 1940–1410 гг. до н. э. [13].

При раскопках поселения Малоюлдашево I (Красногвардейский р-н Оренбургской обл.) эпох неолита и поздней бронзы найдено погребение, отнесенное к синташтинско-абашевскому культурно-хронологическому горизонту. Черепа двоих погребенных идентифицированы как «европеоид» и «близок к уралоидному варианту». Расовая идентификация черепа третьего погребенного не выполнена, хотя он отличается яркими особенностями: «крупные размеры мозговой коробки и лица. [...] абсолютно низкий свод, сочетание резкой горизонтальной профилировки лицевого отдела на верхнем уровне с весьма умеренной на нижнем» [6, с. 52]. Похоже, что этот череп имеет монголоидные характеристики.

Общий вывод А. А. Хохлова сводится к следующему. «Монголоидности на волго-уральских черепах первой половины эпохи бронзы ранее не фиксировалось. В единичных случаях она проявляется на материалах финала средней бронзы» [16, с. 115].

Погребения ямной культуры в Приуралье однотипные [4; 14; 15]. Как правило, одна простая яма под курганом средних размеров, иногда перекрытая на уровне подпочвенного слоя конструкцией из жердей. На ее дне подстилка из травы и коры. Положение скелета скорченно на правом боку или на спине. В последнем случае ноги подогнуты. Ориентировка головы в основном на восток или северо-восток. Наличие в погребении охры. Часть погребений безинвентарные. В других найдены керамические сосуды, изделия из металла и кости. На курганах ямной культуры имеются впускные погребения более поздних культур. По массиву радиоуглеродных дат ямная культура Южного Приуралья датирована 3350–2450 гг. [13], катакомбная культура Среднего и Нижнего Поволжья – 2600–1950 гг. до н. э. [20].

В 2006–2008 гг. раскопано семь курганов Сковрцовского могильника (Курманаевский район Оренбургской области). Пять из них отнесены к ямной культуре, два – к развитому этапу срубной. По результатам радиоуглеродного датирования погребения под курганами ямной культуры совершены в период 2700–2300 гг. до н. э. Под курганом 5 раскопано впускное погребение. В нем найдено два скелета, расположенных один над другим. Их положение соответствует традициям ямной культуры. Верхний скелет 1 женский. «Ярусное расположение скелета 1 над скелетом 2 в одной яме в полевых условиях позволило нам отнести оба погребения к одному комплексу. Однако радиоуглеродные даты явно указывают на их разновременность, что подтверждается и различным набором погребальных признаков» [16, с. 69]. По черепу скелета 1 сделано следующее заключение: «Такие признаки, как пониженное относительно верхних краев орбит переносье, широкая верхнечелюстная альвеолярная дуга, отсутствие отчетливых верхнечелюстных вырезок, визуально высоковатые орбиты, особенно правая, придают черепу вид некоторой “монголоидности”» [16, с. 115].

Радиоуглеродные даты, характеризующие погребения Сковрцовского могильника, имеют большой разброс. Например, даты по погребениям кургана 5: 3400 ± 40 , 3700 ± 90 , 3810 ± 25 , 3810 ± 40 , 4070 ± 60 , 4210 ± 70 , 4570 ± 100 , 5140 ± 70 , ВР. Скелет 1 погребения 3 охарактеризован тремя датами 3400 ± 40 ВР, 1770–1630 гг. до н. э., 3700 ± 90 ВР, 2210–1940 гг. до н. э., 4210 ± 70 ВР, 2900–2700 гг. до н. э. Все три находятся за хронологическими пределами функционирования могильника в ямное время. Причем одна дата попадает в более ранний период. Вывод здесь однозначный. Радиоуглеродные даты по Сковрцовскому могильнику не позволяют достоверно отнести скелет 1 погребения 3 кургана 5 к периоду после завершения его функционирования в ямное время. Но здесь можно поступить формально. Если мы примем во внимание две самые молодые даты, то скелет 1 попадает в 2210–1630 гг. до н. э., т. е. погребенная женщина может претендовать на первого монголоида в Волго-Уральском регионе. Однако проблема в том, что по ее черепу не удалось измерить часть важных параметров. Исходя из этого, наше предположение по имеющимся данным доказать невозможно.

Могильник Линецкий III (Соль-Илецкий район Оренбургской области) включал семь курганов. В 1988 г. раскопано два самых крупных [4]. В кургане 1 три впускных сарматских погребения. В основном погребении ямной культу-

ры скелет мужчины (50–55 лет) и обломок клинка медного ножа. Череп в хорошем состоянии. В кургане 2 одно впускное сарматское погребение. Основное ямное погребение безинвентарное.

Авторы публикации [22] сформировали краниологическую серию из погребений ямной культуры Оренбуржья. В нее вошли черепа из могильников Нижнепавловский V (2 / 1 – мужские / женские) Тамар-Уткуль VII (2 / 1), Тамар-Уткуль VIII (2 / 1), Буранчи I (2 / 0), Кардаиловский I (2 / 0), Пятилетка (2 / 0), Линевский одиночный курган (1 / 0), Линевский III (1 / 0), Краснохолмский III (1 / 0), у с. Ефимовка (3 / 0), Болдыревский (1 / 0), Увакский (5 / 2). В целом серия антропологически однородная, европеоидная. Отмечена большая ширина лицевого скелета. Исключением является череп из кургана 1 могильника Линевский III. «Рельеф переноса в поперечном сечении ослаблен, особенно на уровне симотических точек. Носовые кости очень узкие, умеренно выступающие. Клыковая ямка практически отсутствует. [...] Все эти признаки [...] придают черепу известное своеобразие и выделяют его из общей серии» [22, с. 137]. У черепа (мы будем называть его линевским) аномально большая верхняя высота лица и аномально слабо выраженная клыковая ямка. Его расовая идентификация не выполнена, но в публикации приведены краниологические характеристики черепов. Расовая идентификация линевского черепа – вопрос технологии.

В. П. Алексеев указал признаки, по которым различаются европеоидные и монголоидные черепа: «профилировка лицевого скелета в горизонтальной плоскости, степень выступания носовых костей к плоскости лица и, в меньшей мере, размеры лицевого скелета» [1, с. 119]. Позднее он их конкретизировал. Кроме угла носа к плоскости лица, это назомаллярный и зигомаксиллярный углы, а также дакриальная и симотическая высоты [2]. Автор публикации [8] на примере древних тюрок Прииртышья дал еще один признак монголоидности – слабо выраженная клыковая ямка.

Расовая идентификация линевского черепа нами выполнена на основе сравнительного анализа. В эталонные серии включены европеоиды ямной культуры (при осреднении параметров их черепов учтен и линевский череп) и другие мужские серии. Их характеристики приведены ниже. Отметим, что мы специально не включили казахов в эталонные серии. Сопоставление характеристик линевского черепа и субпопуляций казахов – это отдельная научная работа.

Тюрки-ЛБ. Серия включает черепа из могильников у сел Ждановка и Леонтьевка левобережья Иртыша, датированных X–XII вв. н. э. Из 26 черепов (15 мужских, 10 женских и 1 детский) «16 обладают особенностями европеоидной расы, 6 определены как смешанного типа и 4 характеризуются выраженными чертами монголоидной расы» [8, с. 85], т. е. серия смешенная. Процесс метисации в сообществе между европеоидами и монголоидами только начался.

Тюрки-ПБ. Серия сформирована по пяти могильникам правобережья Иртыша, идентифицированных археологами как кимако-кыпчакские X–XII вв. Они находятся в непосредственной близости, от могильников, по которым сформирована предыдущая серия. Серия тюрки-ПБ имеет смешанные европеоидно-монголоидные характеристики – «несколько смягченные варианты совокупности признаков южно-сибирской расы» [11, с. 97]. Один из черепов серии (№ 499) является аналогом линевского. «Носовые кости слабо выступают по отношению к вертикальной плоскости лица. Переносе узкое и невысокое. В горизонтальной плоскости лицевой скелет сильно уплощен в верхнем ярусе при средней профилировке на зигомаксиллярном уровне. Клыковая ямка очень малой глубины» [11, с. 101]. Кроме того, «несколько черепов отличаются от остальных явным преобладанием европеоидного компонента» [11, с. 103]. В целом серия характеризует завершающий этап процесса метисации.

Башкиры. У башкир в зонах их контакта в прошлом с калмыками и казахами имеются «монгольские» гаплогруппы Y-хромосомы (передаются по мужской линии). В среднем у башкир С – 2,3 %, О – 0,8 % [12]. В 1747 г. издан указ: «киргиз-кайсакам из Башкирии в замужество невест не отпускать, а башкирам на киргизкайсачках жениться не дозволять» [7, с. 236], т. е. между башкирами и казахами существовала практика обмена невестами. Следы казахских невест имеются. У башкир Абзелиловского района (это зона контакта башкир и казахов) доля восточноевразийских гаплогрупп мтДНК (передаются по женской линии) 48,6 %, а у башкир Самарской и Саратовской областей – всего 17,3 %, в среднем у башкир – 39,2 % [12]. Возможно, практика обмена невестами начата в XVII в., когда на Южном Урале соседями башкир были калмыки. Таким образом, башкиры получили монголоидность, в основном, через невест. То есть они – европеоиды с небольшой примесью монголоидности. Краниологические характеристики башкир приведены в электронной базе [21]. Серия сформирована по кладбищам XVII – начала XX в.

Калмыки. Калмыки – это ойраты, западные монголы. Но в XVII–XIX вв. волжские калмыки плотно контактировали с европеоидами ногами [17]. По результатам изучения полиморфизма ДНК (эти генетические маркеры передаются и по мужской, и по женской линиям) субпопуляции калмыков отличаются по этноантропологическому вкладу [3]. У дербетов восточноазиатский (монголоидный) компонент составляет 96,5 %, у торгоутов – 75,0 %, у бузавов – 48,3 %. Центральнo- и восточно-европеоидный компонент у этих популяций – 2,5; 16,7 и 41,7 %, переднеазиатский европеоидный – 1,0; 6,3 и 10,0 %. Бузавы – это донские калмыки-казаки. То есть у калмыков имеется значимый европеоидный компонент. Характеристики краниологической серии калмыков нами взяты из публикации [2]. Но ключевой параметр – глубина клыковой ямки – в ней не приведен. Его величина взята из [9, табл. 17]. Также и для монголов.

Монголы. Серия представлена краниологическими данными по халха, самому многочисленному субэтносу монголов [2].

Чуваши и удмурты. Есть мнение, что особенности некоторых черепов древних популяций Волго-Уральского региона связаны не с центральноазиатским типом монголоидности, а с его неолитическим населением и являются урало-лапоноидными [17]. Исходя из этого, в выборку эталонных серий включены чувашы и удмурты (могильники XVII–XIX вв.) [21].

Параметры, по которым различаются европеоидные и монголоидные черепа, краниологических серий, принятых во внимание при расовой идентификации линевского черепа, приведены в таблице.

По скуловому диаметру «выпадают» чуваш и удмурты. У остальных серий его дифференциация низкая. У монголов величина этого параметра самая большая. У ямников, включая линевский череп, – самая маленькая. Верхняя высота лица минимальная у ямников, чувашей и удмуртов. Аномально высокое значение этого параметра у линевского черепа соответствует его среднему значению у монголов. По верхней ширине лица «выпадают» чуваш и удмурты. У калмыков и монголов этот параметр не замерялся. У остальных серий и линевского черепа значения параметра примерно одинаковые. По средней ширине лица линевский череп достоверно отличается от значений этого параметра у ямников (с учетом стандартного отклонения) и соответствует параметру калмыков. Минимальная глубина клыковой ямки у черепов ямной культуры (без учета линевского) – 1,4–2,3 (3 черепа). У башкир минимальная глубина (1,1–2,0) у 9 черепов, у чувашей (0,5–2,0) – у 4 черепов, у удмуртов (1,6–2,0) – у 3 черепов. По этому параметру линевский череп наиболее близок к калмыкам и монголам. Напомним, что в серии тюркам-ПБ имеется аналог линевского черепа, в том числе, и по глубине клыковой ямки. У субпопуляции казахов средняя глубина клыковой ямки варьируется от 1,1 (Алма-Атинская обл.) до 2,3 (Букеевская степь) [9, табл. 13].

Таблица

Параметры мужских краниологических серий, принятых во внимание при расовой идентификации линевского черепа

Название параметра	Ямная культура ¹	Линевский череп ¹	Тюрки-ЛБ ²	Тюрки-ПБ ³	Башкиры ⁴	Калмыки ⁵	Монголы ⁵	Чуваши ⁴	Удмурты ⁴
45. Скуловой диаметр	138,0±5,9 (15)	138,0	141,6 (14)	140,7±3,3 (10)	139±5,8 (315)	141,2 (86)	142,2 (178)	134±4,7 (111)	133±4,7 (132)
48. Верхняя высота лица	72,7±3,3 (20)	79,0	74,7 (14)	74,6±4,0 (13)	74±4,7 (292)	75,4 (71)	78,3 (151)	72±4,2 (118)	71±4,2 (133)
43. Верхняя ширина лица	109,3±3,9 (18)	109,0	109,6 (14)	110,5±2,6 (13)	108±4,2 (315)	–	–	105±3,8 (128)	104±4,0 (143)
46. Средняя ширина лица	96,0±4,7 (15)	104,0	98,5 (14)	100,5±5,0 (11)	99±5,4 (308)	103,0 (38)	–	97±4,5 (113)	95±4,6 (124)
FC. Глубина клыковой ямки	4,5±2,1 (18)	0,3	4,6 (13)	3,8 ±2,1 (13)	5,0±1,7 (311)	1,5 ⁶ (42)	1,8 ⁶ (81)	5,3±1,8 (123)	5,3±2,0 (122)
SS. Симотическая высота	4,97±1,2 (21)	3,3	5,0 (14)	3,8±1,1 (13)	3,9±1,1 (310)	3,1 (50)	2,9 (81)	4,1±1,2 (110)	4,1±1,2 (126)
DS. Дакриальная высота	13,6±2,2 (14)	13,7	13,3 (15)	–	10,5±1,6 (304)	9,6 (49)	9,3 (76)	12,0±1,4 (104)	12,2±1,7 (88)
75. Угол выступания носа	35,8±4,8 (15)	24,0	30,4 (14)	24,2±3,8 (11)	25±5,5 (319)	22,9 (33)	22,4 (41)	25±5,6 (98)	27±5,7 (111)
77. Назомалярный угол	138,0±3,2 (18)	139,0	140,2 (14)	145,8±4,4 (12)	143±4,6 (326)	145 (52)	146,4 (80)	140,5±4,7 (131)	142,1±4,5 (151)
<zm' Зигмаксиллярный угол	122,1±5,13 (17)	125,0	128,6 (14)	135,8±5,7 (10)	132±5,2 (326)	137,7 (32)	138,4 (76)	130±6,1 (130)	129,5±5,5 (148)

Примечание: в столбцах среднее значение параметра, стандартное отклонение (со знаком ±), количество черепов (в скобках): 1 – [22, табл. 7]; 2 – [11, табл. 2]; 3 – [8, табл.]; 4 – [21, электронная база], 5 – [2, табл. 1, 2], 6 – [9, табл. 17].

Симотическая высота линевского черепа соответствует среднему значению этого параметра у калмыков и монголов. По дакриальной высоте черепа ямной культуры, включая линевский, заметно отличаются от черепов других серий. По углу выступания носа линевский череп достоверно отличается от среднего значения этого параметра для других черепов ямной культуры. Соответствует его значению у тюрков-ПБ, калмыков и монголов. Но у башкир, чувашей и удмуртов большой процент тех, у кого угол выступания носа равен или меньше 24 – 42,3, 28,6 и 36,0 % соответственно. У башкир это, в основном, наследие казахских невест. У чувашей и удмуртов – один из признаков уралоидности. Назомалярный угол у линевского черепа соответствует значению этого параметра у ямников, тюрков-ЛБ и чувашей. Значение зигмаксиллярного угла у линевского черепа практически равно осредненному значению этого параметра у ямников и тюрков-ЛБ, но существенно отличается от его значений в других сериях.

Автор публикации [5] привел параметры серий черепов неолита и бронзового века северной и лесной полосы Восточной Европы, включая Оленеостровский могильник. Средняя глубина клыковой ямки 5,46–5,57, угол выступания носа – 26,7–32,6. Линевский череп по этим параметрам отличается от населения указанных эпох.

Наши выводы, рекомендации и прогноз сводятся к следующему:

1. Линевский череп с вероятностью близкой к 1 принадлежит метису европеоида ямной культуры и монголоида с характеристиками близкими калмыкам и монголам. С вероятностью близкой к 1 он не имеет ничего общего с сообществами с ярко выраженным проявлением уралоидности – чувашами и удмуртами. Линевский череп не может принадлежать представителю неолитических культур.
2. Линевский череп принадлежит первому, достоверно идентифицированному монголоиду в Волго-Уральском регионе. Достоверно датируется хронологическим интервалом ямной культуры.
3. Для повышения достоверности расовой идентификации линевского черепа рекомендуется:
 - выполнить его сопоставление с субпопуляциями казахов;
 - привлечь дополнительные признаки (форма носовых косточек, топография надглазничных дуг, величина сосцевидных отростков, строение зубов и челюстей и др.);
 - составить выборку индивидуальных параметров черепов разных серий и выполнить их кластеризацию.

По полученным результатам вопрос о расовой идентификации линевского черепа будет решен практически однозначно.

4. Образцы, отобранные из линевского черепа, направлены на анализ палео-ДНК. Результаты ожидаются во второй половине 2019 г. Исходя из нашей его расовой идентификации наиболее вероятны гаплогруппы Y-хромосомы C (O, D), R1a1-Z93 и R1b (по убыванию вероятности), а также восточноевразийские гаплогруппы мтДНК. Это наш прогноз результатов тестирования.

Список источников и литературы

1. Алексеев В. П. О смешанном происхождении уральской расы // Вопросы археологии Урала. 1961. Вып. 1. С. 117–120.
2. Алексеев В. П. К краниологии калмыков в связи с их происхождением. // Вопросы сравнительной этнографии и антропологии калмыков. 1980. С. 3–11.
3. Балинова Н. В. Полиморфизм ДНК и его использование для изучения истории и происхождения тюрко-монгольских народов // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2010. № 2. С. 187–207.
4. Богданов С. В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004. 283 с.
5. Дебец Г. Ф. О путях заселения северной полосы Русской равнины и восточной Прибалтики // Советская этнография. 1961. № 6. С. 52–69.
6. Евгеньев А. А., Купцова Л. В., Мухаметдинов В. И., Рослякова Н. В., Усачук А. Н., Файзуллин И. А., Хохлов А. А. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург: ОГАУ, 2016. 196 с.
7. Избасарова Г. Б. О родоплеменном составе казахов и башкир // Устная история казахов: теория и практика. 2012. С. 233–239.
8. Исмагулов О. Антропологические данные о тюрках Прииртышья // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. 1969. С. 80–90.
9. Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата: Наука, 1970. 241 с.
10. Китов Е. П., Хохлов А. А., Медведева П. С. Данные палеоантропологии как источник для реконструкции процесса сложения и социальной стратификации общества // Stratum plus. 2018. № 2. С. 225–243.
11. Комаров С. Г., Китов Е. П. Новые краниологические данные к вопросу об антропологическом составе тюркского населения степной полосы среднего Прииртышья X–XII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 97–111.
12. Лобов А. С. Структура генофонда субпопуляций башкир. Уфа, 2009. 23 с.
13. Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2014. Т. 13, № 3. С. 136–167.
14. Моргунова Н. Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.
15. Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Памятники древнейшей культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. 153 с.
16. Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Дегтярева А. Д., Евгеньев А. А., Купцова Л. В., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: ОГПУ, 2010. 160 с.
17. Тюрин А. М. Калмыки, карангайцы, кубанские ногайцы и крымские татары – геногеографический и геногенеалогический аспекты // Журнал фронтирных исследований. 2017. № 2. С. 7–29.
18. Хохлов А. А. К вопросу о монголоидных черепах эпохи бронзы Волго-Уралья // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6: История, вып. 30. С. 8–11.
19. Хохлов А. А., Китов Е. П. Предварительное сообщение о палеоантропологическом материале эпохи средней бронзы могильника Буланово I // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 6 (144). С. 5–7.
20. Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век) // Российская археология. 2004. № 2. С. 15–29.
21. Ширококов И. Г., Моисеев В. Г., Козинцев А. Г., Хартанович В. И., Чистов Ю. К., Громов А. В. Индивидуальные краниометрические данные близких к современности групп населения восточной и северо-восточной Европы. СПб, 2017.
22. Яблонский Л. Т., Хохлов А. А. Краниология населения ямной культуры Оренбургской области // Памятники древнейшей культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. С. 116–152.

ЗОРОАСТРИЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ

Хакимнияхов Жолмурза Хожабекович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры «История Узбекистана и Каракалпакстана»,

Каракалпакский государственный университет,

г. Нукус, Республика Узбекистан

О существовании зороастризма на территории Южного Приаралья свидетельствуют многочисленные памятники материальной культуры, выявленные на обширной территории низовьев Амударьи и Сырдарьи. Из обрядов зороастризма наиболее специфическим является погребальный обряд. В качестве основных погребальных сооружений зороастрийцев выделяют дахма (место выставления трупов умерших).

В Южном Приаралье дахма известна на холме Чильпык, расположенного в северо-западном отроге Султаниздагского хребта. На вершине холма совершенно отсутствуют сооружения, жилые постройки. По мнению С. П. Толстова, на высоком холме Чильпык была расположена дахма, что подтверждается находками многочисленных фрагментов оссуариев [6, с. 71]. Вдоль стен находится 10–12-метровая забутовка, которая изолировала от земли трупы, помещенные на вершине, что соответствует предписаниям ортодоксального зороастризма [3, с. 55]. Площадка по периметру была обведена желобом, по-видимому, предназначенным для отвода дождевых вод и предотвращения чистых стихий от осквернения. С западной стороны находился вход в сооружение. Это пологий пандус, который затем переходил в лестницу [9, с. 332].

Близ селения Мангыт в Хорезме расположен оссуарный могильник Куба-тау. Слой глины, смешанный с навозом, был положен на каменистый грунт, а выше – три слоя сырцовых кирпичей. Канавка шириной 30 см была проделана между западной стеной и кирпичами субструкции пола. Перпендикулярно им проходил желобок, ширина и глубина которого 10 см. Стенки канавки были опалены, в заполнении встречались угольки и зола. По предположению Ю. А. Рапопорта, канавка-лоток была дренажной или являлась отопительным каналом, а желобки, идущие от него, являлись продухами, отводившими нагретый воздух [5, с. 98]. Такая конструкция противоречит предположению, что оссуарные захоронения сделаны в руинах жилого или оборонительного сооружения. По-видимому, развалины Куба-тау являлись дахмой. Сооружение использовалось довольно долго, т.к. оссуарии лежали на слое в 25 см, образованном мусором и комками разрушенных кирпичей, а некоторые сосуды лежали поверх костей. Оссуарии дают характерную афригидскую форму VII–VIII вв. н. э. [4, с. 57].

В 2005–2006 гг. к северу от караван-сарая Мешекли раскапывалась группа погребальных сооружений [1, с. 47–55; 2, с. 44]. Среди изучавшихся объектов выделялось сооружение 1. Оно представляет собой квадратную в плане «платформу» с размерами 560 см × 540 см, углами ориентированную по сторонам света. Сохранившаяся высота «платформы» – 130 см. Было установлено, что каменная обкладка «платформы» с двух сторон скрывает в себе две диаметрально расположенные ямы овальной в плане формы с размерами 120 см × 60 см. К каждой яме примыкает узкая камера, шириной 30 и длиной 240 см, сложенная из дикого камня без скрепляющего раствора.

В ямах были найдены фрагменты керамических сосудов III–I вв. до н. э. и V–VIII вв. н. э. Анализ конструктивных элементов исследованного сооружения, методов и приемов строительства позволяют предполагать, что оно могло служить дахмой. Обнаруженные ямы могли использоваться в качестве колодцев, в которые сбрасывался саван представлявшего покойника. Две узкие каменные камеры напоминают каменные «ката», в которые могли помещать тела покойников, умерших в период года, недопустимый для выставления трупов [2, с. 45–47].

Джумард кассаб находится на территории древнего некрополя Миздахкана, представляет собой курганообразный бугор длиной 90 м, шириной 60 м, высота 8 м [10]. 1987 г. в результате стратиграфического раскопки установлен, что в основании его имеется древний бугор диаметром около 20 м, высота 4 м [8, с. 91–92]. Древний бугор некогда находился в середине обширной ограды прямоугольной в плане, размером около 37 м × 28 м. Ассуарные находки II–III вв. не исключают возможность использования его в качестве святилища посвященной Говмарду, или дахмы.

Крантау-кала расположен на высокой точке северной оконечности Южного холма составляет около 2 га. Объект с юга и юго-востока обнесен стеной и предположительно ровом, остальные стороны ограничены естественными обрывами возвышенности. По мнению исследователя Крантау-кала имеет общие черты с общеизвестной дахмой I в. н. э. [8, с. 92–93]. Чилпык, обеих их планировок, приспособлена к рельефу возвышенности, внутри не обнаружены какие либо постройки жилого характера. Все это дает основание предполагать о том, что в древности, возможно в раннее средневековье Крантау-кала являлась священным местом с погребальным культом зороастрийцев – дахма.

Таким образом, в результате археологических исследований в последние годы изучено очень много зороастрийских памятников в нижнем течении Амударьи. Это, в свою очередь, доказывает, что древний Хорезм является одним из центров зороастризма.

Список источников и литературы

1. Баратов С. Р. Археологические исследования на Юге Хорезма в 2004–2005 годах // Археологические исследования в Узбекистане в 2004–2005 годы. Ташкент: ФАН, 2006. Вып. 5.
2. Баратов С. Р., Рахманов У., Лушпенко О. Н., Юсупов Н., Муродова Д. Х., Садуллаев Б. П., Матрасулов С. Ш., Машарипов Э. Археологические исследования на территории южного Хорезма в 2006 и 2007 годах // Археологические исследования в Узбекистане. Ташкент: ФАН, 2009. Вып. 6.
3. Манылов Ю. П. Новые данные о погребальном обряде Хорезма первых веков нашей эры // Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент: ФАН, 1981.
4. Мкртчян М. Б. Погребальный обряд зороастрийцев. М., 1999.
5. Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма // ТХАЭЭ. М., 1971. Т. 6.
6. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
7. Хожаниязов Г., Юсупов Н. Хакимиязов Ж. Х. Джумард кассаб – памятник зороастризма // «Авесто» – Ўрто Осиё халқлари маданияти тарихи. Нукус: Хива, 2001.
8. Хожаниязов Г., Амиров Ш. Оссуарный некрополь на возвышенности Крантау // «Авесто» – Ўрто Осиё халқлари маданияти тарихи. Нукус: Хива, 2001.
9. Ягодин В. Н., Никитин А. Б., Кошеленко Г. А. Хорезм // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
10. Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: ФАН, 1970.

ПОЯСНАЯ НАКЛАДКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДРАКОНА (ИЗ МАТЕРИАЛОВ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА)

*Шельдешова Юлия Владимировна,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

На территории улуса Джучи наиболее популярными были импортированные вещи из Китая, и это подтверждается массовым изготовлением их копий. Среди находок с китайской символикой, отдельную категорию составляют артефакты с изображениями драконов. Их группа формируется из поясных накладок, которые были распространены на обширной территории от Поволжья до Приладожья. Некоторые авторы высказывают предположение, что эти изделия использовались исключительно для представителей золотоордынской политической элиты [4; 8]. Однако их многочисленность, нередко дешевизна материала (бронза, рог или кость), из которого они изготовлены, а также низкое качество, позволяют сомневаться в справедливости этой точки зрения.

В связи с вышесказанным весьма показательным является концевая медная накладка на ремень на двух шпеньках со штампованным изображением дракона L – 4,7 см, w – 1,2 см. найденная при раскопках Самосдельского городища в 2001 г. на уровне 3 штыка (рис. 1). Данную накладку можно датировать золотоордынским временем (XIII–XIV вв.), поскольку верхние слои памятника соотносятся с периодом становления и расцвета Золотой Орды. Три основных хронологических периода существования городища – хазарский, предмонгольский и золотоордынский – не отделяются друг от друга видимыми прослойками, не различаются цветностью. Единственным возможным хронологическим маркером является мощная прослойка пожара и соотносящиеся с ней остатки сгоревших и разрушенных жилищ, которую мы связываем с концом хазарского периода. Однако, эта прослойка также сильно переработана в более позднее время, фундаментами вышележащих построек и хозяйственными ямами [7, с. 158–159].

В кочевую тюркскую среду образ дракона проникает со II в. до н. э., когда контакты кочевого мира и Китая становятся особенно тесными. По мнению В. А. Коренько, этот образ для тюркского мира не является характерным, так как практически не встречается в скифо-сибирском зверином стиле, а распространяется уже в гунно-сарматскую эпоху [2].

В тюркских древностях изображения дракона встречаются VII–VIII вв. Гереальдическая трактовка образа дракона имеется на стелах Бильге-хана и Кюль-Тегина. Примечательными являются костяные пластины из Шилловских курганов в Ульяновской области. На одной из них изображены два нападающих друг друга крылатых дракона с парой когтистых ног и со змеиным туловом, которое заканчивается четырьмя конечным хвостом, покрытым короткой шерстью. В болгарском искусстве XI–XII вв. Среднем Поволжье и Прикарье находки с изображением драконов практически отсутствуют, несмотря на то, что образ змеи в финно-пермском мире встречается довольно часто.

Образ дракона получает широкое распространение в регионе во время Золотой Орды. Ввиду того, что драконья символика встречается на предметах материальной культуры золотоордынского общества, М. Г. Крамаровский выдвигает предположение о том, что это является личной эмблемой хана и его приближенных. Дракон, олицетворявший верховную власть хана, являлся общеимперским символом, носителями которой были и воинская элита, и кочевая аристократия, которая образовывала военный аппарат [5].

В китайских источниках образа дракона выступает в качестве статусного символа. Например, в «Юань ши» присутствуют определенные противоречия: с одной стороны, гереальдическая эмблематика в монгольском Китае была строго регламентирована: определенным рангам военнослужащих предписывалось ношение поясов и одежд с изображением драконов. При этом существенную роль играли: видовой вариант дракона, его поза, цвет, размер и местоположение на одежде. С другой стороны, периодически издавались законы, запрещающие использование тех или иных символов (в т. ч. драконов) каким-либо сословным группам, что, вероятно, свидетельствует о пренебрежении ими существовавшим регламентом [1].

Ввиду тесных связей монгольского Китая и Улуса Джучи образ дракона также проникает в культурную среду последнего, но у нас нет никаких сведений о запрете на ноше-

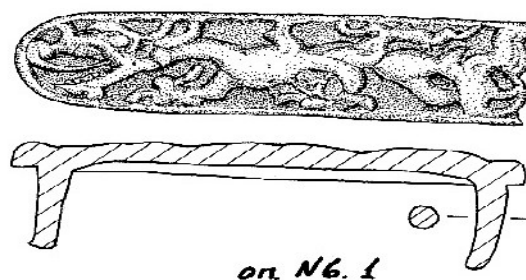

Рис. 1. Медная накладка на ремень, найденная на Самосдельском городище

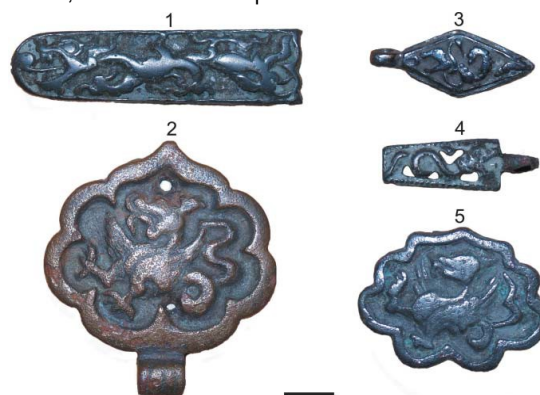

Рис. 2. Бронзовые поясные гарнитур с изображением драконов, найденные в Поволжье, кон. XIII – нач. XIV в.: 1, 3–5 – Саратовская область; 2 – Волгоградская область. Масштаб – 1 см

ние изображений драконов некоторыми слоями общества. Поэтому связывать изображения драконов лишь с элитарными слоями золотоордынского общества, вероятней всего, было бы не совсем верно. «Общеимперский символ Власти» не могли носить низшие социальные группы. Но, несмотря на это, образы данных фантастических существ часто встречаются на бытовых предметах, к примеру, посуде, тканях, бронзовых поясных гарнитурах и зеркалах, датированных концом XIII–XIV вв. [5, с. 253–255]. Вероятней всего, широкое тиражирование изделий с изображением драконов говорит о том, что не только высшая элита могла использовать символику этого образа, но и определенные привилегированные сословия. Несмотря на наличие изображения дракона на накладках, недорогой материал, из которого они сделаны, может указывать на не слишком высокий ранг их обладателя. Так же, как и многочисленные бронзовые и медные поясные гарнитуры с изображениями трех- и четырехпалых драконов, часто встречаемые в Поволжье, в основном на мордовских и русских поселениях конца XIII – начала XIV в. (рис. 2).

Рассматривая такую категорию артефактов, как пояс с накладками, можно выделять два вида поясов этого типа. Первый вид – это воинские и «парадные» охотничьи монгольские пояса, с накладками из драгоценных металлов, пряжками и наконечниками. Для таких поясов являются характерными золотые накладки с драконами. М. Г. Крамаровский, изучая подобные образы, рассматривает три варианта изображения дракона: драконы небесные; драконы с рыбьими хвостами и двумя рогами; змееобразные существа, характерные для мелких поделок.

Второй вид характеризуется поясом с накладными бронзовыми украшениями и деталями, где также используются накладки с драконом. Они достаточно часто встречаются встречены на памятниках Среднего Поволжья и верхнего Прикамья. Таким образом, можно говорить, что пояса с изображением драконов были частью формирующегося комплекса ордынской периферийной моды у социальных верхов общества. В большей степени это относится к знаковым деталям костюма – наборным поясам [4].

На наш взгляд, предметы с имперской символикой широко использовались привилегированными слоями общества, включенными в военно-административный аппарат Золотой Орды, но при этом не относились к высшей элите. Представляется, что идентификация артефактов с атрибутикой различных социальных страт требует учитывать не только морфологию предметов, но и стоимость материалов, из которых они были изготовлены. Косвенно это подтверждается юаньскими письменными источниками.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод, что накладка, найденная на Самосдельском городище, является статусной вещью, и вероятней всего принадлежал представителю привилегированного слоя ордынского общества, но материал, из которого изготовлена накладка, указывает на не слишком высокий ранг их обладателя.

Список источников и литературы

1. Ежов В. В. Мифы древнего Китая. М.: Астрель: АСТ, 2004.
2. Кореняко В. А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль // Культура народов Востока. Материалы и исследования. М.: Восточная литература РАН, 2002. 327 с.
3. Крамаровский М. Г. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб, 2001.
4. Крамаровский М. Г. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII вв. (источниковедческие аспекты). Казань, 2001. С. 43–82.
5. Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов и литейщиков. Казань, 1996. С. 253–255.
6. Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987. С. 139.
7. Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / отв. ред. Д. В. Васильев. Астрахань: Астраханская цифровая типография, 2011. 167 с.
8. Юрченко А. Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб: ЕВРАЗИЯ, 2012. 432 с.

УСТАВ СНГ КАК ГЛАВНАЯ ПРАВОВАЯ БАЗА ДЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОДРУЖЕСТВА

Бабушкина Ирина Сергеевна,

студентка исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань,

Чурсова Анастасия Владимировна,

студентка исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Развал Советского Союза стал шоком для многих миллионов людей. Осмысление того, почему это произошло, продолжается до сих пор. Одни утверждают, что СССР развалился сам, по внутренним причинам, из-за ошибок / предательства советского руководства и / или фундаментальных недостатков советского строя, заложенных ещё в годы революции и при создании СССР. Другие указывают на подрывную деятельность Запада, который в течение многих десятков лет вёл геополитическую холодную войну против СССР, одним из аспектов которой являлась информационная война. Таким образом, данные процессы приводили к прекращению существования СССР, и союзные республики начали выходить из состава советского государства. Первыми из состава СССР выходят: Литва, Эстония и Латвия. За ними следуют Грузия, Азербайджан, Молдавия и Украина.

Именно с подписания Минского соглашения, завершившее и узаконившее процесс разрушения СССР, произошло образование Содружества Независимых Государств (СНГ) и началась его деятельность. Президент РСФСР Борис Ельцин, президент Украины Леонид Кравчук и председатель Верховного совета Республики Беларусь Станислав Шушкевич подписали Соглашение о распаде СССР и о создании СНГ. Стороны обязались «развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество своих народов и государств в области политики, экономики, культуры, образования, здравоохранения, охраны окружающей среды, науки, торговли, в гуманитарной и иных областях, содействовать широкому информационному обмену» [2].

Соглашение было объявлено открытым для присоединения к нему всех республик бывшего СССР и иных государств, разделяющих цели и принципы этого документа. И вот 13 декабря 1991 г. в г. Ашхабаде (Туркмения) состоялась встреча президентов пяти центральноазиатских государств, входивших в состав СССР: Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Ее итогом стало заявление, в котором страны выразили согласие войти в организацию СНГ при условии обеспечения равноправного участия субъектов бывшего Союза и признания всех государств-участников в качестве учредителей. Впоследствии Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев предложил собраться в Алма-Ате для обсуждения вопросов и принятия совместных решений. Во встрече приняли участие главы 11 бывших союзных республик: Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины.

21 декабря 1991 г. была подписана Алма-Атинская декларация, в которой излагались цели и принципы СНГ. В ней закреплялось положение о том, что взаимодействие участников организации «будет осуществляться на принципе равноправия через координирующие институты, формируемые на паритетной основе и действующие в порядке, определяемом соглашениями между участниками Содружества, которое не является ни государством, ни надгосударственным образованием» [1]. Алма-Атинская декларация, подтвердила приверженность бывших союзных республик к сотрудничеству в различных областях внешней и внутренней политики, провозгласившую гарантии выполнения международных обязательств бывшего Союза ССР. Позднее, в декабре 1993 г., к Содружеству присоединилась Грузия.

22 января 1993 г. в Минске на саммите СНГ был принят Устав Содружества. Его не подписали Украина и Туркменистан, которые, тем самым, по праву не являются государствами-членами СНГ, а могут быть отнесены только к государствам-учредителям и государствам-участникам Содружества.

Согласно Уставу СНГ – это форма сотрудничества равноправных независимых государств, признанная международным сообществом региональная межгосударственная организация. Ее отличительными особенностями являются организация взаимодействия практически во всех сферах межгосударственного общения, гибкость механизмов и форматов коллективного сотрудничества. Гибкий механизм организации межгосударственных и межправительственных связей позволяет учитывать разную степень готовности стран к интеграции и предоставляет возможность каждой из них участвовать в интеграционных процессах в той мере и на тех направлениях, которые отвечают их национальным интересам.

В соответствии с Уставом СНГ целями Содружества являются [3]:

1. Осуществление сотрудничества в политической, экономической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях.
2. Всестороннее и сбалансированное экономическое и социальное развитие государств-членов в рамках общего экономического пространства, межгосударственная кооперация и интеграция.
3. Обеспечение прав и основных свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, и документами ОБСЕ.
4. Сотрудничество между государствами-членами в обеспечении международного мира и безопасности, осуществление эффективных мер по сокращению вооружений и военных расходов, ликвидации ядерного и других видов оружия массового уничтожения, достижению всеобщего и полного разоружения.
5. Содействие гражданам государств-членов в свободном общении, контактах и передвижении в Содружестве.

6. Взаимная правовая помощь и сотрудничество в других сферах правовых отношений.

7. Мирное разрешение споров и конфликтов между государствами Содружества.

Международно-правовой статус СНГ прямо не оговорен ни в Минском Соглашении 1991 г., ни в Алмаатинских документах, ни в Уставе СНГ 1993 г. Вместе с тем, во всяком случае, исходя из Устава, принятого странами СНГ (без Туркмении и Украины), а также из практики деятельности СНГ, можно констатировать:

- СНГ имеет учредительную правовую базу в виде Минского соглашения; Алма-Атинских деклараций и Протокола 1991 г.; а также Устава 1993 г.;

- имеется довольно развитая организационно-институциональная база. Высшими органами СНГ являются Совет глав государств и Совет глав правительств, хотя и с нечетко прописанными разделением полномочий между ними и правовой силой принимаемых решений. Имеется также ряд других исполнительных, отраслевых органов на высоком уровне. Секретариат и координирующие органы СНГ имеют официальное местопребывание в г. Минске;

- принимаемые органами СНГ решения носят на практике не только рекомендательный, но и обязывающий характер. Например, Решение глав государств-участников СНГ (кроме Украины) от 24 декабря 1993 г. о временном применении Договора о создании Экономического союза;

- в праве проведения миротворческих операций, – СНГ предоставлен был в ООН статус международной региональной организации. Это означает признание хоть и ограниченной международной правосубъектности [3].

Можно считать, что для государств-членов СНГ Содружество является *de facto* межгосударственной организацией с узкоограниченной международной функциональной правосубъектностью.

Что касается Украины, в украинской доктрине можно встретить оценку статуса СНГ как особого вида международного учреждения – параорганизации. И эта оценка основательна, если исходить из той правовой базы, которую Украина признавала для себя в СНГ.

Другой вопрос – о статусе участия Украины в СНГ и в других институциях СНГ – весьма деликатен. Этот статус не мог определяться без самой суверенной Украины. Можно было лишь наблюдать сугубо в доктринальном плане формально-юридическую неопределенность этого статуса. Например, Украина не участвовала в Экономическом союзе стран СНГ, но участвовала в важнейшем постоянно действующем Межгосударственном экономическом комитете – координирующем и исполнительном органе Экономического союза. Причем этот Комитет согласно Положению о нем 1994 г. руководствовался, в частности, Уставом СНГ (принятом без участия Украины и Туркмении) и Договором о создании Экономического союза (без участия Украины). Но главное, текст учредительного основополагающего Минского Соглашения, действовавшего для всех стран СНГ, кроме Украины, и текст, действовавший для Украины, по сути – два разных документа.

Что касается Молдовы, согласно Уставу СНГ: «В соответствии со статьей 43 Устава Содружества Независимых Государств Республика Молдова, как член Содружества, воздерживается от участия в вопросах коллективной безопасности и военно-политическом сотрудничестве (абзац 9 статьи 4 и статьи 11, 12, 13, 14, 15, 30 и 31 Устава СНГ)» [3].

26 августа 2005 г. на саммите в Казани главы государств СНГ поддержали просьбу президента Туркмении признать за Туркменистаном особый статус ассоциированного члена при содружестве. Этот статус предоставляется государству, желающему участвовать лишь в отдельных видах.

Формально, юридически существуют «три СНГ»: одно «Содружество» – для десяти стран (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан и Узбекистан), правовой базой которого служит Минское соглашение (а также Алма-Атинская декларация и протокол), плюс устав СНГ. Второе «Содружество» – для Туркмении и названных выше стран с правовой базой только в Минском соглашении (с декларацией и протоколом), и третье «СНГ» – для Украины и других одиннадцати стран с правовой базой, включающей шесть (из четырнадцати) статей Минского соглашения (12 украинских оговорок к этому соглашению, очевидно, другие одиннадцать стран не обязывают, поскольку они их не приняли).

Можно сделать следующий вывод, что за время существования Содружества Независимых Государств в его рамках принято много важных решений, подписано более 200 договоров, конвенций и соглашений. Однако деятельность организации недостаточно эффективна.

Отсутствие соответствующей экономической базы в странах СНГ, по-видимому, и объясняет неудачу многочисленных, часто бюрократического свойства попыток образования как в целом в СНГ, так и на субрегиональном уровне каких-либо экономически оправдывающих себя и взаимовыгодных зон свободной торговли, таможенных и экономических союзов, единых экономических пространств и т. п. Все, к сожалению, остается на бумаге и не идет дальше кабинетов разнообразных бюрократических инстанций.

Список источников и литературы

1. Алма-Атинская Декларация (21 декабря 1991 года). URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=4>.
2. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (8 декабря 1991 года). URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=1>.
3. Устав Содружества Независимых Государств (22 января 1993 года). URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=187>.

РУССКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОНЦА XIX в. В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ

Бекушева Альбина Вячеславовна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

На современном этапе развития международных отношений, когда мир стоит на пороге третьей мировой войны, актуальность изучения прошлого страны приобретает особый смысл. Обращаясь к истокам сегодняшних событий, а именно к конфликтам, зародившихся еще в конце XIX – начала XX в., особое внимание исследователей привлекают мнения современников: редакторов газет и журналов, литераторов, представителей высших эшелонов власти. Они не только выражали собственные взгляды на страницах периодических изданий и сочинений, но и влияли на внешнеполитический курс мировых держав. Изучая события конца XIX в., особого внимания удостоиваются взаимоотношения России и Германии, которые во всей красе демонстрировали сложность и противоречивость. Цель статьи – изучить отношение российских современников к событиям конца XIX в. на фоне ухудшения русско-германских отношений.

Итогом германской политики, направленной против русских финансов и повышения хлебных пошлин с одной стороны и передислокации армии русскими с другой, явилось беспрецедентное доселе ухудшение русско-германских отношений, что нашло свое отражение на страницах периодической печати.

Особенно ожесточенные нападки на Германию позволял себе издатель «Московского» сборника», экономист Сергей Шарапов. Его поворот в отношении к Германии произошел в 1887 г., когда руководство рейха провело кампанию против русских ценных бумаг, в то же время французы вдруг стали надежным союзниками. Теперь утверждалось, что для России Франция никакой угрозы, не представляет. Другое дело – Германия: «Позднее дитя латиногерманского мира, не имеющее никаких идеалов, кроме заимствованных у еврейства, не монет не ненавидеть новую культуру, новый свет мира» [10, с. 363].

В ноябре 1887 г. русское руководство в лице Александра III предприняло попытку нормализации отношений с Германией. Российский император, возвращаясь из Дании, где он гостил у родственников жены, неожиданно решил остановиться в Берлине. Во время нахождения Александра Александровича в столице рейха, произошло его свидание с германским канцлером, в ходе которого обе стороны перемежали угрозы с уверениями во взаимной дружбе.

В ходе беседы Бисмарк подверг жесткой критике позицию русской печати, при этом заявляя, что от позиции русского правительства зависит поддержка его планов на Балканах Германией, а Александр III со своей стороны обещал, что Россия не рассчитывает заключать союз с Францией.

Значительная часть правительственной элиты разделяла мнение российского императора. Даже в эпоху, когда соглашение между Россией и Францией стало реальностью, директор министерской канцелярии князь В. С. Оболенский в одной из своих бесед уподобил дружбу с Францией воздействию мышьяка – он полезен в малых дозах, но при преувеличении становится ядом [9, с. 280].

С другой стороны, тот же Александр III во время аудиенции, данной новому послу Французской республики, со свойственной ему прямотой заявил: «Мы нуждаемся в вас, а вы нуждаетесь в нас. Я надеюсь, что Франция это поймет». Слова российского императора не должны заслонять главного – в 1887 г. ни Россия, ни Германия еще не были готовы к разрыву, поскольку, как отмечало «Дело», обе монархии продолжали рассматривать друг друга, как качество «главных столпов европейского консерватизма» [5, с. 28].

Даже граф Мольте, бывший сторонником войны с Россией, в речи перед рейхстагом сказал, что сильные правительства являются залогом мира, но народные страсти, честолюбие вождей, партий, общественное мнение, введенное в заблуждение печатным словом – все эти элементы могут быть сильнее, нежели воля правительств.

Действительно, особое рвение в деле русско-французского сближения и нагнетания антигерманских настроений в российском обществе проявили представители печати. Еще в феврале 1886 г., т. е. до подписания договора «о перестраховке», в газете «Гражданин» отмечалось, что в общественном настроении произошли серьезные изменения, выражающиеся в росте симпатий к Франции, а также «мечтаний о сближении с ней» [4, с. 56], а в «Биржевых ведомостях» предлагался «политический флирт» с Францией в качестве средства улучшения отношения к России [1, с. 87].

Курс на сближение с Французской республикой, за который выступало журналистское сообщество, не означал, что общественное мнение было всецело настроено против Германии. Например, на страницах «Вестника Европы» было сделано утверждение, что дружба между Россией и Германией является необходимостью для обеих империй и, кроме того, краеугольным камнем европейской стабильности [3, с. 829].

С осени 1887 г. наблюдается новая волна антигерманской пропаганды в российской печати. На раздувание подобных настроений не повлияла даже смерть главного идеолога русско-французского сближения – М. Н. Каткова. Как и ранее, первый камень бросила редакция «Московских ведомостей», утверждавшая в одной из своих июльских передовиц, что Берлин занял по отношению к России роль кредитора лишь благодаря тому, что царское правительство в свое время закрывало глаза на объединение германских земель Пруссией, а теперь Германская империя ссужает России «те самые миллиарды, которые мы по непростительной политической ошибке дозволили ей наградить во Франции». Не отставали от издателей «Московских ведомостей» и журналисты «Биржевых ведомостей», заявлявшие, что русско-французский союз сохранит мир в Европе лучше «всяких тройственных союзов» [6, с. 156].

Особенно жестко на фоне прочих изданий звучала позиция «официального» историка С. С. Татищева, который на протяжении 80–90-х гг. XIX в. вел раздел «Политическое обозрение» в «Русском вестнике». Он призывал противодействовать планам Германии, уже «наложившей одну руку на Австро-Венгрию, а другую на Италию». По его мнению, лишь две державы были способны, соединив свои силы, удержать мир в равновесии – это Франция и Россия [8, с. 321].

Однако стоит отметить, что в воздухе периодических изданий чувствовались и нотки совершенно иной позиции в лице журнала «Вестник Европы». Редакторы издания придерживались точки зрения, по которой Россия не нуждалась в каких-либо союзниках. Они провозглашали новый внешнеполитический курс, который, по их мнению, должен был заключаться в том, чтобы «не рассчитывать на союзников, не входить в секретные сделки, не заменять одних друзей другими, а только относиться с большим пониманием к собственным интересам и нуждам, твердо оставаться в пределах своих законных прав и не увлекаться фантастическими комбинациями, к которым так легко склоняются наши мнимые патриоты».

По сути, авторы данной внешнеполитической концепции утверждали, что России для достижения своих национальных интересов не нужен Тройственный союз, так как она не стремится к территориальным приобретениям, ее безопасности никто не угрожает, а значит ей незачем вмешиваться в дела беспокойной Европы [2, с. 856]. Напротив, национал-либералы из «Русской мысли» критиковали за призывы к «пассивной» внешней политике и утверждали, что только максимально тесное сближение с Францией может спасти Отечество от Германии, «громыхающей саблей» [7, с. 183].

Все вышеизложенное лишь подтверждает разрозненность во мнениях представителей власти и редакторов периодических изданий. Это во многом и усложнило выбор дальнейшего внешнеполитического курса. С одной стороны, назревшие противоречия между Россией и Германией обусловили поиск нового союзника в лице Франции, а с другой привели к появлению идей о самостоятельном развитии страны, без иностранного вмешательства и замене «одних друзей на других».

Список источников и литературы

1. Биржевые ведомости. 1886. 16 июля.
2. Вестник Европы. 1887. 5 января.
3. Вестник Европы. 1888. 19 сентября.
4. Гражданин. 1886. 15 февраля.
5. Дело. 1887. 2 марта.
6. Московские ведомости. 1887. 30 июля.
7. Русская мысль. 1889. 6 октября.
8. Русский Вестник. 1889. 3 марта.
9. Рыбаченок И. С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец, 1891–1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 280 с.
10. Янов А. Л. Россия против России. Новосибирск: Сибирский хронограф. 1999. 363 с.

ИРАН В ПРОТИВОСТОЯНИИ РОССИЙСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИЙ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Бирюков Вячеслав Анатольевич,

студент исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань,

научный руководитель: Кулаков Владимир Олегович,

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой зарубежной истории и регионоведения,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Туркманчайский мирный договор подвел итоги русско-персидской войны 1826–1828 гг. и фактически поставил Персию в полуколониальную зависимость от Российской империи. По нему России отходили Восточная Армения, Нахичеванское и Эриванское ханства, дополнительно Персия обязалась выплатить крупную контрибуцию (20 млн руб. серебром) и предоставляла русским торговцам наиболее выгодные условия в осуществлении своей деятельности на территории страны, по сравнению с иностранными компаниями. Отдельно договор подчеркивал исключительные права русского флота, как торгового, так и военного в акватории Каспийского моря. Все подданные России, находящиеся на территории Персии, отныне находились под юрисдикцией отечественных дипломатических представителей, а любые судебные вопросы между иранцами и русскими решались в присутствии представителей русского консульства. Планы английских резидентов по перенесению крупномасштабной войны на территорию Российского Кавказа были пресечены, антирусского военно-политического плацдарма из Ирана создать не удалось [5].

Подобное продвижение России в Азии изрядно беспокоило Европу, а в особенности Британскую империю, в чью сферу влияния входил Афганистан. Подстрекаемое англичанами правительство Фетх Али-шаха воспользовалось начавшейся русско-турецкой войной и перестало соблюдать в должной мере Туркманчайский договор, что вызвало протесты со стороны посла России в Персии Грибоедова. Обстановка была накалена до предела, и в результате, 30 января 1829 г. многочисленная толпа фанатиков ворвалась в российское посольство в Тегеране, перебила практически всех сотрудников, находившихся на его территории, в том числе самого Грибоедова, и разгромила здание. Разразился дипломатический скандал, который мог в итоге перерасти в еще одну войну, но в итоге Николай I

удовлетворился извинениями и богатыми дарами, преподнесенными шахом. Отношения России и Персии вновь вернулись к соблюдению формата Туркманчайского договора.

Очередным «камнем преткновения» между двумя империями стал Герат – город на северо-западе Афганистана. В древности – важный центр караванной торговли на Великом шелковом пути. Герат издавна входил в состав Ирана, являясь стратегически важной крепостью, прикрывавшей северо-восточные рубежи страны. В дальнейшем, Герат был потерян Ираном и вошел в состав Дуранийской империи пуштунов, которая распалась. И в итоге Герат стал независимым и постоянно находился под вниманием иранских шахов, желающих его вернуть. И такая попытка произошла в конце 1837 г., когда шах Мохаммед, воспользовавшись поддержкой России, подвел 30-тысячную армию и начал осаду крепости. В то же время, Англия, всеми силами желающая защитить свое влияние в Афганистане поддержала Гератское ханство. Возник конфликт между двумя великими державами, который усугублялся еще и тем, что осадой крепости руководил посол России в Персии Симонич, и офицеры Перовский и Бларамберг, а обороной командовал английский офицер Поттингер. Первоначально предполагавшаяся на несколько месяцев, осада затянулась. В апреле 1838 г. английский посланник Макнейлом предъявил Персии ультиматум о прекращении боевых действий, в результате чего дипломатические отношения между двумя странами были разорваны. В то же время в июне в Персидский залив вошла военно-морская эскадра англичан, которая высадила десант на остров Харк. Испугавшись полномасштабной войны, иранское правительство пошло на уступки и сняло осаду. Также под давлением англичан был отозван посол Симонич [2; 4].

После вывода иранских войск с территории Гератского княжества в 1841 г., Англия восстановила дипломатические отношения с Персией, навязав иранскому правительству неравноправный торговый договор фактически аналогичный Туркманчайскому (5-процентные ввозные пошлины, освобождение от уплаты внутренних таможенных пошлин, консульская юрисдикция и т. д.).

Договор открыл безграничный доступ для английского капитала на рынки Ирана. В отличие от неразвитой крепостнической России, промышленно продвинутая Британия в гораздо большей степени могла реализовывать свои экономические интересы, что привело к реальному порабощению Ирана. При этом, проникновение западных стран в Персию продолжалось: в 1845 г. Франция получила аналогичные английским торговые привилегии. Проникновение в феодальный Иран, находящийся с конца XVIII в. в экономическом и политическом кризисе западного капитала еще больше обнажило все противоречия и кризисы в этой стране. Местное ремесло и производство не выдерживало конкуренции с товарами английских фабрикантов. Если в Европе ссуды давались под 3–6 % годовых, то в Иране – под 30–100 %. Многие крестьяне уходили на заработки в города и пополняли ряды городской бедноты. Доходило до того, что появлялись иностранные фирмы, находившиеся в более привилегированном положении, нежели иранские.

Резкое ухудшение и без того нестабильной экономической обстановки в стране вызвало недовольство со стороны народных масс, которое направило в нужное русло религиозная секта бабидов, выступавшая за освобождение от законов опирающихся на Коран и шариат. Бабиды выступали за всеобщее равенство и справедливость в новом священном царстве, а так же за изгнание и конфискацию собственности всех иностранцев, отказавшихся принять новую веру. Восстание, вспыхнувшее в 1850 г., было жестоко подавлено, но не прошло бесследно, и правительством Персии были сделаны определенные выводы. Новый великий визирь Амир Низам, расправившийся с составившими начал проведение реформ с целью укрепления центрального правительства и создания боеспособной армии, которая могла бы защитить Иран от посягательств иностранных держав. Однако новый визирь обрел слишком много врагов среди феодальной знати и в итоге осенью 1851 г. был смещен, сослан, а затем и казнен. От реформ решили отказаться, лишь преобразования в области просвещения сохранили свои результаты: молодые иранцы ездили учиться на стажировку в другие страны, и особенно в Россию.

Проникновение Российской и Британской империй в Иран, так же как и взаимное соперничество, после подавления восстания бабидов только усилилось. 26 октября 1856 г., Персия, решив, что Британия слишком занята Крымской войной, предприняла очередную попытку вернуть Герат, на этот раз удачную. Однако надеждам иранского правительства было не суждено сбыться, и 1 ноября была объявлена война. 4 декабря дивизия британских солдат высадилась на юге Персии, и к февралю британцами уже был занят ряд прибрежных городов, создавая условия для продвижения вглубь страны на север. В конечном итоге, 4 апреля в Париже был подписан мирный договор, по которому Афганистану возвращался Герат, Иран окончательно отказывался от каких-либо претензий на него и заключал новое торговое соглашение с Англией.

Поражением Ирана воспользовались США, которые навязали этой стране неравноправный договор, дававший американцам те же привилегии, которыми обладали англичане и многие другие иностранцы.

Одной из самых первых и распространенных сфер деятельности иностранного капитала на территории Ирана стали телеграфные компании. Благодаря соглашениям, достигнутому в 1862, 1865 и 1872 гг., все телеграфные линии в Иране находились в подчинении у Индо-Европейской компании, при этом из девяти имевшихся основных линий англичане контролировали пять, остальные по две принадлежали иранскому правительству и России. Телеграф, обслуживаемый английскими чиновниками и охраняемый местной стражей, состоящей на жаловании британского правительства, был очевидным инструментом усиления влияния Великобритании в Персии. Персонал этих линий так же пользовался особыми привилегиями экстерриториальности, а территория станций выходила из юрисдикции иранского законодательства. Российские телеграфные линии появились на севере Ирана относительно позже. Дальнейшую колонизацию Ирана иностранными державами осложнял тот факт, что все крупные города страны были отдалены от побережий Каспийского моря и Персидского залива. Это затрудняло не только перевозку товаров, но и потенциальную переброску войск. Необходимо было наладить инфраструктуру.

Рис. Карта раздела Ирана Россией и Великобританией в 1907 г.

В начале 1871 г. коммерческая фирма «Грей, Пол и компания» решила организовать судоходное движение по наиболее полноводной и единственной реке в Иране, на которой это возможно было осуществить – Каруне. Оставалось только уладить вопросы с персидским правительством. К тому времени, Россия уже установила регулярное пароходное сообщение между устьями Волги и персидскими портами, а так же получила долгожданный доступ к порту Энзели, что привело к появлению российской продукции даже на юге Ирана. В 1872 г. английскому финансисту Рейтерсу была предоставлена концессия на строительство трансиранской железной дороги от Каспия до Персидского залива свыше, чем на 70 лет. Такая концессия давала Рейтеру, по сути, неограниченный доступ ко всем ресурсам страны, что крайне резкую реакцию со стороны русского правительства. В ходе визита Насер ад-Дин шаха в Петербург осенью 1873 г. он согласился отменить достигнутые ранее договоренности и даже наоборот передать русскому генералу Фалькенгагену часть этой концессии, чем на этот раз вызвал гнев уже англичан. И пускай концессия русского подданного провалилась, персидский шах желал как-то «загладить вину» перед Британией. По его указу был создан специальный совет, который оценил проблему реки Карун и одобрил идею свободной навигации и судоходства по ней. Однако тут в дело вмешалась русская миссия, и персы потребовали навигационных и портовых сборов, принятых в Европе. Проблема Каруна в итоге затянулась [1, гл. 3].

На фоне всего этого, довольно незаметно для англичан была создана в 1878 г. персидская казачья бригада, ставшая проводником российской внешней политики в Иране. Бригада пополнялась за счет местного населения, а командование осуществляли русские офицеры, получавшие жалование от русского правительства. Возглавлял бригаду сам шах, что ставило ее в элитное и престижное положение. Она выполняла функции личной гвардии, охраны административных объектов и дипломатических миссий.

Шах являлся во многом проводником политики Петербурга, поэтому Россия была заинтересована в укреплении сильной вертикали власти в Иране. В то же время Великобритания поддерживала сепаратистские движения, феодальных правителей на местах и различные религиозные течения, желая внести хаос и раздробленность в управление страной, и, тем самым, подорвать позиции России. Так, британскими агентами снабжались белуджские сардары, которые открыто не подчинялись власти шаха.

К 1880-м гг. Великобритания, под предлогом борьбы с пиратством и защиты своей торговли взяла Персидский залив под свой полный военный контроль.

Вопреки интересам страны, в 1887 г. правительство Персии дало письменное обязательство не строить железных дорог и запретить любое передвижение по воде без согласия российской стороны, а в 1890 г. было подписано

уже официальное соглашение между Россией и Ираном, по которому на территории страны вообще запрещалось строить железные дороги в течение 10 лет. В действительности же, это соглашение заморозило строительство на целых 30 лет [3].

В 1889 г., в качестве компенсации за отмененную концессию, Рейтерсу было предоставлено право открыть Шахиншахский банк, который отныне пользовался монопольным правом эмиссии банкнот в Иране и выполнял функции Государственного банка, определяя курс иностранной валюты и контролируя монетный двор.

Россия в этом плане не отставала от Англии, основав в 1890 г. Учетно-ссудный банк, действовавший на севере страны.

К началу XX в. Иран уже в значительной степени утратил все остатки национальной независимости. В 1901 г. был заключен договор, по которому Великобритания получала концессию на поиск и разработку нефтяных месторождений в Иране [7].

Вместе с засильем иностранцев в стране увеличивалась популярность идей модернизации и европеизации. На фоне разразившейся в России революции 1905–1907 гг. в Иране так же произошел социально-политический взрыв – конституционная революция 1905–1911 гг. Движущей силой этой революции стала как национальная буржуазия, фактически задуманная иностранными монополиями, так и беднейшее крестьянство. Центром революционного движения как раз стали северные провинции Ирана, где было сильно влияние России.

В этих условиях, между Россией и Великобританией произошло сближение перед лицом начинавшей набирать силу Германии и Тройственного союза. В 1907 г. между Англией и Россией было достигнуто соглашение, по которому Персия была поделена на сферы влияния, что завершило формирование блока Антанты. По соглашению, самая большая, северная часть страны до линии Касре-Ширин – Исфахан – Йезд – Зульфагар отходила в сферу влияния России, где Британия обязалась не поддерживать своих подданных в каких-либо концессиях, а территории южнее линии Бендер-Аббас – Керман – Бирджанд – Газик в сферу английского влияния. Центральная часть страны объявлялась нейтральной и была открыта для концессий обеих стран. Вскоре после этого, в 1909 г. в страну были введены с севера российские войска, которые приняли участие в подавление революционного движения. Власть Каджаров была восстановлена.

Таким образом, к началу XX в. Иран в результате продолжавшегося проникновения иностранцев на его территорию и политики Каджаров превратился в полуколониальный конгломерат племен и феодалов, связанных друг с другом подчас только личными отношениями [6].

Список источников и литературы

1. Касем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. 2004.
2. Бугаева А. Г. Борьба за Герат в 1837–1841 гг.
3. Чубарьян А. О. Всемирная история: в 6 т. 2014. Т. 5. Мир в XIX веке. На пути к индустриальной цивилизации.
4. Вышинский А. Я., Лозовский С. А. Дипломатический словарь. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1948.
5. Туркманчайский мирный договор 1828 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое, т. 3.
6. Макутчев А. В. Раздел сфер влияния между Россией и Англией в Персии в 1907 г. как часть дипломатической подготовки к Первой мировой войне.
7. Кулагина. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М. – Л. 1981.

РОЛЬ АРМИИ В АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ В XVIII в.

Воронина Валентина Андреевна,

студентка исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

В начале XVIII в. Англия и Франция являлись великими державами. Оба государства претендовали на морское и колониальное господство, в связи с этим франко-английские противоречия были ключевыми на международной арене. Англия вела планомерную политику расширения торговли и колоний. Все свои усилия она направляла на заграничные предприятия. Франция – величайшая держава континента, которая приобрела в XVII в. огромные территории в Америке и претендовала на Индию. В середине века Франция явно начинала наступать на Англию и грозилась вырвать у нее превосходство на море [3, с. 258].

В этой статье будет делаться акцент на армию как основном факторе противовеса в англо-французском соперничестве. Термин «армия» в данном контексте является собирательным. В качестве анализа будут выступать следующие критерии: тактика ведения боевых действий, дисциплина в полку, оружие, реформы в области военной стратегии и военные деятели.

Вся тяжесть службы французского корпуса в армии была направлена на провинциальное дворянство, а все лучшие должности и быстрая карьера были обеспечены только придворным, которые не знали военного дела и не интересовались им. Это является одной из причин поражений Франции в англо-французских войнах. Французский командующий армией XVIII в. обязательно поддерживал переписку с королевской фавориткой. Генералы продолжали на войне начатую при дворе друг против друга интригу – на верхах войсковой организации не было никакой дисциплины, никакого военного духа. В связи с этим французская армия, прекрасно организованная, многочисленная,

неизмеримо лучше снабженная, с прекрасным национальным укомплектованием, с мягким отношением к солдату – проигрывала одно сражение за другим [5, с. 306].

Дисциплина в полках французов намного отличалась от дисциплины в Англии. Аристократы, молодые люди, приезжавшие командовать полками, плохо знали службу и вели утонченный образ жизни, не имели абсолютно никакого веса в глазах солдат. Авторитет генералов подрывали унижительные поражения, постоянные раздоры и интриги между генералами и, наконец, их многочисленность: во Франции на 150 тыс. солдат приходилось 1044 генерала [5, с. 200]. Вообще, количество офицеров во французской армии было огромно и иногда доходило до 1 офицера на 12 солдат. Плохо оплачиваемые офицерские должности, иногда за счет сокращения штата солдат, создавались под давлением господствующего класса, так как от молодых дворян общество требовало, чтобы они имели право на офицерский мундир. Однако французская армия старого режима, хоть и проигрывала на полях сражений, при этом имела целый ряд огромных преимуществ. Она обладала прекрасной артиллерией, которая была усовершенствована Грибовалем, французским артиллерийским офицером, который разработал многочисленные усовершенствования различных отраслей артиллерийского дела. У французов был самый совершенный и отлично оборудованный тыл. Целая система крепостей прикрывала границы. Военные инженеры и генеральный штаб, где служили на офицерских должностях лица не обязательно дворянского происхождения, были превосходны. Королевские полки вербовались почти исключительно из городской бедноты, так как в деревнях вербовщики никаким успехом не пользовались. Французского солдата не били палками. Он был развит и требователен [5, с. 303].

Военный министр граф Сен-Жермен сделал в 1775–1777 гг. энергичную попытку переделать французскую армию на прусский лад и ввел телесные наказания. Однако, он вызвал против себя бурю негодования со стороны защитников старых французских традиций. Дисциплина французской армии, подвергшаяся тяжелому удару еще при отмене Нантского эдикта, когда солдаты были призваны организовывать религиозные гонения, получила многочисленные трещины и далее, когда в течение XVIII в. правительство, при борьбе с парламентами, часто обращалось к вооруженной силе для воздействия на судебные учреждения.

Колоссальное увеличение численности солдат шло почти исключительно из-за увеличения пехоты. Процент артиллерии и кавалерии в армии резко понизился. В конце Семилетней войны на 1.000 штыков приходилось от шести до семи пушек. Зато артиллерия подверглась коренной реорганизации. Раньше тяжелая материальная часть вывозилась в бой быковыми запряжками, не могла маневрировать и действовала все время с одной позиции, за исключением полковых пушек, которые пехота использовала со времен Густава-Адольфа на руках. Грибоваль облегчил систему (орудие, лафет, передок) 8-фунтового орудия с 90 пудов до 73 пудов, 4-фунтового – с 60 до 46 пудов [2, с. 212]. Были сформированы запряжки – это четверочные из артиллерийских лошадей с солдатами – ездовыми. Батареи получили возможность двигаться полем, а именно вне дорог. Новые батареи маневрировали на коротком расстоянии галопом, с посадкой части прислуги на подручных лошадей орудия. За ним следовал зарядный ящик. Явилась возможность сосредоточивать батареи к пункту, где намечались благоприятные условия для нанесения удара. Артиллерия теперь стала пользоваться внезапностью. Она выскакивала на дистанцию картечного выстрела против неприятельских флангов или свернувшейся в каре, для отражения кавалерийской атаки, пехоты. Это принесло успех в военных действиях. Таким образом, сильно сократилось число орудийных жерл в армии, но при этом улучшилась организация войск [5, с. 213].

На основании вышенаписанного, можно увидеть и сильные, и слабые стороны вооруженных сил во Франции.

Перейдем к анализу ситуации в армии Великобритании. В начале XVIII в. существовали отдельно английская и шотландская армии, но после объединения Англии и Шотландии в 1707 г. появилась единая британская армия. Первым регулярным пехотным полком будущей британской армии стал сформированный в 1633 г. для службы во Франции во время Тридцатилетней войны Королевский пехотный полк (Royal Regiment of Foot). Тактика боя полков оставалась консервативной: линейное построение (линейная пехота) и залп по команде из мушкетов (не считая пикинеров). Пикинёры – вид пехоты в европейских армиях, основным оружием которых была пика. Цвет мундиров солдат был выбран красный. После объединения Англии и Шотландии в 1707 г. число пехотных британских полков увеличилось до 39. Наибольшее количество вновь сформированных полков приходится на 1685 г. К этому времени уже появились такие знаменитые в дальнейшем полки как Колдстримская гвардия и Шотландская гвардия (название после переформирования в 1661 г.). В 1751 г. королевским указом полкам была присвоена нумерация, до этого подразделения носили имена своих полковников [2].

В период Семилетней войны (1753–1756 гг.) число британских пехотных полков резко увеличилось, но в связи с её окончанием половина вновь сформированных полков подверглась расформированию. В 1756 г. в британских колониях в Северной Америке был сформирован 62-ой американский Королевский пехотный полк (с 1757 г. нумерация полка была изменена на 60-ый), набранного из местных колонистов и иностранных офицеров для защиты от французских войск. Основная задача вновь созданного полка заключалась в более эффективном ведении боевых действий в лесистой местности. Отличительной чертой вновь созданного формирования от других пехотных полков было, прежде всего, то, что в нём, помимо линейных батальонов, появились подразделения нового образца – стрелков, чья тактика боя была основанная не на стрельбе из сомкнутого линейного строя по команде, а на рассыпном строе и стрельбе по инициативе самих стрелков. Вооружение стрелков также отличалось от линейных полков: вместо привычного гладкоствольного ружья Браун Бесс были закуплены штуцеры немецкого образца, позволяющие стрелять точнее и дальше.

В 1781 г. кроме номерных обозначений полков были введены дополнительно и региональные названия подразделений в соответствии с тем, из каких мест они происходили (исключением были элитные полки). На 1793 г.

численность регулярных пехотных формирований составляла 81 полк, не считая подразделений инвалидов, милиции и пехотных частей, которые находились в Австралии и Канаде. Обычно пехотный полк состоял из одного батальона, но в виде исключения встречались двух- и трёхбатальонные полки. В 1794 г. вновь произошло резкое увеличение числа полков [1, с. 205].

Английская пехотная часть была способна подпустить атакующую кавалерию, держать заряженные ружья до последнего момента и дать залп, когда неприятель в тридцати ярдах. Почти всегда был полный успех. Британская пехота с таким хладнокровием открывала огонь даже в самом критическом положении, что своими действиями превосходила все другие войска.

Вследствие того, что английская армия в своем мирном составе создавала лишь кадры для военного времени, и вербовка происходила исключительно путем добровольной записи, невозможно было в каждый момент точно определить ее силу. Система добровольной вербовки крайне затрудняла в военное время возможность поддерживать армию на должной высоте. В британской армии существовал один порядок, который достаточно характеризует тот общественный слой, из которого вербуются солдаты. Речь в данном случае идет о телесных наказаниях. Их не знала французская армия. Отважность, дисциплинированность и непобедимость они считали исключительными свойствами тех солдат, у которых на спине были рубцы, по крайней мере, от пятидесяти ударов [4, с. 450–457].

Подводя итог вышесказанному, можно с уверенностью сказать, что армии Англии и Франции по анализу большинства факторов отличались между собой. Самое главное отличие проявлялось в дисциплине, в количестве солдат, в профессионализме военных руководителей, в стратегии ведения боевых действий. У Британии появилось подразделение нового образца – стрелки, вооружение которых отличалось от линейных полков. Англичане начали применять новую тактику ведения боя – рассыпной строй и стрельба по инициативе солдат. По данным причинам, в войнах за испанское и австрийское наследство, в Семилетней войне Англия одерживала победу над Францией.

Список источников и литературы

1. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб: Наука; Ювента, 1997. Т. 4. 370 с.
2. Корниенко А. П. Британская пехота. URL: <https://ru.wikipedia.org> (Дата обращения: 18.04.2019).
3. Потемкин В. П. История дипломатии. М.: Гос. соц.-экономич. изд-во, 1941. 567 с.
4. Маркс К. Г. Британская армия // Маркс К. Г. Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958. Т. 11. С. 378–382.
5. Свечин А. А. Эволюция военного искусства. М.: Академический проект; Жуковский: Кучково поле, 2002. 864 с.
6. Виноградов К. Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л.: Ленинградский ун-т, 1975. 226 с.

СЕНЬОРИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ В НЕМЕЦКИХ ГОРОДАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЧАСТНОГО И ЕПИСКОПСКОГО РЕЖИМОВ

Журавлева Мария Алексеевна,

студентка исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

В модели политической власти сеньориализма крупные землевладельцы предоставляли сельскохозяйственные угодья и защиту своим арендаторам в обмен на налоги и оплату труда. Эта традиция постепенно превратилась во множество форм, известных под общим названием феодализм.

Феодализм – режим, в условиях которого на протяжении средних веков формируется в Европе высшая знать (сеньоры, лорды и др.). Период сеньориального режима в немецких городах отображается с конца XI до середины XIII в.

Все типы феодальных отношений в средние века разделяли две особенности. Во-первых, все политические отношения основывались на личных связях или контрактах между двумя людьми, будь то между королем и дворянином или дворянином и крестьянином. Ко времени Карла Великого формирование отношений между лордами и вассалами между двумя воинами, или дворянами, становилось все более формализованным, обычно включающим обмен военной службой и лояльностью к земле. Землевладение – ключ к личному богатству и власти – было вторым универсальным элементом феодальных отношений. В большинстве случаев короли были крупнейшими землевладельцами, и они обеспечивали поддержку других дворян, давая каждому из них поместье или феодал.

К началу XI в. в большинстве частей Германии уже сформировался такой класс как аристократия. Они обладали высшей юрисдикцией на своих землях и отправляли все виды правосудия. В связи своей уникальности и раздробленности на каждой земле Германии было характерно существование сеньоров – князей, епископов, светских феодалов, монастырей. Но сложные отношения между социальными группами (знати и крестьян), развитие экономического строя города и специфика каждой политической системы требовало законодательного регулирования. И в результате компромиссом становились законодательные, письменные хартии, которые устраивали все слои населения – «компромисс города и сеньора». Но не всегда знать стремилась наградить обычных граждан особыми привилегиями, что и отображалось в строках законодательных документов. Одними из ярких примеров таких городов являются Страсбург и Фрайбург.

Основой изучения политического строя Страсбурга являются Первое и Второе городское право XII–XIII вв., юридическими документами города Фрайбурга являются официальные хартии:

- а) Учредительная привилегия 1120 г., Дополнения, внесенные в текст права между 1120 и 1178 гг. и Дополнения, внесенные после 1178г.;
- б) Подтверждающая привилегия Бертольда IV 1152 г.,
- в) Расширенная хартия Бертольда V 1186 г.

Ключевой особенностью различия сеньориализма этих городов является то, что в Страсбурге процветал епископский режим, по праву 1189 г., все должностные лица подчинены власти епископа в силу его прав земельного собственника. На протяжении нескольких веков епископ возглавлял город и городскую округу, его власть доминировала в городской политической системе, он руководил всеми должностными лицами, в силу его прав земельного собственника, а также владел всеми землями города. Объектом сеньориальной эксплуатации Страсбурга являлось городское ремесло. В хартии определяется дифференциация ремесел: четыре промысла связано с обработкой кожи, оружейный промысел отделился от кузнечного. Крупные ремесла имеют свои организации, что больше приманивало людей из соседних поселений в города, особенно, людей, у которых знания в ремесле уже присутствовали. Такая форма сплоченности была далеко не в каждом городе, поскольку сеньоры опасались усиления позиций обычных граждан. Но, все же, страсбургские ремесленные организации пребывают в зависимости от сеньора, и весьма обременительной: все ремесленники обложены оброком в пользу епископа, обязаны ему пятидневной барщиной, подсудны его суду. Магистры почти всех ремесленных корпораций назначаются бургомистром епископа и, видимо, далеко не всегда из мастеров данного ремесла, – об этом можно судить по кельнским грамотам 1258 и 1264 гг. [7, с. 65; 8, с. 85].

Во Фрайбурге существовал частновладельческий сеньориальный режим. Это хорошо отображается в хартиях герцога Конрада Церингенского, где он подчеркнул в первых же строчках, что сие место принадлежит ему «по праву частной собственности» [1, с. 39]. Позже следующие сеньоры города в поправках показали, что их право на владение этим городом передается через наследство. Больше внимание сеньор обращал на и торговлю и положение купечества, поскольку в те века торговать было прибыльным делом как для королей, знати, сеньоров, герцогов и др., так и для обычных горожан. Также редко сеньоры делали серьезные различия между «купцами» и «горожанином», так как любому горожанину приходилось пользоваться рыночным обменом для приобретения продуктов питания и сырья, но в свою очередь предлагать на рынках свои изделия. Также сеньору Фрайбурга было выгодно мирно сосуществовать с местным и пришлым купечеством. Так, например, в хартии Фрайбурга 1120 г. говорится о том, что купцам было разрешено «начать и использовать» рынок в городе; занимать те территории под застройку, которые им были нужны; все городские купцы были освобождены от торговых пошлин, говорилось в самой ранней хартии 1120 г. Однако редакция 1200 г. недвусмысленно утвердила: «Пусть каждый в этом городе должным образом платит торговый сбор», – кроме министерялов герцога [1, с. 39].

В Первом городском праве Страсбурга говорится о том, что большая часть товаров облагались пошлинами, которые поступали в казну бургомистра и телонеария, которых назначал епископ, но некоторые товары не имели таких ограничений, такие как изделия, сделанные своими руками или товары, которые были ввезены и не были проданы на территории города. В Страсбурге на епископов ложилась обязанность заботиться «о чести купцов».

Таким образом, можно сказать, что немецкие города в Средние века динамично развивались, особенно в области торговли, ремесла. И под это развитие приходилось подстраиваться епископам в Страсбурге и герцогам в Фрайбурге. Они создавали юридические тексты – хартии, в которых формулировались законы, затрагивающие интересы всего населения города.

Список источников и литературы

1. Блохин П. А. Фрайбургское городское право во второй половине XII века // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М., 2010. Вып. 71 (3–4). 240 с.
2. Городское право средневековой Европы / сост. А. Г. Рагунштейн, О. В. Харсеева. Курск: Курский гос. ун-т, 2010. 80 с.
3. Средневековое городское право XII–XIII веков / сост. Т. М. Негуляева, Л. И. Солодкова. Саратов: Саратовский ун-т, 1989¹.
4. Право г. Фрейбурга. Древнейшая часть (1120 г.).
5. Дополнения, внесенные в текст права между 1120–1178 гг.
6. Дополнения, внесенные после 1178 г.
7. Из редакции 1200 г.
8. Древнейшее городское право Страсбурга (1189 г.).
9. Второе городское право (1214 г.).
10. Спор между г. Кельном и архиепископом Конрадом Гохштаденским (28 июня 1258 г.).
11. Спор между архиепископом Энгельбертом II и городом Кельном (1264–1265 г., 8 марта).

¹ Это издание составило основную источниковую базу статьи. Документы из этого издания даются ниже под № 4–11.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ ПЕРВЫХ АХЕМЕНИДАХ

Карабасова Даяна Дастемовна,

студентка исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

История Древней Персии богата многими великими личностями и обширными завоеваниями. Но начало возвышения персов произошло именно под властью империи Ахеменидов.

Во времена, когда кочующие племена персов и мидян отправились в путь на Иранское нагорье, цивилизация Египта и Передней Азии существовала уже довольно долго. Именно тогда стало известно о новой высокоразвитой религии зороастризм, которую привнесли племена персов. Что было необычно, так как они довольно таки сильно отставали от соседей в культурном развитии.

Поначалу племена мидян притесняли персов и играли ведущую роль в этом небольшом объединённом царстве и даже требовали дань со своих соседей. Но всё ещё оставались вассалами Ассирийской державы, пока мидийский царь Киаксар в союзе с Вавилонским государством не уничтожил Ассирийскую державу.

Но всему приходит конец. В каждом государстве всегда были великие и талантливые личности, которые навсегда оставляли след в мировой истории. Так можно обозначить основателя династии Ахеменидов – полководца Кира Великого. Кира не устраивала зависимость персов от мидийцев, и в 553 г. до н. э. он поднял восстание против Мидийского царства. Знать была недовольна жестоким правлением мидийской династии и подговорила Кира выступить против царя Астиага, обещая полную поддержку. В течение трёх лет шла война, в итоге которой царь Астиаг отрёкся от престола. Игравшая до этого второстепенную роль, иранская знать полностью контролирует внешнюю и внутреннюю политику.

С этого момента Персия больше не была зависимым государством и вышла на первый план в мировой истории. Не все были довольны таким раскладом дел. Так, Лидийский царь Крез, который считался одним из самых богатых и могучих царей Востока, в 547 г. до н. э. пошёл войной на персов, напав на Каппадокию, которая была под властью Кира. Геродот писал, что Лидийский царь Крез обращался к оракулу с вопросом: «Стоит ли выступить на Персидское царство?». Оракул ответил, что если Крез нападет на персов, то погубит великое государство. Лидийский царь думал, что оракул говорит о государстве Кира, но он ошибался [1].

Первая битва произошла на реке Галис, на которой не был выявлен окончательный победитель. Решением Креза было отправиться в Сарды, дабы лучше подготовиться к решающим боям, но Кир Великий не собирался давать Крезу эту возможность. И в 547 г. до н. э. привёл своё войско к Сардам. Лидийский царь не ожидал такого поворота событий, ведь он распустил большинство своих наёмников по домам до весны. Но в его войске осталась мощная конница, и, надеясь на неё, он решил отбиваться от Персидского царя. Кровопролитная бойня у стен столицы завершилась проигрышем Креза. Тогда он решил сесть в осаду в акрополе и послать гонцов за подкреплением, но через две недели персы проникли на неохраняемую часть акрополя и разрушили Лидийское государство. Говорят, что Кир пощадил Креза, приговорённого к сожжению заживо, и тем самым прославился на весь лидийский народ. С Лидией был заключён крепкий союз и тем самым Лидия стала верным союзником Персии. После этого поочерёдно были покорены и греческие города в Малой Азии.

В периоде с 546 по 539 г. до н. э. Кир покорил Бактрию, Согдиану, Маргиану, Дрангиану, Хорезм, Арею, Гедросию, Арахосию, Саттагидию и Гандхару. Тем самым, во много раз увеличив границу Персии. Дойдя до рек Инда и Сырдарьи. Взгляд Кира был направлен на Междуречье, ведь в Нововавилонии как раз происходил религиозный разлад. Халдеи и арамеи делили влияние в царстве, поклоняясь разным богам Мардуку и Сину.

Весной 539 г. до н. э. Кир отправился покорять Вавилонию. В Месопотамии еще при царе Навуходоносоре II (605–562 гг. до н. э.) были возведены мощные укрепления. Поперек Двуречья, от Сиппара до Описа была воздвигнута стена периметром 150 км, высотой 10 м и шириной 8 м. Она защищала города: Борсиппа, Вавилон, Кута и Сиппар. Сам Вавилон был опоясан двумя стенами: наружной: в 8,3 км длиной и 7,6–7,8 м высотой и внутренней в 6 км длиной и 11–14 м высотой. Через каждые 20 м на стенах были башни, а перед внешней стеной глубокий ров с водой.

Однако все эти сооружения не помогли Вавилонии. Войска Кира приближались к Опису, когда там вспыхнуло восстание против Набунаида. Он подавил восстание до прихода персов, но это был первый звоночек недовольства народа правлением Набунаида. В августе 539 г. в битве у Осипа, войско вавилонян было разгромлено. Ими командовал сын Набунаида Бел-шар-уцур. Затем персы переправились через Тигр и напали на город Сиппар. Оборонять город стал сам царь Набунаид. Это не помогло вавилонянам победить персов и осенью 539 г. до н. э. Сиппар был захвачен, а затем без попыток отбиться сдался и Вавилон. В том же году Кир отправился в Вавилон, где был тепло встречен местными жителями, которые были наслышаны справедливостью и щедростью Кира. После этого персам покорились Сирия, Финикия, Палестина и Самария.

Знать Персии советовала Киру разделить сложившееся государства на Сатрапии. Кир решил последовать совету своих приближённых. Наместник или сатрап имел всю полноту власти на своей территории и обязался беспрекословно подчиняться приказам царя. Но, как было сказано ранее, всё когда-нибудь заканчивается...

Империя Кира простиралась от Индии до Египта. Но по натуре своей Кир или Куруш был военным. Он не мог сидеть на месте и стремился как можно больше расширить территорию своего государства. Взор его упал на кочевников массагетов и в 530 г. до н. э., живших на востоке Каспия. Поначалу персы давили и побеждали одну битву за другой, но потом что-то пошло не так. Кочевники массагеты отличались тем, что ими правила царица. Существует

версия, что Куруш отправил неохраняемый обоз с вином в путь, сын царицы захватил его. А затем персы без труда расправились с пьяными кочевниками и убили сына царицы. Но в одной из битв войско Кира потерпело поражение и царь был схвачен в плен. Разгневанная царица Томирис отрезала голову Кира и поместила её в бурдюк с вином.

За 29 лет правления Кир II Великий создал себе славу мудрого, доблестного, гуманного правителя и освободителя. Многие города и государства добровольно примкнули к его империи. Могущество Кира II обеспечивалось во многом милостивым обращением с покоренными народами. Будучи талантливым военачальником, он заботился о том, чтобы жители приобретаемых в ходе сражений земель были довольны его правлением и не поднимали мятежей. Похоронили Кира Великого в Пасагардах, где установлен его памятник, на котором написано «Я – Кир, царь, Ахеменид». Этот памятник стоит и по сей день [2, с. 2].

Изучая жизнь основателя династии, можно с уверенностью согласиться, что это Великая личность. Мудрые, справедливые и великодушные цари не часто встречались в истории мира. Но именно Кира Великого можно назвать настоящим Правителем с большой буквы!

Также нельзя не затронуть ещё одного великого правителя Персии, без которого не произошёл расцвет династии Ахеменидов. Как, наверное, многим стало понятно, речь пойдёт о Дарии Первом. Дарий происходил из младшей ветви династии, он имел права на трон, но сел на него только с помощью. Тогда в Персии творился хаос и беспорядок. После смерти Кира Великого многое изменилось. Камбиз, старший сын Кира великого умер, и после его смерти на трон зашёл мидийский маг Гаумат.

Молва о Гаумате шла плохая, и многие его побаивались. Он выдавал себя за младшего сына Кира Великого Бардия. Народ верил в это больше из страха. И тогда семь знатных персов, среди которых был сам Дарий, решили восстановить справедливость и подняли восстание против мага. И дабы не спорить о том, кто будет править Персией, они решили, что чей конь заржёт первым, когда они выедут из ворот дворца, и станет новым правителем.

Они жестоко расправились с Гауматом. Смертельный удар нанёс Дарий, и чтобы стать новым царём, он решил схитрить. Он договорился со своим конюхом, чтобы тот спрятал за воротами дворца кобылу, у которой недавно родился жеребенок от коня Дария. Едва заговорщики выехали за ворота дворца, как конь Дария, почуяв кобылу, рванулся вперед и заржал... Заговорщики единогласно признали Дария царем Персии, но чтобы в дальнейшем никто не мог оспорить его право на царский трон, Дарий женился на дочери Кира Великого Атоссе.

Конечно, Дарию досталось огромное государство, но с огромной кучей проблем. Покоренные народы, после смерти Кира, не желали находиться под властью персов, бунты и мятежи происходили почти в каждом городе. И тогда Дарий принял решение отправиться в Вавилон, чтобы подавить там восстание, чтобы показать другим народам, что бывает с бунтовщиками и утихомирить их. Он сумел покорить Вавилон, а затем отправился в Мидию и навёл там порядок. Далее он напал на Финикию, Египет и на ряд греческих городов. После этого он пошел в Индию. Тем самым он смог восстановить территорию, которая была при Кире Великом.

В 517 г. до н. э. Дарий отправился в Индию. Народ Индии не оказал особого сопротивления и принял власть персов. Персидский царь поделил Индию на сатрапы и оставил своих наместников. Это была самая дальняя восточная провинция персов. Но дальше Индии Дарий идти не решился и вернулся домой. Дарий получил титул «Царь царей» за захват всех соседствующих государств.

Но, как и Каюш, Дарий ненавидел сидеть сложа руки. Его интересовали территории, расположенные вдоль нижнего течения Дуная. В 512 г. до н. э. он переправил на восточный берег реки и оказался во владениях скифов. Но кочующие племена были не так просто, они не собирались сражаться с персами, шансы были не равны. Они угнали весь свой скот, сожгли за собой всё, что могли и засыпали колодцы с водой. Армия Дария начала страдать от голода и жажды, недовольство воинов накапливалось, и преследование скифов не приводило к успеху. И Дарий повёл войско домой.

Дарий понимал, что должен исправить ошибку. И начал готовить войско к новой войне, на этот раз с греками, проживающими на Балканском полуострове. Дарий приказал построить корабли, которые могли бы переправить многотысячное войско. В 490 г. до н. э. персы высадились на побережье у деревушки Марафон. Там их уже поджидало маленькое, хорошо подготовленное войско под командованием Мильтиада. Греки понимали, что на кону их Родина, и отчаянно сражаясь, они чудом смогли победить многотысячную армию персов.

Впервые персидский царь потерпел настолько сокрушительное поражение. В досаде он вернулся на Родину. В голове у Дария была лишь одна мысль – отомстить грекам и смыть позор со своего имени великого полководца. К сожалению, этому не удалось свершиться. Великий персидский царь скончался от неизвестной болезни. С великими почестями его похоронили в скальной гробнице неподалеку от Персеполя [3].

Таким образом, сложились судьбы двух великих царей и полководцев династии Ахеменидов. Именно два этих царя заложили основы и укрепили династию. При них Персия носила статус великой державы и никто не смел что-то этому противопоставить. Кто знает, как сложилась бы судьба этой древней династии, если бы Кир и Дарий не погибли на расцвете своей жизни...

Список источников и литературы

1. Кир Великий. URL: <http://velikiyudi.ru/voenachalniki-polkovodcy/kir-velikij>.
2. Потапов Г. В. Персидская империя. Иран с древнейших времен до наших дней. М., 2013. 450 с.
3. Дарий I – Царь среди царей. 100 великих монархов и правителей. URL: <http://100grm.ru/drevnij-mir/car-sredi-carej/>

ПОЛИТИКА РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ В КИТАЕ: КРАТКИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ

Киценко Юрий Викторович,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет, г. Астрахань»

Растущая с каждым годом роль Китайской Народной Республики на мировой политической арене, привлекает к этой стране огромное внимание исследователей. По большей части исследователи эти являются специалистами в сферах политологии и экономики. Всё чаще стали звучать слова о «Китайском экономическом чуде», сравнивающие экономический рост Китая с Японским экономическим чудом, знаменитым прецедентом роста экономики Японии с середины 1950-х по 1973-й г. Однако если Япония на момент скачка роста была государством с рыночной экономикой, то КНР была и остаётся государством которым управляет коммунистическая партия, и долгое время экономика там как и в прочих социалистических странах была плановой. И даже более того государственное планирование в КНР сохраняется и по сей день пусть и в куда менее директивно-обязательной форме чем в 1950–1970-х гг. Реформа собственности в КНР отличается от процесса приватизации проходившего в прочих странах переходивших от плановой экономики к рыночной. «Держать крупное – отпускать мелкое», таким принципом руководствовалась КПК, реформируя госсектор, на момент 2009 г. доля государства в «естественных монополиях» и финансовом секторе составляла 80 и 100 % в телекоммуникациях и СМИ.

Современная КНР сочетает в себе китайские традиции с марксизмом. Все эти успехи нынешнего Китая, во многом связаны с деятельностью Дэн Сяопина, который, несмотря на то, что никогда не занимал пост руководителя страны, смог внести огромный вклад в её развитие и направить её по курсу, по которому она следует и сегодня. Трижды его снимали со всех постов, а затем восстанавливали. Проводя свои реформы, Дэн Сяопин откасался от противопоставления плановой и рыночной экономики, рассматривая их как средства в руках государства. Основной курс, выработанный им, носил название «четыре модернизации» и включал в себя модернизацию промышленности, сельского хозяйства, обороны и науки. Однако первостепенной задачей для него было создание эффективной структуры управления производством, и реформирования системы взаимоотношений центра и мест, что было жизненно необходимо для успешного проведения любых реформ, учитывая размеры и объём населения Китая. В 1978 г. после третьего пленума ЦК КПК 11-го созыва, Дэн Сяопин окончательно закрепился в статусе главного реформатора китайской экономики фактического руководителя КНР. Китай при Дэн Сяопине сохранил приверженность социалистическому строю, однако, теперь социализм должен был строиться с учётом особенностей национальной специфики Китая.

Учитывая уровень отсталости Китая, количества пахотных земель, и объём природных ресурсов, было принято теоретическое положение о том, что КНР находится лишь в ранней стадии развития социализма, которая продлится до середины XXI в. Для преодоления экономической отсталости страны, китайское правительство начало активно поощрять развитие не социалистических секторов экономики, в том числе и частных. Затрагивая развитие частного сектора в экономике Китая, необходимо коснуться такого понятия, как «специальная экономическая зона» (СЭЗ), небольшая территория, которая отгораживалась от остальной страны, в таких зонах действовала особая законодательная база способствующая привлечению зарубежных инвесторов, льготные для предпринимателей валютный, таможенный и визовый режимы. Изначально правительство Китая рассчитывало, что предприятия из СЭЗ будут выпускать по большей части экспортную продукцию, однако многие из компаний, действующих в СЭЗ, надеялись также и на выпуск своей продукции на внутреннем рынке.

Кроме того была выдвинута идея «одна страна, две системы» – согласно этой идее в рамках одного государство КНР с социалистическим строем. Однако в его рамках могли бы существовать отдельные территории, такие как Гонконг, Макао и Тайвань, которые сохранили бы свои политические системы, юрисдикцию, вооружение, экономическую и финансовую систему, а так же права в международных отношениях [1].

Идея эта была выдвинута в связи с необходимостью интеграции этих зон в систему КНР, учитывая, что за годы их оторванности от неё, в этих странах уже сложились свои собственные политические и экономические устои.

Ещё одной важной чертой политики Дэн Сяопина является тот факт, что, несмотря на то, что Мао Цзэдун дважды смещал его со всех постов и тот факт, что в период культурной революции, сын Дэн Сяопина Дэн Пуфан бы подвергнут пыткам со стороны хунвейбинов, после которых на всю жизнь остался инвалидом, в период своего нахождения у власти Дэн Сяопин не пытался разрушить наследие Мао Цзэдуна. Прекрасно понимая сложившееся в стране отношение к Мао Цзэдуну, и его роль в объединении Китая, Дэн Сяопин предпочёл гибкий подход к решению вопроса наследия Мао, дабы поставить это решение на службу партии и стране. Но добиться этого было не просто, об этом говорит нам объём документа, регламентирующего единую позицию партии по этому вопросу, назывался он «Решения по некоторым вопросам истории КПК», документ насчитывал 84 страницы, напечатанные на английском языке. В нём кратко излагалась история партии до 1949 г. Согласно этому документу следовало отбросить всё плохое из наследия Мао, а хорошее – сохранить. При Мао партия проделала огромный путь. Китай создал атомную и водородную бомбы, вывел на орбиту спутники. Выросло производство угля, хлопчатобумажной пряжи, стали, добыча нефти. Увеличились орошаемые земельные площади и соответственно производство зерновых[1].

Однако признавались и некоторые перегибы, начиная с кампании против «правого уклона», которые сдерживали развитие страны. Часть вины за ошибки Мао Цзэдуна, Дэн Сяопин и его сторонники брали на себя. Выражалось это следующим образом «Хотя главная ответственность лежит на товарище Мао Цзэдуне, всё же нельзя относить все ошибки лично на его счёт. В этот период ошибки Мао Цзэдуна в области теории и практики классовой борь-

бы при социализме становились всё более и более серьёзными, его самовластный стиль работы, постепенно нарушил демократический централизм в партии, культ личности всё возрастал, а Центральный Комитет партии не сумел своевременно исправить эти ошибки. К тому же такие карьеристы, как Линь Бяо, Цзян Цин и Кан Шэн, с тёмным умыслом использовали и культивировали их, что привело к развёртыванию культурной революции» [1, с. 212].

В целом согласно этому документу, культурная революция подавалась как несовместимая с идеями Мао Цзэдуна, от которых её следует отделять. Помимо идей Мао, важную роль в развитии КНР сыграли также идеи И. В. Сталина, в Китае цитируются рекомендации Сталина Мао Цзэду и Чжоу Эньлаю, официальная Китайская пропаганда в анализе российской истории и по сей день придерживается мнения, что правильное развитие в СССР было лишь при Ленине и Сталине, в дальнейшем же страна лишь всё больше и больше отходила от норм социализма, окончательно предав социалистическое движение при Горбачёве [3]. Одно из идеологических обоснований рыночных реформ и по сей день берётся из книги Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в частности приводится в пример этот фрагмент: «Эти товарищи полагают, что передача собственности отдельных лиц и групп в собственность государства является единственной или во всяком случае лучшей формой национализации. Это неверно. На самом деле передача в собственность государства является не единственной и даже не лучшей формой национализации, а первоначальной формой национализации как правильно говорит об этом Энгельс в «Анти-Дюринге»» [5, с. 87].

Какой вывод можно сделать из всего вышесказанного? Своим нынешним экономическим положением современная КНР обязана множеству реформ, которые проводились с учётом географических и социальных особенностей страны, была проведена так же работа с историческим наследием Мао, которое не стали отбрасывать в угоду личным обидам, а использовали как основу для новой системы. Китайские лидеры, проводя свои реформы, учли, в том числе ошибки СССР и прочих стран соцлагеря.

Список источников и литературы

1. Барач Денеш Дэн Сяопин / пер. с венг. В. С. Иванова. М., 1989.
2. Гельбрас В. Г. 30 лет реформ открытости КНР // *Общественные науки и современность*. 2009. № 3. С. 109–117.
3. Галенович Ю. М. Взгляд на Россию из Китая: прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских учёных. М.: Время, 2010.
4. Коуз Р., Нин Ван. Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство, 2016.
5. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Гос. изд-о полит. лит-ры, 1952.

МЕЖДУНАРОДНОЕ МИРОТВОРЧЕСТВО КАК СОВРЕМЕННОЕ СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В ЗОНАХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ (НА ПРИМЕРЕ СНГ)

Кужахметова Асель Чингизовна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань,
Татаренко София Владимировна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Понятие миротворчества рассматривалось философами на протяжении всей истории. Несмотря на это, нет точного определения «миротворчества». Обычно под ним понимается «коллективные действия политического характера, осуществляемые после возникновения конфликта, и направленные на его прекращение».

Миротворчество осуществляется с помощью проведения операций по поддержанию мира – предпринимаемых с согласия конфликтующих сторон действий в поддержку усилий по стабилизации обстановки в районах потенциальных или существующих конфликтов путем их предупреждения, сдерживания и урегулирования. Они могут включать усилия по достижению прекращения кровопролития и разведению антагонистов и содействие осуществлению договоренностей, достигнутых сторонами в конфликте. Такие операции осуществляются главным образом в рамках ООН. Учреждение операций по достижению мира возможно в рамках региональных органов или соглашений (СНГ, ЕС и др.) либо на основе отдельных соглашений.

На фоне интеграционных процессов в Содружестве Независимых Государств одним из основных направлений его деятельности являлось предупреждение, локализация и разрешение конфликтов на территориях государств-участников СНГ. Такие документы как: Устав ООН, Устав Содружества и различные межгосударственные соглашения являются фундаментом нормативно-правовой базой миротворческой деятельности. Миротворческие усилия государств Содружества ясно обозначены уже в Алма-атинской Декларации от 21 декабря 1991 г., Ташкентское соглашение о коллективной безопасности 15 мая 1992 г. [2].

Анализируя Устав СНГ, мы видим, что одним из приоритетных направлений деятельности Содружества, является обеспечение мира и безопасности. Согласно разделу о коллективной безопасности, члены Содружества осуществляют политику в сфере поддержания миропорядка. При появлении конфликтных ситуаций, которые могут возникнуть в результате угроз извне, государства-члены посредством совместных консультаций приходят к общему решению о принятии мер дипломатическим способом с использованием миротворческих операций [4].

Если обратиться к рассмотрению Алматинской декларации, то можно увидеть, что обозначены лишь общие черты миротворческой деятельности: «Отказа от применения силы и угрозы силой, экономических и любых других

методов давления, мирного урегулирования споров, уважения прав и свобод человека, включая права национальных меньшинств, добросовестного выполнения обязательств и других общепризнанных принципов и норм международного права» [1].

В более развернутом виде идеи и принципы миротворчества изложены в Договоре о коллективной безопасности (Ташкентское соглашение от 15 мая 1992 г.). При сравнении данного документа и Устава СНГ можно проследить некоторые схожие концепции по урегулированию конфликтов мирными средствами, а также стремление государств-участников к всеобщему консенсусу. В целях поддержания стабильности создан Совет коллективной безопасности в составе глав государств-участников и главнокомандующего Объединенными вооруженными силами Содружества Независимых Государств. Помимо этого Уставом СНГ определены органы Содружества и их функции.

Совет глав государств (СГГ) является высшим органом Содружества. Он обсуждает и решает принципиальные вопросы, связанные с деятельностью государств в сфере их общих интересов. В вопросах миротворческой деятельности СГГ осуществляет руководство по предотвращению и урегулированию конфликтов. Он принимает решение о проведении ОПМ, утверждает мандат, определяющий полномочия, состав КСПМ, их задачи и сроки проведения операции, назначает Главу миссии по поддержанию мира или специального представителя СНГ по урегулированию конфликта, командующего КСПМ (в отдельных случаях руководителя группы военных наблюдателей), а также информирует Совет Безопасности ООН и Председателя ОБСЕ о принятом решении на операцию. После распада СССР возникали конфликты на национальной почве, некоторые из которых сопровождались вооруженными столкновениями. На территории СНГ для проведения операций по поддержанию мира могут создаваться группы военных наблюдателей и коллективные силы по поддержанию мира в СНГ, называемые также группами по поддержанию мира. В задачи таких групп входит: содействие созданию безопасной обстановки в неспокойных районах путем обеспечения видимого присутствия группы; создание условий для переговоров и других мероприятий по мирному урегулированию конфликта, восстановлению законности и правопорядка, нормального функционирования государственных и общественных учреждений и организаций; участие в выполнении решений и рекомендаций Совета Безопасности ООН, органов ОБСЕ и иных международных организаций по мирному урегулированию конфликта [4].

Рассмотрим миротворческую деятельность СНГ на примере конфликта в Таджикистане. К концу 1992 г. В Республике Таджикистан сложилась кризисная ситуация с дальнейшим ухудшением политической, экономической и социальной обстановки, угрожающая территориальной целостности и суверенитету независимого Таджикистана.

22 января 1993 г. В Минске было принято заявление глав государств в связи с общественно-политической обстановкой в Таджикистане, в котором поддержана просьба правительства этой страны о вводе в республику Коллективных миротворческих сил.

24 сентября 1993 г. Было принято решение о формировании коллективных миротворческих сил и начале их функционирования, а также соглашение о коллективных миротворческих силах и совместных мерах по их материально-техническому обеспечению. Эти документы явились правовой основой для формирования Коллективных миротворческих сил СНГ (КМС) [3].

15 октября 1993 г. КМС были введены в Таджикистан. Их общая численность составила 6906 человек. Коллективные миротворческие силы в республике Таджикистан должны были выполнить следующие задачи: содействовать нормализации обстановки на таджикско-афганской границе в целях стабилизации общей ситуации в республике и созданию условий для прогресса диалога между всеми заинтересованными сторонами о путях политического разрешения конфликта; содействовать доставке, охране и распределению чрезвычайной и иной гуманитарной помощи, созданию условий для безопасного возвращения беженцев в места их постоянного проживания и охране необходимой для вышеуказанных целей инфраструктуры и других жизненно важных объектов; осуществлять в ходе проведения операций взаимодействие с представителями миссий ООН, ОБСЕ и других международных организаций в зоне конфликта.

ОПМ в Таджикистане присущ ряд особенностей: операция проводилась только по просьбе правительства республики; наряду с выполнением специфических миротворческих задач, подразделения КМС использовались для поддержки пограничных частей России в Таджикистане; операция проводилась в условиях отсутствия выраженных противостоящих группировок сторон практически на всей территории республики без определенной зоны разъединения, а таджикская оппозиция выступала как из-за границы Таджикистана, так и находясь внутри него. В настоящее время операция успешно завершена.

После распада СССР уровень понимания международно-правовых проблем, связанных с миротворчеством, во всех странах СНГ был низким. Практические потребности заставили экстренно создавать нормативно-правовую базу миротворчества и практически параллельно развёртывать операции по поддержанию к миру, овладевая теорией и практикой всех аспектов миротворческой деятельности, адаптировать мировой опыт к конкретным условиям, сложившимся в конфликтных регионах. Анализ миротворческой практики показывает, что фактически речь шла о более или менее удачных импровизациях, в ходе которых шло накопление опыта, отбрасывались явно неудачные модели, выявлялись потенциальные возможности нетрадиционных решений. Очень медленно начала складываться система миротворческих операций, ее нормативная база, еще позднее началось систематическое изучение и использование международного опыта.

Задачу создания единого военно-политического пространства пока решить не удалось. Напротив, на протяжении всего десятилетия сохранялась тенденция к дальнейшей фрагментации этого пространства. Вмешательство России в разрешение конфликтов на геополитическом пространстве бывшего Советского Союза в начале 1990-х гг. не было результатом единой скоординированной концепции продвижения и реализации национальных интересов

Российской Федерации. Для принятия решения об участии России в будущих операциях целесообразно учитывать следующие факторы: наличие в регионе реальной угрозы международному миру и безопасности и степень, в которой данный конфликт затрагивает интересы России в результате развязывания конфликта; отвечает ли участие в операции национальным интересам России и участие в конфликте основных организаций и союзов, членом которых является Россия.

Успешная внешняя политика России требует также разумного баланса между её целями и ресурсами для их осуществления. Сосредоточение политико-дипломатических, миротворческих и иных средств на решении внешне-политических задач должно быть соразмерно их реальному значению для национальных интересов России, а уровень её участия в международных процессах и структурах – адекватен реальной отдаче для укрепления позиций страны на международном уровне. Представляется целесообразным иметь «шкалу приоритетов» внешнеполитической и дипломатической активности в области миротворчества, пересматривая ее по мере изменения стратегических задач российской внешней политики, а также в связи с изменениями обстановки в тех или иных регионах мира.

С учётом шкалы приоритетов в рамках СНГ, исходя из концепции разноскоростной и разноуровневой интеграции Содружества, целесообразно определять параметры и характер взаимодействия в области миротворчества – в общем формате СНГ или в более узких объединениях (в первую очередь с ОДКБ). Приоритетное значение, очевидно, будут иметь совместные усилия по урегулированию конфликтов в государствах СНГ, которые пока находятся в латентном состоянии, продвижению сотрудничества в военно-политической области и сфере безопасности, особенно в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом.

Список источников и литературы

1. Алма-Атинская декларация (Алма-Ата, 21 декабря 1991 года). URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=4>.
2. Договор о коллективной безопасности (15 мая 1992 года, г. Ташкент). URL: <https://base.garant.ru/1118890>.
3. Корниленко А. В. Феномен миротворчества в современной системе международной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2014. № 3. С. 128–135. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21989943>.
4. Устав Содружества Независимых Государств (22 января 1993 года). URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=187>.

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ РАЗДРОБЛЕННОСТИ ГЕРМАНИИ В «ЗОЛОТОЙ БУЛЛЕ» КАРЛА IV ЛЮКСЕМБУРГА

Левченко Ксения Игоревна,

студентка исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань,

научный руководитель: Блохин Павел Александрович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и регионоведения,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Период феодальной раздробленности характерен для многих европейских стран в X–XII вв., в том числе и для Германии. Государства в это время представляют собой сумму мелких политических образований, которые либо были полностью самостоятельными, либо находились под властью слабого короля. Главным признаком политической раздробленности является децентрализация власти, при этом на местах региональные правители имеют большой спектр прав и полномочий. В таких случаях, центральная власть является очень слабой, она не в состоянии остановить концентрацию власти на местах и объединить вокруг себя территориальные субъекты, включенные в состав государства. Каждое владение является практически независимым элементом. Они часто ведут междоусобные войны, что не способствует их сплочению. Но затем под действием внутренних или внешних факторов центральная власть укрепляется и начинает объединять разобщенные элементы в единое государство.

В XIII–XV вв. в странах Западной Европы происходит процесс централизации власти [3]. Во Франции, например, развитие торговли, промышленности привело к объединению страны и в результате этого, к политической централизации. Формируется сильная королевская власть, которая, иногда сочетается с наличием сословно-представительных органов, государства в основном принимают форму сословной монархии. В Германии этот процесс привел к группировке интересов по землям. Германия окончательно распалась на княжества, графства и рыцарские владения. Земли Германии в этот период не смогли преодолеть раздробленность и объединиться [5]. Наоборот, в 1356 г. император Священной Римской Империи Карл IV Люксембургский издаёт «Золотую Буллу» – документ, который на долгие годы юридически закрепил в этих территориях раздробленность. Поэтому особенностями данного процесса именно в Германии являются его запоздалость и развитие на фоне строящихся капиталистических отношений.

Анализ текста «Золотой Буллы» позволяет определить, каким образом она закрепляла политическую раздробленность, как она повлияла на объединение Германии в 1871 г. Изучая текст документа, можно понять, какие основы политического устройства он заложил для Германии в период XIV–XIX вв., как повлияла «Золотая Булла» на развитие страны. Также, текст источника позволит выявить причины того, почему на территории Германии достаточно долгое время существовали отдельные территориально-политические образования, имеющие суверенитет,

при этом центральная власть была относительно слаба, не могла объединить вокруг себя страну. Всё это необходимо для лучшего понимания исторических процессов, происходивших на немецких землях и повлиявших не только на Германию, но и на все международные отношения. Исследование будет касаться, во-первых, роли самого императора, его значение для государства, во-вторых, прав курфюрсты на своих землях, в-третьих, специфики отношений между князьями, их взаимодействию друг с другом.

При анализе данного документа [1], прежде всего, необходимо обратить внимание, что император выбирается князьями-избирателями, которые собираются в городе Франкфурте и принимают решение по большому количеству голосов (гл. II, п. 1, 2, 3). Их количество и состав четко определены. Достоинство курфюрстов было признано за тремя духовными землями (Трир, Кёльн, Майнц) и четырьмя светскими (Саксен-Виттенберг, Бранденбург, Богемия, Пфальц). При этом после избрания император первым делом должен одобрить и подтвердить все те привилегии, которыми курфюрсты обладали до дня выборов, тем самым поблагодарив их. В том же пункте говорится, что император обязан оказывать всяческую поддержку князьям, и не создавать для них никаких препятствий (гл. II, п. 3). Всё это показывает то, что император по отношению к князьям находится в зависимом положении, так как обязан им за свое избрание. Подтверждением данного тезиса также может служить тот факт, что курфюрсты могут призывать императора к ответу, т. е. вершить суд над ним (гл. 5, п. 2). К тому же в тот период пока место правителя остается незанятым, князья играют роль временного правителя. Согласно документу, где действует так называемое франкское право, там временным правителем становится пфальцграф рейнский, эрцтрухез Священной империи, а где действует саксонское право, – герцог Саксонский, эрц-маршал Священной империи. В самих формулировках можно заметить, кому в государстве принадлежит реальная власть. Например, в главе III князья-избиратели «как высокие столпы, с ревностным благочестием и предусмотрительной мудростью поддерживают собой священное здание и помощью коих укрепляется десница императорской власти» [1]. Как и в главе VII, где можно встретить фразу «ради благосостояния Священной империи, коей мы благополучно правим» [1], она высказывается от лица князей. Таким образом, князья обладают широкими властными полномочиями, в то время как император занимает слабые позиции и фигурирует больше в виде номинального связующего звена.

Для такого явления, как раздробленность, характерна не только слабая центральная власть, но также и сильная власть на местах. В «Золотой Булле» затрагиваются аспекты, связанные с правами князей в своих курфюршествах. Согласно главе XI, подданные одной земли не могут быть привлечены судом другой земли, кроме как в суд архиепископов майнцкого, трирского и кёльнского, т. е. право суда имеет каждое курфюршество, и его полномочие распространяется только на территории данной земли. Человек не может быть привлечен и вызван по требованию истца вне территории владения, где он живёт. Также князья могут законно обладать и распоряжаться рудниками, найденными или теми, которые будут найдены на территории их владений, т. е. князья имеют исключительное право добычи золота, серебра, олова, меди, железа, свинца и других металлов, а также соли. Данное право прописано в главе IX. Кроме того, курфюрсты могут осуществлять чеканку золотых и серебряных монет во всех землях, находящихся под их подчинением. Эта привилегия принадлежит всем князьям в равной степени и на равных условиях (гл. X). «Золотая Булла» закрепляет целостность и неделимость каждой из земель, с целью укрепить правосудие, создать мир и покой для поданных. Курфюршества не должны раздробляться и разделяться, наоборот, должны сохранить свою целостность (гл. XXV). Всё это свидетельствует о том, что каждый князь был практически независим на своей территории, обладал большой самостоятельностью в той же степени, какой обладали и другие князья на своих землях.

Следует также рассмотреть отношение между самими курфюрстами, чтобы увидеть то, как данный документ закреплял раздробленность в Германии. В главе XII князья обязуются собираться на ежегодные съезды, чтобы коллегиально решать на них важные проблемы, возникшие в Империи, так как их земли находятся далеко, и они не имеют возможность сообщать друг другу и обмениваться между собой мнениями, относительно наиболее тягостных нужд и недостатках, и умело содействовать их исправлению, решению. Но при этом «Золотая булла» запрещала любые союзы и соглашения между курфюрстами, кроме тех, о которых известно, что их заключили ради общего мира и блага земель. В главе XV сказано, что любые союзы отвергаются, осуждаются, не признают и не наделяют их законной силой. Вместе с тем, было узаконено введение междоусобных частных войн, которые в «Золотой булле» названы, как «файды». В главе XVII говорится о том, что князь имеет право на законное объявление частной войны, только если он сделает это публично за три дня. Тот, кто объявит войну не описанным ранее способом, должен без всякого судебного разбирательства лишиться чести. Осуждается также и запрещается незаконное ведение войны, связанные с ней незаконные хищения, грабежи и поджоги. Однако само ведение войны между князьями не запрещается. Тем самым, все эти меры, не способствовали объединению земель, в большей степени создавали препятствия для образования сильной центральной власти.

Основываясь на вышеизложенном, можно с уверенностью сказать, что «Золотая Булла» закрепила раздробленность на германских землях. Делала она это с помощью предоставления широких прав для князей, ослабления роли императора, недопустимости сближения земель, законного сохранения их целостности и самостоятельности. Власть императора была слаба, у него не было постоянного войска, не было общеимперской системы финансов. Принятый в 1356 г., данный документ просуществовал вплоть до 1806 г., когда Священная Римская Империя перестала существовать [2]. На протяжении всего этого времени некоторые княжества объединялись (Ганзейский союз, Швабский союз), однако эти союзы носили политико-экономический характер, они не преследовали цель создать объединенную Германию. Власть курфюрстов всё больше усиливались. С XVI в. получили особое распространение и приобрели характер конституционного акта избирательные капитуляции. Каждый император принимал,

выработанные князьями, избирательные капитуляции, в которых оговаривались условия обязательства по удовлетворению интересов курфюрстов, которые император обязан выполнить, если будет избран. С XVII в. в составлении таких капитуляций принимали участие не только курфюрсты, но и остальные сословия, что было закреплено статьями Вестфальского мира в 1648 г. после Тридцатилетней войны [5]. К XVII в. Священная Римская империя страдала от различных внутренних политических, национальных, религиозных конфликтов и противоречий внутри страны [2]. Центральная власть не имела больших полномочий, и находилась в зависимом положении от князей.

Объединиться в единое государство Германия смогла только к 1871 г. Немецкие княжества не могли обеспечить необходимую для них безопасность, поэтому многие сильные державы стремились захватить некоторую часть германских земель. Требовалась сильная центральная власть, которая смогла бы взять под защиту все немецкие земли. Также многие княжества вели войны друг с другом, что истощило их экономику, к тому же мелкое государственное образование, находящееся постоянно в военном положении, было под угрозой вмешательства на свои территории со стороны сильных держав. Товарно-денежные отношения между субъектами были достаточно налажены, однако экономическое развитие Германии отставало от централизованных, крупных, ведущих европейских держав. На территории немецких земель развивались капиталистические отношения, однако существовали и феодальные пережитки, тормозившие развитие страны. На этой почве возникали конфликты, которые в итоге выросли в революцию 1848–1849 гг., во время которой буржуа требовали отмены всех средневековых повинностей. Уже на тот период буржуазия была достаточно влиятельным классом, так как смогла организовать революцию 1848–1849 гг. Данное событие показывает, что у немецкого народа появляется национальное самосознание, так как во время революции немцы требовали объединения Германии, им была необходима сильная центральная власть для того, чтобы решить проблемы внутри страны, и быть конкурентоспособным политическим образованием на международной арене [4]. «Золотая Булла», как закон, закрепляющий политическую раздробленность, перестал действовать уже в 1806 г., но немецкому народу потребовалось ещё продолжительное время, чтобы прийти к единой Германии, так как были сильны традиции сильной власти на местах, которые преодолеть было достаточно трудно. Данный документ был одним из факторов, на протяжении долгого времени тормозящих укрепление центральной власти в Германии.

Список источников и литературы

1. Извлечение из «Золотой Буллы». Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / В. М. Корецкий. М., 1961.
2. Священная Римская империя // Энциклопедия для детей. М.: Аванта+, 1993. Т. 1: Всемирная история.
3. Батыр К. И. История государства и права зарубежных стран. 4-е изд. М.: ТК Велби, 2003.
4. Юровская Е. Е. Раздробленность Германии как препятствие к развитию капитализма. Сборник документов по истории нового времени стран Европы и Америки (1640–1870). М., 1998. 225 с.
5. Бонвеч Бернд. История Германии. С древнейших времен до создания Германской империи. М.: КДУ, 2008. Т. 2.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ АНГЛИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА РЕВОЛЮЦИИ

Лыкова Мария Сергеевна,

студентка исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

В последнее время возрос интерес к Америке, особенно к её истории. Война за независимость США – одна из важнейших вех истории, имеющая общемировое значение. На данный момент имеется множество исследований в этой области. Стоит отметить, что также возрастает количество работ, рассматривающих отдельные аспекты предыстории революции. В этой статье мы рассмотрим экономическую сторону как одну из предпосылок войны за независимость США.

Первые британские колонии в Америке были основаны в XVII в. Одной из причин стремительного развития североамериканских колоний Англии был быстрый рост населения. К 1725 г. там проживало 2,5 млн человек, что составляло 1/3 жителей Великобритании [4, с. 1]. В совокупности с большим потенциалом осваиваемых земель этот фактор гарантировал быстрый рост экономики.

Главным занятием 90 % населения колоний было сельское хозяйство. Америка имела бескрайние земельные пространства, что создавало благоприятные условия для развития аграрного сектора по свободно-предпринимательскому типу [5, с. 15]. С середины XVII в. в североамериканских колониях практиковалась продажа целинных и залежных участков. Стоимость одного акра была символической и составляла один пенни. Из этого следуют два момента:

1. Североамериканские колонии были в состоянии «аграрного изобилия», в отличие от европейских стран.
2. В североамериканских колониях крупным землевладельцем мог стать человек из любой социальной группы.

Однако большинство колонистов были людьми небогатыми, а стоимость инвентаря и тягловых животных оставалась высокой. Всему этому противопоставлялись природное плодородие земель и упорный труд колонистов.

Первоначально фермеры сеяли знакомые им культуры: ячмень, овёс, пшеницу, овощи, коноплю. Затем в хозяйство внедрялись местные растения. Главной зерновой культурой стала кукуруза, а технической – табак. Непосредственно табак и стал основой сельскохозяйственного экспорта колоний. Климатические условия Вирджинии, Северной и Южной Каролины, Джорджии идеально подходили для его выращивания. В действительности он создал

тут особую социальную среду аграрного сектора. С одной стороны, её образовывали крупные землевладельцы; с другой – здесь сосредоточился контингент подневольных сельскохозяйственных работников. Труд негров – рабов позволил форсировать производство табака в североамериканских колониях. Если в 1618 г. Вирджиния поставила его на внешний рынок на сумму в 500 тыс. фунтов стерлингов, то в 1680 г. объём его продаж увеличился до 20 млн фунтов стерлингов [4, с. 3]. В XVIII в. производство табака увеличилось в 4 раза и достигло 102 млн фунтов. В начале XVIII в. Англия ежегодно вывозила из североамериканских колоний 100 млн фунтов табака [2, с. 33]. Потребление самой метрополии составляло 4 млн фунтов. Оставшаяся часть табака реэкспортировалась Англией в другие страны по стоимости в несколько раз выше закупочных колониальных цен.

Наряду с плантационным хозяйством в колониях широко развивалась промышленность. Свободные от стеснения цехового строя североамериканские колонии развивали обрабатывающую промышленность в форме крупной централизованной и рассеянной мануфактуры, а также мелкого товарного производства. Первыми централизованными мануфактурами были школы прядения и ткачества. Однако в 1699 г. английский парламент принял закон о шерстяных изделиях, запрещавший североамериканским колониям производить и экспортировать шерсть, изделия из шерсти и шерстяную нить [3, с. 136]. Англия препятствовала развитию в колониях собственной коммерчески ориентированной ткацкой промышленности, разрешив при этом колонистам разводить овец и производить домотканую материю. Рассеянная мануфактура была представлена фермерскими семьями, которые изготавливали гвозди и замки, пряли шерсть, ткали полотно и сдавали всё это скупщикам. В это время появлялись такие промышленные центры, как Линн, Хаверхилл и др., где основным занятием населения являлись ремесло и работа на мануфактуре [1, с. 620].

Колонии, богатые мачтовым лесом, добились больших успехов в судостроении. Постройка судов обходилась на 20–30 % дешевле, чем в Англии. К 1775 г. одна треть всего британского флота была построена в колониях. Судостроительные верфи Новой Англии спускали на воду необходимые для американского рыболовного и торгового флота корабли – от небольших барок до океанских судов, необходимых для внутренних транспортных перевозок и межколониальной торговли. К 1765 г. данные верфи предоставляли работу 10 тыс. судостроителям, морякам и портовикам региона. Продовольственные товары, производимые на американском Юге, такие как свинина, сушёная рыба, лес, кукуруза, экспортировались из портов Новой Англии в Великобританию, Вест-Индию и даже Африку. Американские торговые суда возвращались на родину с готовыми и текстильными, в первую очередь тонкошерстными и льняными, изделиями, а также имбирём, мелассой и новыми рабами. Внешнеторговый оборот североамериканских колоний формировал 1/7 всего торгового оборота метрополии. Принятые с 1651 г. Навигационные акты поставили торговлю в зависимость от Англии. Колониям разрешалось экспортировать свои товары только на английских судах и исключительно через британские порты [3, с. 135]. Тем самым устанавливалась торговля только при посредничестве Англии.

Обилие древесного топлива, наличие богатых залежей руды, доступных источников водной энергии, способствовало развитию железодетальной мануфактуры. Однако в 1750 г. английским парламентом был принят закон о железе, запрещавший сооружение в колониях прокатных установок, доменных печей и строительство железообрабатывающих предприятий. Тем же актом устанавливался беспошлинный ввоз чугуна, железной руды и пруткового железа в метрополию в качестве сырья для английской металлургической промышленности [3, с. 137].

Освоив производство фетровых шляп из меха американского бобра, ремесленники колоний успешно экспортировали их в Европу и Вест-Индию. Вот только в 1732 г. английский парламент принял Закон о шляпах, запрещавший изготовление фетра и шерстяных тканей, а также экспорт шляп американского производства в Европу и из одной колонии в другую [3, с. 136]. Тем самым метрополия стремилась предотвратить развитие конкурентоспособной шляпной индустрии в колониях.

Экономические успехи североамериканских колоний были несомненны. К середине XVIII в. колонии представляли собой сложившийся экономический «организм», обладавший значительным сельским хозяйством и развитой промышленностью. В их пределах выделялись три экономические зоны:

1) Новая Англия (Коннектикут, Массачусетс, Род-Айленд, Нью-Хэмпшир), где были расположены главные верфи, добывающие, химические, металлургические, инструментальные предприятия, ремесленные мастерские. Фермеры выращивали европейские зерновые культуры, фрукты, картофель. Эти колонии обеспечивали основные объёмы вылова рыбы, добычи китов, пушнины;

2) Центр (Пенсильвания, Нью-Йорк, Мериленд, Нью-Джерси, Делавэр). Благодаря благоприятным агроклиматическим условиям, сельское хозяйство было выведено здесь на передовые позиции. Избыток продукции растениеводства и богатые пастбища позволили создать фермы по разведению рогатого скота, лошадей, свиней. В городах преобладали небольшие предприятия по переработке сельхозпродукции, ремонтные мастерские, мануфактуры;

3) Юг (Джорджия, Вирджиния, Северная и Южная Каролина) был целиком сосредоточен на аграрном секторе. На крупных рабовладельческих плантациях выращивались экспортные культуры – табак, индиго, хлопок.

Таким образом, экономическое развитие североамериканских колоний шло по возрастающей. Особенный прогресс наблюдался в промышленности. Некоторые её области даже опережали метрополию. В связи с этим колонии становились конкурентоспособными, и это не устраивало Великобританию, которая всячески пыталась приостановить их дальнейшее развитие. Политика метрополии выражалась в различных законах и запретах, что не могло не вызвать возмущений со стороны колонистов. В итоге, это стало ещё одной каплей в растущем недовольстве североамериканских колоний по отношению к политике метрополии, вылившееся в результате в войну за независимость.

Список источников и литературы

1. Всемирная история. Энциклопедия. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1958. Т. 5. 862 с.

2. Иванян Э. История США. М.: Дрофа, 2004. 576 с.
3. Кузнецов Д. В. Хрестоматия по истории Нового времени стран Европы и Америки. М.: БГПУ, 2010. Кн. 1. 431 с.
4. Шведов В. Г. Конфликт британских колоний в Северной Америке с метрополией – преддверие Войны за Независимость. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-britanskih-koloniy-v-severnoy-amerike-s-metropoliey-preddverie-voyny-za-nezavisimost-istoriko-geograficheskiy-analiz> (Дата обращения 09.04.2019)
5. Фурсенко А. А. Американская революция и образование США. М.: Наука, 1978. 414 с.

РОЛЬ ОСТ-ИНДСКИХ ТОРГОВЫХ КОМПАНИЙ В ПРОЦЕССЕ КОЛОНИЗАЦИИ В XVII–XVIII вв.

Молчанова Дарья Руслановна,

*студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

До начала XVII в. деятельность европейских держав, а именно Англии, Голландии и Франции была направлена на предварительную разведку в колониях. Разведка проводилась в двух основных направлениях: во-первых, поиски новых путей в Индию, не захваченных испанцами и португальцами; во-вторых, сбор информации о путях в Индию и Америку, которыми пользуются их колониальные конкуренты и выявление возможности подрыва их монополии. Данные приготовления проходили посредством пиратства и нападений на колонии и корабли испанцев и португальцев. В начале XVII в., вслед за пиратами-разведчиками, в борьбу за колониальную добычу вступают торговые компании Голландии, Англии, Франции и других европейских государств.

В связи с развитием буржуазного общества зарождаются новые методы и формы ведения колониальной политики, отличные от тех, которые были характерны для колониальных империй феодальных государств. Основное в новых методах заключалось в том, что государственная власть непосредственно не принимала участия в захвате и эксплуатации колоний. Феодальный государственно-бюрократический аппарат, выкачивающих из колоний средства для королевской казны, сменялся частными лицами – владельцами компаний, организующими всё дело эксплуатации колоний исключительно в интересах своего личного обогащения [1, с. 339].

Среди многих монопольных объединений, которые возникли в XVII в., наибольшее значение имели два: голландская и английская Ост-Индские компании. Также существовала французская Ост-Индская компания, которая обладала самой крупной территорией деятельности, но была наименее прибыльна среди других европейских торговых сообществ, основанных в XVII в.

Примером для торговых компаний других держав послужила голландская Ост-Индская компания. В 1602 г. В целях расширения колониальной экспансии на Востоке шесть нидерландских торговых сообществ были образованы в крупную объединенную Ост-Индскую компанию с постоянным акционерным капиталом. Главными целями основания этого торгового объединения являлись установление монопольной торговли индийскими товарами единственным предприятием и запрет на проникновение в Индию для всех остальных компаний [3, с. 4–5].

20 марта 1602 г. Генеральные штаты Голландии утвердили образование единой Ост-Индской компании и особой хартией предоставили ей монопольное право навигации и привилегированной торговли в границах от мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива на 21 год. Кроме того, хартия предоставляла компании право захватывать и конфисковать любой иностранный корабль, плавающий в этой зоне, создавать крепости и фактории, чеканить монету, содержать войска, объявлять войну, заключать мир и договоры от имени Голландии, а также полную судебную и административную власть над своими служащими и населением захваченных территорий. Торговые льготы заключались в праве беспошлинного ввоза товаров в Голландию и праве вывоза товаров из Голландии в Индию с оплатой 3 % пошлины. Такая организация компании отдавала весь капитал в руки совладельцам компаний, которые относились к правящей купеческой верхушке Голландии. Таким образом, прослеживается тесная связь между интересами государства и торговыми предприятиями, и прямая военная помощь, и поддержка от государств-метрополий в колониальной деятельности компаний.

Колониальная политика голландской Ост-Индской компании в Индонезии является ярким примером методов, которые применялись в эпоху первоначального накопления капитала. Путем порабощения и жестокой эксплуатации населения, обмана и подкупа эта компания захватила в течение XVII–XVIII вв. весь о. Ява, включая Матарам и Бантам, Молуккские острова (острова Пряностей), и основала ряд опорных пунктов и баз на других островах архипелага [2].

Ост-Индская компания к середине XVII в., благодаря применению жестоких методов, захватила большинство португальских владений в Индии и стала крупной политической и военной силой. Сложившаяся ситуация привела к изменению характера и деятельности компании. Теперь на первый план выходят принудительные поборы и налоги, а не торговля индийскими товарами [1, с. 339].

Английская Ост-Индская компания получила королевскую хартию на монополию торговли с Индией в 1600 г. В противоположность голландской, созданной под воздействием правительства, английская компания для получения хартии должна была преодолеть сомнения королевы Елизаветы. Хартия предоставляла английской Ост-Индской компании лишь торговые льготы сроком на 15 лет – монополию торговли, право беспошлинного экспорта товаров, но не суверенные права, которыми обладала голландская компания. В связи с этим, английское торговое объединение долгое время испытывало значительные финансовые затруднения [4].

Управление английской компанией производилось из Лондона, правление состояло из главного директора и коллегии 24 директоров, которые избирались сроком на 1 год собранием совладельцев Ост-Индской компании.

Англичане, не располагая достаточными финансовыми средствами, флотом и людскими силами, по сравнению с голландцами, сделали упор на поиск иных рынков сбыта. В первую очередь, Ост-Индская компания старалась обеспечить себе покровительство Великих Моголов. В этом ей помогало правительство: в 1615 г. для заключения торгового договора Яков I направил ко двору Великих Моголов посольство Томаса Роу. К тому же английской Ост-Индской компании удалось добиться значительных привилегий в Иране. В этом отношении наиболее ярким примером могут служить привилегии, полученные англичанами в 1763 г. согласно жалованной грамоте правителя Ирана – Керим-хана Зенда. Им предоставлялось право беспошлинного ввоза своих товаров, монополия на импорт сукон и ряд других льгот. Но самым важным ограничением суверенитета Ирана было разрешение английской Ост-Индской компании сооружать в Бушире и некоторых других портах Персидского залива укрепленные фактории и содержать в них свои военные силы. Таким образом, у англичан появились на юге Ирана укрепленные базы, открывшие перед ними возможность дальнейшего колониального проникновения в эту страну.

Стоит отметить, что весь XVII в. английская компания руководствуется лозунгом «Наш подлинный интерес заключается в том, чтобы дешево покупать в Индии и дорого продавать в Европе», что, разумеется, не исключало пиратских нападений вооруженных кораблей Ост-Индской компании на индийские и другие местные торговые суда [4].

В дальнейшем голландская и английская Ост-Индские компании превратились в настоящие территориальные державы. Первая, еще в начале XVII в., утвердилась в Индонезии, вторая, после Семилетней войны 1756–1763 гг., овладела обширными землями в Индии.

Французская Ост-Индская компания создавалась на основе феодально-абсолютистских порядков, это сильно повлияло на ее характер и организацию. Деятельность французской торговой компании была поставлена под бдительный контроль назначаемого королем интенданта, а ее дирекция состояла из фаворитов и знатных дворян, а не из купцов, как было в Англии и Голландии [5, с. 95].

Полностью зависевшая в экономическом отношении от правительства, французская Ост-Индская компания была сильно ограничена бюрократической опекой и мелочным контролем королевских чиновников. Поскольку французское правительство не обеспечивало колониальные предприятия необходимой поддержкой, они часто испытывали финансовые трудности и поэтому были в значительной степени слабее своих английских и голландских соперников [5, с. 96].

Кроме того, деятельность монопольных предприятий ускорила развитие капитализма в странах-метрополиях, но за счёт этого подрывались основы существования самих компаний. К концу XVIII в. в связи с ростом капиталистической промышленности и началом промышленного переворота в Англии система монопольных объединений изживала себя и вызывала протесты в буржуазных кругах, поскольку закрывала им прямой доступ к эксплуатации колоний [4]. Стоит также отметить, что, те методы первоначального накопления, которые практиковались Ост-Индскими компаниями в Индии и Индонезии, привели экономики этих стран в такое состояние, что поставили под угрозу саму возможность дальнейшей успешной эксплуатации их богатств. Жадность владельцев компаний (общее число пайщиков английской Ост-Индской компании не превышало 2 тыс., голландской – 500 чел.) привела монопольные сообщества на край банкротства. Когда после потери Францией ее владений в Индии в 1769 г. была ликвидирована французская Ост-Индская компания, то выяснилось, что ее убытки за 1725–1769 гг. равнялись 170 млн франков. Дефицит голландской Ост-Индской компании достиг в 1791 г. 96 млн гульденов. Что же касается английской Ост-Индской компании, то путем представления фальшивых отчетов она долго скрывала свое плачевное финансовое положение, и была вынуждена во второй половине XVIII в. также обратиться к правительству за займом для покрытия дефицита. К концу XVIII в. монопольные объединения уже отживали свой век, и их ликвидация стала обычной практикой [1, с. 340].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что монопольные торговые компании в процессе колонизации служили мощным рычагом накопления, а также проводили колониальную политику, путём порабощения и безжалостной эксплуатации населения колоний. Такие объединения купцов были необходимы и потому, что в одиночку они не могли бы подавлять сопротивление азиатских государств, вести борьбу с европейскими соперниками и осуществлять широкую заморскую торговлю, которая в те времена была неразрывно связана с пиратством и войной. Монопольные объединения обычно занимали привилегированное положение и наделялись весьма широкими правами от государства. Так, например, основанные в начале XVII в. почти одновременно голландская, английская и французская Ост-Индские компании имели право содержать на Востоке свои военные и военно-морские силы, объявлять войну и заключать мир, строить крепости и арсеналы, творить суд и расправу над своими служащими.

Список источников и литературы

1. Всемирная история: в 10 т. / под ред. Е. М. Жукова. М.: Соц.-экон. лит-ра, 1958. Т. 4. 862 с.
2. Кузнецов Д. В. Песня короля Бомбило, вождя племени ванга в Экваториальной провинции Бельгийского Конго (Даниель Берсо, «Рабы Конго») // Хрестоматия по истории международных отношений. Благовещенск: 2013. Кн. 3: Новое время. С. 798–799.
3. Сапунцов А. Л. Голландская Ост-Индская компания как субъект государственно-частного партнерства // Вестник Московского государственного областного университета. М., 2018. С. 4–5.
4. Торговые компании – основные орудия колониальной политики в XVII в. // Soclocktea.com.ua URL: <http://5oclocktea.com.ua/история-чая/европа/179-торговые-компании-и-колониальная-политика.html> (Дата обращения: 15.04.2019).
5. Яшина М. В. Колониальная экспансия Франции в Карибском бассейне (XVII–XVIII вв.) // Вестник РУДН. 2001. № 1. С. 95–96.

К ВОПРОСАМ ОБ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ LEX FRISIONUM

Мордасова Валентина Валерьевна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Варварские правды – важные источники раннего западноевропейского средневековья. Они создавались в период складывания у европейских народов их ранней государственности. «Правды», в большей мере, – это сборники обычного права. На их формирование оказало весьма сильное влияние Римское право, которое к моменту создания законов у германцев имело большое значение для правовых отношений на Западе. Также, «Правды» в качестве источников права имеют королевское, церковное законодательство, казуальные нормы.

Во Фризии была создана своя правда – Фризская правда (Lex Frisionum). Фризское королевство (лат. Magna Frisia) в раннее средневековье – это королевство на территории Нидерландов и северной Германии, образовавшееся приблизительно в 500-е гг. н. э. Фризское королевство было частично завоёвано франками, после сражения на реке Борн в 734 г. В 785 г., после победы Карла Великого над Видукингом Саксонским, франки завоёвывали земли к востоку от реки Лауэрс. В начале IX в. была создан свод законов народа фризов.

Важной исследовательской задачей, предвещающей анализ содержания источника, является изучение вопроса о причинах его появления, времени написания и возможного авторства документа.

В российской и советской историографии изучению законов фризов уделили явно недостаточно внимания. Причина тому – Фризия находилась на периферии как римского, так и варварского мира, и в раннее средневековье не оказывала значительного влияния на развитие общественных, политических, культурных и прочих процессов в западноевропейском регионе. Однако фризы – народ, развитие которого стало основой для складывания голландской государственности. Соответственно, изучение ранней истории Голландии, в целом, и Фризии, в частности, является важной исследовательской задачей.

Анализировал право древних фризов в работе «Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI–VIII веков» А. И. Неусыхин [2, с. 46–58]. Историк, в частности, отмечал, что Фризская правда содержит гораздо больше архаических пережитков, чем, например, Рипуарская правда. Автор предполагал, что это вызвано определённым замедлением общественного развития фризов, слабостью процесса феодализации в регионе. Неусыхин подчёркивал, что в социальном членении фризов существует и родовая знать (нобили), и равноправные свободные (liberti), и литы, и рабы, что, по мнению автора, указывает на замедлении общественного развития населения Фризии. Но вместе с тем, можно заметить и результаты имущественного расслоения в каждой из указанных ранее социальных групп, что в последствие приводит к изменениям их социальных статусов и состава привилегий. Кроме этого, как особо указывает А. И. Неусыхин, который не раз обращался к теме эволюции форм земельной собственности в раннее средневековье, закон фризов содержит информацию о наличии более развитых форм аллода.

Более акцентированной к основной теме сегодняшнего обсуждения является статья Г. И. Борисова «Текст Lex Frisionum: его история, язык и основные характерные черты» [1]. Данное исследование является информативным и углубленным источниковедческим анализом Правды фризов. Автор подробно остановился на вопросах разбора главных публикаций и истории изучения источника, опираясь на труды не только отечественной, но и зарубежной историографии.

История возникновения Правды фризов не менее интересна его содержанию. Lex Frisionum, или «Закон фризов» дошел до нас в издании базельского гуманиста Иоганна Герольда 1557 г. [6]. Оригинального текста ныне не существует, что затрудняет его анализ.

В источник вошли записи обычного права многих варварских племен, помимо фризов, в том числе: Lex Salica, Lex Saxonum, Эдикт Ротари и др. Кроме этого, в тексте упоминается законоговоритель Влемар, чье имя Герольд поместил и в закон тюрингов. Из-за этого исследователи фризской правды заговорили о типографической ошибке издателя и пытались определить где же должны были находиться 11 титула, продиктованные Влемаром, во Фризской Правде или в законе тюрингов.

Таким образом, перед исследователями «Закона фризов» встает несколько проблем: отсутствуют оригинальные источники для установления авторства текста; источник представлен в черновом варианте, т. е. не был подготовлен к изданию.

Что касается структуры Фризской Правды, то он отличается сложностью. Скорее всего, эта сложность была вызвана тем, что разные части закона создавались и записывались в разное время.

Фризия в раннее средневековье состояла из трёх округов. В источнике можно найти подтверждение этому в виде нескольких статей, прописанных специально для Западной (между Синкфалом и Вли) и Восточной Фризии (между Лауэрсом и Везером).

Издание Закона Фризов занимался, как уже было сказано выше, Герольд в 1557 г. Это издание содержит множество орфографических ошибок, которые нетипичны для книг или писем, написанных лично Герольдом. Из этого можно сделать вывод, что издатель не проводил обработку текста Lex Frisionum, дабы сохранить средневековый язык.

Можно проводить аналогии между фризской правдой и законами других германцев, созданных в то же время, что и Правда. Все они написаны людьми из каролинской администрации. Возможно, Правду записали в 802 г. В Аахене, где чаще всего создавали тексты законодательных актов для Франкской империи.

Lex Frisionum имеет свою оригинальную структуру. В тексте можно обнаружить общие текстовые блоки:

А) 22 титула, которые связаны друг с другом упоминаемыми размерами штрафов и вергельда;

Б) «Дополнения мудрецов» или 11 титулов, включающих в себя вставки из судебных Влемара, Саксмунда и разделов Тюрингской Правды.

В целом же документ имеет хаотичную структуру, титулы тематически не сочетаются друг с другом. Например, титулы I («Об убийстве»), IV («Об убийстве раба или животного»), V («О людях, за убийство которых не платят штраф»), XIV («О непреднамеренном убийстве во время беспорядков»), XIX («Об убийстве родственников»), XX («Об убийстве») посвящены убийствам и наказанию, последующему за данное преступление. Но автор закона распределил статьи в произвольном порядке, «разбросав» их по всему документу. Но и здесь можно усмотреть определённую логику. То, что автор разделяет убийства свободных (тит. I) и убийства рабов (тит. IV), и приравнивает последних к животным, показывает, что такое произвольное деление может быть обосновано. Также схожими по содержанию являются титулы IX (О блуде) и XIII (О блуде с рабами), которые определяют меру ответственности за прелюбодеяние.

В титулах III (Кража) и VIII (О краже с насилием) описываются одинаковые преступления, только титул VIII говорит о более тяжких обстоятельствах данного деяния. Но их можно объединить в одну группу, по принципу идентичности деяния.

Кроме того, «разорванность» тематической структуры вполне может указывать на то, что закон имеет в качестве источника права судебный прецедент, казус. Составитель текста использовал различные судебные случаи, и записывал их в *Lex Frisionum* по мере их поступления или обработки.

Закон фризов не имеет четкой системности, титулы одинаковой тематики рассредоточены по всему документу. Уголовное право в нем чередуется с гражданским, а между ними можно встретить семейное право, и все это состоит в определённом титульном промежутке. Титулы об убийстве можно встретить как в начале, так и в конце документа. Подстрекательство (тит. II) расположено выше кражи (тит. III) или, к примеру, прелюбодеяние (тит. IX) встречается раньше, чем об убийстве во время беспорядков (тит. XIV). Однако это обстоятельство никак не умаляет значение источника в общеевропейском контексте раннесредневековой истории.

Список источников и литературы

1. Борисов Г. И. Текст *lex frisionum*: его история, язык и основные характерные черты // Сборник избранных работ I российско-белорусского конкурса студенческих научных работ по истории «Общий путь к Великой Победе». Минск, 2016. С. 13–21.
2. Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI–VIII веков. М., 1956.
3. Решина М. И. Фризы. М., 1996.
4. Шатохина-Мордвинцева Г. А. История Нидерландов. М., 2007.
5. Algra N. E. The “*Lex Frisionum*”. The genesis of a legalized life // *The law's beginnings* / ed. by F. J. M. Feldbrugge. Leiden u. a. 2003. P. 77–92.
6. Herold I. *Originum ac Germani carum anti*. Basel, 1557. S. 131–145.
7. Nijdam H. *Measuring Wounds in the Lex Frisionum and the Old Frisian Registers of Fines* // *Philologia Frisica Anno 1999*. Leeuwarden / Ljouwert, 2000. S. 180–203.
8. Shore Th. W. *Origin of the Anglo-Saxon Race*. London, 1906.

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рыжкова Анна Юрьевна,

студентка исторический факультет,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

15 июня 2001 г. в Шанхае (КНР) была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которую вошли Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, республики Таджикистан и Узбекистан. С июня 2016 г. участниками ШОС стали также Индия и Пакистан.

До этого существовала и действовала – «Шанхайская пятёрка», в которой состояли все страны, включенные в ШОС, кроме Узбекистана, Индии и Пакистана. Это политическое объединение базировалось на двух документах: «Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы» (Шанхай, 1996) и «Соглашении о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы» (Москва, 1997). Именно эти документы укрепили доверие данных стран в военном аспекте, касающегося приграничных районов. Затем, в 2001 г. в «шанхайскую пятёрку» вошла Республика Узбекистан, и объединение переименовали в уже привычное название – ШОС.

Помимо того, что в это объединение входят восемь стран, которые являются её полноправными членами, также ШОС объединяет государства-наблюдателей и партнеров по диалогу. К первым относят: Афганистан, Белоруссию, Иран и Монголию. Партнерами по диалогу являются – Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка.

Деятельность ШОС и ее потенциал в решении насущных проблем безопасности приобретают все большее значение не только для Центральной Азии, но и Евразии в целом, о чем свидетельствует увеличение числа государств-наблюдателей и партнеров по диалогу. По мнению экспертов, ШОС представляет собой многонациональное объединение и стала той организацией, которая в значительной степени сплачивает Центральную Азию в единый регион и функционирует в более широком смысле как элемент евразийского регионализма [2, с. 5].

Первоначально Шанхайская организация создавалась как политическое объединение, которое было направлено на устранение террористических угроз, борьбу с экстремизмом, сепаратизмом, контрабандой оружия, наркоторговли, а также на обеспечение международной информационной безопасности. Но при дальнейшей эволюции данной организации, её задачи всё чаще стали касаться экономического и гуманитарного развития. Например,

на прошедшей 8 марта 2018 г. пресс-конференции, министр иностранных дел КНР Ван И обозначил три главных цели саммита Шанхайской организации, который состоится в июне этого года в г. Циндао.

Во-первых, члены ШОС будут укреплять взаимное доверие и единство внутри объединения. Во-вторых, это укрепление позиций на международной арене. И, в-третьих, работа над принятием и реализации плана на последующие пять лет «Договора о долгосрочном добрососедстве и дружественном сотрудничестве государств-членов ШОС». Данный договор включает в себя несколько документов, которые затрагивают экономику, безопасность, охрану окружающей среды и гуманитарных наук, т. е., как видно в заявлении Ван И, ШОС имеет не только политическую направленность, но и экономическую, и гуманитарную, о которых говорилось выше.

Но стоит отметить, что на современном этапе экономическое сотрудничество в рамках ШОС имеет достаточно низкий уровень развития. Ещё в 2003 г. Китай выдвинул концепцию создания ЗСТ ШОС, а в 2011 г. официально предложил запустить совместное исследование зоны свободной торговли. Но остальные страны-участницы холодно отнеслись к предложению КНР, так как эта сфера не отвечает их интересам. Механизм регионального экономического сотрудничества в рамках ШОС еще не сформирован, что затрудняет создание зоны свободной торговли ШОС. Медленное развитие многостороннего экономического сотрудничества связано с рядом причин. Одной из самых главных можно назвать расхождение России и Китая во мнении о дальнейших перспективах развития ШОС. Несмотря на соглашение о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП между Москвой и Пекином, перед странами стоит вопрос практической реализации соединения с экономической точки зрения. Позиции других государств-членов ШОС по этому вопросу также не ясны. После включения Индии и Пакистана ШОС может сфокусироваться на функциональном разделении между взаимодействием в сфере безопасности и региональным экономическим сотрудничеством. Кроме того, могут возникнуть дополнительные затруднения в вопросах многостороннего партнерства. В экономическом отношении ШОС может столкнуться с риском «работы вхолостую».

Но, несмотря на выше приведенные негативные аспекты развития ШОС в экономической сфере, можно всё-таки выделить и ряд положительных моментов. Например, стоит отметить, что страны ШОС являются наиболее выгодными партнерами для сосредоточения иностранного капитала. Данный факт подтверждается и активным международным движением капитала внутри этой группы. Наиболее привлекательным для иностранных инвесторов среди стран ШОС остаётся Китай.

Обладая финансовым влиянием страны-участницы имеют решающее значение в мировой политике, экономике и международных делах. Также о росте влияния в экономической сфере ШОС говорит и его активное участие в международных организациях: Международный валютный фонд и Всемирный банк [1, с. 69].

Довольно перспективными сферами в рамках экономического развития ШОС являются энергетика и транспорт. Ещё в 2005 г. Россия предложила создать Энергетический клуб ШОС, в рамках которого страны-участницы имели возможность обсуждать вопросы энергетической сферы с представителями бизнеса и руководства стран. В 2014 г. Китай выдвинул идею реализации проекта «Экономический пояс Шёлкового пути», который способствовал бы развитию экономического сотрудничества и строительства общей транспортной системы ШОС [3, с. 21]. 23–24 июня 2016 г. в г. Ташкенте состоялся очередной саммит ШОС, на котором страны-участницы организации вновь выступили за создание «Экономического пояса Шёлкового пути». Стоит отметить, что влияние Китая в ШОС с каждым годом увеличивается, чему способствует его активная политика финансирования в развитие инфраструктуры и кредитование экономики стран, участвующих в данном проекте. Для государств Центральной Азии также выгодно иметь партнерские отношения с Китаем, так как последняя предоставляет возможность для получения кредитов и инвестиций, развития торговли, энергетических проектов, строительства инфраструктуры.

На данный момент в рамках организации проводится работа по созданию Банка развития ШОС, который станет общим фондом для финансирования международных проектов. Однако данный проект столкнулся с сопротивлением российской стороны, по мнению которой в данной структуре будет доминировать Китай. Данный факт не устраивает Российскую Федерацию, так как он может привести к гегемонии китайских товаров на российских и центральноазиатских рынках. Также можно сказать, что создание зоны свободной торговли на территории стран-участниц ШОС в течение нескольких лет всё также будет оставаться лишь планом, и никоим образом не будет реализовываться. Вследствие российской негативной позиции страдает инвестиционная деятельность ШОС, которая не получает должного финансирования в виду того, что данная структура вовсе отсутствует.

Таким образом, можно подвести итог, что экономическое развитие ШОС является перспективным направлением. В особенности это проявляется в сферах энергетики, транспорта и инфраструктурного строительства, которые оказывают положительное влияние на ШОС и приносят немалый доход. Но, к сожалению, становление экономической сферы в рамках данной организации имеет низкие темпы, которые во многом обусловлены несхожестью интересов стран-участниц ШОС. И если данный барьер не преодолеть, это может привести, если даже не к распаду ШОС, то, наверняка, к прекращению развития экономического сотрудничества внутри группы.

Список источников и литературы

1. Калиева С. А. Направления экономического взаимодействия стран в условиях региональной экономической интеграции // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2017. № 2. С. 49–52.
2. Колдунова Е., Ниведита Дас Кунду. Роль России в ШОС и Центральной Азии: вызовы и возможности: доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2014. С. 21.
3. Лукин А. В. Идея «экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция // Международная жизнь. 2014. № 7. С. 18–22.

«ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА» III–II тыс. до н. э.: ВОПРОСЫ ПРАРОДИНЫ, МИГРАЦИИ И ХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДА

Чмерук Игорь Игоревич,

студент исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Сегодня проблема индоевропейской прародины не потеряла своей актуальности и остается дискуссионной. Современное состояние проблемы, в частности, рассмотрения пространственно-временных рамок распространения индоевропейцев по Евразии, определяется, прежде всего, новыми значительными достижениями в изучении самых ранних письменных свидетельств о древних индоевропейских языках. Отдельные слова этих языков обнаружены в документах XX–XVIII вв. до н. э. на староассирийском диалекте аккадского (семитского) языка из торговых колоний в древней Малой Азии (Анатолии) [7].

В староассирийских текстах (всего их найдено около 23000) отражены имена богов, личные собственные имена и некоторые термины, заимствованные из языков местных жителей, которые относились к двум разным индоевропейским группам – североанатолийской (к ней принадлежал и представленный позднее большим числом клинописных текстов XVI–XIII вв. до н. э. главный официальный язык Хеттской империи – хеттский, или «несийский», как его называли сами хетты по имени города Несы, ассирийского Каниша) и южноанатолийской (к ней относится засвидетельствованный несколько более поздними клинописными и иероглифическими документами лувийский язык, на котором во второй половине II тыс. до н. э. говорила основная часть жителей южных и западных областей Анатолии). В последние годы имена двух главных туземных богов обнаружены в документах из археологического слоя II, датируемого XX в. до н. э. [4].

Чтобы представить, откуда могли прийти индоевропейцы, и какими путями распространиться по Евразии, необходимо воспользоваться знаниями археологии, истории, лингвистики, генетики и религиоведения.

Наиболее распространенной среди исследователей территорией, которую принимают за прародину индоевропейцев, является область Средней Волги и Днепра. Авторитетный археолог и культуролог Мария Гимбутас помещает начальную точку распространения индоевропейцев в районе Самарской Луки в начале V тыс. до н. э. Возьмём это место за условную точку отсчета индоевропейского расселения по Евразии.

Обратимся к лингвистике. Считается, что первым из исторически известных индоевропейских языков является хеттский. Хетты отчетливо прослеживаются в Анатолии с 1650 г. до н.э. До них на этой территории существовал народ хатти (в Анатолии с 2300 г. до н. э.), которых тоже некоторые исследователи причисляют к индоевропейцам. Таким образом, можно предположить, что на исторической арене индоевропейцы впервые появляются в Анатолии. Почему именно здесь? Ведь на пути миграции сюда из Средней Волги стоят Черное море, Кавказские горы и Каспийское море. Мы предложим ответ на этот вопрос ниже [2].

Следующим языком, который оформился из протоиндоевропейского является греческий. Из Анатолии мы переносимся западнее и видим, что около 1850 г. до н. э. на территорию современной Греции с севера вторгаются ахайцы. Они теснят местных пеласгов, которые под натиском ахайцев переселяются южнее и восточнее (в Западную Анатолию). Заметим интересную деталь. Название ахайцы (Ἀχαιοί) созвучно названию арийцы (ахайя – арайя). Обосновавшись в Греции, ахайцы установили тесные связи с хеттами. Это не удивительно, так как их роднили язык, генетика и религия. О генах и верованиях расскажем ниже.

Следующей ветвью стали индоиранские языки. На территории современных Ирана и Пакистана индоевропейцы отдельными потоками вторгаются около 1700 г. до н. э. Если про иранскую экспансию практически ничего не известно, то в Индостане индоевропейцы стали причиной упадка Хараппской цивилизации. Такие крупные и удивительно высокоразвитые города как Хараппа и Моженджо-Даро резко угасли именно в это время. Далее шло постепенное проникновение на территорию современной Индии. В Индостане индоевропейцы сформировали пока ещё устный корпус религиозных гимнов «Вед», упорядочивание которых относится как раз к времени около 1700 г. до н. э. Индоевропейцы на территории современных Ирана, Пакистана и Индии называли себя ариями [3].

Здесь необходимо хронологически вернуться к греческой языковой общности, так как около 1200 г. до н. э. с севера в Грецию вторглись индоевропейцы дорийцы. Теперь ахайцам пришлось потесниться. Все эти передвижения, судя по всему, вызвали немало проблем. Среди них Троянская война, и движение Народов моря на юг в Палестину. Заметим, что дорийцы также созвучны арийцам и не только в русском языке.

Тут греческо-анатолийская экспансия остановилась и замкнулась на себе, а потом и на иранской экспансии. Дорийцы толкались с ахайцами, а ахайцы – с анатолийскими хеттами. Почему индоевропейцы не пошли дальше на юг? Дело в том, что там были мощные Египет и Месопотамия, в которых проживали культурно (и генетически) более древние и более развитые народы. Поэтому здесь индоевропейская экспансия уперлась в непреодолимое препятствие.

Так и индоарийская ветвь уперлась в более культурный и древний народ в Индостане – дравидов. Дальнейшее продвижение вглубь Индостана шло крайне медленно и болезненно. Местное население вытеснялось на юг и восток крайне неохотно [5].

Следующая ветвь – итальянская. Мифология гласит, что, когда воин разоренной ахайцами Трои – Эней прибыл на территорию современной Италии, он нашел тут племя латинов. Также здесь жили этруски и сабиняне. Все эти племена причисляют к индоевропейцам, которые пришли сюда где-то между вторжениями ахайцев и дорийцев в Грецию. Потомки Энея и взятой им в жены латинянки основали Рим и династию его правителей. Поэтому латинский язык со времен военной экспансии Рима на Апеннинском полуострове стал доминировать. Племенам индоевропейцев, которые осели в Италии, пришлось идти дальше от прародины, чем хеттам, ахайцам, дорийцам и ариям. Поэтому

их оседлая культура была сформирована позже и на историческую арену они вышли с запозданием, но не менее триумфально. В Италии индоевропейцы уперлись в естественное препятствие – в море. Водная стихия их остановила. Освоить море они были вынуждены гораздо позже, когда воевали с семитами финикийцами Карфагена [2].

Кельтская ветвь могла формироваться около того времени, когда формировалась италийская ветвь. Носители кельтских языков не встретили в Европе ни естественных препятствий, ни сильных противостоящих им народов. Поэтому шли они долго, пока не дошли до атлантического побережья Европы и до современной Британии. Там они остановились, но не сумели развиваться так, как их родичи индоевропейцы, которые шли более коротким путем до областей, где смогли дольше развиваться и культурно обогащаться от более древних соседних народов.

Носители балто-славянской ветви также двигались на запад, но основная масса носителей этих языков не пошла дальше Центральной Европы. Исследователи склонны относить примерное время формирования балто-славянских языков примерно к III или II тыс. до н.э. Эта ветвь является старше, чем кельтская, т. е. мы имеем картину, когда более «молодые» и более активные культуры продвигаются на запад дальше более «старых» культур.

К молодым индоевропейским языковым культурам можно отнести германские языки. Их начало принято относить к середине I тыс. до н. э. Представители этих языков шли с севера Центральной Европы на юг между представителями кельтских языков на западе и представителями балто-славянских языков на востоке. Но это уже касается нашего времени [9].

Основные потоки миграции индоевропейцев шли на запад, на юг и юго-восток. Если на юге и юго-востоке они встретили мощные культуры, которые оставили о себе память, то на западе, в Европе, судя по всему, культуры были слабыми, либо их представители малочисленными. Поэтому доиндоевропейские европейцы были культурно ассимилированы.

Так как культура тесно связана с языком, то именно остатки доиндоевропейских языков в дописьменной Европе имеют наибольший интерес. И эти остатки скудны.

На западе – это баскский язык. Баски живут в горных районах Западных Пиренеев. То есть носителей неиндоевропейского баскского языка фактически прижали к океану и загнали в горы. Настолько интенсивным было покорение Европы индоевропейцами. Баски, кстати, дали название гасконцам, а Д'Артаньян получается был потомком басков.

На севере – это неиндоевропейские финно-угорские языки уральской языковой семьи. Но, как мы видим, миграция на север не была приоритетной для индоевропейцев. Носители языков уральской языковой группы и сейчас являются северными соседями индоевропейцев на всем протяжении Евразии от Финляндии до Сибири.

На юге – это картвельские языки, локализованные в горных районах Кавказа, в основном в Грузии. Все остальные языки Европы – это индоевропейские языки.

Таким образом, мы видим, что всех неиндоевропейцев индоевропейцы в Европе культурно ассимилировали, либо прижали к морю, загнали в горы или оставили на холоде. Вот такой они осуществили агрессивный «дранх нах вестен» [10].

Другую картину мы видим на востоке от предполагаемой прародины. Если в Европе индоевропейцы правят бал до сих пор, то на Дальнем Востоке они оставили несколько ярких следов своего пребывания и буквально растворились в местных народах. Около 3000 г. до н. э. на Алтае на границе с Дальним Востоком объявляются носители Афанасьевской археологической культуры, которая отождествляется с индоевропейцами. На территории современного Китая серединой II тыс. до н. э. датированы таримские мумии рыжеволосых и русских людей европейской внешности. В I тыс. до н. э. на этой территории обитало племя Жун, предки которых, по данным древних китайских историков были голубоглазыми и светловолосыми. Примечательно, что около этого времени у китайских правителей в армии появляются боевые колесницы, которых раньше не было. Появление колесниц в Китае исследователи связывают именно с индоевропейцами. Известно, что на территории Таримской впадины люди говорили на индоевропейских тохарских языках где-то с I тыс. до н. э. почти до времен Чингисхана – до I тыс. н. э. Таким образом, мы видим, какая разная судьба постигла расселявшихся в Евразии индоевропейцев.

Список источников и литература

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // Вестник древней истории. 1980. № 3. С. 3–27.
2. Дульзон А. П. Былое расселения кетов, по данным топонимики. // Вопросы географии: Географические названия. М., 1962. С. 50–84.
3. Иванов В. В. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских языков из древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации: сб. к 75-летию В. И. Сарияниди. М., 2004. С. 41–67.
4. Иванов В. В. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. 1: Индоевропейские корни в хеттском языке и особенности их структуры.
5. Иванов В. В. Древнейший индоевропейский письменный текст: надпись Анитты, царя Куссара (XVIII в. до н. э.) в истории хеттологии // Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Знак, 2010. Т. 7, кн. 2. С. 9–95.
6. Иванов Вяч. Вс. К историческому объяснению форм этрусского языка // *Laurea Loraе*: сб. памяти Л. Степановой. СПб, 2011. С. 68–103.
7. Климов Г. А.. Картвельское *usxo* – «бык жертвенный» – индоевропейское **uks-on-* // *Этимология 1990–1993*. М.: Наука, 1994. С. 154–158.
8. Кулланда С. В. Лошадь в праиндоевропейском // *Orientalia et Classica XIX*: Аспекты компаративистики. М., 2008. С. 669–678.
9. Мерперт Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // *Древний Восток. Этнокультурные связи*. М.: Наука, 1988. С. 7–36.
10. Старостин С. А. Праенисейская реконструкция внешние связи енисейских языков // *Кетский сборник*. Л., 1982. С. 144–235.

ЗАЩИТА ПРИРОДЫ – ЭТО НАША ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА

Абсетерова Улдайхан Караматдиновна,
магистрант,

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,
г. Нукус, Республика Узбекистан,

научный руководитель: **Кудияров Алишер Раметуллаевич,**
кандидат исторических наук, доцент,
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,
г. Нукус, Республика Узбекистан

Природа содержит человека, обеспечивает, поднимает настроение и устраняет усталость. Потому что, она является наша «матушка-природа». Человек дышит воздухом, чтобы прожить, ему нужен питание, вода, солнце. Всё это берёт из природы. Человек будет здоровым, если наша окружающая среда имеет здоровую атмосферу.

Экология окружающей нас среды, а значит существование всего живущего на планете, волнует мир давно. В том числе и для нас, живущих в Узбекистане, где в последние десятилетия произошла одна из крупнейших трагедий века – аральская. Арал, некогда дававший многотысячному населению региона жизнь и благополучное существование, сегодня несёт боль и многие беды, связанные напрямую со здоровьем людей.

По свидетельству исторических источников, каракалпаки являются народом, издревле проживающим на берегах Аральского моря, в устьях Амударьи. Они хорошо понимали и понимают актуальность охраны природы, её значение для человечества. Поэтому, в нашей республике огромное внимание обращено к защите природы, к понятию народа экологической культуре. Организуется планы создать много садов, лесов, новых водохранилищ и заповедников.

На состоявшемся 27 ноября 2018 г. мероприятии в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, в котором приняли участие представители специальных структур ООН, Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш отметил, что создание трастового фонда «откроет новую главу в истории страдающего региона». Государственная программа по развитию региона Приаралья на 2018–2021 гг., принятая Президентом нашей страны Шавкатом Мирзиёевым, играет важную роль в улучшении экологической и социально-экономической обстановки, условий проживания населения в регионе Приаралья, смягчении последствий экологической катастрофы Аральского моря.

Выступая на заседании Совета глав государств-учредителей Международного фонда спасения Арала, состоявшемся 24 августа 2018 г. в г. Туркменбаши Туркменистана, Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев предложил создать Региональный центр по выращиванию саженцев пустынных и кормовых растений. Спустя короткое время был создан Международный инновационный центр Приаралья при Президенте Республики Узбекистан. Целью создания Центра является предоставление условий для привлечения иностранных инвестиций в производство экологически чистых технологий, комплексное внедрение «зеленой экономики», энерго- и водосберегающих технологий, развитие экотуризма и другие меры [2, с. 1].

В Каракалпакстане на 10 тыс. населения приходится 938 случаев кожных заболеваний, что в два раза больше, чем в целом по Узбекистану. Аральский кризис породил не только медицинские, но и социальные, экономические, бытовые проблемы, решение которых требует колоссальных затрат.

В памятниках, относящихся к древнейшему периоду II–I тыс. до н. э., сохранились оссуарии с останками наших предков. По пониманиям предков, люди могли быть носителями различных заболеваний и поэтому их тела оставляли на поедание птиц. Это делалось для того, чтобы земля не смогла заразиться их болезнями.

Древнейшая «Авеста», относящаяся к временам религии зороастризма, является книгой о боге Солнца. Преклонение перед богом Солнца само по себе означает охрану природы. Традиции, верования, географические наименования, о которых говорится в «Авесте», тесно связаны территорией, на которой проживали наши предки. В каракалпакских родословных исторические памятники Топырак-кала, Аяз-кала, Кой-кырылган-кала, Шылпык и др., непосредственно относящиеся к религии зороастризма, связывают с каракалпакскими родами конырат с богом Солнца. В «Авесте» говорится о городе Солнца. Середину этого города пересекает река, по берегам которой растут богатые посевы. Родниковые воды этой реки впадают в глубокое озеро. В книге также повествуется о безбрежных степях и пустынях. Несложно догадаться, что географическая среда, изображаемая в книге – это Амударья, Аральское море, один из древнейших прибрежных городов [1, с. 44].

Людская трагедия тесно связана с трагедией природы, которой уход моря нанёс невосполнимый ущерб. Нарушился экологический баланс региона, что привело к исчезновению множества видов животных, целого ряда представителей флоры. А на огромной территории оголившегося дна Арала появилась ещё одна пустыня, которая несёт угрозу нормальной жизнедеятельности людей и природы. Например, легенды о Всемирном потопе, о пророке Ну, спасшем человечество от затопления, существуют у многих народов. Учёных до сих пор интересуют вопросы возможности распространения этого сюжета, обширность охвата им территории. Одни ученые утверждают, что этот миф получил широкое распространение благодаря религиозным книгам, другие говорят, что он был широко известен ещё до появления книги, о чем свидетельствует народное творчество древних шумеров, евреев.

Каракалпакские народные легенды о всемирном потопе, о природе Нуе весьма близки к греческим мифам. По утверждению древнегреческих историков, до пророка Нуе Земля дважды подвергалась потопам, а при нем имел место третий потоп. Каракалпакские легенды о том, что Аральское море трижды высыхало и трижды возрождалось, соответствуют сведениям древнегреческих историков.

Как подчеркнул Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев выступая 72-й сессии ООН: «В моих руках – карта трагедии Арала. Думаю, комментарии здесь излишни. Преодоление последствий высыхания моря требует сегодня активной консолидации международных усилий. Мы выступаем за реализацию в полном объеме приятной в этом году специальной Программы ООН по оказанию действенной помощи населению, пострадавшему от Аральского кризиса» [4, с. 1]

Председатель Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан М. Ерниязов в своем выступлении на презентации многопартнерского трастового фонда по человеческой безопасности для региона Приаралья, дал информацию о комплексных мерах, осуществляемых под руководством Президента страны для оздоровления экологической ситуации, устранения природных воздействий, опасных для жизни человека. «Выступая от имени 2-х миллионного населения региона Приаралья, хочу проинформировать вас о его страданиях, вызванных последствиями гуманитарной и экологической катастроф из-за усыхания Аральского моря. До недавнего времени это море занимало по своему объему четвертое место в мире среди озер, имело богатый животный и растительный мир. На сегодняшний день Арал стал безжизненным и непригодным для существования в нем живых организмов. На высохшем дне Аральского моря образовалась песчано-соляная пустыня площадью 5 млн. гектаров с отложениями ядовитых пестицидов. 40 процентов населения региона в качестве питьевой воды использует подземные источники. В составе проведенной через водопровод чистой питьевой воды наличие солей в 10 раз превышает мировые стандарты» [3, с. 2].

Сегодня весь Каракалпакстан с надеждой следит за презентацией Трастового фонда для региона Приаралья. Мы уверены, что создаваемый фонд окажет помощь в реальном улучшении жизненных условий многочисленного населения этой части Узбекистана.

Наши предки прекрасно понимали цену засухи, не раз пережили её. Эти мифы призывают беречь природу, сохранять её равновесие. За каждым мифом кроется права жизни. И нашей святой обязанностью является охрана природы, бережное отношение к ней. Заветы наших предков помогают глубже понять природу, невозможность потерь.

Экология вокруг каждого из нас – в чистоте жилищ, городов, зелени лесов и парков, в голубизне неба и водоёмов. Только при бережном отношении ко всему окружающему нас миру мы можем быть спокойны за себя и будущее поколения.

Список источников и литературы

1. Бахадырова С. Каракалпакские народные легенды об охране природы // Вестник Каракалпакского Отделения Академии наук Республики Узбекистан. 2003. №5.
2. Вести Каракалпакстана. 4 декабря 2018.
3. Выступление Председателя Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан М. Ерниязова на презентации многопартнерского трастового фонда по человеческой безопасности для региона Приаралья // Вести Каракалпакстана. 8 декабря 2018.
4. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи организации объединенных наций // Народное слово. 20 сентября 2017.

ЗНАЧЕНИЕ РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В РАЗВИТИИ КАРАКАЛПАКСКОГО ИСКУССТВА

Айтмуратова Жанылсын Жалгасовна,
ассистент кафедры «История Узбекистана и Каракалпакстана»,
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,
г. Нукус, Республика Узбекистан

При исследовании истории каракалпакского народа до XX в. для нас существенными являются дошедшие до нас русские письменные источники. В одном из таких источников самарский полководец Дмитрий Пожарский приводит данные о местах проживания каракалпаков еще до 1613–1616 гг. [1, с. 146]. Множество таких источников можно найти в трудах каракалпакских ученых второй половины XX в. Например, в работах академика М. К. Нурмухаммедова каракалпакско-русские культурные связи указываются как научные источники. В частности, он подтверждает, что известный русский географ, экономист и историк, прозванный «оренбургским Ломоносовым», Петр Иванович Рычков (1712–1777 гг.) писал о русско-каракалпакских отношениях, оставил письменные сведения о каракалпаках, проживающих на берегах Аральского моря. Кроме того, М. К. Нурмухаммедов приводит сведения из книги русского историка Н.М. Карамзина (1766–1826 гг.) «История государства Российского» (1883, т. 3, с. 60) о происхождении названия «қара бөриклер» («черные клобуки») [2, с. 16–17].

Известно, что с момента завоевания Средней Азии царская империя усиленно направляла научные экспедиции для экономико-политического, военно-статистического и культурного исследования. В составе таких экспедиций А. В. Каульбарс и А. Л. Кун провели историко-этнографические исследования, М. Н. Богданов провел изыскания по зоологии, а И. В. Краузе – по ботанике. Несмотря на то, какие цели преследовали эти исследования, они имеют большое значение как письменные источники по изучению исторических событий того времени.

Одним из русских ученых, внесший весомый вклад в исследование истории каракалпакского народа до XX в., был доктор исторических наук П. П. Иванов. В составе научной экспедиции, организованной Академией наук СССР, он собирал много материалов по истории каракалпакского народа на основании документов, хранящихся в архивах Санкт-Петербурга и Москвы. Чуть позже был издан научный сборник «Материалы по истории каракалпакского народа» [3, с. 11], в который входит и его труд «Очерк по истории каракалпаков». В данном очерке автор анализирует вопросы этногенеза каракалпакского народа и его историю в средних веках. Особо останавливается на исторических связях каракалпакского и русского народов. В своем труде «Новые материалы по каракалпакской истории» он дает высокую оценку произведениям каракалпакских поэтов Бердаха, Ажинияза, Кунходжи и др., а также творениям каракалпакского устного народного творчества.

В первой половине XX в. одной из исследователей культуры и быта каракалпакского народа была этнограф А. С. Морозова. По этнографическим материалам, собранным на территории Каракалпакстана, она написала и защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Быт и культура каракалпаков конца XIX – начала XX вв.» [4, с. 13]. Постановлением правительства РСФСР за № 56 от 20 июля 1930 г. Каракалпакская автономная область была принята в состав РСФСР [5] и находился до декабря 1936 г. Совет народных комиссаров РСФСР 1 августа 1931 г. рассмотрел вопрос о хозяйственном и культурном строительстве в Каракалпакской автономной области. В 1931 г. при помощи ученых г. Москвы в г. Турткуле был организован комплексный научно-исследовательский институт, в котором работали член-корреспондент Академии наук СССР С. Е. Малов, профессора Филимонов и Соколов.

Важным этапом исследования истории и источников материальной культуры Каракалпакстана стала организованная в 1937 г. постановлением Каракалпакской комиссии Академии наук бывшего Союза Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция под руководством С. П. Толстова [7, с. 376]. Подготовленные по материалам экспедиции труды «Древний Хорезм», «По следам древнехорезмийской культуры» и другие материалы научной экспедиции стали ценным археологическим источником для изучения истории не только Хорезма, но и всех народов Средней Азии. Но самое главное заключается в том, что данная экспедиция сыграла важную роль в становлении исторической науки в Каракалпакстане, исследовании истории культуры Южного Приаралья, привлечении талантливой молодежи в научную деятельность, подготовке национальных научных кадров.

Дочь С. П. Толстова, Л. С. Толстова, работая в Каракалпакстане в качестве этнографа-историка, написала монографию «Верхние каракалпаки (Ферганская, Самаркандская, Бухарская в прошлом и пути этнического развития в настоящее время)», чем внесла большой вклад в изучение этнической истории народов Средней Азии, в том числе и каракалпакского народа. К тому же, она стала супругой видного ученого, внесшего весомый вклад в развитие каракалпакского языкознания, инициатора открытия специализированного совета по защите диссертаций по языку и литературе при КГУ, профессора Д. С. Насырова.

Продолжая обзор исторических источников, хотим обратить внимание на следующее.

Один из первых русских ученых-востоковедов А. А. Диваев в 1902 г. издал дастан «Алпамыс» на каракалпакском и русском языках. В 1903 г. И. А. Беляев побывал в городах Нукусе, Кунграде и Чимбае, где специально занимался изучением каракалпакского языка и народных дастанов, поближе познакомился с местным населением, собрал много материалов о каракалпаках, записал народные дастаны и легенды, которые издал в переводе на русский язык. Академик А. Н. Самойлович наряду с изучением языков многих народов принял участие в составлении латинского алфавита и орфографии каракалпакского языка [8, с. 423–424].

Таким образом, можно заключить, что труды многих зарубежных и отечественных ученых по исследованию истории и культуры каракалпакского народа конца XIX – первой половины XX в. служат ценными историческими источниками в деле дальнейшего изучения национальной культуры и духовных ценностей нашего народа.

Политико-экономическое и культурное развитие Каракалпакстана в 30-х гг. XX в. непосредственно было связано с правительством Российской Федерации. В 1925–1930 гг. Каракалпакстан находился в составе Казахской АССР, которая в свою очередь входила в состав Российской Федерации. За эти годы была оказана большая помощь в развитие народного хозяйства и культуры. В 1926 г. начала работу небольшая этнографическая экспедиция в составе Н. А. Баскакова, А. Давлета и А. Иванова, тогда еще студентов Московского государственного университета. Экспедиция работала в течение 1926–1929 гг. [9, с. 108]. Н. А. Баскаков по бездорожью, где пешком, а где на своем ослике ходил из аула в аул и собирал образцы языка и фольклора, на основе которых впоследствии написал свои широко известные исследования по каракалпакскому языку.

У истоков Каракалпакского театрального искусства стояли русские и национальные самостоятельные кружки Петро-Александровска (ныне Турткуля; 1917 г.), Кунграда (1919–1920 гг.), Чимбая (1920–1921 гг.).

В октябре 1930 г. вышло постановление СНК РСФСР «Об улучшении театрального дела», которое играло важную роль в формировании каракалпакского театрального искусства [9]. В декабре 1930 г. был открыт Каракалпакский национальный театр, который оказывал свои услуги всем 11 районам Каракалпакстана. Первым директором театра стал А. Отепов, а первым дирижером – И. В. Корин, который был направлен в Каракалпакстан после окончания Московского института культуры им. В. Э. Мейерхольда [11].

В формировании театрального дела в Каракалпакстане и подготовке национальных кадров важную роль сыграла помощь русского театрального сообщества и талантливых деятелей искусств. Особенно большое значение для Каракалпакстана имело создание в 1934 г. каракалпакской театральной студии при институте театрального искусства им. А. В. Луначарского в г. Москве, куда были направлены 33 человека из числа любителей театрального искусства [12]. Художественным руководителем студии была заслуженный деятель искусств РСФСР, талантливая воспитанница МХАТовской школы, Ольга Ивановна Пыжова. Для того, чтобы успешно шло обучение студийцев, которые

вначале не так хорошо владели русским языком, О. И. Пыжова изучала каракалпакский язык [13]. Уроки и советы знаменитых русских мастеров сцены, встречи студийцев с К. С. Станиславским, В. И. Немировичем-Данченко, И. М. Москвиным, В. И. Качаловым, Л. М. Леонидовым, М. М. Тархановым, Б. В. Бибиковым и др. определили пути дальнейшего развития Каракалпакского театра им. К. С. Станиславского (ныне им. Бердаха).

В октябре 1939 г. ведущие педагоги студии О. И. Пыжова, Б. В. Бибиков и художник В. И. Романовский приехали в Каракалпакстан и подготовили к показу представителям общественности республики дипломные спектакли студийцев, которые прошли с большим успехом.

За заслуги в деле подготовки и воспитания кадров для Каракалпакского национального театра Государственный институт театрального искусства им. Луначарского и художественный руководитель студии О. И. Пыжова, преподаватели Б. В. Бибиков, В. А. Вронская, В. И. Романовский и др. были награждены Почетными грамотами Президиума Верховного совета Каракалпакской АССР. Позже, в 1966 г. за особые заслуги в развитии театрального искусства в ККАССР профессору О. И. Пыжовой было присвоено почетное звание «Народный артист Каракалпакской АССР», Б. В. Бибикову – почетное звание «Заслуженный артист Каракалпакской АССР» [14].

26 выпускников Московской студии (в числе которых были такие замечательные деятели искусств Каракалпакстана, как Т. Алланазаров, Ю. Мамутов, С. Ходжаниязов, М. Матжанов, Я. Алламуратова, Т. Жолымбетова и др.) долгое время составляли основное ядро каракалпакского национального театра.

В первой половине XX в. все национальные писатели Каракалпакстана учились на примере творческих русских писателей. От наивных подражаний Д. Бедному и В. Маяковскому до осознанного изучения и творческого использования опыта и мастерства выдающихся представителей русской классической и современной литературы – таков путь, пройденный каракалпакскими писателями.

Такова братская помощь русского народа в развитии культуры и искусства Каракалпакстана. Подобные примеры можно привести и из области музыкального искусства (деятельность русского композитора В. Шафранникова в Каракалпакстане в годы войны), и из области скульптуры и живописи (каракалпакская тема в творчестве А. К. Ладур, И. В. Савицкого, роль русских мастеров в формировании творчества каракалпакского художника К. Саипова, скульптора К. Бердимуратова и др.).

В Музее искусств Республики Каракалпакстан им. И. В. Савицкого располагается вторая по величине коллекция русского авангарда (после Русского музея в Санкт-Петербурге), а также одна из крупнейших коллекций прикладного и древнего искусств народов Центральной Азии.

Основатель музея, русский художник Игорь Витальевич Савицкий (1915–1984 гг.), родился в Киеве. Он впервые приехал в Каракалпакстан в 1950 г. в качестве художника Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, возглавляемой ученым с мировым именем – профессором Сергеем Павловичем Толстовым. По завершению работы экспедиции (1950–1957 гг.) очарованный культурой и людьми этой степной местности, И. Савицкий остался жить в Каракалпакии, методично собирая каракалпакские ковры, предметы национальной одежды, украшения, и прочие предметы искусства. Вскоре после этого он начал собирать работы художников, связанных с Центральной Азией, а в конце 1950-х – начале 1960-х гг. – и русское авангардное искусство, которому при советской власти было отказано в праве на существование. На сегодняшний день Музей насчитывает около 90 тыс. предметов, включая графику, картины и скульптуру, а также тысячи экспонатов, текстильных изделий и украшений, с древних времен и до наших дней.

Таким образом, можно заключить, что в первой половине XX в. в развитие науки и культуры в Каракалпакстане, открытии научных и учебных центров, подготовке национальных высококвалифицированных кадров достойный вклад внесли передовые представители русской науки и культуры. Прошлое и настоящее России и Узбекистана неразрывно связаны крепкими узами, прошедшими испытание на прочность. История их вмещает гуманность и толерантность, сердечность и братство, дружбу и готовность прийти на помощь друг другу.

Сегодня в республике Каракалпакстан проживают более 15 тыс. представителей русско-язычной диаспоры, и все они активно участвуют в строительстве суверенного Узбекистана.

Список источников и литературы

1. Материалы по истории каракалпак. М.-Л., 1935. 146 с.
2. Нурмухаммедов М.К. Рус-қарақалпақ мәдениеті байланыстары тарихынан. Нөкіс: Қарақалпақстан, 1977. 76 с.
3. Тилеумуратов М. Қарақалпақлардың туысқан халықтар менен мәдениеті байланыстары. Нөкіс: Қарақалпақстан, 1989. 11 с.
4. Этнография каракалпак. XIX – начало XX веков (Материалы исследования). Ташкент: ФАН, 1980.
5. Камалов С. РСФСР ҳам Қарақалпақстан. Нөкіс: Қарақалпақстан, 1978. 40 с.
6. Камалов С., Германова В.В. Москва-Каракалпакстан. Нукус: Каракалпакстан, 1986. 492 с.
7. Айымбетов Қ. Халық даналығы. Нөкіс: Қарақалпақстан, 1988. 492 с.
8. Шалекенов У. Х. Очерки по истории культуры Советской Каракалпакии (1917–1940 гг.). Нукус: Каракалпакстан, 1960. 120 с.
9. ЦГА РК. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. Л. 49.
10. Архив Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан. Оп. 160. Д. 167. Л. 5–6.
11. Совет Қарақалпақстаны. 23 декабря, 1968.
12. Нурмухаммедов М. К. Роль русского народа в развитии науки и культуры Каракалпакской АССР // С великим русским народом на вечные времена. Нукус: Каракалпакстан, 1974. С. 78.
13. Архив Верховного Совета Республики Каракалпакстан. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1063. Л. 35.
14. ЦГА РК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 518. Л. 2.
15. Советская Каракалпакия. 6 октября 1936.
16. Баяндинов Т. Первая каракалпакская студия // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1963. № 2. С. 77.

ХРАМЫ И ДУХОВЕНСТВО ГОРОДА СПАССК В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

Бурдин Евгений Анатольевич,

*доктор исторических наук, профессор кафедры философии и культурологии,
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический
университет им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск,*

Воркова Кристина Николаевна,

*студентка ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический
университет им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск,*

Лямеева Дарья Анатольевна,

*студентка ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический
университет им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск*

В с. Спасском, в 1781 г. преобразованном в уездный город Спасск, действовало две небольших деревянных церкви, на месте которых в 1792 г. уже стояла деревянная часовня [7, л. 2]. В 1780-е гг. здесь работала одна церковь. Новый деревянный храм в городе возвели в 1792 г. – в честь Живоначальной Троицы с тёплым приделом в трапезной [7, л. 2].

Начальная история храмов XVIII в. в с. Спасском и самого раннего города, представляется запутанной и туманной. В самом деле, источников почти нет, да и ситуация здесь явно необычная. Как правило, в том или ином поселении, которое не меняло своего местоположения и названия, сооружали первоначально деревянную небольшую церковь, а уже потом, после накопления средств и роста количества сельчан, возводили более-менее значительную по размерам кирпичную. Не так было в Спасском-Спаске. Одна из причин этого – переносы населённого пункта, ставшие судьбой и города, в конце концов уничтожившей исторический Спасск (в 1953–1957 гг. он был перенесён из зоны затопления Куйбышевской ГЭС, ныне г. Болгар Спасского района Республики Татарстан).

Письменная история храмов города и его священно- и церковнослужителей начинается с конца XVIII в. Первый сохранившийся в архиве источник – духовная ведомость, относится к 1786 г. [5, л. 1]. В ней указывалась Николаевская соборная церковь Спасска (позже соборный храм стали называть Троицким). Штат её священно- и церковнослужителей состоял из настоятеля протопопа Льва Фёдорова, первого и второго священников Никиты Васильева и Егора Васильева, диакона Якова Романова, первого и второго дьячков Вонифатия Петрова и Ильи Егорова, а также первого и второго пономарей Ивана Степанова и Матвея Егорова [5, л. 1–1об.].

Духовная ведомость ценна ещё и тем, что в ней приведены списки горожан, которые приходили исповедоваться и причащаться в храм. Судя по всему, в них перечислены все жители Спасска, причём указаны полные составы семей. В 1786 г. в городе были следующие социальные группы: духовенство (29 человек), военные (овер- и унтер-офицеры и рядовые солдаты, 70 человек), приказные (44), дворовые (40) и поселяне (крестьяне, 1962). Общая численность населения равнялась 2145 жителям [5, л. 30].

В 1796 г., когда Спасск был на время (до 1803 г.) лишён городского статуса, а также упразднено духовное правление, протоиерея Троицкой церкви перевели в г. Лаишев (уездный центр Казанской губернии) [4, л. 45об.]. Позже эту должность восстановили. В 1816 г. клир города возглавляли два священника – Алексей Васильев и Андрей Иванов [4, л. 45об.]. Первый происходил из необучавшихся наукам (с 1805 г. обучался в академии, видимо, духовной) и был направлен в Троицкий храм в октябре 1797 г., второго после прохождения курса философии определили на данное место в августе 1800 г.

Должность диакона с июля 1807 г. занимал Василий Алексеев, из необучавшихся наукам (все перечисленные далее – тоже). Первым дьячком с января 1809 г. являлся Константин Антипов, вторым – Иван Ильин (с июня 1803 г.). И, наконец, первым пономарём с августа 1784 г. был Матвей Егоров, вторым – Григорий Яковлев (с марта 1808 г.). Троицкая церковь не имела собственной земли, а её клир ежегодно получал от прихожан 70 четвертей (около 11000 кг, или 11 т) озимого и ярового зерна.

В марте 1829 г. настоятелем Троицкого храма был назначен протоиерей Иван Николаевич Билярский, сын священника, окончивший в 1798 г. Казанскую Духовную академию [7, л. 2об.]. Он имел солидный послужной список, являлся священником в с. Алексеевском, настоятелем собора в Царёвококшайске (уездный город Казанской губернии), благочинным в разных местах, а также по прошению Совета Казанского университета с 1819 по 1824 г. штатным смотрителем Царёвококшайского уездного училища. И. Н. Билярский в 1804 г. награждался фиолетовой бархатной скуфьей, в 1816 г. – камилавкой, а в 1818 г. – наперсным (нагрудным) бронзовым крестом на ленте в память об Отечественной войне 1812 г.

Священником являлся Андрей Сингилеевский, сын диакона, получивший образование в философском классе Казанской духовной академии и после его окончания с августа 1800 г. служивший здесь [7, л. 2об.]. В 1805 г. стал депутатом, видимо, Духовной консистории. В 1818 г. священника наградили наперсным крестом, а в 1825 бархатной фиолетовой скуфьей. Клировая ведомость 1833 г. проливает свет на этого человека. В ней приводится его полные имя, отчество и фамилия – Андрей Иванович Сингилеевский (служил здесь с 1800 г.) [2, л. 27об.]. Получается, что Андрей Иванов (1816 г.), Андрей Васильев (1817 г.) и Андрей Сингилеевский (1829 г.) – одно и то же лицо. В 1833 г. в храме уже не было протоиерея, а А. И. Сингилеевский являлся первым священником. В 1832 г. его наградили набедренником. Дяконом оставался всё тот же Василий Алексеевич Пальмов. Вторым священником с октября 1832 г. (должность введена заново) стал Пётр Александрович Покровский, сын священника, окончивший курс богословских

наук в Казанской Духовной семинарии [2, л. 28об.]. В 1833 г. он получил строжайший выговор за отказ крестить слабого младенца.

Должность диакона в 1829 г. занимал уже знакомый нам Василий Алексеевич Пальмов, сын дьячка (с июля 1807 г., учился в Алатырском уездном училище) [7, л. 2об.]. С января 1826 г. он стал депутатом консистории, а с марта 1827 г. – законоучителем в городском уездном училище.

Первым дьячком с 1811 г. был Константин Антипов, сын священника, также упоминавшийся в ведомости 1816 г., вторым – Павел Мальков, сын священника (с июля 1826) [7, л. 2об., 3об.]. Пономарями служили Александр Дмитриевич Предтеченский, сын священника (с июля 1824 г.) и сын умершего пономаря Григория Яковлева Африканова.

Местные священно- и церковнослужители, за исключением вновь прибывшего протоиерея (он же был и благочинным храма), жили в собственных деревянных домах. Их содержание оценивалось как скудное.

Первая опись церковного имущества была сделана в 1805 г. [7, л. 1]. Также в храме хранились копии метрических книг с 1780 г., исповедные росписи с 1828 и другие документы. В 1829 г. в приход входили деревни Косяково, Куралово и Новомордова [7, л. 4об.–5]. Жители Спасска и указанных поселений распределялись между протоиереем и священником.

С 31 марта 1830 г. по указу Казанской Духовной консистории Троицкую церковь стали называть собором, а протоиерею предоставили такие же права, как и настоятелям других соборов [7, л. 12].

В 1848 г. первым священником был уже известный нам Пётр Александрович Покровский (с октября 1832 г.) [7, л. 115об.]. В июле 1833 г. он стал членом Спасского оспенного комитета, в апреле 1836 г. – законоучителем в уездном училище, а в августе 1843 г. – благочинным Троицкого собора. За отличное усердие к должности законоучителя в июне 1841 г. его наградили набедренником, в июле 1848 г. – скуфьей. Вторым священником с декабря 1842 г. служил Пётр Степанович Бетьковский, сын пономаря, закончивший курс богословских наук в Казанской духовной семинарии [7, л. 116об.].

Должность диакона продолжал занимать Василий Алексеевич Пальмов, с марта 1827 по апрель 1836 г. являвшийся законоучителем в уездном училище. То же самое касается и дьячков Константина Антипова и Павла Малькова (Мальхова). Пономарём с июля 1834 г. служил Никита Фёдорович Мудров, сын дьячка, обучавшийся в высшем отделении Казанского уездного училища [7, л. 116об.].

Середина XIX в. ознаменовалась таким выдающимся событием в жизни небольшого уездного городка, как сооружение нового кирпичного собора. Вероятно, старое деревянное здание пришло в ветхость – на момент начала строительства ему было 60 лет. К тому же оно явно не вмещало увеличившееся количество православных прихожан.

Возведение нового Троицкого храма с колокольной в Спасске начали 20 июля 1852 г. по Высочайше утверждённому 14 октября 1851 г. плану и фасаду, на средства церкви, и завершили в июне 1878 г. Престолов в нём было три: главный тёплый во имя Пресвятой Троицы (освящён 4 июня 1874 г.), в тёплых приделах – с правой стороны во имя Николая Чудотворца, а с левой – Покрова Пресвятой Богородицы. Вокруг построили деревянную ограду на каменных столбах с западной стороны [6, л. 1]. Иконостас в главном храме был четырёхъярусный, а в приделах двухъярусный. Совершенно очевидно, что во время длительного строительного процесса – ни много ни мало 26 лет, служба велась в старой церкви, расположенной, вероятно, рядом. Скорее всего, она началась в недостроенном новом здании с 1874 г. Увы, кирпичному Троицкому собору – наряду с педучилищем, составлявшим предмет гордости жителей Спасска-Куйбышева, – судьба отвела сравнительно небольшой срок – меньше ста лет (примерно 77), так как его во время переноса города из зоны затопления Куйбышевской ГЭС в 1955 г. взорвали.

В июне 1889 г. был составлен проект каменной (кирпичной) часовни, предполагаемой к постройке крестьянином Абрамом Кузнецовым на Троицкой улице Спасска вместо ветхой деревянной [1, б/л]. Сведений о точном времени реализации данного плана нет, но в середине 1890-х гг. часовня уже работала. Судя по всему, параллельно продолжала функционировать и деревянная часовня. Новая каменная стояла на площади, а старая – на месте бывшего храма, поэтому в этом районе располагались Троицкая улица и Часовенный переулок.

Согласно клировой ведомости 1896 г., настоятелем Троицкого собора являлся протоиерей Михаил Алексеевич Леонов, сын священника, окончивший курс наук в Орловской духовной семинарии [6, л. 2об.]. Он работал учителем одного из начальных народных училищ в Смоленской губернии, служил священником в сёлах Куралово и Матаки Спасского уезда. В феврале 1878 г. по инициативе прихожан Спасска М. А. Леонов стал помощником настоятеля собора и был рекомендован как благонадёжный и способный законоучитель для светских учебных заведений города. Однако с 1886 по 1891 г. он служил священником в с. Пичкасы Спасского уезда. В ноябре 1891 г. М. А. Леонова вновь назначили настоятелем городского Троицкого собора, а в октябре 1893 возвели в сан протоиерея.

Вызывает уважение список должностей, которые занимал протоиерей в разные годы: законоучитель Кураловского и Матаковского (1871–1878 гг.), Пичкаского (1886–1891 гг.) начальных народных училищ, заведующий и законоучитель Новославской школы грамоты (с 1891 г.), законоучитель Спасских уездного городского и женского приходского училищ (1878–1886 гг., второго – с 1893 г.), законоучитель третьей роты 85 резервного пехотного батальона (1882–1886 гг.), председатель Строительного комитета по возведению нового храма в с. Пичкасы (1886 г.), депутат от епархиального духовенства и окружных съездов (с 1886 г.), благочинный 1-го округа Спасского уезда (с 1891 г.), член Спасского уездного училищного Совета (с 1891 г.), директор Спасского уездного тюремного комитета (с 1891 г.), член Спасского отделения общества Красного Креста (с 1891 г.) и т. д. [6, л. 2об., 3об.].

М. А. Леонов имел немало наград за полезную и усердную службу: набедренник (1881 г.), бархатную фиолетовую скуфью (1890 г.), камиллавку (1894 г.) и пр. В феврале 1890 г. его удостоили Высочайшей благодарности

за пожертвование ценной иконы святого пророка Ильи стоимостью 400 руб. в церковь с. Пичкасы в память избавления императора Александра III и его семьи от гибели при крушении поезда 17 октября 1888 г. [6, л. 3об.].

Должность священника с сентября 1891 г. занимал Иван Петрович Богоявленский, сын священника, закончивший курс в Казанской духовной семинарии [6, л. 4об.]. Интересно, что до этого он был смотрителем школы для приготовления псаломщиков в Казани. И. П. Богоявленский также исполнял немало других должностей, среди которых выделяю следующие: законоучитель Спасских городского мужского (1891 г.) и приходского женского (1891–1893 гг.) училищ, законоучитель церковно-приходской школы в Спасске (с 1892 г.), помощник благочинного 1-го округа и т. д. [6, л. 4об., 5об.]. За открытие и содержание на собственные средства церковно-приходской школы в 1894 г. священника наградили набедренником.

Диаконом с октября 1887 г. являлся Александр Викторович Быстрицкий, сын дьячка, бывший военный, обучавшийся в казанских Духовном училище и Учительской семинарии (последнюю не окончил) [6, л. 5об.]. До этого служил псаломщиком, а затем диаконом в Казанском кафедральном соборе. С 1894 г. также работал учителем и помощником законоучителя в Спасской церковно-приходской школе.

Должность первого псаломщика с июня 1895 г. занимал Иван Петрович Попов, сын мещанина, имевший свидетельство на звание сельского учителя [6, л. 6об.]. С этого же года он работал учителем в местной церковно-приходской школе. Вторым псаломщиком с декабря 1882 по январь 1886 г. (в 1886–1892 работал в с. Пичкасы) и с мая 1892 г. был Степан Алексеевич Несмелов, сын дьячка, окончивший низшее отделение Казанской Духовной семинарии. В 1869 г. у него был кризис, в результате которого Несмелова уводили из духовного звания (но в декабре 1882 г. восстановили). Тогда же за нетрезвость и грубость псаломщика отправили в Архиерейский дом на две недели под епитимью [6, л. 7].

В 1896 г., как и прежде, у священно- и церковнослужителей собора не было ни пахотной, ни сенокосной, ни усадебной земли. Прихожане (горожане и жители слободы Новославка) ежегодно выделяли им по одной мере ржи и овса с венца (двора) – в указанном году получилось 200 мер ржи и столько же овса, т. е. всего около 4 т. Кроме того, источником дохода являлись жертвоприношения за требоисправления – в 1896 г. совершено 223 крещения, 31 венчание, 180 отпеваний, 131 погребение и 460 молебнов на общую сумму 1000 руб. [6, л. 1–1об.]. Продажа свечей принесла 301 руб. 72 коп., кошельковый и кружечный сборы – 288 руб. 98 коп., а пожертвования деньгами составили 545 руб.

В целом содержание клира оценивалось как посредственное. Показательно, что в 1906 г. по причине неурожая прихожане не выделили служителям собора натуральный платёж в виде овса и ржи, т. е. он не был стабильным. Зато с 1902 г. они стали получать жалование – протоиерей 400 руб., священник – 300, диакон – 150 и псаломщики по 100 руб. [3, л. 94б]. Протоиерей жил в своём доме, а остальные члены причта – на квартирах, получая от городских властей квартирное пособие от 48 до 50 руб. каждый.

При Троицком соборе имелась библиотека из 275 томов и 170 названий, причём она постоянно пополнялась новыми журналами и книгами. Так, в 1896 г. были выписаны следующие журналы: «Известия по Казанской Епархии», «Православный Собеседник» и «Церковные Ведомости» [6, л. 1об.].

Как и положено крупному храму и селению, здесь работало церковно-приходское попечительство, которое с ноября 1892 г. возглавлял местный купец В. М. Журин. В 1896 г. оно приобрело и израсходовало 200 рублей [6, л. 2].

Городскому собору принадлежала деревянная пятистенная караульная изба. Также в Спасске в это время действовала домовая церковь во имя Казанской Божией Матери в каменном здании тюремного замка. Она была построена на средства купца В. М. Калсанова (он же стал церковным старостой), а освящена 4 июля 1885 г. [6, л. 1об.]. Богослужения в ней проводились по воскресным и праздничным дням служителями собора. Кроме того, в городе находилось две часовни – одна каменная, возведённая на площади, а другая деревянная, сооружённая на месте бывшего храма (по данным 1906 г., она уже была каменной, построенной после 1896 г.).

Согласно одной из последних сохранившихся церковных ведомостей (1906 г.), в состав клира входили как уже знакомые нам, так и новые служители. Протоиерей М. А. Леонов после 1896 г. получил ещё несколько наград за усердную службу: наперсный крест от Синода ко дню рождения (1900 г.) и орден св. Анны III степени (1906 г.) [3, л. 949об.]. Кроме того, в 1900 г. его избрали в члены Императорского Палестинского общества.

Священником с августа 1904 г. стал Павел Арсеньевич Вишневский, сын священника, закончивший курс в Казанской духовной семинарии [3, л. 949об.]. Он работал на многих должностях, но наибольший интерес представляют следующие: законоучитель Спасского городского мужского училища (с октября 1904 г.), заведующий и законоучитель церковно-приходской школы (с октября 1904 г.), член и делопроизводитель Спасского отделения Казанского епархиального училищного совета (с августа 1904 г.).

Диаконом являлся всё тот же А. В. Быстрицкий, а вот псаломщики сменились. Первый (в сане диакона) – Иван Николаевич Болгарский, сын чиновника, из-за болезни не окончил Казанское городское училище, прибыл сюда в ноябре 1904 г. [3, л. 951об.]. У него было свидетельство на звание городского приходского учителя. Должность второго псаломщика с марта 1898 г. занимал Василий Алексеевич Смирнов, сын псаломщика, обучавшийся в Чебоксарском духовном училище.

С 1908 по 1918 г. настоятелем Троицкого собора являлся протоиерей Орест Константинович Александров, закончивший Казанскую духовную семинарию [8, с. 108]. Его судьба оказалась трагической. Первого августа 1918 г. перед вступлением в город белых его арестовали и расстреляли красные латышские стрелки.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 2. Оп. 14. Д. 301.

2. ГА РТ. Ф. 4. Оп. 65. Д. 24.
3. ГА РТ. Ф. 4. Оп. 138. Д. 24.
4. ГА РТ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 23.
5. ГА РТ. Ф. 9. Оп. 33. Д. 1.
6. ГА РТ. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1.
7. ГА РТ. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 5.
8. Липаков Е. В. Православные памятники // Спасские сказания. Казань: По городам и весям, 2003. С. 108–116.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПРАВОСЛАВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ СИМБИРСКА – УЛЬЯНОВСКА

Воркова Кристина Николаевна,

студентка,

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск,

Батаева Татьяна Александровна,

студентка,

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск,

*научный руководитель: **Бурдин Евгений Анатольевич,***

доктор исторических наук, профессор кафедры философии и культурологии,

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова», г. Ульяновск

Сохранение памятников архитектуры является одной из важнейших культурологических проблем, которая имеет общемировой характер. На данный момент в условиях интеграции и унификации мирового сообщества, в ходе интенсивного обмена информацией, активной популяризации идентичной и зачастую низкопробной массовой культуры весьма остро встает вопрос о сохранении национальной самобытности и бережном отношении к культуре прошлого. Неотъемлемой частью культурной среды, окружающей любого человека является архитектура. Особое значение при этом имеют православные памятники, которые концентрируют в себе многие стороны духовной деятельности человека. Исходя из этого, актуальной является проблема их сохранения в первоначальном состоянии, с целью приобщения к достижениям творчества предшественников новых подрастающих поколений, их социализации и нравственного развития. В статье рассмотрены история становления Симбирской епархии, а в её рамках – история здания духовной семинарии.

В 1651 г. все бывшие в г. Симбирске церкви и монастыри были причислены к патриаршей области и находились в полной зависимости от казенного патриаршего приказа [2, с. 17]. Они составляли, вместе с церквями, построенными в селениях Симбирского уезда, Симбирскую «десятину», т. е. особый церковно-административный округ патриаршей области [4, с. 38]. В патриаршем управлении термин «десятина» обозначал совокупность приходов, предоставленных, в административно-финансовом отношении, ведению поповского старосты [4, с. 39]. Такое деление области на более мелкие административно-финансовые единицы облегчало надзор за деятельностью духовенства, что к тому же сокращало разъезды поповских старост для сборов денежной дани, которой облагалась церковь.

10 февраля 1832 г. был издан Высочайший указ об учреждении Симбирской епархии [4, с. 51]. Синод обосновал свое решение тем, что количество населения и земли является достаточным для образования отдельной губернии, следовательно, и образования отдельной епархии. В Казанской губернии в то время было 406 приходских церквей, а церковных причтов – 607, в Симбирской же губернии – 603 церкви и 788 причтов [4, с. 51].

В состав Симбирской епархии вошла вся тогдашняя Симбирская губерния, включавшая в себе 10 уездов; восемь уездов, составляющих Симбирскую губернию в настоящее время и кроме того Самарский и Ставропольский уезды, которые с 1851 г. отошли к вновь образованной тогда Самарской губернии, где была учреждена самостоятельная епархия [4, с. 52].

Первым был назначен на кафедру Симбирской епархии архиепископ Симбирский и Сызранский Анатолий. В августе 1832 г. он прибыл в город и занялся вопросом о строительстве зданий для размещения будущей Симбирской епархии. Изначально он планировал построить здание семинарии на территории Покровского мужского монастыря. Купить подходящее здание не удалось, и губернскому архитектору И. Н. Лизогубу был заказан проект новых строений. В 1832 г. архитектор разработал чертежи на постройку трех каменных двухэтажных корпусов на территории Покровского монастыря и новой его ограды [5]. По его предложению были выкуплены и снесены частные дома по ул. Сызранской (12 сентября). Образовалась обширная площадь, позже названная Николаевской (территория сквера И. Я. Яковлева). На ее восточной стороне и планировалось построить огромное здание духовной семинарии с общежитием и квартирами преподавателей (позже на этом месте возведено здание духовного училища). Проект И. Н. Лизогуба требовал средств, которыми не располагала не только Симбирская епархия, но и Синод.

22 июня 1838 г. архиепископ Анатолий сообщил в комиссию духовных училищ, что для семинарии представлена возможность купить двухэтажный дом с каменными и деревянными постройками во дворе на Большой Саратовской улице: «Дом сей совершенно прочен, благоустроен и приспособлен к училищным потребностям... Каменной флигель на дворе, занятый разными хоз.[яйственными] службами, может быть преобразован в жилье для учеников; на левой же стороне каменные каретники могут быть обращены в общую трапезу, поварни и кладовые...» [1, с. 8]. Усадьба принадлежала купцам Косолаповым и была построена в 1790 г. Фактической владелицей была вдова Д. М. Косолапова, но формально переговоры о продаже вел ее сын – Василий Косолапов.

В феврале 1840 г. состоялась покупка данного дома, который и составил основу того здания, которое в настоящее время находится на улице Гончарова и значится под № 30. Дом был приобретен за 12 тыс. руб. [1, с. 9]. Стоит отметить, что дом не оправдал своих надежд. Уже при личном осмотре купленного дома, оказалось, что он требовал капитального ремонта в размере 9 тыс. руб., цена которого была близка к той, за которую купили дом.

2 сентября 1840 г. состоялось официальное открытие Симбирской духовной семинарии (рис. 1). Первым ректором Симбирской духовной семинарии стал архимандрит Гавриил, в миру – Василий Николаевич Воскресенский – первый в России историк философии [1, с. 9].

Весной 1841 г. была сделана попытка приступить к ремонту зданий, но уже в самом начале работы возникли сомнения в прочности самого здания, и ученики были переселены на частные квартиры [1, с. 9]. Эти сомнения побудили архиепископа Анатолия провести освидетельствование основного дома и всех прочих построек.

При таких обстоятельствах Синод назначил специальную комиссию, которая с 25 по 30 октября того же года проводила освидетельствование здания. В комиссию также входил ректор Московской духовной Академии архимандрит Филарет, инженер-капитан Гофмейстер и др. В результате проверки было обнаружено, что основной причиной повреждений главного дома заключается в использовании плохого материала, неправильном расположении внутренних частей, а также «дурного» устройства здания с самого фундамента [1, с. 9]. Подвальный этаж признали прочным, т.е. он не представлял никакой опасности. Составив акт об осмотре, члены комиссии настоятельно рекомендовали произвести нужные работы под надзором опытного архитектора.

За лето 1843 г. были сломаны каменный двухэтажный флигель, стоящий по улице севернее главного корпуса, и одноэтажный каменный флигель в северной части двора. Взамен возвели новые строения, в т. ч. двухэтажный флигель, располагавшийся севернее главного корпуса. Позже он вошел в единый объем семинарского здания ныне дом № 30. Отделка же зданий затянулась вплоть до 1845 г. [1, с. 10].

3 февраля 1845 г. Синод распорядился, чтобы работы по реконструкции главного корпуса проводились по проекту инженера-капитана Гофмейстера, под надзором опытного архитектора. Эти работы, вероятно, были поручены губернскому архитектору А.А. Белому [1, с. 10]. Велись они более двух лет, а на момент их проведения семинария временно размещалась в Покровском монастыре и новом архиерейском доме. К началу 1847 / 1848 учебного года, все семинарские здания были готовы к приёму учеников.

Корпус состоял из двух этажей и третьего антресольного зала. В нем располагались классы, зал собраний с библиотекой, комнаты для занятий и т. п. В отдельном двухэтажном флигеле помещались: квартира ректора, комнаты для инспектора, эконома и наставников. В новом каменном одноэтажном флигеле, стоящем во дворе помещались: правление с канцелярией, архив, ученическая столовая с кухней, кладовая.

Рис. 1. Симбирская духовная семинария. Фото начала XX в.

В первые годы семинария не имела своей церкви. Лишь в 1854 г. на её территории устроили и освятили домовую церковь во имя святителя Петра, митрополита Московского. Пожар 1864 г., охвативший весь город, не пощадил и духовную семинарию. Он истребил все семинарские постройки, оставив на их месте одни обгорелые стены, из-за чего под училищные здания и общежитие пришлось нанимать частные дома, которые сохранились в западной части города. Только спустя пять лет начались восстановительные работы.

В июне 1869 г. член строительного комитета семинарии протоиерей П. Охотин высказал предложение «подвести под фундамент обгоревшего наставнического флигеля новый фундамент, т. к. фундамент очень ветхий, а флигель этот и простоял 5 лет непокрытый и в подвале есть родники, от которых там неисходная сырость и фундамент сильно пострадал» [1, с. 11]. В этом же месяце купец Андреев произвел осмотр здания по наставлению инженера Колодко, и определил, что «фундамент во всех местах, в которых он открыт был до основания, имеет хорошую разбутовку и сам прочен и крепок, так что на глаз представляется слитным цельным камнем и заступом весьма трудно пробивается; разрушились от влаги только наружные кирпичи...» [1, с. 11]. В итоге было решено исправить только облицовку здания, а у главного корпуса сделать пристрой, с целью его удлинения. Все работы по восстановлению семинарских зданий велись по проекту, составленному в Департаменте водяных сообщений, в частности фасады были выполнены художником-архитектором К. Лазаревым. Наружная сторона флигеля до окон первого этажа была облицована белым камнем.

В 1870 г. работы продолжились внутри зданий семинарии. В главном корпусе были возведены три чугунные лестницы, которые сохранились до нашего времени. 8 ноября этого же года освятили новую домовую церковь во имя трех Святителей, перестроенную заново из каменного флигеля, стоявшего на семинарском дворе [6, с. 1].

За лето 1871 г. были произведены отделочные работы и уже в новом учебном году занятия стали проходить в новых отстроенных зданиях. Весной 1896 г. уличные фасады здания соединили, в результате оба дома образовали одно большое здание [3, с. 36].

Рис. 2. Современное состояние здания бывшей Духовной семинарии. Фото К.Н. Ворковой

В начале XX в. было застроено узкое пространство между северной стороной этого дома и соседним домом. В таком виде здание дошло до настоящего времени. В 1918 г. главный семинарский корпус национализировали. С 22 марта согласно предписанию комиссара г. Симбирск верхний этаж семинарии должен быть конфискован для проведения съезда губернской рабочей конференции. Другим распоряжением этот этаж и часть второго с 23 марта занимают 3-й национальной Социалистической армией и партизанским отрядом. Чуть позже, 27 марта, вышло предписание военного комиссара г. Симбирска, на основании которого два этажа отводились под 117 эвакуационный госпиталь. С 1920-х гг. в здании размещались различные советские учреждения [1, с. 12].

В конце XX в. в левой части здания (бывшем флигеле) размещался Ленинский районный отдел занятости населения. В первой основной части располагались на первом этаже Ульяновский учебный центр Госкомстата РФ, на втором – областной отдел по труду при облисполкоме, а на третьем – государственное предприятие «Ульяновскжилкомхоз». Сейчас здание оборудовано под торговую площадку, а на фасаде его нижнего этажа располагается реклама [3, с. 24] (рис. 2).

Изменения – неотъемлемая часть развития общества. Хорошо, если они приводят к позитивной трансформации, усложнению, насыщению смыслами, а не упрощению и стиранию памяти. Обобщая всё вышеизложенное, мы можем утверждать, что правильный, бережный подход к приспособлению исторических зданий – это не только путь к их сохранению, но и способ сделать их ценными для каждого человека. В противном случае мы теряем не только архитектурные памятники, но и историческую память и преемственность. На примере здания Духовной семинарии мы проследили историческую судьбу и развитие памятника архитектуры от 1830-х гг. до сегодняшних дней. Неудовлетворительное состояние, в котором находятся многие региональные памятники архитектуры, требуют привлечения внимания молодежи, преподавателей, краеведов, с целью формирования устойчивого общественного интереса в области охраны культурно-исторического наследия.

Список источников и литературы

1. Акт государственной историко-культурной экспертизы, проекта зон охраны объекта культурного наследия регионального значения «Здание Симбирской духовной семинарии. Вторая половина XIX в. Начало XX в.» от 20.05.2017 г. С. 8–12.
2. Историко-архитектурные памятники Симбирска – Ульяновска. Полный каталог. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2006. 400 с.
3. Историческая застройка Симбирска-Ульяновска: обзор / Гос. ист.-мемор. заповедник «Родина В.И. Ленина»; сост. О. А. Свешникова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2001. 96 с.
4. Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования / СГУАК. Симбирск: [Б.и.], 1898. 400 с.
5. Михайлова Н. Ко дню открытия Симбирской духовной семинарии. URL: <https://ulpressa.ru/2017/09/27/brandergofer-simbirskaya-duhovnaya-seminariya/>.
6. Освящение храма в возобновленной после пожара Симбирской духовной семинарии // Симбирские Губернские ведомости. 1870. № 84 от 17 февраля.

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В АЛИМЕНТАРНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ КАЛМЫКОВ

Дорджиева Татьяна Олеговна,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Калмыки являются единственными выходцами из Монголии, проживающими в европейской части России, исповедующими буддизм и представляющими культуру кочевнических народов. Их родиной принято считать Центральную Азию, а прародителями – западных монголов.

История этого народа начинается обособления части ойратов на территорию современной Калмыцкой республики в конце XVI – начале XVII в., тогда же произошло их присоединение к Российской империи [1].

Алиментарная культура калмыков связана, прежде всего, с кочевым образом жизни. Основные блюда состоят из молока и мяса. Каждодневное употребление мяса в рационе могла позволить себе наиболее состоятельная доля населения, остальная масса калмыков питалась преимущественно молочными продуктами, и мясо употреблялось редко. Особенно приволжских и прикаспийских улусов было употребление рыбных блюд в рационе.

Наибольшее значение в питании всех калмыков имеет так называемый калмыцкий чай, в приготовление которого добавляли молоко, масло и соль. Чай входил в ежедневный рацион питания калмыков. Всех гостей вне зависимости от социального и материального положения, пола, возраста и национальности угощали в первую очередь чаем и лишь затем иной пищей. Этот обычай обнаружен у цайдамских монголов, во Внешней Монголии и в Бурятии. Из народов немонгольского происхождения такой чай употребляют южные алтайцы, хакасы и тувинцы, т. е. тюркоязычные народы – соседи монголов и ойратов [1].

Рецепт калмыцкого чая заимствовали соседние русские поселения, которые проживали на территории современных Ростовской, Волгоградской и Астраханской областей. Традиция калмыков варить калмыцкий чай каждодневно сохраняется до сих пор.

Обыденная пища у калмыков состояла из молока и приготовленных из него продуктов. Из молока коровы получали такие продукты питания, как масло, сметану, творог. Большую часть молока использовали для приготовления чигяна (кислого молочного напитка), из которого выкуривалась молочная водка – арака разной крепости, которую нельзя было употреблять мужчинам до определенного возраста. Перегоняли чяган на водку в основном для получения бозо – гуши, которая оставалась после выкуривания араки.

Перегонка чигяна на араку была распространена среди монголов, бурят, тюркоязычных южных алтайцев, хакасов, тувинцев. Это объясняется общностью их исторических судеб и многовековым соседством, а у монгольских народов – их генетическим родством.

Характерной чертой пищевого режима калмыков был его сезонный характер. Блюда из мяса весной и летом употреблялись реже, так как ведущими были молочные продукты питания. В зимнее же время преобладали растительные и мясные блюда, также дополняемые молочными продуктами.

Баранина являлась самым распространенным видом мяса у калмыков, так как считалось, что бульон из баранины является целительным и лечит некоторые болезни. Помимо баранины калмыки употребляли в свой рацион мясо крупного рогатого скота, конину, свинину, а также мясо все домашних птиц. Из дичи употреблялось мясо сайгака и дикого кабана. Мясо диких животных и птиц употреблялось редко.

После забивания барана калмыки обычно варили внутренности – дотур, в том числе легкие, сердце, почки и печень [3]. При угощении почетной частью туши считалась баранья голова. Предварительно от нее отделялась нижняя челюсть, и в таком виде голова подносилась самому старшему в семье или самому уважаемому гостю. Традиция варить дотур сохраняется у калмыцкого народа по сей день.

Калмыки знали различные способы сохранения мяса от порчи и заготовки его впрок. В жаркий период года мясо сушили на солнце, предварительно чуть подержав в соленой воде. Зимой коптили его, вывешивая у дымохода на верхнем круге кибитки. Разрезанное на куски мясо солили, смешивали с нарезанным чесноком, лавровым листом, гвоздикой. В таком виде оно помещалось в овечий рубец, этот «мешочек» завязывался и вешивался на харачи. Мясо подвергалось копчению, что также обеспечивало сохранение его питательной ценности [2]. Из прямых бараньих кишок калмыки приготавливали колбасу (чиксен махан). Приготовление колбасы был известен у монголов еще с XIII в.

Одним из любимых блюд у калмыков является «бёрг» – мясо, которое крошат на маленькие кусочки, а затем заворачивают в кружочки теста и варят. По сей день калмыки используют сливочное масло, добавляя его в калмыцкий чай. Из животных жиров лучшим считалось баранье и свиное сало.

В районе Нижнего Поволжья часто встречаются блюда из рыбы. Самое распространенное – уха. Так же употребляли жаренную и вяленую рыбу. По свидетельству П. С. Палласа, во 2-й половине XVIII в. калмыки покупали хлеб и крупу у россиян и «употребляли одного немного». Но начиная с 30-х гг. XIX в., когда калмыки стали постепенно заниматься земледелием, особенно в дербетовских улусах, доля мучных продуктов в рационе стала выше. Уже с середины XIX в. лепешки пекли и на сковородках. Этот способ печения пресных лепешек бытует у южных алтайцев, монголов, бурят, тувинцев, казахов и башкир[4].

Борцоги, которые приготавливались из пшеничной муки, жарили в масле, животном или растительном, и, как правило, в котле. Борцоги относились к числу любимых кушаний. Их употребляли редко, как праздничное блюдо, ими угощали гостей.

Домашнюю утварь калмыки изготавливали из металла и дерева. В любой калмыцкой семье был чугунный котел, в котором готовили основные блюда. С конца XIX в. старый кухонный инвентарь быстро вытесняется обычной городской посудой, бутылками, штофами, стеклянными четвертями, металлическими сосудами и т. д. [4].

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. произошли заметные изменения в бытовом укладе калмыцкого народа, в его культуре и психологии. Они являются результатом перехода значительной части калмыков к полупоседлости, оседлости, земледелию и рыболовству, а также усилившегося влияния русского населения и проникавших в хозяйство капиталистических отношений.

Список источников и литературы

1. Митиров А. Г. Ойраты – Калмыки: Века и поколения. Элиста: Калм. книжное изд-во, 1988.
2. Эрдниев У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. Изд-во, 1985.
3. Жуковская Н. Л. Калмыки // Народы и религии мира: Энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков; редкол.: О. Ю. Артемова, С. А. Арутюнов, А. Н. Кожановский, В. М. Макаревич (зам. гл. ред.), В. А. Попов, П. И. Пучков (зам. гл. ред.), Г. Ю. Ситнянский. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 928 с.
4. URL: http://kalmyki.narod.ru/projects/kalmykia2005/html/erdniev_1985/15.htm.

ОСОБЕННОСТИ ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АСТРАХАНИ НАЧАЛА XX в.

Шагарова Людмила Александровна,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

В соответствии с Указом Президента Владимира Путина [1, с. 1], 2019 г. в Российской Федерации объявлен Годом театра. Его основные задачи связаны с сохранением и популяризацией лучших отечественных театральных традиций и достижений; доступностью лучших образцов театрального искусства для жителей разных городов, совершенствованием организации театрального дела и привлечением внимания к вопросам театрального образования. В настоящее время обращение к театральному творчеству принимает все более интенсивный характер и главная причина этому то, что театр – искусство синтетическое. Именно театр, как никакое другое искусство, вбирает в себя множество элементов, он разнообразен и разнолик.

Театр – являет собой особое художественное целое, он привлекает публику тем, чем не обладает ни одно искусство – живым человеком, неповторимостью непосредственного контакта живого искусства с публикой, очарованием того, что искусство театра уникально – только оно творится «здесь», в данный момент, на глазах у зрителей. Театральное искусство это великолепный, красивый, увлекательный мир, который воздействует на человека целым комплексом художественных средств, таких как: художественное слово, наглядный образ, живописно-декоративное оформление, музыка, костюмы, грим, пластика.

История театра – это история человеческого творческого дара, парад блестящих человеческих способностей, уникальных талантов. Изучая историю театра, мы узнаем о многом, о том, что в театре можно быть куклой, петь, говорить или молчать, как в театре пантомимы. Наблюдая за переменами, происходящими в жизни общества, и как следствие их отражение на сознании людей, невольно приходишь к выводу, что медленно и неуклонно позитивно меняется отношение человека к самому себе, своему внутреннему миру, творческому потенциалу и индивидуальности как данности. Человек обратился к себе с целью познания, и открытия самого себя, что ведет к естественному желанию как-то себя проявить.

Астраханский драматический театр – один из старейших театров России. Официальной датой рождения профессионального театра в г. Астрахани является 12 декабря 1810 г. С первых же дней театр занял заметное место в культурной и общественной жизни не только города, но и Нижнего Поволжья и Юга России. Интерес к особенностям театральной культуры Астрахани начала XX в.а неслучаен, на стыке веков, в преддверии больших перемен, повышение интереса к проблемам культуры того периода – неслучайно. Изучая прессу 1900 г., хотелось бы отметить, что театр занимал большую часть жизни Астрахани.

В рубрике «Театр» в газетах «Астраханские губернские ведомости», можно прочесть об образовательном и воспитательном значении театра, о том, что за пять месяцев театр принес доход 44953 руб. 77 коп, что зимою же, увы, сборы невелики [2, с. 2]. Несмотря на это 4 января 1900 г. состоялся бенефис артистки Е. И. Мострас в спектакле «Темный бор», о котором написали в газете, что четырехактная драма Немировича-Данченко «Темный бор», привлекла много публики, а сама пьеса очень сценична, хоть и устарела [3, с. 3]. В этот период шли такие спектакли как «Порыв» – драма в 4-х действиях Н. О. Ракманина, «Вторая молодость», «Откликнулось Сердечко», а после спектакля были танцы. В статье того периода написано, что 3 января 1900 г. привлек в театр по обыкновению много публики, была поставлена известная пьеса Островского «Гроза» и Госпожа Журавлева (Катерина) понравилась публике [4, с. 3]. В игре других артистов замечались недочеты, как результат частых и утомительных праздничных спектаклей. Утренние спектакли шли по «уменьшенным ценам» для привлечения публики [5, с. 1]. На сцене шли спектакли «Под душистой веткой сирени», «Лекок» [6, с. 1].

Писали о спектаклях к бенефису О. В. Арди-Светловой по известной пьесе Пьера Бертон и Шарля Симона в переводе князя Баратинского «Заза», рассказывается что «Заза» дается на русском и французском языках. «У нас она идет первый раз» поэтому были пожелания хорошей игре артистке [7, с. 2]. Также в пользу недостаточных студентов Астраханского Московского Императорского университета давали спектакль «Жизнь» в завершении: «Волшебный вальс» [8, с. 1]. Состоялся Бенефис капельмейстера И. П. Фишкина «Накипь» в газете написали, что в бенефисе г. Фишкин поставит лучшие номера своего репертуара, послушать которые доставит большое удовольствие, так же автор выразил надежду, что вечер 13 января привлечет много публики в театр, тем более что идет новая пьеса..., в которой автор пытается сатирически отнестись к современным течениям в общественной науке и искусстве, таких как к марксизму и декадентству. Рекомендуем посмотреть, так как Боборыкин единственный автор, отзывающийся хоть с необширным пониманием и знанием на современные течения [9, с. 3].

После спектакля писали, что действия в пьесе мало, но смотреть ее интересно. Душевный переворот княжны Ольги решительно непонятен, хотя Арди-Светлова и сделала из этой роли, все что смогла. Перед началом спектакля, оркестр под управлением бенефицианта исполнил чудную увертюру «Тангейзер», по окончании которой оркестр под аккомпанемент рукоплесканий публики сыграл тушь и И. П. Фишкину был преподнесен подарок [10, с. 3]. Иногда пресса критиковала спектакли, как это было со спектаклем «Заза» пьеса в пяти действиях, перевод книги Барятинского. Упомянется, что вульгарный тон и манеры, разнузданность чувств, бесстыдное кокетство, откровенный разврат – вот Заза, и среда, в которой она дышит. Всем пользуясь и никого не любя. Бенефициантка очень удачно выбрала пьесу, вполне подходящую к ее дарованию. Много движений, порывистости, частая смена настроения, передана мастерски, в очень выгодном свете показали артистку. Не совсем удавались г-же Арди-Светловой лишь те места, где

должна быть сильно-драматическая жилка: здесь чувствуется некоторая деланность. Все же и публика, и бенефициантка, по-видимому, остались довольны. Г-же Арди-Светловой поднесены были цветы и ценный подарок [11, с. 3].

Публики было довольно много, хотя можно желать и большего. На общедоступном вечере литературного драматического общества 16 января ставилась «Трагик по неволе», шутка Чехова, пьеса говорит поставлена экспромтом «по неволе», следовательно, неудивительно, что исполнение вышло не совсем удачно. «Ночное» идет не первый раз и на этот раз несравненно лучше, исполнители сдержанные и не отпускали своего ненужного юмора, за что шумных аплодисментов удостоились [12, с. 3]. Упоминается, что для чтения стихов Никитина и Некрасова, публики собралось 200 человек и сбор составил 18 руб. Писали о бенефисе В. Д. Муравлева-Свирского, давалась известная комедия Островского «Без вины виноватые», о пьесе речь почти не идет, в статье сделан акцент на другое. Несколько слов об отношении нашей публики к бенефициантам.

Иногда все ложи оказываются, записаны заранее, и бенефицианту приходится отказывать новым требованиям. К вечеру же некоторые записавшиеся присылают записки, в которых уведомляет, что не могут занять ложи, которые остаются пустыми и неоплаченными, следовало – бы помнить, что это наносит ущерб бенефицианту, и отказываться от лож нужно было до 12 ч дня [13, с. 3].

Проходили литературные вечера, так 20 января 1900 г., читался роман Л. Н. Толстого «Воскресенье» [14, с. 3]. Представлены две заметки, которые заняли две полосы. Бенефис Муравлева-Свирского. Проанализирована постановка пьесы по Островскому. Бенефициант вложил много души в каждое слово знаменитого монолога, обращенного к обществу. Бесподобны были гг. Соболевиков-Самарин, Боур, Михаленко, г-жа Журавлева, с начала и до конца проводившие свои роли с присущим им талантом и тактом. Сбор был полный. Вторая заметка – К бенефису И. Е. Славатинской [15, с. 3]. В пятницу, 21 января, предстоит бенефис пользующейся заслуженной любовью И. Е. Славатинской. Дана будет «Нина» комедия в трех действиях [16, с. 3], о которой позже писали в заметке о прошедшем бенефисе: «Бенефициантка исполнила роль Нины талантливо и с пониманием своего положения и той морали, которую она воплощала». Проанализирована комедия, дана оценка игры артистов. Г-жа Журавлева (Мария) изящно, с чуткостью опытной артистки провела свою роль. Г. Муравлев-Свирский горячо провел свою роль, хотя слабое знание роли давало о себе знать. Сбор был удовлетворительный. Вообще, кажется, дела труппы поправляются [17, с. 3].

28 января, в пятницу, впервые на Астраханской сцене пойдет спектакль «Вокруг пылающей Москвы», новая пьеса А. Мосолова, которая произвела фурор в Петербурге. Пьеса представляет собой грандиозное зрелище времен отечественной войны 1812 г., она богата декорациями, специально сшиты новые костюмы, 200 человек на сцене, два оркестра, хора и певцы. Панорама должна быть восхитительной (описаны герои 1812 г.), драма написана стихами, музыка величественная. Г. Фишкин не раз уже исполнял «1812 г.» от труппы Г. Соболевикова-Самарина можно ожидать много и надеется окупить большие затраты на спектакль. Позже писали: Советуют посмотреть, так как картины начала столетия из русской жизни, свежи и недурно написаны декорации, из которых выделяется, горящая Москва на горизонте, сценки из военного быта, танцы, песни, ласкают зрение и слух. Во втором акте большой полонез, исполнен с такой грацией, что смотреть приятней, чем на профессиональных балетных танцовщиц, что касается мазурки², она вызвала у зрителя большой восторг. В первой паре Г. Михаленко и Э. Славатинская, во второй Истимина и Холмская. Воодушевление от танца передалось публике. Спектакль вышел очень красивый, он выходит во второй раз и автор выразил надежду, что публики он соберет столько, что придется ставить представленные стулья [18, с. 2].

В воскресенье 30 января утром бенефис помощника режиссера М. Г. Игнатьева, управляющего А. Ф. Федорова «Каширская старина». Несмотря на то, что все внимание уделено известным артистам, вся черная работа ложится и на других артистов. Премьеры получают хороший гонорар, нередко подарки, иногда их так много, более чем иной раз в месяц, надеется, что публика будет отзывчива, так как драма Аверкиева, является ценной величиной даже для репертуаров столичных сцен. А вот «Американка», пьеса в пяти действиях, А. Дюма (перевод Гриднина и Самойлова) была раскритикована, писали, что исполнение было несколько вялым, лишь к концу «священный огонь» согрел несколько игру уставших артистов. В заключение была дана оперетта «Русская песня в лицах». Прощальный бенефис Соболевикова-Самарина. Для прощания с астраханской публикой ставит драму «Роковой шаг», соч. Карьева. Реплика в конце заметки: «Все же нынешние театральные дела лучше, чем предыдущего сезона, и заслуга в этом принадлежит никому иному как г. Соболевикову-Самарину. Бенефицианту поднесены были подарки, между прочим, лира увитая зеленью. Сбор составил 960 руб.» [19, с. 3]. Шла драма «Сын императора» в пяти действиях в переводе Берникова. Писали, что исполнение было во всех отношениях превосходным, если не считать обычные промахи г. Башкирова (Филипп), г-жа Журавлева (Флорида) и другие актеры провели роли дружно и с чувством меры [20, с. 3].

Масленичная неделя началась с успехом, несмотря на явную болезнь г. В. Д. Муравлева-Свирского, исполнявшего трудную роль музыканта Свенгали. Отмечается, что на бенефисе И. Ю. Журавлевой, публики было довольно много. Писали о бенефисе Е. Ф. Боура, поставлены были «Отцы и дети». Дальше дан анализ игры актеров, а вторая заметка посвящена была состоявшемуся в воскресенье прощальному спектаклю, в котором принимала участие почти вся труппа. В заключение состоялся дивертисмент. Театр был переполнен, овациям не было конца. Соболевиков-Самарин о народных спектаклях в Астрахани писал: «...Каким образом вам удалось это достигнуть? Постепенно приучал народ к театру с его многонациональностью. Я крайне удешевил места... 2 раза в неделю я ставил доступные народу пьесы, назначая цены от 5 коп до 1 руб. Рассказал, что инородцы, татары гурьбами занимали ложи, театр и публика остались довольны» [21, с. 3].

² Краковяк.

Театр как часть культуры обладает большим творческим потенциалом, он преобразует окружающую среду, общество, быт людей, самого человека, и оценивается как важнейший фактор жизнеустройства, созидания, общественного развития, человеческой самореализации и как неиссякаемый источник инноваций. Отсюда стремление выявить потенциал театрального искусства, его внутренние резервы, возможности активизации.

Сегодня межкультурные различия становятся главным фактором международной политики, где выходят взаимоотношения и взаимодействия различных культур и цивилизаций. Наш мир становится все более взаимосвязанным и взаимозависимым, и усиливаются процессы культурной универсализации, обостряется проблема сохранения культурной самобытности многих народов.

Процессы глобализации в мире обостряют проблемы культуры двояким образом: во-первых, угрожая сохранению культурной самобытности стран и народов, во-вторых, насильственным, искусственным навязыванием единых стандартов и образцов культурной жизни. Высокие темпы развития современных обществ и их дальнейшее ускорение, насыщенность исторических событий, нестабильность и неравносность социокультурных процессов актуализируют глубокое изучение культуры и закономерности ее развития.

Вопросы истории театра и его дальнейшее развитие, и изучение способствует повышению общекультурного развития, как отдельных людей, так и различных сообществ. Однако такие науки, как история, археология, этнография, антропология, социология, психология в конечном итоге, изучают лишь отдельные аспекты феномена театра, используя свои методы исследования, но для этого недостаточно только перечисления фактов и их описания в хронологической последовательности. Для того, чтобы понять значение и роль театра необходимо привлечь весь комплекс гуманитарного знания. Понимание места и роли театра в жизни людей, очень важно, так как во все времена театр притягивал к себе передовую часть общества демократизмом, народной правдой и нравственностью. И даже не признаваемый, а иногда и преследуемый официальными властями театр, не отстававший от движения своего времени, почти всегда являлся центром идейной и духовной жизни горожан, видевших или желавших видеть в нем высокое общественное предназначение.

Список источников и литературы

1. Указ Президента РФ № 181 от 28 апреля 2018 года. URL: <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-181-ot-28-aprelja-2018-goda-28-04-2018.html>.
2. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 1.
3. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 4.
4. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 3.
5. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 5.
6. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 6.
7. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 6.
8. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 8.
9. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 8.
10. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 11.
11. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 9.
12. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 12.
13. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 15.
14. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 14.
15. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 15.
16. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 18.
17. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 20.
18. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 24.
19. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 30.
20. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 36.
21. Астраханские губернские ведомости. 1900. № 63.
22. Авторская обучающая программа «Ступени» педагога Л. А. Шагаровой.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1920-х – НАЧАЛА 1930-х гг.
О РУССКОМ «БОНАПАРТИЗМЕ»

Антропов Олег Константинович,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань,*

Грязев Антон Евгеньевич,

*магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Анализируя внутриполитическое развитие СССР в 1920-х гг., эмигрантские публицисты проводили аналогию между Великой Французской революцией 1789–1793 гг. и Великой Российской революцией 1917 г. Особенно настойчиво отличалась в этом сравнительном анализе газета «Руль». Не все политики считали такой сравнительный анализ корректным. Уже в начале 1924 г. «Руль» чётко обозначил свою позицию в вопросе о возможности установления в России-СССР бонапартистского режима. Для правых кадетов ни Л. Д. Троцкий, ни И. В. Сталин, ни любой другой из большевистских лидеров на роль спасителя Отечества – русского бонапарта не годился. «Руль» считал, что для эмиграции борьба Троцкого и Сталина полезна только в одном аспекте – эта борьба раскалывает РКП(б) и ослабляет советское государство, а значит создаёт благоприятные условия для свержения большевистского режима. Имена Троцкого и Сталина не упоминаются в ряду претендентов на роль бонапарта. «Руль» говорит о значении фракционной борьбы для ослабления коммунистической партии и перспективах, которые открываются в результате для анти-советской борьбы русской эмиграции. «Лишь после завершения схватки перед Россией может забрезжить новое время. Новому правителю останется лишь поднять власть, упущенную большевиками. Новым правителем не может быть ни один из большевистских лидеров, в том числе и Троцкий» [1, с. 2].

«Руль» первым из эмигрантских газет на своих страницах констатировал, по итогам январской 1924 г. Конференции РКП(б), на которой Троцкий был подвергнут резкой критике, что его звезда закатилась и падение лишь дело времени. Правым кадетам уже тогда стало ясно, что в борьбе за власть победит Сталин и его сторонники. Меньшевики ошибочно считали, что в условиях однопартийной диктатуры, Троцкий один из немногих, кто отстаивает принципы демократии. Газета «Социалистический вестник» писала: «Требование внутрипартийной демократии, возглавляемой Троцким оппозиции, было первым стуком в дверь. За ним должно было последовать требование демократизации всего общества. Следуя в фарватере партийной оппозиции, широкие массы городских рабочих и крестьян должны потребовать демократических прав» [2, с. 2].

Левые кадеты сторонники П. Н. Милюкова, как и меньшевики, симпатизировали Троцкому и желали победы в политической борьбе в СССР троцкистам. С 1924 г. «Последние новости» убеждали читателей, что Троцкий наиболее подходящая кандидатура на роль русского бонапарта. На самом деле этим утверждением левые кадеты оказывали Троцкому «медвежью услугу». Иностранный отдел ОГПУ тщательно отслеживал все публикации в эмигрантской прессе относительно СССР, и представлял высшему руководству страны еженедельные обзоры эмигрантской печати. Естественно все высказывания относительно Троцкого учитывались его соперниками и использовались против него. В отличие от «Руля», «Последние новости» изображали Троцкого как спасителя Отечества, поскольку, как считали левые кадеты, в случае победы Троцкого процесс перерождения советского социалистического строя в буржуазный ускорится. Своей политикой Троцкий приблизит падение большевистского режима. В случае своей победы во фракционной схватке за власть Троцкий станет могильщиком социализма в СССР и лопатой, с помощью которой он эту политическую могилу выкопает, будет теория «перманентной мировой революции». Ошибка русских эмигрантов была в том, что они преувеличивали масштабы раскола и остроту противоречий в правящей коммунистической партии, а также преувеличивали степень сопротивления народа социалистическим преобразованиям в стране. Эти иллюзии сеяли надежду в среде русской эмиграции на падение Советской власти в ближайшие годы и их скорое возвращение на Родину.

«Руль» не отдавал предпочтения ни Троцкому, ни Сталину, ни любому другому советскому лидеру. Все они были для правых кадетов врагами. Для «Руля» борьба за власть в СССР после смерти Ленина это была схватка пауков в банке, и их взаимное уничтожение было благом для страны. «Значение борьбы Троцкого и его сторонников против Сталина заключается в том, что большевики уничтожают друг друга, не имеет никакого значения, какая из противоборствующих сторон погибнет первой. Конец для обеих был бы одинаково ужасным» [3, с. 1]. «Руль» старался беспристрастно отслеживать борьбу за власть между Сталиным и Троцким, в основном по советским газетам. За Троцким газета наблюдала и комментировала все его шаги и действия вплоть до его высылки из СССР.

К середине 1920-х гг. в эмигрантской политической среде сложился миф о Троцком как альтернативе Сталину. Это было заблуждение, иллюзия, которую создавал накал политической борьбы в СССР после смерти Ленина. Никакой демократизации общественно-политического строя и либерализации экономики Троцкий не обеспечил бы. Троцкий был не меньшим экстремистом и диктатором, чем Сталин. Троцкий пролил немало русской крови во время красного террора в период гражданской войны. Сталин был осторожным политиком, а Троцкий был авантюристом, со своей теорией «перманентной революции» обязательно втянул бы страну в войну с мировым капитализмом.

К широкомасштабной, тотальной войне в 1920-х гг. СССР был не готов, и поражение нашей страны стало бы неизбежным. Умелый политический демагог и блестящий оратор Троцкий эксплуатировал тему внутрипартийной демократии. Эмиграция считала, что Троцкий разрушитель коммунистической партии и могильщик СССР, вот почему следует поддерживать Троцкого. Только во второй половине 1920-х гг. эмиграция наконец осознала, что ошиблась, поставив в политической игре на Троцкого. Вторым человеком в партии после Ленина Троцкий был во время Октябрьской революции. На XII съезде РКП(б) в декабре 1923 г. на фоне прогрессирующей болезни Ленина произошла, как показала история, решающая политическая схватка Троцкого и Сталина. Троцкий проиграл, хотя и сохранил пост председателя Реввоенсовета. К 1924 г. Троцкий потерял значительную часть своего политического влияния, его падение было делом времени. Во второй половине 1920-х гг. внимание эмигрантских аналитиков переключилось на Сталина.

В левозсеровском журнале «Воля России» отмечалось, что в политическом пространстве СССР среди коммунистических лидеров нет фигуры, достойной стать «русским бонапартом», масштаб у этих личностей мелковат. Весной 1924 г. «Воля России» заявила: «За исключением Троцкого, всё остальное советское руководство состоит из тупиц, но Троцкий уже отстранён» [4, с. 85]. Левые эсеры не поддерживали меньшевистский призыв к эмиграции содействовать победе оппозиции в СССР. Они считали, что меньшевики преувеличивают опасность сталинского бонапартизма для России – СССР. «Воля России» писала: «Яблоко бонапартизма ещё не созрело, чтобы упасть на голову российского пролетариата. Стремящийся к власти бонапарт не получит в России той поддержки в обществе, которая требуется для этого, исходя из учения марксизма. Таким образом, опасения, связанные со страхом того, что эмигрантская буржуазия могла каким-либо образом способствовать установлению власти бонапарта в Советском Союзе, не обоснованы» [5, с. 87]. Левые эсеры считали, что у бонапартизма в СССР нет социальной базы. Политическое будущее есть только у тех политических лидеров, которых поддерживает большинство населения – русское крестьянство. «Одними обещаниями земли невозможно привлечь крестьян на сторону бонапарта, а те политические права, которых ждёт крестьянин, ни один бонапарт им не даст» [6, с. 87].

Эсеры и в эмиграции питали иллюзию в отношении демократической природы русского крестьянства и считали, что главное для него это достижение политической свободы. Большевики же скептически относились к революционности русского крестьянства и его стремлению к демократии. Напротив, считали большевики, при определённых условиях крестьянство может стать социальной базой русского бонапартизма. Эсеры же ошибочно и настойчиво считали крестьянство демократически мыслящим классом. Поэтому реальной угрозы бонапартизма в СССР нет.

О бонапартизме высказывалась и монархическая газета «Возрождение», которая выходила в Париже с мая 1925 г. (главный редактор правый кадет, сторонник конституционной монархии, один из теоретиков Белого движения П. Б. Струве). В дискуссии о русском бонапартизме, развернувшейся в середине 1920-х гг. в русском зарубежье, «Возрождение» активного участия не принимало, но высказывалось. Его оценки русского бонапартизма были весьма скептически. Идея бонапартизма, по мнению «Возрождения», для России не подходит. Во-первых, она не нова, Европа этот исторический этап прошла, России нет смысла его повторять. Во-вторых, с точки зрения русской эмиграции эта идея даже вредна, т. к. раскалывает русское зарубежье и не позволяет создать единый антибольшевистский фронт и общеэмигрантский политический центр. Мечтания о бонапартизме как спасительном пути для России – СССР есть опасная иллюзия. «Возрождение» поддерживало идею реставрации монархии в конституционной форме и считало достойным кандидатом на престол вел. кн. Николая Николаевича. «Возрождение» призывало эмиграцию: «Для чего эмигрантам нужна «новая идеология», когда для спасения России было бы достаточно объединения сил под знаменем уже имеющегося «Белого дела». Именно мы, «белые» обладаем идеологией, завоеванной борьбой, а не полученной со стороны» [7, с. 3]. «Возрождение» выступало за свержение Советской власти с помощью новой гражданской войны.

В конце 1920-х гг. на страницах «Возрождения» и «Руля» в публикациях стал мелькать термин – «третья сила», которую эти право-кадетские промонархические издания связывали с понятием «народ». Постепенно термин «третья сила» переняла и эсеровская пресса, подразумевая под третьей силой эсеровское движение. Особенно настойчиво с идеей «третьей силы» выступал журнал «Воля России». Левые эсеры убеждали читателей, что они и есть воплощение этой силы и если возьмут власть, то повернут революцию на русский национальный путь развития. Сторонники «третьей силы» декларировали, что выступают за особый путь России: не социализм и не капитализм, а нечто третье, правда, сами они это «нечто» смутно себе представляли. «Возрождение» переход России на особый путь развития предполагало через консервативную революцию, движущей силой которой должен был стать русский народ. Народ в революционном порыве должен свергнуть большевистский режим. От идеи иностранной военной интервенции «Возрождение» в конце 1920 – начале 1930-х гг. отказалось.

Правые эсеры, сторонники А. Ф. Керенского были солидарны с меньшевиками в оценке оппозиционных выступлений Троцкого. «Дни» считали, что требование Троцкого о расширении внутрипартийной демократии в эмигрантской прессе теперь понимается как необходимость демократизации всего советского общества» [8, с. 2]. Однако в отличие от газет «Социалистический вестник» и «Рюль» газета «Дни» уделяла меньшее внимание внутрипартийной борьбе в СССР. «Дни» не верили в политическое будущее Троцкого, понимая, что Троцкий проиграл политическую схватку Сталину. «Советские партийные «Наполеоны» идут к своему неизбежному концу – политическому краху» [9, с. 2]. А. Ф. Керенский реально оценивал возможности Троцкого и много от него не ждал. Он был уверен, что в России – СССР пока нет возможного претендента на роль русского бонапарта, поэтому эмиграция должна быть нейтральной и не оказывать поддержки никому из претендующих на роль преемника Ленина.

Сторонники третьей силы и особого пути развития России полагали, что выразителем интересов третьей силы и должен быть русский бонапарт. Историческая миссия русского бонапарта состоит в том, что он есть выразитель

идеи третьей силы, и он осуществит переход России – СССР на русский национальный путь развития. Слабость этой позиции в её расплывчатости, неконкретности. В конце 1920 – начале 1930-х гг. на волне поиска эмиграцией спасителя России русского бонапарта всплывает фигура Сталина, которую русская эмиграция, в силу неосведомлённости в тонкостях кремлёвской политики, не замечала.

Отношение к И. В. Сталину стало меняться у части либеральной эмиграции на фоне свёртывания НЭПа и начала сплошной коллективизации. В конце 1920-х гг. правокадетская газета «Руль» перешла под контроль правых эсеров. Редактором газеты становится правый эсер, известный в прошлом революционер Андрей Аргунов. С 1929 г. «Руль» становится одним из печатных органов организации «Крестьянская Россия». Штаб-квартирой новой правозерсовской организации стала Прага. Гессен покинул редакцию «Руля» и газету возглавили Андрей Аргунов и Сергей Маслов, которые оборвали все контакты с левокадетской организацией П. Н. Милюкова.

Новый «Руль» стал уделять пристальное внимание крестьянскому вопросу в СССР и проблемам коллективизации. «Руль» отошёл от бонапартистской проблематики и сосредоточился на жёсткой критике советской власти и лично Сталина. Подробные комментарии газета давала по фактам борьбы Сталина с оппозицией, преследования инакомыслия и начинающегося террора. В своих публикациях газета связывала события в СССР с международной обстановкой и показывала, какое негативное влияние оказывает коллективизация в СССР и связанные с ней репрессии в отношении крестьянства, а также террор против оппозиции на внутриполитическое положение в Германской Веймарской республике. Немцы боялись победы коммунистов и не хотели повторить опыт СССР. Это была одна из причин активизации национал-социалистического движения в стране.

«Руль» стал одной из немногих либеральных газет, которая открыто писала о коллективизации как войне советской власти с крестьянством. Газета считала, что коллективизация приведёт к массовому восстанию крестьянства, которое станет началом антикоммунистической народной революции. На страницах «Руля» осенью 1929 г. была опубликована статья «Террор в деревне». Редакция с радостью писала: «День ото дня борьба в деревне против власти предержащих усиливается и расширяется» [10, с. 1]. Это не соответствовало действительности. Крестьянская революция в СССР не случилась. «Руль» предостерегал европейскую и мировую общественность, что «...излишняя благосклонность в отношении действий Советского Союза может привести к укреплению радикальных партий в Германии. Безразличие в отношении коммунистов грозит обернуться утратой европейских культурных ценностей и уничтожением свободы печати. В Лондоне и Париже большевики вряд ли когда-нибудь одержат победу, но как обернётся дело в Берлине?» [11, с. 1]. Редакторы «Руля» зря беспокоились: в СССР реализовывалась программа построения социализма в одной стране, осуществлялась через выполнение пятилетних планов модернизация страны, шло подавление оппозиции и ликвидация «пятой колонны», шла подготовка к отражению вероятной иностранной военной интервенции. Так что Сталину было не до утопической мировой революции.

В течение 1920-х гг. левокадетские «Последние новости» положительно отзывались о И. В. Сталине, противопоставляя его Троцкому и Зиновьеву. Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса в СССР в 1919–1930-м гг. для левых кадетов оказались неожиданностью. Информация о многочисленных «перегибах» и жестоких репрессиях в отношении крестьянства вызвали вначале растерянность, а затем и негодование «Последних новостей». Газета прекратила публикацию статей, рисующих положительный образ Сталина и начала критику политики насильственной коллективизации и раскулачивания. В октябре 1929 г. в «Последних новостях» вышла статья «Разгул террора». В ней сказано: «В Советской России происходит что-то ужасное. Из России почти ежегодно поступают сведения о казнях. Сталин умеет убивать, но попытка вернуться к военному коммунизму с помощью кровопускания – иллюзия недалёковидного изувера» [12, с. 1]. С этого номера газета начинает обвинять Сталина в излишней жестокости и даже в государственном терроризме. До этого в течение многих лет «Последние новости», противопоставляя Сталина Троцкому и Зиновьеву, изображали его не как революционера-экстремиста, а как рассудительного политического деятеля и эффективного хозяйственника, патриота-государственника.

К началу 1930-х гг. «Последние новости» окончательно отказались от трактовки Сталина как возможного «русского бонапарта». В статье «Вождь мирового пролетариата» сказано: «Сталин – это Наполеон III – маленький Наполеон, а не великий Наполеон Бонапарт» [13, с. 1]. Это замечание демонстрировало разочарование левых кадетов в Сталине. В дальнейшем «Последние новости» на своих страницах стали развивать мысль, что Сталин не имеет ничего общего ни с Наполеоном I, ни с Наполеоном III. Он вообще не бонапарт, а кровавый тиран, диктатор, захвативший власть. «Последние новости» стали сравнивать Сталина с Робеспьером [14, с. 1]. Видимо, этим сравнением газета хотела сказать, что Сталина ожидает участь Максимилиана Робеспьера – вождя якобинцев и всесильного диктатора, которого свергли в результате государственного переворота и казнили на гильотине вместе с соратниками уставшие от крови, террора и опасавшиеся за свою жизни либерально настроенные товарищи по Великой Французской революции. В Кремле этот намёк слышали. Эмиграция отвела Сталину роль Робеспьера, надеясь, что в высших эшелонах советской власти или в среде военачальников Красной армии найдётся группа лиц, способных организовать и провести государственный переворот, свергнуть Сталина и привести к власти «русского бонапарта».

Весной 1929 г. в «Последних новостях» была опубликована статья «Новый фактор». В ней редакция газеты выразила надежду, что на политической арене СССР «...появится некто более влиятельный, чем Сталин, кто заявит, что опустошать деревню недопустимо. Этот “новый фактор” появится на революционной сцене для того, чтобы свергнуть Робеспьера-Сталина, против которого поднимется вся партия и всё советское общество» [15, с. 1]. С середины 1930-х гг. в эмигрантской прессе активно обсуждалась проблема организации в СССР антисталинского заговора, чаще всего выдвигалась идея военного переворота. Красный Робеспьер – Сталин должен быть свергнут

красным генералом-патриотом, который и станет «русским бонапартом». Всё это были несбывшиеся мечты, оторванных от Родины людей.

В середине 1930-х гг. П. Н. Милюков вновь меняет своё отношение к Сталину. В 1935 г. выходит в свет его очерк о Сталине. В нём П. Н. Милюков заявляет, что «...всегда был на стороне Сталина, и что жёсткая линия Сталина при проведении индустриализации и коллективизации проистекала не по его вине, а по вине левого элемента внутри коммунистической партии, который в тот момент находился у кормила власти» [16, с. 238].

Список источников и литературы

1. Признание тупика // Руль / ред. И. В. Гессен и В. Д. Набоков. Берлин, 1924, 9 января.
2. Стук в дверь // Социалистический вестник / ред. Ф. Дан. Берлин, 1924, № 3, 11 февраля.
3. Победители и побеждённые // Руль / ред. И. В. Гессен и В. Д. Набоков. Берлин, 1924, 4 января.
4. В.-И. Русская жизнь. Концы и начала // Воля России. Прага, 1924, № 3.
5. Сталинский Е. Меньшевики и революция // Воля России. Прага, 1924, № 6–7.
6. Сталинский Е. Меньшевики и революция // Воля России. Прага, 1924, № 6–7.
7. Ильин А. Зачем нам идеология // Возрождение. Париж, 1925, 14 ноября.
8. Никаких фигур // Дни / ред. А. Ф. Керенский. Берлин, 1923, 15 декабря.
9. До последнего конца // Дни / ред. А. Ф. Керенский. Берлин, 1924, 16 января.
10. Передовая. Террор в деревне // Руль / ред. кол. А. Аргунов, С. Маслов. Прага, 1929, 12 октября.
11. Передовая. Европейское самосохранение // Руль / ред. кол. А. Аргунов, С. Маслов. Прага, 1930, 20 февраля.
12. Передовая. Разгул террора // Последние новости / ред. П. Н. Милюков. Париж, 1929, 20 октября.
13. Передовая. Вождь мирового пролетариата // Последние новости / ред. П. Н. Милюков. Париж, 1929, 27 декабря.
14. Передовая. Вождь мирового пролетариата // Последние новости / ред. П. Н. Милюков. Париж, 1929, 17 декабря.
15. Передовая. Новый фактор // Последние новости / ред. П. Н. Милюков. Париж, 1929, 19 марта.
16. Суомела Юлитта. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах европейской прессы в 1918–1940 гг. СПб: Коло, 2004.

ЗАДАЧИ И СОДЕРЖАНИЕ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Бегжанова Сандугаш Лоткызы,

*преподаватель истории и обществознания в обособленном структурном подразделении
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет»
«Волго-Каспийский морской рыбопромышленный колледж», г. Астрахань*

В военное время перестраивается вся система жизнедеятельности населения. Перемены коснулись всех сфер жизни людей, в том числе и образование. Нарком просвещения РСФСР В. П. Потемкин в одном из своих выступлений говорил, что «недостаточно чувствовать, что люблю свою Родину. Нужно знать, за что я ее люблю, что мне в ней дорого, что я защищаю, ради чего я отдам ей, если понадобится, собственную жизнь. Пусть школа даст ученику прекрасное знание родной истории, воспитает в нем чувство гордости прошлым отечества, неисчерпаемостью его богатств, великой мощью, и красотой нашей страны» [3, с. 18].

В связи с тяжелым временем из-за войны одной из главных задач школы в СССР стало формирование у школьников патриотических чувств, любви к Родине. Естественно, историческое образование играло ключевую роль формировании данных качеств у молодого поколения. В рабочих программах по истории говорилось, что «на учителя возлагается задача – воспитать юношей и девушек как подлинных патриотов, безгранично любящих нашу Родину, на героических традициях прошлого народов СССР и прогрессивного человечества», эта идея получила продолжение – «воспитывать в учащихся чувство священной ненависти к фашистским захватчикам, вероломно вторгшимся в нашу страну, временно захватившим часть нашей территории и осквернившим ее своими неслыханными злодеяниями» [6, с. 36].

Как уже указывалось, из-за военного времени в 1941 г. Наркоматом просвещения были пересмотрены учебные планы и рабочие программы, как результат – исключались «второстепенные» предметы. «Второстепенными» стали считаться – рисование, пение, черчение, основы дарвинизма. Заменялись они в основном на такие дисциплины как история, география и естествознание, которые становились самостоятельными предметами. [6, с. 36].

В периодической печати вопросы и проблем преподавания истории в школе в военное время были особенно актуальны.

В своей статье А. М. Панкратова отмечала: «Знание боевых традиций и героического прошлого народов нашей страны чрезвычайно важно и необходимо в настоящих условиях. Воспитание новых поколений в духе этих боевых традиций – одно из оружий, способных ускорить победу над врагом».

Перестройка рабочих программ в школьном курсе истории заметно и в 1942 г. когда из курса были исключены некоторые темы всемирной истории, заменили их темами, где были продемонстрированы сюжеты борьбы русского народа с иноземными завоевателями в различные исторические эпохи. Так, например, учащиеся 4 класса должны были пройти тему «Великая Отечественная война советского народа против немецких захватчиков», а рабочая программа демонстрировала какие вопросы должны быть обсуждены в данной теме: вероломное нападение фашистской германии на СССР, отечественная война советского народа против немецких захватчиков, красная армия

и ее героические подвиги, партизаны – народные мстители, города – герои, победоносная борьба с фашистскими захватчиками. [7, с. 12–13].

В средней школе, а именно в 5–7 классах учащиеся подробнее знакомились со становлением и развитием русской военной мысли, совершенствованием военного оружия, знаменитыми полководцами, крупнейшими битвами, которые сыграли важную роль в становлении государства.

В старших классах, т.е. 8–10 классах, на уроках истории подробнее изучали материал, посвященный успешной борьбе русских войск над немцами. Так, в 8 классе подробно рассматривался разгром немецких «псов-рыцарей» на Чудском озере, в 9 классе – взятие Берлина в Семилетней войне, суворовская «Наука побеждать», а также партизанское движение в годы Отечественной войны 1812 г. [7, с. 13].

В более осмысленном возрасте – в старших классах была тенденция на увеличение часов на изучение истории СССР. Например, в 10 классе в 1940 г. на курс истории СССР давалось 82 ч, то в 1942 г. – уже 130 ч. Не всегда это связано с увеличением тем на изучение, например определенные темы были расширены и увеличены в часах («Русско-японская война», «Первая мировая Война», «Гражданская война») [1, с. 40].

Стоит учесть и то, что пересмотрены были роли и образы многих отечественных исторических личностей. Если в 1920-е гг. под влиянием школы Покровского многие виднейшие деятели прошлого получали не самую лестную оценку, а иногда и вовсе негативную (Петр I «алкоголик и сифилитик», Екатерина II «развратная женщина, которая раздавала крестьян своим любовникам»). В феврале 1943 г. нарком просвещения В. П. Потемкин в выступлении задался вопросом «можно ли таким изображением нашего исторического прошлого воспитывать в нашей молодёжи патриотизм?». В его выступлении многие исторические личности прошлого получили политическую амнистию, например, Ф. Энгельс «признавал Петра I великим государственным деятелем», а И. В. Сталин «говорил о нем, как об основоположнике индустриализации России», что Отечественная война 1812 г. была «национальной войной».

В конце В. П. Потемкин отметил роль педагогов в тяжелое время войны: «Важнейшая задача учительства – ликвидировать последние остатки этих вредных, разлагающих антипатриотических тенденций».

Формирование патриотизма, чувства любви к Родине в молодом поколении требовало от школы непосредственной связи теории с практикой, появилась необходимость в «живой истории», следовательно, в годы войны значительно активизировалась краеведческая работа. Широко использовались исследовательские, поисковые методы, т. е. главной задачей было найти примеры героизма соотечественников в годы Великой Отечественной Войны, боевых подвигов подпольщиков, партизан, трудового подвига советских людей в тылу, а также злодеяний фашистов на оккупированной территории.

Развитию краеведческого аспекта в истории СССР способствовал приказ наркома просвещения РСФСР В. П. Потемкина «О сборе материалов Великой Отечественной войны» 1941 г., суть которого была в сборе различных артефактов военного времени. Ценность представляли личные письма, фотографии, открытки, плакаты, афиши военного времени и многое другое. Наряду с археологами, архивными и музейными работниками, учителями активно приняли участие и школьники, которые видели здесь возможность прикоснуться к истории. Для школы участие школьников в данных мероприятиях было еще одним способом формирования патриотизма. Поэтому школа не только не препятствовала подобной внеклассной деятельности учащихся, а наоборот стали создаваться поисковые группы, кружки юных краеведов-следопытов, организовывались туристические походы школьников.

Многие вопросы учебно-воспитательной работы школы были определены в ряде директивных документов военного времени, а именно в постановлении Совнаркома СССР от 21 июля 1941 г. «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе». Председатель Президиума Верховного совета СССР М.И. Калинин в своей речи отмечал, что теперь основной целью преподавания истории является «раскрытие прогрессивной роли русского народа в мировой истории, усиление воспитания учащихся в духе советского патриотизма» [4, с. 26].

В 1940-е гг. в программе по методике преподавания истории для исторических факультетов университетов и пединститутов, разработанной Всесоюзным комитетом по делам высшей школы, а затем и в учебниках по этому курсу, была предложена классификация методов обучения истории, включавшая методы изучения условий материальной жизни, истории классов и классовой борьбы, истории государства, истории международных связей и войн, вопросов истории культуры и идеологии, методы характеристики исторических личностей. В этой классификации отразилась главная в то время цель обучения истории – «подведение учащихся к марксистско-ленинскому пониманию истории и на этой основе формирование коммунистического мировоззрения учащихся». Второй раздел программы (дидактический) содержал методы изложения, опроса, работы с учебником, историческим документом и т. д.

6 октября 1943 г. СНК СССР опубликовал постановление «Об организации Академии педагогических наук СССР». В соответствии с этим предполагалось создание в Москве Академии педагогических наук РСФСР, которая подчинялась бы Народному комиссариату просвещения РСФСР. В обязанности Академии входила научная разработка вопросов общей и специальной педагогики, истории педагогики, психологии, школьной гигиены и методов преподавания основных дисциплин в начальной и средней школах, подготовка через аспирантуру и докторантуру научно-педагогических кадров для вузов и научно-исследовательских институтов по педагогике и психологии.

Таким образом, переход школ на работу с усовершенствованными программами и учебниками по истории и другим общественным дисциплинам – важнейший этап на пути реализации задач, которые стояли перед советской школой в военный период. Нельзя сказать, что война стала толчком к совершенствованию исторического образования, однако она послужила катализатором произошедших изменений, которые затронули все аспекты школьного исторического образования.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Астраханской области. Ф. 2265. О. 1. Д. 169. Л. 40.
2. Жукова О. Г. Великая Отечественная: школьная реформа с элементами элитарности? // Историческое обозрение. 2014. Вып. 15.
3. Колосков А. Г. Школьное историческое образование в годы Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 1983. № 5. С. 17–22.
4. Калинин М. И. Речь на собрании учащихся 8, 9, 10 классов средних школ Ленинградского района Москвы // Советская педагогика. 1947. № 7–8.
5. Огоновская И. С. Перестройка исторического образования и обновление содержания школьных учебников истории СССР в годы Великой Отечественной Войны // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Девятые уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 2015. Ч. 2. С. 259–267.
6. Программы средней школы. История СССР. Новая история. М., 1942.
7. Программы начальной школы. История СССР (элементарный курс). IV класс. М., 1943.

НОВООГАРЕВСКИЙ ПРОЦЕСС: ПРОБЛЕМА ОБНОВЛЕНИЯ СССР

Глушец Елизавета Сергеевна,

студентка исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Селиванова Полина Григорьевна,

студентка исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Во второй половине 1980-х гг. Союз Советских Социалистических Республик, существующий с 30 декабря 1922 г., начинает переживать крайне тяжелые экономический и политический кризисы, вызванные падением цен на нефтепродукты, войной в Афганистане 1979 г. и ослаблением позиций коммунистической партии в странах Варшавского договора. Следовательно, Михаил Сергеевич Горбачев, который пришел к власти в 1985 г., пытается путем довольно радикальных реформ, в сфере политики и экономики, вывести государство из кризиса. Данные реформы предполагали введение элементов рыночной экономики, ослабление цензуры и партийного плюрализма. Такие меры получили название в истории как «перестройка». Курс Горбачева на «обновление» СССР не решил вышеуказанных проблем, которые накопились за достаточно долгое время, а наоборот привел к нестабильности и падению авторитета коммунизма в республиках государства. Это вылилось в конфликты между союзным центром и союзными республиками. Данный процесс получил название «парад суверенитетов», который продолжался с 1989 по 1991 г. Позиции стран-республик были таковы. Прибалтика отказалась от дальнейшего сотрудничества со странами-республиками, так как она заручилась поддержкой от стран Запада. Если говорить о Молдавии, то ситуация развивалась по весьма близкому к прибалтийскому сценарию: народный фронт, оппозиция Центру и КПСС, нарастание требований от признания молдавского языка в качестве государственного до полной независимости. Все это привело к началу вооруженного конфликта, который позже перерос в межнациональную войну [2].

Восточной Европе обстоятельства развивались следующим образом: на Украине формировались национальные движения, взявшие курс на получение независимости. В Белоруссии, по сути дела, не имелось социальной почвы для националистических движений.

Если говорить о республиках Закавказья (Азербайджан и Армения), то внутривнутриполитическое развитие этих республик было обусловлено вокруг ситуации Нагорного Карабаха, поскольку национальные проекты этих двух республик включали в себя решение вопроса об их независимости. Центр не желал решать данный вопрос, поэтому это вылилось в усиление националистических партий. Ситуация в Грузии поначалу развивалась по прибалтийско-молдавскому варианту, но были и существенные отличия – кровавые события в Тбилиси стали причинами всех дальнейших событий, которые осложнились внутренними грузино-осетинским и грузино-абхазским конфликтами.

Среднеазиатские республики показали, что Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан были заинтересованы в распаде СССР меньше других. В Таджикистане начинают созреть противоречия с Афганистаном, но данная ситуация в конфликт не вылилась.

С попыткой реанимировать Советский Союз было связано проведение общесоюзного референдума, на котором ставился вопрос о сохранении СССР в измененном виде. Тогда большинство граждан высказалось за сохранение Союза, что позволило временно отсрочить распад государства.

В данной ситуации М. С. Горбачевым был предложен вариант нового союзного договора по «обновлению» СССР. Это событие, проведенное в 1991 г., получило название «Новоогаревский процесс».[1]

Новоогаревский процесс – это попытка формирования нового союзного договора и преодоление назревшего кризиса между союзными республиками СССР, начавшийся в апреле 1991 г., получил своё имя по названию подмосковной резиденции Михаила Горбачёва в Ново-Огарёво. В новоогарёвском процессе принимали участие девяти союзных республик: РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР, Казахская ССР, Узбекская ССР, Азербайджанская ССР, Таджикская ССР, Киргизская ССР и Туркменская ССР и союзный центр как самостоятельный участник дискуссий.

Этот процесс нарушал действующую Конституцию СССР, потому что любые изменения конституционного строя могли только осуществляться большинством в две трети депутатов Съезда народных депутатов СССР, а сама Конституция была высшим законодательным актом СССР.

Впервые мысль о разработке проекта совместных действий Президента СССР и союзных республик, которые принимали участие в референдуме о сохранении СССР, по воспоминаниям бывшего секретаря ЦК КПСС В. А. Медведева, прозвучала 10 апреля 1991 г. на заседании Совета безопасности СССР. М. С. Горбачев говорил, что решение провести доверительную встречу с руководителями союзных республик было связано с «кратковременным» перемирием с Б. Н. Ельциным и стремлением использовать данную ситуацию, чтобы довести до практических результатов затянувшуюся работу над проектом Союзного договора. По его оценке, заседание явилось важным шагом «к зарождению новоогарёвского процесса, позволившего реализовать курс на «центризм». Б. Н. Ельцин, напротив, считал, что Горбачёв сам не до конца верил в успех Новоогарёвского процесса, но, будучи, «загнанным в угол», пытался за счёт них выиграть время. В этой ситуации Б. Н. Ельцин, готовившийся к выборам на пост Президента РСФСР, пошёл на переговоры с М. С. Горбачёвым, положив начало Новоогарёвскому процессу, который, по воспоминаниям Г. Х. Шахназарова, явился, с одной стороны, «пиком противостояния» Горбачёва и Ельцина, а с другой – «высшей точкой их сотрудничества» [3, с. 273–274].

Первое заседание состоялось 23 апреля 1991 г., на котором было принято совместное заявление о подготовке проекта ССГ с подписями председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина и президента СССР М. С. Горбачева, а также руководителей других союзных республик.

В процессе двух последующих заседаний (24 мая и 3 июня 1991 г.) был выработан ряд новых проектов о Союзе Советских Суверенных Республик, которые должны были смягчить распад СССР. На Горбачева и его окружение (Яковлев, Шеварднадзе, Бакатин, Медведев) обрушилась критика коммунистов, касающаяся проблем подготовки Союзного Договора, так как надвигались экономические и социально-политические катастрофы [4].

Члены собраний высказались за сохранение Союза в рамках федерации. Они обсуждали вопросы, касающиеся названия Союзного договора, принципов формирования «обновленного» союза, устройства его высших органов, налогов и собственности. Больше всего разногласий получил экономический вопрос о системе налогообложения. Возник спор между Горбачевым и Ельциным на данную тему. Михаил Сергеевич предлагал «трехканальную» систему сборов налогов, а Борис Николаевич «одноканальную». Также не совпадало их мнение о новом государственном устройстве.

Заключительное собрание состоялось 17 июня 1991 г. в Ново-Огареве, где Подготовительный комитет должен был завершить подготовительный процесс и открыть пути к скорейшему заключению Союзного договора. Подписание документа планировалось на 20 августа 1991 г.

Заключению договора помешали события 19–21 августа 1991 г., именуемые в истории «августовским путчем». ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению) отстранил от власти М. С. Горбачева, но после их провала с идеей сохранить СССР, подписание документа было перенесено на декабрь этого же года. Следует добавить, что одной из причин также является то, что многие страны-республики были напуганы событиями августа 1991 г. и побоялись последствий принятия Союзного договора. Вместо плавного перехода от унитарного союза к конфедерации, народ получили полный вакуум политического центра. Центр под руководством Горбачева был вполне деморализован и в конце президент растерял все доверие стран, а его полномочия просто ослабели. Им оставалось лишь принимать выгодные предложения от центра. Сам Горбачев оказался в полной зависимости от управления и был обязан консультироваться с действиями Ельцина, который пытался сосредоточить власть в своих руках.

Конечной точкой Новоогарёвского процесса стало заключение Беловежского соглашения 8 декабря 1991 г., которое означало конец существования СССР и создание международной организации, регулирующей отношения сотрудничества между государствами, ранее входивших в состав СССР – СНГ (Белорусская ССР, Украинская ССР). Позже (21 декабря 1991 г.) состоялась встреча в Алма-Ате, где к СНГ присоединились остальные республики (Азербайджанская ССР, Армянская ССР, Казахская ССР, Киргизская ССР, РСФСР, Таджикская ССР, Туркменская ССР, Узбекская ССР, Молдавская ССР).

Таким образом, можно сделать вывод, что к распаду СССР привели колоссальные экономические, политические и социальные проблемы, которые привели ко всем этим событиям и дальнейшим их последствиям. Если говорить о Новоогарёвском процессе, то можно сказать, что процесс разработки Союзного договора не сдвинулся с места, а сам документ был «слабым» и неубедительным, который не принес бы дальнейшего развития отношений между государствами-участниками. Данный проект был следствием развала экономики, непродуктивной внутренней политики, беспомощность вышестоящих органов в реализации намеченных идей и реформ.

Список источников и литературы

1. Бабушкин А. Ю. Новоогарёвский процесс. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17286128>.
2. Лукашин А. В. Проблемы организации и проведения Всесоюзного референдума 17 марта 1991 года и пути развития союзной федерации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-organizatsii-i-provedeniya-vsesoyuznogo-referenduma-17-marta-1991-goda-i-puti-razvitiya-soyuznoy-federatsii>.
3. Союз можно было сохранить: Документы и факты о политике М. С. Горбачёва по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 2007.
4. Ялышев Р. А. «Новоогарёвский процесс» выработки нового союзного договора весной-летом 1991 г.: федерация или конфедерация? URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26740125>.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЪЕДИНЕНИЮ ГЕРМАНИИ

Каюпова Руфина Артуровна,

студентка исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Одним из основных событий истории Европы второй половины XIX в. является объединение немецких земель и образование Германской империи. Этот период начинается с назначения Отто фон Бисмарка главой правительства Пруссии в сентябре 1862 г. и произнесенной им речи в Ландтаге. 18 января 1871 г. было объявлено о создании Германской империи [6, с. 525]. Решающую роль в объединении Германии, которое было осуществлено путем успешных войн Пруссии с Данией (1864 г.), Австрийской империей (1866 г.) и Францией (1870–1871 гг.), сыграла последовательная деятельность и политика Отто фон Бисмарка. Почти все европейские державы были вовлечены в 60-е гг. XIX в. в германские дела, касающиеся объединения немецких земель, поэтому они были вынуждены определять свою позицию. Анализ позиции России в ходе этих событий показывает, как политическая деятельность русских дипломатов повлияла на исход франко-прусской войны 1870–1871 гг. положение России на международной арене.

В процессе объединения немецких земель (1862–1871 гг.) Россия заняла позицию благожелательного нейтралитета по отношению к прусскому королевству, но фактически Российская империя поддержала политическую и дипломатическую деятельность Бисмарка, которая была направлена на объединение немецких земель вокруг Пруссии путем военных столкновений.

Позиция России в данном вопросе была предопределена. Во-первых, международными обстоятельствами, связанными с польскими событиями 1863 г. (в противовес позиции большинства европейских держав правительство Пруссии выразило полную и безоговорочную поддержку России в польском вопросе). Отто фон Бисмарк, представлявший интересы Пруссии, стремился обеспечить благосклонное отношение Российской империи. Именно поэтому 27 января 1863 г. прусский посол в Санкт-Петербурге Альвенслебен подписал с Горчаковым соглашение, согласно которому в случае необходимости Пруссия может предоставить помощь действовавшим на территории Польши русским войскам [6, с. 525]. Во-вторых, предложением Отто фон Бисмарка (1866 г.) оказать России полную поддержку в вопросе большой важности – в отмене статей Парижского трактата, которые запрещали России держать флот на Черном море [1, с. 163]. Пруссия была единственной державой, которая поддержала Россию в этом вопросе.

Политика России, которая была направлена на содействие объединению Германии под главенством Пруссии, не была такой однозначной. Император Александр II и его министр иностранных дел А. М. Горчаков по-разному представляли внешнеполитический курс Российской империи. Горчаков не разделял энтузиазма своего повелителя и уже давно начал чувствовать в прусском первом министре очень опасного и пронырливого политического деятеля под личиной мнимого прямодушия и грубоватой откровенности. Он также выступал противником односторонней ориентации на Пруссию. Горчаков не доверял политике Отто фон Бисмарка, предлагавшего полную поддержку России. Он считал, что в интересах Бисмарка не только оказать помощь России, но и получить возможность использовать Россию в своих интересах.

После победы над Австрией Александр II выразил своё недовольство политикой Бисмарка, связанной с аннексией некоторых немецких княжеств, которые принадлежали его родственникам. Помимо этого, российского императора тревожило то, что Пруссия слишком быстро набирала мощь. Многие европейские державы остерегались результата объединения Германии и создания армии, противостоять которой не сможет ни одна страна Европы.

А. М. Горчаков в июле 1866 г. сумел убедить императора в том, что необходимо вести совместную с Францией политику, направленную против аннексии Пруссией немецких княжеств. Одновременно Александр II, не отказываясь от дружественных отношений с руководителями Пруссии, стал демонстративно приближать к себе французского посла в Петербурге генерала Флери [3, с. 551].

В начале 1860-х гг. наступило охлаждение между Францией и Россией. Французский император со сдержанностью отнёсся к союзу Франции и России. Он также считал, что совместные действия не принесут для Франции никакого практического результата, и не желал оказать помощи России в пересмотре статей Парижского трактата.

Бисмарк старался делать всё возможное в сложившихся условиях, чтобы убедить Российскую империю в преимуществах русско-прусского союза. Он умело использовал ошибки французской дипломатии и всячески демонстрировал готовность Пруссии оказать помощь России, чтобы та смогла избавиться от запретительных статей Парижского трактата. Прусский министр Бисмарк поспешил предъявить Петербургскому кабинету ряд успокоительных аргументов, которые, как он надеялся, не будут оставлены там без внимания. Александра II убеждали в том, что консервативно-монархическая Пруссия станет прочным барьером против революционных потрясений только тогда, когда она займет главенствующее положение в Германии. Стоящие перед ним задачи Санкт-Петербург теперь рассчитывал решить с помощью набравшей силу Пруссии. Декларируемая Бисмарком незаинтересованность в ближневосточных делах, русско-прусское сотрудничество, направленное против польского освободительного движения, обоюдное стремление к сохранению консервативных начал в Европе способствовали укреплению отношений между обеими странами [5, с. 330]. Русско-прусское сотрудничество являлось единственным возможным вариантом для Российской империи в решении внешнеполитических задач.

Летом 1866 г. в Санкт-Петербург прибыли две высокопоставленные делегации, во главе одной из них был наследственный принц Пруссии. Они передали императору Александру II соответствующие предложения прусского правительства [2, с. 73].

Российский император в марте 1868 г. и прусский король Вильгельм I установили устное соглашение, по которому в случае военных столкновений Россия будет соблюдать политику благожелательного нейтралитета и посредством мобилизации русских войск поможет избежать выступления Австрии на стороне Франции. Ответом со стороны прусского правительства было то, что Пруссия безоговорочно будет поддерживать Россию в пересмотре статей Парижского трактата. Исход внутренней борьбы в правящих кругах Австро-Венгрии был решен позицией русского правительства: австрийцам стало известно, что на их вступление в войну Россия ответит открытием военных действий против Австро-Венгрии [4]. После начала франко-прусской войны в 1870 г. стороны подтвердили взятые на себя обязательства и, что более важно, остались верны им и после военного разгрома Франции.

В октябре 1870 г. Горчаков с помощью циркуляров, которые были направлены послам европейских держав, оповестил об одностороннем отказе России от нейтрализации Черного моря в рамках Парижского трактата. Это решение российского правительства вызвало недовольство среди европейских государств. Англия и Австро-Венгрия выступили с дипломатическим протестом. Германский канцлер прямо заявил высокопоставленному английскому дипломату, прибывшему в Берлин для выяснения позиции Пруссии, что считает требования России справедливыми, и если кто-то хочет воссоздать антироссийскую коалицию по типу той, которая действовала во время Крымской войны, то на Германию могут не рассчитывать. В результате в первые месяцы 1871 г. в Лондоне была созвана международная конференция по черноморским проливам, на которой Англии и Австро-Венгрии пришлось принять позицию России. Большую роль сыграла твердая поддержка российской дипломатии со стороны Германии [2, с. 78–79]. В марте 1871 г. Конвенция было подписана.

После поражения Франции в войне против Пруссии механизм, который был создан для обеспечения режима санкций, направленных против России в бассейне Чёрного моря, был окончательно разрушен.

Проигрыш во франко-прусской войне и подписание мирного договор 10 мая 1871 г. означали крах гегемонии Франции в Европе [6, с. 550–552]. Германская империя была образована в 1871 г. В европейской истории началась новая эпоха.

Россия на протяжении четырнадцати лет терпеливо ждала, когда с неё снимут «оковы» условий Парижского трактата от 1856 г. Но этого так и не произошло. Каждая европейская держава занималась тем, что обустроивала свои собственные дела, пресекая попытки Российской империи пересмотреть ограничительные условия Парижского трактата. Не получив желаемого результата, Россия нашла возможность освободиться от санкций в бассейне Чёрного моря, заключив союз с Пруссией. Дипломатическое сотрудничество двух государств продемонстрировало наивысшую степень сближения России и Пруссии со времен Наполеоновских войн и оказалось полезным для обеих сторон.

Список источников и литературы

1. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М.: ОГИЗ, 1940. Т. 1. 325 с.
2. История внешней политики России (конец XV в. – 1917 г.): в 5 т. М.: Международные отношения, 1999. Т. 4: Вторая половина XIX в. (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). 384 с.
3. История дипломатии: сборник / сост. А. Лактионов. М.: АСТ, 2009. 943 с.
4. История дипломатии: Электронная версия одноименной книги под редакцией В. П. Потемкина. Т. 1. URL: http://www.diphis.ru/istoriya_diplomatii-c2.html (Дата обращения: 10.04.2019).
5. История Европы: с древнейших времен до наших дней: в 8 т. М.: [б. и.]. 2000. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны / [редкол.: Пожарская С. П., Намазова А. С. (отв. ред.) и др.]. 667 с.
6. Хрестоматия по истории международных отношений: в 5 кн. / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск, 2013. Кн. 3: Новое время. 1057 с.

РЕВОЛЮЦИОННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ И ИРАНОМ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Кулаков Владимир Олегович,

кандидат исторических наук, доцент,

заведующий кафедрой зарубежной истории и регионоведения,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Важнейшим фактором, оказавшим непосредственное влияние на становление и развитие российско-иранских отношений в 20-х гг. XX в. явился приход к власти в Петрограде большевистского правительства. Влияние этого события было разноплановым. С одной стороны, Советская Россия заявила об отмене неравноправных договоров царского правительства с Персией и о передаче ей имущества, принадлежащего подданным России в Иране и аннулировании всех долгов шахского правительства. Это, безусловно, создавало благоприятные условия для укрепления иранской государственности. С другой стороны, большевистское партийно-государственное руководство России, выдвинув лозунг о скорейшем свершении мировой коммунистической революции, стало настойчиво проводить политику экспорта этой революции. В 1919–1920 гг. советское руководство стало проявлять большое беспокойство в связи с задержкой мировой революции. И тогда, как известно, последовала первая попытка вооруженным путем изменить положение и ускорить приход революции на Запад. Возможность для этого предоставила начавшаяся в апреле 1920 г. советско-польская война. По словам В. И. Ленина задача Советской армии в этой войне состояла в том, чтобы «прощупать штыком» готовность польского пролетариата и батрачества к социальной революции,

помочь «советизации Польши», а также Литвы и вовлечь в революцию рабочих Германии и других близлежащих стран [8, с. 12].

Иранское правительство 30 января 1918 г. в ноте правительству РСФСР выразило «полную готовность вступить в переговоры для заключения новых договоров, консульских конвенций и иных актов на принципах свободного соглашения и взаимного уважения народов» [3, с. 92]. Тем не менее, установление дипломатических отношений между Ираном и Советской Россией затянулось на несколько лет. В советской научной литературе можно встретить объяснение этого факта «непоследовательностью иранского правительства, что отражало в значительной степени его антикоммунистические тенденции и проявлялось в неоднократном нарушении взятых на себя обязательств» [6, с. 37–38].

Вместе с тем признается, что такой курс персидского правительства по отношению к РСФСР был также обусловлен и мощным давлением на него со стороны Англии. Англия, оккупировав в 1918–1920 гг. значительную часть Персии и заключив в августе 1918 г. с правительством Восуг од-Доуле соглашение, которое фактически оформляло установление над страной британского протектората, всячески препятствовала установлению советско-иранских отношений.

Говоря об экспорте революции на Восток, М. А. Персиц пишет, что «три фактора определяли предпочтительность восточного направления большевистских революционных усилий», а потом подробно рассматривает эти факторы [9, с. 10]. В этих сферах государственного руководства Востоку придавалось огромное значение. Об этом свидетельствует приказ Политуправления реввоенсовета Республики № 107 от 8 ноября 1920 г. «ко всем политуправлениям и политотделам фронтов, армий, округов восточных республик». В нем утверждалось, что политработа на Востоке для РСФСР насущнейшая задача. За эту работу необходимо взяться также решительно, как взялись за подготовку Октября, поскольку «вряд ли без восточного зарева воспламенится весь мир». И далее: «вопрос успеха или неуспеха на Востоке есть вопрос, быть может, жизни или смерти революции». Заканчивается приказ призывом: «Пусть каждый твердо запомнит, что при создавшейся международной ситуации сейчас Восток для нас затемняет Германию» [7, с. 52]. Дискуссии по вопросу «мировая революция и восток» шли также в открытой печати, особенно в газете «Жизнь национальностей» и, конечно, в партийном руководстве страны. Достаточно изучить текст обращения советского правительства к народам Востока, подписанный В. И. Лениным, чтобы убедиться в этом [10, с. 59–61]. В этой связи советскую дипломатию следует рассматривать в контексте эпохи, революционные события которой, по мнению большевиков, должны были, в конечном счете, привести к мировой социалистической революции. Ленин, Троцкий и другие советские руководители призывали вовлечь в мировой революционный процесс и народы Востока, который они рассматривали как важный резерв и союзник революционного пролетариата России и Запада. Но вскоре советские лидеры перед лицом реальных исторических условий пришли к выводу о несвоевременности и поспешности курса на «мировую революцию». Особое значение приобрела в этой связи необходимость стабилизации обстановки на южных границах Советской России и других советских республик Закавказья и Средней Азии [4, с. 37].

Иран оказался среди тех восточных стран, которые в полной мере ощутили последствия политики и практики идеологической экспансии. Многие исторические факты свидетельствуют, что партия РСДРП еще в период русской революции 1905–1907 гг. встала на путь экспорта коммунистической революции, в том числе и вооруженным путем в Иран и некоторые другие страны мусульманского Востока. Она действовала через ее закавказский филиал в Баку во главе с И. В. Джугашвили и его ближайшими соратниками – Н. Наримановым, М. Азизбековым, Г. Орджоникидзе и др.

Иранский историк Реза Годс отмечает, что Сталин стоял у истоков пропагандисткой и организационной работы закавказских большевиков, ориентированной на Иран. Так, в 1904 г. Сталин играл ведущую роль в создании в Баку рассчитанной главным образом на иранцев Социал-демократической партии Ирана – предшественницы коммунистической партии Ирана, которая была тесно связана с российской РСДРП. По заданию Сталина (согласованному с Лениным и Троцким) его друг, иранский инженер Хайдар-хан Аму-Оглы в период русской революции 1905–1907 гг. отправился в Иран создавать сеть парторганизаций по образу и подобию РСДРП [2, с. 50–51].

Осенью 1909 г., т. е. вскоре после свержения каджарского монарха Мохаммед Али-шаха, по решению бакинского комитета большевиков в Иран направляется Г. Орджоникидзе для ведения организаторской и пропагандистской работы среди участников антимонархических течений. Орджоникидзе прибыл в Иран еще раньше и участвовал в организации армии конституционалистов в Гиляне и подготовке их военного похода на Тегеран, приведшего в итоге к низложению Мохаммед Али-шаха. При этом Реза Годс отмечает, что Орджоникидзе был послан Сталиным в Гилян, превращенный во второй после Тебриза центр революционеров-конституционалистов «для того, чтобы ослабить сильное давление роялистов на Тебриз» [2, с. 59].

Следует отметить, что роль закавказских большевиков в стимулировании вооруженных выступлений на севере Ирана не ограничивалась только пропагандой, военным инструктажем и организационной деятельностью. Они в широких масштабах непосредственно участвовали в военных действиях на иранской территории. Так, во время захвата Казвина 19 апреля 1909 г. основная часть отряда конституционалистов состояла из закавказских боевиков-добровольцев, руководимых комитетом большевиков в Баку [1, с. 36]. В большей степени благодаря именно большевистской помощи в 1912–1915 гг. в северной провинции Гилян развернулось партизанское движение (движение дженгелийцев) под руководством Кучек-хана. Это движение имело антиколониальную и антимонархическую окраску, а 4 июня 1920 г. в провинциальном центре – г. Реште Кучек-ханом была провозглашена Гилянская Советская республика.

Позднее в гилянском движении руководящую роль стала играть Иранская коммунистическая партия, созданная в июне 1920 г. и находившаяся под контролем и на полном финансовом обеспечении большевистского правительства России. Влияние российских большевиков ощущалось практически во всех антиправительственных движениях.

Так, вооруженные отряды в Гиляне назывались Армией, а министры, среди которых были и не-иранцы (в так называемом «Красном правительстве» – 3 из 7) – комиссарами. В Гиляне пришедшие элементы стали создавать по образу и подобию большевистской России крестьянские советы и советы солдатских депутатов [5, с. 63].

Кроме того, на территории этой республики, а также в Мазандаране, Хорасане и в Иранском Азербайджане вплоть до октября 1921 г. присутствовали воинские части Советской России. В 1918 г. И. О. Коломийцев был назначен Лениным главой советской миссии в Иран. В 1919 г. Коломийцев со специальными инструкциями от Ленина выехал в Иран в качестве главы советской чрезвычайной миссии. Однако в пути он был убит белогвардейцами на острове Ашур-Аде. Советское правительство использовало убийство своего дипломата в качестве предлога для закрепления советского военного присутствия в северных прикаспийских районах Ирана. В мае 1920 г. в иранском порту Энзели высадился крупный советский военный десант Каспийской флотилии, в задачи которого входила не только борьба с белогвардейцами, но и поддержка вооруженного движения в Гиляне [1, с. 40]. В последующем, когда гилянское революционное движение в силу своих внутренних неурядиц оказалось обреченным на политическую гибель, советские воинские части были вынуждены уйти из Ирана.

Со своей стороны Ирану, для того чтобы стать независимым субъектом международных отношений, прежде всего, было необходимо добиться отмены режима капитуляций, установленного еще Туркманчайским трактатом и приложенным к нему особым актом от 10 февраля 1828 г. А также всех других неравноправных договоров, соглашений и концессий, заключенных между Персией и царской Россией, а также англо-русских соглашений 1907 и 1915 гг. Кроме того, правительство Персии, учитывая сильные антибританские настроения в стране, стремилось использовать факт заключения договора с РСФСР в качестве инструмента для ограничения политического диктата Англии в Иране. Не случайно, что в день подписания ирано-русского договора 26 февраля 1921 г. правительство Сеида Зия-эд-Дина, несмотря на его проанглийскую ориентацию, объявило о денонсации англо-иранского соглашения 1919 г. Наряду с этим для Персии было важно определить и зафиксировать юридически образовавшуюся после установления в 1920 г. советской власти в советских республиках Закавказья и Средней Азии 2500-километровую государственную границу со своим северным соседом. Подписание договора также было призвано закрепить политический и военный уход России из Персии. И последнее, договор должен был пресечь помощь советской России гилянскому революционному движению. Подписание договора 1921 г. с РСФСР дало Реза-хану полную свободу действий в разгроме Гилянской республики [1, с. 44].

Список источников и литературы

1. Арабаджян З. А. Иран: власть, реформы, революции. М., 1991.
2. Годс М.Р. Иран в XX веке: политическая история. М., 1994.
3. Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 1.
4. Жигалина О. И. К истории советской внешней политики на Востоке // Восток. № 6. 1991.
5. Иванова М. Н. Октябрьская революция и Иран. М., 1958.
6. Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976.
7. Летопись советской внешней политики 1917–1967 гг. М., 1968.
8. Ленин В. И. Политический отчет ЦК РКП (б) на 9 конференции РКП (б) 22.09.1920. // Исторический архив. 1992. № 1.
9. Персиц М. А. Застенчивая интервенция. М., 1996.
10. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М., 1946.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ СССР НА КАСПИИ (НА ПРИМЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗАВОДА «ЛОТОС»)

Кулакова Наталья Игоревна,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Вопрос создания и развития нефтегазового комплекса безусловно являлся одним из важнейших во второй половине XX в., об этом свидетельствуют постановления съездов КПСС, определявших задачи для планового строительства. С процессом усовершенствования технологии разработки нефтяных месторождений и непосредственно добычи нефти расширилась география нефтедобычи: в годы четвертой – восьмой пятилеток происходило благодаря вводу в разработку нефтяных месторождений с высоким уровнем годовой добычи нефти, активно разрабатывался Урало-Поволжский регион – «Второй Баку». Девятый пятилетний план предусматривал дальнейшее увеличение темпов добычи нефти и газа, но уже в Западной Сибири, активное освоение которой началось еще в 1960-х гг. Важно отметить, что в 1970- гг. развитие промышленности происходит в рамках создания крупных территориально-производственных комплексов, сосредоточенных на одной территории (ярким примером подобного строительства в нашей области становится Астраханский газовый комплекс (АГК) [6, с. 111].

С 1960-х гг., благодаря совершенствованию способов добычи нефти, начинают активно разрабатываться и морские месторождения. Если в 1965 всего 5 стран мира осуществляли морскую добычу нефти, то к 1984 г. их становится более 40. В СССР разработка морских месторождений нефти в Каспийском море начинается в 1949 г. В 1950 г. почти четверть объема бурения в Азербайджане приходилась на морские промыслы. В районе Апшеронского архипелага были открыты морские месторождения нефти: Нефтяные Камни, Гюргяны, Банка Дарвина [1]. С 1970 г. разведочное бурение проводилось по всей акватории Каспийского моря, было доказана безусловная пер-

спективность разработки Каспийского шельфа. Вплоть до распада СССР в 1991 г. эта задача оставалась актуальной. В плане на XII пятилетку указывалась необходимость: «Ускорить освоение нефтегазовых месторождений нефтегазовых месторождений на континентальном шельфе и формирование необходимой для этого производственно-технической базы» [9].

До 1960 г. в морской нефтедобыче на Каспии использовались следующие методы: бурение скважин на морском побережье, создание искусственных песчаных островов, бурение скважин над индивидуальными основаниями, бурение скважин на при-эстакадных площадках. Кроме этого, на морских нефтяных месторождениях применялись также методы наклонного бурения, комкового бурения, двуствольного бурения и фонтанный способ добычи сырья, причем особенно широко внедрялся последний. В 1955–1960 гг. около 70 % всей добытой нефти и 91 % извлечённой на месторождении «Нефтяные Камни» приходилось на долю фонтанного способа [10, с. 18]. Во второй половине 1970-х гг. на основе опыта эксплуатации «Нефтяных камней» была установлена платформа «Имени 28 апреля» на глубине 84 м [8]. С этого момента основное место в добычи нефти и газа на Каспии было отведено стационарным буровым установкам, а это породило необходимость строительства промышленности по производству таких установок.

В сентябре 1977 г. Советом Министров СССР было принято решение о строительстве в Астраханской области завода по выпуску верхних строений стационарных морских буровых платформ. Местом под строительство был выбран рабочий поселок Нижневолжск, расположенный в 35 км севернее от областного центра – г. Астрахани. 6 июля 1978 г. Министром судостроительной промышленности СССР М. В. Егоровым было утверждено технико-экономическое обоснование строительства завода «Лотос». В проектировании нового завода участвовали 26 проектных институтов, основное же работа была возложено на ленинградский институт «Союзпроектверфь», утверждал это задание заместитель министра Е. Н. Шапошниковым.

Приказом министра судостроительной промышленности от 22 сентября 1978 г. № 278 в составе АСПО была создана дирекция строящегося завода, возглавил которую Арчил Константинович Масхулия. Ведущим генеральным подрядчиком выступило Министерство промышленного строительства, а ведение строительства было возложено на Главастраханстрой, которой привлекал монтажные и специализированные организации Министерства монтажного специального строительства. В 1981 г. Главастраханстроем был создан трест «Астраханмашстрой» по строительству завода Лотос. 14 октября 1982 г. директором строящегося завода был назначен Алексей Александрович Баландин.

Завод «Лотос» должен был выпускать комплекс блок-секций верхних строений стационарных глубоководных буровых платформ. Нижнюю часть, которая непосредственно располагается на дне моря, строил Бакинский завод глубоководных оснований. С одной такой установки можно было бурить 24 скважины на глубину до 6 км, бурение совмещается с добычей ископаемого, и не только вертикально, но и под углом, производительность самой платформы по жидкости – 5000 м³ в сутки. Мощность собственной электростанции 8000кВт, но никакая платформа не может обойтись без обслуживающего персонала, именно поэтому на буровой сосредоточены эксплуатационные, технологические, жилые и др. помещения. Позволяющие вместить до ста человек, именно задача их строительства и была возложена на новое предприятие. Проектная мощность завода «Лотос» оценивалась в выпуске пяти комплектов блок-модулей в год [4, л. 8].

Основные задачи по строительству завода были определены Постановлением Совета Министров СССР от 21 октября 1980 г. № 917. В соответствии с этим постановлением полная сметная стоимость завода составляла 441,3 млн руб. А первый пусковой комплекс, рассчитанный на ввод мощностей предприятия, обеспечивающий изготовление в год двух комплектов блок-модулей должен быть задействован в 1984 г. В состав этого пускового комплекса входили:

- блок цехов № 1, площадью 60000; объекты энергетического хозяйства, включающие районную котельную, понизительную подстанцию, компрессорно-холодильную станцию; сети и сооружения водоснабжения и канализации; гидротехнические сооружения в составе набережной, зелитной стенки ковша, поперечного слива, акватории и подходного канала, трансбордевших путей и площадки хранилища модулей; подъездная железная дорога [7, с. 105].

Но начиная с первого дня строительства начались проблемы из-за несогласованности действий подрядчиков, и нехватки трудовых ресурсов, что стало причиной задержки строительства, в результате чего ввод в действие нового завода предполагавшийся по первоначальному плану во втором квартале 1984 г., был передвинут на декабрь 1985 г. [4, л. 2].

6 февраля 1986 г. приказом № 51 министра судостроительной промышленности завод вошел в состав действующих. Блок цехов № 1, введенный в действие, было основным производством, что позволило изготавливать на заводе 10 блок-модулей из 24 необходимых, которые до завершения полного строительство завода изготавливали другие предприятия области: завод им. К. Маркса, «Красные баррикады». Это создавало определенные трудности, вот как описывал этот процесс на встрече с журналистами секретарь партийного бюро завода Владимир Иванович Спорыш: «На головном заводе [завод им. К. Маркса] все заготовки раскраивают и комплектуют секции. Но чтобы забрать их, приходится машинами вывозить по 50 километров, летом, правда водный транспорт используется. Но самая большая неразбериха начинается, когда все уже привезут. Вырезать самим детали нельзя – весь металл идет на головное предприятие... поэтому мы и торопим строителей – сдайте быстрее. У нас же здесь железная дорога идет. Тогда прямо в цеха будем подавать металл» [2, с. 2]. К сожалению, первоначальный план по строительству завода так и не был выполнен, в связи с происходящими в стране политическими, а тем более экономическим трудностями финансирование завода с каждым годом все больше сокращалось. «Лотос» за десять лет был построен лишь на две трети, а мощность предприятия оказалась в два раза меньше запланированной. Несмотря на это удалось наладить выпуск продукции [3, с. 2].

Список источников и литературы

1. Бодрова Е. В., Калинов В. В. Развитие нефтегазового комплекса страны в послевоенные десятилетия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/razvitie-neftegazovogo-kompleksa-strany-v-poslevoennye-desyatiletija>.
2. Встреча с журналистами // Судостроитель. 1987, 22 декабря.
3. Вчера, сегодня, завтра завода «Лотос» // Судостроитель. 1991, 20 февраля.
4. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). Ф. 325. Оп. 96. Д. 190.
5. ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 102. Д. 92.
6. Ещенко Ю. Г. Формирование региональной газотранспортной инфраструктуры в связи с освоением астраханского газоконденсатного месторождения // Северный регион: наука, образование, культура. 2016. № 2 (34). С. 110–114.
7. История строительства в Астраханской области: от истоков до современности / Е. Г. Тимофеева, С. В. Лебедев, Р. З. Умеров, А. О. Тюрин, Р. А. Таркова, С. А. Федин, И. В. Кузьмина, И. В. Торопицын, А. А. Воронова, А. И. Алексеева, Н. И. Кулакова, Т. Н. Бармина, Г. Г. Карнаухова. Астрахань: Нова, 2017. 236 с.
8. Платформы в открытом море: теория и практика строительства. URL: <http://tek360.rbc.ru/articles/63/> (Дата обращения: 14.03.2019).
9. Разработка морских месторождений. URL: <http://www.mining-enc.ru/r/razrabotka-morskix-mestorozhdenij> (Дата обращения: 14.03.2019).
10. Серикова У.С., Зульфугарова Н.И. История становления и основные этапы развития нефтегазовой промышленности в каспийском регионе// История и педагогика естествознания. 2013. № 2. С. 15-21.

ПРИЧИНЫ МАССОВОГО ДЕЗЕРТИРСТВА В РККА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Маметьев Илья Валерьевич,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Массовое дезертирство появилось с введением всеобщей воинской повинности и приобрело огромные размеры в масштабе всего государства. Согласно советским данным 1980-х гг., в 1918 г. уклонение от явки к призыву по РСФСР составило около 75 %, побеги после зачисления на военную службу – 18–20 %, самовольное оставление войсковых частей – 5–7 % [2, с. 176]. Данная статистика подтверждается и подсчетами отечественного историка Г. Кривошеева, отмечавшего, что за всю войну «выявлено» 2846 тыс. дезертиров (из них 837 тыс. задержано) [5, с. 94]. Современный итальянский историк А. Грациози, рассматривая проблему дезертирства в РККА в годы гражданской войны, говорил о 1,5 млн дезертиров в 1919 г., подчеркивая, что их количество увеличивалось по 200 тыс. человек со второй половины этого года каждый месяц [3, с. 24]. Передавая масштаб проблемы дезертирства, с которой вынуждена была бороться советская власть, Р. Муклевич назвал дезертирство в рассматриваемый период «бытовым явлением» [8, с. 96].

Понятие «дезертир» понималось советскими властями достаточно широко. Согласно инструкции, уездным комиссиям по борьбе с дезертирством «О применении репрессий к укрывателям дезертиров» от 18 декабря 1919 г. дезертирами считались: «все самовольно покинувшие войсковые части, заводы, учреждения и предприятия, служащие коих объявлены мобилизованными постановлениями Совета обороны, просрочившие разного рода отпуска и неявившиеся по мобилизации» [1, с. 12]. В целях единообразия решений по делам дезертиров были введены критерии, по которым все дезертиры разделялись на две большие категории: злостные и по слабости воли. Злостными дезертирами считались лица, совершившие тяжелые преступления при оставлении своей воинской части, а также те, кто уклонялся от мобилизации по идеологическим причинам. К дезертирам «по слабости воли» относили всех, кто не подпадал под категорию «злостных», а также не угрожал советской власти.

А. В. Долгова в статье «Дезертирство в Красной и Белой армиях в 1917–1922 гг.» указывает, что в «1918 г. дезертирство еще не имело таких масштабов и последствий, как в конце Гражданской войны» [4, с. 40]. Данный тезис подтверждается в работе 1926 г. С. Оликова «Дезертирство в Красной Армии, и борьба с ним» указывающего, что первая волна массового дезертирства из Красной армии начинается во второй половине 1918 г. и достигает наивысшей точки в начале 1919 г.» [10, с. 13].

Низкая численность дезертирства в начале 1918 г. была связана с тем, что комплектование РККА осуществлялось на основе принципа добровольности, а само дезертирство воспринималось командованием не как преступление, и как следствие – «слабости воли», с которым можно было бороться общественным осуждением. После того, как СНК издал декрет «О принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую армию» 29 мая 1918 г., дезертирство начало появляться в массовых масштабах.

Главной причиной массового дезертирства стало нежелание воевать и банальная усталость от войны. После тягот Первой мировой войны было сложно «уговорить» людей пойти на новую войну. Большинство крестьянского населения не было готово воевать за идеалы социалистической революции за пределами своей волости или деревни. Кроме того, призыв в армию был связан с потерей у семьи рабочих рук, на которых держалось хозяйство. Поэтому в условиях гражданской войны и экономического кризиса, уход трудоспособного мужчины из семьи мог обернуться голодом и даже гибелью домочадцев.

Следующей немаловажной причиной бегства красноармейцев стала плохая материальная обеспеченность частей РККА: недостаток пищи и неудовлетворительные казарменно-бытовые условия. Отечественный исследователь, являвшийся членом Украинской центральной комиссии по борьбе с дезертирством отмечал, что массовое дезертирство – это «следствие хозяйственной разрухи и необеспеченности семей красноармейцев»

[10, с. 14]. А. Луначарский считал, что подавляющее большинство бежало «вовсе не из ненависти к Советской власти, а потому что плохо кормят и совсем не обувают» [6, с. 74].

Одной из немаловажных причин уклонения от мобилизации среди мужского населения РСФСР было отсутствие стимула или поощрения военнослужащих. Несмотря на то, что официально для красноармейцев полагались льготы, по факту в условиях военного времени ими было практически невозможно воспользоваться, особенно, если речь шла о денежном вознаграждении. Согласно декрету СНК от 15 января 1918 г. воины Рабоче-крестьянской Красной армии состояли на полном государственном довольствии, и сверх того, получали 50 руб. в месяц, но из-за инфляции деньги быстро теряли ценность.

Нежелание воевать на фронтах Гражданской войны приводило к тому, что мужское население призывного возраста РСФСР искало легальные способы уклонения от воинской службы. Наиболее популярный способ уклонения от воинской повинности заключался в приобретении поддельных документов, например, удостоверений о непригодном для военной службы состоянии здоровья. Такие удостоверения часто использовали красноармейцы, чтобы вернуться из воинской части домой, с целью поправления семейного хозяйства. Такой способ уклонения от службы был очень популярен в 1918 г., когда уровень дезертирства в РККА еще не был критичным.

В поддельных документах были также заинтересованы и родственники красноармейца, так как потеря рабочих рук приводила к развалу семейного хозяйства и голоду. Поэтому, зачастую, сами родственники военнослужащего обращались к представителям местной власти, лояльно настроенной по отношению к дезертирам и их семьям, чтобы получить необходимые документы. Поддельные документы можно было получить за вознаграждение в виде продовольствия или самогонки [4, с. 40].

К концу 1918 г. количество желающих воспользоваться этим способом уклонения от службы настолько возросло, что стало способствовать возникновению таких явлений, как кумовство, взяточничество и доноительство. В этот период начала появляться массовая выдача документов, свидетельствующих о плохом здоровье одного из членов семьи красноармейца, что являлось весомым основанием для получения отпуска или временного оставления службы. Практиковалась также выдача документов, в которых был изменен возраст призывника или военнослужащего. Такая возможность уклонения от службы была возможна, в связи с затруднениями определения точного возраста в силу того, что большинство мобилизационных списков было затеряно или умышленно уничтожено в годы революции. Поэтому отсутствие письменных свидетельств о времени рождения, приводило к необходимости создания новых мобилизационных списков, составлявшихся на основе устных показаний родителей призывника, которые, как правило, старались указать более позднее время рождения своего сына, чтобы он не попал под очередную волну мобилизации [9, с. 9].

Другим распространенным видом дезертирства была симуляция. В дореволюционный период среди симулирующих дезертиров наиболее распространены были «самострелы», то есть военнослужащие, которые вредили своему здоровью, выстреливая в свою конечность из пистолета непосредственно перед боевыми действиями, чтобы отправиться в лазарет. В период Гражданской войны этот способ уклонения от участия в боевых действиях был усовершенствован. В момент наступления своей дивизии симулирующий красноармеец, прихрамывая, подходил к офицеру и просился в санитарную часть, после чего отправлялся в госпиталь. Далее красноармейца направляли в дивизионный госпиталь, где его не признавали больным и отправляли обратно в часть. Суть этого способа дезертирства заключалась в том, что красноармеец, избегая непосредственного участия в наступлении своей роты, тратил некоторое количество дней на отправку в госпиталь дивизии, находившейся в тылу, после чего отправлялся обратно в часть пешком и по сути догонял, наступающую армию. Красноармеец мог догонять свою часть в течение двух месяцев. Как правило, после подобной «погони» красноармеец по-настоящему уставал или заболел и требовал обратного направления в санчасть [4, с. 41].

Следующим распространенным типом дезертирства был побег из эшелона «с пути следования». Основными причинами распространения такого типа дезертирства являлись: 1) слабая организация транспортировки красноармейцев на фронт, из-за чего эшелоны простаивали сутками на станциях, 2) незнание командиром своих подчиненных, что значительно затрудняло наблюдение за красноармейцами и борьбу с их побегами, 3) отсутствие содействия со стороны администрации железной дороги, которая не отводила для красноармейцев отдельные вагоны, а рассаживала их вместе с гражданскими пассажирами. По словам советского военачальника Н. Н. Мовчина «эшелоны... таяли в дороге, и часто прибывал только командир эшелона со списком» [7, с. 128].

Высокий уровень распространения дезертирства «с пути следования» можно подтвердить статистическими данными, изложенными в статье К.В. Левшина «Причины дезертирства Красной Армии 1918–1921 гг.», отмечавшего, что «вполне рядовые (и интересные как раз своей обыденностью) данные из справки декабря 1919 г. по отправленным из Островского и Опочецкого уездных военкоматов (Псковская губерния) в 1-й Запасной полк, в Гжатск (соседняя Смоленская губерния): 10 декабря отправлено 355, прибыло 266; 15-го отправлено 76, прибыло 37» [6, с. 77]. Другими словами, около трети личного состава бежало во время отправки своего эшелона на фронт.

Таким образом, массовое дезертирство в РСФСР 1918–1921 гг. было связано с экономическими и психологическими причинами, заключающимися в послевоенной разрухе и усталости населения от войны. Советское руководство на фоне экономического кризиса не было способно покончить с главными причинами дезертирства, поэтому с целью успешного проведения мобилизации и получения преимущества над противником, было вынуждено создать орган принуждения, который должен был минимизировать количество дезертиров в Красной армии.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р. 265. Оп. 1. Д. 1.
2. Гражданская война и интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Наука, 1983. 704 с.

3. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2001. 96 с.
4. Долгова А. В. Дезертирство в Красной и Белой армиях в 1917–1922 гг. // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2008. № 7. С. 40–45.
5. Кривошеев Г. Ф. О дезертирстве в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 90–98.
6. Левшин К. В. Причины дезертирства в Красной Армии 1918–1921 гг. // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 73–79.
7. Мовчин Н. Н. Комплектование Красной армии. М.: Изд. военной тип. упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. 292 с.
8. Муклевич Р. Политработа в боевой обстановке. М.: Авиаиздательство, 1926. 144 с.
9. Окнинский А. Л. Два года среди крестьян. М.: Рус. путь, 1998. 272 с.
10. Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М.: Изд. военной тип. упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР. 1926. 128 с.
11. Раков Н. В уклонение от призыва и дезертирство из РККА в годы Гражданской войны (на материалах курской губернии) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.

ДЕПОРТАЦИИ В СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Муртазаева Люция Ментбаевна,

*научный сотрудник ГБУК АО «Астраханский государственный
объединенный историко-архитектурный музей-заповедник», г. Астрахань*

Вот уже на протяжении трех десятилетий проблема вынужденных переселении (миграций) советских граждан сороковых годов XX в. не теряет своей актуальности, более того до настоящего времени историки анализирующие данную тему не только не могут наладить диалог, а зачастую не хотят даже услышать друг друга. В результате чего подлинно научное осмысление данной темы продолжает оставаться затруднительным. Основной причиной сложившейся ситуации мы считаем долгий запрет на изучение, и даже освещение данной темы в отечественной историографии. Бурный всплеск же публикаций посвященных проблеме депортации последних лет, к сожалению, в большей степени обеспечен политическими мотивами и «поиском справедливости» (в первую очередь это касается авторов, принадлежащих к пострадавшим народам). Таким образом, все более становится очевидной необходимость перехода от публицистического освещения данной проблемы к научной.

Одной из проблем возникающей, при обращении к теме депортации народов 1940-х гг. становится размытость категориального аппарата, именно поэтому в первом параграфе мы считаем необходимым, обратится к данному вопросу, и определить терминологическое поле и проанализировать наиболее часто используемые в работах дефиниции.

Для обозначения пространственного перемещения группы людей используется термин миграция, не смотря на относительную простоту его определения, данный термин представляет собой непростой историко-демографический феномен. Миграция может быть добровольной, вынужденной или принудительной. К принудительной миграции относится передвижение отдельной группы населения осуществляемого под непосредственной угрозой. Именно как синоним к принудительной миграции в отечественной историографии утвердился термин депортация, то есть насильственная миграция из одного региона страны в другой. Более подробно мы рассмотрим использование данного термина ниже.

В современной отечественной историографии рассматривающей проблемы принудительных миграций, в основной массе исследований 1990–2010 гг. данный термин был заменен термином – депортация, в значительном числе исследовательских работ и сегодня эти понятия определяются как синонимичные.

Непосредственно сам термин – депортация переводится с латинского как изгнание («deportation»), и впервые он появился во французском уголовном законодательстве. В 1793 г. после издания декрета «о подозрительных», когда во Французскую Гвиану были депортированы политически неблагонадежные жители республики, а также осужденные преступники-рецидивисты. Все они проживали в специально отстроенных и постоянно охраняемых лагерях депортации. Таким образом, возникший термин на практике означал перемещение группы преступников (поскольку к ним применялось судебное решение) из метрополии, т.е. Франции на территорию ее непосредственной колонии, чуть меньше чем через столетие, в 1872 г. подобная мера использовалась уже не против «врагов революции», а против ее сторонников, которых отправляли на острова Новокаледонского архипелага. Следовательно, с юридической точки зрения, использование термина «депортация» в отношении советских граждан переселяемых в границы СССР не является правильным, поскольку данное понятие применяется при пересечении границы, т. е. насильственное переселение из одной страны в другую. Таким образом, к процессам, происходившим в СССР, с научной точки зрения применительно использовать термин «принудительное переселение, проводимое государством» [4, с. 17].

Одной из первых на эту терминологическую подмену понятий указала Л. П. Белковец [2]. Она подробно проанализировала причину сложившейся ситуации и пришла к следующим выводам:

- Непосредственно термин «депортация» не использовался в работах отечественных историков до середины 1980-х гг., так как в большой советской энциклопедии, этот термин используется исключительно к историческому прошлому Франции, более того, особенно подчеркивается, что «...фактически не применяется с 1880» [3], таким образом, советское право не использовало данный термин как юридическую категорию.

- В научный оборот данный термин вводится зарубежными историками, активно исследовавшими данную проблему.

- В отечественной юридической практике термин «депортация» распространился на принудительные переселения 40-х гг. XX в. под влиянием политической конъюнктуры 1990-х гг. «В широком смысле, – читаем в “Юридическом словаре” 1999 г. издания, – под Д. понимается принудительная высылка лица или целой категории лиц в др. государство или в др. местность, обычно – под конвоем. Д. нередко применяется в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства, незаконно въехавших в то или иное государство. В период массовых репрессий 1920–1940-х гг. Д. подверглись многие народы СССР» [2, с. 26].

- В нормативно-правовых источниках 1940–1950-х гг. вынужденные миграции назывались «переселением», а в документах силовых ведомств на имя И. В. Сталина о них отчитывались как о проведении «особого государственного задания», «особого правительственного мероприятия, охватывающего контингент по национальным признакам» или по «признакам повышенной политической активности» [2, с. 26].

К таким же выводам пришли и юристы Р. Р. Баев и А. Е. Епифанов, которые предлагают отказаться от употребления данного термина в научных исследованиях в отношении переселений 1940-х гг. [1].

После постановки данной проблемы юристами в завязавшейся дискуссии позицию историков наиболее емко определил известный историк Николай Федорович Бугай, являющийся пионером в изучении данной темы в отечественной исторической науке: «... Понятие депортация вводилось в научный оборот в давние времена, о чем есть толкование в любом словаре. Я полагаю, что нет никаких причин, чтобы не использовать этот термин применительно к депортации населения в Союзе ССР в 1920–1980-е гг. с учетом существования национальных республик» [5]. Поэтому разработка этой темы историками продолжилась «экстенсивно», т. е. за счет ведения в научный оборот новых источников и открытием новых «подтем».

Следующий этап обсуждения термина «депортация» начался в 2014 г., когда к переосмыслению сложившейся ситуации обратился Н. Ф. Бугай. Он не только предложил «принять», опираясь на юридическое трактование термина, заменить его на «принудительное переселение». Изменение своей позиции Николай Федорович объясняет началом нового этапа в разработке данной тематики, а именно к переходу на подлинно научный уровень осмысления проблемы, который не возможен без устранения терминологических препятствий. Кроме того, критики подверглись позиции некоторых видных ученых, которые предложили не только продолжить использовать в работах термин – депортация, но и предложили ряд его классификаций [4, с. 18]. Обсуждение этого вопроса стало одним из ключевых моментов в работе международного симпозиума «1937 год: Русскоязычные корейцы – прошлое, настоящее и будущее» во Владивостоке в 2017 г., в принятой резолюции было отмечено, что в целом исследователи согласны с выводами Н.Ф. Бугая, но в отличие от него не были так категоричны в своем решении. Соглашаясь с доводами Н. Ф. Бугая, Л. П. Белковец, они констатировали, что необходимо отталкиваться от непосредственного перевода слова, т. е. изгнание, ссылка, и акцентировали внимание не на факт пересечения границ, а на принудительность данного процесса, поскольку именно этот аспект, по их мнению, и является ключевым в определении. Кроме того, авторы резолюции отметили, что определение нормативно-правовых терминов с течением времени (политическими или социальными причинами) может меняться, что не является из ряда вон выходящим непосредственно для юридических наук, но для исторической играет куда более принципиальное значение, в связи с чем историки не могут пересматривать свой устоявшийся терминологический в зависимости от политической конъюнктуры. Нельзя не учитывать, что историческая наука обладает некоей степенью самостоятельности в создании своего понятийного аппарата. В итоговом решении было предложено использовать термины депортация и вынужденные переселения, как синонимичные.

Еще одним дискуссионным термином, с которым сталкиваются исследователи, является понятие «спецпоселение», которое на сегодняшний день остается недостаточно разработанным. В частности, в юридической науке до настоящего момента не сложилось правовой оценки данного термина.

Первоначально понятие «спецпоселение» относилось к «кулацкой ссылке» периода коллективизации, а уже к 1940-м гг. распространилось на группы населения подвергшихся принудительному переселению и ограниченных в свои гражданских правах в период Великой Отечественной войны.

Не разработанность данного термина в юридической науке и соответственно наличие четко оговоренных критериев, также добавляет проблемы историкам, поскольку это становится главной причиной появления «вольных» трактовок этого понятия. В частности, нередко даже в научных работах можно встретить утверждение, что депортация и спецпоселения это результат политики геноцида, т. е. продуманной государственной политики направленной на физическое уничтожение этноса или определенной этнической группы. Чаще всего данное утверждение можно встретить в работах авторов, принадлежащих к национальностям подвергшимся репрессированию.

Появление подобных утверждений можно объяснить следующим фактом: 26 апреля 1991 г. был опубликован Закон РФ «О реабилитации репрессированных народов» [6], который отменил все законодательные акты, действующие на территории союзных республик, принятые центральными и местными властями в отношении репрессированного населения. Были официально принесены извинения за политику «геноцида и беззакония» [6].

Закон о реабилитации во многом носил конъюнктурный популистский характер, поскольку вопрос о восстановлении нарушенных прав части этнических групп, превратился лишь в политическую риторику, но фактического возмещения материальных затрат так и не произошло. Данный политический ход привел к публицистической шумихи вокруг этого вопроса, в результате чего, общество совершенно не было заинтересовано в подлинно научном

осмыслении и анализе этой проблемы. Что в свою очередь вылилось во взаимные упрёки различных этносов друг к другу, и как следствие к обострению и без того сложной национальной ситуации в условиях политического кризиса.

При неясности употребления термина «спецпоселение» априори возникли сложности с использованием понятия «спецпереселенцы», впервые оно появляется в официальных документах, в период коллективизации. Среди историков существует несколько подходов к трактованию причин появления понятия «спецпереселенцы» как определённого правового статуса. Так, В. В. Мошкин убеждён, что главной характеристикой этой категории является бесплатная принудительная работа в освоении природных богатств с наименьшими материальными затратами для государства [8]. В основном же историки придерживаются следующего определения понятия спецпереселенцы: «Ограничение прав граждан по месту жительства том числе депортированных по новому месту жительства, прежде всего, на право передвижения» [7, с. 135]. Здесь следует выделить позицию нескольких историков, несогласных с общим мнением. Интересно в данной связи работа В. В. Сартиковой, которая предлагает разделять репрессированных по нескольким категориям. Автор, выделяет четыре этапа переселенческой политики, и выделяет переселенцев каждого из этапов в отдельную категорию. Рассмотрим их на примере поляков: так, с зимы 1940 г. переселяются «осадники» и «лесники»; в конце июня начале июля 1940-го г. «спецпереселенцы-беженцы»; «административно-высланные» члены семей польских репрессированных военных; в конце весны – начале лета 1941 г. «ссылно-поселенцы» с территорий Прибалтики, Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии [9].

Исследователь С. М. Смыкалин предложил разграничить термин «спецпоселенцев» и использовать его только применительно к раскулаченным, а в отношении репрессированных национальностей применять термин – «спецпереселенцы» [10].

Проблема использования специальных терминов является сложной и дискуссионной при разработке любой исторической темы, особенно связанной с государственной политикой. В отношении темы депортации этот процесс легко объяснить относительно малым (по историческим меркам) временем её разработки в отечественной историографии. Ключевыми категориями при исследовании проблемы депортации являются следующие: депортация, спецпереселенцы/ния, спецпереселенцы, принудительная миграция, геноцид. Осложняет ситуацию тот факт, что свою трактовку, относительно «устоявшихся» терминов в исторической науке предлагают и правоведы и политологи, зачастую вступая между собой в ожесточённые дискуссии, что не только не облегчают исследовательский процесс, но и наоборот усложняет и запутывает ситуацию. Впрочем, активизации работы научных конференций разного уровня посвящённых решению данных задач вселяет оптимизм.

Список источников и литературы

1. Баев Р. Р. Елифанов А. Е. Переселение и специальное поселение народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг. (историко-юридический аспект). Волгоград, 2007. 368 с.
2. Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск: СО РАН, 2003. 324 с.
3. Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%94%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (Дата обращения 19.03.2019).
4. Бугай Н. Ф. 150 лет добровольному переселению корейцев в России: трансформации этнической общности (историография проблемы) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 1. С. 16–27.
5. Бугай Н. Ф. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX – начало XXI вв.). М.: Гриф и К, 2012.
6. Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. №1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/10200365/> (Дата обращения: 13.03.19).
7. Козырева Т. В. Теоретическое и историческое осмысление социального феномена «принудительная миграция» // Вестник упрощения. 2015. № 4 (23). С. 131–139.
8. Мошкин В. В. Крестьянская ссылка на Обь-Иртышский Север: 1930–1933. Тобольск, 2008.
9. Сарнова В. В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны. Новосибирск, 2005.
10. Смыкалин М. С. Польские спецпереселенцы на Урале в предвоенные годы: правовое положение. URL: <http://pandia.ru/text/77/370/14745.php> (Дата обращения: 14.03.2019).

СОТРУДНИЧЕСТВО СОВЕТСКОГО СОЮЗА И КИТАЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Надинов Ризабек Еркинович,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

В истории отношений СССР и Китая сфера образования рассматривается как один из важнейших факторов развития отношений двух стран с середины XX в. Данная проблема имеет довольно слабое освещение в истории взаимоотношений двух государств. Большинство авторов отмечают, что российская (советская) система образования оказала большое влияние на процесс формирования системы образования Китая.

История отношений Советского Союза и Китая не укладывается исключительно в плоскость межгосударственных политико-дипломатических контактов, а содержание этих отношений не ограничивается связями в экономике и решением спорных приграничных вопросов. В отношениях государств огромную роль играли гуманитарные связи. В силу давней истории отношений России и Китая, наличия общей границы в течение долгого времени происходили формирование и развитие разносторонних связей, в том числе и в сфере образования.

Образование представляет собой важнейший государственный и социальный институт, без которого невозможно развитие человеческих ресурсов – главного актива современного государства.

В контексте формирования современного азиатского направления российской внешней политики и необходимости упрочения международного положения России в Восточной и Центральной Азии, рассмотрение исторического опыта взаимодействия СССР и Китая в значимой для человека и государства образовательной сфере, представляется актуальным и необходимым.

В 1949 г. Советский Союз стал для Китая главным авторитетом и ориентиром вместо США и западных стран. Главным лозунгом китайского образования с 1949 по середину 1950-х гг. стало выражение «Учиться у Советского Союза» (сюэси Сулянь). Государство, экономика, Коммунистическая партия Китая реструктуризировались по советскому шаблону. Эта тенденция проявлялась и в образовании. Взамен американских и европейских специалистов пришли русские. Народное образование КНР за эти годы в общих чертах отразило тот путь, который прошло строительство социалистической системы народного образования в СССР. Особенно широкое развитие получило сотрудничество в области высшей школы. В процессе укрепления дружбы и сотрудничества между странами сыграл большую роль «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой», подписанный в Москве в феврале 1950 г.

С этого времени началась «стадия дерегуляризации» после реформы образования по западному образцу. О необходимости реорганизации китайских университетов было заявлено на Первой национальной образовательной конференции в июне 1950 года. Время ее проведения совпало с началом американской агрессии в Северной Корее. В связи с этим «американские и другие зарубежные образовательные модели утратили своих сторонников. В образовательной сфере набирали силу антиамериканские, антикапиталистические и антимиссионерские настроения. Образовательные учреждения, финансируемые за счет американского правительства, подвергались острой критике».

Советскими педагогами была предложена КНР в качестве образцовой модели система, сложившаяся в Советском Союзе к концу 30-х гг. XX в. Одной из главных проблем в стране, приступившей к строительству социализма, была подготовка квалифицированных специалистов для многих отраслей советского хозяйства. Вполне естественно возникал вопрос о том, какой должна быть высшая школа, способная в короткие сроки подготовить большое количество специалистов, готовых изменить к лучшему окружающую среду.

В первую очередь необходимо было упорядочить систему преподавания, организационные формы и методы обучения. Вопрос «Как преподавать?» встал со всей остротой перед преподавателями высшей школы. Первое время в вузах использовались формы проведения занятий, апробированные в дореволюционной школе: лекции, семинары, практические занятия, беседы, экскурсии. Но сложившаяся в России система университетского образования оказалась непригодной для обучения нового контингента студентов. Студенты, выходцы из рабочих и крестьян, были не подготовлены к восприятию и записыванию лекций. В связи с этим возникла необходимость открытия учебно-вспомогательных учреждений, осуществлявших подготовку в кратчайшие сроки рабочих и крестьян для поступления в высшую школу. Постановлением Наркома просвещения от 11 сентября 1919 г. при университетах были созданы Рабочие факультеты (рабфаки). Они сыграли важную роль в приобщении будущих студентов к организационным формам и методам работы в вузе.

В «Период раннего социалистического строительства» (1949–1957 гг.) сфера высшего образования находилась под непосредственным влиянием политических и экономических процессов того времени и менялась в соответствии с ними. Первое национальное собрание по высшему образованию в Китае состоялось в 1950 г., почти сразу после образования Китайской Народной Республики. На собрании была сформулирована главная задача дальнейшего развития высшего образования: служить экономическому строительству страны.

В советской системе высшего образования основной акцент делался на формировании коммунистического мировоззрения. Этой идеи должны были соответствовать на всех уровнях образования учебные планы, программы и методы обучения. Главными принципами построения программ были принципы систематичности и последовательности: материал следующих учебных курсов должен опираться на изученные годом ранее основы. Учебные программы и учебники должны постоянно обновляться в соответствии с последними достижениями науки и техники. Учебный год делился на два семестра, завершающихся экзаменами. Кроме того, в конце учебного семестра фиксировались

не только учебные достижения студента, но и его поведение и прилежание. Наличие жесткой дисциплины, которой должны подчиняться не только студенты, но и преподаватели, являлось одним из условий жизнедеятельности данной системы. Все элементы учебного процесса должны быть подконтрольны правительству.

Соглашения (1951 и 1953 гг.), заключенные между СССР и КНР о «братской помощи» Китаю в областях поставки техники и осуществления технического образования, предусматривали помощь по подготовке китайских студентов и китайских аспирантов в различных технических вузах СССР, а также в различных китайских институтах, в том числе и в Харбинском политехническом. С этой целью в КНР направлялись большие группы советских специалистов и преподавателей. За период с 1951 по 1957 г. в высшие учебные заведения Китая были откомандированы 626 советских специалистов, которые оказали большую помощь КНР в проведении реформы высшего образования, в создании кафедр и лабораторий в высших учебных заведениях КНР. Одновременно с этим более 30 тыс. китайских ученых, техников, учителей, студентов отправились на учебу в СССР. В 1950 г. при некоторых высших учебных заведениях были созданы краткосрочные рабоче-крестьянские школы, в которые принимались рабоче-крестьянские кадры. В ускоренном порядке, за три – четыре года, они проходили шестилетнюю программу средней школы и затем переводились на основные факультеты вузов.

Было создано высшее учреждение нового типа – Народный университет Китая: «Используя передовой опыт профессиональной подготовки в СССР, этот университет на специальном подготовительном факультете осуществлял подготовку рабоче-крестьянских кадров к поступлению в высшую школу» [1, с. 22].

За период с 1950 по 1957 г. в Китае была выполнена большая и сложная работа по организации всей системы высшего образования на социалистических началах. К 1953 г. высшее образование Китая было реструктурировано по советскому образцу, установлены специальности и специализации, подготовка по которым осуществлялась в соответствии с учебными планами, заимствованными у Советского Союза. Учебные планы этого периода были строго специализированными, все заключенные в них учебные программы, вся учебная деятельность замыкалась на подготовке специалистов определенного профиля. Были введены новые организационные формы учебных занятий: курсовое и дипломное проектирование, курсовые и дипломные работы, производственные практики, лабораторные работы, организованы студенческие научные кружки. Заново созданы учебные мастерские, которые были оснащены новым современным оборудованием.

С помощью советских специалистов-преподавателей была проделана большая работа по снижению перегрузки студентов, планированию и учету самостоятельной подготовки.

За период с 1951 по 1957 г. советские специалисты в вузах Китая прочитали лекции по 980 различным предметам. По каждому прочитанному курсу советские преподаватели проводили и другие формы занятий, в частности, консультации для аспирантов, которые составляли приблизительно 50 % числа часов, затраченных на лекции. Конспекты лекций, прочитанных советскими специалистами в центральных институтах, передавались в периферийные учебные заведения. Всего преподавателями было оставлено в вузах КНР 774 рукописи лекций, из которых 133 были опубликованы и стали важными учебными пособиями. Работа советских специалистов в вузах Китая имела большое значение для улучшения методики преподавания. Введение новых форм учебных занятий, таких как семинарские занятия, курсовые и дипломные работы и проекты, производственная практика и зачеты, сопровождалось некоторыми трудностями ввиду того, что такие формы обучения не были известны китайским преподавателям. Советские специалисты передавали своим коллегам опыт проведения семинаров, составления заданий по дипломному проектированию и курсовым работам; методические указания к лабораторным работам и учебной практике [2, с. 8].

Отсутствие опыта и недостаток преподавательских кадров вызвали на первом этапе освоения новых форм обучения необходимость перейти к системе выборочного, т. е. опытного выполнения тем. Курсовые и дипломные работы давались не всем студентам, а только незначительной части, наиболее сильным из них. Советские специалисты помогли вузам Китая в организации научно-исследовательской работы.

По просьбе Советского правительства с 1954 г. в вузах СССР читали лекции китайские преподаватели. К 1955/56 учебному году в КНР, в основном, закончился первый этап развития социалистической высшей школы, были завершены все организационные мероприятия, связанные с перестройкой работы вузов.

Раньше в вузах Китая кафедр не было: существовали так называемые учебные группы, объединявшие преподавателей разных дисциплин, органически не связанных друг с другом. Теперь главным звеном вуза становится кафедра, которая обеспечивает проведение всей учебной, методической и научной работы.

С 1956/57 учебного года вузы КНР вступили во второй этап своего дальнейшего развития – этап углубленной учебно-методической и расширяющейся научно-исследовательской работы.

В августе 1956 г. состоялось совещание директоров и заведующих учебной частью вузов КНР. Выступивший там министр высшего образования Ян Сюфын отметил, что «сегодняшняя высшая школа, подвергшаяся коренной перестройке, в основном уже соответствует потребностям социалистического Китая».

В конце 50-х гг. XX в. на страницах периодической печати Китая возникла дискуссия о путях развития высшей школы. В январе 1957 г. Цянь Вэйчан, заместитель директора политехнического вуза Цинхуа, выступил на страницах «Гуанмин жибао» с предложениями об изменении принципов подготовки технических кадров. Основная его мысль – критика существующей целевой установки политехнических вузов КНР, направленной на воспитание инженеров определенного профиля. «Инженер должен обладать широкими производственными знаниями, богатым опытом работы и определенными организаторскими способностями. Работая на современном производстве, он должен решать большие и маленькие проблемы в определенной области, высказывать свое собственное мнение. Студент же, закончивший вуз, без многолетнего трудового опыта и накопленных за долгие годы знаний не может стать инже-

нером». В связи с этим Цянь Вэйчан обращал внимание на необходимость развития у студентов навыков самостоятельной работы: «Поскольку невозможно передать учащимся все имеющиеся знания, то вузы должны способствовать формированию у студентов умения добывать новые знания в определенной области» [3, с. 10]. С 1966 г. в Китае началась «культурная революция». В этот период вступительные экзамены в колледжи были полностью отменены, а многие университеты закрыты.

Новый период реформирования системы высшего образования в Китае начался в 1978 г. Оценивая успехи высшего образования в Китае с позиции настоящего времени, можно сказать, что, несмотря на немалое количество перемен, базовая (российская) модель образования не претерпела кардинальных изменений.

На рубеже 1980–1990-х гг. в двусторонних отношениях между Китаем и СССР произошел поворот от безрезультатной полемики к конструктивному межгосударственному диалогу, от конфронтации к добрососедским отношениям, от соперничества на мировой политической арене к сотрудничеству. Большим шагом для таких быстрых перемен стал визит М. С. Горбачева в Китай в мае 1989 г. Переговоры, которые прошли на высшем уровне с руководителями КНР, и подписанное в результате этих переговоров 18 мая 1989 г. советско-китайское соглашение подтвердили на официальной основе нормализацию советско-китайских двусторонних отношений и обусловили начало нового этапа их развития.

Формула: «Закрыть прошлое, открыть будущее», высказанная Дэн Сяопином на первой после двадцатилетнего перерыва встрече, была зафиксирована в двустороннем документе и свидетельствовала о том, что КНР и СССР не намерены возвращаться к прежнему стратегическому союзу 1950-х гг. – так называемому «золотому десятилетию», но и не желают конфронтации, подобной той, что существовала в 1960–1970-х гг., дошедшей до развития вооруженных конфликтов на границе, в том числе на острове Даманский. Фундаментом новых отношений между странами стали общепризнанные нормы международного права. Стороны выразили намерение «развивать взаимоотношения на базе принципов международного общения», включающих взаимное признание и уважение государственного суверенитета и целостности территории, невмешательство во внутренние дела, ненападение, равенство и выгоду для обеих сторон, мирное сосуществование [4, с. 26].

Таким образом, в завершение исследования сотрудничества СССР и Китая в этот период, можно сделать следующие выводы:

- Советская модель образования оказала большое влияние на становление системы образования Китая. Формирование первичных элементов будущей структуры учреждений системы русского образования в Китае началось в первые десятилетия XX в. в связи со строительством русскими КВЖД.
- Главным лозунгом Китая с 1949 по середину 1950-х гг. стало выражение «Учиться у Советского Союза» («суэси Сулянь»). В основу всей деятельности высшей школы была положена курсовая система обучения и принцип обязательного посещения всех видов занятий: лекций, семинаров, лабораторных занятий, большое внимание уделялось самостоятельной работе. Основными формами итогового контроля и учета знаний студентов стали считаться: экзамен – по лекционным курсам, зачет – по практическим занятиям.
- К 1953 г. высшее образование Китая было реструктурировано по советскому образцу. Были введены новые организационные формы учебных занятий: курсовое и дипломное проектирование, курсовые и дипломные работы, производственные практики, лабораторные работы, организованы студенческие научные кружки.
- К 1955/56 учебному году в КНР, закончился первый этап развития социалистической высшей школы, были завершены все организационные мероприятия, связанные с перестройкой работы вузов.
- В процессе возникшей в конце 50-х гг. XX в. на страницах периодической печати Китая дискуссии о путях развития высшей школы были выявлены недостатки существующей системы образования: во-первых, опыт Советского Союза, в основном, использовался чисто формально и шаблонно, без основательного изучения. Во-вторых, он использовался без адаптации к китайским реалиям. Кроме того, реформа проходила при сильном идеологическом давлении со стороны государства.
- В 60-е гг. XX в., накануне «культурной революции» в Китае, на страницах периодической печати неоднократно поднимался вопрос о создании регулярной общенациональной системы образования, соответствующей китайской действительности.
- Способствовали развитию гуманитарного и культурного сотрудничества регионов Дальнего Востока и Сибири с Китаем тесные контакты местного населения пограничных территорий Дальнего Востока с населением КНР. Региональное международное сотрудничество организаций Дальнего Востока и Сибири с регионами КНР несколько опередило сотрудничество «в масштабе государства».

Список источников и литературы

1. Боровская Н. Е., Франчук Н. В. Политика в области науки и образования в КНР 1949–1979 гг. М.: Наука, 1980.
2. Мальцев А. Ф. Новый этап развития высшей школы Китая // Вестник высшей школы. 1957. № 7.
3. Самойлов Н. А. Изучение истории социокультурного взаимодействия России и Китая: традиционные подходы и новые парадигмы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Филология, востоковедение, журналистика. 2012. Вып. 4.
4. Цзэн Чжао-Лунь. Высшее образование в новом Китае // Вестник высшей школы. 1953. № 8.

ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В КАРАКАЛПАКСТАНЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Оттегенов Хакимбай Максетбаевич,

*ассистент кафедры «История Узбекистана и Каракалпакстана»,
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,
г. Нукус, Республика Узбекистан*

За сто лет отечественные и зарубежные историки по-разному именовали трагические события начала XX в. – «среднеазиатским восстанием», «восстанием в Туркестане», «бунтом в Семиречье», «среднеазиатским мятежом», «восстанием в Азиатской России» и др.

Сегодня логичнее говорить не об одном восстании, а о многих. Ведь в различных районах Российской империи восстания имели свои особенности и специфику, наложившиеся на комплекс местных проблем. Даже внутри Туркестанского края был целый ряд микрорегиональных восстаний, с разной интенсивностью и последствиями, начавшихся и завершившихся в разное время.

В восстании 1916 г. в Хиве можно совершенно отчетливо выделить три этапа:

Первый этап – с 14 по 22 января, когда основную силу движения составляло главным образом узбекское, каракалпакское, казахское население под руководством Авежжан ходжи Муртазаева.

Второй этап – первая половина февраля. Главную силу движения составили туркменские отряды во главе с Джунаид-ханом.

Третий этап – прибытие в Хиву карательной экспедиции генерала А. С. Галкина (15 февраля) и до полного подавления восстания в апреле месяце.

В отличие от других причин восстаний в Средней Азии, основной причиной восстания в Хивинском ханстве являлась поведение правителя. К началу 1916 г. хан Исфендияр в своем ханском гареме Нуруллабай в городе Хиве имел 9 «законных» жен, а вне гарема в самой столице он имел около 50 «незаконных» жен. Хан дал распоряжение своим агентам, чтобы каждый день доставляли в ханский двор одну девушку по следующей разверстке: от узбеков – 10, каракалпакских – 10, казахов – 10 и туркмен – 10 девушек. Следуя советам осторожных министров, опасавшихся, что туркмены могут взбунтоваться, долю туркмен возложили на узбеков [2, с. 34].

18 января 1916 г. на Хиву двинулось под руководством Шамми-Келя 1500 всадников, вооруженных берданками, винтовками и шашками. Отряды повстанцев 21 января вновь появились в окрестностях Хивы. Общее число повстанцев на 3 февраля составляло 10000 человек, из которых лишь около 6000 были вооружены огнестрельным оружием.

Полковник Колосовский имел в своем распоряжении всего-навсего от 300 до 400 солдат с четырьмя орудиями и четырьмя пулеметами. Это было единственная военная сила не только в столице, но и во всем ханстве, если не считать недостаточно боеспособных и уже находившихся под влиянием восставших ханских нокоеров. Колосовский уже несколько раз телеграфировал в Ташкент и Петроград и просил срочно прислать в Хиву войска для подавления восстания.

Повстанцы разгромили дома ханских министров Абдулла-бая, Ших-Назар-бая, Матвафа Бакалова, многих крупных торговцев и даже Хусейн-бека Матмуратова – ханского министра и лидера партии младохивинцев.

13 февраля, в столицу прибыл Джунаид-хан, но представители царского правительства не могли согласиться с дворцовым переворотом в его пользу. Полковник Колосовский вторично ответил категорическим отказом на предложение ханского двора о принятии требования Джунаид-хана. Занимая такую решительную позицию, Колосовский, несомненно, учитывал, что личность Джунаид-хана не имела никакого влияния и авторитета в народе, и что восстание происходило вопреки его желаниям.

Царское военное командование не верило Джунаид-хану. Еще со времени первых волнений осенью 1914 г. агенты царского правительства в своих сообщениях о хивинских событиях объявляли Джунаид-хана турецко-германским агентом.

Можно считать, что невероятно громкая шумиха, которую царские генералы в Хиве, Ташкенте и Петрограде подняли о Джунаид-хане, как об агенте турецко-германской разведки, преследовала определенные политические цели. Объявление Джунаид-хана германо-турецким агентом должно было скрыть от общественного внимания основные причины национально-освободительного движения в колониальной Хиве и оправдать карательную экспедицию царских генералов. Этим можно объяснить то, что генерал Галкин старался в своих официальных докладах скрыть или значительно уменьшить число участников хивинского восстания, число повешенных, расстрелянных и зарубленных галкинцами людей, количество награбленных ими ценностей и сожженных домов и саклей, Галкин старался скрыть все, что могло опорочить и разоблачить зверскую колониальную политику царизма.

Разгром восстания 1916 г. в Хиве не принес ни хану, ни вновь назначенному губенатору Куропаткину ожидаемого успеха. Сам Куропаткин должен был признать, что «и в текущем 1917 г. следует ожидать новых враждебных по отношению к хану выступлений». О том, что в Хиве было не все благополучно, свидетельствуют также присутствие там большого гарнизона и непрерывно выражаемое ханом желание выехать за пределы ханства для «лечения» [1, с. 89].

Причиной восстания населения Амударьинского отдела Туркестанского генерал-губернаторства были другие. Командующий войсками Туркестанского округа, генерал Ерофеев 30 июля 1916 г. сообщил военного министра России, о том, что 29 июля на сходе Сарыбийской волости Амударьинского отдела толпой были убиты волостной управитель, трое старшин, ранено два туземца. Военно-полицейской стражей было захвачено пять человек, подозреваемых в подстрекательстве к убийству. На место происшествия отправился начальник отдела с ротой.

Начальник Амударьинского отдела полковник Колосовский 8 августа 1916 г. в рапорте на имя военного губернатора Сырдарьинской области сообщает, что «основной причиной восстания является, без сомнения темнота каракалпакского населения, однако движение, собравшее в Чимбае в определенный день представителей восьми – девяти волостей на огромное преступление, нуждалось, очевидно, в организаторах и руководителях. Уральцы и русские, посещавшие перед этим участки по службе, показывают, что уже за неделю до убийства пристава Микельджанянца, ими замечено было некоторое озлобление среди туземцев, которые неожиданно стали высказывать необычные суждения по поводу владычества русских в крае, а в одном случае прокопав берег большого канала, начали топить собственные посевы, говоря, «пускай ничего не достанется русским» [5, л. 56].

Генерал-лейтенант Галкин в телефонограмме № 1493 командующему войсками Туркестанского военного округа от 31 июля 1916 г. сообщает, что получил от полковника Колосовского телеграмму, в которой он информирует, что согласно известиям, полученным сегодня из Нукуса, 29 июля днем толпа каракалпаков с шести волостей убила Чимбайского участкового пристава Микельджанянца с женой. Немедленно выезжая в Чимбай, полковник Колосовский просит разрешения выслать в Чимбай из Ташауза одну сотню с Семиреченскими казаками [5, л. 67].

15 августа 1916 г. в телеграмме № 602 генералу Ерофееву генерал-лейтенант Галкин сообщил, что по сведениям полковника Колосовского население Чимбайского участка и отдела вообще успокаивается и возвращается к мирным занятиям. Полковник Колосовский, разъяснив всюду администрации и старейшинам условия набора рабочих, полагает необходимым, во избежание осложнений, скоро и строго наказать убийц чимбайского пристава Микельджанянца и чинов волостной администрации, и просить о своевременной подаче пароходов, ко времени отправления рабочих команд [5, л. 23].

Завитневич в телеграмме № 2757/9 из Петроалександровска успокаивал начальство Ташкента, что население Даукаринской волости Чимбайского участка, состоящие из кочевников, отказавшись выставить рабочих, лишило свободы лиц администрации, скрылось в песках Кызылкумы. Завитневич считал необходимым послать карательный отряд составе сотни семиреченцев, полусотни уральцев, сотни конных пехотинцев, пулемета. Этому отряду поручить указание администрации взять заложников, ответственных жизнью за неисполнение населением требования выставить рабочих. В случае безрезультатности этой меры отряд принимает самые суровые меры в отношении непокорного населения, его имущества. Эти меры Завитневич считал необходимыми ввиду того, что население безнаказанность рассматривает как слабость власти, что и высказывает. Такое настроение населения при нерешительных мерах в отношении Даукаринской волости может повлечь массовые беспорядки при наборе среди кочевого населения. Отрядом под руководством помощника капитана Флавицкого в виду трудности передвижения в Кызылкумах предлагалось отправиться через Аральское море [5, л. 78].

В июне 1916 г. недовольство трудящихся вылилось в открытое восстание. Поводом к нему послужил царский указ от 25 июня 1916 г. «О привлечении мужского инородческого населения для работ по устройству оборонительных сооружений в районе действующей армии, а равно для всяческих иных, необходимых для государственной обороны работ». Согласно списку призываемых по областям Туркестанского края от Петроалександровска должно было быть мобилизовано 199 и от всего Амударьинского отдела – 5149 человек [3, с. 45].

24 июля 1916 г. женщины Сахтианского общества Турткульской волости Шураханского участка потребовали от волостного управителя Казакбая Абдукаримова список тыловых рабочих и освобождения от мобилизации своих мужей и сыновей.

Волнения происходили и в других обществах Турткульской волости. 26 июля около 150 женщин Ходжаерского общества направились в Шурахан, чтобы выразить протест по поводу наряда, но были задержаны недалеко от города участковым приставом. В тот же день 200–300 женщин со всех поселений волости прибыли с детьми в Турткуль, напали на солдат и стали бросать в них камни. Казачья караульная команда разогнала женщин, арестовав некоторых из них.

Народ игнорировал распоряжение начальника о явке на волостные сходы. Так обстояло дело в Шураханском участке и Сарыбийской волости 29 июля. Жители волости (в количестве 1 тыс. человек, среди них много женщин), вооружившись топорами, ножами, палками, направились в канцелярию Сарыбийского волостного управления Шураханского участка и потребовали отмены мобилизации и выдачи списков лиц, намеченных к отправке. В ответ на это волостной управитель приказал улубагскому аульному старшине и его помощникам выгнать подстрекателей. Тогда возмущенный народ расправился с обидчиками. Были убиты сарыбийский волостной управитель Садык Баяков, старшина Багябского общества мулла Абдулла Ходжа Курбанов, старшины Сарыбийского общества мулла Нурнияз Зарипов и Улубагского общества Курбан Кара Ибрагимов [4, с. 156].

Расправившись с местной администрацией, жители Сарыбийской волости направились в Турткуль, чтобы предъявить свои требования начальнику Амударьинского отдела, но после известия о прибытии солдат для подавления восстания мятежники разошлись по домам. Так закончилось июльское восстание в Сарыбии. Среди его участников особую активность проявили Барибай Сальманов, Алланияз Худайназаров, Даулет Ешимбетов, Жаббар Кушик, Султан Жаббарбергенов, а имя Ауез Тоты Оразбейгамовой сохранилось в народной памяти до наших дней.

В день Сарыбийского восстания вспыхнули волнения и в других волостях Шураханского участка. Жители Шураханской и Шаббазской волостей отказались являться на волостные сходы и участвовать в наборе. Уклонение от тыловых работ на Шураханском и Чимбайском участках приняло массовый характер.

29 июля жители Сахтианского, Ходжаерского и Турткульского обществ Турткульской волости, отказавшись присутствовать на волостном сходе, послали делегацию к волостному управителю. По дороге к делегатам присоединились крестьяне, вооруженные палками и вилами. В толпе, насчитывавшей 300–400 человек, было много женщин.

Не добившись удовлетворения своих требований, восставшие разгромили канцелярию управителя и отступили только по прибытии солдат из кавалерийской казармы, находившейся недалеко от канцелярии.

Выступления против мобилизации на тыловые работы имели место и в Минбулакской, Тамдынской, Бийбазарской волостях Шураханского участка. Острый характер приняло волнение народных масс в Бийбазаре. Узнав о нем, начальник Амударьинского отдела Колосовский срочно выехал из Хивы на правый берег и жестоко расправился с зачинщиками.

Опасаясь враждебных выпадов со стороны населения, начальство Чимбайского участка решило не созывать сходы, а доставку мобилизованных в Чимбай поручить старшинам аулов, волостным и их писарям. Однако намерения властей вскоре стали известны дехканам и на участке начались волнения. Первыми подняли мятеж жители Бешябской волости Чимбайского участка. 27 июля 1916 г. к ним присоединились первый и второй аулы Ешимской волости, затем Жанабазарская и Нукуская волости, а 29 июля и г. Чимбай.

Во время народного восстания в Чимбае выдвинулись такие его активные руководители, как Джуман Маметкулов – бывший ссыльный, Салима Шалимова, Гульзада Тангирбергенова, Айгуль Мамбетова, Шамурат Сагатбаев и др.

Народные восстания в Сарыбие, Чимбае и участвовавшие выступления населения других волостей отдела вынудили администрацию принять решительные меры по пресечению дальнейших волнений.

Военный губернатор Сырдарьинской области отдал приказ о передаче всех находившихся в Амударьинском отделе и Хиве воинских частей в распоряжение начальника отдела. Местной администрации предоставлялись неограниченные права. Проведя эту подготовку, власти приступили с помощью казачьих отрядов к расправе над участниками восстания. На Шураханском участке отрядом командовал Флавицкий, в Тамдынской и Минбулакской волостях – пристав Шураханского участка Амударьинского отдела, а в Чимбайский участок направился сам начальник отдела В. П. Колосовский. Отдел после июльских дней находился на военном положении [5, л. 45].

Чимбайское восстание вызвало сильные волнения среди рыбаков полуострова Муйнак, Урги, Терменбеса и других районов. Выступления были направлены против рыбопромышленников и чиновников рыбопромышленного надзора, незаконно штрафовавших рыбаков, отбиравших у них часть улова и рыболовные снасти.

4 августа началось волнение в Муйнаке. Рыбаки напали на владельца промысла, уничтожили его имущество, захватили гидрометрический пост. Узнав о готовящемся командировании в Муйнак взвода пехоты, участники выступления откочевали в другую местность. Вслед за муйнакскими рыбаками поднялись рабочие промысла Урга.

Для охраны рыбных промыслов в Муйнак и Урга был направлен 4-й Сибирский стрелковый запасный полк. Кроме того, по приказу туркестанского генерал-губернатора Куропаткина казалинский уездный начальник полковник Васильев вооружил кулаков из числа переселенцев и других преданных царизму лиц, проживавших в Муйнаке, Урге, Учае, Заире, Терменбесе и др. Только применив вооруженную силу, администрация смогла подавить сопротивление народных масс отдела. 103 участника восстания, в том числе 18 женщин, были брошены в чимбайскую, а затем в петроалександровскую тюрьмы. После длительного расследования военный трибунал приговорил часть руководителей мятежа к смертной казни через повешение, а остальных осудил на различные сроки тюремного заключения с высылкой в Сибирь. Так, по делу Сарыбийского восстания были привлечены 28 человек, из них к смертной казни приговорены Юсуп Матжанов, Асмет Абдулаев, Шаримбет Ходжаев, Кадыр Абезбай Жалиев, на пожизненную каторгу сосланы Календер аксакал Ибайдуллаев, Абульд Жабаев и Иржан Аvezбайджалиев, на каторжные работы сроком не менее 12 лет были осуждены 11 человек. Опасаясь новой вспышки волнений, царская администрация заменила смертную казнь двадцатью годами каторжных работ, бессрочную каторгу – десятью годами каторжных работ и оправдала 12 человек.

С сентября 1916 г. в некоторых волостях Чимбайского участка Амударьинского отдела недовольство народных масс вновь стало переходить в открытое выступление. Острый характер приняло волнение в Даукаринской волости Чимбайского участка, что вынудило царские власти оставить здесь вооруженный отряд для наведения порядка. Кроме того, для ослабления протеста населения при наборе «тыловых» и удешевления рабочей силы местная администрация распускала слухи о краткосрочности тыловых работ (3 мес. 10 дней). Несмотря на ухищрения властей, недовольство жителей росло с каждым днем.

26 сентября 1916 г. во время отправки рабочих на Шураханском участке мобилизованные напали на казаков, не разрешавших им проститься с родными. Бунт был подавлен с помощью казачьего отряда, вызванного из петроалександровской казармы.

В некоторых волостях волнения принимали характер открытых выступлений. Например, жители Талдыкской волости, мобилизованные на выполнение повинности, убили пятидесятника и разгромили дом волостного правителя. Подобные выступления имели место и в других волостях Чимбайского участка. В результате с большим трудом 16 октября (на два дня позже намеченного срока) первая партия рабочих, а 22 октября 1916 г. – вторая были посажены на баржи. Однако в Турткуле «тыловики», узнав, что работы продлятся намного дольше трех месяцев, вновь возмутились. На баржу их удалось погрузить лишь с помощью вооруженных солдат.

Таким образом, восстание 1916 г. в Хивинского ханства и Амударьинском отделе Туркестанского края оставило заметный след в истории народно-освободительного движения народов Хорезмского оазиса в начале XX в. Большинство фактов взяточничества правительственных лиц и представителей царской администрации в Хиве было вскрыто в конце 1916 г. в связи с делом бывшего начальника Амударьинского отдела полковника Колосовского. Колосовский и тогда, когда его взяточничество было документально доказано, продолжал оставаться на свободе и занимать официальную должность.

Народное восстание 1916 г. в Амударьинском отделе Туркестанского края – один из видов массовых выступлений населения против существующей власти царской администрации России. Эти действия характеризуются большим разнообразием, различаются по степени интенсивности, длительности, по возможностям успеха, уровням организованности, тем духовным и психологическим импульсам, которые вдохновляют участников. Противостояние властям носило локальный характер, при котором сила инсургентов значительно уступали военной силе властей.

Список источников и литературы

1. Досумов Я. М. Очерки истории Каракалпакской АССР (1917-1927 гг.). Ташкент: АН Узбекистана, 1960.
2. Непесов Г. 1920–1924 – жыллардагы Хорезм халык совет революциясында Каракалпакстан мийнеткешлеринин роли. Нокис: Каракалпак мамлекет баспасы, 1964.
3. Сейтназаров М. О роли личности в истории. Джунаид хан // Вестник ККОАН РУз. 2012. № 3.
4. Каракалпакстан жана тарихы. Каракалпакстан XIX асирдин еккинчи ярымынан XXI асирге шекем. Нокис: Каракалпакстан, 2003.
5. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Фонд Канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства. Д. 1140. Л. 58.

АРАЛЬСКАЯ ФЛОТИЛИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Сулайманов Саламат Арепбаевич,

*кандидат исторических наук, заведующий кафедрой «Археология»,
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха,
г. Нукус, Узбекистан*

Аральское море в последнее время привлекает внимание многих специалистов. С одной стороны, Аральская экологическая катастрофа стала, вероятно, наиболее масштабным техногенным бедствием современности, а с другой, предстоящее строительство трансазиатского транспортного коридора, по-видимому, еще более усугубит проблемы региона. В связи с этим, огромное значение приобретает критическое переосмысления всего исторического опыта хозяйственной деятельности в бассейнах рек Сырдарьи, Амударьи и Аральского моря.

Вероятно, история Аральской военной флотилии остается одним из наименее изученных эпизодов, хотя, справедливости ради следует отметить, что она рассматривается в трудах целого ряда специалистов. В первую очередь, о ней неизбежно упоминают историки, занимающиеся проблематикой Средней Азии, в частности Казахстана и Узбекистана, из которых, вероятно, наиболее значимые являются работы Б. В. Лунина. В-вторых, Аральскую флотилию неизбежно упоминают историки, занимающиеся российской колонизацией Средней Азии, поскольку именно для этих целей флотилия и создавалась. Но следует отметить, что все они упоминают об Аральской флотилии, как правило, фрагментарно, поскольку собственно флотилия, не являлась объектом их исследований и служила лишь фоном для описания соответствующих исторических процессов.

В связи с продвижением России к Средней Азии в середине XIX в. возникла необходимость изучения бассейна Сырдарьи и Аральского моря на предмет формирования судоходства.

Научная экспедиция А. И. Бутакова впервые в истории дала точную карту Аральского моря, открыла неизвестные острова, внесла большой вклад в географическую и историческую науку. Именно научная и военная деятельность А. И. Бутакова заложила основы формирования Аральской флотилии.

В 1862–1872 гг. Аральская флотилия пополнилась четырьмя пароходами иностранного производства, плавучим доком и девятью баржами общей грузоподъемностью 55800 пудов. На вооружении судов находилось 22 орудия. 18 июня 1866 г. впервые был утвержден штат флотилии – 13 офицеров и чиновников, 344 нижних чина (с января 1880 г. – 24 офицера и чиновника, 548 нижних чинов). Только за период 1865–1879 гг. флотилия перевезла по Аральскому морю и Сырдарье 29146 пассажиров и 1724414 пуд. грузов.

Аральской флотилией в навигацию 1864 г. было перевезено в разные места Сырдарьинской линии разных тяжестей более 170 тыс. пуд. Командующий войсками Оренбургского края подчеркивает, что «Аральская флотилия тогда лишь будет в состоянии приносить наибольшую пользу, когда: а) будет иметь топливо местное, недорогое и удобное; б) когда Сырдарья будет настолько исправлена, что бы по всему ее течению, в особенности между фортами № 2 и Перовским, суда могли производить безостановочное плавание в течение 7-ми месяцев, а не 2 1/2, как производится ныне; в) когда материальная часть флотилии будет удовлетворять изложенным выше сего потребностям» [1].

Материальные средства флотилии состояли из четырех пароходов: «Перовский» и «Арал» 40 сил каждый; «Сыр-Дарья», 20 сил, и паровой баркас «Обручев» – 12 сил. Два из них имели машины высокого давления, другие два низкого давления. Сверх того, имелись четыре баржи, из коих три, при осадке 3 фута 6 дюймов, подымали грузы каждая 3 1/2 тыс. пуд., и четвертая подымала грузу всего 2000 пуд.; и, наконец, необходимое число баркасов и шлюпок.

В состав Аральской флотилии, принимавшей участие 27 апреля в Хивинском походе 1873 г., находились два парохода: «Самарканд» и «Перовский» с тремя баржами. Экипаж состоял из 8 офицеров, 1 врача, 259 нижних чинов, в том числе двух топографов. Герман Вамбери – известный венгерский ученый путешественник – и тот, несмотря на свою ненависть к беспрестанно возрастающему влиянию русских в центрально-азиатских землях, был поражен Хивинским походом 1873 г. Вамбери, испытавший всю тяжесть степных путешествий по безводным пространствам, он не мог себе представить, как могли пройти значительные отряды войск с багажом и артиллерией там, где даже небольшие купеческие, верблюжьи караваны с трудом пробираются, испытывая всевозможные лишения.

Флотилия, состоявшая из двух пароходов («Самарканд» и «Перовский») и трех барж под командованием капитана 2-го ранга Ситникова вошла 28 апреля в р. Улькан-Дарью и обстреляла хивинскую крепость Ак-кала, после чего продолжила движение и встала на якорь в 50 км от Кунграда. Оренбургский отряд выступил на Ходжейли и Куня-Ургенч, где ожидалось сопротивление со стороны хивинцев. Генерал-адъютант Кауфман переправился через Амударью у Шурахана и находился в Ханки, в двух переходах от Хивы. Аральская флотилия вошла в рукав Амударьи, но, не дойдя до Кунграда, остановилась за мелководием.

Были выявлены весьма ценные сведения по вопросу о восстановлении судоходства от ст. Аральское море Ташкентской железной дороги до пределов Хивинских владений и далее по Амударье до Петро-Александровска.

1 августа 1873 г. полковник генерального штаба А.В. Каульбарс, исследуя низовья Амударьи, отыскал судоходный путь в Аральское море через многоводный проток Амударьи – Куванчжарму, Даукаринские озера – в р. Яны-Суу. Этим путем пароходы Аральской флотилии стали регулярно совершать рейсы из Казалинска через Аральское море в Амударью. На берегах Амударьи был построен крепость Кабаклы.

Газета «Голос» в 1874 г. поместила сообщение своего корреспондента из Чимбая, который писал: «25 июля в 4 часа дня пароход «Перовский» пришел в Нукус, появившись неожиданно перед изумленными жителями города». Как подчеркивает французский географ Элизе Реклю «с этой поры судоходство по Нижнему Аму никогда не прерывалось, несмотря на препятствия, встречаемые при входе в реку и на быстрое течение, которое пароходы с трудом преодолевают» [2].

1 декабря 1874 г. командующий Туркестанским округом положительно отметил плавание капитан-лейтенанта Брюхова на пароходе «Перовский» с баржей № 3, открывшего проход судам из Аральского моря в Амударью к Нукусу и до Петро-Александровска [3]. В низовьях Амударьи, на пути к Нукусу, озера Каратерен и Кунград, по мелководью затрудняли плавание парохода «Самарканд» в 1875 и 1876 гг.

Пароходы успешно совершали рейс на большие расстояния, буксируя по две небольшие баржи грузоподъемностью от двух до семи тысяч пудов, например в 1877 г. пароход «Перовский» с буксиром баржи № 8 в 7000 пуд. отправлялся из Казалинска 1 апреля к Кос-Аралу, а оттуда – к о. Николай, употребляя на это плавание неделю и останавливаясь в южной бухте острова. Пароход «Ташкент» мог пройти с баржей № 7 с грузом в 7000 пуд. от Перовска к Чинару в три недели, а обратно с той же баржей – в две недели.

В 1877 г. был совершен пробный рейс от Петро-Александровска до Чарджоу. Газета «Туркестанские ведомости» писала: «22 марта 1877 г. пароход «Самарканд» отправился в плавание из Петро-Александровска. До Учкудука шел благополучно. 30 марта подошел к крепости Кабаклы, 3 апреля продолжал плавание, погрузив прибывшие на каюках дрова. 7 апреля подошел к Чарджоу. Обратное плавание совершил быстрее, прибыв в Петро-Александровск 18 апреля» [3].

В 1877 г. у г. Перовска могла начаться навигация к Казалинску 15 марта, тогда же ушли пароход «Арал» с баржей № 6 и «Ташкент» с баржей № 7, а замерзла река 30 ноября, причем с 16 ноября уже шла шуга. У Петро-Александровска в 1877 г. лед пошел по Амударье с 25 декабря, а тронулся в том же году 3 февраля. В 1877 и 1878 гг. пароходы плавали на четырех участках со следующей скоростью:

1. Казалинск-Перовск – 2 недели, обратно 7–8 дней.
2. Перовск-Чинар – 3 недели, обратно – 12 дней.
3. Казалинск-Кос-Арал – 1 сут.
4. Кос-Арал-остров «Николай» – 2 сут., и обратно – 2 сут.
5. Кос-Арал-Казалинск – 4 сут.

В 1878 г. производились срочные пароходные рейсы между Казалинском и Нукусом пароходом «Самарканд» с баржей № 9. Расписание рейсов было следующее: пароход уходил из Казалинска 15 мая, приходил в Нукус 29 мая, стоянка – 5 сут., выходил 4 июня и т. д., т. е. совершал рейс туда в 15 сут. и обратно в 7–8 сут., а с остановкой в Нукусе всего пребывал в рейсе 28 сут. [4].

В 1878 г. состав Аральской флотилии был следующий: 6 буксирных пароходов, 9 металлических барж, 10 баркасов, 16 других гребных судов, 8 металлических паромов и 1 плавучий док. Пароходы и баржи продолжали нести артиллерийское вооружение. В состав Аральской флотилии входили следующие суда: «Самарканд», «Арал», «Ташкент», «Сырдарья», паровой баркас «Обручев». Десять барж № 1 по 10 включительно, пять паромов, плонкаут из двух железных ящиков и десять баркасов [5].

Упраздненную генералом Черняевым Аральскую флотилию в 1884 г. пришлось генерал-адъютанту Розенбаху вновь восстанавливать, так как пароходы для Амударьинской флотилии еще не были заказаны.

Осенью 1884 г. был спущен на воду паровой баркас «Обручев», который плавал между Казалинском и Перовском. Но Сырдарья значительно обмелела, так как масса воды прорвалась в Яныдарью, а потому в 1884 г. «Обручев» сделал только один рейс в Перовск и обратно. В следующие годы пароходы Аральской флотилии плавали ежегодно до 1888 г., пока не появилась новая Аму-Дарьинская флотилия.

Список источников и литературы

1. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз.). Ф. И. 2740. Оп. 2. Д. 50. Л. 16.
2. Голос. 1874. № 231.
3. Туркестанские ведомости. 1875. № 2.
4. ЦГА РУз. Ф. И. 2740. Оп. 2. Д. 50. Л. 17.
5. ЦГА РУз. Ф. И. 2740. Оп. 2. Д. 50. Л. 18.

«ЧЕРНОДОСОЧНЫЙ РЕЖИМ» В СТАНИЦЕ УМАНСКОЙ КУБАНСКОГО ОКРУГА

Чамара Андрей Вячеславович,

*магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Актуальность проблемы коллективизации в станице Уманской Кубанского округа имеет исключительное значение как для правильного понимания хода социалистического строительства на Кубани, так и в целом для современности. В общей системе зерновых и животноводческих районов Кубани, станица Уманская традиционно занимала особое и очень важное место, чему в немалой степени способствовали уникальные исторические, природные и почвенно-климатические условия данного населенного пункта. Ярким примером о жизни и быте в станице Уманской в те лихие годы явился дневник Ивана Лазаревича Полежаева. Это уникальный по своей сути источник тех событий, раскрывающий всю полноту и трагичность действий происходивших в данном населенном пункте. Из воспоминаний И. Л. Полежаева (в 1933–1936 гг. директора Уманского педтехникума) от 15 марта 1933 г.: «Был на местном старом кладбище. Забрел туда случайно, гуляя по станице. Судя по памятникам, в станице жила знать, казачья войсковая верхушка. Каменные склепы, мраморные памятники и надписи: “Здесь покоится прах есаула, полковника, атамана”. Посажены деревья, кустарники. Видно, умели жить, умирать, и теперь гордо лежат в казачьей земле, завоеванной и освоенной сто лет тому назад. Вот какая саботажная станица Уманская, записанная теперь на черную доску. Вот куда судьба занесла меня. В самой станице, если не 1/3 или 1/4 кирпичных домов, есть просто особнячки внушительного вида и размеров. Населения до 1913 г. было 25 тыс., а может, и больше, как говорят, станица эта была когда-то административным центром Ейского казачьего отдела. А было их на Кубани 7: Баталпашинский, Ейский, Екатерининский, Армавирский, Лабинский, Майкопский, Кавказский» [2, с. 51–60]. Приведем хронологическую справку: в 1902–1920 гг. станица Уманская являлась административным центром Ейского отдела Кубанской области. В 1913 г. в станице проживало 23800 жителей (13751 казаков и 10049 иногородних). Из казачьего населения станицы Уманской формировались 1, 2, 3 Уманские конные полки и 17 кубанский пластунский батальон [8, с. 6].

В конце 1920-х – начало 1930-х гг. приходится «великий перелом» в станицах Кубанского округа. Наличие большого количества казаков среди хлеборобов осложняло колхозное строительство на Кубани. Как и в других зерновых районах, коллективизация здесь проводилась поспешно и часто насильственными и жестокими методами. Советы, партийные ячейки, несмотря на амнистию, полученную от советской власти, относились к казакам предвзято, так как они служили у белых. Если казаки не хотели идти в колхозы, их причисляли к враждебным элементам и данное население подвергалось выселению, хотя такое поведение было реакцией на действия советской власти, на нарушение законности.

Что же такое «черные доски» и голодомор? Об этом на Кубани узнали в 1929 г. В этом году исполнится 90 лет как большевики из Северо-Кавказского крайкома решили жестко наказать крестьян (казаков) за срыв хлебозаготовок. В станицах Кубанского округа, далеко не все остались довольны коллективизацией, особенно казаки-станичники. В справке информационного подотдела Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) «Об агитационно-массовой работе и сопротивлении кулачества» от 10 января 1930 г. в разделе «Сопротивление кулака» говорится, что «в ряде станиц, в том числе и в Уманской, когда после принятия общим собранием решений об организации крупного колхоза, поступали в сельсовет заявления, одинаковые по тексту и написанные под копирку о нежелании вступать в колхоз и об отказе от земельного надела. В результате чего уже с 1929 г. высылке подвергли отдельные группы населения – в основном представителей зажиточной части станичного населения (преимущественно казачьи семьи). На собрании бедноты 23 ноября 1929 г. принято решение о раскулачивании и выселении в необжитые районы страны 30 семей» [1].

Процесс выселения и вывоза этих людей сопровождался неслыханной жестокостью. Это был сплошной плач и крик обреченных на мучительную смерть людей. Практически никто из раскулаченных не вернулся. Почти все они погибли в безлюдных местах Урала и Сибири от холода и голода. Руководствуясь указаниями Сталина сломить кулацкий саботаж хлебозаготовок, прибывшая в край комиссия во главе с Л. М. Кагановичем приступила к дальнейшим массовым репрессиям.

В постановлении бюро Павловского района ВКП(б) о выполнении решения Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 26 декабря 1932 г. «О ходе хлебозаготовок» говорится, что «... ряд станиц, особенно Уманская, Незамаевская и Старолеушковская (Павловского района Кубанского округа), активно саботируют решение крайкома партии», вследствие чего «совершенно правильным» признано занесение ст. Уманской на «чёрную доску» в результате 27 ноября 1932 г. в «чернодосочные» попадает станица Уманская Кубанского округа [1].

Газета «Молот» 5 ноября 1932 г. расшифровала значение «чернодосочного» режима:

- а) немедленное прекращение подвоза товаров и полное прекращение кооперативной и государственной торговли на месте и вывоз из кооперативных лавок всех наличных товаров;
- б) полное запрещение колхозной торговли как для колхозов, колхозников, так и для единоличников;
- в) прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств;
- г) проверка и очистка органами НКВД колхозных, кооперативных и государственных аппаратов от всякого рода чуждых и враждебных элементов» [4, с. 5].

Жители этих станиц были предупреждены, что в случае «продолжения саботажа они все будут выселены за пределы края в северные области».

Единоличники этих же станиц попали под другую статью, и было решено лишить их «усадебной земли и просить правительство выселить их за пределы края в северные области». Одновременно краевой прокуратуре и краевому суду предписывалось в ускоренном порядке рассматривать все дела по расхищению колхозного и государственного

имущества. Но и этих мер советскому руководству оказалось недостаточно, в результате 12 января 1933 г. было принято Постановление Павловского райкома ВКП(б) за № 2/15 с одобрением решения Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о выселении из станицы Уманской 1200 хозяйств казаков-единоличников и колхозников, «наиболее злостно саботирующих хлебозаготовки». Было решено распустить станичный совет и «лжеколхоз» им. Блюхера, а станичная власть была представлена Ревкомом, также намечалось провести вторичную чистку станичного парт аппарата [1].

О варварском выселении станичники были предупреждены за сутки до отъезда, и 13 января 1933 г. товарный поезд подошел к станции Уманской. Станичники запомнили этот день как «праздничный – под старый новый год». «Ведь праздники традиционно отмечались по старому стилю. Мороз был очень сильный, под 30 градусов. С раннего утра к вокзалу потянулись “гарбы” – подводы, в которых были женщины и дети – из воспоминаний жительницы станицы Уманской А. А. Павлоградской – парней лет 18 еще не трогали, а свыше 20 – в тюрьмы сажали, видимо, чтобы было спокойствие. Все те, кому лет 18, и конечно, 16, 17, 15 те шли за подводами, песни пели: “Прощай ты, Уманская станица, прощай, родная сторона! Прощай, казачка молодая, прощай ты, Родина моя!”. А мы везем да плачем. А они за подводами идут, дети маленькие сидят. Холодно!» [12].

Семьи вывозились на вокзал и бросались в вагон для скота. В лютый мороз, в метель и пургу забирали людей от мала до велика, бросали в заиндевелые товарняки и увозили в глухой, холодный северный край. Мало кто из них попал в места назначения, смерть от голода и мороза постоянно подстерегала их в пути. Мужчин же, арестованных накануне «для спокойствия в станице», под конвоем пригоняли на железнодорожную станцию, где они присоединялись к своим семьям. При этом только одна принадлежность к казачьему сословию была достаточным основанием для арестов и депортаций. Из-за огромного количества народа и неразберихи со списками грузились до глубокой ночи по 35–40 семей в один вагон. В пути на вагон выдавали две булки хлеба «из шелухи просяной» и немного кислой капусты. Замерзший на морозе хлеб растекался в тепле, и его ели ложками. В дороге полуголодные люди умирали, особенно дети. На стоянках их, прибегая к помощи конвоиров, закапывали (нужен был хоть какой-нибудь острый предмет). По приезду в Сибирь, Казахстан многих фамилий вообще в списках не находили. Население станицы было в полном составе (1200 семей) выселено в северные районы СССР и Казахстан (хронологическая справка – количество членов семьи было по 6, 7, а иногда и 10 человек). [8, с. 18–20].

По свидетельствам выселенных, многие пытались бежать обратно, но попадали в руки властей или погибали в дороге. Удачный побег был случайностью, тем более что вернуться непосредственно в родную станицу оказывалось весьма опасно. Немногие счастливо вернувшийся в станицу в 1936 г., считают, что выселение в другие районы СССР спасло их от голодной смерти, а смерть у Уманской была на каждом шагу [12].

24 января 1933 г. принимается Постановление Павловского райкома ВКП(б) № 2/17 «О мерах по борьбе с бегством колхозников из станиц района». В соответствии с этим постановлением станица Уманская окружается войсками Красной армии и войсками НКВД, превращается в резервацию (никого не выпускали и не выпускали), а жители обрекаются на голодомор [1].

Многие дома депортированных семей были реквизированы и отданы под нужды Советской власти и семьям переселённых военнослужащих из Ленинградского военного округа. Так, дом, в котором вначале XX в. жил атаман Онуфрий Трофимович Назаренко, был отдан под ЗАГС. Как свидетельствуют факты, атаман не принял советскую власть, воевал в рядах белой армии. В 1920 г. вместе с ней ушел из Уманской, и дальнейшая судьба его неизвестна [8, с. 18–20].

В доме до революции принадлежавшем купцу второй гильдии Николаю Смыслову был открыт кинотеатр «Горн». Умер Николай Алексеевич накануне первой мировой войны. В годы революции здание было передано в пользу Советской власти. [8, с. 18–20]. В жилом доме атамана Даниила Архипенко ныне располагается администрация Ленинградского сельского поселения [8, с. 18–20].

В это время в станице Уманской свирепствовал страшный голод, к февралю 1933 г. в данном населенном пункте было съедено все. Случаи людоедства и трупоедства в станице Уманской не были редкостью. Очевидно, что на зиму – весну 1933 г. приходится пик смертности населения станицы. К ужесточению социальных факторов добавляется отсутствие подножного прокорма. По станице дважды в день скрипели по снегу колеса подводы, подбиравшей людей в домах и на улицах. Вымикали целыми семьями, улицами, слободками. Трупы свозились на окраину станицы. Из воспоминаний И. Л. Полежаева: «Лежали рядами люди, опухшие от голода. Опухшие до того, что у них какая-то жидкость по лицу текла. Грязные, с болезненными язвами. Они лежали рядами: мужчины, женщины, больше всего – люди пожилого возраста или же наоборот – детвора. Приезжали ломовики, были там крючники, и вот, кто умирал за ночь, крючками их подволакивали к телеге, брали, грузили, накрывали брезентом и увозили. И так каждый день» [2, с. 51–60].

С приходом весны 1933 г. и начала посевной кампании, когда колхозникам приходилось работать по 12–14 ч в степи, дети оставались без присмотра, полуголодные, в запертых домах. По совету руководства, а также в надежде хоть как-то подкормить малышей матери отдавали их в колхозные ясли, где они быстро умирали от недоедания, болезней, плохого ухода. По воспоминаниям женщины, которую забрали в степной колхоз буквально на улице (она пошла на базар купить еды ребенку): «собрали нас много женщин... В сельсовет ... Там нас расставили – колхозники вправо, неколхозники влево. Колхозникам сейчас же идти домой, а потом – в колхоз работать, а неколхозники, мол, поедem на степь. А я кажу: “А как же мне? У меня же дите. Третий годок мальчику, он же закрытый в доме. Он же ждет маму, чтоб принесла покушать ему”. А мне говорят: “Ничего, с матерью буде”. А мать, кажу, куды годна?...». Приехавший спустя несколько дней в степь новый бригадир, встретив ее, сказал: «А, Мотя, и ты тут? А ты знаешь, что у тебя и мама умерла, и сын умер?» [12].

Выживали только «льготники» – «красные партизаны» (комсод оставлял им одну корову), работники региональных органов и аппарата, не считая милиции и НКВД, которым выдавался паек, а также те, кто смог наняться на любую работу, особенно в детсады и школы.

Колхоз, куда раньше шли в основном по принуждению, теперь воспринимается станичниками как спасение. Но колхозы и совхозы принимали уже не всех. Из работающих больше всего ценились трактористы. К началу весенней посевной им «давали килограмм хлеба, литр цельного молока и варево с мяса, а прицепщикам давали 600 грамм хлеба, молоко-перегон и варили без мяса». Бригадир «огромной бригады», работая с утра до позднего вечера, получала 400 граммов хлеба в день. К весне 1933 г. лошадей, способных тянуть борону, практически не осталось, пахали на коровах. За вспашку от колхоза выдавался хлебный паек. Любые попытки побега за пределы станицы карались тюремным заключением, на собственном приусадебном участке что-либо выращивать было запрещено [12].

С начала февраля опустевшую станицу (после выселения и голодной зимы в станице осталось 200 семей) начали готовить для въезда новых жителей. Географически станица Уманская разделена речкой Сосыкой на две неравные части: меньшую – северо-восточную и большую – юго-западную. После выселения обе части станицы опустели, тогда власти и решили собрать оставшихся станичников вместе в меньшей, северо-восточной части. 21 февраля 1933 г. на железнодорожную станцию Уманскую прибыл первый эшелон переселенцев – белорусских красноармейцев с семьями. Они начали заселять обширный юго-запад станицы. С середины марта к ним присоединились и красноармейцы Ленинградского военного округа. Таким образом, население Уманской численно было восполнено. Бывшие красноармейцы стали во главе колхозов – председателями, секретарями партийных ячеек, бригадирами и заведующими животноводческими фермами [8, с. 18–20].

Коренные станичники получили возможность обменивать остатки своего или найденного в опустевших домах имущества на хлеб, овощи, молоко, крупы и пр. Тем более что переселенцы получали хлебный 400-граммовый паек. Государство активно помогало новоселам освоиться на новом месте: они получали в личное пользование скот – коров и лошадей, специально для них закупленных в соответствии с «Постановлениями Наркомзема и краевого земельного управления» [8, с. 18–20].

Вновь созданные красноармейские колхозы освобождались (в отличие от казацких) от обязательных поставок государству некоторых видов сырья (например, шерсти). Очевидно, что переселение было приурочено к началу весенней посевной, которую нереально было провести силами местных жителей. По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) краю была оказана помощь семенами в размере 15300 пуд. Но станичники по-прежнему были в труднейшем положении [8, с. 18–20].

Адаптация переселенцев к новым условиям проходила нелегко. Но в первые, наиболее кризисные и тяжелые три года выезд из села был сильно ограничен. Решением Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) был «запрещен самовольный выезд из районов без специального разрешения крайкома» – подобные действия рассматривались как дезертирство. Отношения между «югом» и «севером» станицы строились на недоверии и враждебности и порой доходили до открытой ненависти переселенцев к «кулацким элементам», «саботажникам», «кулацким остаткам», «заносчивым казакам»; станичников – к «непрошеным гостям», «окупантам» [12].

Практически больше года продолжался в станице Уманской «чернодосочный режим». Сколько бед, смертей, напастей и слез принес он с собой. Невозможно передать те человеческие муки, которые выпали на злосчастную долю станичников. С приходом 1934 г. станица Уманская Кубанского округа закончила свое «чернодосочное» существование. Из воспоминаний И. Л. Полежаева: «Январь 1934 г. Начало нового года оказалось радостным. Отменена хлебная карточка. Мы получали хлеб по спискам – 600 гр. на душу. Теперь покупай свободно и ешь, сколько захочешь. Станица Уманская закончила свое чернодосочное существование. Она теперь ст. Ленинградская, по имени и в честь кавалерийского полка, стоящего у нас и носящего звание Ленинградского. Политотделы перестали существовать. Теперь у нас Ленинградский район, с центром в нашей станице, станичный Совет, райисполком, райком ВКП(б), комсомол, районная газета и все положенные по нормативам организации. К станице относятся новые крупные колхозы: Политотдела, Ленина, Кавполка, Кирова, Коминтерна. В районе свиноводческие совхозы и т. д. [2, с. 51–60].

В последующем жизнь в станице стала постепенно налаживаться. После 1933 г. репрессивные меры к казачеству были отменены, восстановлен Кубанский казачий хор, формируются казацкие части Красной армии.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что несмотря на огромные человеческие потери, полный развал сельского и промышленного хозяйства во время коллективизации, станица Уманская (Ленинградская) нашла в себе силы развиваться и показала достойные результаты в социально-экономическом развитии региона. Одним из основных направлений экономики станицы Уманской Краснодарского края является сельское хозяйство.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) Ф. Р. 237. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–6.
2. Журнал «Родная Кубань», 3 февраля 2002 года – дневник Ивана Лазаревича Полежаева (директора педагогического техникума) – «Уманская в 30-е годы».
3. Закрытое акционерное общество Ильича. 70 лет. Станица Ленинградская, 1999.
4. Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани. (1927–1941 гг.) Сборник документов и материалов. Краснодар: Краснодарское книж. изд-во. 1981. Т. 2.
5. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.). Краснодар: Краснодарское книж. изд-во, 1972.
6. Пособие для учителей истории и кубановедения / Кондратенко Ольга Викторовна (учитель истории и обществознания высшей категории муниципального бюджетного образовательного учреждения). 2012.
7. Тёр В. Имя на карте. Ленинградская, 2007.
8. Тёр В. Казачий конь далёко скачет. Записки о прошлом и настоящем. Краснодар, 2004.
9. Тёр В. В краю рек и курганов. Ленинградская, 2015.
10. Воспоминания жителей станицы. Машинопись (Ленинградской-Уманской).

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Баландина Надежда Викторовна,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры «Теория и история государства и права»,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет», г. Астрахань

Народовластие, закрепленное в самом общем виде в ст. 3 и ст. 32 Конституции РФ [4], является фундаментом построения демократического правового государства. Граждане могут осуществлять свою власть различными способами и в разнообразных формах: участие в выборах [9], референдумах [10], путем направления обращений (предложений, заявлений, жалоб) в органы государственной власти [11], высказывать свою позицию на собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях, пикетированиях [12], посредством участия в судебных разбирательствах в качестве присяжных заседателей [13] и проч.

Перечисленные организационно-правовые формы участия граждан в управлении делами государства детально регламентируются действующим российским законодательством, и, как следствие, имеется богатая практика реализации гражданами предоставленных им возможностей. Еще одной формой участия общества в политической жизни страны является наделение в соответствии с ч.1 ст. 6 ФЗ РФ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [14] правом законодательной инициативы в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации принадлежит Конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации право законодательной инициативы может быть предоставлено иным органам, членам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации – представителям от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти данного субъекта Российской Федерации граждан, проживающих на территории данного субъекта Российской Федерации, если такая возможность предусмотрена Конституцией или Уставом субъекта РФ.

Отметим, что народная законотворческая инициатива уходит корнями в глубокую древность. Так, на протяжении трехсот лет в Спарте каждый свободный гражданин мог выступить с конкретным законодательным предложением [6, с.187]. В современном мире, отмечает С. С. Важнов, «институт народной законодательной инициативы предусмотрен конституциями и законами многих стран. На общегосударственном уровне он действует в Австрии, Испании, Италии, Швейцарии, Бразилии, в странах, образовавшихся после распада СССР (Беларусь, Грузия, Латвия, Литва). На региональном уровне правотворческая инициатива граждан реализуется в США, Швейцарии. Институт народной правотворческой инициативы не применяется во Франции, Индии, в европейских странах англосаксонского права, где всегда господствовала идея верховенства парламента, во многих мусульманских странах» [2, с. 17].

При этом многие исследователи отмечают, что на практике законодательная инициатива граждан вообще применяется редко и неэффективно даже в зарубежных странах, имеющих более богатый исторический опыт в анализируемом вопросе. Так, «например, со времени принятия Конституции Италии 1947 г. в стране принят лишь один закон, где субъектом права законодательной инициативы являлись граждане» [5, с. 70]. В России, как справедливо отмечает Д. В. Афиногенов, законодательная инициатива граждан, к сожалению, пока скорее лишь «правовая декларация, закрепленная в Уставе или Конституции, без определения четкого механизма осуществления» [1]. Законы, принятые по инициативе граждан РФ, на сегодняшний день отсутствуют, хотя факты внесения конкретных предложений в законодательный орган имели место в ряде регионов.

Сегодня такая форма прямой демократии закреплена более чем в 20 субъектах РФ, включая Астраханскую область. Впервые в Устав Астраханской области от 28.03.1997 г. № 6 [3], принятый Государственной думой Астраханской области 26.02.1997 г., было включено положение о том, что законодательная инициатива может быть также осуществлена не менее чем одной тысячей граждан, проживающих в Астраханской области и обладающих избирательным правом. Граждане осуществляют законодательную инициативу путем внесения в Государственную думу Астраханской области предложений для рассмотрения на его заседании. Форма подписного листа в поддержку законодательной инициативы утверждается Государственной думой Астраханской области. Предложения, оформленные в порядке законодательной инициативы, рассматриваются Государственной думой Астраханской области не позднее одного месяца со дня их регистрации. В неизменном виде эта норма была включена в ст. 32 нового Устава Астраханской области от 9 апреля 2007 г. N 21/2007-ОЗ [8]. Однако на протяжении 18 лет с 1997 по 2015 г. граждане не могли фактически реализовать данное право, т. к. форма подписного листа в поддержку законодательной инициативы в Думе Астраханской области граждан, проживающих в Астраханской области и обладающих активным избирательным правом, не была разработана и утверждена. Лишь 27 марта 2015 г. Дума Астраханской области своим постановлением от 27.03.2015 г. № 152/3 [7] утвердила требуемый документ.

Этот шаг имеет важное историко-политическое значение, т. к. институт законодательной инициативы граждан выполняет важнейшие функции: регулятивная (статическая и динамическая), социальная, политическая, экономическая, охранительная, координационная, информационная, воспитательная, диагностическая [15, с. 19]. Он способствует укреплению социальной обусловленности права, легитимности принимаемых законов.

Хотелось бы выделить ряд ключевых проблем, препятствующих реализации права законодательной инициативы граждан, проживающих в Астраханской области: отсутствие четкой правовой регламентации осуществления анализируемого права, низкий уровень правовой грамотности граждан, зачастую не позволяющий четко обосновать и оформить законодательное предложение, а также решающая роль государственного органа – Думы Астраханской области в конечном решении по вносимому предложению. Хотелось бы надеяться, что указанные проблемы станут предметом пристального изучения научного сообщества и компетентных представителей государственной власти в целях их скорейшего разрешения.

Список источников и литературы

1. Афиногенов Д. В. Законодательная инициатива граждан и их объединений в Российской Федерации. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Afinogenov_zak_gr-2007.pdf.
2. Важнов С. С. Институт правотворческой инициативы граждан в системе народовластия в Российской Федерации. Саратов. 2007. 23 с.
3. Закон Астраханской области от 28 марта 1997 г. N 6 Устав Астраханской области // Астраханские известия. 1997, 10 апреля. № 15.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. N 31, ст. 4398.
5. Крупенина Е. Э. Институт законодательной инициативы граждан в зарубежных странах // Правовое обеспечение инновационного развития общества и государства (Минск, 29–30 окт. 2010 г.). Минск, 2011. С. 70–71.
6. Огнева Е. А. Правовое регулирование правотворческой инициативы граждан как гарантия реализации прав человека: зарубежные практики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2013. № 16 (159), вып. 25. С. 187–192.
7. Постановление Думы Астраханской области пятого созыва от 27 марта 2015 г. № 152/3 «О форме подписного листа в поддержку законодательной инициативы в Думе Астраханской области граждан, проживающих в Астраханской области и обладающих активным избирательным правом» // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области, № 12, 02.04.2015.
8. Устав Астраханской области от 9 апреля 2007 г. N 21/2007-ОЗ // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. 19.04.2007. N 18.
9. Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 15.06.2002. № 106.
10. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 N 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Российская газета. 30.06.2004. N 137-д.
11. Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Российская газета. 05.05.2006. N 95.
12. Федеральный закон от 19.06.2004 N 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Российская газета. 23.06.2004. N 131.
13. Федеральный закон от 20.08.2004 N 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 23.08.2004. N 34, ст. 3528.
14. Федеральный закон от 06.10.1999 N 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Российская газета. 19.10.1999. N 206.
15. Цветков В. В. Реализация института законодательной инициативы в современном российском государстве: общетеоретический аспект. Н. Новгород. 2008. 213 с.

ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ 1917 г. (НА МАТЕРИАЛАХ г. АСТРАХАНИ)

Безбородова Юлия Николаевна,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань,

Научный руководитель: Рослякова Ольга Борисовна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Социально-экономические потрясения: тяжелые условия жизни, голод, материальная нужда, жилищный кризис, вызванные Первой мировой войной, еще больше усугубились в период революционных потрясений 1917 г. Все это отразилось на психологическом состоянии городского населения. Безработица, беспризорность, нищета и желание легкой наживы лишь обострили проявление преступного поведения, которое стало неотъемлемой частью повседневной жизни городского населения. В период революционных потрясений 1917 г. данное явление проявилось в различных формах: кражи, грабежи, убийства, массовые продовольственные беспорядки, погромы, спекулянтство и т. д.

В 1917 г. в г. Астрахани сохранялась опасная криминогенная обстановка, что было обусловлено продолжением затяжной войны, которая держала людей в постоянном напряжении, в беспокойстве за свою жизнь. Панический страх жителей в связи с частыми убийствами, грабежами и кражами порой доходил до абсурда. Так, двое людей, оказавшись в ночное время в разных уголках улицы, испугались, того, что кто-то их преследует. Один спрятался за фонарем, другой находясь в шоковом состоянии и предчувствуя опасность, выстрелил в другого. В результате, выяснилось, что у прохожих не было плохих намерений, а просто увидели приближающую тень друг друга [5, с. 2].

Обстановка в городе была накалена, повсюду царил хаос. Воздух был пропитан преступностью. В 1917 г. С каждым месяцем возрастало число ограблений и убийств, причем часть налетов маскировалось под «реквизиции». Наблюдались случаи, когда бандиты выдавали себя за милиционеров. Так, в июне был арестован Е. И. Левченко, выдававший себя за милиционера резерва. Левченко приходил в войсковые части, брал солдат с винтовками и производил самовольные обходы и обыски. На самом деле этот человек оказался дезертиром Румынской армии, у которого при обыске были найдены похищенные вещи на 60 руб. [4, с. 1]. Опасность достигала немыслимых масштабов. Большое количество преступников были вооружены револьверами и одеты в солдатскую форму. Доходило до того, что ограбить могли прямо на улице. Так, Астраханский листок 1917 г. ярко описывает случай, когда люди, переодетые в патруль с винтовками в руках, угрожая солдату убийством, на глазах прохожих проверили его карманы и взяли оттуда 240 руб. [10, с. 2]. Преступления с участием «солдат» были характерны для 1917 г. Люди, переодевавшихся в солдатскую форму, проникали в лавки к торговцам и предлагали приобрести товар «из под полы», однако под угрозой убийства обворовывали все подчистую. Также «солдаты» проникали в квартиры богатых людей. Один предлагал купить золотые монеты и, получив отказ, тут же врывалась еще одна группа солдат с револьверами [3, с. 3].

К всеобщему обострению преступной среды прибавилась и другая проблема – массовые побеги из тюрьмы. Еще в начале марта из тюрьмы сбежало 300 заключенных, однако 110 из них удалось быстро поймать [2, с. 2]. В основном это были солдаты, арестованные за мелкие проступки, и их все равно вскоре отпустили. На их место в камеры решением председателя губисполкома Бирюкова были отправлены городовые и жандармы, которых было решено принудительно отправить на фронт. В результате постоянных обысков начальником уголовного отделения городской милиции были обнаружены приспособления для побега: слесарные инструменты, большое количество ножей и т. д. [5, с. 2]. Постоянные побеги позволяли сбежавшим заключенным повторно совершать преступления. Так, 18 мая вспыхнула перестрелка в «Луна-парке, которая была устроена беглым каторжником. В ту же ночь вооруженные грабители напали на баржу с углем: хозяину пришлось отбиваться револьвером, так как после несколько выстрелов барабан заело и оружие оказалось нерабочим. В семи верстах от Цветного убили 2 киргизские семьи в количестве девяти человек. Кибитки были залиты кровью».

Постоянные ночные разбои стали неотъемлемой частью жизнью в рассматриваемый период. Одним из самых запоминающих таких событий являлось нападение на бондаря И. А. Федичкина. Злоумышленников было шестеро, переодевшись в солдатскую форму и проникнув в дом бондаря, они связали стражу. Шайка бандитов связала супругов, требуя от них деньги. Однако, получив отказ, преступники начали стрелять из револьверов. Таким образом, Федичкину было нанесено четыре огнестрельных раны, а его жене – шесть [10].

Пристанищами для воровского, уголовного мира часто становились городские базары и рынки, где процветало мошенничество. В частности, на Татарском базаре возобновилась «толкучка», появились чайные, кебабни, «обжорки», нередко являвшиеся притонами уголовников и аферистов. Жертвой мошенников можно было стать, оказавшись на пароходе. Так, в ноябре 1917 г. А. Призельт познакомился с неизвестными офицерами, представившихся представителями по закупке и заготовке обуви. Призельт поверив солдатам, совершил сделку и отдал 20000 рублей, однако солдаты скрылись. [11, с. 2]. Чаще жертвами преступников становились пьяные и доверчивые люди. Так, в чайной под ул. Усейнова в январе 1917 г. очередной жертвой рецидивистов Кулинина и Барабанова стал кондуктор Маслов, находившийся в поисках выпивки. Споев Маслова, преступники вынули все содержимое карманов, раздели его и бросили без сознания на улице. Пострадавший был не первой жертвой этих грабителей [1, с. 2]. Несомненно, в рассматриваемый период кражи лидировали среди остальных уголовных преступлений. В каждом номере газеты «Астраханский листок» приводится перечень совершенных краж. Только за сутки в 1917 г. в Городскую Управу поступало от семи до девяти заявлений о краже различных вещей не менее 100 руб. [6, с. 3]. На первом месте были кражи одежды, предметов личного пользования: обувь, тулуп, пальто, нижнее и постельное белье, часы, инструменты. Многие воры проникали в квартиру через взлом замков, а в состоятельных семьях устраивались прислугами по фальшивым паспортам. Похищенную «добычу» воры могли носить сами или обменять на алкогольные напитки, но чаще они сбывали ее на рынках, привлекая других людей. Большое количество краденых вещей было обнаружено на Вечернем базаре. Помимо квартир, частыми были взломы магазинов, торговых лавок. Так, 10 мая на ул. Ахматовской в магазине были выломлены двери, а похищено всего вещей на 8000 руб. Примечательно то, что кража была совершена днем и при постоянном многолюдном движении [3, с. 2]. Помимо денежных средств, воры, полностью опустошая прилавки, пудами забирали ящики с маслом, хлебом и другими продуктами, что лишь обостряло проблему нехватки продовольствия.

Ещё одной популярной схемой для кражи служила операция под названием «выкуп из ломбарда». Люди массово спешили выкупить заложенные вещи из-за распространившихся слухов о том, что ломбарду грозят неприятности, и вещи могут быть подвергнуты реквизиции или даже конфискации. Данные слухи распространялись с провокационной целью, чтобы воры могли воспользоваться создаваемой паникой, а также для увеличения добычи в намеряемых для разгрома квартирах [8, с. 2].

Одним из проявлений преступности были и постоянные массовые волнения населения в период революционных изменений. Сентябрь 1917 г. ознаменовался погромами в винном складе. Ни казаки, ни караульщики не могли успокоить пьяных бунтовщиков. Всего было убито 5 человек, в больницу было доставлено 11 раненых [7, с. 1]. Пожарные уничтожали остатки, разбивая водку и чаны с коньяком. Площадь перед складом представляла собой сплошное болото из спирта и грязи. Всего было уничтожено спирта на 6 млн руб. В том же месяце произошло и продовольственное беспокойство. Так, 12–14 сентября в г. Астрахани распространились слухи о сокращении хлебного

пайка до 1 фунта, вызвавшие продовольственные волнения рабочих. К ответу недовольная толпа призвала губернского комиссара В. И. Склабинского, подвергнув его оскорблениям и избиению. Действующая власть не смогла противостоять натиску голодной массы людей, она могла лишь выразить соболезнование губернскому комиссару

Еще в данный период в г. Астрахани, как и в других городах, развивалось спекулянтство. В губернский продовольственный комитет постоянно поступали сведения и протоколы по раскрытию действий спекулянтов, однако это не приносило результатов. Многие астраханские газеты 1917 г. писали следующее «спекулянты расплылись в масле, размножились как грибы поганки на гнилом дереве, теперь все спекулянты» [9, с. 2].

Подводя итоги, следует отметить, что преступное поведение в период революционных потрясений 1917 г. было неразрывно связано с нерешенными и обострившимися проблемами в период войны. Основным очагом проявления преступного поведения были солдаты или люди, переодетые в их форму, что в свою очередь приводило к частым убийствам и грабёжам.

Список источников и литературы

1. Астраханский листок. 1917. 8 января.
2. Астраханский листок. 1917. 10 марта.
3. Астраханский листок. 1917. 13 мая.
4. Астраханский листок. 1917. 20 мая.
5. Астраханский листок. 1917. 1 июня.
6. Астраханский листок. 1917. 4 июня.
7. Астраханский листок. 1917. 26 сентября.
8. Астраханский листок. 1917. 14 октября.
9. Астраханский листок. 1917. 17 октября.
10. Астраханский листок. 1917. 5 ноября.
11. Астраханский листок. 1917. 11 ноября.

К ПРОБЛЕМЕ ЗАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Винокурова Елена Игоревна,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Середина XIX в. – является одним из наиболее динамичных периодов в истории России.

С усилением процессов модернизации происходит резкое изменение миграционной активности населения, прежде всего крестьян. Главной причиной таких перемен было аграрное перенаселение в центральных регионах Российской империи. С другой стороны существовала проблема, возникшая в результате проведения крестьянской реформы, которая выражалась в малоземелье. Малоземелье и перенаселённость центральных районов заставляли крестьян отправляться в слабозаселённые регионы с низкой плотностью населения.

Одним из таких районов являлась Астраханская губерния, которая всегда привлекала переселенцев.

Долгие годы после присоединения Астраханского ханства к России Астрахань оставалась единственным населённым пунктом на громадном пространстве почти от Казани до самого Каспия. Обширные безлюдные пространства Европейской степи были слишком суровы для человека прошедших веков. Небезосновательные слухи – отголоски о нападениях кочевников, также пугали желающих поселиться здесь на постоянное место жительства.

XIX век стал для Астрахани веком нового экономического, политического и культурного становления.

Выгодное географическое положение, постоянное развитие экономических и культурных связей определяли значительный внешнеэкономический потенциал Астраханской губернии.

В середине XIX в. Астраханская губерния занимала обширную территорию. Так, например, к 1861 г. ее площадь превышала 19 млн десятин [3, с. 23].

К 1886 г. площадь губернии по данным губернского межевого управления, составляла 182913 кв. вёрст (208200 км²). Площадь всех пяти уездов, входивших в состав Астраханской губернии, включая водную поверхность, составляла 41147 кв. вёрст (46830 км²), Калмыцкой степи – 75635 кв. вёрст (86080 км²) и Внутренней Киргизской Орды – 66131 кв. вёрст (75240 км²).

По другим данным (И. А. Стрельбицкий) (1874 г.), площадь Астраханской губернии составляла 197247,2 кв. вёрст (224500 км²), в том числе поверхность озёр – 647,5 кв. вёрст (736,9 км²), Волжской дельты – 14674,8 кв. вёрст (16700 км²). Данная территория включала всё пространство от г. Царицына до Каспийского моря, между реками Волгой и Ахтубой и с включением всех островов по морскому побережью. По своей площади Астраханская губерния занимала четвёртое место среди губерний европейской части Российской империи [4, с. 31].

Такие огромные свободные земельные и речные угодья Астраханской губернии, привлекали не только торговцев, но служилых и беглых людей.

К 1850 г. число крестьян, переселившихся в Астраханскую губернию, увеличилось на 757 человек. Всего в Астраханской губернии в конце XIX в. количество неместных уроженцев составляло 12184 чел., или 12,1 % от всего её населения. Наиболее заселяемым был Астраханский уезд (37 %), значительный прирост населения получили также Черныярский и Царевский уезды (11,7 и 8,1 % соответственно) [4, с. 322].

Оседлое население Астраханской губернии в 1888 г. состояло из 479980 д. об. п., 245079 м п. и 234901 ж. п., преимущественно из великороссов, малороссов (переселенцев разных губерний России) и из татар юртовских и кундровских (см. астраханские татары): плотность сельского населения составляет 11,6 человек на 1 кв. версту. Кроме того, в Калмыцкой степи приблизительно считалось 138980 д. об. п. и в Киргизской – 237520 д. об. п., между ними небольшое число каракалпаков и туркмен [4, с. 23].

Основная масса переселенцев включала в себя государственных крестьян Воронежской, Рязанской, Тамбовской, Смоленской, Курской и Полтавской губерний. Молва о свободных астраханских землях и о больших заработках на промыслах привлекала огромное количество населения. Например, государственные крестьяне Саратовской губернии, воспользовавшись ситуацией, обращались с просьбой к правительству о наделении их доверителей сенокосной землей «из Ахтубинской долины» [5, с. 15].

Некоторых переселенцев правительство допускало в качестве арендаторов казенных земель. Им оказывались льготы, но не все могли использовать данный шанс, в итоге многие разорялись и возвращались обратно. Некоторые крестьяне пытались самовольно заселиться на астраханских землях. Также разрешение правительства Российской империи о свободном заселении на калмыцких землях дало толчок к увеличению удельного веса самовольных переселенцев. В основном «самовольцами» были захиточные крестьяне [4, с. 322]. Это, в свою очередь, приводило к массовому появлению самовольных построек. Такая ситуация сохранялась до конца XIX в.

Общая численность государственных крестьян Астраханской губернии увеличилась с 8347 человек мужского пола в 1799 г. до 87355 – в 1857 г. [4, с. 39]. В пользу прироста свидетельствуют и данные о плотности населения: в Астраханской губернии она увеличилась с 1,9 чел. на 1 кв. версту в 1863 г. до 6,3 чел. в 1914 г. [4, с. 78–79].

К концу XIX в. Астраханский край был в основном заселен. К этому времени массовые переселения потеряли свою актуальность. К тому же данные переселения носили немного другой характер по сравнению с заселением территорий Сибири. В данном случае, целью переселения, как уже отмечалось ранее, было заселение окраин России для решения задач по хозяйственному освоению и защите территории.

В заключении хочется сказать, что в конце XIX в. край обладал огромным колониационным фондом земель, имея редкое кочевое население. Первых мигрантов привлекали сюда природные ресурсы, и задачей правительства стало заселение богатого рыбой и солью края. В начале XIX в. в Астрахани проживало около 30, а в середине века – примерно 45 тыс. жителей. По первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в Астраханской губернии, площадь которой составляла 207193,3 кв. верст, проживали 994775 жителей, среди которых 134531 человек проживали в городах, 860244 – в сельской местности. В самой Астрахани насчитывалось 113001, в Енотаевске – 2807, в Красном Яру – 4684, Черном Яру – 5144 жителя. В 1915 г. население губернии составляло 1430000 человек [4, с. 38].

Своеобразием астраханского края было наличие Астраханского казачьего войска. В составе казачества были: русские, поляки, калмыки, татары и малороссы. Казачество являло пример и религиозной терпимости. Хотя подавляющее большинство казаков были православными, среди них были мусульмане, католики, старообрядцы.

К началу XX в. в Астраханской губернии проживали 1241432 человека. Среди них: русских – 552399, украинцев – 178712, белорусов – 12452. Таким образом, славянская группа населения была преобладающей, она в целом объединяла 733563 человека. Сюда можно еще приплюсовать 2358 поляков. Другие национальности распределились следующим образом: казахов – 279321; калмыков – 143674; татар – 65456; армян – 9724; немцев – 3382; евреев – 2597; персов – 1259, французов и англичан – 45, прочих – 50 человек. Из всех жителей Астраханской губернии к концу XIX в. примерно 70 % вели оседлый образ жизни, а 30 % – кочевой [4, с. 25].

Такое положение позволило довольно быстрыми темпами улучшить экономику Астраханского края, что явилось прочной основой для дальнейшего социально-экономического развития Астраханской губернии.

Список источников и литературы

1. Брук С. И., Кабузан В. М. Миграция населения в России в XVIII – начале XX века (численность, структура, география) // История СССР. 1984. № 4. С. 41–59.
2. Воронова А. А. Рыбные промыслы Нижней Волги и Каспия в XIX – начале XX вв. Астрахань, 2005.
3. История Астраханского края. Астрахань: Астраханский гос. пед. ун-т, 2000. 1122 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб : Центральный стат. комитет Министерства внутренних дел, 1899–1905. Астраханская губерния, 1904. 167 с.
5. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М. : Гос. стат. изд-во, 1956. 352 с.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В АСТРАХАНСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ

Демин Андрей Владимирович,
ассистент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

После выборов в атаманы В. Ф. Сковрцова, и утверждения его в должности состоялся смотр им всего войска. Инспекторская проверка выявила, что в войске необходимы изменения как в бытовом, так и в социальном ключе.

Если посмотреть полковые списки Астраханского казачьего конного полка XVIII в., то явно бросается в глаза ничтожный уровень грамотности. Как правило, элементарным уровнем обладали высшие полковые чины и их ближайшее окружение, соответственно в таком же порядке происходило и распределение должностей в полку. В первой четверти XIX в. ситуация в войске сильно не изменилась, хотя многие семьи казаков стремились дать посильное достатку образование своим детям. Сам Василий Филиппович Сковрцов был тому примером: являясь выходцем из простой казачьей семьи, он получил для своего времени более чем достаточный набор знаний, который увеличивал до глубокой старости. Будучи человеком любознательным, всячески поощрял саморазвитие и тягу к наукам. К примеру, в ходе смотра ознакомившись с познаниями сына поручика Алеева – Гавриила нашёл их особенно хорошими и «в поощрение и на пользу общую» произвёл малолетка в урядники сверх штата [4].

Последующие Наказные Атаманы понимали нарастающую проблему недостатка уровня образования в войске и наконец благими заботами войскового атамана Петра Ивановича Петрова с его представления начальству в начале 1830 г. по Высочайшему соизволению открылся войсковой благородный пансион для мальчиков сыновей офицеров, а в 1834 г. открылись 10 станичных училищ для образования казачьих детей. Это был первый этап становления начального мужского образования в войске.

Предваряя открытие станичных училищ, атаман Петров первоначально провёл работу среди жителей станиц с целью узнать их настроя, на что станичники откликнулись с пониманием и благодарностью. Планировалось строительство и оборудование мебелью десяти деревянных станичных училищ с последующим их содержанием в надлежащем виде за войсковой счёт. Летом 1832 г. Петров подал представление начальству, удостоившееся высочайшего разрешения зимой 1834 г. императором Николаем I. Предписывалось:

- учредить училища в десяти станицах войска;
- для помещения училищ выстроить дома на счет общих войсковых сумм с тем, чтобы ремонт их и отопление возложены были на обязанность станиц;
- в станичных училищах преподавать: чтение, письмо, четыре правила арифметики, с употреблением счётов, краткий катехизис и краткую священную историю;
- классную мебель завести на счет войска, а впоследствии пополнять её на станичные суммы. На учебные пособия в каждое училище отпускать 40 руб. в год из войсковых сумм;
- учителями определить на первый раз способных урядников или казаков, производя им, сверх положенного от казны жалованье, за каждого ученика от родителей по одному рублю в месяц. Впоследствии же места учителей занимать выпускаемыми из войскового пансиона воспитанниками;
- для общего надзора за ученьем назначить инспектора из штаб или обер-офицеров, которому вменить в обязанность осматривать училища, донося о найденном войсковому атаману; инспектору для разъездов отпускать по 300 рублей в год из войсковых сумм;
- право отдавать сыновей своих или родственников в станичные училища предоставить всем казакам, которые были обязаны содержать детей дома, лишь посылая их в училища в назначенное время.

Училища были открыты в следующих станицах: Казачебугровской, Дурновской, Замьяновской, Сероглазинской, Косикинской, Копановской, Ветлянинской, Грачевской, Пичуженской и Александровской [2].

Впоследствии, летом 1845 г. ещё одно, одиннадцатое училище открылось в Лебяжинской станице, в этот год по повелению учителям назначалось жалование по 35 руб. в год каждому, выплачивалось из войсковых сумм; родительская плата была отменена.

С 1840 г. наряду с общим начальным образованием атаман фон-дер-Бригген дал приказ обучать учеников «маршировке и шашечным приёмам», вследствие чего училища тогда же были снабжены деревянными шашками. Обучение школьников строевой подготовке возлагалось на учителей и станичных урядников, знающих строевую службу. Шашечные приёмы и маршировка просуществовали в стенах училищ до 1870-х гг., и почти сошли на нет, но благодаря вмешательству атамана Протасова-Бахметьева, с осени 1881 г. были введены вновь с добавлением в программу ещё и гимнастики. Это «нововведение» осталось запечатлено на фотоснимках Ветлянинского двухклассного станичного училища, сохранившихся до наших дней и хранящихся в фондах астраханского краеведческого музея. Снимки сделаны после 1912 г. На них изображены казачата с деревянными шашками в строю, гимнастические упражнения, и урядник, строго следящий за их исполнением [1].

В начале 1860-х гг., т. е. через 30 лет с момента открытия войскового пансиона, начинается этап становления начального женского образования в астраханском войске. Родоначальником его стал учитель Сероглазинской станицы, урядник из дворян Лука Петриченков, который убедил казаков станицы в пользе грамоты для женщин и стал учить девочек вместе с мальчишками, за что атаман Толстой выразил благодарность Петриченкову и привёл его стремление в пример населению других станиц. Примеру Сероглазинской станицы последовали Грачевская и Пичу-

женская, Александровская. Данное обстоятельство указало войсковой администрации на систематизацию женского образования, и в 1866 г. решение было утверждено [2].

По желанию станичных обществ и с разрешения наказного атамана разрешалось открывать училища и приглашать учителей за оговоренную с ними плату.

Предметы ученья составляли:

- Закон Божий, в курс которого входили молитвы, краткий катехизис, священная история ветхого и нового завета и объяснение Божественной литургии;
- русская грамота, т. е. чтение книг гражданской и церковной печати, письмо под диктовку с объяснением главных грамматических правил, сколько это нужно для изучения и практического правописания;
- первые четыре действия арифметики, с простыми и именованными числами, с указанием российских мер, весов, монет и употребление счёта;
- чистописание и рукоделие.

Девочкам казачьего сословия дано право поступать в училища без ограничения возраста и учиться бесплатно.

Соответственно практика открытия училищ прижилась и в других станицах, хуторах и посёлках войска. Открытие новых станичных училищ продолжалось вплоть до начала XX в., как, например, открытие одного из трёх училищ в хуторе Щучьем станицы Замьяновской в 1906 г. Однако к тому времени станичные училища уже перестали удовлетворять все потребности в сфере просвещения казачьей молодёжи. В ходе преобразований в войсковой среде было высочайше разрешено весной 1902 г. преобразовать училища ряда станиц в двухклассные, с основаниями школ министерства народного просвещения.

1 сентября 1902 г. состоялось преобразование училищ и одновременно учреждена учительская библиотека, состоящая из художественно-литературных, общенаучных и педагогических книг.

Без всякого сомнения, открытие станичных училищ стало важнейшим шагом для повышения уровня образования войскового сословия, как среди детей казаков, так и в офицерской среде.

На порядок выше стояла возможность получения среднего образования в войсковом пансионе.

За неимением у войска своего учебного заведения, при Астраханской губернской гимназии был учреждён для войска особый пансион, воспитанники которого получали образование наравне с другими учениками и дополнительно изучали науки, необходимые для дальнейшего прохождения военной службы.

Предназначен пансион был для штаб- и обер-офицерских детей, но в случае их недобора, допускался приём в него детей и нижних чинов. Форма одежды воспитанников представляла собой мундир – куртку войскового образца. За отличие в учёбе ученикам нашивались на воротник и рукавах мундира галуны, но без права именоваться урядниками. Фуражка воспитанника пансиона имела на околыше кокарду, а на тулье эмблему астраханской гимназии, как это видно на фото.

Вот как вспоминал о войсковом пансионе будущий выпускник Николаевской инженерной академии Владимир Максимович Догадин, полковник императорской армии, продолживший свою военную карьеру и в Советские годы, дослужившись вновь до чина полковника инженерных войск.

«...С переходом в первый класс гимназии отцу удалось поместить меня на бесплатное содержание в казачий пансион. Воспитанники этого пансиона в количестве 30 человек существовали на средства Астраханского казачьего войска, к которому по своему происхождению относился мой отец, носили казачью форму, жили в особом доме, а на занятия в гимназию ходили строем.

Отрыв от родной семьи и помещение в чужую атмосферу казённого интерната подавляюще повлияли на моё душевное состояние, я чувствовал себя как бы во враждебной обстановке, ожидал всяких напастей как со стороны строгого воспитателя, так и со стороны грубоватых шалунов-товарищей, хотя в действительности мне никто из них ничем не угрожал.

Кроме того, дома всегда подготовкой к исполнению заданных уроков руководил мой отец, работавший в прошлом учителем в казачьей станице. Предоставленный в пансионе в отношении приготовления уроков самому себе, я не смог сразу перестроиться на самостоятельную работу и на другой же день после прихода в пансион получил двойку по латинскому языку, хотя, как упоминал выше, до сего времени учился отлично. Я переживал ужасное горе и горько плакал как перед учителем Рудольфом Юргенсом, так и перед отцом, которого случайно встретил на улице при возвращении из гимназии в пансион [1].

Но это была первая и последняя неудовлетворительная отметка за всё мое многолетнее учение. Я быстро перестроился, стал получать по латыни одни пятёрки и перешёл во второй класс также с наградой».

Воспитанники пансиона изучали все предметы по программе гимназии: Закон Божий, священная и церковная история; русская грамота, словесность и логика; немецкий и французский языки; география и статистика, история, физика, чистописание, черчение и рисование, а также дополнительно необходимые дисциплины для дальнейшей службы.

В число пансионеров принимались до 1854 г., помимо детей офицеров и сыновья простых казаков при наличии свободных вакансий. С 1854 по 1861 г. приём детей низших чинов был прекращён.

С открытием в Астрахани реального училища в 1877 г. воспитанникам предоставлялось право выбора места обучения между Астраханской губернской гимназией и реальным училищем[3].

При пансионе действовали четыре стипендии для малоимущих воспитанников.

- Имени наказного атамана генерал-майора А. В. Гулькевича (1867–1875 гг.). Создана с оставлением службы Гулькевича в астраханском казачьем войске. Право пользования имели сироты – дети офицеров и чиновников войскового сословия, дети бедных лиц и дети отличных по службе урядников и казаков.

- Имени отставного войскового старшины Петра Прокофьевича Прокофьева. Учреждена при Астраханском реальном училище. Распространялась на одного приходящего ученика из круглых сирот казачьего происхождения.
- Имени генерал – лейтенанта Николая Агафангеловича Жоголева, при Астраханском реальном училище для одного приходящего ученика войскового сословия, из числа беднейших.

- Имени наследника цесаревича Алексея Николаевича, при Астраханском реальном училище. Право пользования стипендией предоставлялось исключительно казакам Атаманской станицы по назначению станичного сбора.

В 1841 г. наряду с воспитанниками войскового пансиона при реальном училище и гимназии действовал ряд вакансий для дочерей офицеров войскового сословия.

В 1888 г. войско получило вакансии для девиц и в епархиальном училище г. Астрахани и Саратова. Все стипендии оплачивались за войсковой счет, соответственно стипендиаты обязывались по прохождению курса прослужить войску на должности учительницы определённый срок, или возратить войску затраченные на них средства.

Для лиц казачьего сословия, получивших среднее образование, астраханское казачье войско давало возможность получения высшего образования (стипендию), с материальной поддержкой войска, готовя тем самым будущие кадры для себя. Скажем, в войске была постоянная необходимость во врачах. Работа врача была весьма сложна и сопряжена с постоянными разъездами в отдалённые войска по различным причинам, от профилактики эпидемии до осмотра казаков приговорительного разряда.

Но поскольку войско было ограничено в финансовом плане и не могло себе позволить содержать всех воспитанников за свой счёт, то многие из них, получив среднее образование, могли либо рассчитывать на получение высшего образования за собственный счёт, либо поступать на службу по гражданскому войсковому управлению или в строю добиваться производства в офицерские чины. Стипендиаты обязаны были отслужить в войске 1,5 года за каждый год пользования стипендией, в последующем допускалось усовершенствование научных и практических познаний при необходимости и полезности.

В 1840 г. впервые выпускник войскового пансиона продолжил образование в Харьковском университете. В последующем войско содержало различные стипендии в университетах или академиях (к примеру, Санкт-Петербургская военно-медицинская академия) [3].

Фактически астраханское казачье войско не имело возможности готовить у себя военные кадры, поскольку не имело своих кадетских корпусов или военных училищ. Выходом из этой ситуации стали предоставляемые войску вакансии в различных военных учебных заведениях вне нашего региона. Например, с 1844 г. в Михайловском Артиллерийском училище, Киевском Владимирском корпусе, с 1883 г. в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. Наибольшее движение получения военного образования началось при Леониде Дмитриевиче Вяземском, который нашёл образовательный ценз в офицерской среде крайне низким и обратил на это своё внимание. Поэтому с 1888–1889 гг. начинается заметный подъём в среде военного образования в войске. Он считал более целесообразным тратить значительные суммы на развитие именно военного образования, а не общего и высшего гражданского образования, где ситуация была лучше. Это повлекло увеличение числа вакансий в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. Следующим шагом требовалось предоставить выпускникам кадетских корпусов возможность продвигаться далее и поступать в военные училища, где они смогли бы получить строевое образование, выпустившись офицерами. Существовавшее на тот момент Николаевское кавалерийское училище было готово принимать воспитанников только с условием содержания обучения за счёт воспитанников, что для многих казаков было непосильной ношей. С образованием летом сотни казачьих юнкеров при Николаевском кавалерийском училище, наметился перелом в сложившейся ситуации. Система получения военного образования сложилась следующая: Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, затем профильное Николаевское кавалерийское училище, после которого воспитанники, получая офицерский чин, определялись в 1-й Астраханский казачий полк. Необходимо также отметить, что этот вариант не был единственным, на практике казачьи дети поступали в различные кадетские корпуса и военные училища, были случаи и окончания военных академий. Но стратегия войска заключалась прежде всего в подготовке для себя строевых кавалерийских офицеров, нежели получение казаками военных специальностей других родов войск, поскольку расходы на обучение ложились на войсковой счёт, и следовательно, выпускник должен был в обязательном порядке прослужить определённый временной промежуток в полку обязательно, тем самым возместив потраченные на его обучение расходы [1].

Одним из таких офицеров, окончившим на начальном этапе своего образования Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, а затем получившим другую военную специальность, был Владимир Максимович Догадин.

Из казачьей сотни Николаевского кавалерийского училища были выпущены следующие представители нашего войска: трое братьев Аратовских – Николай, Константин и Пётр, сначала окончившие Оренбургский Неплюевский корпус, а затем – по 1-му разряду Николаевское кавалерийское училище. В дальнейшем все трое зарекомендовали себя блестящими офицерами. О семье Аратовских более подробно повествуется в главе персоналии [2].

Существовала и другая практика. Так, весной 1869 г. по Высочайшему соизволению в Новочеркасске было учреждено «урядничье училище», призванное подготавливать юношей войскового сословия Донского и Астраханского казачьих войск из дворян для получения офицерского чина. Из 120 мест 6 принадлежали Астраханцам. Осенью 1870 г. училище стало именоваться юнкерским, воспитанники соответственно – юнкерами. После окончания курса наук юнкера переименовывались в портупей-юнкера (а с конца 1880 г. в подхорунжии) с назначением на службу в конный полк, дальнейшее их представление в офицерский чин зависело от командира полка. Юнкера, завершившие обучение по первому разряду, подлежали производству в чин офицера без вакансий, по второму – только на освободившиеся вакансии, а чуть позже – независимо от разряда на вакансии, только с разным сроком производства в офицерский чин. При производстве в офицеры от войска выдавалось единовременное пособие на обмундирование. Простые казаки,

прежде чем получить право на получение офицерского чина, должны были прослужить не менее 10 лет, правила приёма изменены лишь с лета 1877 г., когда правами по образованию получили право пользоваться все казаки.

Одним из знаменитых для нашего войска выпускников Новочеркасского юнкерского училища был собственно автор труда «История Астраханского казачьего войска», уроженец Грачевской станицы из семьи простых казаков, Иван Алексеевич Бирюков, окончивший его в 1882 г. по первому разряду, с награждением за успехи шашкой.

Еще одним выпускником стал происходивший из потомственных дворян Черноярской станицы Константин Фёдорович Сережников, окончивший Новочеркасское юнкерское училище в 1876 г., В войну с Турцией 1877–1878 гг. был награждён Его Императорским Высочеством, Главнокомандующим Кавказскою Армией за отличия, оказанные в делах против Турок, орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» с объявлением о том в приказе по Кавказской Армии и Кавказскому Военному Округу от 12 января 1878 г. [2].

Оба выпускника в числе прочих уйдут в отставку после службы в астраханском казачьем войске в чине генерал-майоров.

Список источников и литературы

1. Личные архивные источники историка-краеведа Покасова Алексея Викторовича.
2. Приказы по Астраханскому казачьему войску. 1880. № 304.
3. Антропов О.О. Астраханское казачество. М., 2008.
4. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 375. Оп. 1. Д. 479.

КАМПАНИЯ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ (РАБОТА ВТОРОЙ КОМИССИИ)

Дорофеева Анастасия Александровна,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

По итогу проведения работы первой комиссии 2 мая начался срочный вывоз ценностей из закрытых храмов и церквей, а после проверки описей церковного имущества возобновилась работа по конфискации его из действующих храмов [1]. Результаты работы Комиссии под председательством П. Г. Ларионова исполкому показались незначительными, вследствие чего 18 мая 1922 г. его отстранили от должности и заменили бывшим губернским прокурором Сапрыкиным, для проведения дополнительно изъятия [2]. 15 июня согласно телеграмме ВЦИК от 10 июня о причинах задержки изъятия ценностей, постановлением Президиума губисполкома П. Г. Ларионов был обвинен в халатности и неисполнении директив центральной власти и передан под суд ревтрибунала [3].

Состав членов второй комиссии при Сапрыкине остался неизменным, с единственной заменой, вместо представителя от губернского финансового отдела Иванова был назначен представитель того же ведомства – А. К. Поликарпов [4]. С этого момента кампания по изъятию церковных ценностей поменяет характер государственно-церковных взаимоотношений.

Работа второй губернской комиссии по изъятию церковных ценностей началась 1 июня 1922 г. с целью проведения повторного изъятия церковных ценностей.

Во время работы второй губкомиссии был установлен новый порядок осуществления изъятия ценностей: комиссия рассылала секретные повестки церковным советам о времени прибытия своих представителей, в свою очередь, церковные советы должны были осуществить содействие в передаче церковных ценностей, согласно описям, составленным до 1917 г.

В отчете Губернской комиссии по изъятию церковных ценностей о проведенной работе, указано, что члены комиссии не встречали сопротивления со стороны прихода и духовенства, за исключением негативной реакции со стороны прихожан Введенской церкви и Покровского кафедрального собора Астрахань [5].

Осуществляя свою работу, комиссия выявила нарушения и уклонения церковных советов от выполнения Декрета, а именно, было выявлено несоответствие описей с реальным имуществом, находившихся в храмах [5]. Стоит отметить, что вопрос с описями станет камнем преткновения в осуществлении изъятия, поскольку описи в дореволюционное время предоставляли сами церковные советы, которые в большей или меньшей степени, по мнению Комиссии, утаивали информацию о ценном имуществе в целях его сохранения. Но в данном случае, не учитывались факты поступления в астраханские храмы имущества из упраздненных церквей, которое логическим образом не могло оказаться в описях 1907 г. и в описях до 1918 г.

Кроме несоответствия описей, было выявлено утаивание и сокрытие особо ценных предметов и икон. Такая реакция прихожан и священников, объяснялась тем, что члены комиссии изымали ценности без реальной художественно-исторической экспертизы, без учета значимости потери богослужебной утвари, изымали ценности без учета мнения самих церковных советов.

Существенное сокрытие ценностей было обнаружено в Успенском кафедральном соборе и в Старообрядческой церкви, а утаивание описей 1907 г. осуществлялось практически повсеместно [7]. При этом секретарь Комиссии А. М. Поликарпов, отмечает, что членов попечительского совета на сокрытие ценностей подвигали служители церкви [7]. По описанию члена Комиссии Терентьева «Много ценностей было выявлено в ризницах церквей и монастырей Астраханской губернии. И все же церковникам удалось многое утаить. Была создана специальная комиссия

по проверке, которая обнаружила много ценностей, не внесенных в описи, а также отсутствие многих бриллиантов в митрах и панаягах. Драгоценные камни в иконе Владимирской Божьей Матери исчезли совершенно» [11].

Вторая волна изъятия, осуществленная комиссией, не уложились в установленный центром срок, и 20 июня, согласно телеграмме Базелевича, предполагалось продлить работу комиссии еще на один месяц, с учетом отправки ценностей в государственное хранилище [8]. В этой связи, интересен тот факт, что в Астраханском губернском исполкоме не хватало сотрудников на охрану и транспортировку ценностей. Этому свидетельствует заявление заведующего губфинотделом П. Городничего в Президиум Астраханского губисполкома об организации охраны церковных ценностей, датированное 30 июня 1922 г. В данном заявлении П. Городничий отмечает: «Командир роты части особого назначения отношением от 30 июня за № 1313 уведомил меня, что командующий частями особого назначения Астраханской губернии приказал караул из командиров вверенной ему роты, выставленной для охраны изъятых церковных ценностей, с 1 июля отменить... Ввиду того, что в кладовой, находящейся при бывшем Отделении Государственного банка, хранятся в настоящее время около 150 пудов изъятых церковных ценностей, и, принимая во внимание, что из охраны губфинотдела никто не может быть выделен для охраны ценностей из-за крайне ограниченного количества лиц, и что на просьбы о постановке лиц военного караула губвоенком отказал за неимением также лиц, а начальник губмилиции может выставить караул только в три человека, прошу Вашего распоряжения о немедленной постановке усиленного военного караула при кладовой в бывшем Отделении Государственного банка ...» [9]. Такая ситуация сложилась в период затяжного изъятия церковных ценностей и продолжения работ комиссии по дополнительному изъятию.

В результате, к 10 июля 1922 г. второй губернской комиссией по изъятию церковных ценностей было конфисковано имущество в 130 пудов, 29 фунтов, 93 золотников и 76 долей, среди данного имущества было особо ценное имущество, изъятие которого наносило сакральный и богослужебный ущерб церкви [10]. К таким ценностям прежде всего стоит отнести: иконы, значительное количество окладов с икон, Евангелия, венцы, гробницы, панаяги, ковчеги, копия, митры, крышки с Евангелий, дароносицы, дарохранительницы, котлы для святой воды, трикирии и архиерейские посохи.

В денежном эквиваленте все изъятые имущество второй комиссией было оценено в сумму в 13614753 руб. 46 коп. (тринадцать миллионов шестьсот сорок четыре тысячи семьсот пятьдесят три рубля сорок шесть копеек), в которые вошли средства из ценностей православных храмов г. Астрахани и астраханских уездов, из ценностей католических, лютеранских и иных сектантских церквей (диаграмма).

Диаграмма

Но на этом свою работу астраханская губернская комиссия по изъятию церковных ценностей не закончила. После 10 июля начались массовые судебные разбирательства против клириков и прихода Астраханских церквей, обвиняемых в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Всего по Астраханской губернии было возбуждено 23 уголовных дела, из которых 16 дел были направлены против представителей Русской православной церкви. Одним из самых крупных судебных процессов, стало объединенное дело по сопротивлению изъятию церковных ценностей, состоящее из дела епископа Анатолия (Соколова) и дело притча и церковного совета Успенского собора.

На скамье подсудимых оказалось 15 человек, среди них лица духовного чина и светских профессий. Обвиняемым в сопротивлении изъятию церковных ценностей стал также А. А. Дмитриевский, который предлагал альтернативы полному уничтожению и переплавке художественно-исторических ценностей, организовать аукцион с участием иностранных коллекционеров, или замену особо ценной утвари на большое количество серебра. Но эти действия были расценены, как сопротивление изъятию и фальсификация экспертных заключений. К обвинению А. А. Дмитриевского приписывали антиправительственную агитацию и противодействие исполнению Декрета «Об изъятии церковных ценностей» [12].

Ход следствия и судебные разбирательства получили широкое агитационное освещение в местной печати, прежде всего в газете коммунист. По справедливой оценке, астраханского историка Р. В. Сколоты было замечено, что судебные процессы носили политический и агитационный характер. В своем исследовании он отмечает «Процесс проводился не столько над подсудимыми, сколько над самой религией с обвинением Церкви в контрреволюционной деятельности, враждебности к власти рабочих и крестьян. Вопросы, задаваемые обвиненным, к делу практически не относились» [13].

В итоге судебных разбирательств, всем обвиняемым был вынесен приговор – условное лишение свободы в срок в 1 год, что еще раз подтверждает, что данные разбирательства были нужны лишь для дискредитации церкви.

Фактически работа второй комиссии по изъятию церковных ценностей закончилась 5 декабря 1923 г. По своему характеру ее деятельность можно оценить, как радикальную, спешную, с отсутствием планомерного и тщательного анализа и оценки изымаемого имущества. Что придаст государственно-церковным отношениям с 18 мая 1922 г. черты жесткого противостояния.

Всего изъятию церковных ценностей подверглись 23 православные церкви города Астрахань, 46 православных храмов и церквей уездов Астраханской губернии и 7 церквей католической и сектантской ветвей христианства. По итогам кампании по изъятию церковных ценностей в Астраханской губернии Церковь потеряла имущество в 157 пудов 20 фунтов 13 золотых и 95 долей, что в денежном эквиваленте было оценено в 13 614 753 руб. 46 коп. (тринадцать миллионов шестьсот четырнадцать тысяч семьсот пятьдесят три рубля сорок шесть копеек) [10]. Навсегда будут утрачены ценности, имеющие высокое художественно-историческое значение не только для Церкви, но и для истории и искусства:

- Евангелие, напечатанное в 1766 г. с изображением Спасителя с предстоящими писания на золотой пластинке финифтями, украшенное 44 яхонтами, в золотых креплениях, а также усыпанное алмазами, изумрудами, жемчугом и восточным хрусталем, оформление которого было в высокопрофессиональной технике;
- митра с изображением Святой Троицы, шитая золотом, украшенная жемчугом, алмазами, яхонтами и другими драгоценными камнями;
- митра с изображением Бога Саваофа, шитая по бархату, украшенная также драгоценными камнями;
- облачение митрополита Сампсона 1693 г., украшенное топазами, алмазами, рубинами, изумрудами и другими драгоценными камнями;
- гробница позолоченная, с изображением митрополита Иосифа;
- ковш серебряный в чеканных гербах, начала XVIII в. (ковш Петра Первого) и многие другие историко-художественные ценности [7].

Список источников и литературы

1. Баранец А. А. Очерки истории Астраханской епархии за 400 лет ее существования. Ростов н/Д, 2002. С. 102.
2. Государственный архив Астраханской области (ГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 364. Л. 131а об.
3. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 364. Л. 97об.
4. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 364. Л. 131а об., 131б.
5. ГАОО. Ф. 816. Оп. 1. Д. 104. Л. 97.
6. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 408. Л. 98.
7. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 408. Л. 97-97об.
8. ГАОО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 136. Л. 22.
9. ГАОО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 136. Л. 52.
10. ГАОО. Ф. 386. Оп. 1. Д. 14., Л. 149.
11. Марков А. С. Жизнь и труды Алексея Дмитриевского. Астрахань, 2016. С. 167.
12. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 253. Ед. хр. 105. Л. 1.
13. ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 105. Л. 1.
14. Сколота Р. В. Компания по изъятию церковных ценностей 1922–1923 гг: борьба с голодом и церковью // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2011. С. 26.

АСТРАХАНСКАЯ МИЛИЦИЯ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Егоров Денис Евгеньевич,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

После гражданской войны, нужно было налаживать мирную жизнь. Но сделать это было трудновыполнимо, вся страна восстанавливалась медленно, не хватало буквально всего: топлива, продовольствия, транспорта. Процветали спекуляция, разбой, хулиганство, в Астраханских степях бродили банды. Как пишут Камолова и Зорина в своей статье «Советская милиция в борьбе с преступностью в годы НЭПа» пишут «Ведущей функцией милиции в 1920-е годы являлась борьба с преступностью. Следует отметить влияние на динамику преступности в этот период объективных и субъективных факторов. Среди объективных причин можно выделить изменение экономической и политической обстановки в стране. Последствия Гражданской войны, разруха, безработица – прямые источники роста преступности» [6, с. 12].

В 1920 г. Ленин направил в Астрахань телеграмму «Надо напрячь все силы и, не теряя ни часа, с большими предосторожностями перевезти всю нефть из Гурьева тотчас с открытием навигации» [1]. В сопровождении речной милиции страна получила 1,2 млн пудов нефти, соль и речные продукты, за что милиция была отмечена Почётной грамотой исполкома. 8 июня 1920 г. проект Положения о рабочей-крестьянской милиции рассматривался на заседании Совета Народных Комиссаров и 10 июня 1920 г. был законодательно утверждён ВЦИК. В июне того же года был образован Астраханский губернский уголовный розыск, как самостоятельное подразделение милиции. Его сотрудниками было выявлено и ликвидировано 12 банд.

На территории Астраханской губернии различные банды часто совершали диверсии на железные дороги, на водном транспорте, также неоднократно нападали на сельские поселения. На борьбу с преступными бандами был организован 8-й боевой участок, в него входили: конная милиция, 240-й полк, 108-й бронепоезд и части особого назначения состоящий из коммунистов и комсомольцев. Такие действия не могли, не сказаться отрицательно на борьбе с преступностью.

«В связи с тяжёлым финансовым положением в стране финансирование милиции и уголовного розыска с 1922 г. происходило за счёт местного бюджета» [8, с. 17]. Это привело к резкому сокращению штата милиции и отразилось на качестве работы данных подразделений. «По нормам НКВД, в Астраханской губернии на одного работника милиции приходилось 10 населённых пунктов или около 6–7 тысяч человек» [8, с. 17]. Эти изменения повлекли за собой ослабление контроля и не способность всегда успешно реагировать на преступные акты краевого адмотдела, которые состояли из трех подотделов: общего, милиции и угрозыска

В то же время декретом ВЦИК в 1925 г. милиция наделялась всей полнотой административной власти, делая её органом местного управления. В 1924 г. вводится единая форма милиционера: тёмно-синий френч, рубаха лёгкого полотна, шаровары и фуражка-стандартизация формы приводит к росту авторитета у населения.

В связи с введением новой экономической политики в 1921 г. были сданы в аренду много заброшенных предприятий. Расширение частной собственности и торговли улучшало общий жизненный уровень советского населения, но это приводило к тому, что город заполнили спекулянты, фальшивомонетчики, хулиганов и других преступных элементов. Так, в Астрахани летом 1925 г. была раскрыта преступная сеть фальшивомонетчиков. Во главе нее был некий Воробьев бывший владелец типографии. «Весенняя путина была в разгаре. На промыслах хозяева рассчитывались крупными купюрами. Среди них были подделки. В эту же пору фальшивки пошли в город со стороны садов. Садовладельцы тоже расплачивались искусно изготовленными купюрами. И, наконец, третье место, где было зафиксировано их хождение-ночные рестораны» [2]. Началась круглосуточная слежка за домом подозреваемого, однажды был задержан подозрительный человек, за поясом которого под рубашкой были тщательно разложенные старорублёвые кредитки. Сотрудники милиции решили брать дом штурмом. После небольшой перестрелки милиционеров с женой Воробьева, преступники решили сдаться и выдали свою подпольную печатную, поставщиков красок, бумаги, посредников.

В 1920-е гг., как и в годы гражданской войны, получило распространение самогонование. Спекулировались большие партии хлеба, сахара, фруктов и это не только приводило к массовому спаиванию людей, государство также несло экономические потери. И как писала Камалова в своей статье «Борьба советской милиции с нарушением общественного порядка в годы новой экономической политики», «в связи с распространением самогонования усиливалось и пьянство. И если ответственность за самогонование частично предусматривалась уголовным законодательством, то пьянство было ненаказуемо. Вот здесь на помощь местным советам и милиции пришло положение «О порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» от 27 июля 1922 г. НКВД РСФСР 19 сентября 1922 г. издало циркуляр, в котором предлагалось подчиненным органам провести решительную борьбу с пьянством» [5, с. 10]. Общественность не оставалась в стороне, профсоюзные и комсомольские организации помогали органам правопорядка в борьбе с пьянством, вступая в дружины, также проводили пропаганду здорового образа жизни.

Самогонование приводило к росту пьянства, хулиганству и разбою. Особенно массовый характер в середине 1920-х гг. приняли хулиганские действия, которые выражались в нецензурной брани в общественных местах, бросание в прохожих камней, обливая их водой, приставали к девушкам. Хулиганство было обусловлено не только стремительным ростом количества алкогольных напитков, но была ещё негативная черта этого явления отразившаяся на подростках и молодых людей. Первая мировая и вслед за ней братоубийственная гражданская, большое количество эпидемий и постоянного голода травмировали детское и подростковое поколение физически и психически. В статье Камардина «Хулиганство в городах Поволжья в период НЭПа» упоминает события, которые происходили в нашем городе «клуб «Красный строитель» посещали обкуранные анашой хулиганы, в зале раздаётся громкий смех, ругань, в результате нередко срывались спектакли... Так, на промыслах Астраханского центрального союза три хулигана приходили в женские казармы, гонялись за женщинами и избивали их» [4, с. 54]. Боролись с хулиганством и пьянством, штрафами или тюремными сроками до трех лет.

Воровство было также не редким случаем в нашей области. Одно из Преступлений произошло в с. Тамбовке. Местные власти села решили организовать кооперативный магазин, избрали председателя и бухгалтера, и они поехали в Астрахань за товаром. На следующий день обнаружилось, что деньги украли в размере 6 тыс. руб. Поползли слухи после этого инцидента, что «советские розотей похалатничали с общей копеейкой, а ворюги хапанули» [3]. На раскрытие этого дела был командирован Сивко Виталий Алексеевич, один из опытных работников уголовного розыска. Одновременно с действиями Сивко, добровольцы стали вести наблюдение за жителями села. И через несколько дней напали на след «поздно ночью пришли двое парней заказать у местного сапожника две пары хромовых сапог, дав задаток в 50 рублей. Позже в одного односельчанина, собирающегося в Астрахань, просил узнать цену на хорошую английскую кровать, и кое-что из домашней обстановки. Семью эту знали в селе как кулацкую, очень прижимистую, а тут такие траты. С чего бы?» [3]. Задержанный сознался, что украл деньги у бухгалтера и председателя перед их поездкой в город. Милиция боролась с бандитизмом и воровством вне зависимости от того, человек был рабочий-хулиган или же кулак, который не устоял перед наживой кражей, её деятельность не была направлена на какой-то отдельный слой населения.

22 января 1926 г. открылось совещание работников милиции и розыска, в котором «заместитель председателя Губисполкома Дворников выносит положение выработать практическое мероприятие по борьбе с бандитизмом, и несмотря на потери, продолжать работать» [7]. В борьбе с бандитами как войне сотрудники несли потери, которые были трудновосполнимы.

Эти меры положительно сказались на выявлении преступных элементов. «В 1926 г. были выявлены и взяты на учёт 240 скотокрадов. Раскрываемость преступлений в Астрахани по милиции составлял 31 %, по угрозыску 35,5%. С целью укрепления кадрового аппарата в милиции и уголовном розыске, улучшения связи с массами, Астраханский губком ВКП(б) провёл ряд мероприятий, позволивших сократить текучесть личного состава в адм.отделе с 40 % до 22 %. В это же время по инициативе губкома ВКП(б) Астраханского горисполком предпринял шаги к улучшению материального обеспечения и жилищных условий сотрудников адм.отдела. Весь личный состав милиции и уголовного розыска получил зимнее и летнее обмундирование» [7, с. 18–19].

В 1927 г. Астраханская милиция торжественно отметила десятилетнюю годовщину. Сотрудникам были вручены награды-юбилейные значки, оружие, месячный оклад денежного содержания. 13 ноября состоялся парад Астраханской городской милиции [1].

Учитывая указания партийных и советских органов о повышении уровня политической и специальной подготовки кадров, 14 марта 1928 г. Астраханский губернский адм.отдел издал приказ, который обязывал всех работников милиции и уголовного розыска приступить к программным занятиям для повышения правовых и военных знаний. После прохождения курса предполагалась сдача зачёта специальной комиссии. «Существенное изменение на изменение кадрового состава в милиции и угрозыска оказала аттестация всех оперативных работников адм.отдела, проведенная в сентябре 1928 г. по инициативе окружкома ВКП(б). Цель аттестации состояла в выявлении положительных и отрицательных качеств сотрудника, его здоровье и дисциплины... В соответствии с решениями XV съезда ВКП(б) и на XVI Всесоюзной партийной конференции на основе Постановления ЦИК СНК СССР от 1 июля 1929 г. в стране была проведена чистка совпартоганов и милиции, предусматривающая, согласно инструкции НК РКИ, обязательное удаление из милиции бывших служащих дореволюционных карательных органов, лиц скомпрометировавших себя во время службы в милиции. В Астрахани чистке проходили с 1 февраля по 1 сентября 1930 г.» [8, с. 18–19].

В течение 1920-х гг. милицией и угрозыском велась активная борьба с разными проявлениями преступных деяний: разбой, хулиганство, самогоноварение, фальшивомонетчество. И в этот период милицией были привлечены различные методы борьбы с этим: денежные штрафы, заключение под стражу, привлечение других граждан помогать бороться против преступлений: комсомольцы, дружинники.

Список источников и литературы

1. Ахтубинская правда. 2002, 17 августа.
2. Волга. 1979, 22 мая.
3. Волга. 1984, 9 сентября.
4. Камардин И. Н. Хулиганство в городах Поволжья в период нэпа // Вести Волгоградского государственного университета. 2011. № 2.
5. Камалова Г. Т. Борьба советской милиции с нарушениями общественного порядка в годы новой экономической политики // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 18.
6. Камалова Г. Т., Зорина Р. Ф. Советская милиция в борьбе с преступностью // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 43.
7. Коммунист. 1926. 27 января.
8. Чердаков О. Уроки истории // Диалог. 1990. № 1.

ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯН АСТРАХАНСКОГО УЕЗДА АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Имамдинов Вадим Вильсурович,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

По размеру территории Астраханская губерния в середине XIX века считалась одной из самых больших на территории европейской России: ее площадь насчитывала больше 19 млн десятин. Несмотря на обширность земель, заселение их происходило довольно медленно.

Активное освоение края началось ближе к концу XVIII в. и осуществлялось крестьянами-переселенцами и беглыми крепостными. С появлением жилых поселений в губернии появились также и очаги дворянского землевладения. Обилие сельскохозяйственных угодий, низкая плотность населения, возможность промысловой деятельности (рыболовный, соляной промыслы) – всё это давало возможность выгодно обосноваться на новом месте [3, с. 229]. Со временем губерния стала привлекательным местом, куда регулярно устремлялись на заработки так называемые «отходники», число которых варьировалось от 10 до 25 тыс. человек [2, с. 234]. Местные жители также нанимались в промысловый сезон на рыболовецкие суда или уходили на заработки в города. Отличительной чертой Астраханской губернии было широкое развитие промыслов, которые часто составляли основу благосостояния крестьян.

Астраханская губерния включала в себя большие степные пространства, которые активно использовались в сельском хозяйстве. Плодородная земля, не истощенная посадками, невысокая плотность населения делали эти места привлекательными для переселенцев из средней и южной частей России. Астраханский край в целом был

заселен уже во второй половине XIX в., причем к самым густо заселенным районам относились Астраханский уезд (до 37 % от общего числа жителей края), Черноярский уезд – примерно 12 %, Царевский уезды – около 8 % [1, с. 24].

По данным переписи 1897 г., в Астраханской губернии земледелием было занято всего около трети населения [5, с. 90].

Естественноисторические условия края – бескрайние степи, чрезвычайная бедность их естественного орошения, отсутствие водоемов обусловили расселение жителей в основном по Волге, но нужда толкала население добывать средства пропитания в степях. Это могло осуществиться только путем весенне-летних выездов во временные жилища с семьями и скотом, так возникли хутора в степи. Но степь позволяет своему хозяину получить только хлеб для пропитания семьи и место для выпаса скота, тогда как за сеном, дровами, хворостом, овощами и множеством хозяйственных мелочей нужно ехать в свои села, расположенные у р. Волги.

Члены Астраханского общества сельского хозяйства понимали, что до тех пор, пока в степях не появятся леса, луга, питьевая и поливочная вода, условия для нормального проживания, школы, церкви и больницы, говорить о постоянном проживании в этой местности невозможно [6, с. 6–7]. В качестве огромной проблемы в журнале «Сельское хозяйство Астраханского края» упоминалось, что почвы в основном песчаные, песок постоянно наступает на окультуренные земли, не держит воду и бороться с ним практически невозможно. Местные вредители (хомяки, зайцы, тушканчики) также осложняли жизнь крестьян, повреждая и так небогатый урожай.

Решение этих вопросов было возложено на местные землеустроительные комиссии. Другой задачей комиссий была ликвидация значительных площадей казенной земли, служившей крестьянам арендным фондом. Астраханское управление государственных имуществ постановило, что большая часть этих земель будет разбита на мелкие участки, пригодные для самостоятельного ведения хозяйства каждым двором. Право на покупку данных участков имеют лица, малообеспеченные землей, но способные организовать крепкие хозяйства, а также товарищества из малообеспеченных земель лиц.

Как отмечал Г. И. Лакин, на 1910 г. в Астраханском уезде проживало 64 тыс. человек в 58 поселениях, число дворов – 11669. Общая площадь удобной и неудобной земли по уезду равна 372210,84 десятин. Общая площадь удобной земли – 154543,22 десятин; неудобной – 196582,72 [4, с. 50–52].

В 20 селах уезда не было безземельных крестьян, в остальных – всего 213 безземельных семейств и 604 двора (число душ – 5940) [4, с. 138]. Они заняты были в торговле и поденной работе, на рыболовстве и скотоводстве.

Площадь пахотных земель в Астраханском уезде была крайне незначительна, если считать только ту, которая использовалась под посев хлебов, большая часть полезной земли засеивалась огородными и бахчевыми культурами. В 10 сообществах почва черно-суглинистая, в 4 – песчано-суглинистая, но также встречались солончаки, иловая, супесок. Распашке подлежала, по сути, только черно-суглинистая почва. Пшеница не высевалась, только рожь, овес, просо. Общая площадь бахчей в уезде – 1874,9 десятин (61 % от всей полезной земли), площадь огородов – 322 десятины (10,5%). В пяти селах Астраханского уезда сенокосы не проводились, измеренная площадь сенокосов составляла – 11063 десятин. Площадь садов всех сельских обществ уезда составляла – 3202,5 десятин, число садов – 1912 [4, с. 81–83, 101, 124]. Среди садовых культур лидировали айва, вишня, яблоня, слива, груша, виноград.

В животноводстве, согласно переписи 1897 г., было занято примерно 30,5 % жителей губернии: к концу XIX в. здесь насчитывалось примерно 0,5 млн лошадей; 1,5 млн коров и быков и 3,5 млн овец и коз. Среди всего объема животноводческой продукции в России на Астраханскую губернию приходилось 16 % [2, с. 244].

По данным, предоставленным Г. И. Лакиным, на 1910 г. в Астраханском уезде рогатого скота было – 43129 голов, что составляло 64,9 % от всего крупного скота. Молодняка рогатого скота – 14844 голов (84,4 %), быков – 3660 голов (8,4 %), коров – 22141 голов (1,3 %), лошадей – 20982 голов (31,8 %), верблюдов – 2288 голов (3,4 % от всего крупного скота), овец – 46280 голов [4, с. 17].

В среднем на каждую из 11 волостей Астраханского уезда приходилось по 6040,8 голов. По волостям на 100 жителей более всего голов крупного скота в Началовской волости – 181, затем в Кучерганской – 167,6 голов, еще в пяти волостях свыше 100 голов на 100 жителей, в остальных – меньше. По волостям наибольшее количество скота на 1 двор – 9,5 голов в Яндыковской, наименьшее – 1,7 голов в Тишковской [4, с. 19–20].

В целом можно сказать, что на душу населения Астраханского уезда приходилось 0,67 голов крупного рогатого скота, 0,72 – голов овец, 0,33 – лошадей, но при этом число дворов, не имеющих никакого скота, по уезду – 1530 дворов, число дворов, не имеющих рабочего скота, – 1815. Соответственно, скотоводство довольно развито в данном уезде – 87 % дворов имели крупный или мелкий скот, благодаря чему выживали за счет производства молока, мяса, шерсти, а также возможности обрабатывать землю.

Рыболовецкая промышленность получила большое распространение в Астраханской губернии, что было связано с непосредственной близостью к Волге и Каспийскому морю. Рыбная ловля стала значимой отраслью хозяйства и имела большой вес в образовании как внутреннего, так и внешнего рынка. К концу XIX в. из губернии каждый год вывозилось примерно 10 млн пудов рыбы, чему способствовало активное развитие транспорта: железнодорожного и водного. Продукты рыболовства поставлялись в столицу, закавказские, прибалтийские районы, пользовались спросом за рубежом. В рыболовной промышленности было задействовано немногим менее 13 % населения [5, с. 90]. Население сел Астраханского уезда ввиду непосредственной близости к прикаспийской части губернии, было в большинстве своем рыболовецким.

После реформы 1861 г. среди крестьян усилилось отходничество – уход на заработки в других областях и губерниях. В Астраханском уезде наибольшее количество билетов (120) на отхожий промысел было выдано в с. Караванном, в других селах менее 100 билетов. В среднем на каждое общество было выдано по 21,4 билета. Основные отхожие промыслы: извоз, торговля, рыболовство.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. Астраханский уезд Астраханской губернии был неоднозначным в плане хозяйственной деятельности крестьян. Большая часть населения была задействована в животноводстве (30,5 %), меньшая – в рыболовной деятельности (13 %). Выращивание зерновых (в основном рожь, овес, пшено) являлось самой проблемной областью сельского хозяйства, что связано с особенностями земли – суглинки, солончаки, супесь, однако это компенсировалось садоводством и огородничеством (10,5 % от площадей посадок зерновых и овощей), виноградарством (занимало первое место среди плодовых культур) и бахчами (61–66 % от площадей посадок зерновых и овощей).

После реформы 1861 г. довольно значительная часть населения занималась отхожими промыслами (торговля, извоз, рыбный промысел), забросив сельское хозяйство и животноводство, поэтому часть потенциально плодородной территории не использовалась. Тем не менее, Астраханская губерния была популярна среди крестьян других районов России, переселявшихся в нее в поисках лучшей жизни. Отходники из других губерний приходили как на вылов и заготовку рыбы, так и рабочими на речной транспорт.

Список источников и литературы

1. Васькин Н. Заселение Астраханского края. Волгоград, 1973.
2. История Астраханского края. Астрахань: Астраханский гос. пед. ун-т, 2000.
3. Кузьмина И. В. К вопросу о роли миграционных процессов в развитии капиталистических отношений в Астраханской губернии в середине XIX века // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 3 (52). С. 228–232.
4. Лакин Г. И. Хозяйственно-экономические очерки и наблюдения. Астрахань: Паровая новая русская типография, 1910. Вып. 9: Землевладение и землепользование у крестьянских обществ Астраханской губернии; ч. 4: Астраханский уезд. 165 с.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 2: Астраханская губерния. Тетр. 2.
6. Сельское хозяйство Астраханского края // Издание Астраханского общества сельского хозяйства. Астрахань: Паровая новая русская тип., 1909. № 1. 44 с.

РАЗВИТИЕ ЦЕЛЛЮЛОЗНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Козина Елена Аркадьевна,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

История российской государственности за столетия своего существования прошла значительный путь развития и установлено, что отношения государства и общества являются важной и неотъемлемой частью для формирования морального облика общества, мировоззрения человека. Нельзя не согласиться с мнением многих видных ученых-историков о том, что в настоящее время накоплен значительный материал в изучении исторических источников политики российского государства.

На современном этапе определено, что проблемы истории России достаточно широки, так как в настоящее время происходит активный рост гражданского, политического сознания, духовных потребностей граждан России, поэтому естественно ширится и становится более глубоким их интерес к отечественной истории, неустанно растёт стремление постигнуть неразрывную связь времён, истоки именно тех традиций, которые сегодня образуют наше общество и, несомненно, приобрели особую актуальность [1].

Как известно, целлюлозная промышленность, прежде всего, это отрасль промышленности, непосредственно осуществляющая химическую переработку древесины до получения волокнистых материалов, применяемых в производстве бумаги, картона, искусственного шелка, искусственной шерсти, искусственной кожи, эфиров, целлюлозы, целлофана и лаков.

История появления бумажных предприятий в России начинается еще в XVI в., когда в Москве были построены первые бумажные мельницы. В середине XVIII в. бумажный бизнес насчитывал 20 бумагоделательных мануфактур, производительность которых повлияла на дальнейшее стремительное развитие бумажной отрасли в Российской империи. В период модернизации и индустриализации в России появились заводы, которые по сей день называются целлюлозно-бумажными комбинатами.

Астраханский целлюлозно-картонный комбинат (АЦКК) – первое в мире предприятие по масштабному производству картона, вырабатываемого посредством переработки камыша, при этом была разработана новая технология производства на непрерывно-действующих варочных установках. АЦКК считался одним из самых мощных по производительности в Советском Союзе самостоятельным комплексом с собственной системой энергообеспечения, имеющий удачную транспортную развязку и почтовый терминал, а также в избытке обеспеченный трудовыми ресурсами.

Строительство АЦКК осуществлялось согласно правовым нормам постановлений Совета министров СССР от 3 февраля 1956 г. № 156, ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 апреля 1960 г. № 478, Совета Министров РСФСР от 2 февраля 1960 г. № 999 [2].

Вышеуказанными постановлениями ввод в эксплуатацию первой очереди комбината предусматривался в 1961 г. Решениями исполкома Астраханского областного Совета депутатов трудящихся от 10 февраля 1956 г. № 93, под промышленное строительство комбината был отведен земельный участок (площадь 30 га) в Приволжском районе Астраханской области на правом берегу реки Волги в с. Карантинном. Данная площадь располагалась у Лесоперевалочной базы, в 13 км от г. Астрахани вверх по течению Волги, в дельте которой произрастало основное технологическое сырье для изготовления картона – камыш. Под склады сырьевой базы был выделен дополнительный участок площадью 24 га за счет ранее оставленной резервной площади расширения комбината.

Необходимо отметить, что 18 февраля 1960 г. АЦКК Приволжским райисполкомом был выдан Государственный акт на право постоянного пользования землей в количестве 152,0 га, для строительства первой и второй очереди промышленной площадки комбината и жилищного поселка. При этом, весь технологический процесс производства картона из камыша, начиная от измельчения его в сечку и заканчивая получением готовой продукции, запроектирован на базе использования импортного оборудования, которое впервые применено для указанной цели.

По состоянию на 15 декабря 1962 г. комбинат, в основном, был уже укомплектован инженерно-техническими кадрами, которые соответствовали своему назначению. При этом уже имелось 13 отделов, а именно: производственно-технический, планово-экономический, отдел главного механика, отдел главного энергетика, имелась центральная лаборатория и исследовательская группа, группа по реконструкции и наладке оборудования, отдел оборудования, конструкторское бюро, отдел труда и заработной платы, а также отдел снабжения, отдел капитального строительства и отдел кадров [3]. Комбинат ежегодно перерабатывал сотни тысяч кубометров низкосортной листовой древесины, что, в первую очередь, позволяло экономить древесину хвойных пород. При этом экономия составила 1400 тыс. м³ за первые пять лет работы комбината [4]. Данная проблема, а именно обеспечение комбината дешевым качественным сырьем оказалась самой трудноразрешимой. Первоначально проектом предусматривалось заготовление камыша в естественных зарослях, с применением для заготовки, упаковки, а также, транспортировки специально разработанных машин и механизмов. Однако строительство каскада гидроэлектростанций на Волге существенно изменило гидрологический режим ее дельты, что, безусловно, отрицательно отразилось на условиях произрастания камыша и его заготовке.

На Астраханском целлюлозно-картонном комбинате, со времени его пуска, претворялась в жизнь большая социальная программа. Так, например, рядом с производственными корпусами комбината вырос городок бумажников. При этом, жилой массив, расположенный вблизи комбината с соблюдением необходимой санитарной зоны разрыва, быстрыми темпами застраивался пятиэтажными домами.

Среди тех, кто строил городок бумажников, было немало замечательных людей – мастеров своего дела. Один из них – А. Ф. Кушнир, бригадир одной из лучших в СМУ № 2 бригады каменщиков. Территория поселка составляла 44,5 га, из которых 10,5 занимали жилые кварталы.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, делаем вывод о том, что до 1993 г. Астраханский целлюлозно-картонный комбинат был одним из крупнейших, а также социально-значимых предприятий области, так как вся северо-западная часть города с населением более пятидесяти тысяч человек была ориентирована на него.

Данный комбинат процветал, но затем, в 1995 г., на комбинате стали закрываться цеха, а в 1998 г. в химическом цехе произошла авария – взорвалась ёмкость 50 м³. При этом от мощного взрыва рухнула крыша, после чего было принято решение закрыть Астраханский целлюлозно-картонный комбинат до лучших времён, но видимо, лучшие времена до сих пор так и не наступили.

Список источников и литературы

1. Лаптева Л. Е., Медведев В. В., Нахалов М. Ю. История отечественного государства и права / отв. ред. Л. Е. Лаптева. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 682 с. (Бакалавр. Базовый курс).
2. Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева Н. Г. Хрестоматия по истории России. М.: Проспект, 2015. 592 с.
3. Государственный архив Астраханской области.
4. История строительной отрасли Астраханской области / Е. Г. Тимофеева, С. В. Лебедев, А. И. Алексеева, А. А. Воронова, Н. И. Волосухина, Г. Г. Карнаухова, И. В. Кузьмина, А. А. Курапов, Р. А. Таркова, И. В. Торопицын, Н. И. Торопицына, А. О. Турин, С. А. Федин. Астрахань, 2016.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ В 1920–1930-х гг. (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Крылова Евгения Германовна,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

В соответствии с УК РФ бандитизм, как вид уголовно наказуемого деяния представляет собой организованную вооруженную группу людей, деяния которых направлены против граждан или организаций, в целях личного обогащения или завладения чужим имуществом [1 ст. 209].

Бандитизм является проявлением преступности направленной против общества. Объединение группы людей в банды само по себе является законченным совершенным преступлением, даже если участники группы еще не совершили ни одного преступного деяния.

На современном этапе особое развитие получили банды малолетних преступников, под эгидой АУЕ («Арестантско-уркаганское единство», «Арестантский уклад един»). Несовершеннолетние подростки, а зачастую и дети, не достигшие 14-летнего возраста, объединяются в группы с целью совершения преступлений уголовной направленности: вымогательства, краж, грабежа, разбойных нападений. Члены АУЕ, вдохновленные тюремной романтикой, легко управляются людьми, отбывающими наказание в исправительных учреждениях.

В России количество бандитских нападений, совершенных бандами АУЕ стремительно увеличивается. В 37 регионах России, включая Астраханскую область, активно действуют банды АУЕ. Тюремная субкультура АУЕ особенно часто формируется в детских домах и интернатах. В России в социальных сетях на группу АУЕ подписано до 6 млн человек [9].

Астраханская область входит в рейтинг самых криминальных городов России. Наиболее распространенными видами преступлений в регионе являются: угон машин, кражи и грабежи, разбойные нападения, убийства и прочие преступления уголовного характера [13]. Одной из самых жестоких банд последних лет можно назвать банду во главе с Артуром Шаяхметовым, расправившимся с генеральным директором парфюмерной компании «Лескаль» и его семьей.

Таким образом, на сегодняшний день борьба с бандитизмом является особо актуальной, и исследование проблем бандитизма в 1920–1930-х гг. помогает выявить факторы способствующие совершению уголовных деяний и, как следствие, понять причины совершаемых преступлений и способствовать их предотвращению.

Ухудшение экономического положения Астраханской губернии в начале XX в., вызванное революцией и мировой войной привело к росту бандформирований. В марте 1917 г. декларацией Временное правительство провозгласило о замене полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления», а также об амнистии всех заключенных, как политических, так и религиозных.

После амнистии от 17 марта 1917 г. по всей стране «на волю» были отпущены сотни тысяч уголовников, большинство из которых продолжило грабежи, разбои, нападения на граждан. Многие уголовники становились организаторами банд. Голод, эпидемии, широкомасштабные репрессии, обрушившиеся на население страны после кровопролитных мировой и гражданских войн, породили беспризорников, которые зачастую совершали уголовные преступления, как поодиночке, так и в бандах» [14].

Для бандитизма 1920-х гг. были характерны, как уголовные, так и политические мотивы. Крестьяне были недовольны установлением «военного коммунизма» в стране и объединялись в банды, которые зачастую насчитывали по несколько сотен человек в своем составе. Отличительной чертой бандитизма того периода являлась особая жестокость и насилие. Так, близ Харабали действовала банда Попова в количестве шестисот человек, в Красноярском районе действовала банда Фомина. Банды жестоко расправлялись с коммунистами, активистами, грабили и громили советские учреждения, подрывали поезда, обстреливали пароходы» [8].

Каждый день в Астрахань прибывали сотни беспризорников, которые зачастую собирались в банды под руководством опытных уголовников. По данным 1921 г. беспризорных детей в Астраханской губернии было около 30 тыс. [15].

В июне 1920 г. создается Астраханский уголовный розыск. В июле 1921 г. в Астраханской области в целях борьбы с бандитизмом формируются части особого назначения, объединенные в Коммунистический стрелковый полк частей особого назначения. В его состав входили 7-й Астраханский пехотный батальон, 12-я Енотаевская стрелковая рота, 16-й Болхунский, 17-й Харабалинский и 18-й Красноярский взводы, первый и второй Астраханские кавалерийские взводы. Первым командиром частей особого назначения был назначен М. Л. Аристов [5]. В оперативных сводках того периода можно встретить такие записи:

- «17 июля 1921 г. Севернее поселка Килинчинский уничтожена неизвестная банда в количестве около 70 бандитов...

- 19 января 1922 г. В районе западнее п. Галовки разбита банда Овчинникова, уничтожено 160 бандитов...
- 22 января 1922 г. В районе с. Бирюковка ликвидирована банда Сычева. Уничтожено около двухсот бандитов...» [4].

В ходе проведения астраханскими чекистами операций в период 1920–1921 гг. было установлено, что банды используют вооружение, оставшееся еще со времен гражданской войны. Помогало оружием и боеприпасами местное население. В связи с чем, Губчека издал приказ сдать все имеющиеся у граждан Астраханской губернии оружие. Неисполнение приказа рассматривалось как пособничество врагу.

1 июня 1922 г. вступил в силу первый Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, согласно которому бандитизм определялся как «организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандитами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения железнодорожных путей, безразлично, сопровождались ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождалась» [2].

Многочисленной бандой того периода являлась банда Орляка, количественный состав которой насчитывал 40 человек. В июне 1922 г. эта банда совершила разбойное нападение на Владимировку, завязался бой с милицией, в ходе боя значительная часть банды Орляка сдалась, остальные были уничтожены. В течение 1921 и начала 1922 гг. совместные действия конной милиции, чоновцев и частей Красной Армии позволили очистить Астраханскую губернию от политических банд.

В 1923 г. вводится новое подразделение в составе милиции – участковые надзиратели. На 5000 граждан полагался 1 участковый надзиратель милиции. В его обязанности входил контроль и надзор за соблюдением правопорядка, борьба с преступностью, контрреволюционными выступлениями и хулиганством.

В службе уголовного розыска возростала потребность применения научных методов и технических средств. Особое внимание уделялось физической подготовке, агентам уголовного розыска приходилось сдавать спортивные нормативы. Нормативная база органов внутренних дел Астраханской губернии в период с 1921–1930-х гг. имела разграничение согласно целям и задачам подразделений, способствовала осуществлению мероприятий по ликвидации преступности, проводила четкую совместную деятельность с государственными, партийными и общественными организациями. На правоохранительные органы были возложены обширные функции и обязанности, с которыми они успешно справились и обеспечили безопасность граждан в надлежащей мере.

Принятие в 1926 г. нового Уголовного кодекса Российской Социалистической Федеративной Советской Республики несколько изменило содержание статьи за бандитизм. Понятие «шайка» было исключено, цель уголовного деяния банды рассматривалась не только корыстная (завладение чужим имуществом, денежными средствами и т. п.), но и иная (хулиганство, убийство и т. п.) [3].

Принятая 14 марта 1921 г. X съездом Российской коммунистической партии (большевиков) новая экономическая политика породила в Астрахани процветание криминальных элементов. Прибывавшие на пароходах и поездах приезжие уголовные элементы, нередко сколачивал банды, и грабили, громили торговые и ювелирные лавки. Городской рынок «Большие Исады» стал пристанищем уголовников. Здесь процветало воровство, грабеж, скупка и продажа краденного. Так, только за 1926 г. был задержан 3031 преступник, раскрыто 2500 краж» [7].

В 1930 г. были упразднены народные комиссариаты внутренних дел союзных республик. Милиция стала отдельным ведомством. Были введены звания для работников милиции. При исполкомах Советов образовывались управления милиции и уголовного розыска. Принципы работы милиции, ее основные задачи и цели отныне закреплялись на законодательном уровне [6].

В 1935 г. создаются общества содействия милиции, которые имели право противодействовать нарушению общественного порядка, уведомлять органы милиции о преступлениях, составлять протоколы, а также участвовать совместно с милицией в обходах по выявлению преступников, быть понятыми при обыске [12].

Продовольственное положение в связи с проводимой в стране политикой сплошной коллективизации обострилось. Увеличилось число преступлений, связанных с хищением государственного имущества, продуктов питания, спекуляцией. Все чаще происходили кражи хлеба, рыбы. Стало набирать обороты браконьерство. В связи с этим в 1937 г. создается ОБХСС (Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности) [16]. В обязанности ОБХСС входило:

- предотвращение хищений и растрат государственного имущества;
- борьба с контрабандой;
- борьба с валютчиками.

В 1930-е гг. активно велась пропаганда жизни «по закону», регулярно проводились совещания для работников правоохранительных органов, где обсуждались вопросы ведения статистики, изучения личности преступников и т. п. Работники астраханской милиции принимали активное участие в раскулачивании, но охрана общественного порядка и борьба с бандитизмом оставались главными задачами милиции.

К началу 1930-х г. количество бандформирований сократилось, о чем наглядно свидетельствует статистика. Так, в 1920 г. в РСФСР было возбуждено 2134 уголовных дел о бандитизме, то в 1930 г. – 767 [11]. В Астраханской области на начало 1930-х гг. раскрываемость преступлений возросла и составила 70 %.

В 1934 г. при НКВД создается Особое совещание – административный орган, который имел внесудебное право на ссылку, заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок до пяти лет и высылку за пределы СССР [10].

К началу 1940-х гг. в Астраханской области наблюдался спад тяжких преступлений (убийств, изнасилований и т. п.), но множились преступления, связанные с хищением государственного и личного имущества.

Несмотря на то, что денежное довольствие милиционеров и их жилищно-бытовые условия оставались на низком уровне, многим сотрудникам правоохранительных органов не хватало профессионализма, в работе правоохранительных органов Советского государства наблюдалось существенное продвижение: появлялись новые методики по работе с уголовными элементами, разрабатывались средства изучения личности преступника и среды уже осужденных уголовников. Государство поддерживало разработку новой уголовной политики, оказывало помощь по внедрению передовых методик по раскрытию преступлений, изучению личности преступника.

Список источников и литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // Собрание законодательства РФ. 13.01.1997. № 2. Ст. 361
2. Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 1 июня 1922 года с изменениями и дополнениями (утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
3. Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 22 ноября 1926 года (утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
4. Государственный архив Астраханской области (ГАО). Ф. 2091. Оп. 1. Д. 2.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5471. Оп. 5. Д. 102. Л. 5.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 13. Д. 52.
7. ГАО. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 5. Л. 322об.
8. ГАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205. Л. 90.
9. Корецкий Д. А., Пособина Т. А. Современный бандитизм: Криминологическая характеристика и меры предупреждения. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. С. 241.
10. Кузнецова О. А. Исторические аспекты появления и развития уголовной ответственности за бандитизм в России // Государство и право. Юридические науки. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru> (Дата обращения: 12.04.2019).
11. Максимов П. В. Бандитизм как предмет научно-правовых исследований в Советской России в 1920-е годы // Вестник Российского университета кооперации. Мытищи: Российский ун-т кооперации, 2016. С. 116–120.
12. Мулукаев Р. С. История отечественного государства и права / под ред Р. С. Мулукаева. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2012. 703 с.
13. Островских Ж. В. Специально-криминалистические стратегии борьбы с бандитизмом: понятие, система, характеристика // Государство и право. Юридические науки. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru> (Дата обращения: 12.04.2019).
14. Рощевский А. А. История становления и развития уголовного законодательства об ответственности за бандитизм // Государство и право. Юридические науки. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru> (Дата обращения: 14.04.2019).
15. Федин А. С. Из истории борьбы Нижне-Волжской милиции с детской беспризорностью в послевоенный период // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3 (28). С. 37–42.
16. Щепетев В. И. История государственного управления в России. М.: ВЛАДОС, 2003. С. 512.

**СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РПЦ В 1920–1930-е гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

*Кутепова Екатерина Владимировна,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань,
Кучерук Ирина Владимировна,
доктор культурологии, профессор,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

В 1920–1930-е гг. в СССР продолжается всесторонняя антирелигиозная политика Советского государства, итогом проведения которой, явился начавшийся процесс дифференциации православного клира и причта на обновленцев и сторонников патриарха в частности и в целом, разделения всего российского общества на верующих и атеистов. В Русской православной церкви сформировалось течение, стремившееся коренным образом изменить саму суть православия: модернизировать вероучение, упростить богослужение, отменить многие каноны, упразднить монашество, ввести «женатый» епископат и прочие нововведения. Новое течение получило название «обновленчества» [2, л. 15]. Во время кампании по изъятию правительством церковных ценностей священники – обновленцы выступили на стороне советского правительства и ратовали за полную и добровольную сдачу всех ценностей и зачастую выступали свидетелями против православных священнослужителей, обвиненных властями в сопротивлении изъятию.

Процесс обновленчества, зародившийся и сформировавшийся в центре страны, распространился по регионам, в том числе затронул и Астрахань. В Астрахани первыми сторонниками обновленчества стали священник Гостинно-Николаевской церкви отец Ксенофонт (Цендровский), отец Николай (Боровков) и отец Александр (Юрикас), которые в жизни Астраханской епархии были известны своими реформаторскими взглядами. Так, о. Ксенофонт (Цендровский) в Москве стал членом организации «Живая Церковь», одного из подразделений «обновленчества», затем в Астрахани сформировал группу из числа своих сторонников – священников Николая Боровкова и Александра Юрикаса стремясь тогда же вовлечь в «Живую Церковь» и епископа Анатолия (Соколова) [3, л. 7].

В Астраханской епархии в 1921 г. образовалось некое двоевластие: с одной стороны, епископ Анатолий, Епархиальный Совет, состоявший в основном из «обновленцев», немногочисленные приверженцы «Живой Церкви» и, с другой стороны, объединение православного духовенства и мирян в лице Союза религиозных общин. Произошло и в Астрахани и определенное «внутритерриториальное» размежевание сторон, в результате чего Совет религиозных общин переместился из Ивановского монастыря, где теперь была резиденция обновленцев, в Успенский кафедральный собор.

В сентябре 1922 г. в Москву из Астрахани выехала делегация, состоявшая из астраханских священников, целью которых было ознакомление с церковной жизнью в столице. Они привезли информацию о захвате «обновленцами» церковной власти, о «Живой Церкви» Побывали они и у «возрожденцев» в Заиконоспасском монастыре. Итогом поездки астраханской делегации в центр явились выступления отца Василия Залесского (члена делегации) в православных храмах с разоблачением «обновленцев» и призывами верующих крепко держаться Православия [3, с. 4].

Тем временем 16 (29) апреля 1923 г. открылся подготовленный «обновленцами» Собор. Заседания Собора проходили в здании бывшей Московской семинарии, представленной для работы властями столицы [7, л. 16]. Собор постановил лишить сана и монашества Патриарха Тихона, принял решение о введении «женатого» епископата, о второбрации духовенства, об упразднении монастырей, о введении нового стиля летоисчисления и о предании земле всех мощей, открыто почивающих в храмах. На Соборе «обновленцы» создали свой новый церковный орган управления – Высший церковный совет (ВЦС), заменивший ВЦУ. ВЦС направил в епархии своих уполномоченных для внедрения на местах постановлений. В Астрахань в качестве уполномоченного был отправлен Михаил Постников, ранее священник Смоленской епархии, получивший сан епископа Смоленского.

В Астрахани после получения первых известий о результатах обновленческого Собора представителями всех православных общин города было решено провести собрание Союза религиозных общин при Успенском кафедральном соборе, которое и состоялось 10 июня 1923 г. Вот как описывает настроение делегатов на этом собрании Н. Н. Летницкий, избранный в члены его президиума: «Собранное по результатам Собора общее собрание подтвердило, что народ реформы не принимает, ибо он ее совершенно не понимает и не примет, так как она проведена без него» [1, с. 234].

В итоге ситуация сложилась так, что «обновленцы» во главе с епископом Анатолием стали терять контроль над астраханским духовенством и паствой. Ко времени окончательного разрыва «староцерковников» с епископом Анатолием и «живоцерковниками», у «обновленцев» наиболее сильные позиции образовались в Гостинно-Николаевской церкви, где служили священники Ксенофонт Цендровский и Александр Юрикас; в Смоленской, в которой служил о. Николай Боровков; в Ивановском монастыре, управлявшемся епископом Анатолием, и Духосошестввенской кладбищенской церкви, где служили «священники-прогрессисты» о. Тихон Березин, о. Михаил Туберозов и о. Петр Цветков. Эти храмы стали опорой для астраханских «обновленцев» [5, л. 4].

Переход храмов к «обновленцам» происходил различными путями, в том числе и не вполне легитимными. Так, к концу 1923 г. «обновленцы» для овладения Введенским храмом использовали обращение к епископу Анатолию священника Василия Реверсова с просьбой предоставить ему новое место служения. Епископ Анатолий согласился дать ему приход при Введенской церкви, если тот соберет обновленческую группу в 50 человек, что было необходимо

для регистрации. Однако в Введенском приходе желающих перейти к «обновленчеству» не нашлось, и тогда о. Василий, пользуясь доверием к бывшим прихожан из Михайло-Архангельской Церкви, стал собирать подписи. По его словам, ««священник» о. Петр Дьяконов вышел за штат» [10, л. 3]: «Если не подпишитесь, – заявлял он, – Введенскую церковь закроют». Священник искажал не только факт выхода Петра Дьяконова за штат, но и факт сбора подписей по сохранению Введенской церкви за «староцерковниками», – писали потом обманутые люди жалобу в Административный отдел. Отец Василий сумел собрать 15 подписей в приходе Михайло-Архангельской церкви. Помогавший ему в этом псаломщик Егоров собрал среди прихожан Крестовоздвиженской церкви еще 5 подписей. Таким образом, 20 подписей были собраны о. Василием незаконно, в нарушение параграфа 5 инструкции от 15 апреля 1923 г.

Однако, несмотря на явные нарушения законодательства о регистрации, обновленческая община, «набранная» о. Василием, была 17 декабря зарегистрирована Административным отделом. 19 декабря этим отделом уже было предписано прежней православной общине сдать Введенский храм (с общиной в 50 человек) со всем его имуществом священнику В. Реверсову с уполномоченными. Бывший настоятель храма о. Петр (Дьяконов), вместе с председателем церковного совета М. М. Агафоновым, казначеем М. Е. Максимовым были обвинены в нарушении учета церковного имущества и оказались под следствием [4, л. 8].

«Обновленцы» настойчиво и планомерно проводили свою политику не только в городе, но и в селах Астраханской епархии. Обновленческие уполномоченные Цендровский и Боровков предприняли несколько поездок по епархии и скоро распространили «живоцерковничество» везде, за исключением Николаевской слободы. Метод, к которому они прибегали, был несложен: приехав в село к священнику, они требовали показать им храм. При осмотре отбирался антиминс, который возвращался священнику только после подписки о том, что он отвергает патриаршую Церковь и признает обновленческий ВЦС и Астраханский епархиальный совет. Большинство священников, боясь оставить храм без службы, соглашались на условия обновленческих уполномоченных. Обновленческий Епархиальный Совет вызвал священников отца Николая (Котова) из Харабалей и отца Петра (Калилейкина) из с. Икряного. Они обманом собирали подписи прихожан под «обновленческими» списками, которые были необходимы для регистрации [3, л. 14].

Совершаемые махинации в дальнейшем были всенародно раскрыты в Петропавловском храме в 1927 г. В селах Астраханской губернии приходские храмы в большом своем числе вернулись под опеку архиепископа Фаддея. В 1927 г. в селах Астраханской губернии насчитывалось 105 православных храмов «староцерковников», тогда как за «обновленцами» числилось всего 2 храма [9, с. 13].

Приезд в Астрахань 1 марта 1928 г. нового правящего архиерея – архиепископа Филлипа (Ставицкого) поставил «обновленцев» перед необходимостью искать соглашения с православными – «староцерковниками». Так, расширенный пленум Астраханского Епархиального управления, собравшийся 27–28 июля 1928 г., направил архиепископу Филиппу четырех своих делегатов с приглашением прибыть на съезд, с целью «достижения объединения». Архиепископ Филипп ответил отказом на все предложения «обновленцев».

К концу 1934 г. в Астраханской епархии ситуация между православными священнослужителями характеризовалась не только дифференциацией идеологической, но и территориальной, которая, вместе с тем, свидетельствовала о стремлении сохранить православие в СССР. Так, в 1934 г. в двух пределах Иоанно-Златоустинской церкви служили «староцерковные» православные, а в одном – «обновленцы», чередуясь меж собой в службах. «Парадокс времени ощущался каждым верующим, – так рассказывал А. И. Кузнецов, – и все понимали, что это значит. Во избежание провокаций православное духовенство покинуло храм». Позже в 1936 г. Иоанно-Златоустинский храм был закрыт, превращен в склад, а в 1938 г. у был закрыт и Князь-Владимирский храм, из которого сначала ушел настоятель о. Александр Арнольдов, а за ним и другие священники.

В связи с политикой коллективизации сельского хозяйства, в частности, сельские православные священники, независимо от своей принадлежности к существовавшим тогда течениям в русском православии, попали под пристальное внимание властей [2, с. 256].

Уход «обновленческих» священнослужителей из церкви, арест и последующие ссылки в лагеря ее лидеров привели к распаду «обновленческого» духовенства в Астрахани.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГАО). Ф. 1245. Оп. 1. Д. 119.
2. ГАО. Ф. 1247. Оп. 1. Д. 200.
3. ГАО. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 10
4. ГАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 726.
5. ГАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 743.
6. ГАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1595.
7. ГАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 190.
8. Известия Отдела Внутреннего Управления Астраханского Губисполкома. 1919. № 32.
9. Коммунист 1922. 17 октября, 21 октября, 27 октября.
10. Астраханские Епархиальные Ведомости. 1917. № 24; 1918. № 2–3; 1918. № 12.
11. Свет Православия. 2005. № 10; 2006. № 4; 2006. № 8; 2006. № 13; 2006. № 2; 2007. № 8; 2008. № 10, 2, 4; 2018. № 2.
12. История Русской Православной Церкви. СПб, 1997. Т. 1. 1917–1990 гг.
13. Покровский Н. Н. Политбюро и Церковь. 1922–1925. Три архивных дела // Новый мир. 1994. № 8. С. 186–213.
14. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. М.: Прополис, 1995. 400 с.

КРАСНОЗНАМЕННЫЙ ВЫПУСК ВРАЧЕЙ В АСТРАХАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ МЕДИЦИНСКОМ ИНСТИТУТЕ им. А. В. ЛУНАЧАРСКОГО. ГОД 1937

Левина Татьяна Александровна,
руководитель Центра истории

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный медицинский университет», г. Астрахань

За годы существования медицинского института подготовлены сотни врачей. Невозможно описать, как сложилась судьба всех выпускников, наш рассказ о шести врачах, выпускниках 1937 г. Надо отметить, что в архиве АГМУ нет документов за 1937 г. Мы нашли некоторые материалы в областной научной библиотеке имени Крупской.

2 июня 1937 г. в мединституте начались государственные экзамены, к которым было допущено 84 студента. Председателем Государственной испытательной комиссии Наркомздрав назначил, согласно постановлению Комитета по делам высшей школы при СНК СССР, профессора, руководителя кафедры психиатрии Саратовского медицинского института М. П. Кутанина.

В состав комиссии вошли профессора Б. И. Курочкин (зам. директора), Н. И. Артемьев (декан), А. А. Беляев, В. В. Петровский и профессор той дисциплины, по которой проходил экзамен.

Студенты должны были сдать 6 экзаменов: по патанатомии, по патфизиологии, внутренним болезням с основами детских и инфекционных болезней и санитарно-химической обороне, по хирургии, по акушерству и гинекологии и гигиене. Экзаменационная сессия проходила в течение месяца. Как писали в газете «Коммунист» (№ 130, 137, 154 за 1937 г.), по патанатомии студенты получили 34 отличных оценки, а по акушерству – 62.

Профессор М.П. Кутанин подчеркнул: «...на экзамене исключается все, что может травмировать студента, – это наша психогигиеническая установка».

На экзамены шел краснознаменный курс института, пять лет державший красное переходящее знамя за лучшую учебу. В публикации перечислены лишь фамилии Вайнштейна, Маркиной и Арсланова, которые показали глубокие знания по предметам. По итогам гоэкзаменов дипломы советского врача получили 79 студентов. Мы нашли документы на четырёх врачей, выпускников того года.

Арсланов Махмуд Давлетович (1915–1976) родился в селе Хожетай Красноярского района Астраханской области, член КПСС с 1942 г. Учился в АГМИ им. А.В. Луначарского с 1932 по 1937 г. После окончания института с 1937 по 1938 г. был ординатором районной больницы с. Красный Яр, с августа 1938 по июнь 1941 г. – клинический ординатор хирургической клиники Института климатотерапии туберкулеза в Ялте. С начала войны служил в 51 армии врачом-хирургом эвакогоспиталя № 1751. С 1941 по 1943 г. работал заведующим хирургическим отделением 17 морской стрелковой бригады Карельского фронта. С декабря 1943 по май 1945 г. М. Д. Арсланов – командир оперативно-перевязочного взвода стрелковой дивизии 423 медсанбат 341 стрелковой дивизии. После окончания войны Махмуд Давлетович возвращается на родину, и работает с августа 1945 по февраль 1954 г. в Красноярской районной больнице сначала заведующим хирургическим отделением, а потом главным врачом районной больницы. Работая главным врачом, был требователен к себе и подчиненным, как хирург владел не только полостными общехирургическими операциями, но и акушерско-гинекологическими операциями. Вкладывал все свои знания в работу, чтобы восстановить здоровье трудящихся.

С 1954 г. Махмуд Давлетович становится научным сотрудником института климатотерапии туберкулеза 1-ой хирургической клиники, заведующий организационно-методическим отделом института. Защищает кандидатскую диссертацию на тему «Данные по вопросу об облитерирующем энтеритиде у рыбаков Астраханской области и гигиеническая оценка их специальной обуви».

С 1955 г. М. Д. Арсланов работает ассистентом кафедры общей хирургии Семипалатинского медицинского института, с 1960 по 1971 г. – заведующий кафедрой, профессор Семипалатинского института. В 1970 г. ВАК присваивает ему ученую степень доктора медицинских наук. Последние годы с 1971 по 1976 г. он работает профессором кафедры госпитальной хирургии.

М. П. Кутанин

М. Д. Арсланов

Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Советского Заполярья», медалью «За победу над Германией в 1941–1945 гг.». Отличник здравоохранения, подполковник медицинской службы. Под его руководством подготовлено 10 клинических ординаторов, 4 кандидата наук, автор 65 печатных работ.

Жена – Аделя Алиевна, врач высшей категории с 1956 по 1985 г. работала ассистентом кафедры акушерства и гинекологии Семипалатинского государственного медицинского института. Сыновья Махмуда Давлетовича последовали примеру отца и связали свою судьбу с хирургией. Старший сын Рифкат (1946–2004) после окончания ординатуры по специальности «сердечно-сосудистая хирургия» работал в НИИ клинической и экспериментальной хирургии в г. Алма-Ате, защитил кандидатскую диссертацию, автор 36 научных работ, 9 изобретений, 50 рацпредложений. Награжден 12 дипломами и 4 медалями.

В 1983 г. в Алма-Ате защищает кандидатскую диссертацию сын профессора Рустам Махмудович Арсланов. Тема диссертации «Кишечный шов в условиях перитонита», обладатель двух патентов, автор книги «Гравитационно-квантовая теория строения Вселенной». В настоящее время проживает с семьей в Новой Зеландии.

Пять внуков семьи продолжают медицинскую династию семьи. Внучка, Б. С. Джуманова, является главным внештатным специалистом МЗ АО по гигиене детей и подростков и работает заместителем главного врача по педиатрии в ГБУЗ АО «ГП № 2».

Н. Г. Вартанова

Вартанова Надежда Георгиевна (1914–1967) родилась в г. Астрахани, закончила девятилетку, и приказом Горono была направлена преподавательницей в Советскую школу II ступени им. К. Маркса. Не имея средств к дальнейшему образованию, ей пришлось год работать учительницей. Она получила и музыкальное образование по классу фортепьяно. С 1932 по 1937 г. обучалась в Астраханском мединституте имени А. В. Луначарского. Во время учебы она дружила с Соней Дадашевой и Фридой Сиротиной, увлекалась лекциями профессора И. Н. Переводчикова – заведующего кафедрой кожных и венерических болезней. По его предложению она решила досконально заняться изучением тяжелого заболевания – лепры и одна со всего курса из 79 выпускников по личному желанию пришла работать в Астраханский лепрозорий. Ей дали спецкорпус с больными-развалинами. В палатах стоял тошнотворный запах. Перед обходом она клала в нагрудный карман пузырек с духами или нашатырным спиртом. Она стала прообразом врача-лепролога Жуковой в романе «Настежь дверь» астраханского писателя врача Бориса Ивановича Жилина. Описывая ее образ, автор отмечает ее красоту, стройность, красивые черные глаза, которые смотрели на больных внимательно и ободряюще.

В годы войны Н.Г. Вартанова была забронирована, как специалист по особо опасным инфекциям и продолжала лечить больных лепрой. 20 октября 1943 г. ее откомандировали в Астраханский детский приемник НКВД, где она занималась воспитанием беспризорных и безнадзорных детей, в том числе и детей фронтовиков. Из характеристики начальника детского приемника: «Отлично помогает в работе начальнику Д.П.Р. НКВД в части содержания всех пациентов в чистоте, строго соблюдает правила гигиенического состояния среди воспитанников, дисциплинирована, требовательна к сотрудникам и воспитанникам в строгом соблюдении режима дня».

В апреле 1944 г. Надежда Георгиевна была командирована в Москву на 20 дней для отправки воспитанников детприемника к месту жительства их родителей, после чего она вернулась в лепрозорий. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 г. Надежда Георгиевна Вартанова была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 года».

Н. Г. Вартанова много занималась общественной работой, была пропагандистом и агитатором, председателем местного комитета, участвовала в работе общества «Знание». Много сил она отдавала работе, участвовала в семинарах, декадах, обследовании эндемичных по лепре зон. Была опытным врачом лепрологом с физиотерапевтическим уклоном.

Н. Г. Вартанова – автор 23 научных работ по лепре, большинство из которых опубликовано после 1954 г., когда вышел первый сборник научных работ по лепре института по изучению лепры. Но самыми значимыми ее работами являются кандидатская диссертация «Изучение внешне здоровой кожи и «иммунных зон» при лепре (1953 г.) и методическое письмо «Физические методы лечения поражений опорно-двигательного аппарата при лепре», разработанное ею, кандидатом медицинских наук старшим научным сотрудником Института по изучению лепры Н. Г. Вартановой, и утвержденное Заместителем начальника Главного управления лечебно-профилактической помощи МЗ СССР (Астрахань, 1967). Большинство ее научных статей посвящены использованию методов физиотерапевтического лечения в терапии больных лепрой. Она продолжала собирать материал для докторской диссертации, ее готовый литературный обзор я передала в музей НИИ по изучению лепры. Среди многих ее документов сохранилось письмо-приглашение на 75-летие М. П. Кутанина в Саратовский мединститут в 1958 г., это он был председателем ГЭК на выпускных экзаменах в 1937 г.

В 1974 г. после окончания АГМИ я получила направление в клиническую ординатуру по лепре. В актовом зале были портреты врачей-лепрологов, среди которых был и портрет моей мамы – российского лепролога, старшего научного сотрудника НИИ по изучению лепры, выпускницы АГМИ 1937 г., отдавшей всю свою жизнь больным лепрой.

В мае 2019 г. в центре города, в Братском саду, администрация г. Астрахани открыла фотовыставку, посвященную труду астраханцев в тылу. Среди трех стендов, представленных Медицинским университетом есть стенд о Н. Г. Вартановой, которую мобилизовали для работы в дет-приемнике.

Дадашева Софья Константиновна родилась 3 июня 1915 г. в Астрахани в семье служащих. Ее отец, Дадашев Константин Григорьевич, был служащим, дворянином. Мать Блинова Зинаида Ивановна происходила из крестьян. Семья проживала по адресу: ул. Бабушкина, д. 15, кв. 2. В своей анкете С.К. Дадашева написала, что тетка ее, Анна Григорьевна Агабабова, 72 лет, бывшая жена профессора, выехала к своему сыну-юристу Рафаэлю Александровичу Агабаву в Персию. Из родственников в Мединституте работает муж тетки Ф. Г. Фарманов.

Приказом по институту № 84 от 3 августа 1937 г., врачей окончивших в 1937 г. АГМИ с 1 августа 1937 г. допустить к научной работе:

Маркину Зинаиду Васильевну – интерном при госпитальной терапевтической клинике,

Дадашеву Софью Константиновну – аспирантом при кафедре нормальной физиологии,

Нахимову Розу Иосифовну – аспирантом при кафедре экспериментальной гигиены.

Мы смогли найти только личное дело аспирантки С.К. Дадашевой.

В заявлении С.К. Дадашева просит зачислить ее в аспирантуру на кафедру нормальной физиологии, так как она окончила мединститут с дипломом первой степени. В автобиографии она указывает, что ее отец был служащим со стажем более 25 лет. Через несколько лет после рождения отца, дед за выслугу лет по интенданству получил орден, давший ему дворянство. До революции отец работал, когда был студентом, то вольнонаемным писцом, по окончании юридического факультета вступил в сословие присяжных поверенных, одновременно работал секретарем товарной биржи, а затем секретарем лесопрома и лесоторга. С начала революции служил на разных должностях в продорганах. Софья в 1931 г. окончила 8 классов, поступила в вечерний учебный комбинат на десяти-месячные курсы по подготовке в вуз. В это же время она работала в слесарно-кроватьной мастерской деткомиссии ученицей слесаря. С 1932 по 1937 г. Софья – студентка мединститута. В характеристике отмечается,

С. К. Дадашева

Р. И. Нахимова

З. В. Маркина

что она принимает активное участие в общественной жизни, вела ликбез, читала лекции по ГС в РОККе. Рекомендацию в аспирантуру ей дает профессор В. В. Петровский.

По справке из АГМИ установлено, что С. К. Дадашева была аспирантом с 1 августа 1937 по 10 октября 1937 г. Врио директора мединститута Слепышков сообщает в Москву, что Дадашева была отчислена из аспирантуры по мотивам социального происхождения.

2 декабря 1937 г. отдел кадров Наркомздрава РСФСР направляет путевку С. К. Дадашевой на работу в Ленинград по месту службы мужа – начсостава РККР. В Ленинграде она заболела туберкулезом и очень долго лечилась. Не сложилась и личная жизнь. В 1950-е гг. она возвращается в Астрахань и работает в детской поликлинике (заведующая – Мария Яковлевна Животовская) врачом педиатром-фтизиатром. Долгие годы была секретарем партийной организации поликлиники. По достижению пенсионного возраста уходит на заслуженный отдых. Награждена медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

Нахимова Роза Иосифовна уехала в Москву, вышла замуж и работала санитарным врачом.

Маркина Зинаида Васильевна родилась 23 октября 1906 г. в с. Казачий Бугор Астраханской губернии. После окончания школы училась с 1924 по 1926 г. в Астраханском медицинском техникуме. С 5 апреля 1927 г. работала акушеркой-фельдшерницей в Володарском районе, а затем фельдшерницей амбулатории № 7 горздравотдела.

В 1929 г. она переболела туберкулезом, как и ее родители. Поступала в институт с образованием акушерки. Она опоздала к зачислению в вуз, так как работала на путине и училась на вечерних курсах. Ее просьба перевести ее на дневное отделение была выполнена и с 9 ноября 1937 г. она была переведена на дневное обучение. Она дважды обращалась к директору АГМИ с просьбой назначить стипендию, так как отца уже не было, а у нее на иждивении была мать 45 лет. Зинаида Васильевна активно участвовала в общественной жизни, выполняя поручения ячейки ВЛКСМ, взявшей на себя задачи воспитания рабочей молодежи. Ее переводят на повышенную стипендию. В 1937 г. З. В. Маркина с отличием окончила АГМИ. В течение месяца работает врачом детского отделения II клинической больницы.

В 1938 г. она становится интерном госпитальной терапевтической клиники. В 1940 г. она окончила клиническую ординатуру и осталась работать ассистентом в Советской клинической больнице. Зинаида Васильевна хорошо владела речью, знала немецкий язык, обладала блестящей памятью. Она хотела заниматься научной деятельностью. Ее оставляют на кафедре старшим лаборантом. В 1940 г. в семье рождается дочь Валентина. В феврале 1941 г. Зинаида Васильевна приступает к исполнению обязанностей ассистента кафедры госпитальной терапии. Она проживает на пл. Шаумяна, д. 26, кв. 2.

27 июня 1941 г. ее мобилизуют работать в госпиталь сначала лаборантом эвакогоспиталя № 1589, затем хирургом госпиталя № 4429, начальником хирургического отделения госпиталя № 4429, в 1943–1944 гг. она – начальник медицинской части эвакогоспиталя № 5072, в 1944–1945 гг. – начальник медицинской части эвакогоспиталя № 3755.

З. В. Маркина была награждена Орденом «Красной Звезды», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

После окончания войны она возвращается в родной институт, на кафедру, ей дополнительно дают читать курс военно-полевой терапии. В 1955 г. ее назначают и.о. заведующей кафедрой госпитальной терапии.

В 1956 г. в Саратовском мединституте 7 февраля Зинаида Васильевна Маркина защищает кандидатскую диссертацию на тему «Кроветворение при разных формах и в различные периоды малярии».

В 1957 г. З.В. Маркину переводят на должность доцента по курсу военно-полевой терапии кафедры госпитальной терапии. Ее часто приглашают на консультации к тяжелым больным не только в Астрахани, но и в Гурьеве.

В июле 1958 г. ВАК утверждает З.В. Маркину в ученом звании доцента по кафедре «внутренние болезни». С 1 февраля 1961 по 3 октября 1963 г. она исполняет обязанности заведующей кафедрой госпитальной терапии. Ее дочь Валентина заканчивает АГМИ и выходит замуж за однокурсника – врача Феликса Белоярцева – и они переезжают в Москву. Зинаида Васильевна Маркина продолжает работать на кафедре до 1 августа 1974 г. Награждена знаком «Отличнику здравоохранения».

Вскоре она тоже переехала в Москву.

Феликс Федорович (1941–1985) и Валентина Викторовна (1940–2010) Белоярцевы похоронены в Москве на Востряковском кладбище.

Внук Зинаиды Васильевны Маркиной – Дмитрий Феликсович Белоярцев – доктор медицинских наук, профессор, работает в Москве в Институте Вишневого.

Ноздрин Всеволод Михайлович (1913–1943). С 1932 по 1937 г. Всеволод Ноздрин был студентом АГМИ. Он принимал активное участие в работе студенческих научных кружков. Имел положительный отзыв на статью от профессора Н. Г. Лычманова. После окончания института был направлен в Красную Армию, где работал до 1939 г. Врачом-хирургом

С 1939 по 1941 г. В. М. Ноздрин обучался в клинической ординатуре в факультетской хирургической клинике. Перед самым началом войны одна из статей, разработанная им, была направлена в журнал «Хирургия». Он был на фронте, когда из журнала пришел ответ, что статья очень интересная, но отложена в резерв, так как все материалы в журнале связаны с оборонной тематикой. В последнем своем письме домой Всеволод просил мать: извещение о моей статье берегите, вернусь с фронта, опять возьмусь за научную работу. С июня 1941 г. призван в действующую Красную Армию, где служил в медсанбате (почтовая полевая станция № 205).

1942–1943 гг. – руководитель подпольной организации на временно оккупированной территории Советского Союза в Полесском районе Киевской области. Подпольная организация, возглавляемая В. М. Ноздриным, оказывала медицинскую помощь партизанам и патриотам из числа местных жителей, осуществляла переправку перевязочного материала для партизан, освобождала советских граждан от отправки на рабство в Германию, распространяла листовки со сводками Совинформбюро, занималась перевербовкой карателей и жандармерии, а также проводила акты саботажа и диверсий в работе телефонно-телеграфной связи и выполняла ряд других подрывных акций. В июне 1943 г. В. М. Ноздрин был арестован немецким гестапо и расстрелян. Он не вернулся с фронта, и имя его не стало известным в научном мире. Но в далеком украинском селе одна из улиц в Полесье Киевской области названа именем Ноздрина. И память о нем и его товарищах навечно высечена на обелиске.

В. М. Ноздрин

За мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских оккупантов в период Великой Отечественной войны в числе других партизан и участников подполья Всеволод Михайлович Ноздрин посмертно награжден медалью «За отвагу».

Улица Красноярская в Астрахани, где жили Ноздрины, решением горисполкома от 12.12.1971 переименована в улицу Ноздрина.

Дело Всеволода Михайловича Ноздрина продолжили племянники: Всеволод Мстиславович Ноздрин – заведующий нейрохирургическим отделением Александро-Маринской областной клинической больницы – и Татьяна Мстиславовна Ноздрина – врач общей практики Городской поликлиники № 3 г. Астрахани.

Хабибуллина Галия Галимжановна (1911–1989). Галия Галимжановна родилась 6 июля 1911 г. Она была третьим ребенком в семье. Ее отец, Галимжан Хабибуллаевич Хабибуллин, в годы революции был помощником известного революционера в Астрахани Наримана Нариманова, который боролся за установление советской власти в Астрахани. Семья Н. Нариманова жила в двухэтажном доме, где было пианино, а маленькая Галия частенько танцевала с детьми Н. Нариманова.

Г.Г. Хабибулина

С семи лет Галю отдали учиться в одну из открывшихся в Астрахани школ, однако учеба быстро закончилась. Стали притеснять богачей и магазинщиков, и отец Гали, знавший многих, вместе с ними уехал в с. Новые Булгары. Люди съезжались на пустырь, заросший бурьяном. Семья построила землянку и перезимовала в ней.

В 1922 г. в село приехал малограмотный учитель и отозвался учить детей. Учиться Галия ходила домой к учителю. Но учеба в основном состояла в изучении молитв, чем освоении различных наук. Галия свободно писала арабскими буквами, наизусть знала главы из Корана.

Родной дядя Галии, Габдулла Насибуллин, был одаренным драматургом, сценаристом, актером, выступал на сцене татарского театра «Вулкан» под псевдонимом Уральский.

В 1922 г. прокатилась волна эпидемии тифа. Во время эпидемии изоляции больных не было, и дети спокойно бегали вокруг заболевших больных. По настоянию бабушки дети Хабибулиных переехали в город, начали учиться и проживали у своей тетки. По ее совету Галия поступила в медицинский техникум, а после его окончания была направлена в 1930 г. в Бахтемирскую больницу. Главным врачом больницы был Аркадий Евгеньевич Коханов. По словам Галии, он ей очень помог

в приобретении медицинских знаний и практических навыков. Сам А. Е. Коханов отличался дисциплинированностью и доброжелательностью, был отзывчивым человеком и добрым помощником. Аркадий Евгеньевич доверил молодому фельдшеру принимать роды, а затем дал хорошую характеристику для поступления в институт.

В 1932 г. Галия поступает в медицинский институт, который заканчивает в 1937 г. Ее направляют работать в Икрянинскую больницу амбулаторным врачом. Возглавлял больницу Муса Айнетдинович Аджигитов, врач-хирург. В 1937 г. вспыхнула эпидемия кори. Инфекция была занесенной. Болезнь охватила большое количество детского населения. В случае их заболевания врач должна была установить всех контактных лиц и провести вакцинацию противокоревой сывороткой всех. Села были поделены на участки по 25 дворов. На них работали активисты. О всех выявленных случаях сразу информировали вышестоящие организации, на месте проводили необходимую медицинскую помощь. Эпидемия была ликвидирована, дети спасены, не было ни одного летального исхода. Таковы были первые рабочие будни выпускницы АГМИ.

Вскоре муж Галии получает направление в с. Новые Булгары, где его избирают председателем колхоза им. Вахитова. После двух лет работы Галия переезжает в Бахтемирскую больницу, в которой проработала всю жизнь участковым врачом.

Она обслуживала население с. Бахтемир, поселков Алгаза, Зверева и с. Новые Булгары. Галие Хабибуллиной, как дипломированному специалисту, представляют пластинный дом, рядом с Бахтемирской больницей. Скромный доктор, одаренная женщина, она прекрасно шила и вязала в редкие минуты отдыха.

Бахтемирская участковая больница

Она несколько раз избиралась депутатом сельского совета. В 1946 г. ее награждают значком «Отличнику здравоохранения». Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Донор СССР» 3-ей степени. Так сбылась мечта маленькой девочки – стать врачом и возвращать здоровье больным, принося этим счастье в каждый дом.

Очень надеемся, что родные других врачей, которые окончили Астраханский медицинский институт имени А. В. Луначарского в далеком и тяжелом для нашей огромной страны 1937 г., откликнутся и поделятся своими рассказами и фотографиями о выпускниках тех лет.

Список источников и литературы

1. Коммунист. 1937. № 130.
2. Коммунист. 1937. № 135.
3. Коммунист. 1937. № 154.

УСЛОВИЯ ТРУДА И МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ г. АСТРАХАНИ В ПЕРИОД «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ»

Михнова Татьяна Владимировна,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО « Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Одной из актуальных проблем, стоявших перед высшими учебными заведениями г. Астрахани в середине 1950-х гг., стало улучшение условий работы вузовской интеллигенции и повышение ее благосостояния. В послевоенные годы ее решение осложнялось тяжелым материальным положением и общим дефицитом денежных средств по всей стране. Нехватка аудиторий, оборудования, лабораторий, помещений для кафедр, обязательного минимума учебников и наглядных материалов отрицательно сказывалось на качестве преподавания и на развитии научных исследований. Актуальным вопросом для вузовской интеллигенции оставалось решение материально-бытовых проблем. Повышение заработной платы, увеличение расходов на пособия и выплаты по соцстрахованию, обеспечение бесплатными путевками в дома отдыха и санатории, расширение жилищного строительства и улучшение коммунального обслуживания – эти важнейшие задачи предстояло решить на данном этапе. Ситуация, сложившаяся в Астрахани, была типичной для всего Советского Союза в данный период.

Решение квартирного вопроса и повышение заработной платы являлось важной частью программы по созданию комфортных условий для вузовской интеллигенции. Отсутствие жилой площади для преподавателей существенно тормозило комплектование высококвалифицированных кадров. Предоставление собственного жилья имело большое значение для престижа профессии преподавателя.

В Астрахани, почти не пострадавшей в войне, строительство нового жилья велось неактивно. Жилье для преподавателей имелось только у медицинского и педагогического институтов. Жилищный фонд был весьма ограничен: 1 дом у мединститута и 2 – у пединститута. В связи с этим дирекция институтов на протяжении многих лет была вынуждена использовать под квартиры преподавателей комнаты в студенческих общежитиях.

Для большинства советских граждан XX съезд КПСС поставил задачу построить за 1956–1960 гг. за счет государственных средств жилые дома общей площадью примерно 205 млн м² (в 2 раза больше, чем в предыдущей пятилетке). В семилетнем плане предусматривалось ввести в городах и рабочих поселках в течение 1959–1965 гг. 650–660 млн м², или около 15 млн квартир, в сельской местности – около 7 млн домов [2, с. 308].

В годы пятой пятилетки в жилищное, культурно-бытовое и коммунальное строительство в Астраханской области было вложено 75 млн руб., и введено в эксплуатацию 190 тыс. м² жилой площади [11, с. 477]. Принималась серия решений, направленных на внедрение типового строительства. Стоимость жилья уменьшалась на 25 %, сроки строительства сокращались до 1–1,5 месяцев. За 1956–1960 гг. почти 54 млн человек поселились в новые панельные дома.

Развернувшееся широкое жилищное строительство в стране в конце 1950-х – начале 1960-х гг. позволило многим преподавателям Астраханского пединститута воплотить свои мечты об отдельной квартире в реальность. Дирекция вуза почти ежегодно «выбивала» у местных органов власти по три – шесть отдельных квартиры, делала капитальный ремонт в домах, проводила водопровод и канализацию. В 1956–1957 гг. в мединституте для преподавателей был проведен капитальный ремонт жилого дома [5, л. 8].

Освобождаемые комнаты в общежитиях заселялись студентами нового набора. В своих воспоминаниях А. В. Лебедев, занимавший должность ректора пединститута в 1957–1975 гг., писал, что, переехав в конце 1940-х гг. в Астрахань и испытывая нужду в жилье, обратился за помощью к первому секретарю горкома М. В. Копылову. Ему было предложено несколько вариантов, но один был хуже другого. Он поселился в двухкомнатной квартире с общей кухней и одним окном на обе комнаты. Квартира была сильно запущена, с тараканами и клопами, но лучший варианта не было, и поэтому даже самому Копылову приходилось проживать в гостинице. И лишь с началом жилищного строительства в ответ на просьбу улучшить жилищные условия в 1960 г. его семья получила отличную квартиру в центре города на площади Ленина [12, с. 71–72].

В 1957 г. Астрыбвтузу было передано помещение мореходной школы – учебный корпус площадью 1776 м², и половина жилого дома площадью 964 м² для преподавателей вуза. В течение всего 1967–1958 учебного года, переданный институту учебный корпус находился на капитальном ремонте.

Вузовские интеллигенция наравне с другими номенклатурными работниками имела первоочередное право на получение отдельной квартиры или комнаты. Предоставление жилья преподавателям позволило вузам обеспечить для них комфортные условия, создать благоприятную психологическую атмосферу, а также сделать профессию преподавателя вуза весьма привлекательной. Все это в свою очередь отражалось на повышении качества учебного процесса и увеличении приема студентов.

Также наблюдалась и острая необходимость в строительстве новых учебных корпусов, в связи с нехваткой лабораторий и аудиторий, с новейшим оборудованием и обеспечением учебной литературой студентов и преподавателей.

В 1953–1954 учебном году Астраханский педагогический институт размещался в арендуемом здании с общей площадью 1947,2 м² и в помещении базовой средней школы, где был оборудован физический кабинет. Из-за недостатка полезной площади при наличии контингента студентов свыше 700 человек и 40 академических групп, институт проводил занятия в две смены. Особенно отрицательно сказывался на организации учебного процесса отдаленность физического кабинета, который находился от института на расстоянии не менее 2 км. Чтобы избежать трехсменности учебных занятий институт в течение трех лет пользовался помещением коридора, разделенного на шесть мелких «комнатушек» с фанерными перегородками [7, л. 9].

Таблица 1

**Инвестиции в основной капитал (капитальные вложения) за счет всех источников финансирования
(в сопоставимых ценах, введенных с 1 января 1984 г.; млн руб.) [1, с. 161]**

Годы	Строительно-монтажные работы	Инвестиции в жилищное строительство
1946–1950	100	20,1
1951–1955	123	57,6
1956–1960	209	115,7
1961–1965	429	151,3
1966–1970	773	206,2

В 1956 г. Астраханский пединститут переходит на подготовку учителей широкого профиля. По этой причине в его составе остаются два факультета: филологический и физико-математический. Проблема обеспеченности института полезной площадью стояла уже не так остро, так как контингент студентов значительно сократился, что позволило проводить занятия в одну смену, и реализовывать общественные мероприятия [8, л. 70].

В 1957 г. со второго квартала этого года начинается строительство нового учебного корпуса, которое завершилось лишь в 1963 г. Работа института в одну смену была организована благодаря введению в эксплуатацию нового здания. Большая часть факультетских кафедр и административные службы переместились в новый корпус.

Учебно-производственная база Астраханского технического института рыбной промышленности и хозяйства в 1955 г. оставалась слабой, занятия проводились в две смены. Но руководству института удалось увеличить вместимость аудиторий, за счет замены громоздкой мебели более компактными креслами-партами, что позволило перейти на двухсменную работу [4, л. 5]. В 1957–1958 учебном году институт получает помещение площадью 1778 м² мореходной школы, и вводит в эксплуатацию третий корпус после капитального ремонта. Это дает возможность Астрыбвтузу перейти на обучение в 1 смену. Расширяя механические мастерские, было пристроено еще одно помещение площадью 100 м². Между тем, с открытием заочной формы обучения и ростом числа студентов, снова ощущалась нехватка учебной площади. Вследствие этого первокурсников, вечерников и заочников переводят во вторую смену. В конечном итоге, к 1960 г. институт располагает тремя учебными корпусами в 10000 м². Несколько корпусов отводились под лаборатории, и под лекционные и практические занятия.

Относительно неплохую материальную базу имел медицинский институт, по сравнению с Астрыбвтузом. Учебная площадь составляла 27940 м², в котором в 1956–1957 гг. был проведен капитальный ремонт (восстановление подвальных помещений, смена сетей водопровода и канализации). Ежегодно вуз пополнялся новым оборудованием для лечебных и научно-исследовательских целей. В 1961 г. медицинский институт вводит новые учебные помещения и укрепляет лечебную базу.

Наряду с решением жилищного вопроса чрезвычайно важным для улучшения благосостояния преподавателей имели размеры их заработной платы. Если рассматривать размер заработной платы как показатель значимости социальной группы в глазах власти, то профессорско-преподавательский состав вузов ценился довольно высоко. Профессора и руководящий состав вузов имели возможность покупать без урона для семейного бюджета дорогие вещи, такие как бытовая техника.

Таблица 2

**Должностные оклады административно-руководящего персонала
Астраханского технического института рыбной промышленности и хозяйства на 1956 г. [3, л. 26]**

Наименование структурных подразделений и должность	Должностной оклад в месяц	Надбавки		Фонд зарплаты в месяц
Директор	5000	–	–	5000
Зам. директора по учебной и научной работе	4000	–	–	4000
Помощник директора по адм. хоз. части	880	–	–	880
Секретарь-стенограф	450	–	–	450
Начальник уч. части	600	–	–	600
Секретарь	410	–	–	410
Диспетчер	550	–	–	550

Таблица 3

**Должностные оклады административно-руководящего персонала
Астраханского педагогического института на 1963 г. [9, л. 135]**

Наименование структурных подразделений и должность	Должностной оклад в месяц в руб.	Надбавки		Фонд зарплаты в месяц
Ректор	400	–	–	400
Проректор по научно-учебной работе	300	–	–	300
Проректор по заочному и вечернему отделению	135	–	–	135
Помощник по адм. хоз. работе	69	–	–	69
Секретарь учебной части	30	–	–	30
Секретари факультетов	30	–	–	30

Очень высокие оклады вузовских работников, особенно руководящего состава не устраивали руководство страны во главе с Н. С. Хрущевым, в связи с переходом к политике первоочередного повышения зарплаты низкооплачиваемым категориям рабочих и служащих. С 1 июля 1957 г. постановлением Совета министров и приказом МВО СССР вводились новые должностные оклады для профессорско-преподавательского состава. Зарплата руководителей вуза

зависела от категории высшего учебного заведения и наличия ученой степени и звания. Для преподавателей имело значение наличие ученой степени, звания и педагогического стажа. Другим приказом МВО СССР от 19 июля 1957 г. была установлена зарплата деканов и их заместителей. Так, с 1 сентября 1957 г. за выполнение обязанностей декана к окладу прибавлялось 35 %, а его замещающей должности – 30 %. Это была достойная зарплата, что говорит о довольно высоком статусе преподавателей высшей школы и науки в целом и престижности профессии.

С 1950–1960-е гг. условия труда и уровень благосостояния вузовской интеллигенции заметно улучшились. Если рассматривать размер заработной платы как показатель значимости социальной группы в глазах власти, то профессорско-преподавательский состав вузов ценился довольно высоко. При помощи центральных и местных органов власти, а также собственных усилий высших учебных заведений были построены новые учебные корпуса, увеличилось число аудиторий и лабораторий, которые оснащались современным оборудованием. В то же время не удавалось в полной мере решить вопросы, связанные с нехваткой учебных площадей, учебно-методической и учебной литературы, наглядного материала в связи с опережающим ростом контингента студентов и преподавателей.

Список источников и литературы

1. Астраханская область из столетия в столетие. Астрахань: Астраханьстат, 2011.
2. Внеочередной XXI съезд КПСС // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1956–1960. М., 1986. Т. 9.
3. Государственный архив Астраханской области (ГАО). Ф. Р. 2181. Оп. 1. Д. 589.
4. ГАО. Ф. Р. 2181. Оп. 2. Д. 5.
5. ГАО. Ф. Р. 1071. Оп. 5. Д. 44.
6. ГАО. Ф. Р. 2181. Оп. 1. Д. 577.
7. ГАО. Ф. Р. 2364. Оп. 1. Д. 443.
8. ГАО. Ф. Р. 2364. Оп. 1. Д. 523.
9. ГАО. Ф. Р. 2364. Оп. 1. Д. 770.
10. Лебедев А. В. Обыкновенная биография в необыкновенное время... Мемуарные очерки. Астрахань, 2002.
11. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985.

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ ФРОНТИР И ЕГО ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

Первушкина Анастасия Игоревна,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Одной из тем Отечественной истории, актуальных и по сей день, являются процессы освоения окраин страны и формирования государственной границы. По мере освоения новых территорий, образуются пограничные регионы, развитие которых идет по особому сценарию, где складывается своя хозяйственная, социальная и культурная система. Подобные регионы, как правило, заметно отличаются от остальной части государства. В американской историографии они получили название «фронтир». Понятие фронта ввел в научный оборот Ф. Дж. Тернер – американский историк – во второй половине XIX в. Данный термин был применен к процессу освоения Дикого Запада, на примере которого исследователь стремился объяснить специфику формирования американского государства и особенности менталитета его граждан. Фронтир по Ф. Дж. Тернеру – это условная граница между цивилизацией (заселенной территорией) и ее отсутствием. Процесс освоения российских окраин имеет схожие черты с Америкой. В связи с этим, мы считаем, что теория фронта может быть применена и к истории Нижнего Поволжья. Данный регион – уникален. Он выделяется среди других не только природными и географическими особенностями, но и культурными. Культурное многообразие региона складывалось на протяжении сотен лет.

В 1552 и 1554 гг. Казанское и Астраханское ханства стали частью государства Московского. Таким образом, во власти Москвы оказался весь бассейн Волги. Нижнее Поволжье стало южной границей страны, важным экономическим и стратегическим пунктом. Но территория была русской лишь условно, так как Москва не имела возможности осуществлять контроль в полной мере. Для управления данной территорией стали возводить фортификационные сооружения, а также вводить военные гарнизоны, состоящие из московских стрельцов и казаков. В итоге, в XVI–XVII вв. в Нижнем Поволжье образовывается зона, которая представляет собой полосу оборонительных сооружений, предназначенных для контроля территории. Сложившиеся обстоятельства напоминают ситуацию на американском фронтире XIX в., когда американцы предъявляли права на обширные земли путем возведения множества фортов, дальше которых их влияние почти не распространялось. Отметим, что строительство крепостей, ввод стрелцких и казацких войск были обоснованы не только охраной южной границы от набегов крымских татар, но и беспокойной обстановкой в регионе: причиной тому были ногайские орды, которые кочевали в степях и контролировали значительную часть территорий.

Таким образом, мы можем выделить первые особенности Нижневолжского фронта, проявившиеся уже в начале его формирования:

1. Освоение новой территории было продиктовано стратегическими и коммерческими интересами государства.
2. На присоединенной области отсутствовало оседлое автохтонное население, что заметно облегчало процесс освоения присоединенных территорий.

В 1589 г. возводится Астраханский кремль. Внутри крепости располагался военный гарнизон. Местному населению – им являлись юртовские татары – селиться в крепости было запрещено. Также им не разрешалось

возводить свои оборонительные сооружения, но они могли занимать территорию близ крепостных стен. Таким образом, население Астрахани к концу XVI в. состояло из двух этнических групп, разделенных кремлевской стеной: русской и татарской. В результате образовывается условная граница – территория между заселенной и незаселенной землями, где происходит столкновение и взаимодействие двух культур. Образовавшаяся область взаимодействия и есть фронтир.

В данной ситуации русские выступали как колонизаторы южных земель государства. На них возлагались задачи по хозяйственному освоению территорий, их охране, регулированию отношений с татарским населением. Ногайские орды, кочующие по незаселенным территориям, воспринимались, как союзники. В отличие от процессов европейской колонизации Америки, где действительно происходило столкновение двух цивилизаций, и стабильное положение на территориях поддерживалось применением силы, в Нижнем Поволжье все было иначе. Тотальное принятие татарского населения и кочующих ногайских орд, как носителя иной культуры, отсутствовало. Москва проводила политику задабривания, даря подарки ногайской элите. Многие ее представители или их дети были вхожи в число русской знати. Более того, некоторые известные княжеские роды берут свое начало именно из татар: Юсуповы, Уваровы, Аракчеевы и другие [7, с. 112]. Конечно, немалую роль в подобном восприятии иной культуры сыграло тесное взаимодействие с монголо-татарами в период с середины XIII по вторую половину XV в. Таким образом, следующая особенность, характеризующая именно Нижневолжский фронтир – отсутствие противоречий по поводу уровня цивилизационного развития и принятие Чужой культуры вместо попыток ее искоренить, что стало залогом относительно стабильной и спокойной обстановки на Нижней Волге.

По мере увеличения города с конца XVI по середину XVII в. и образования его новых частей – Белого и Земляного городов – расширялся и этнический состав региона. Помимо русских переселенцев, город стремительно заполняли персы, индийцы, армяне, хивинцы и другие. Это было связано с выгодным географическим положением, благодаря которому Астрахань стала центром международной торговли. Через Астрахань проходили торговые пути из Европы на Восток и наоборот. Московское царство получило возможность налаживать торговые связи с Востоком. Это способствовало притоку иностранных купцов со всего мира, в первую очередь из Персии, Армении, Бухары, Индии и других. Оказавшись в иной культурной среде, они продолжали следовать традициям и верованиям своего народа, что не возбранялось русскими соседями.

За пределами городских стен, в первой половине XVII в. в степи Нижнего Поволжья приходят калмыки, которые ранее кочевали на территории Западной Монголии. Их взаимоотношения с московским правительством определялись договорами-шертями, которые неоднократно нарушались калмыцкой стороной [3, с. 6]. Тем не менее, они, как и ногайцы, являлись союзниками Москвы. Они жили автономно, не ограничивались в использовании земельных угодий, их судебной-административная власть и обычаи были сохранены. К середине XVIII в. со стороны астраханских губернаторов всё более настойчиво проводилась политика по ограничению ханской власти, ограничению свободы пользования землей и пастбищами. В результате, большая часть калмыков покинула нижневолжские степи, и направилась в Джунгарию. Ханская власть была упразднена. Оставшиеся калмыки получили право жить в улусах, находящихся под контролем Астраханской губернии [3, с. 7]. Вследствие этого они достаточно быстро перешли на оседлый образ жизни, интегрировались в особые условия региона и стали участниками процесса развития Нижнего Поволжья.

Сложившуюся обстановку очень ярко описывает в своих дневниках отечественный писатель и путешественник В. И. Немирович-Данченко: «Толпа валила со всех сторон, и какая толпа! Зеленые халаты и пестрые чалмы бухарцев, черные чуши расшитых позументами армян, высокие конусы персидских бараньих шапок, голые груди и лохмотья калмыков, серые кафтаны ногайских татар. <...> В толпе порою мелькают длинные белые чадры армянок; вся в красном, гремя серебряными монетами бесчисленных своих подвесок, пробирается богатая калмычка; а там, в сером месиве бедняков ногайцев, в их серых валеных шляпах, желтое пятно гелюнга с желтым суконным блином на голове. А вон и красные рубахи русских поволжан словно маков цвет вспыхнули. Вся эта восточная толпа молча делает свое дело, только русские горланят вовсю мочь, переругиваясь с казаками астраханскими, между которыми тоже немало скуластых калмыцких лиц» [4, с. 265].

Итак, следующая характерная черта Нижневолжского фронта – выгодное географическое положение, проявившееся в умеренном климате и близости реки Волги. Отчасти, благодаря ему, в XVI–XVII вв. на территории Нижнего Поволжья начинает складываться особое пространство, где происходит непрерывный диалог между носителями отличных друг от друга культур, контакты между различными хозяйственными и социальными системами, формируются особые условия и законы для жизни на данной территории, которые способствуют ее частично самостоятельному существованию в рамках государства. Развитие региона подобным образом стало возможно по причине его статуса как приграничного, а также удаленности от центра страны. В этом состоит еще одна особенность южного фронта.

В конце XVII – начале XVIII в. в регионе появляются первые немцы. Это были наёмники в составе военного гарнизона, исповедовавшие католицизм и лютеранство. После выхода манифеста Екатерины II «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах» в 1763 г., в Среднее и Нижнее Поволжье направились большие потоки иностранцев, в частности – немцев [5, с. 22]. Это неслучайно: XVIII в. связан с новым этапом хозяйственного освоения незаселенных степных территорий на юге государства. Увеличивается состав русского населения по причине переселения выходцев из Рязанской, Воронежской, Костромской и других центральных губерний в пустующие степные зоны Астраханской губернии. Подневольно переселяются государственные крестьяне в соответствии с манифестом Екатерины Великой. Появляются поселения и крестьян-землепашцев, которые стремились укрыться на юге от крепостного гнета. Близ р. Волги образуются

поселения астраханских ловцов – часть из них были беглецы из центральной части страны, пришедшие в Астрахань и ее окрестности в поисках лучшей жизни и, конечно же, богатства. В результате этих переселений, в скором времени пустынные степи превратились в сады, огороды и бахчи.

Во второй половине XVIII в. в степях Нижней Волги появляются поселения ногайцев-карагашей – выходцев из Малой Ногайской Орды, примкнувших к калмыкам в начале XVIII в. После ухода большинства калмыков в Джунгарию, они перешли в подданство Российской империи. Им выделили земли в Красноярском уезде Астраханской губернии [5, с. 30]. Тогда же, во второй половине XVIII века, Черноморский район занимают поселения средневожских татар – казанских и мишарских.

В результате освоения новых степных территорий, увеличения количества поселений, происходит изменение границы южного фронта: она продвигается на северо-запад. Тем не менее, Нижнее Поволжье всё ещё остается фронтальной зоной. Таким образом, нижевожскому фронту свойственна еще одна черта – подвижность.

По мере освоения, территория Нижнего Поволжья приобретает известность как регион изобилия. Имели ценность местные рыбные ресурсы. «Рыбный лов на Волге снабжает Россию не только соленой рыбой, но также икрой и вязигой, которые известны как изысканные лакомства не только у русских, но и у всех восточных народов...» – писал Александр Дюма в «Путевых впечатлениях о России» [2, с. 279]. Многие иностранные и отечественные путешественники выделяли как один из символов богатства нижевожского региона именно изобилие рыбы и ее субпродуктов, а также ее стоимость. Адам Олеарий – голландский путешественник, посетивший Астрахань в 1631 г., в своем «Описании путешествия в Московию» говоря про осетровые породы, констатировал: «рыбы этой бездна везде в Волге, и она здесь очень дешева» [1, с. 69]. Голландец Ян Струйс, путешествовавший по стране во второй половине XVII в. и посетивший вожские земли, был приятно обрадован количеством осетровой икры, получаемой из белуги и известной и ценной как в Европе, так и в Азии [1, с. 126].

Примечательно, что рыба, хоть и самое главное, но не единственное, чем славились Вожские степи. Еще одной статьей дохода являлась соль, добываемая из многочисленных степных солончаков. Астраханская соль была уникальна тем, что она лежала на поверхности, не было никаких шахт, искусственных бассейнов. «Ее нужно только брать, продавать и употреблять; следовательно, Астраханские степи ничуть не беднее самой Калифорнии» [7, с. 13].

Особым ресурсом являлись и ловчие птицы – беркуты, соколы, ястребы и другие. Ценность птиц была высока, так как они являлись одним из подарков восточным правителям от русского государя во время посольств. Чтобы предотвратить обесценивание такого дара, ввели запрет на их вывоз с целью продажи. Хотя на самом деле эти птицы были недорогими, высокая стоимость была лишь у птиц, хорошо натасканных на дичь [6, с. 47].

Любопытно, что еще одним символом изобилия территорий Нижнего Поволжья, кстати, как и американского фронта, были меха и кожа, в особенности каракуль, а также изделия из этих материалов, являвшиеся предметом роскоши [6, с. 46].

Таким образом, следующая характерная черта нижевожского фронта – изобилие природных и животных ресурсов. Они действительно играют важную роль в процессе образования фронта, так как его формирование наиболее вероятно там, где возможна добыча ресурсов.

Частым явлением в Астрахани и ее окрестностях были смешанные семьи. Например, вышеупомянутые русские переселенцы из центральных губерний, бежавшие к Волге в поисках богатства и лучшей жизни, зачастую приходили без семьи, без денег. Уже оказавшись на месте, они создавали новую семью. Их женами зачастую становились представительницы других народов: татарки, калмычки, казашки. Выбор невесты зависел от нового места жительства мужчины. Например, в с. Ракуша соседями русских были калмыки. Русские беглецы умыкали калмычек из семей и создавали с ними свою семью. Нередко и казаки женились на себе калмычек. Персы брали в жены татарок. Данные примеры показывают, что смешение кровей на территориях Нижнего Поволжья – явление распространенное. Здесь оно распространено гораздо шире, чем в остальных регионах государства, следовательно, метисация – очередная характерная черта нижевожского фронта.

Таким образом, за период с XVI по XIX в. Нижнее Поволжье сформировалось как уникальный регион, где происходят встречи и взаимодействие различных культурных, хозяйственных и социальных систем. В результате таких встреч образовалось особое пространство, имеющее уникальные языковые, алиментарные, хозяйственные, вестиментарные и поведенческие черты. В рамках данного пространства была создана специфическая культурная среда, существующая по своим правилам, отличным от остальной части государства. Это пространство и есть нижевожский фронт. Основными характеристиками данного фронта являются:

- 1) освоение территории Нижнего Поволжья было продиктовано стратегическими и коммерческими интересами государства;
- 2) отсутствие автохтонного (коренного) населения;
- 3) выгодное географическое положение;
- 4) наличие более двух фронтальных акторов на одной территории, что способствует развитию Нижнего Поволжья, как полиэтнического и поликультурного региона;
- 5) развитие региона как самостоятельной части государства по причине его статуса как приграничного, а также в силу удаленности от центра страны;
- 6) подвижность границы фронта;
- 7) наличие ценных ресурсов: рыбных, минеральных (соль) и животных (птицы, меха и кожа);
- 8) высокий уровень метисации как в сельской местности, так и в городской.

В силу выше указанных особенностей, на территории Нижнего Поволжья в рамках фронта сформировалось особое культурное пространство, где происходит непрерывный культурный диалог, характеризующийся взаимодействием представителей разных этносов, трансформацией их картины мира, а главное – толерантным отношением к представителям других культур, что наш регион демонстрирует и по сей день.

Список источников и литературы

1. Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань, 1896. Вып. 1.
2. Дюма А. Путевые впечатления в России: в 3 т. М., 1993. Т. 3.
3. Ежегодник Астраханского краевого музея. Этнографический отдел. Калмыки. Астрахань, 1928.
4. Немирович-Данченко В. И. По Волге. (Очерки и впечатления летней поездки). СПб: И. Л. Тузов, 1877.
5. Сызранов А. В. Этносы и этнические группы Астраханской области. Астрахань: ОМЦ НК, 2008.
6. Якушенков С. Н., Якушенкова О. С. Американский фронт и российские аналоги в Поволжье и на Нижней Волге // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 1.
7. Взгляд на Астраханские степи // Журнал Министерства внутренних дел. 1858, февраль.

ПЕРСИДСКИЙ ИМПОРТ ЧЕРЕЗ АСТРАХАНСКИЙ ПОРТ В XVIII в.

Пирова Рена Низамиевна,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», г. Махачкала*

С самого начала XVIII в. импорт персидских товаров в Россию через Астраханский порт был ориентирован на потребности мануфактурного производства в России. На его объемы в первую очередь влияла емкость производства и другие факторы экономического характера.

В первой половине XVIII в. астраханское направление азиатского импорта обеспечивало внутренний рынок, прежде всего, шелком (сырцом и выделанным) и различными произведениями текстильной промышленности. Эти статьи привозной торговли в общей структуре импорта составили в 1733 г. 85 % (на сумму 159 тыс. руб.), а в 1744 г. 93,5 % (всего на 860 тыс. руб.) [7, с. 84]. Соответственно, все остальные импортируемые из Персии в Астрахань товары, составляли незначительное и в процентном и в числовом выражении значение [2].

Как мы уже упоминали, объем импорта полностью зависел от спроса сырья и товаров на российских мануфактурах. В 1720–1740-е гг. произошел определенный рост в шелкоткацкой промышленности России, в связи с чем возникла потребность в увеличении ввоза шелка-сырца из Персии. Следует отметить, что в рассматриваемый период импорт шелка через Астрахань полностью обеспечивал потребности российского шелкоткацкого производства. При этом это был исключительно иранский и азербайджанский шелк, который, как следует из отчета эксперта Мануфактур-коллегии И. Одара, стоил в два раза меньше, чем шелк такого же качества из Европы [1].

Шелк из персидских провинций также отправлялся персидскими купцами транзитом в европейские страны. Свидетельство того, что импорт шелка увеличивался в рассматриваемый период – данные академика А. И. Юхта. В своей работе он отмечал, что в 1733–1734 гг. к Астраханскому порту было привезено около 1600 пудов шелка-сырца, а в 1744–1745 гг. – 9000 пудов [7, с. 87]. При этом в 1840-е гг., нужды российской шелкоткацкой промышленности покрывались 2000 пудами в год [7, с. 94].

Постоянной статьей импорта из Персии, повторяющейся в ведомостях XVIII в. – золото и серебро (в слитках и монетах) иранского и индийского происхождения; драгоценные камни и жемчуг. Эти ценности купцы сдавали по установленным расценкам, или в Астраханскую губернскую канцелярию или в Монетную контору в Москве. Затем золото и серебро шло в переделку, в том числе использовалось и при чеканке российской монеты. Этот вид импортируемых ценностей пошлинному обложению не подлежал, так как Россия нуждалась в золоте и серебре и драгоценных камнях.

Также в первой половине XVIII в. к Астраханскому порту привозили значительное количество меди, в виде лома. В 1730–1740-е гг. такой привоз к Астрахани составлял несколько тысяч пудов. В 1733 г. – 2,5 тыс.; в 1744 г. – 3,1 тыс. [7, с. 94]. Иранская медь использовалась ремесленниками мануфактуристами в производстве, так как российская уральская медь в это время поступала на внутренний российский рынок в очень небольших количествах. Большая часть российской меди шла на чеканку мелкой монеты, а иранская медь, к тому же, отличалась более высоким качеством, и была более пригодна для изготовления посуды и других товаров из нее [5, с. 97].

Импорт хлопчатой бумаги из персидских прикаспийских провинций способствовал развитию российской хлопчатобумажной промышленности, особенно с 1760-х гг. Также импорт других товаров из Ирана удовлетворял потребности самых разных слоев российского общества: дворянства, купечества, городских низов, нерусских народов империи. Определенные выгоды от пошлинного обложения имела и российская казна.

Во второй половине XVIII в. структура импорта персидских товаров через астраханский порт не претерпел существенных изменений. Но в этот период изменились условия российско-азиатской торговли и интерес промышленников к восточным товарам. В эти десятилетия импорт из года в год уступал показателям российского экспорта на астраханском направлении (среднегодовые показатели: импорт около 300 тыс. руб., экспорт около 380 тыс. руб.). В структуре импорта были следующие товары (в порядке убывания значимости): шелк-сырец; белый, крашеный, вареный по цветам хлопок-сырец и хлопчатая пряжа; ткани и изделия из них; меха, овчины и шкуры; другие товары.

По-прежнему в привозе доминировал шелк-сырец. В некоторые годы по показателям стоимости шелк-сырец составлял 82–84 % от всего импорта [6, с. 30–31]. Причем в Россию ввозились сразу несколько сортов: высококачественный лези; среднего качества зор и ваза (особенно в 1780–1790-е гг.); низкокачественный ардаш. Доминировал

в структуре импорта шелк-сырец высокого качества (60–97 %). Привозились в незначительном количестве и шелковые полуфабрикаты (так называемый вареный шелк).

В течении второй половины XVIII в., в среднем в год через Астраханский порт в Россию ввозилось 3,5 тыс. пудов шелка-сырца. В это время произошло изменение цен на шелк, которые в течении первой половины века были неизменными. Сорт лези в Астрахани стоил от 50 руб. за пуд [6, с. 30–31] в первой половине XVIII в., а во второй – 60 руб. [6, с. 30–31]. Цена сорта ардаш увеличилась с 35 до 55 руб. за пуд [6, с. 30–31]. Цена полуфабриката наоборот понизилась – с 75 до 50 руб. за пуд [4, с. 348].

Основными пунктами производства шелка, отправлявшегося в Астрахань из Персии в первые десятилетия XVIII в., были Дербент, Баку, Шемаха и Гилян. В 1730-е гг. доминировал импорт из Баку, в 1740-е гг. (и позднее) – из Гиляна [6, с. 30–31].

С 1760-х гг. и до конца века, основным местом производства шелка в Персии стали Гилянская и Ширванская провинции и шелк-сырец в Астрахань поставлялся из портов Баку и Энзели, которые географически близко располагались к этим центрам шелководства. Таким образом, в рассматриваемый период, Азербайджан в составе Ирана, становится одним из ведущих центров производства шелка на Ближнем Востоке. Согласно статистическим данным, уже в конце XVII в. в Ширване производилось от 100 до 125 тыс. пудов в год шелка-сырца. В Азербайджане и в целом Иране, соответственно, на порядок больше. Купцы, привозившие в Россию шелк через Астрахань, указывали также другие места его приобретения: Ардебиль, Шека, Тебриз, Нахичевань и т. д. [7, с. 102].

Шелк, привозившийся к Астрахани, никогда в полном объеме не предназначался для российских фабрик. Определенная часть его переправлялась транзитом через российскую территорию в Европу. Из Астрахани шелк следовал в Москву, затем в Санкт-Петербург, далее – в Европу на торговых кораблях. По данным А. И. Юхта, в 1730-е гг. транзит составлял 1600 пудов в среднем за год, на сумму около 120 тыс. руб.; а в 1740-е гг. – уже около 4000 пудов, на сумму 285 тыс. руб. [7, с. 76].

А вот объемы транзита шелка во второй половине XVIII в. определить труднее. Комплекс документов, который бы подробно освещал этот транзит, до сегодняшнего дня не обнаружен, только отдельные сведения. Из справки Петербургской таможни за 1752 г. следует, что в море за границу в этом году было выпущено 684 пудов шелка, стоимостью в 30–35 тыс. руб. [7, с. 46]. Отсутствие сведений, позволило некоторым авторам сделать вывод о том, что в этот период транзит шелка в Европу совсем не осуществлялся, а весь привезенный из Ирана шелк целиком употреблялся на российском производстве [5, с. 118]. Но объемы шелка-сырца, привозившегося в Астрахань во второй половине XVIII в., свидетельствуют о том, что транзит этого сырья, возможно, не осуществлялся в отдельные годы, но совсем не прекращался. Как известно, потребности российской промышленности не превышали 3000 пудов в год, следовательно, все, что привозилось сверх этого, транзитом следовало в Европу [3, л. 65]. Небольшие объемы вывоза шелка в Европу были связаны с нестабильной политической ситуацией в Иране, а также с тем, что в Европе иранский шелк не выдерживал конкуренцию с шелком итальянского и греческого происхождения. Тем не менее, данные статистики позволяют сделать вывод, что ежегодный транзит иранского шелка в рассматриваемые десятилетия составлял 500–600 пудов [7, с. 67].

В течение XVIII в. увеличился импорт хлопка и полуфабрикатов из него (хлопка-сырца и пряденой бумаги) через Астрахань. Повышалась и удельная стоимость хлопка в общем объеме импорта и в 1780–1790-е гг. составляла 13 %, что, конечно, же значительно меньше, чем импорт шелка. Но с течением времени разрыв сокращался, и уже с 1778 г. импорт хлопка обгоняет импорт шелка в количественном сравнении (хлопка было ввезено 52846 пудов, а шелка – 32160 пудов) [5, с. 119]. Но хлопок стоил гораздо меньше, чем шелк. Во второй половине XVIII в. установились стабильные цены: 7 руб. 50 коп. стоил пуд хлопка-сырца и 10 руб. – пуд пряденой бумаги [6, с. 45].

Хлопок в Астрахань поступал из Ирана, но происходил из Средней Азии, Закавказья и самой Персии. Иранские купцы перекупали их в местах производства, а затем отправляли уже из иранских портов в Астрахань. Поэтому и импорт этих товаров мы определяем как иранский. Тем более, что хлопок иранского производства доминировал в астраханском импорте в рассматриваемый период. Например, в 1780 г. 76 % хлопка поступило из Баку, в 1787 г. 76,5 % – из Дербента, которые в тот период были иранскими провинциями [7, с. 76].

Еще одной важной статьей импорта были ткани. Они реализовывались и во внутренних губерниях России и вывозились транзитом в Европу. Шелковые, золототканые и другие дорогие ткани находили спрос в среде привилегированных слоев российского общества, недорогие полушелковые и хлопчатобумажные – у средних слоев. В первой половине XVIII в. ткани из Персии и провинций Закавказья в структуре астраханского импорта из этих регионов составляли 25–44 %. Но во второй половине века их удельный вес снизился до 13–14 %, особенно в 1780-е гг. [6, с. 46].

Таким образом, мы видим, что объемы импорта из Персии в Астрахань в течение XVIII в. определялись в основном, привозом трех групп товаров: шелка, хлопчатой бумаги и тканей. В конечном итоге, этот импорт отвечал потребностям молодой российской текстильной промышленности и в целом, способствовал ее развитию.

Список литературы и источников

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 9, № 6652.
2. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 24, № 17739.
3. Российский государственный архив древних актов. Ф. 19. Оп. 1. Д. 236.
4. Рубинштейн Н. Л. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII века // Исторические записки АН СССР. 1955. Т. 54.
5. Рябцев А. Л. Торговля России со странами Востока во второй половине XVIII в. М.: МГПУ, 1995.
6. Семенов А. И. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г. СПб., 1859. Ч. 3.
7. Юхт А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е гг. XVIII в.). М.: ИРИ, 1994. 261 с.

**ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 40-х – НАЧАЛЕ 50-х гг. XX в. В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ.
ДВИЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ ХРАМОВ И ОТКРЫТИЕ НОВЫХ ПРИХОДОВ
(НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ ГКУ АО «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ»)**

Полякова Мария Ильинична,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

К началу Великой Отечественной войны 1941 г. церковная жизнь в Астраханской епархии, как и по всей стране, находилась в полном упадке. В результате репрессивной политики советского государства в г. Астрахани было закрыто около 30 православных приходских церквей, все монастырские и домовые храмы. Богослужения в последнем действующем Покровском соборе представители горсовета приостановили в июне 1941 г. А в августе 1941 г. Астраханский окрисполком отдаёт Покровскую церковь под хранилище продуктов «в связи с острым недостатком складских помещений».

В сельской местности также в 1930-х гг. закрывались все церковные приходы, последними отбирались у верующих небольшая деревянная Казанская церковь с. Ильинки и церковь св. Александра Невского с. Разино Володарского района Нижне-Волжского края. Решения об их закрытии принимались в сентябре 1941 г. Володарским райисполкомом и Астраханским окрисполкомом [1–3].

С началом Великой Отечественной войны советская власть, которая целенаправленно уничтожала церковные здания и священнослужителей, под влиянием внешней силы даёт послабление Русской православной церкви. Грозная опасность, нависшая над самим существованием государства, заставила советское правительство изменить политику в отношении РПЦ. Этому способствовало и обращение митрополита Московского Сергия (Страгородского) ко всем православным верующим страны встать на защиту Отечества, сделанное им в первые дни войны.

Уже 1 октября 1941 г. Сталинградским облисполкомом была послана председателю Астраханского окружного совета депеша под грифом «секретно» с сообщением: «...присланные материалы о закрытии церквей с. Разино и с. Ильинка рассмотрением временно приостановлены. В случае если в этих селах найдутся общины верующих, желающие взять в свое пользование здания церквей для отправления религиозных обрядов, Вам следует представлять таковые этим общинам» [4]. Это требование уже 23 октября 1941 г. так же секретно было передано на исполнение председателю Володарского райисполкома Супенкову [5].

Осенью 1941 г. православные верующие добились разрешения церковных служб на кладбище Астрахани в небольшом храме-часовне, построенном купцом И. Губиным в честь св. Иоанна-Предтечи. Настоятель храма о. Павел Нечаев вместе с прихожанами не переставал ходатайствовать об открытии Покровского собора, который был возвращен верующим весной 1942 г. К счастью, его внутреннее убранство, иконостасы сильно не пострадали. Став кафедральным, Покровский собор больше не закрывался.

В 1943 г. высшее руководство страны, учитывая благотворительную и патриотическую деятельность духовенства, окончательно отказалось от планов уничтожения Церкви и религии, активно осуществлявшихся в предвоенные десятилетия, и переходит к некоторому возрождению церковной жизни под государственным контролем. Такими правительственными мероприятиями «потепления» в отношениях с церковью стали:

- встреча И. Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) в Кремле 4 сентября 1943 г.;
- начало работы собора русских епископов (16 из 19 епископов были доставлены из лагерей и ссылок) и избрание митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси 8 сентября 1943 г.;
- начало деятельности Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР, который осуществлял связь между Правительством СССР и Патриархом Московским и всея Руси 14 сентября 1943 г.;
- 28 ноября 1943 г. вышло Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей».

На момент издания Постановления на территории Астраханской области действовало всего три храма [6, с. 82]. 25 декабря 1943 г. в день памяти Святителя Спиридона Тримифутского в Астрахань вернулся из ссылки архиепископ Филипп (Ставицкий), и началась его неутомимая кипучая деятельность по церковному устройству вверенной ему епархии [7, с. 438]. Одной из главных задач для владыки Филиппа было вернуть Церкви на правовой основе, предоставляемой государством, отобранные, но еще уцелевшие астраханские храмы. Сохранившиеся архивные документы уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви Астраханской области позволяют проанализировать движение верующих за открытие храмов в период с 1943–1952 гг. и вклад в это дело правящего архиерея, а также реакцию советских властей на этот процесс.

Основным инициатором к открытию церкви по действующему на тот момент положению являлась группа верующих (так называемые двадцатки). К членам двадцатки предъявлялся ряд требований. Так, все члены двадцатки должны были быть совершеннолетними, не лишены по суду избирательных прав, из числа местных жителей. При этом к заявлению прикладывался список лиц православного вероисповедания, подписавших ходатайство.

Уже в конце 1943 г. в Астраханском крае, как и в целом по стране, начались письменные групповые обращения верующих об открытии храмов, которые должны были пройти согласование с местными органами власти, а в случае принятия положительного решения направлялись в Совет по делам Русской православной церкви. После предварительного решения Совета ходатайства об открытии храмов поступали в Совет народных комиссаров и затем снова в Совет. Такой бюрократический прием был направлен на ограничение количества открываемых храмов.

В 1944 г. в ведение Астраханской епархии возвращается для совершения богослужений трех престольный каменный собор св. Иоанна Златоуста г. Астрахани. По инициативе архиепископа Филиппа (Ставицкого) правый его придел в честь Толгской иконы Божией Матери переименовали в честь иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих радость» для утешения и поддержки русского народа в скорби, причиненной бедствиями Великой Отечественной войны. Приходской совет храма возбудил вопрос о восстановлении двухъярусной каменной колокольни Иоанно-Златоустовской церкви по проекту архитектора В. И. Черняева. Проект этот был отклонен отделом по делам архитектуры Астраханского облисполкома 23 ноября 1948 г., но разрешено было соорудить около церкви звонницу [8].

В 1945 г. общинам верующих были возвращены два храма на окраинах г. Астрахани: 13 января – Спасо-Преображенский храм в Трусовском районе, 28 апреля – Петропавловская церковь в п. Свободном Микояновского района г. Астрахани. 11 июня 1946 г. разрешены богослужения в церкви св. Николая Чудотворца в поселке XX лет Октября Трусовского района г. Астрахани.

Всего в период с 1945 по 1947 г. в Астраханской области было открыто 11 церквей и молитвенных домов, в том числе:

- молитвенный дом с. Владимировки Владимирского района 13.09.1945;
- -церковь Михаила Архангела с. Пироговки Сасыкольского района 28.06.1945;
- -церковь Рождества Богородицы с. Никольского Енотаевского района 13.09.1945, вмещающая около 5 тыс. прихожан;
- -церковь в с. Капустин Яр Капустиноярского района 16.04.1946;
- -церковь Николая Чудотворца с. Биртуть Икрянинского района 08.01.1947;
- -молитвенный дом с. Сероглазки Енотаевского района 08.01.1947;
- -Казанская церковь с. Ильинки Марфинского района 28.04.1945;
- -церковь св. благоверного кн. Александра Невского с. Разино Зеленгинского района 13.01.1945 (вероятно, две последние церкви заново прошли регистрацию) [9].

В 1947 г. в состав Астраханской области включено село Черный Яр с церковью св. Апостолов Петра и Павла, открытой в 1940-х гг.

При решении вопроса открытия церкви или молитвенного дома верующие сталкивались с рядом труднопреодолимых проблем. За период массового закрытия приходов большая часть храмов, особенно в южных районах Астраханской области, были разрушены, сохранившиеся здания использовались под склады, зернохранилища, клубы и светские учреждения. С момента подачи ходатайства до получения разрешения мог пройти не один год. В документах уполномоченного Совета по делам РПЦ при Астраханском облисполкоме сохранилась переписка по обращениям жителей сел Оля, Нижний Баскунчак, Ново-Николаевки, Каспийска, Вышки, Замьян, Каменного Яра, Ватажного, Троицкого об открытии в их селах молитвенных домов. Местные власти под разными предлогами отклонили эти прошения [10].

Жители сел Лимана, Промысловки и Яндык просили об открытии молитвенного дома на три их села, и получили отказ по причине отсутствия церковных зданий. Церкви в с. Яндыки и Промысловка были закрыты еще в 1924 г., а впоследствии разобраны [11].

Большинство открывавшихся сельских храмов представляло собой малочисленные периферийные приходы, удаленные от крупных сел и районных центров, где представители советской власти и райкомы компартии препятствовали регистрации православных общин. Яркий пример этому – ходатайство верующих об открытии Свято-Троицкого собора в районном центре с. Енотаевки, закрытого в 1936 г. и приспособленного под зернохранилище. По документам госархива можно составить хронологию борьбы за возвращение этого храма, которая продолжалась десятилетиями.

Верующие начали ходатайствовать об открытии енотаевского собора уже в 1944 г. Это видно из письма Архиепископа Астраханского Филиппа (Ставицкого) в Совет по делам Русской православной церкви от 21 декабря 1944 г. Владыка сообщал, что православного населения г. Енотаевска насчитывается не менее 2 тыс. человек и несколько тысяч верующих окрестных сел и деревень. От верующих поступало ему очень много письменных и устных просьб об открытии храма. Владыка писал: «...Открытие церкви в г. Енотаевске не только необходимо с точки зрения религиозной, но и важно с точки зрения политической: в отношении возбуждения чувств особой симпатии и глубокой благодарности правительству за его заботу о религиозных потребностях верующих масс, а также поднятия духа патриотизма и бодрого настроения в настоящий великий момент жизни нашей родины...» [12].

В другом своем письме в Москву от 30 марта 1947 г. владыка Филипп сетует на то, что верующие уже три года тщетно добиваются открытия у них Троицкого собора. Он сообщал: «В Астраханской области есть небольшой городок Енотаевск. Верующие этого города еще с 1944 года хлопочут об открытии имеющейся у них церкви; неоднократно они обращались и ко мне, и к Уполномоченному по Астраханской области Кулемину П. В. Мною чуть ли не дважды было представлено мое заключение о необходимости открытия в Енотаевске церкви. Но вот уже скоро будет три года, как возбуждено это ходатайство, а результатов никаких нет...» [13].

В архивном деле сохранились списки православных верующих с их подписями, составленные енотаевской общиной в разные годы. В список от 15 ноября 1946 г. включено 250 человек.

10 октября 1947 г. не добившись возвращения каменного собора в честь Святой Живоначальной Троицы, жители Енотаевки ходатайствовали о возвращении верующим деревянной енотаевской кладбищенской церкви в честь Казанской иконы Божьей Матери, на что также получили отказ. В решении Астраханского облсполкома от 3 апреля 1948 г. приводились следующие причины: «...это церковное здание используется под складское помещение

районной конторой Заготзерно, причем внутренняя часть здания капитально переоборудована под зернохранилище, и вокруг него на расстоянии 15-ти метров вновь построены складские помещения, вместительностью до 1000 тонн зерна. Таким образом, на организацию данного районного пункта хранения зерна райконторой Заготзерно затрачены значительные государственные средства и само б/церковное здание, вследствие его внутренней и частично наружной перепланировки под складское помещение, не может быть использовано под церковные цели...» [14].

Но главной негласной причиной отказа в регистрации Енотаевского прихода местной властью было нежелание иметь действующий православный храм в районном центре. Так, в своем ответе 18 октября 1949 г. секретарь Астраханского облисполкома Линьков писал в Совет по делам Русской православной церкви при совете министров СССР «... Архиепископ Филипп поднимает вопрос о каменной церкви /собор/. Исполком облсовета не может с этим согласиться, так как собор находится в самом центре с. Енотаевск, здесь же рядом с ним расположены Енотаевские районные организации, парк, кинотеатр, школа...» [15].

После этого, как свидетельствовал уполномоченный по делам РПЦ Н. Гульгазов, делегации верующих из Енотаевки ежегодно приезжали в Астрахань с просьбами об открытии собора. Последняя делегация была в октябре 1956 г. и оставила письменное заявление, подписанное 45 гражданами [16], а 24 декабря 1956 г. прошение верующих, которое подписали 76 человек, было послано в Москву уполномоченному по делам РПЦ при Совмине СССР Г. Г. Карпову. В заявлении написано: «Мы, граждане г. Енотаевска честные, трудолюбивые, исполнительные... лишившиеся многих сыновей и братьев, павших на поле брани при защите Родины, исповедуем Православную христианскую веру – носительницу мира, любви и всепрощения... Вера Христианская является нравственным устоем нашим, опорой в трудах и заботах житейских и утешением в огорчениях и невзгодах... Мы и наши отцы выстроили собор на свои добровольные пожертвования и, безусловно, вправе считать его имуществом нашего коллектива, а посему почтительно просим Вас, уважаемый Председатель совета, оказать нам всемерное содействие к открытию Троицкого собора для Богослужений...». В прошении указывалось, что на ближайшие 100 километров нет не одного действующего храма способного вместить верующих Енотаевки и окрестных сел [17].

Неоднократно в 1948, 1949 и 1954 гг. жители Енотаевска обращались к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I, но и его ходатайство в Москве не увенчалось успехом, т. к. все обращения возвращались на усмотрение местных органов власти [18].

И все же, несмотря на активную пропаганду в обществе атеизма и коммунистических идеалов, в русском народе сохранялась православная вера, и находились люди, способные настойчиво отстаивать свои религиозные убеждения перед властью имущими.

В заключении хотелось бы отметить, что несмотря на изменение вектора отношений в сторону улучшения государственно-церковных отношений после 1943 г., действующая политика государства и царившая идеология не могли способствовать полноценному возрождению церковной жизни. Данный период некоторого потепления церковно-государственных отношений продлился не долго, и с приходом к власти Н. С. Хрущева стал быстро сворачиваться, что повлекло за собой закрытие уже действующих на тот момент церковных общин.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р. 2828. Оп.1. Д. 87. Л. 6.
2. ГААО. Ф. Р. 2828. Оп.1. Д. 86. Л. 1об.
3. ГААО. Ф. Р. 1095. Оп.1. Д. 515. Л. 1.
4. ГААО. Ф. Р. 1095. Оп.1а. Д. 25. Л. 131.
5. ГААО. Ф. Р. 1095. Оп.1а. Д. 25. Л. 146.
6. Редькина О. Ю. Мордвинов С. В. Православное духовенство Нижней Волги и Дона в 1940–1953 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. 2014. № 6 (30). Л. 81–89.
7. Очерки Истории Астраханской епархии за 400 лет её существования. Ростов-на-Дону, 2002. Т. 2.
8. ГААО. Ф. Р. 3371. Оп. 1. Д. 4. Л. 86, 87.
9. ГААО. Ф. Р. 3371. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.
10. ГААО. Ф. Р. 3371. Оп. 1. Д. 7. Л. 53–72, 107–110, 141–146.
11. ГААО. Ф. Р. 3371. Оп. 1. Д. 7. Л. 104.
12. ГААО. Ф. Р. 3371. Оп. 1. Д. 7. Л. 56–56об.
13. ГААО. Ф. Р. 3371. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.
14. ГААО. Ф. Р. 3371. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-2 об.
15. ГААО. Ф. Р. 3371. Оп. 1. Д. 4. Л. 99.
16. ГААО. Ф. Р. 3371. Оп. 1. Д. 7. Л. 59.
17. ГААО. Ф. Р. 3371. Оп. 1. Д. 7. Л. 63–65.
18. ГААО. Ф. Р. 3371. Оп. 1. Д. 7. Л. 69.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ УСЛОВИЙ ЗАЧИСЛЕНИЯ В ВОЙСКОВОЕ СОСЛОВИЕ АСТРАХАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В ПЕРИОД 1737–1883 гг.

Синенко Олег Леонидович,

аспирант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань,

научный руководитель: Олейников Алексей Владимирович,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Согласно наиболее распространенной формулировке, сословие представляет собой социальную группу, обладающую определенными передаваемыми по наследству правами и обязанностями, закрепленными в обычае или законе. В Российской империи, помимо четырех основных сословий – дворянства, духовенства, городского населения и крестьянства, законодательством выделялось еще одно – казачье войсковое сословие. Казачье войсковое сословие представляло собой особую социальную группу, освобожденную от ряда государственных повинностей, в первую очередь – подушной подати, при условии пожизненного пребывания на действительной военной службе. Длительный процесс становления и правового оформления казачьего войскового сословия, начавшийся на рубеже XVII–XVIII вв., приблизился к переломному моменту в конце XIX в., с принятием ряда законодательных актов, в значительной степени преобразивших вопросы о сословном состоянии, порядке несения государственной службы и о порядке земельного обеспечения казачества. Существенным изменениям также подвергся порядок зачисления в казачье войсковое сословие представителей прочих сословий, описываемых в «Полном Собрании законов Российской империи» общим термином «невойсковое сословие». Тем не менее, влияние, оказываемое данными преобразованиями, не отличалось единообразием в отношении отдельных территориальных сообществ – законы, регулирующие совокупность факторов, характерную для одного казачьего войска, были бы практически не актуальны для остальных. В особенности это относится к вопросу о зачислении в войсковое сословие, в особенности для казачьих войск, формировавшихся искусственно, таких как Астраханское казачье войско. История рассматриваемого вопроса в данном воинском формировании весьма богата и продолжительна.

Для формирования наиболее полной картины процесса изменений условий зачисления в войсковое сословие Астраханского казачьего войска, следует рассмотреть преобразования, которые претерпел данный вопрос с момента издания указа Правительствующего Сената о формировании казачьей команды из 300 человек 4 января 1737 г. до выхода 19 января 1883 г. «Высочайше утвержденного Положения о службе казаков вне своих войск, о выходе из войскового сословия и зачислении в оное», внесшего последние существенные изменения в данный вопрос. А. И. Бирюков описывает ситуацию, сложившуюся до принятия первого Положения об Астраханском казачьем войске следующими словами: «Принятие в полк посторонних не имело для себя каких-либо законом установленных правил и зависело исключительно от размера потребностей в казаках и взгляда на дело полкового командира» [3, т. 2, с. 3]. Вместе с тем, события, имевшие место на этапах формирования трехсотной команды и пятисотенного полка, оказали значительное влияние на дальнейшие изменения порядка зачисления в войсковое сословие Астраханского казачьего войска.

Фактор тесного взаимодействия с азиатскими народностями, с учетом его влияния, на само возникновение и дальнейшее развитие Астраханской трехсотной команды, можно назвать основополагающим. Свою главную роль по охране границ и защите российских подданных от набегов кочевников астраханские казаки изначально делили с союзниками калмыками, из крещеных представителей которых и велся набор в трехсотную команду под командованием полковника А. Слободчикова, учрежденную в 1737 г. Тем не менее, ряд культурных различий и общая непривычность зачисляемых калмыков к казачьей службе, воспрепятствовали благополучной реализации данной идеи. Из полностью сформированной к маю 1737 г. трехсотной команды, уже спустя несколько месяцев бежало около половины личного состава, а к январю 1739 г. в ней числилось только 107 человек. Также немаловажную сыграл и тот факт, что зачисленные в команду калмыки придерживались кочевого образа жизни, тем самым усложняя возможности по их организации и контролю над ними. Неудачный опыт попытки полного комплектования казачьей команды путем набора в нее крещеных калмыков вынудил Губернскую Канцелярию издать указ о прекращении их зачисления на казачью службу, а также продемонстрировал необходимость поиска иного подхода к данной проблеме. Выходом из сложившейся ситуации стало причисление к команде живших в Астрахани казачьих детей, самостоятельно заявивших о своем желании нести службу, подав Астраханскому губернатору прошения о зачислении в трехсотную команду полковника А. Слободчикова. После проведения формального опроса и взятия с них обязательства «что бегать из службы не будут, и каждый из них будет при своем оружии» [3, т. 1, с. 25], просители были приведены к присяге и определены на службу. Проведенные в дальнейшем подобные наборы показали положительные результаты, в результате чего с 1743 г. команда, в течение некоторого времени, пополнялась казаками исключительно из русских, и, в первую очередь, из потомственных казаков.

Преобразование трехсотной команды в Астраханский казачий конный полк повлекло за собой изменения в порядке приема на казачью службу. Как и раньше, для укомплектования полка разрешалось набирать в казаки крещеных калмыков, татар, казачьих детей и разночинцев, не положенных в подушный оклад. Комплектование казачьего полка продолжало производиться за счет русского населения, преимущественно казачьего сословия: на службу принимались дети Астраханских казаков; переселявшиеся в Астрахань казаки Донского, Волжского, Яицкого и Терского казачьих войск; Саратовские, Самарские и Алексеевские городские казаки; переселенцы из разных губерний.

По большей части, перемены затронули процедуру проверки желающих поступить на службу. До зачисления их в полк положено было удостовериться в следующем: не являются ли они чьими либо крестьянами, не положены ли в подушный оклад, не числятся ли за ними каких-либо преступлений, а также достоверны ли предоставленные ими сведения о местности, в которой они прописаны, и звании. Тем не менее, затраты времени на осуществление данной процедуры были весьма существенны, в то время как длительное ожидание без дела, для многих зачисляемых было невозможным. В результате полк рисковал испытывать постоянный некомплект. Возникшая проблема была решена приказом Губернской Канцелярии, позволявшим командиру полка записывать в казаки всех желающих, из имеющих на это право, не дожидаясь завершения проверки, при том, что «если кто из казаков по справке потом окажется чьим либо крестьянином и вообще записанным в подушный оклад, то по прежнему всегда выключен и обратно отдан быть может» [3, т. 1, с. 37].

В «Истории Астраханского казачьего войска» упоминаются случаи исключения казака, оказавшегося записанным в число ямщиков Тамбовского яма, а также отказа в принятии зачисляемому, на котором, в процессе проведения осмотра, были обнаружены рубцы, похожие на следы понесенного наказания кнутом. Подобный порядок зачисления на службу в Астраханский казачий конный полк не подвергался существенным изменениям вплоть до его преобразования Положением от 7 мая 1817 года в Астраханское казачье войско, завершившего процесс слияния служилого казачества, жившего на территориях от Астрахани до Саратова в одну общую административно-служебную единицу. Данный процесс вступил в фазу наибольшей активности с начавшимся в 1784 г., в рамках мероприятий по увеличению численного состава, присоединением к Астраханскому казачьему конному полку команд городских казаков и казаков бывшего Волжского войска, оставшихся на Волге, после его окончательного перевода на Терек. После присоединения к полку в 1804 г. Дубовской команды, необходимость в приеме желающих поступить на службу значительно ослабла, «ибо для пополнения законом установленного комплекта казаков в полку достаточно было подраставших казачьих малолетков» [3, т. 2, с. 3].

Преобразование пятисотенного полка в Астраханское казачье войско существенно повлияло на процесс изменений условий зачисления. Воинское формирование подобного уровня, в силу своих размеров и сложной организационной структуры, неизбежно сталкивалось с большим количеством проблем, нежели казачья команда или же полк, что отразилось на динамике и характере рассматриваемого процесса. Вместе с тем усилился государственный контроль над всеми сферами жизни астраханского казачества. Общие, для всех казачьих войск указы, зачастую не соответствовали специфическим факторам Астраханского казачьего войска, что не только не способствовало разрешению актуальных проблем, но и вело к возникновению новых. Результатом стало ужесточение условий зачисления, а также значительное учащение случаев их изменения, в соответствии с насущными потребностями войска.

Положение 1817 г. подтверждало право Астраханского казачьего войска «приумножать сословие свое рядовыми казаками из татар, киргизцев и прочих иностранцев, вступающих по желанию их в Российское подданство, равно и из других иностранцев, в подушный оклад не положенных» [4, т. 34, с. 276], вместе с тем строго запрещая прием казенных и помещичьих крестьян. Однако спустя несколько лет началась реализация комплекса мер по пресечению деятельности лиц, поступающих на службу исключительно с целью получения материальных выгод и удержанию лиц, зачисленных в войсковое сословие, от выхода из него. В апреле 1823 г. Высочайшим повелением, касающимся всех казачьих войск, право приема на казачью службу было ограничено – «требовалось, чтобы в иррегулярных войсках и полках служили только люди, происходящие из среды их; посторонних же, как офицеров, так и нижних чинов в них не принимать» [3, т. 2, с. 5]. Более того, согласно данному повелению, разночинцы не могли более состоять на службе в Астраханском казачьем войске. Однако уже в сентябре 1823 г. была принята поправка, позволяющая оставить на службе всех разночинцев азиатского происхождения и принимать их в казачье войско, однако остался в силе запрет на прием русских и европейских разночинцев. Положение дел оставалось неизменным вплоть до выхода в 1828 г. законодательного требования, согласно которому все разночинцы, как состоящие на службе в Астраханском казачьем войске, так и принимаемые в будущем, обязаны были пожизненно оставаться в казачьем сословии. Практически в то же время были внесены существенные изменения в закон, запрещающий прием на службу русских и европейских разночинцев. Было получено разрешение о применении, с рядом отличий, к Астраханскому казачьему войску Высочайшего повеления 1829 г., допускавшего прием в Кавказские казачьи линейные полки однодворцев и казенных крестьян по плакатным паспортам, без запроса на согласие станичных обществ. В полной же мере, данное повеление было применимо к Астраханскому казачьему войску лишь в течение одного года, по истечении которого, при зачислении желающих поступить на казачью службу, становилось необходимым запрашивать согласие станичных обществ. Вслед за этим, в 1830 г. войсковой атаман объявил, что «в казаки будут приниматься только такие лица, которые способны нести действительную военную службу» [3, т. 2, с. 6]. На основании этого, все желающие поступить на службу в Астраханское казачье войско, подлежали личному осмотру со стороны атамана, либо полковых командиров. Подобное изменение порядка зачисления в войсковое сословие в значительной степени уменьшало возможность поступления на службу лиц, ищущих в этом исключительно материальные выгоды.

Со вступлением в силу необходимости запроса согласия станичных обществ на принятие новых членов, приток в войско посторонних практически остановился. Основной тому причиной называется нехватка у станиц надельной земли. Данная проблема нашла свое отражение в «Высочайше утвержденном положении об Астраханском казачьем войске» 1845 г. – «По недостатку в войске земель, прием в оное сторонних лиц впредь воспрещается» [5, т. 20, с. 85]. Данный запрет оставался практически неизменным более двадцати лет, за несколькими исключениями. Спустя два года – в 1847 г., было принято Положение об управлении калмыцким народом, допускавшее зачисление калмыков в казачье сословие. Тем не менее, в силу того, что данный закон не был согласован с Положением 1845 г.,

он не применялся вплоть до 1858 г., когда Военный совет, ввиду необходимости пополнения численного состава войска, дал на это разрешение. Вслед за этим, в 1866 г., прием калмыков был снова запрещен.

Следующим существенным изменением в порядке зачисления посторонних лиц на казачью службу стало принятие 21 апреля 1869 г. общего для всех казачьих войск закона «... о зачислении в казацки войска лиц невоинского сословия». А. И. Бирюков описывает это событие, как наступление поры раскрепощения казачества. Согласно данному закону, «Зачисление в казацки войска лиц невоинского сословия, не имеющих военных и гражданских чинов, может быть разрешено главным местным начальством, но не иначе, как по особо уважительным причинам; на зачисление же в войсковое сословие лиц, имеющих военные или гражданские чины, требуется сверх того разрешение Военного Министерства» [5, т. 44, с. 360]. При этом зачисляемые в войсковое сословие обязаны были приписаться к какой-либо станице, следовательно, получить на то разрешение станичного общества, что, с учетом ряда обстоятельств было маловероятным. В. В. Скворцов в «Историко-статистическом очерке Астраханского казачьего войска» описывает положение дел следующим образом: «Общества неохотно дают приговоры на прием в станицу не только посторонних лиц, но даже желающих перейти из одной в другую станицу лиц казачьего сословия; между тем как на выпуск из юрта всякое станичное общество, по первой просьбе желающих, изъявлением согласия не останавливается, рассчитывая, что с выпуском лиц, а тем более семейств, уменьшится расход на снабжение увольняемых станичными довольствиями и вот по этой причине зачисляемые ныне в казачье сословие, как и прежде, суть только взятые в замужество за казаков из постороннего сословия девицы или женщины» [7, с. 154].

В дальнейшем, правила зачисления в войсковое сословие не изменялись до 19 января 1883 г., когда было принято «Высочайше утвержденное Положение о службе казаков вне своих войск, о выходе из войскового сословия и зачислении в оное», несколько расширявшее права желающих поступить на казачью службу. В законе было уделено особое внимание тому, что зачисленными в войсковое сословие могут быть лишь лица, «которые намерены водвориться в станицах, и намерены приносить пользу обществам» [6, т. 3, с. 16]. Положение 1883 г. более четко определяло процедуру подачи прошения о зачислении в войсковое сословие. Прощение адресовалось напрямую Наказному Атаману, и к нему должны были быть приложены следующие документы: приемный приговор станицы, куда просящий намерен зачислиться, а также метрическое свидетельство просящего. Также офицеры и чиновники, чьи прошения утверждались Военным Министерством, были обязаны предоставлять послужные списки, аттестаты или указы об отставке, а лица городского или сельского сословий – увольнительные приговоры от обществ. Наглядным примером реализации данной процедуры может послужить прошение крестьянина А. Т. Васильева о «принятии его с семейством в казачье сословие Астраханского войска, с определением на жительство в станицу Грачевскую» [1, л. 5] 1883 года. К самому прошению прилагаются метрические выписки о рождении и крещении его детей, приговор общества Грачевской станицы, а также увольнительное свидетельство Градско-Стрелецкого Волостного старшины. Однако данный единичный случай не позволяет подробно рассмотреть наиболее проблемный этап процесса зачисления в войсковое сословие, а именно – получение одобрения станичного общества. В особенности, с учетом того факта, что крестьянин Васильев, согласно предоставленным сведениям, проживал «в станице Грачевской в собственном доме вот уже около 35 лет» [1, л. 4]. Тем не менее, А. И. Бирюков, касательно положения дел после принятия закона 1883 г. отмечает следующее: «Собственно у нас особенно большого наплыва посторонних в описываемую эпоху отмечать не приходилось; станичные общества довольно скупой выдавали просятелям свое согласие, справедливо ссылаясь на тесноту юртовых земельных наделов» [3, т. 2, с. 12]. Это подтверждают статистические данные, приведенные в переписке с Наказным Атаманом Астраханского казачьего войска, относительно сведений о зачислении в войсковое сословие разных лиц за 1883–1897 гг. В среднем количество зачисленных в войсковое сословие за год составляло около 90 человек, подавляющее большинство которых, составляли женщины, вступившие в брак с казаками. В итоге, тех к кому непосредственно относились требования закона о зачислении в войсковое сословие, в год прибывало около 16 человек [2, л. 41].

Процесс изменения возможности и условий принятия лиц невоинского сословия в Астраханское казачество прошел весьма долгий путь. Трехсотная команда А. Н. Слободчикова, начав свое существование с неудачной попытки набора на службу непривычных к ней крещеных калмыков, нашла выход из критической ситуации, пополнив свои ряды желающими из среды потомственных казаков. Требования, предъявляемые к зачисляемым на казачью службу несколько ужесточились с преобразованием трехсотной команды в полк, однако все еще не были законодательно оформлены и зависели, в большинстве случаев, от решения полкового командира. С принятием Положения о войске 1817 г. характер и динамика данного процесса претерпели существенные изменения. Фактически утратила свою актуальность проблема некомплекта войска – последовал ряд запретов на прием в войско посторонних, а участвовавшие изменения в вопросе зачисления в войсковое сословие теперь соответствовали исключительно его насущным потребностям. Завершающая фаза данного процесса ознаменовалась окончательным снятием запрета на прием в войсковое сословие, а закон 1883 г. несколько расширил права желающих поступить на службу и дал определение процедуре подачи прошения о зачислении. Таким образом, после 1883 г. в Астраханское казачье войско зачислялось, следуя законодательно оформленной процедуре, весьма малое количество лиц, пожизненно записанных в казачье сословие и способных к несению действительной военной службы. Между тем, детальное изучение данного процесса на всех его этапах представляется затруднительным, ввиду малочисленности исторических источников, относящихся к этому вопросу. То же можно сказать и об исследовательских работах, затрагивающих данную тему, что, однако, ничуть не сказывается на их научной ценности и качестве их исполнения – они позволяют увидеть всю картину событий в общих чертах, следовательно, более подробное исследование данной проблемы и прочих, тесно с ней связанных, остается лишь вопросом времени и правильного подхода.

Список источников литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 146.
2. ГААО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 164.
3. Бирюков А. И. История Астраханского казачьего войска. Саратов: Астраханское казачье войско, 1911. Т. 1–2.
4. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года / Государственная публичная историческая библиотека. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 34.
5. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание второе: С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года / Государственная публичная историческая библиотека. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830–1885. Т. 20, 44.
6. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание третье: С 1 марта 1881 года по 1913 год / Государственная публичная историческая библиотека. СПб: Гос. тип., 1885–1916. Т. 3.
7. Скворцов В. В. Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска. Саратов, 1890. 409 с.

ЕНОТАЕВСКАЯ КРЕПОСТЬ В СВЕТЕ РОССИЙСКО-КАЛМЫЦКИХ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОБЛЕМУ БЕЗОПАСНОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ³

Торопицын Илья Васильевич,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет, г. Астрахань,*

Кундакбаева Жанат Бековна,

*доктор исторических наук, профессор,
Казахстанский национальный университет им. Аль-Фараби,
Республика Казахстан, г. Алма-Ата,*

Сусеева Данара Аксеновна,

*доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания,
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», г. Элиста*

В первой половине XVIII в. Нижнее Поволжье представляло собой слабозаселенную территорию. Первый астраханский губернатор А. П. Волынский отмечал: «от Саратова до Астрахани между городов по двести и по триста верст, жила никакого нет, того ради как купецким людям, так и протчим проезжим (и рыбным ловцам), от Калмыков и от Кубанцов чинится великое разорение и работных людей берут в плен, также и зимою проезд зело труден, того ради по моему мнению надобно между городов еще сделать, хотя малые городки для прибежища проезжим и для закрытия пустоты (от неприятельских набегов), выбрав к поселению удобные и безопасные места, дабы не так безопасно было неприятельским партиям чинить набеги...». Особое внимание А.П. Волынский обращал на территорию по Волге между Астраханью и Черным Яром и предлагал «построить между Астрахани и Черного Яру на середине одну хотя малую крепость, выбрав к тому удобное место» [5, с. 29].

Аналогичных взглядов на проблему обеспечения безопасности в Нижнем Поволжье придерживался и генерал-аншеф В. Я. Левашов, командовавший русским корпусом в персидских провинциях. В 1735 г. он направил в Коллегию иностранных дел план р. Волге от Царицына до Астрахани, сопроводив его своим мнением, что «между Астрахани и Царицыным на таком великом разстоянии только один городок Черный Яр и тот от кубанцов и от бунтующих калмык не редкие нападения и утеснения претерпевает». В. Я. Левашов, обрисовав ситуацию, предложил построить городки по правобережное («нагорной») стороне Волги между Царицыным, Черным Яром и Астраханью. Один из них, по его мнению, должен был находиться в урочище Каменный Яр, а другой против Енотаевского острова. «И никакие суда оных миновать не могут, и берега крепкие и не осыпные и к выезду способные и скоту места пажитные» [1, л. 1–10б.].

В 1730-х – начале 1740-х гг. обстановка на Нижней Волге резко обострилась. Калмыцкий владетель Дондук Омбо выступил против калмыцкого хана Черен Дондука. Российские власти поддержали калмыцкого правителя, и это вынудило Дондука Омбо уйти со своими сторонниками в Крымское ханство. С большим трудом российским властям удалось разрешить возникший внутрикалмыцкий конфликт и вернуть в орбиту российского влияния значительную часть калмыцкого населения [7; 17]. В период активного участия калмыков в русско-турецкой войне 1736–1739 гг. их улусы стали подвергаться нападениям со стороны казахов, относительно недавно вступивших в российское подданство [15].

В этой обстановке калмыцкий хан Дондук Омбо направил весной 1740 г. в Санкт-Петербург своего посланца Темир Болата с просьбой о строительстве на Яике двух крепостей для охраны его улусов от казахов. «Каждый год приходят на нас касики и улусы наши разоряют и к себе забирают», писал он, но калмыки не могут отомстить им, поскольку их войско употреблялось против крымских и кубанских татар, с которыми воевала Россия. Дондук Омбо отмечал, что прошедшая зима была очень трудной – выпал «превеликий снег», скоту было сложно прокормиться и множество его пало. Казахи четыре раза нападали на них и захватили пленных. «Ныне когда уведают, что оскудение и не в состоянии, – писал Дондук Омбо, – то чаятельно, что они с вещею силой на нас придут». Поэтому он просил

³ Работа выполнена в рамках стратегического проекта «Калмыкия как трансграничный регион в восточном векторе России», реализуемого в рамках программы развития Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова как опорного регионального университета и поддержанного внутривузовским грантом 2019 г. № 1094 «Русско-калмыцко-казахские отношения» (на материале документов Калмыцкой комиссии, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, в бытность его главой В. Н. Татищева).

построить на Яике две крепости – одну у Индерских гор, а другую – повыше Гурьева городка, а также направлять им на помощь яицких казаков [2, л. 12об.]. Правительство пообещало подумать над этим предложением [3, л. 2].

В свою очередь царицынский комендант П. Ф. Кольцов и состоящий при калмыцком хане подполковник Л. Боборыкин представили в 1740 г. Коллегии иностранных дел совместное мнение относительно Волжского казачьего войска, предложив расселить волжских казаков ниже по Волге в трех местах – один городок должен был располагаться между Царицыным и Черным Яром, а два других между Черным Яром и Астраханью. В качестве аргументов выдвигались следующие: «киргиз-кайсакам в приходе их к Волге страх будет», «кубанским татарам по-прежнему для воровства на Волгу приходить будет опасно», «для отвращения калмыцких смятений и для ханского охранения тем войском волским по близости весьма спокойной случай быть может и калмыки, которые будут при таких случаях в верности, видя в близости российские войска, надежнее против непослушников действовать будут, якоже и противу кубанцев и казаков, ежели оным когда случится на калмык прийти, немалое ободрение возымеют» [1, л. 3об.–5], но и на этот раз рассмотрение вопроса затянулось.

В 1741 г. после смерти хана Дондука Омбо в калмыцких улусах начался новый виток борьбы за власть между различными группировками знати. Новым калмыцким замешательством вновь решили воспользоваться казахи и напали на них. Многодневные сражения завершились мирным договором, который казахские и калмыцкие владельцы заключили между собой без посредничества российских властей [9, с. 27; 6, с. 218–220; 18, с. 274]. На фоне этих событий правительство России создает Калмыцкую комиссию, главой которой определяет тайного советника В. Н. Татищева.

Оказавшись в калмыцких улусах, В. Н. Татищев достаточно быстро сориентировался в обстановке и добился от калмыцкой знати признания владельца Дондука Даши наместником Калмыцкого ханства. В целях его безопасности в зимний период правительство России в ответ на просьбу наместника указывает в грамоте руководителю Калмыцкой комиссии В. Н. Татищеву от 30 ноября 1741 г. построить на Нижней Волге небольшую крепость и дома для Дондука Даши и его служителей, российской воинской команды и чиновников, а саму крепость укрепить артиллерией [9, с. 29].

На этом фоне интересно сравнить отношение российских властей к просьбам о строительстве городов представителей разных кочевых народов, состоявших в российском подданстве. С ними к российским властям обращался не только наместник Калмыцкого ханства Дондук Даши, но и хан Младшего казахского жуза Абулхаир. И если для Дондука Даши была построена Енотаевская крепость, то просьба Абулхаир-хана построить для него город на р. Сырдарье не была удовлетворена, что может свидетельствовать о разном отношении российских властей к этим двум степным правителям.

К тому же строительство города в Нижнем Поволжье и в Приаралье должно было восприниматься в российских правящих кругах по-разному. Бассейн р. Сырдарьи представляла собой малознакомый регион для российских властей, тогда как Нижнее Поволжье к тому времени уже несколько веков контролировалось Россией. Неудивительно, что даже Оренбург смогли основать лишь с третьего раза, каждый раз все ближе передвигая его обратно к российским границам. При этом, обращаясь с просьбами о строительстве города, и наместник Калмыцкого ханства, и казахский хан отказывались жить в уже существующих городах Астрахани и Оренбурге. По всей видимости, в губернских городах, являвшихся опорными пунктами российской администрации, степные правители чувствовали себя неуютно, ощущая свою зависимость от российских властей. Не случайно и Дондук Даши и Абулхаир-хан просили построить для них города на значительном удалении от Астрахани и Оренбурга.

Непосредственно в Енотаевской крепости полагалось построить дворы для Дондука Даши и его зайсангов, а также для полковника Л. Боборыкина, определенного при наместнике Калмыцкого ханства, российских офицеров и других служителей. В крепости должны были располагаться гарнизонная пехотная рота и небольшая церковь. «А для прочих Дондук Дашиных калмыков и драгунской роты и двухсот казаков команды реченого полковника Боборыкина построить при той крепосце слободы, обнеся оные острогом». Как свидетельствуют документы Национального архива Республики Калмыкия, строительством этой крепости В. Н. Татищев занимался от начала до конца (выбор местности, план строительства, формирование отрядов строителей, организация конкурса на закупку строительной древесины, процесс строительства и т. д.) [10, с. 188].

Подготовка к выбору места под строительство крепости для наместника Калмыцкого ханства началась зимой 1742 г. Работа была поручена генерал-майору П. де Бриньи (Дебринию). Получив от него письмо о «съеме планов к строению крепости», В. Н. Татищев, ставший к тому времени астраханским губернатором, написал ему в ответ 11 января 1742 г.: «по нынешнему времени довольно того, что тем самым местам, где крепости быть, снять планы, а около их леса и сенные покосы описать хотя бы меры примером и при том показать, какие в тех местах будут реки или озера и протчие подобные тому».

Непосредственные работы по топографированию местности были поручены кондукторам инженерного корпуса Прокопию Варыпаеву и Андрею Панину. Инструкция от 3 января 1742 г. предписывала им выехать на местность, находящуюся между Астраханью и Черным Яром и изучить урочища: Енотаевское и Екибирское, а также местность напротив Круглого острова или против острова Долгого на предмет их пригодности к строению планировавшейся крепости. Кондукторам дали в помощь двух астраханских юртовских татар, знающих указанную местность. Они должны были в сопровождении майора Владимирского драгунского полка Орлова обследовать каждое место, отмечая, «где удобно в близости большим судам приходить». Кондукторы должны были обращать внимание на то, чтобы берег не сильно подмывало водой, чтобы в окрестностях находились леса, а по берегам и близлежащим островам имелись сенокосные угодья [12, с. 188].

Выбор места под строительство крепости для наместника Калмыцкого ханства оказался не простым. Как отмечает Н. Попов, этот вопрос вызвал продолжительные споры: «наместник предлагал одно, астраханские торговые и сведомые люди – другая, пока не остановились на Енотаевском урочище». В. Н. Татищев послал подробное донесение в Коллегию иностранных дел о своих распоряжениях относительно строительства нового городка. «Енотаевская крепость, говорил он, не для одного калмыцкого хана надобна, – пишет Н. Попов, – но и для того весьма потребна, чтоб ездящие Волгою россияне, на таком дальнем от Черного-Яру до Астрахани разстоянии, как в зимнее, так и в летнее время, могли иметь пристань и убежище от неприятельских набегов; сверх того, будущими в той крепости людьми способнее будет и рыбным промыслам близ оной крепости находящимся защищение чинить; а паче во время нужды разставленные по Волге форпосты в зимнее время не на пустом месте будут. Калмыцкого хана, владельцев и всех калмык к поселению городом и слободами весьма приохочивать надобно, ибо тогда их удобнее будет содержать в послушании, и тамошние пустые места оживлять, к сему при другом хане, который к тому охоты не возымев, приводить будет неудобно. Надо оную крепость от всех казенных сборов освободить» [10, с. 329–330].

Весною 1742 г. В. Н. Татищев, сопровождавший калмыцкую ханшу Джан с ее улусами вверх по Волге, вместе с офицерами и инженер-поручиком Даниилом Менделеевым лично побывал на месте строительства будущей крепости. «По усмотрению тайного советника, что от реки настоящего берега для полисадника и валу оставлено места для дороги и валу на 20 сажень, а понеже по крутоски и высоте того берега валу быть не для чего и от приходу неприятельского опасности нет того ради приказал той крепости быть ближе с берега и поставить токмо один палисадник». 24 марта Сенат распорядился выделить 5 тыс. руб. на покупку «потребных припасов и домов» к строению этой крепости [16, с. 49].

В августе 1742 г. В. Н. Татищев осматривал «начатую крепость и как оной крепости быть обстоятельно назначил, что быть у оной полигонам по 140 сажень и обыкновенное наружное укрепление». По его указанию к строительству крепостных укреплений были привлечены по 200 драгун и солдат, «кроме плотничьих и других работ». Возводить «Хоромное строение» приказано было «достальными салдаты и драгуны». За ходом работ наблюдал инженер-поручик Д. Менделеев [12, с. 186; 16, с. 49]. Тем временем наместник Калмыцкого ханства стал просить, чтобы в Енотаевской крепости построить «их калмыцкую церкву». В.Н. Татищев запросил от Дондука Даши «просительное письмо».

К концу 1742 г. Енотаевская крепость уже учитывалась местными властями как полноценный военный объект. Так, в донесении Военной коллегии от 10 декабря 1742 г. В. Н. Татищев сообщает, что следовавшие в Астрахань пехотные полки повстречались с бригадиром Фроловым-Багреевым «от Енотаевской вновь построенной Калмыцкой крепости в 26 верстах». 27 декабря 1742 г. на военном совете («консилиуме») в Астрахани Енотаевская крепость упоминается как место, где наряду с форпостами по Волге был расположен Астраханский драгунский полк [11, л. 589об.].

В сентябре 1744 г. Коллегия иностранных дел констатировала, что в 1742 г. Енотаевская крепость «для зимования наместнику ханства Калмыцкого Дондуку Даши и на команду обретающего при нем в калмыцких улусах полковника Спицына уже построена» [1, л. 60б.]. Но ее дальнейшее обустройство продолжалось и в последующие годы. Так, 7 ноября 1743 г. Астраханская губернская канцелярия приказала построить в Черном Яру и в Енотаевской крепости деревянные амбары «для поклажи казенного правянта и овса», из расчета, чтобы амбар мог вместить по три тысячи четвертей того и другого [4, л. 140]. В 1744 г. в Енотаевской крепости «за раскомандированием из гарнизона полков в Кизляр и в другие потребности по недостатку в гарнизоне людей то крепостное строение остановилось» [16, с. 50]. Тем не менее, зимой 1744–1745 г. она перешла в ведение подполковника Н. Спицына, состоявшего при наместнике Калмыцкого ханства.

«Росписной список крепости Енотаевской и имеющимся в оной материалам», имеющийся в Национальном архиве Калмыцкой Республики, позволяет судить о ее внешнем и внутреннем виде. Крепость была земляной, в нее вели ворота, при которых были устроены рогатки. В ней располагались четыре артиллерийские батареи, при которых находилось по одной деревянной будке. На вооружении гарнизона Енотаевской крепости были две медные пушки и четыре медных мортиры, а также сорок гранат. Рядом с крепостью располагался «транжамент», укрепленный земляным валом с воротами, предназначенный для размещения драгун и казаков. Помимо жилых помещений в «транжаменте» находились ледник для хранения продуктов, «лубянный» для хранения фуража и кузница. За «транжаментом на горе» были построены две конюшни с избой для караульщиков. Ближе к Волге «под горою» был устроен провиантский магазин, баня и еще одна кузница [8, л. 10об.–12об.].

Уже с первых лет своего существования гарнизон Енотаевской крепости стал активно нести службу. Осенью 1743 г., например, воинская команда из Енотаевской крепости оказала помощь каптенармусу Василию Черкашенинову в конвоировании крещеных калмыков от Чечеринского острова на Волге до Царицына [14, с. 123].

Помимо прямого военно-политического значения, появление в Нижнем Поволжье Енотаевской крепости имело и определенный экономический эффект. В. Н. Татищев писал 31 ноября 1743 г. в донесении императрицы Елизавете Петровне, что появление новых русских городков на Волге должно положительно сказаться на экономическом развитии местности и доходе казны, а вложенные в строительство городков деньги быстро окупятся. «Как я пример имею от построенной Енотаевской крепости, – указывал он, – которая со всем, кроме ханского дома и принадлежащих ему, мною более 4000 не станет, а за кабак ныне на первый год дали более 700 рублей, впредь же надеюсь, во оном не меньше 3000 рублей в год доходу будет и впусе лежащие воды будут приносить доходу» [13, с. 298].

В целях развития торговли с калмыками в Енотаевской крепости 5 февраля 1745 г. астраханский губернатор предписал подполковнику Н. Спицыну организовать в ней продажу хлеба из имеющегося там казенного магазина. В. Н. Татищев разрешил продать 200–300 четвертей ржаной муки. Эту продажу он поручил организовать «способным и верным двум людям» из числа казаков, состоящих в команде Н. Спицына. В дополнение к этому губернатор поручил Н. Спицыну сделать в Енотаевской крепости для продажи товаров 10 лавок и передать их в наем «охочим

людям». Одновременно в Астрахани приказано было подыскать среди купцов, русских или армян, «людей добрых», которые могли бы направить в Енотаевскую крепость товары для продажи калмыкам. Контроль над торговлей в крепости губернатор возложил на Н. Спицына. Организация торговли в Енотаевской крепости, по мнению В. Н. Татищева, привлечет к ней калмыков, что будет способствовать и улучшению организации работы самого подполковника Н. Спицына по получению различных сведений о положении дел в калмыцких улусах [8, л. 82–82об.]. В том же месяце в Енотаевской крепости приступили к строительству первых пяти торговых лавок из имеющегося казенного строительного материала [8, л. 139].

Интересно отметить, что на момент передачи Енотаевской крепости в ведение подполковника Н. Спицына наместник Калмыцкого ханства зимовал со своим улусом на реке Куме. В начале января 1745 г. его застал в том районе в кибитке капитан Петр Гак из Енотаевской крепости, написавший подробный отчет В.Н. Татищеву о своем пребывании в калмыцких улусах и переговорах с наместником и другими владельцами. Характерно, что первый вопрос, который задал Дондук Даши П. Гаку после прочтения писем от астраханского губернатора, касался безопасности улусов со стороны казахов: «спрашивал для предосторожности от кайсак фарпосты по Волге поставлены ль и в которых местах». Как отметил П. Гак, за три дня до его приезда в степь для охраны улусов выступило калмыцкое войско во главе с братом наместника Бодонгом. Дондук Даши намеревался оставаться в районе Кумы до праздника Цаган Сар, а после него, «буде большей стужи не будет», планировал перебраться к Волге. Но 9 января 1745 г. до него дошли сведения о появлении казахского отряда. Наместник сразу же сменил свою дислокацию, покочевав вниз по Куме до Кизлярской дороги, где переправился через реку и остановился в ожидании новых известий [8, л. 54–56].

Что заставило Дондука Даши зимовать в кибитке, в то время как в его распоряжении была целая крепость с многочисленной охраной? По всей видимости, наместник Калмыцкого ханства и российские власти по-разному оценивали ее роль в жизни калмыков. Как отмечает Н. Попов, в отличие от В. Н. Татищева Дондук Даши «гораздо менее принимал к сердцу будущность енотаевского поселения». Н. Попов склоняется к выводу, что наместник Калмыцкого ханства «несовсем доверял тому, что новая крепость строится для блага калмыцкого народа». Для него, считает Н. Попов, был гораздо важнее вопрос о рыбных промыслах по Волге, из-за которых велись давние споры между русскими и калмыками [10, с. 330].

Как можно видеть, идея расширения российского присутствия на Нижней Волге со времен губернаторства А. П. Волынского неоднократно поднималась как руководством Астраханской губернии, так и представителями военного командования. Осуществить эту идею получилось руководителю Калмыцкой комиссии и астраханскому губернатору В. Н. Татищеву. Строительство Енотаевской крепости было осуществлено в ответ на просьбу наместника Калмыцкого ханства, как оплот его личной безопасности и место зимовки. Однако в условиях мирных отношений с соседними народами Дондук Даши предпочитал сохранять свободу действий от российских властей, кочуя вне крепостных стен. При этом В. Н. Татищев придавал Енотаевской крепости не только военно-политическое значение. Он стремился сделать Енотаевскую крепость важным источником дохода для казны за счет расширения российско-калмыцких торговых связей и освоения окрестных земель и рыбных промыслов.

Таким образом, появление Енотаевской крепости стало ответом российских властей на проблему безопасности в русско-калмыцко-казахских отношениях 1730–1740-х гг. При этом российские власти и наместник Калмыцкого ханства по-разному оценивали роль и значение данной крепости в жизни населения Нижнего Поволжья. Ключевым здесь был вопрос контроля над поселением. Присутствие российских военных в крепости обеспечивало защиту Дондука Даши в случае нападения враждебных сил, но делало невозможным для него проведение самостоятельной независимой внутренней и, что особенно было важно для него, внешней политики, которой он активно занимался, несмотря на запрет на нее со стороны российских властей.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 103. Оп. 1. Д. 5.
2. АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1740. Д. 32.
3. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1740. Д. 2.
4. Государственный архив Астраханской области (ГАО). Ф. 394. Оп. 1. Д. 876.
5. Иванов П. И. Астрахань при Петре I. (Донесение в Сенат А. П. Волынского) // Москвитянин. 1854. № 14. С. 27–33.
6. Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е. И. В.» Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. Сер.: АИРО-монография. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.
7. Кундакбаева Ж. Б., Торопицын И. В. Дондук Омбо – путь во власть: от самоутверждения до официального признания калмыцким ханом // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2009. С. 180–182.
8. Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. И-36. Оп. 1. Д. 181.
9. Новолетов М. Калмыки. Исторический очерк. СПб, 1884.
10. Попов Н. В. Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия. М., 1861.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 203.
12. Сусеева Д. А. «Для построения оной крепостцы заугодные места усмотрены меж Астрахани и Черного Яра». В. Н. Татищев и Енотаевская крепость в русско-калмыцких отношениях. 1742–1745 гг. // Исторический архив. М., 2016. С. 185–190.
13. Татищев В. Н. Записки. Письма. 1717–1750. Научное наследство. М.: Наука, 1990.
14. Торопицын И. В. Переселение крещеных калмыков в Ставрополь на Волге // Архив Русской истории. 2002. № 7. С. 107–124.
15. Торопицын И. В. Оборона калмыцких улусов в 30–40-х гг. XVIII в. // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: в 2 ч. Элиста: Джангар, 2009. Ч. 1. С. 242–246.

16. Торопицын И. В. В. Н. Татищев: «... В Черном Яру, Енотаевской и Кизлярской крепостях... иметь крепкую предосторожность». Строительство и реконструкция укреплений в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе в 1740-х годах // Военно-исторический журнал. 2013. Вып. 3. С. 48–52.
17. Торопицын И. В. Служба казачьей команды при калмыцких делах в первой половине XVIII в. // Журнал фронтирных исследований. 2016. № 2. С. 23–42.
18. Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007.

«АСТРАХАНСКИЙ ЛИСТОК» В ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Чуканов Сергей Николаевич,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

научный руководитель: Рослякова Ольга Борисовна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

В августе 1914 г. открылась новая трагическая страница в мировой истории: началась Первая мировая война. Во всех газетах был опубликован манифест императора, в котором царь призывал: «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом». Высочайший манифест был напечатан также экстренными прибавлениями к уже подготовленным накануне номерам газет.

На следующий день тема войны вытеснила со страниц газет все другие темы. Перед сообщениями с фронта, сообщениями о манифестациях, ходе мобилизации и проходах новобранцев, статьями, направленными против немцев или пропагандирующими цели войны, потеснились происшествия и даже объявления, занимавшие прежде большую часть площади газеты. Это событие стало центральной темой первых месяцев 1914 г. и в астраханских газетах. Каждый номер Астраханского листка содержал телеграммы, описывающие ход боевых действий на разных участках фронта. При чем, победы и успехи русской армии и армий союзников выделялись большим, по сравнению с остальными телеграммами, шрифтом и заголовком, написанным крупными буквами. Кроме телеграмм, существовал раздел «Дневник войны», в котором давалась стратегическая характеристика ситуации на фронтах на данный момент, а иногда прогнозирование возможных действий армий. Кроме фактического описания событий с фронта, появлялись статьи, аналитического характера, уделялось много внимания характеристике особенностей начавшейся войны. В частности, автор статьи «Современная война» одной из особенностей считает достаточно быстрый перевод вооруженных сил страны с мирного положения на военное, другой особенностью, он видит изменение дислокации армии при подготовке к войне и умелое управление миллионными массами солдат. Автор, при сравнении начавшейся войны и с русско-японской, подчеркивает возрастания роли железных дорог и о влияние технического прогресса на войну [5, с. 7].

С первых же дней войны на страницах российской прессы стал формироваться неприглядный образ беспощадного и коварного врага. Кампания началась в связи с жестоким обращением немцев с оставшимися в Германии иностранцами. С началом крупномасштабных военных действий рассказы и слухи о «немецких зверствах» умножились. Неудивительно поэтому, что в России имели место уличные эксцессы. Газета сообщает о демонстрации антинемецкой направленности, участники которой, воровались в здание немецкого посольства и устроили погром. Остановить их удалось, только с помощью полиции [1, с. 6]. От погрома пострадали не только австро-немецкие подданные: толпа громила все магазины и конторы с иностранными вывесками, независимо от подданства или национальности их владельца, а в некоторых случаях и «даже чистокровных русских».

Огульное отрицание всего немецкого перекинулось и на интеллигенцию: различные научные общества стали исключать из своей среды германских и австрийских ученых. Очень быстро это обличение всего немецкого обратилось и против немецких элементов внутри России.

Создается негативный образ Вильгельма II, как человека преисполненного гордыней, причем гордыня свойственна не только германскому императору, но немцам в целом: «Его гордыне нет пределов. Когда он едет на автомобиле, то гудок шофера все время играет из Вагнера мотив бога Вотана. Его гордыня в значительной степени определяла собой всю психику современной Германии и, в особенности, современной германской гвардии» [3, с. 4]. На страницах газеты Вильгельма подвергают критике, как зачинщика общеевропейской войны: «Ужас всеобщей войны навлек на Европу Вильгельм. Ослепленный безудержным честолюбием, император Германии бросил вызов в лицо почти всей Европы [3, с. 4], и как правителя, который неспособен мыслить стратегически и совершенно не понимает современной мировой обстановки: «Азартный игрок, стоящий во главе Германской империи, утратил элементарнейшее качество правителя – чувство меры и веса» [3, с. 4]. И только мечом будет решено это общеевропейское дело с кровавым нарушителем мира и спокойствия целой Европы» [2, с. 4]. Объявление немцев о присоединении Бельгии, подвергается критике: «Новый образчик безразмерной немецкой наглости!» [4, с. 3].

Множество статей посвящено отношению немцев к иностранцам, например, члены комиссариата русской выставки в Копенгагене арестованы по подозрению в шпионаже, после допросов и обысков их отпустили. «Из сообщений членов комиссариата видно, что все они, не смотря на пережитые испытания, выступали перед немецкими чиновниками со спокойствием и полным сознанием своего достоинства» [2, с. 3]. Это далеко не единичный случай. В статье «Озверение германцев» описывается грубое отношение немцев к русским, и даже случаи беспричинного применения насилия к ни в чем неповинным людям [7, с. 3–4]. Подчеркивается презрительное отношение немцев к славянам: «Когда Немец говорит о славянских собаках, это не фраза, – он именно думает о собаках, и относится к нам, как к собакам» [3, с. 4]. Далее: «Немцы именно жили мыслью, что они раздавят, отнимут, и ни перед

чем не остановятся...» [3, с. 4]. Немцы критикуются за излишнюю агрессивность и милитаризм, которые являются пережитками прошлого: «Немцы оказались носителями отмирающих идей разбоя и убийства» [8, с. 3].

Наряду с критикой всего германского, формировался положительный образ Отечества. Россия, вместе с союзниками, представлялась защитницей цивилизации и всей европейской культуры от посягательства Германского милитаризма и заступницей за все славянские народы: «положение нашей родины в начавшемся катаклизме вдвойне благородное <...> мы встаем на защиту обиженных единоплеменных братьев <...> мы оказываемся в стане поборников культуры» [8, с. 3].

Не меньше внимания в Астраханском листке уделялось помощи раненым и семьям ушедших на фронт. Статьи на эту тему помещались в разделе «В помощь раненым и семействам воинов». Часть раздела посвящена призывам помочь раненым и семьям, из которых мужчин призывали на фронт. Приводилось моральное обоснование необходимости совершить пожертвование. Также печатались указания местным органам власти о размещении раненых, выплате пособий и оказания другой помощи солдатским семьям, помещались списки требуемых вещей. Значительную часть раздела была посвящена благодарностям частным лицам и организациям совершившим пожертвования. Кроме того, вне раздела помещались призывы о пожертвовании в пользу армии: «В этот день мы все, от мала до велика, имеем возможность, в единомудном порыве любви к дорогой отчизне, прийти на помощь в облегчении страданий наших доблестных защитников» [13, с. 6].

Еще одной темой, на которой редакция Астраханского листка акцентирует внимания читателя, являлась тема национального и политического единства российского общества перед лицом внешней угрозы. В частности, в статье «Два момента» сравнивается настроения общества во время русско-японской и начавшейся мировой войны. Начало Русско-японской войны было неоднозначно воспринято в российском обществе, причем даже представителями одного общественного слоя. Существовало множество взглядов и мнений о войне, велись споры, мнения расходились в широком диапазоне. Одни считали, что война Японией «лишь легкая прогулка русской армии», другие считали войну авантюрой, третьи были возмущены бесцельностью войны. Иные отстаивали необходимость победы, еще одни придерживались взгляда «чем хуже, тем лучше». Однако в умах сторонников всех взглядов, зрело предчувствие о возможном поражении. Настроения общества в текущей войне противопоставляются Русско-японской. В статье говорится о том, что начало войны объединило всех под лозунгом «да надо воевать». Одна великая цель захватила всех и все партии – воевать, чтобы защитить себя и мир от немецкой угрозы. Противопоставляя ощущению поражения в Русско-японской войне, уверенность в победе в мировой войне, автор использует такие фразы как «все слились в одном чувстве» «Великая сила единомудия и осознания свой правоты!», дабы оказать эмоциональное воздействие на читателя [3, с. 4].

В статье «Единение» поднимается вопрос об объединении разных народов и политических партий перед лицом внешней угрозы, подчеркивая незначительность внутренних национальных и политических противоречий перед внешним врагом. Пытаясь воздействовать на чувства читателя, автор использует яркие фразы: «Все мы – дети единой России!», «Забыты взаимные несогласия и обиды», «Наша новая Отечественная война показывает, как ничтожны разногласия мирного времени перед великой идеей человечности и защитой слабых от хищнических намерений сильного». В статье приводятся в качестве примера евреев, вызывающих к патриотизму и готовых служить России. Анализируя об отношении каждого человека, любой национальности, автор прослеживает, своего рода обоснование монархизма как, единственно подходящий формы правления в России в такое тяжелое время, который объединяет все народы и партии: «Правое дело на защиту, которого встал Царь, объединило правых и левых, и десятки племен, разбросанных по русской земле» [4, с. 5]. В некоторых статьях, мусульмане выражают готовность на ряду русскими гражданами защищать честь и целостность России [6, с. 4]. В других печатается информация о богослужении астраханских армян в поддержку русской армии, говорится, что Россия должна защитить мелкие народности, проживающие на ее территории, каждый гражданин должен помочь Верховному Вождю в защите государства [1, с. 3].

Особое внимание администрация и органы местного самоуправления, это подчеркивалось постоянно в газетных статьях, обращали на обеспечение населения продовольствием, а также предметами повседневного обихода. Имперские власти с первых дней войны вменили это местной администрации в качестве важнейшей обязанности. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков в июльском циркуляре 1914 г. потребовал от губернаторов «издания обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости и использовать всю полноту принадлежащей власти для борьбы со спекуляцией на почве общественных действий». Такого рода циркуляры печатались на страницах «Астраханского листка», для информирования населения. Центральные власти обязали губернаторов и всю губернскую администрацию принимать, при необходимости, экстраординарные меры для обеспечения населения продовольствием и другими жизненно важными товарами, регулировать цены, предотвращать дороговизну, пресекать спекуляцию, привлекать к организации снабжения армии и населения органы местного самоуправления и общественность, тесно сотрудничать с ними.

Но к войне относились все по-разному. Авторы газетных статей отмечают, что война усилила отрицательное отношение общества к буржуазии. Появляются предложения о нормировании цены на продукты, дабы умерить алчность торговцев [3, с. 6]. В статье А. А. Дернова-Ярмоленко дается краткая характеристика Астрахани, где «скверная обстановка жизни в городе и специфический «торгашеский дух», заставляет приносящих пользу людей уезжать из города» [5, с. 6]. Нелестные отзывы об астраханских купцах, в связи с завышением ими цен, отмечаются практически в каждом номере газеты. Их пренебрежительно называют «торгаши», пишут, что они «обнаглели» и «глумятся» над «несостоятельным человеком». Отрицательный образ торговца среди населения подкрепляется, не только из-за их ценовой политики, но и из-за их поведения, а возможно из-за желания нажиться в такой тяжелый час для страны, когда все население России объединилось перед внешней угрозой [7, с. 5].

Отрицательное отношение общества прослеживается и к крупным промышленникам, Их обвиняют в том, что они думают только о своей выгоде, даже в такой ситуации перед внешней угрозой для государства [11, с. 4]. Так, в статье «Покажите себя!» подвергаются резкой критике крупные астраханские рыбные и морские промышленники. На просьбу военных руководителей о поставке партии рыбной продукции, они предложили продукцию уже лежащую на складах, но неудобную по качеству приготовления, а также по таре, в которую была расфасована рыба для армии. Кроме того, промышленники подняли цена рыбной продукции на 90 %. Автор задается вопросом; «Русские промышленники! Да где же вы на самом деле? Есть ли у нас русские промышленники или только барышники на русской земле?...» [11, с. 4]. Позднее выясняется, что поставку для армии, про которую говорилось в прошлой статье, организовали без участия крупных рыбопромышленников [12, с. 4].

Другой пример не патриотичного поведения раскрывается в статье «Рыбопромышленники “Патривоты”». Сообщается, о том, что на совещание «по вопросу о материальном обеспечении семей, оставленных призванными по мобилизации на войну чинов сверхштатного рыбопромыслового надзора, содержащихся, как известно, исключительно за счет рыбопромышленников» явилось только трое из 15 приглашенных Рыбным управлением крупнейших рыбопромышленников, из-за чего заседание признали несостоявшимся. Такое поведение рыбопромышленников осуждается, их презрительно называют «селечные монархи» [12, с. 4].

Одним из вопросов, волнующих провинциальную общественность в начале войны, была вопрос о запрете на продажу крепких напитков. На страницах газеты помещается информация о запрете на продажу крепких напитков и наказание за нарушение запрета. Более строго стала регламентироваться продажа киндербальзама – сладкой слабой спиртовой настойки: теперь его можно приобрести только в аптеках и по рецепту врача [2, с. 4].

В «Астраханском листке» описывается положительный эффект политики по борьбе с пьянством: «Не слышно звуков пьяного разгула, брани и сквернословия. Невидно отвратительных сцен опьянения. Нет вина, нет и пьяных». Из этих слов можно сделать вывод, что проблема пьянства стояла достаточно остро. Описывая события до и после запрета на продажи водки и пива в городе, автор на контрасте показывает насколько остро стоял вопрос с употреблением алкоголя, и насколько эффективными оказались меры по борьбе с ним. Также поднимается вопрос о торговцах спиртным. Их дело называют «мерзким». На страницах газеты, отмечается одобрение горожанами политики властей, временно запрещающей торговлю спиртным, и даже предлагается продлить запрет [5, с. 5].

В последующих номерах вопрос о трезвости набирает обороты. Подчеркивается, что запрет продажи крепких напитков, повлиял положительно на общественный порядок и успешное преобразование общества без алкоголя: «Славное, честное, благородное и умное лицо показал наш мощный народ», «Посмотрите, как сразу превратившийся в народ гражданин, он понес на войну свою жизнь и свое страшное возмездие всемирному грабителю, залегающего сапогом прямо в горшок с кашей русского мужика» [9, с. 4]. Приводятся слова уездного астраханского исправника К.А. Сиповича: «Благодаря теперешнему закрытию казенных уездов стал неузнаваем по добронравию, и что целые сходы крестьян и целая депутация крестьянских жен благодарили за закрытие пивных и винных лавок, говоря, что только теперь они поняли, сколько выгод принесла им трезвость. Вот говорят, что русский народ способен и трудолюбив, – закончил г. Сипович, а от себя я добавлю, что в первый раз вижу, чтобы народ так охотно и деятельно работал, как сейчас, без водки». В статьях, посвященных подобной тематике, отчетливо прослеживается стремление корреспондентов показать правильность политики городских властей в отношении запрета продажи алкоголя, отмечалось, что рост уровня трезвости среди населения положительно повлиял не только на общественный порядок, но и на само общество в целом. С другой стороны, информация подобного рода, сигнализировало, о том насколько остро стояла проблема пьянства в народе [9, с. 4]. Но эффект был недолгим: на страницах газеты отмечается, что население, пристрастившееся к употреблению алкоголя, за месяц трезвости не могло отвыкнуть от этой привычки. И несмотря на угрозы со стороны властей, возобновилось пьянство, участились случаи нарушения общественного порядка: «К вечеру в городе появились пьяные. Были зарегистрированы случаи безобразий», автор отмечает, что немцы рассчитывали на русское пьянство при объявлении войны России, но благодаря запрету на продажу спиртных напитков их расчет не оправдался. В статье автор, оценивая политику правительства о запрещении употребления алкоголя и положительные эффекты запрета продажи алкогольных напитков, одновременно отмечает, что решение властей дать разрешение на продажу вина наверно правильное. Нужно бороться с этим явлением не запретами, а воспитанием» [10, с. 5].

Интересная ситуация описывается в статье «Мытарства алкоголиков». Запрет на торговлю алкоголем, а затем и частичное разрешение, вынудили население употреблять лекарственные препараты, приготовленные на спирту, некачественные и вредные для здоровья алкогольные напитки. В увеселительных садах цена алкогольных напитков выросла в четыре-пять раз. В ресторанах «Россия» и «Большая Московская» было разрешено торговать спиртными напитками. Кроме установления высоких цен, содержатели ресторана, выдвигали к клиентам и другие требования, например они должны были быть «в пиджаках и крахмаленных воротничках». Автор иначе, чем в предыдущих статьях, описывает ситуацию после запрета торговли спиртными напитками. Он сообщает о том, что достать алкоголь, все же было можно, а значит, употребление его продолжалось, причем это алкоголь он называет «бурдой» и «отравой», что свидетельствует о низком качестве алкогольных напитков. В статье ставится под сомнение реализация запрета продажи крепких напитков [13, с. 6].

В первые дни войны появились новые слабозащищенные слои населения, такие как раненые и члены семей солдат призванных на войну, которым необходима была помощь извне. На страницах Астраханского листка общество активно призывало совершать пожертвования в пользу таких категорий, а так же в пользу армии, помещалась информация, о том на какую помощь от государства могут претендовать члены семей солдат отправленных на фронт.

Таким образом, анализ газеты «Астраханский листок» выявил, что центральной темой, конечно, была начавшаяся мировая война, которую подробно освещали, путем получения телеграмм с мест событий и написания статей с аналитическим обзором ситуации, акцентируя внимания на победах русской армии и ее союзников. Другой важной темой было создание негативного образа Германии и противопоставление германского милитаризма европейской цивилизации. А также формирование положительного образа России, как заступницы славянских народов, которая вместе с союзниками встала на защиту европейской культуры.

В политическом плане газета отразила единство всего общество перед лицом внешней угрозы. Единство и политическое и этническое под эгидой монархии, как единственной подходящей формы правления для Российской империи, в такое тяжелое время. Вступление России в войну вызвало по всей стране мощное движение благотворительности, в которое включились различные социальные слои: промышленники, купцы, средние слои городских обывателей, земские служащие, крестьянство, студенчество. Это опять же было характерно для Российской империи в начальный период практически любой войны.

В начале войны выявилась неоднозначность общественного отношения к «немецкому засилью». Немцы, жившие в России более полутора веков, имели устойчивые позиции в земледелии, торговле, промышленности, науке и армии. С началом войны многими это было расценено как опасное засилье. Публикации периодики свидетельствуют об антинемецких настроениях, захватывающих представителей различных социальных слоев.

Но общественность волновали не только события с фронта, организация быта в военный период, тоже являлась главной темой, которую поднимали корреспонденты. На страницах газеты шла дискуссия об отношении к продаже алкогольных напитков. Не все общество воспринимало запрет на торговлю алкоголем положительно. Запрет на продажу крепких напитков настолько возбудоражил общественность своими положительными эффектами, что попытка ослабить его, путем разрешения продажи вина, негативно воспринималась общественностью.

Список источников и литературы

1. Астраханский листок. 1914, 29 июля. № 165.
2. Астраханский листок. 1914, 30 июля. № 166.
3. Астраханский листок. 1914, 1 августа. № 167.
4. Астраханский листок. 1914, 2 августа. № 168.
5. Астраханский листок. 1914, 3 августа. № 169.
6. Астраханский листок. 1914, 5 августа. № 170.
7. Астраханский листок. 1914, 6 августа. № 171.
8. Астраханский листок. 1914, 10 августа. № 174.
9. Астраханский листок. 1914, 14 августа. № 177.
10. Астраханский листок. 1914, 19 августа. № 180.
11. Астраханский листок. 1914, 20 августа. № 181.
12. Астраханский листок. 1914, 23 августа. № 184.
13. Астраханский листок. 1914, 29 августа. № 189.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН г. АСТРАХАНИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

Шангалиев Ришат Тамирович,

учитель истории и обществознания,

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 14», г. Астрахань

Изучение ислама в России приобретает все большее теоретическое и практическое значение в связи с продолжающимся бурным возрождением этой религии в традиционно мусульманских регионах страны. Ислам в России – неотъемлемая часть российской истории, российской культуры, в то же время это не только предмет академической науки, но и важный фактор общественно-политической жизни современной России, играющий все более заметную роль. Будучи фактором формирования общественного сознания и поведенческих стереотипов мусульманского населения, он оказывает существенное воздействие на ход исторических событий в нашей стране. Актуальность и научно-практическое значение исследования ислама на Нижней Волге определяется, прежде всего, тем, что Астраханский край – один из самобытных регионов России, в котором мусульмане, представляя одну из самых многочисленных (после христианства) конфессий. Сегодня отмечается явное возрастание роли мусульманской религии в жизни нижеволжских мусульман.

Проникновение ислама на территорию Нижнего Поволжья началось в VIII в. в эпоху Хазарского каганата. В начале это было связано с арабской экспансией в Юго-Восточной Европе, в результате которой, в частности, один из хазарских каганов в 737 г. был вынужден временно принять ислам. Во второй половине VIII в. ислам распространяется в Хазарии уже не как религия завоевателей, а как наиболее влиятельная конфессия Ближнего Востока и Средней Азии. В столице каганата городе Итиле, который находился в низовьях Волги, возникла крупная мусульманская община. Ее образовали переселенцы из современной Средней Азии, в частности из Хваризма (Хорезма) и Аббасидского халифата, – наемные воины, купцы, ремесленники. Так, в IX–X вв. основу военных сил каганата составлял наемный корпус мусульманских воинов, которых именовали аларсийа. В Итиле было несколько мечетей, мактабов/мектебов (мусульманских начальных школ), существовали отдельные суды для мусульман [11, с. 25].

После падения Хазарского каганата в XI–XII вв. в дельте Волги формируется этнокультурная общность, известная из русских летописей как саксины. Она сложилась на основе гузского, болгарского, остатков хазарского и, возможно, кыпчакского тюркских компонентов. Центром этой общности был г. Саксин (возможно, возникший

на месте Итиля). В городе было несколько соборных мечетей, в нем проживали кадии, факихи, хатибы [4; 5]. Большинство мусульманского населения составляли сунниты ханафитского мазхаба, хотя были и приверженцы маликитского и шафитского мазхабов (в основном, арабские купцы).

В XIII в. территория Нижней Волги вошла в состав одного из улусов обширной монгольской империи, известного как Улус Джучи или Золотая Орда. Уже во второй половине XIII – начале XIV в. сложились предпосылки, приведшие в первой четверти XIV в. к исламизации золотоордынского государства. Принятие ислама было изначально обусловлено принадлежностью этого улуса к определенному культурному региону, где ислам уже завоевал важные позиции (Хорезм, Волжская Булгария, отчасти Нижнее Поволжье, где преимущественно господствовала эта религия). Социально-экономическое развитие Орды (развитие городов и торговли) было также в значительной степени обусловлено связями с мусульманским Востоком. Ислам стал основой государственной идеологии, способствовавшей централизации государства и усилению власти хана. В исламизации Золотой Орды сыграли свою роль и внешнеполитические предпосылки, например сближение с мусульманским Египтом [7, с. 47].

Укоренение ислама в Золотой Орде сопровождалось становлением городской культуры, развитием торговли, упрочением государственной власти, что в свою очередь определяло внешнеполитическую ориентацию джучидского государства. Первыми ханами были Берке (годы правления 1258–1266 гг.) и Туда-Менгу (1281–1287 гг.). Принимая ислам, они еще не решались объявлять его государственной религией. Но в годы их правления мусульмане, пользуясь покровительством властей, получали доступ в правительственные учреждения, разворачивали миссионерскую деятельность, содействуя переходу части монгольской аристократии в ислам [9, с. 82; 10]. Принятие ислама в качестве государственной религии произошло при Узбеке Великом (1312–1342 гг.). Его сын Джанибек (1342–1357 гг.) продолжил планомерную исламизацию населения джучидского государства. Ислам стал официальным вероисповеданием Золотой Орды, где быстрыми темпами развивалось культовое зодчество. В столице государства г. Сарае (современное Селитренное городище в Харабалинском р-не Астраханской обл.), по свидетельству арабского автора Шамс ад Дина Абу Абдаллаха Мухаммада ибн Баттуты (1304–1377 гг.), было 13 соборных и множество простых мечетей. Ислам способствовал развитию культуры в Орде, которая все более приобретала восточные, мусульманские черты.

В Улусе Джучи действовали представители нескольких школ ислама. Однако преобладание суннитского мазхаба и, наряду с ним, суннитских обществ мазхабов не исключало проникновения в Золотую Орду шиизма. Огромную роль в исламизации Золотой Орды сыграл суфизм. Среднеазиатские суфийские братства проводили активную миссионерскую деятельность среди населения Золотой Орды. Насколько влиятельны были суфии в Золотой Орде с самого начала ее существования, можно судить по многочисленным источникам. Ряд арабских и персидских авторов сообщают, что хан Берке принял ислам под руководством известного шайха Сайф ад-Дина ал Бахарзи (ум. в 1260/1261 г.). Анонимное сочинение XV в. «Шаджарат ал Сатрак» («Родословное древо тюрков») утверждает, что сам хан Узбек перешел в ислам под руководством шайха Саййидата, умершего в 1291/1292 или 1310/1311 г., который, в свою очередь, был учеником шайха Зангиата. Источники упоминают и других суфийских шайхов при дворе Узбека, в частности Номана ад-Дина ал Хорезми, который, как и другие духовные авторитеты, оказывал большое влияние на правителей Золотой Орды. Суфизм, как наиболее жизнеспособная форма ислама, включал в себя домусульманские верования и обряды, что лишь облегчало исламизацию кочевников. Благодаря ему на Нижней Волге распространяется культ мусульманских святых и их могил [11, с. 64].

В XV в. Золотая Орда распалась на ряд мусульманских государств, одним из которых было Астраханское ханство. В 1556 г. оно было присоединено к России. С основанием в 1558 г. Астрахани Нижнее Поволжье становится южным форпостом Российского государства и Русской православной церкви (особенно после учреждения в 1602 г. Астраханской епархии). Православие, таким образом, стало доминирующей конфессией в Нижнем Поволжье. Однако ислам по-прежнему играл традиционно важную роль в конфессиокультурной ситуации в Астраханском крае. Во второй половине XVI – начале XX в. мусульманское население региона было представлено в городе юртовскими ногайскими татарами (жившими в Татарской слободе Земляного города), казанскими татарами-переселенцами, агрыжанскими, бухарскими и гилянскими татарами, «бухарцами» – выходцами из Средней Азии. В степи же ислам продолжали исповедовать юртовцы (жившие в ряде сел в окрестностях Астрахани), казанские и мишарские татары-переселенцы, ногайцы-карагаши, казахи и туркмены. Все они были суннитами ханафитского мазхаба.

Особую группу составляли персы, жившие в Астрахани с XVII в. вплоть до их депортации в начале 1930-х гг. [2, с. 211]. Ислам выступал как вера и образ жизни тюркских народов региона, хотя по степени своего укоренения был распространен неравномерно (горожане выглядели как более последовательные мусульмане, жители сел и степи – как менее «усердные» верующие, у которых исламские представления тесно переплетались с доисламскими). Мусульмане отмечали праздник жертвоприношения (курбан-байрам) и праздник разговения (ураза-байрам), соблюдали пост в месяц рамадан, производили имянаречение детей, следовали обряду обрезания мальчиков, шариатским нормам при заключении брака или церемонии похорон, отдельные ревнители совершали хадж – паломничество в Мекку. Центрами религиозной и общественной жизни мусульман Нижней Волги были мечети.

Уже в 1586 г. недалеко от Астрахани существовала мечеть, а в 1620 г. ногайский саййид (т. е. потомок пророка Мухаммада из ветви, восходящей к его внуку Хусайну) Сайф ад-Дин построил мечеть в самой Астрахани, видимо, с разрешения властей. К 1616 г. относится упоминание мечети на Гилянском дворе Астрахани. Она была поставлена для «персидских подданных» (а значит, была, скорее всего, шиитской). Мечеть «ставили» сами персы. Османский путешественник Эвлия Челеби ибн Дервиш (1611–1679/1683 гг.), побывавший в Астрахани в 1666 г., сообщал, что в «посаде», или «нижнем городе» (т. е. в Земляном), находится семь мечетей. При мечетях были служители культа – муллы и муаззины / муэдзины. Мусульманское население Астраханской губернии находилось в подчинении Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), по указу Екатерины II Великой от 22 сентября 1788 г. (исклю-

чение составляли лишь казахи Букеевской Орды) [4, с. 92]. У кочевников казахов, полукочевников ногайцев-карагашей, а отчасти и у оседлых юртовских татар Нижней Волги сохранился широкий круг представлений и обычаев, восходящих к доисламским традициям, подвергшимся влиянию ислама или тесно переплетенных с этими традициями. К ним прежде всего относится исламизированное шаманство, анимистические верования, культ предков, обряды вызывания дождя и др. Важным компонентом народного ислама являлся культ мусульманских святых и их могил (ауля / авлия) [11, с. 132].

В начале XX в. мусульманское население нижеволжского региона насчитывало свыше 300 тыс. человек, или 30 % от общего числа его жителей. В 1910 г. в Астраханской губернии было 209 мечетей, в том числе 18 – в Астрахани, 137 мактабов и 9 мадраса / медресе – высших мусульманских учебных заведений, из них в Астрахани – 19 мактабов и 6 мадраса [2, с. 202]. В конце XIX в. в Астрахани стали появляться первые мусульманские общественные организации. В 1896 г. возникло «Общество попечительства о бедных татарах», именовавшееся также «Джамаат хайрийа» («Благотворительное общество»), учрежденное имамами и ахунами (юртовскими и казанскими татарами) городских мечетей и некоторыми гражданскими лицами. На средства общества закупались и раздавались учащимся мактабов и мадраса учебники, беднякам – дрова на зиму, теплая одежда, медикаменты, средства на похороны и т. п.

Императорский манифест от 17 октября 1905 г. легализовал и активизировал возникновение в Астрахани мусульманских обществ. В 1905 г. образовалось радикальное общество «Маджлис Шураи Ислам» («Совет ислама»). При обществе находилось училище «Даруль Эдеп» («Дом науки»), в котором преподавали местные и выписанные из Османской империи учителя. В этом учебном заведении учились и мальчики, и девочки; обучение велось на татарском языке, но по турецким учебникам [9; 10]. Приглашенные педагоги воспитывали в своих учениках симпатии к Турции, пропагандировали панисламистские и пантюркистские идеи. Много времени в школе отводилось военной гимнастике, учащиеся носили турецкую форму. Все русское запрещалось. Кроме того, общество «Маджлис Шураи Ислам» выпускало газету «Бургани Таракки» («Довод/Аргумент прогресса»). Основателем общества, директором училища и редактором газеты был «шемахинский татарин», то есть выходец из северного Азербайджана, Мустафа Измайлов. В 1907 г. в Астрахани образовалось другое, более умеренное панисламистское общество «Джамаат Исламийа», учредителем которого стали главным образом муллы (юртовские и казанские татары) астраханских городских мечетей. Это общество, близкое по своим политическим воззрениям партии конституционных демократов (кадетов), содержало училище при Кара мечети, и издавало газету «Идел» («Волга»). Председателем общества и редактором газеты был указной мулла городской соборной мечети № 8, ногаец карагаш Абдурахман Умеров. Кроме того, в Астрахани существовало общество помощи бедным «персидско подданным» – «Энд жумен хайрийа» («Благотворительный совет»), которым руководил персидский консул [10, с. 173].

В революционных событиях января 1918 г. мусульманское население города Астрахани и Астраханской губернии раскололось. Представителями татарской буржуазии, националистически настроенной интеллигенции и мусульманского духовенства еще в 1917 г., после Февральской революции, было создано Национальное управление («Милли Идарэ»), во главе которого стояли Абдурахман Умеров, Фатих Шаймаси и Нажип Гасри. Используя религиозные лозунги, они призывали мусульман к сплочению под знаменем ислама и к противодействию большевикам. Управление установило контакты с Османской империей и руководством Астраханского казачьего войска, сформировало собственное воинское подразделение – мусульманскую боевую дружину, выпускало газету «Сарай» [3, с. 318]. В противовес Национальному управлению в январе 1918 г. большевиками был создан Мусульманский революционный комитет во главе с Касимом Туйбахтиным, много сделавший для сплочения татар, казахов, персов вокруг советской власти. Ревком опирался на мусульманскую роту его запасного пехотного полка, дислоцированного в Астрахани, и интернациональную боевую дружину грузиков, основу которой составляли персы. Военные подразделения Национального управления и мусульманского ревкома принимали участие в развернувшихся в Астрахани 12–26 января 1918 г. боевых действиях между большевиками и сторонниками Временного правительства. После победы большевиков «Милли Идарэ» было распущено, а ревком 7 мая 1918 г. преобразован в губернский (краевой) комиссариат по мусульманским делам Астраханского края, который развернул широкую работу среди мусульманских народов региона [11, с. 176].

Список источников и литературы

1. Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи накануне всеобщей переписи. СПб: Канцелярия комитета министров, 1895. 96 с.
2. Алфавитные списки армяно-григорианских церквей и магометанских мечетей в империи. М.: МВД, 1883. 371 с.
3. Галимова Л. Н. Многонациональное купечество Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв.: исторический опыт социокультурного развития. Чебоксары, 2013. 570 с.
4. Евреинов А. Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья Орда // Современник. СПб, 1854. Т. 29. Отд. П. С. 49–96.
5. Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию в 1799 г. // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань: Губ. тип., 1896. Вып. 1. 111 с.
6. Ермаков Н. Астрахань и Астраханская губерния. Описание края и общественной и политической жизни ее. М.: Тип. В. Готье, 1852. 180 с.
7. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе // Открытие Хазарии / сост. и общ. ред. А. И. Курчки. М., 1996. С. 363–365.
8. Малов Н. М., Малышев А. Б., Ракушин А. И. Религия в Золотой Орде. Саратов, 1998. С. 102–103.
9. Плетнева С. А. Хазары. М., 1976. С. 41.
10. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 148.
11. Сызранов А. В. Ислам в Астраханском крае: история и современность. Астрахань: Астраханский ун-т, 2007. 181 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ

Алиханова Севиль Рахиддиновна,

*ассистент кафедры биоэтики, философии, истории и социологии,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный медицинский университет», г. Астрахань*

Для студентов-иностранцев лечебного факультета в Астраханском государственном медицинском университете, среди прочих дисциплин, обязательной является «История России». Опираясь на личный опыт работы с иностранными студентами, хотелось бы в данной статье отметить актуальные проблемы методики преподавания исторической науке иностранным учащимся. В представленной статье иностранными студентами следует считать учащихся, прибывшие из стран Магриба (Марокко, Алжир, Тунис).

Следует согласиться с мнением А. В. Войтовича, которые выделил следующие особенности фоновых знаний об истории России данной группы студентов [2]:

- 1) крайне скудный объем знаний об истории России;
- 2) незнание или плохое знание русского языка иностранным студентом;
- 3) разница в отношении к историческим фактам и событиям, общим для нашей страны и родных стран студентов.

В связи с этим перед преподавателями Истории России в иностранной аудитории стоят специфические задачи:

- 1) сформировать и расширить фоновые знания студентов;
- 2) создать лексико-грамматическую базу или использовать имеющуюся для дальнейшего обучения по дисциплинам гуманитарного профиля.

Также одним из отягощающих моментов изучения предмета является частичное или абсолютное незнание русского языка, так как обучение Истории России, согласно учебному плану, осуществляется в течение первых двух семестров первого курса. Первый год обучения – это, как правило, самое сложное время для иностранного студента, так как на данном этапе остро стоит проблема адаптации иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России. Преподавателям, работающими с иностранными студентами первого года обучения, хорошо известно, что на начальном этапе обучения многие студенты сталкиваются с трудностями не только в овладении русским языком, но и в общении с окружающими, с акклиматизацией, с условиями жизни и т. д.

Иностранные студенты с первых дней пребывания в вузе начинают испытывать трудности, которые существенно отличаются от трудностей российских студентов. В первую очередь это недостаточное владение русским языком, а также отличие форм и методов обучения в российском вузе от форм и методов обучения в высшей школе их родной страны. Значительные трудности связаны с отсутствием навыков самостоятельной работы: студенты не умеют конспектировать лекции, работать с источниками информации, анализировать информацию большого объема.

Рядом исследователей педагогический аспект адаптации рассматривается как совокупность особенностей, которые определяют возможность приспособления студента к новой системе обучения, усвоению большого объема знаний, анализу научного материала. Педагогическая адаптация предусматривает необходимость поиска такого содержания, форм и методов учебно-воспитательной работы, с помощью которых преподаватели вузов могли бы предупреждать, смягчать и устранять отрицательные последствия дезадаптации, ускорять процесс социально-психологической и педагогической адаптации студентов [4, с. 80–91].

Курс «История Отечества» для иностранных студентов лечебного факультета АГМУ осуществляется в течение двух семестров на языке-посреднике (английский, французский) и имеет следующие цели:

а) познавательная (формирование фоновых знаний об истории и культуре России; обогащение общественно-политической лексикой, необходимой в процессе дальнейшего изучения таких дисциплин, как Философия и Правоведение и др.)

б) воспитательная (приобщение студентов к русской культуре, формирования интереса и уважения к России, её историческому прошлому, настоящему и будущему).

Изучение истории начинается, как известно, с создания конкретных образов об историческом факте, т. е. исторических представлений. Как показывает опыт работы, в процессе обучения истории иностранных учащихся формируются три вида исторических представлений:

- 1) о фактах прошлого;
- 2) об историческом времени;
- 3) об историческом пространстве.

Здесь важно понимать не только роль и виды исторических представлений, но и методику работы по их созданию.

Рассмотрим некоторые важные приемы и средства формирования представлений о фактах прошлого на кафедре биоэтики, философии, истории и социологии Астраханского государственного медицинского университета на примере учебного пособия «История Отечества» для учащихся факультета иностранных студентов. По мнению авторов, одной из важнейших задач обучения истории студентов – иностранцев является создание у них конкретных представлений о фактах прошлого, охватывающих все стороны жизни общества. Полный курс разделен на 10 глав по принципу периодизации (начиная с Древней Руси, заканчивая современной Россией). Помимо утвержденного

плана лекций и семинаров, также проводятся внеклассные занятия и вводные классы. Касаемо второго – это экскурсии по историческим достопримечательностям и музеям города. Такая практика дает отличные плоды в дальнейшей работе со студентами, так как закрепляет базис знаний и представлений о культуре и истории России.

Невозможно не отметить ресурсность проектной работы в обучении истории. Культурологические и историографические проекты предполагают развитие языковых и речевых умений и навыков на более или менее продвинутом уровне владения языком посредством организации межкультурного общения с целью ознакомления с культурой, историей, этнографией, географией, экономикой, политикой, государственным устройством стран партнеров, искусством, литературой, архитектурой, традициями и бытом народов и т. д. Реализация метода проектов и исследовательского метода на практике ведет к изменению позиции преподавателя. Из носителя готовых знаний он превращается в организатора познавательной деятельности и консультанта. Меняется и роль учащихся: они выступают активными участниками процесса. Проектная деятельность помогает им научиться работать в «команде». При этом происходит формирование конструктивного критического мышления, у учащихся вырабатывается свой собственный взгляд на информацию, и уже не действует оценочная форма: «это верно, а это – неверно» [1]. По мере приобретения социокультурного знания, иностранцы начинают обнаруживать элементы общности и различия культур, воспринимать их критически, анализировать, ведь осознать различия означает осваивать инокультурную систему ценностей. Понимание корней и истоков социальных стереотипов – важный шаг на пути толерантного отношения и признания другого мира.

Для иностранной аудитории важную роль играют наглядные образы, особенно на начальном этапе обучения. Преподавателю необходимо работать над созданием образов, адекватных эпохе, чтобы предотвратить такую особенность, как модернизация истории. С этой целью используется разнообразный наглядный материал в сочетании с чтением текста и выполнением различного рода заданий. Наглядный материал можно классифицировать следующим образом:

- 1) иллюстрации, которые создают представление о внешнем облике людей, их жилище, орудиях труда, занятиях, войнах, памятниках культуры и т. д.
- 2) словарную работу, включающую не только толкование лексики, но и различные исторические справки и социальные и этнографические комментарии;
- 3) тематический видеоконтент на языке-посреднике, который даст необходимую историческую картину (историческое представление).

Таким образом, усвоение исторических понятий, понимание временных, локальных причинно-следственных связей, закономерностей общественного развития, формирование системы фоновых знаний, овладение умением применять знания по истории, пользоваться ими при изучении исторического материала, выработка умений и навыков самостоятельной работы с историческим материалом: текстом учебника, историческими артефактами, фильмом – основная цель преподавания истории России на кафедры биоэтики, философии, истории и социологии АГМУ.

Список источников и литературы

1. Витковская М. И., Троцук И. В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН). URL: <http://articles.excelion.ru>.
2. Войтович А. В. Специфика преподавания Истории России и страноведения иностранным студентам. Томский политехнический университет.
3. Нуриахметова Ф. М., Холоднов В. Г. Новые методы преподавания истории в техническом вузе. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/novye-metody-prepodavaniya-istorii-v-tehnicheskom-vuze>.
4. Федев Б. А. Некоторые вопросы адаптации иностранных граждан к новым социальным условиям на начальном этапе обучения // НИБ ОСС. 1999. № 1. С. 110.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЕ

Захарова Елена Юрьевна,

учитель истории и обществознания,

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 8», г. Астрахань

За последние годы в России были предприняты значительные усилия по укреплению и развитию системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. В 2001–2015 гг. реализованы три государственных программы патриотического воспитания. В настоящее время реализуется программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы».

Патриотическое воспитание подрастающего поколения всегда являлось одной из важнейших задач современного образования, ведь детство и юность – самая благодатная пора для привития священного чувства любви к Родине. В настоящее время образование в России перешло на Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС). В основу ФГОС положены новые идеологические установки. Эти изменения требуют нового подхода в формировании гражданско-патриотического и нравственного сознания подрастающего поколения. Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, горячо любящие свою Родину, свой родной край, людей, живущих рядом, способные защищать Отчизну от посягательств чуждых сил на ее свободу. Очевидной является истина: сегодня возрастает роль воспитательной работы, направленная на патриотическое воспитание, как дошкольников, так и школьников.

Многие мыслители и педагоги прошлого, раскрывая роль патриотизма в процессе личностного становления человека, указывали на их всестороннее формирующие влияние:

«Любовь к Отчизне и любовь к людям – это два быстрых потока, которые, сливаясь, образуют могучую реку патриотизма», – В. А. Сухомлинский.

«Патриотизм – это не значит только одна любовь к своей Родине. Это гораздо больше. Это – сознание своей неотъемлемости от Родины и неотъемлемое переживание вместе с ней ее счастливых и ее несчастных дней», – А. Н. Толстой.

«Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись», – И. С. Тургенев.

«Высочайший патриотизм – страстное, беспредельное желание блага Родине», – Н. Г. Чернышевский.

Уроки истории всегда были призваны способствовать воспитанию гражданственности, патриотизма учащихся. Переживая чувство любви к Родине, испытывая тревогу за её настоящее и будущее, ученик стремится быть похожим на героев Родины. В патриотическом воспитании большую роль играют ветераны Великой Отечественной войны. Учителя нашей школы приглашают ветеранов, которые знакомят учащихся со своими воспоминаниями о подвигах. При их участии создаются музеи и стенды Боевой славы книги памяти. В некоторых школах создаются поисковые отряды, которые помогают увековечить память российских воинов погибших при защите родины. На уроках истории изучается государственная и военная символика истории вооруженных сил видов и родов войск боевых традиций армии и флота.

Во многих школах, как и в нашей, работают кружки исторического краеведения. На занятиях кружка учащиеся выступают с докладами, сообщениями по предложенным темам, работают с различными видами исторических источников, оформляют свои выступления в виде газет, собирают материал об астраханцах-участниках Великой Отечественной войны, создают поделки, рисунки, посвященные истории родного края, работают с материалами периодической печати, выпускают газеты, посвященные Великой Отечественной войне.

В ходе реализации программы учащиеся приобретают ряд навыков и умений, которые служат показателем результативности работы кружка: работать с историческими источниками, рассказывать (устно или письменно) об исторических событиях города, их участниках, выступать с сообщениями перед обучающимися, проводить экскурсии по музею, излагать свои суждения и взгляды на события; объяснять мотивы деятельности людей; оценивать события; объяснять и определять своё отношение к ним, проводить экскурсии, беседы, оформлять полученные материалы в экспозиции школьного музея и творческих работах, уметь представлять свою исследовательскую работу.

Учащиеся участвуют в школьных научно-практических конференциях, мероприятиях, посвященных победе в Великой Отечественной Войне, защите проектов на историко-краеведческие темы, в конкурсе рисунков и плакатов, экскурсиях очных, заочных, а также проводят экскурсии-презентации. Дети собирают материал о ветеранах Великой Отечественной Войны, знаменитых земляках-астраханцах. Учащиеся подготовили и проводят викторины по истории Астраханского края.

Учащиеся принимают участие в виртуальных экскурсиях, готовят сообщения и презентации, выставки творческих работ, проводят исследовательские работы по истории школы, семьи, истории Великой Отечественной войны, участвуют в акциях по охране окружающей среды, проводят социологические опросы. Большое внимание уделяют работе над проектами. Члены кружка могут практически использовать свои знания, полученные на занятиях кружка, на уроках литературы, обществознания, истории, а также в быту.

Патриотическое воспитание представляет собой организованный и непрерывный процесс педагогического воздействия на сознание, чувства, волю и физическое развитие учащихся с целью формирования у них высоких нравственных принципов.

Список источников и литературы

1. Пашкович И.А. Патриотическое воспитание: система работы. – Волгоград; 2012 г.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Просвещение, 2015 г.
3. Тисленкова И.А. Гражданско-патриотическое воспитание – Волгоград; 2011 г.

МЕТОДИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕСТНЫХ МИФОВ И ЛЕГЕНД НА УРОКАХ КРАЕВЕДЕНИЯ В 5–6 КЛАССАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Меретина Дарья Валерьевна,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ АО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань,

научный руководитель: Кучерук Ирина Владимировна,

доктор культурологии, профессор,

ФГБОУ АО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Астраханский край – многонациональный регион, он богат своей историей и легендами. Использование мифов и легенд на уроках – достаточно трудоемкий процесс, т. к. они имеют прямой и скрытый смысл. Основная задача учителя на уроке – на основе широкого историко-культурного контекста раскрыть смысл мифов и легенд, помочь учащимся понять их смыслы.

Мы полагаем, что в ходе организации учебной деятельности с содержанием местных мифов и легенд учителю истории рекомендуется:

1. Проводить отбор подходящего материала для того, чтобы учащимся было легче с ним работать.
2. Данный вид учебного материала использовать на любом из этапов урока.
3. Количество мифов и легенд на одном уроке не должно превышать двух – трех.

4. Линейка мифов и легенд должна постоянно меняться, соответственно тематике урока.

5. В подборе материала могут принимать участие сами учащиеся, при условии, что учитель даст им такое домашнее задание [1].

Приступая к работе над мифами и легендами по определенной теме, учащимся необходимо ознакомиться с историческим контекстом времени их создания, чтобы иметь представление об истории родного края, области, региона. Для этого учитель следует дать задание учащимся – изучить исторические события, происходившие в регионе в тот период времени, о котором пойдет речь на уроке. Учителю необходимо помнить о том, что дети должны не просто понимать смысл мифов, но и соотносить их с изучаемыми историческими событиями, найти между ними взаимосвязь.

При этом урок не следует перегружать мифами и легендами – они должны дополнять материал учебника.

В начале учебного занятия мифы или легенды могут быть представлены либо учителем, либо учащимися, получившими опережающее задание. После ознакомления с легендой или мифом необходимо задать вопросы классу: «В чем заключается главная идея легенды?», «Какова связь с темой урока?» и т. д. Выслушав ответы учеников, и обсудив с ними данный материал, можно приступить к анализу материала, как исторического источника.

Так, может быть использован следующий алгоритм их изучения:

1. К какому периоду истории относится легенда/миф?
2. Какому народу она/он принадлежит?
3. Происхождение легенды/мифа.
4. Особенности языка, оборотов речи.

Данные виды заданий направлены на самостоятельную деятельность учащихся: поиск информации и материала, умение вести аналитическую работу с имеющимися источниками.

Крайне важно, чтобы смысл мифов и легенд был правильно понят учащимися, так как им предстоит узнать из них что-то новое, установить связь с историческим прошлым края, познакомиться с бытом, укладом жизни астраханцев в указанный период.

При подведении итогов занятия можно дать учащимся следующие задания и вопросы:

1. Какие новые сферы повседневной жизни открываются при ознакомлении с мифом/легендой?
2. Что вам было непонятным в содержании легенды/мифа?
3. Что вызвало у вас затруднение в понимании мифа/легенды?
4. Что вас больше всего заинтересовало в содержании легенды/мифа?
5. Как в мифе/легенде показаны природные условия, жизненный уклад?
6. На основании мифа/легенды сделайте вывод о том, какие качества, прежде всего, ценились в людях?

При анализе мифа можно дать следующие задания:

1. Раскрыть смысл мифа.
2. Назвать, когда (примерно) появился миф.
3. В какой среде, при каких условиях возник данный миф, с какими историческими событиями связан.
4. Какие особенности края и повседневной жизни его жителей отражены в нем: климатические, семейно – бытовые и т.д.

5. Объясните значение местной терминологии, словосочетания, составьте словарь и т.д.

6. Если миф затрагивает исторические события, то назовите их, когда происходили, их особенности, значение, последствия для региона, к каким изменениям они привели, положительно/отрицательно сказались на развитии края, области и т. д.

7. Вывод. Здесь должны быть изложены смысл и особенности заключенного в мифе явления, жизненного уклада общества и т. д.

Миф/легенду можно проанализировать на уроке и подобное задание задать на дом, дать возможность учащимся поработать с ними самостоятельно.

На уроке истории учащимся можно дать задание соотносить миф/легенду с исторической эпохой.

Применение мифов и легенд на уроках исторического краеведения формируются у учащихся аналитические умения работы с учебным материалом. Через раскрытие скрытого смысла мифа/легенды развивается интерес к предмету, умение выделять главное, делать предположения и строить догадки. Сопоставление мифов с историческими событиями развивает у ребят умение выявлять причинно – следственные связи, ориентироваться во временных рамках истории, по «приметам времени» определять, о каком историческом событии идет речь.

Для того, чтобы представить, как проводятся уроки исторического краеведения с применением легенд / мифов в астраханских образовательных учреждениях, далее будет рассмотрена программа дополнительного образования православного краеведения.

Образовательная программа дополнительного образования детей Н. Ф. Шутько Центра культуры и просвещения «БОГОЛЕПЬ» имеет историко-культурную направленность и предусматривает изучение истории православия в Астраханском крае на уроках краеведения. Данное направление способствует формированию мировоззрения подростка, воспитанию его гражданственности и является основой его нравственного воспитания, что немаловажно для выполнения одной из основных целей ФГОС – воспитание патриотизма.

Педагогическая целесообразность программы заключается в расширении и углублении знаний учащихся, изучении новых фактов истории и культуры Астраханского края. Программа способствует формированию умений осуществлять учебно-исследовательскую деятельность, предусматривает применение инновационных форм

и способов изучения, развивает речевую культуру, способствует эмоциональному развитию учащихся, воспитывает духовную, интеллектуальную культуру, развивает творческое мышление [4].

Для шестиклассников характерно углубление в свой внутренний мир, в этот период развития начинают проявляться черты становления личности ребенка, поэтому в этом возрасте важен выбор сюжетов изучения истории родного края, который имел бы значительный потенциал для воспитания подростков.

Новизна программы заключается в системном обзоре исторических событий, личностей святых, которые так или иначе тесно связаны с православной культурой Астраханского края. Основой программного материала являются труды астраханского историка-краеведа игумена Иосифа (Марьяна).

Целями программы являются: 1) осознанное восприятие подростками духовно-исторического процесса в истории Астраханского края; 2) приобщение обучающихся к духовной культуре русского народа, к системе культурных ценностей своего Отечества; 3) раскрытие творческого, духовного, ценностного потенциала обучающихся.

В задачи курса входит:

- показ роль Православия в отечественной истории и истории Астраханского края;
- способствование осознанию необходимости сохранения и возрождения памятников истории и культуры Астраханского края;
- привитие обучающимся умений учебно-исследовательской деятельности.

Формы и методы обучения в программе разнообразны: изучение краеведческой и исторической литературы, паломнические поездки по святым местам, экскурсии в музеи и исторические места, как на территории города, так и области, разработка проектов, осуществление поисковой и исследовательской работы [4].

Методические приемы работы заключаются в активном включении в познавательную деятельность детей. Применяются такие способы обучения, как эвристический, частично-поисковый, проблемный, исследовательский. На занятиях применяется наглядно-иллюстративный материал, а некоторые из занятий носят интегративный материал. Данный методический подход заключается в усвоении материала учащимися в процессе учебной деятельности. Занятия проходят как в традиционных формах – лекции, семинары, так и с применением виртуальных путешествий, образовательных экскурсий. Учащимся предлагается подготовка рефератов, кроссвордов, викторин, творческих проектов, коллоквиумов, презентаций. Программа рассчитана на 2 года обучения, по 72 ч в год. Режим работы – 2 ч в неделю. Форма подведения итогов заключается в презентации творческой работы, а также в участии в научно-исследовательской ученической конференции.

Ожидаемые результаты программы заключаются в заинтересованности изучения памятников духовной культуры города; в умении работать с духовной, краеведческой литературой и источниками; в значительном повышении культурного уровня обучающихся; в формировании у учащихся духовной культуры на примере изучения жизнеописания святых Астраханского края, а также в формировании устойчивого интереса и знаний по истории православной культуры родного края; умения устанавливать связи между прошлым и современностью; способности творчески мыслить и рассуждать; умения решать практические задачи с помощью наблюдения, сравнения; способности заниматься исследовательской деятельностью индивидуально и в творческих группах; способности рефлексировать свою учебно-познавательную деятельность [4].

Далее для более подробного анализа различных методических приемов работы на уроках краеведения с историческим материалом будут рассмотрены уроки, которые предлагают учителя астраханских образовательных учреждений.

Местные легенды занимают отдельное место в содержании данной программы. Так, урок «Уголок России – отчий дом» начинается с обсуждения: что подразумевается под словом Родина? Какая она для нас? и т. д. После чего учитель рассказывает легенду об Астрахани, о том, откуда появилось название города. От легенды учитель плавно переходит к поэзии об Астраханском крае, где также воспевается красота и самобытность города.

Приведем пример урока исторического краеведения, который проходит в стенах музея, посвященного обрядам и обычаям казахского народа, проживающего на территории Астраханской области. Целью данного занятия является способствование развития у подрастающего поколения любви к родному краю, к народам, проживающим на данной территории, к их обычаям, традициям и культуре.

В историко-краеведческом музее поселка Лиман детей встречает заведующая музеем, знакомит их с выставочным залом, соответствующей тематике занятия, проводит в юрту. В юрте рассказывается легенда о происхождении казахского народа. Затем ведущая знакомит детей с обрядами, особенностями их интерьера, традициями и обычаями. Дается объяснение каждому из обрядов, с чем они связаны, почему проводятся именно так, а не иначе, а также рассказывает о праздниках и связанных с ними легендах.

Ведущая во время своего рассказа задает вопросы ребятам: знаком ли вам такой обряд; знают ли они обряды и обычаи казахского народа; есть ли подобные обряды в русской или в иной другой народной культурной традиции и как они могут быть связаны; схожи ли обряды по смыслу, в чем их разница и т. д. Помимо рассказов и беседы, ведущая задействует в занятии окружающую обстановку, экспонаты, задает наводящие вопросы: как вы думаете, что это за предмет; на ваш взгляд, для чего он предназначался; как связан с тем или иным обрядом или обычаем и т. д.

В конце занятия подводятся итоги. Ведущая обращается к ребятам: что было интересно и что запомнилось им больше всего. Ребята делятся своими впечатлениями, высказываются о значимости изучения культуры, традиций, обычаев народов, проживающих на территории родного края [2].

Такой подход при изучении народной культуры позволяет окунуться в историческое прошлое изучаемого материала, легенды в таком случае дополняют, насыщают рассказ, делают его наиболее ярким для восприятия

учащимися, позволяют уловить основную мысль культурной традиции – для чего проводится тот или иной обряд, почему соблюдаются именно такие правила при его проведении. Мифы и легенды лишь глубже подчеркивают индивидуальные черты народной традиции.

Приведем еще один пример урока, основанного на изучении местных легенд и мифов. Учитель анализирует несколько мифов / легенд вместе с учащимися и проводит игру, которая заключается в сопоставлении мифа/легенды с иллюстрациями. Так как речь идет о краеведческом материале, возникает сложность подбора иллюстраций. Учитель может предложить учащимся создать свою иллюстрацию на основе услышанных мифов/легенд. Подобный вид задания можно дать для домашней самостоятельной работы, при этом предложив учащимся самим выбрать миф/легенду. Учащиеся не должны озвучивать, какие мифы/легенды они выбрали. При возникновении сложности понимания смысла материала школьник предварительно может посоветоваться с учителем, а уже дома изображает понятый им смысл на листе бумаги. На следующем занятии учащиеся представляют свои презентации, а зрители разгадывают по изображению миф/легенду.

Школьники могут подбирать материал самостоятельно, либо выбирать из предложенного учителем, разрабатывать проекты. Можно организовать работу над проектами в группах. Данный вид работы положительно сказывается на развитии коммуникативных качеств у ребят, на их умении работать в коллективе, развивает их творческие способности, аналитическое мышление, умение самостоятельно работать с историческим материалом, находить необходимую для работы информацию [3].

Таким образом, методика работы с мифами и легендами достаточно разнообразна. Методический аспект применения данного вида материала зависит от цели урока, от его вида и типа. К мифам и легендам лучше всего переходить тогда, когда основной материал изучен и его можно дополнить деталями, подтвердить исторические факты, события, полученные во время изучения теоретического материала при помощи фольклорного творчества, найти в них сходства, выстроить связи между ними и т. д.

Основная задача учителя – не перегружать учащихся изучением этого специфического материала, а заинтересовать их изучением истории родного края, направив в русло самостоятельного поиска исторической истины, развивать патриотические качества и воспитывать уважение к истории и культуре народов нашей многонациональной страны и Астраханской области.

Список источников и литературы

1. Журавлева Л. А. Использование загадок, пословиц и поговорок – один из форм работы по развитию речи. Инфоурок. 2015. URL: <https://infourok.ru/> (Дата обращения: 17.04.2019)
2. Историко-краеведческий музей поселка Лиман / Рыбанова М. Ю. Казахские обряды и обычаи. 2005.
3. Пирятинская Е. И. Использование УНТ (пословиц и присловий) на уроках истории, обществознания). URL: http://yauchitel.ru/load/istorija_i_obshhestvoznaniye/raznoe/ispolzovanie_unt_poslovic_i_prislovic_na_urokakh_istorii_obshhestvoznaniya/66-1-0-12075 (Дата обращения: 17.04.2019).
4. Шутько Н. Ф. Православное краеведение земли Астраханской. URL: <http://bogolep.ru/page/index/73> (Дата обращения: 04.05.2019).

КУЛЬТУРОЦЕНТРИЧНОСТЬ – ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Никитина Анна Викторовна,

учитель истории и обществознания,

МБОУ «Средняя образовательная школа № 29», г. Астрахань

Образование необходимо человеку на протяжении всей его жизни и важно не только потому, что позволяет вовлечь человека в решение актуальных, значимых для всего общества задач, что является сегодня основой материального благополучия, но и потому, что представляет собой неотъемлемый компонент духовной жизни человека, общества. Человек живет не только в материальной среде, но и в мире духовных ценностей. И от того, как он образован, какие знания, умения, навыки он получил, какие ценности в процессе образования он для себя выработал, существенно зависит и тот мир, в котором он живет, и то, как он в нем действует.

Современный исторический период – время, когда феномен культуры начинает осмысливаться как пронизывающий все сферы человеческой жизни. Культура, отмечает Ю. М. Лотман, имеет исторический характер: «Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества, человечества. И поэтому, когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы, может быть, сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла. ...Само ее настоящее всегда существует в отношении к прошлому и к прогнозам будущего... культура вечна и всемирна, но при этом подвижна и изменчива. В этом сложность понимания прошлого... но в этом и необходимость понимания ушедшей культуры: в ней всегда есть потребное нам сейчас, сегодня» [3, с. 60].

Исследователи культуры выделяют несколько социальных ее функций, прежде всего познавательную, которая сводится к постижению идеала как цели развития всего сущего, и вторую – воспитательную, состоящую в совершенствовании духовно-практической деятельности людей.

В. П. Фурманова указывает на возможность описания культуры через те функции, которые она выполняет в обществе, и из всего многообразия выделяет коммуникативную, информационную, управленческую, сигнификационную и нормативную функции, связанные соответственно с:

- обеспечением общения людей;
- синтезом всех культурных сведений;
- выполнением функции организации коллективной жизни;
- осуществлением умственных и эмоциональных действий человека;
- регулированием культурного взаимодействия людей.

Обобщая вышеприведенные точки зрения, И. В. Никитина определяет культуру как когнитивную знаковую систему, отражающую приобретенный ее создателями социальный исторический опыт и способную транслитерировать его в процессе коммуникации с последующими поколениями. Неотъемлемыми характеристиками данной системы являются социальность, когнитивность, историчность, символичность (знаковость), куммулятивность и коммуникативность [3, с. 61].

На сегодняшний день особое значение приобретает концепция культуросоцентричности образования, которая базируется на понимании человека как центра культурного мира, творца особого, духовно наполненного культурного пространства.

Современные методологические подходы к пониманию концепции культуросоцентричности представлены в работах современных российских ученых Л. Г. Гусляковой, Е. А. Костиной, М. Б. Лига, А. И. Суббетто. Вместе с тем необходимо отметить, что категория «культуросоцентричность образования» продолжает оставаться в стадии научного осмысления.

Актуальность ориентации образования на культуросоцентричность связана с тем, что, во-первых, образование черпает свое содержание из культуры и научных знаний; во-вторых, культура воспроизводит ценностно-значимые для общества нормы, задает и поддерживает образцы человеческой деятельности; в-третьих, определяет принципы вхождения личности в данное общество. Данная парадигма учитывает опыт человечества в освоении природного, социального и культурного миров.

По мнению А. И. Суббетто, под культуросоцентричностью образования следует понимать механизм воспроизводства общественного интеллекта и его основных составляющих (науки, культуры и образования); способ трансляции социокультурного опыта из поколения в поколение в общественно организованных формах – социогенетический механизм развития; духовное, образовательно-педагогическое воспроизводство человека; общественный институт социального наследия культуры, искусства, науки, ценностей, нравственности, духовности, национально-этнического архетипа, стандартов образованности, знаний [6, с. 75].

В нашем понимании культуросоцентричность выступает как обращенность к изучению культурных оснований жизнедеятельности личности (норм, ценностей, смыслов, типов поведения, традиций, идеалов), определяющих ее развитие в рамках существующей социокультурной действительности. Целью новой концепции образования, связанной с ценностным отношением к человеку, является формирование стремления к самореализации, саморазвитию, саморегуляции.

В современных условиях культуросоцентричность понимает образование как совместный процесс познания окружающей действительности, который осуществляется учителем и учеником. В деятельности учителя происходит трансформация его функций передачи знаний. Учитель становится «помощником» ученика в процессе поиска новых знаний. В свою очередь, учащийся ориентируется не на получение готовых знаний и их заучивание, а на самостоятельное добывание и усвоение знаний в процессе творческой, поисковой деятельности. В данном случае целью образования становится формирование творчески активной личности, обладающей определенной суммой знаний, совокупностью умений и навыков, позволяющих ей не только адаптироваться к динамично развивающимся структурам, но и изменять их. В соответствии с этим основной функцией образования становится не просто подготовка к жизни, а непосредственное включение личности в социальный процесс.

Необходимо отметить, что культуросоцентричность содержания образования позволяет создать особое образовательное пространство, в котором творится человек культуры, человек духовности. Культуросоцентричность предполагает включение в содержание образования материала, способствующего воспитанию эмоционально-ценностного отношения к миру, формированию нравственных ценностей, норм на основе национальной культуры.

Ориентация системы образования на культурологическую концепцию заявлена в современных нормативно-правовых документах, в которых обозначены два основных направления культурологического образования. Во-первых, это обучение и воспитание школьников через освоение культурных ценностей, позволяющее формировать у них целостную картину мира за счет включения элементов систематизированного культурологического знания во все образовательные ракурсы. Благодаря культуросоцентричности образования обеспечивается гуманизация всей системы.

Во-вторых, это изучение предметов культурологического цикла, в том числе и история, имеющее ряд самостоятельных образовательных целей и задач. Учебные дисциплины по культурологии, в том числе и история, должны обеспечивать следующие образовательные результаты:

- осознание значения искусства и творчества в личной и культурной самоидентификации; развитие эстетического вкуса, художественного мышления; развитие индивидуальных творческих способностей, формирование устойчивого интереса к творческой деятельности; формирование интереса и уважительного отношения к культурному наследию и ценностям народов России [7];
- ориентация образования на развитие личности школьника, его познавательной деятельности и созидательных способностей [2];

- вовлечение школьников в исследовательские проекты и творческие занятия, чтобы научиться изобретать, понимать и осваивать новое, выражать собственные мысли [5].

Суждение о национальном образовании сосредоточены в золотом правиле: без памяти исторической нет традиции, без традиций нет культуры, без культуры нет воспитания, без воспитания нет духовности, без духовности нет личности, без личности нет народа как исторической общности.

Список источников и литературы

1. Григорьев С. И., Гуслякова Л. Г. Концептуальные основы социального образования в современном российском обществе. Барнаул, 2002. 60 с.
2. Концепция модернизации российского образования до 2020 года. URL: <http://www.edu.ru/documents/view/1660/>.
3. Костина Е. А. Культуроцентричность образования – требование современного этапа развития общества // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 6. С. 60–63.
4. Лига М. Б. Культуроцентричность образования в контексте парадигмы качества жизни // Философия образования. 2013. № 3. С. 38–42.
5. Национальная образовательная инициатива «Наша Новая школа». URL: минобрнауки.рф/документы/1450 (10.05.2016).
6. Субетто А. И. Качество жизни: грани проблемы. Кострома, 2004. 170 с.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. URL: минобрнауки.рф/документы/938 (10.05.2016).

СПОСОБЫ АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Сагитова Надия Нурулловна,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Проблема формирования интереса к процессу обучения является одной из наиболее важных и сложных задач педагогики. Ученые различных исторических эпох стремились выяснить природу интереса, особенности его развития, поэтому изучение психолого-педагогической литературы, посвященной проблеме формирования интереса, позволило нам условно выделить два периода.

Первый период (XVII – начало XX в.) отличается тем, что категория «интерес» не являлся объектом целостного и целенаправленного исследования, соответственно, обращение к этому явлению не носило системного характера.

Европейские педагоги одними из первых предприняли попытку научно обосновать важность развития интереса школьников к учению. Я. А. Коменский, Ж. Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци считали, что развитие интереса к предмету пробуждает к нему. Авторы сходятся во мнении, что интерес является важной составляющей обучения, являясь особым двигателем обучения, помогает создать благоприятную атмосферу на уроке. Они считали, что главной задачей учителя является проведение интересных и занимательных уроков, избежание заучивания материала без его понимания. Педагоги одними из первых предложили использовать различные занимательные задания, игры, тем самым развивая в учениках различные стремления, способности, качества и, непосредственно, сам интерес к учению.

В Российской империи до начала XVII в., проблема интереса не исследовалась, однако в XVIII–XIX вв. интерес в обучении считался одним из главных средств учебной деятельности и воспитания. Например, К. Д. Ушинский писал, что нужно сделать учебную работу насколько возможно интересной, но не превращать эту работу в забаву. Интересное обучение не исключает умения работать с усилием, а, наоборот, способствует этому.

Таким образом, педагоги важными составляющими развития познавательного интереса видели: сотрудничество учителя с учениками, создание благоприятной атмосферы на уроках, предоставление возможности ученикам проявить способности. Учитель, которому педагоги отводят важную роль, также должен быть способен находить оптимальные методы обучения для определенного класса, с помощью которых ученики смогут проявлять самостоятельность, творческие способности.

Второй период изучения понятия «интерес» (с 1930-х гг. и по настоящее время) отличается систематическим изучением различных аспектов феномена «интерес», появлением теорий и концепций, множества трактовок. Мы выделили три группы:

1) Л. И. Божович, В. Н. Мясищев, Б. И. Додонов, которые отождествляли интерес и потребности, полагая, что интерес – это особая потребность человека в определенных видах деятельности и предметах, так как они являются источниками желаний.

2) С. Л. Рубинштейн, В. М. Теплов, А. Н. Леонтьев связывали интерес со сферой отношений, образующих личность. Они критиковали взгляды первой группы психологов. Интерес отличается от потребностей, хотя они и имеют ряд сходных черт и общую психологическую основу, а именно исследовательский рефлекс. И важным различием, по мнению С.Л. Рубинштейна является то, что «без удовлетворения потребностей жить трудно, а без интереса – скучно» [8, с. 525].

3) Л. А. Гордон, Т. К. Панкратов, Л. С. Выготский, К. Э. Изард видели связь между интересом и эмоциональной привлекательностью. Они отмечали, что интерес пробуждает память, мышление человека, помогая работать усиленнее и продуктивнее [1, с. 325]. Работа, выполняемая с интересом, вызывает стремление человека сделать ее как можно лучше, «мы ценим то, что пробуждает в нас определенные чувства, и чем сильнее эти чувства, тем более значимы для нас соответствующие им ценности» [3, с. 254].

Таким образом, работа, выполняемая с интересом, оставляет отпечаток в памяти обучающихся, поэтому на уроках истории необходимо применять различные способы развития интереса к обучению.

Средств развития познавательного существует достаточно много. И как наиболее популярные, мы выделили: творческие задания (кластеры, синквейны), дискуссии, проектную деятельность.

- Творческие задания. Кластер является графической формой организации информации, при использовании которой выделяются основные смысловые единицы и фиксируются в виде схемы с обозначением всех связей между ними. Кластер – это изображение, которое способствует систематизации и обобщению учебного материала.

Сам кластер можно оформить в виде модели Вселенной и в виде грозди. В его центре обозначается понятие, которое является основным, а по сторонам – крупные смысловые единицы, они соединены с центральным понятием прямыми линиями. Смысловыми единицами могут быть предложения, слова, словосочетания, которые выражают идеи, ассоциации, касающиеся основного понятия [4, с. 28].

Применение кластера на уроке дает возможность ученикам показать свое видение проблемы, развивает их творческие возможности, даря ощущение творческой свободы, а также повышает мотивацию и познавательный интерес.

Еще одним важным видом творческих заданий является синквейн. Синквейн – это пятистрочная стихотворная форма [4, с. 160]. С начала 2000-х гг. синквейн стал активно применяться и в российском образовании, так как он является эффективным методом развития образной речи, помогает усвоить и проанализировать новые понятия.

Синквейн можно назвать методом свободного творчества, который требует от учеников умения находить в обширном материале важные элементы, несущие главенствующую роль, формулировать и делать выводы.

Несомненным плюсом синквейна является его малая времязатратность, в отличие от эссе, хотя синквейн имеет более жесткие рамки изложения. Наибольшую популярность в методике преподавания приобрел дидактический синквейн, который основывается на смысловой и синтаксической заданности каждой строчки.

Метод синквейнов позволяет ученикам формировать их способность резюмировать большое количество информации, кратко выражать свое мнение. Также следует отметить, что синквейны являются эффективным приемом для рефлексии, обобщения, синтеза информации и понятий.

- Дискуссия (от лат. *discussio* – рассмотрение, исследование) – это публичное обсуждение или свободный вербальный обмен знаниями, суждениями, идеями или мнениями по поводу какого-либо спорного вопроса, проблемы.

Дискуссию относят как к методам интерактивного обучения, так и к особым технологиям. В качестве метода дискуссия используется в других формах обучения: семинарских занятиях, социально-психологических тренингах, деловых играх, кейс-технологии. Будучи своеобразной технологией, дискуссия сама включает в себя другие методы и приемы: «мозговой штурм», анализ ситуаций, синектику и т. д.

При проведении дискуссии у школьников могут возникать альтернативные мнения, варианты решения проблемы, они учатся конструктивно критиковать, аргументировать свою точку зрения.

- Учебный проект – это интегративное дидактическое средство развития, обучения и воспитания, позволяющее вырабатывать и развивать специфические умения и навыки проектирования, а именно учить:

- проблематизации (рассмотрению проблемного поля и выделению подпроблем, формулированию ведущей проблемы и постановке задачи, вытекающей из этой проблемы);

- целеполаганию и планированию деятельности;

- самоанализу и рефлексии (самоанализу успешности и результативности решения проблемы проекта);

- презентации (самопредъявлению) хода своей деятельности и результатов;

- умению готовить материал для проведения презентации в наглядной форме, используя для этого специально подготовленный продукт проектирования;

- поиску нужной информации, вычленению и усвоению необходимого знания из информационного поля;

- практическому применению знаний, умений и навыков в различных, в том числе и нетиповых, ситуациях;

- выбору, освоению и использованию адекватной технологии изготовления продукта проектирования;

- проведению исследования (анализу, синтезу, выдвижению гипотезы, детализации и обобщению).

При использовании проектной деятельности важна организационная составляющая. На уроках с применением проектной деятельности учитель выступает в роли консультанта.

Обучающимися анализируются выступления, а также своя роль в процессе создания проекта. Этот этап особенно важен, так как ученики анализируют не только свои, но и чужие работы, учатся конструктивной критике, могут высказывать свои замечания и свои варианты работы. Школьники учатся самооцениванию и взаимооценке. Учителем подводятся итоги занятия, комментируются и оцениваются работы школьников, называя плюсы и минусы работы.

Проектная деятельность учит находить проблемную ситуацию, ставить цели и зависимые от нее задачи, способствует умению находить нужную информацию и т.д.

Таким образом, использование различных способов и средств в обучении существенно повышает уровень знаний по различным учебным предметам, в том числе и по истории. А также развивает познавательную и творческую активность школьников, тем самым способствуя формированию, развитию и сохранению глубокого познавательного интереса, необходимого как для дальнейшего профессионального образования, так и для формирования устойчивой жизненной позиции в целом.

Список источников и литературы

1. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: Психол. очерк. 3-е изд. М.: Просвещение, 1991. 93 с.

2. Кларин М. В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии. Рига: Эксперимент, 1995. 176 с.
3. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 3-е изд. М., 1972.
4. Короткова М. В. Методика проведения игр и дискуссий на уроках истории. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. 256 с. (Б-ка учителя истории).
5. Лук А. Н. Мышление и творчество. М.: Политиздат, 1976. 144 с. (Философ. б-чка для юношества).
6. Маклаков А. Г. Общая психология. СПб: Питер, 2001. 592 с.
7. Маркова А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте. М.: Просвещение, 1983. 96 с.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 1999. 720 с.
9. Современные способы активизации обучения / Т. С. Панина, Л. Н. Вавилова ; под ред. Т. С. Паниной. 4-е изд., стер. М.: Академия, 2008. 176 с.

ДЕЛОВАЯ ИГРА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Уразакова Гулайым Сериковна,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Современный подросток живет активной общественной жизнью, ему часто приходится совмещать различные социальные роли. Выполняя эти роли, школьник сталкивается повседневными задачами для решения, которых ему необходимо знание своих прав и обязанностей [6, с. 7]. Уроки обществознания в данном контексте могут помочь подростку приобрести практический опыт применения своих прав и обязанностей в условиях деловой игры.

Деловая игра – форма и метод обучения, в которой моделируются предметный и социальный аспекты содержания профессиональной деятельности. Деловая игра получило широкое распространение в школьном обучении, так как является активной формой обучения, способная поддерживать заинтересованность учащихся к предмету. Особенностью деловой игры является моделирование рабочей ситуации, приближенной к действительности при этом ставится проблема, которую необходимо решить. Между учащимися распределяются роли, ученики совместными усилиями должны прийти к решению проблемы. В деловой игре, взяв на себя ту или иную роль, участники игры вступают во взаимоотношения друг с другом, причем интересы их могут не совпадать. В результате создается конфликтная ситуация, которая сопровождается естественной эмоциональной напряженностью, что создает повышенный интерес к ходу игры. Участники могут показать не только профессиональные знания и умения, но и общую эрудированность, такие черты характера, как решительность, оперативность, коммуникабельность, активность, от которых нередко зависит исход игры.

Деловая игра как одна из форм обучения имеет следующие положительные моменты:

- развитие познавательного интереса учащихся к предмету;
- развитие творческих способностей школьников;
- закрепление знаний в ходе практической деятельности;
- активизация самостоятельной деятельности учащихся.

Педагог Р.А. Попова считает, что практикоориентированный характер деловой игры позволяет использовать данную форму при изучении тем, направленных на правовое сознание юных граждан. Именно с подросткового возраста, отмечает педагог, следует формировать активную гражданскую позицию подрастающего поколения. В этот период, как считает Г.А. Кузнецов, резко возрастает чувствительность к воздействиям со стороны социальной сферы. Для них очень важно признание со стороны окружающих, которое нередко подталкивает к совершению неразумных поступков [3, с. 18]. А.С. Макаренко рекомендовал учителям предупреждать противоправное поведение, а «не ожидать, пока ученик совершит тот или иной поступок, и тогда начинать его воспитывать» [4, с. 56]. Обобщив вышеизложенное, мы решили применять деловую игру на уроках обществознания.

В рамках 25-летия Астраханской думы был проведен урок «Я – гражданин России» по обществознанию в форме деловой игры, где ученики 8 класса МБОУ «Трехпротокской СОШ» исполнили роль депутатов Государственной думы. Основная цель урока была направлена на повышение правовой культуры и компетентности школьников, формирование активной гражданской позиции. Деловая игра проходила по следующим этапам:

1. Распределение ролей. Было представлено 4 фракции: Единая Россия, КПРФ, Справедливая Россия, ЛДПР. Ребятам путем жеребьевки необходимо было разбиться на группы [8].
2. Моделирование ситуации.
3. Работа в группах. Учащиеся от каждой фракции должны были предложить способы реализации законопроекта «Реализация досуга молодежи в АО» [2, с. 45].
4. Публичное выступление.
5. Работа с кейс-заданиями.
6. Подведение итогов.

В начале урока школьники совершили виртуальную экскурсию в Думу Астраханской области, просмотрев видеофильм об истории создания и развития Думы [7]. Затем была организовано заседание Государственной думы, где учащиеся обсудили предложенную тему. Каждая из партий представила свое видение законопроекта и его реализацию, обсудив все «плюсы» и «минусы» в дискуссии. На следующем этапе ребята получили кейс-задания, которые моделировали различные правовые ситуации [1, с. 78]. При решении кейсов ребята сумели применить свои

знания по предмету обществознание. Завершающим этапом стал анализ работы учеников на уроке и небольшое анкетирование.

В ходе деловой игры ребята проявили заинтересованность и активность, коммуникабельность, отстаивали свою точку зрения, задавали вопросы, использовали свои правовые знания в ходе решения проблемных задач. Групповая работа ребят была слажена и носила активный характер. Однако при решении кейсов возникали некоторые сложности связанные с правами гражданина РФ, но с остальными заданиями они справились успешно.

По итогам обсуждения урока с учащимися и анализа анкетирования, мы пришли к выводу, что ребятам понравился урок. 90 % учащихся ответили, что хотели бы чаще проводить уроки в виде деловой игры, серьезная подготовка занимает у них много времени, но данная форма урока представляется им более увлекательной. Школьники поняли, что они недостаточно ознакомлены с правами граждан РФ и в будущем в пожеланиях они высказались, что хотят повысить свой уровень правовой компетенции.

В ходе исследования было выявлено, что деловая игра является эффективным способом формирования правовой компетентности подростков, позволяющая ученикам примерить на себя роли различных граждан в различных ситуациях, тем самым помочь смоделировать правильное поведение в сложившемся проблемном вопросе. С помощью деловой игры можно разнообразить традиционный урок, используя интерактив, привлекая учеников самим искать ответы, обсуждать дискуссионные вопросы, давать школьникам право аргументировать свою точку зрения. Однако данная форма урока подойдет больше для старшеклассников, так как требует серьезной подготовки и опору на самостоятельную работу учащихся.

Список источников и литературы

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2008.
2. Григорьева Н. В. Молодежный досуг в условиях современного города // История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 44–47.
3. Кузнецов Г. А. Взаимодействие нравственного и правового воспитания в формировании личности старшего подростка. М., 1997.
4. Макаренко А. С. О своем учении. Соч. М.: АНН РСФСР, 1985. Т. 5.
5. Попова А. С. Сфера досуга молодежи в современном мире // Молодой ученый. 2014. № 11. С. 11–16.
6. Цветкова Г. Образ жизни россиян: динамика социальной инфраструктуры // Безопасность Евразии. 2002. № 1. С. 5–9.
7. Государственная дума Астраханской области. URL: <https://www.astroblduma.ru>.
8. Методические рекомендации к проведению парламентских уроков в образовательных учреждениях. URL: <https://www.kurganoblduma.ru>.

**ПЕРЕКРЁСТКИ ИСТОРИИ.
Актуальные проблемы исторической науки**

***Материалы
XV Международной научной конференции***

г. Астрахань, 26 апреля 2019 г.

Публикуются в авторской редакции

Техническое редактирование, вёрстка
С.Н. Лычагиной, Н. П. Туркиной

Заказ № 4036. Тираж 45 экз.
Уч.-изд. л. 26,5. Усл. печ. л. 37,1.

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
Тел. (8512) 24-64-95, 24-68-37
E-mail: asupress@yandex.ru